

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

C

Jewish
Cultural Reconstruction

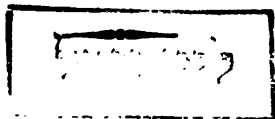
ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИЖКИ
ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

4681
УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Январь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау, Театральная площадь, 2.

1901.

A
KSF 458 ($\frac{1901}{1-3}$)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

60 * 2

Илья Григорьевичъ Оршанскій.

И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ *).

На мою долю выпала пріятная обязанность познакомиться васъ съ личностью покойнаго И. Г. Оршанскаго и его литературною дѣятельностью. Само собою разумѣется, что я постараюсь представить вашему вниманію лишь въ основныхъ, существенныхъ чертахъ его публицистическія воззрѣнія на еврейскій вопросъ и взгляды его по изслѣдованію русскаго законодательства о евреяхъ. Что же касается его дѣятельности по разработкѣ русскаго права, то, составляя предметъ спеціальнаго, она будетъ затронута въ той только мѣрѣ, въ какой она можетъ быть поставлена въ логическую связь съ его изслѣдованіями по еврейскому вопросу и самымъ методомъ изслѣдованій.

Итакъ, начнемъ съ характеристики личности Оршанскаго. Если мы обратимся къ свѣдѣніямъ, собраннымъ биографомъ его, очевидно, родственнымъ ему лицомъ, то мы въ нихъ найдемъ отвѣтъ на интересовавшій насъ всегда вопросъ: «чѣмъ объяснить то, что въ Оршанскомъ сосредоточились противоположныя другъ другу черты характера?» Отвѣтъ этотъ, какъ оказывается, заключается въ происхожденіи Оршанскаго отъ родителей, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ типамъ еврейской народности: къ типу Литовскому и Волинско-малорусскому.

Всѣмъ извѣстны рѣзкія характеристическія черты литовцевъ и волинцевъ: насколько первые замкнуты, необщительны,

*) Рѣчь, читанная 12 декабря 1900 г. въ торжественномъ засѣданіи общаго собранія Одесскаго отдѣленія общ. распр. просв. между евреями въ Россіи, гдѣ чествовали память И. Г. Оршанскаго.

трезвы, воспитаны на логическомъ мышленіи Талмуда, настолько вторые экспансивны, впечатлительны, жизнерадостны, общительны и больше живутъ чувствомъ, чѣмъ умомъ. Отъ отца Оршанскій заимствовалъ черты литовцевъ, отъ матери— черты волинцевъ.

Способность къ логическимъ построеніямъ, къ сближенію разностороннихъ матеріаловъ на основаніи общихъ, присущихъ имъ условій,—словомъ, весь складъ ума Оршанскаго—Литовскій. Эту склонность развиль въ немъ съ дѣтства дядя съ отцовской стороны, который долгое время былъ его учителемъ. Вліяніе дяди было въ такой степени сильно, что Оршанскій долго не могъ освободиться отъ него даже и тогда, когда вкушалъ уже плоды общечеловѣческаго образованія. Почти до самаго окончанія университета Оршанскій не переставалъ изучать Талмудъ и средневѣковую философію евреевъ.

Что касается характера Оршанскаго, то онъ съ самаго ранняго дѣтства уже обнаруживалъ замкнутость, обособленность отъ дѣтскаго міра, не любилъ играть съ дѣтьми и вообще имѣть съ ними какую-либо связь. Четырехъ лѣтъ отъ роду, противясь посѣщенію хедера, куда помѣстили его родители, Оршанскій угнетенно ставилъ имъ вопросъ: «на что мнѣ это?» Какъ видно, онъ лучше мирился съ уединенною, кабинетною наукою своего дяди, которая больше гармонировала съ его характеромъ, чѣмъ съ шумною жизнью хедера. Эту нелюбимость Оршанскій сохранилъ до окончанія университета, не любилъ бывать въ обществѣ, въ особенности же стѣснялся въ обществѣ дамъ, не заводилъ никакихъ товарищескихъ интимныхъ сношеній и жилъ особымъ, сосредоточеннымъ міромъ, дружилъ только съ книгами и тетрадками, въ которыя заносилъ интересныя выписки изъ разныхъ капитальныхъ сочиненій.

Несмотря однако на это, Оршанскій, при извѣстныхъ условіяхъ, не походилъ на себя. Надобно было видѣть его въ тѣсномъ кругу близкихъ людей или на семейныхъ вечерникахъ молодыхъ юристовъ. Тамъ Оршанскій становился душою

общества, тамъ всегда выступалъ на сцену его малорусскій, волинскій юморъ, подчасъ даже безпощадный. Остроты Оршанскаго приводили въ восторгъ всѣхъ слушателей. Обыкновенно Оршанскій, отпуская остроты надъ кѣмъ-либо, самъ заливался добродушнымъ, звонкимъ смѣхомъ, который заражалъ всѣхъ, — и когда товарищи, бесѣдовавшіе въ разныхъ углахъ, начинали сходиться на этотъ смѣхъ къ центру, Оршанскій уже стыдливо молчалъ, какъ будто не онъ виновникъ всеобщаго возбужденія. Видно было, что въ Оршанскомъ литовець не уживался съ волынцемъ; литовець въ немъ нѣкоторымъ образомъ даже стыдился волынца.

Въ такое-же смущеніе всегда приходилъ Оршанскій, когда въ присутствіи другихъ высказывали похвалу его таланту. Могу передать интересный фактъ о неожиданной пытке, которой подвергся Оршанскій въ редакціи «Новаго Времени» изданія Устрялова и Орнштейна. Въ этой газетѣ Оршанскій писалъ статьи о раскольникахъ. Эти статьи были намѣчены имъ еще при изслѣдованіи русскаго законодательства о евреяхъ, гдѣ онъ ставилъ яркую параллель между евреями и раскольниками. Конечно, статьи Оршанскаго о раскольникахъ обратили на себя всеобщее вниманіе, и ближе всѣхъ заинтересовались ими сами раскольники. Послѣдніе явились въ редакцію и просили представить ихъ тому автору, который съ такимъ знаніемъ дѣла, съ такою любовью защищаетъ ихъ интересы. Можете себѣ представить, въ какое великое смущеніе привелъ Оршанскаго этотъ эпизодъ, самъ по себѣ въ высшей степени характерный.

Живая и впечатлительная натура Оршанскаго въ особенности проявлялась среди людей, которые относились къ нему съ особою заботливостью, въ средѣ именно тѣхъ, коотрые вмѣстѣ съ нимъ жили, и предъ которыми ему нечего было стѣсняться. Въ этомъ тѣсномъ кружкѣ интимныхъ людей Оршанскій позволялъ себѣ и нѣжности, которыя свидѣтельствовали о его тонкой чувствительности. Въ эти минуты

въ немъ не было ничего скрытнаго, здѣсь онъ всею душою былъ чистокровнымъ волынцемъ.

И въ произведеніяхъ своихъ, которыя всегда почти отличаются строгою объективностью, Оршанскій иногда не сдерживаетъ своего внутренняго чувства. Это именно тамъ, гдѣ изслѣдуемый предметъ подвергался раньше непосредственному съ его стороны наблюденію, или гдѣ изучаемые имъ матеріалы оставляли въ душѣ такой глубокой слѣдъ, что изложеніе и оцѣнка ихъ не могли не быть запечатлѣны рѣзко выраженнымъ чувствомъ субъективности. Сюда относятся его статьи о погромахъ, и тѣ мѣста, въ которыхъ онъ касается дѣятельности польскихъ магнатовъ, вліявшихъ въ высшихъ сферахъ на законодательство о евреяхъ. Въ 1871 г. Оршанскій былъ свидѣтелемъ погрома, наводившаго панической страхъ на населеніе. Онъ долженъ былъ скрываться въ заднихъ комнатахъ редакціи «Дня» отъ камней, которые, пробивая стекла, попадали въ парадныя. Онъ также былъ однимъ изъ членовъ комитета, образовавшагося для изслѣдованія истинныхъ причинъ погрома, и обследовалъ свой участокъ съ тою добросовѣстностью, которая была присуща его характеру. Вотъ почему въ статьѣ о погромахъ къ логическому мышленію Оршанскаго прибавляется уже ѣдкость чувства и рѣзкое отношеніе съ современному русскому обществу. Точно такъ же онъ простить не могъ польскимъ магнатамъ того, что они, добравшись до высшихъ ступеней правительственныхъ сферъ, проводили строгія мѣры противъ евреевъ,—не могъ простить потому, что этими мѣрами они желали только отвести глаза отъ дѣйствительныхъ условій крѣпостническаго гнета, въ которомъ сами же были повинны, а затѣмъ фактически дѣйствовали противъ ими же созданныхъ мѣръ, съ цѣлью ослабить тяжелыя ихъ послѣдствія. И здѣсь Оршанскій не безъ сарказма изобличаетъ законодательныя приемы, противныя его нравственному чувству. Въ этихъ двухъ областяхъ сказывался Оршанскій—волынцемъ, со всею его восприимчивостью, впечатлительностью и юморомъ; во всѣхъ прочихъ изслѣдованіяхъ—

онъ былъ чистокровнымъ литовцемъ, вооруженнымъ трезвою разсудительностью и глубокимъ анализомъ, хотя какъ мы увидимъ послѣ, въ самой крайней объективности Оршанскаго, подъ самой идеей всегда скрывается искренняя любовь къ исследуемому предмету и жизненность возбуждаемаго ею интереса.

Оршанскій кромѣ того отличался необычайною скромностью, не любилъ дѣятельности публичной, для которой требуется нѣкотораго рода смѣлость, и принималъ не большое участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Единственное общество, интересамъ котораго онъ служилъ, это—наше отдѣленіе Общества распространенія просвѣщенія между евреями, гдѣ онъ состоялъ членомъ комитета и кромѣ того работалъ въ издававшейся подъ руководствомъ этого отдѣленія газетѣ «День». Къ адвокатурѣ онъ относился спокойно и холодно, хотя онъ находился въ Одессѣ въ самую горячую пору открытія новыхъ судебныхныхъ учрежденій, когда адвокатское сословіе готовилось съ увлеченіемъ къ лихорадочной дѣятельности. Оршанскій, по природѣ своей, не соотвѣтствовалъ условіямъ адвокатуры, которыя требуютъ отъ представителя ея постоянного посвященія времени чужимъ дѣламъ, въ большей части лишеннымъ живого, нравственнаго интереса. Этимъ объясняется то, что Оршанскій, обладая обширными юридическими познаніями и стоя выше не одною головою надъ своими товарищами, на поприщѣ адвокатуры не занималъ виднаго мѣста. Замѣчательно, что тотъ самый Оршанскій, который, какъ адвокатъ, мало привлекалъ къ себѣ вниманія судебныхныхъ мѣстъ, чрезъ нѣсколько всего лѣтъ приобрѣлъ широкую извѣстность, какъ русскій юристъ. Той самой палатѣ, которая раньше не придавала значенія незамѣтному въ ея глазахъ адвокату Оршанскому, чрезъ нѣсколько лѣтъ приходилось выслушивать изъ устъ заѣзжихъ петербургскихъ знаменитостей цитаты изъ научныхъ выводовъ авторитетнаго въ Россіи юриста—Оршанскаго.

Оршанскій зналъ себѣ цѣну, но никогда не показывалъ виду, что заслуживаетъ лучшей участи. Ему этого не позволялъ

строго выработанный нравственный характеръ. Оршанскій былъ до того цѣленъ, что онъ никогда въ жизни не поступился бы своею нравственностью въ пользу даже несоразмѣрно высокихъ жизненныхъ благъ. Когда, по окончаніи курса юридическихъ наукъ, Оршанскому предложили принять кафедру вмѣстѣ съ христіанствомъ, онъ не счелъ нужнымъ дать отвѣта. Что мы вѣрно оцѣниваемъ внутреннее содержаніе отношенія Оршанскаго къ сдѣланному ему предложенію, доказывается приведеннымъ его біографомъ письмомъ по поводу этого предложенія. Осенью 1868 г. Оршанскій въ концѣ письма своего сообщаетъ родителямъ о предложеніи въ такихъ выраженіяхъ: «мнѣ предложили здѣсь (т. е. въ Одессѣ) остаться при университетѣ для занятія кафедры, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы я принялъ христіанство. На-дняхъ я купилъ себѣ шубу».

Если мы обратимся къ тому, какъ Оршанскій провелъ свою жизнь, то просто жалость беретъ при сознаніи того, какъ могъ бы вырости его научный геній, если бы смерть не подкосила преждевременно его жизнь. По его литературной дѣятельности можно слѣдить за послѣдовательнымъ ходомъ развитія его научной мысли, можно видѣть, какъ она все болѣе совершенствуется и крѣпнеть, какъ она постепенно сама изъ себя открываетъ себѣ все болѣе и болѣе широкіе горизонты и, наконецъ, подымается на ту высоту, на которой она должна была достигнуть совершенной законченности въ философскомъ обобщеніи всего ею пройденнаго.

Подумайте только: Оршанскій началъ учиться, когда ему было 4 года. Въ теченіе шести лѣтъ онъ успѣлъ изучить все Пятикнижіе, успѣлъ познакомиться съ древне-еврейскою литературой, читалъ книги философскаго содержанія. Въ 10 лѣтъ Оршанскій приступилъ къ изученію Талмуда, и, когда ему было 15—16 лѣтъ, онъ такъ далеко ушелъ на этомъ поприщѣ, что ему духовные авторитеты пророчили великую будущность въ раввинскомъ мірѣ. Уже въ то время Оршанскій приучился къ записыванію въ тетради наиболѣе важныхъ мѣстъ изъ прочитаннаго имъ. Уже тогда онъ усвоилъ себѣ сравнительный

методъ изслѣдованія, примѣняя его къ филологіи Талмуда. Параллельно съ этимъ, начиная съ 10 лѣтъ, мальчикъ Оршанскій изучаетъ русскій, иностранные языки и общеобразовательные предметы, сначала самъ, а потомъ при помощи учителя. Съ достиженіемъ 16 лѣтъ Оршанскаго застигаетъ то властное движеніе, которое вызвано было реформами 60-тыхъ годовъ. Въ это время онъ мало-по-малу начинаетъ освобождать свою мысль отъ односторонности; его жизни общается новый толчокъ, и передъ нимъ открывается совершенно новый міръ. Оршанскій, хотя медленно, дѣлаетъ уступки новымъ воззрѣніямъ. Продолжая изучать Талмудъ и древне-еврейскую литературу, Оршанскій начинаетъ относиться къ нимъ критически. Новое вѣяніе увлекаетъ его на путь общечеловѣческаго научнаго развитія. Въ 1864 г., на 18-мъ году отъ рожденія, Оршанскій выдерживаетъ испытаніе на аттестатъ зрѣлости и поступаетъ въ Харьковъ на юридическій факультетъ; нѣсколько позже онъ переводится въ Новороссійскій университетъ въ Одессу, куда его манила болѣе просвѣщенная и прогрессировавшая еврейская община, въ средѣ которой возникли первые русско-еврейскіе органы печати. Во вторую половину 1869 г. Оршанскій уже начинаетъ свою литературную дѣятельность въ «Днѣ», въ 1871 г.—въ «Новомъ Времени» подъ редакціей Устрялова. Съ марта 1872 г. вслѣдствіе болѣзни уѣзжаетъ за границу и тамъ работаетъ до 1875 г. Въ этомъ году онъ возвращается въ Россію, гдѣ и умираетъ на своей родинѣ—въ Екатеринославѣ, оплакиваемый своими единовѣрцами и всею русскою печатью. Въ теченіе шести лѣтъ (1869—1875) Оршанскій неутомимо работалъ, и умственная его дѣятельность является прямо необычною по своей интенсивности. За шесть лѣтъ онъ написалъ: «Евреи въ Россіи», «Исторія русскаго законодательства о евреяхъ», «Изслѣдованія по русскому праву», «Изслѣдованія по семейственному и наследственному праву», «Изслѣдованія по русскому обычному праву», «Изслѣдованія по церковному праву», «Изслѣдованіе по народному и духовному суду» и массу публицистическихъ

статей въ русскихъ журналахъ, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе статьи о кустарной промышленности, о раскольникахъ и др. Просто нужно удивляться тому, какимъ образомъ физически изнуренный и хилый организмъ Оршанскаго, при постигшемъ его недугѣ, могъ вынести такую непрерывную умственную работу.

Такова была сила нравственной устойчивости и энергіи Оршанскаго, который, не покладая рукъ, всю свою жизнь работалъ какъ еврей—на пользу своихъ единовѣрцевъ, какъ человѣкъ и русскій гражданинъ—на пользу науки и русской юриспруденціи.

Въ чемъ же заключались его труды?

Чтобы выяснитъ предъ вами значеніе новаго направленія, которое принялъ еврейскій вопросъ со времени Оршанскаго, необходимо остановиться на ближайшемъ прошломъ. До появленія руско-еврейской журналистики въ лицѣ первыхъ органовъ ея «Разсвѣта» и «Сіона», издававшихся въ Одессѣ, еврейскій вопросъ отличался большимъ диллетанствомъ. Въ разсужденіяхъ за и противъ евреевъ чувствовалась одинаковая безпочвенность, все надобно было принимать на вѣру; естественно поэтому, что вѣрилъ каждый тому, чему вѣрить хотѣлось.

Первый органъ русскихъ евреевъ, одесскій «Разсвѣтъ», возникшій въ самое радужное для Россіи, а съ нею и для евреевъ, время, больше посвящалъ мѣста внутренней жизни евреевъ, чѣмъ вопросу объ ихъ экономически-правовомъ положеніи. Въ этомъ журналѣ отдѣлъ объ иностранныхъ евреяхъ велся съ большимъ талантомъ, чѣмъ отдѣлъ о русскихъ евреяхъ. Если попадались статьи объ экономически-правовомъ положеніи евреевъ, то онѣ отличались случайнымъ характеромъ. Журналъ этотъ, который отличался рѣдкою добросовѣстностью и дышалъ искреннею любовью къ евреямъ, не въ состояніи былъ стать твердою ногою на надлежащую почву. Все зависѣло отъ случая. И вотъ почему, когда подвернулось дѣло «Ципки Мендакъ», редакція такъ отдалась ему, что

ретьивая защита его положила конецъ самому существованію журнала.

Другой журналъ, тоже одесскій, «Сіонъ», издававшійся также въ началѣ 60-тыхъ годовъ, серьезнѣе и глубже взглянулъ на свою задачу. Въ немъ уже стали появляться статьи о правовомъ положеніи евреевъ. Въ немъ появились статьи, посвященныя отдѣльнымъ эпохамъ исторической жизни евреевъ. Но и здѣсь, какъ въ «Разсвѣтѣ», не было разработки современныхъ жгучихъ вопросовъ еврейства, и, за исключеніемъ талантливыхъ статей редактора Соловейчика по поводу виленскаго проекта о присоединеніи евреевъ къ волостямъ, всё появлявшіяся въ «Сіонѣ» статьи имѣли отдаленный историческій интересъ. «Сіонъ» также погибъ, когда онъ сталъ защищать евреевъ противъ украинофильскаго органа «Основа». «Сіонъ» и «Основа» предъ судомъ русской журналистики» и апелліація «Сіона» къ московскому «Дню», славянофильскому органу Аксакова, приблизили послѣдніе дни «Сіона».

Такимъ образомъ эти два честныхъ, неподкупныхъ, беспартійныхъ органа мало выяснили еврейскій вопросъ.

Оршанскій впервые начинаетъ изслѣдованіе еврейскаго вопроса съ опредѣленной программой, впервые приводитъ весь обширный матеріалъ его въ стройную систему. Приступая къ изслѣдованію столь сложнаго вопроса, Оршанскій появляется на литературномъ поприщѣ во всеоружіи знанія, съ полной подготовкой и съ тѣми научными приѣмами, которые сразу обезпечили ему значеніе силы компетентной и авторитетной.

Оршанскій первый ставитъ еврейскій вопросъ на экономическую почву; но это не значитъ, что онъ ставитъ экономическія условія выше человѣческихъ правъ. Нѣтъ, Оршанскій считаетъ прирожденныя человѣческія права неприкосновенными и во имя ихъ онъ ратуетъ, воставая всѣми силами души противъ тѣхъ ложныхъ принциповъ, которые выдвигаются на первый планъ съ цѣлью лишенія евреевъ именно этихъ человѣческихъ правъ.

Констатируя современное экономическое положеніе русскихъ евреевъ и отыскивая основаніе его въ условіяхъ переходной эпохи отъ средневѣковаго хозяйственнаго строя Россіи къ болѣе культурному, Оршанскій старается освѣтить дѣйствительный характеръ промышленной дѣятельности евреевъ, основываясь на обширномъ матеріалѣ, заимствованномъ у русскихъ статистиковъ и экономистовъ. Оршанскій выступаетъ противъ установившагося господствующаго воззрѣнія на еврейскую торговлю. Прибѣгая къ сравнительному методу, Оршанскій выдвигаетъ противъ монопольнаго характера русской торговли начало конкуренціи и быстроты оборота мелкихъ капиталовъ, характеризующее торговлю еврейскую; противъ неподвижности русской торговли—созданіе евреями центровъ для сбыта произведеній русскаго фабричнаго производства; противъ безжизненности и застоя русской торговли—созданіе евреями новыхъ отраслей промышленности, способствующихъ развитію сельскаго хозяйства, а также созданіе кредита, вносящаго большое оживленіе въ торговлю вообще.

Характеризуя отличительныя черты той и другой торговли и останавливаясь на одинаковости условій, присущихъ и еврейской торговлѣ въ чертѣ осѣдлости евреевъ, и русской—въ этой чертѣ, Оршанскій приходитъ къ заключенію, что они коренятся въ общихъ условіяхъ экономическаго быта Россіи. Для измѣненія этихъ условій, необходимо прибѣгнуть къ кореннымъ измѣненіямъ въ организаціи сельскаго кредита, податной системы, въ развитіи кредитныхъ и другихъ хозяйственныхъ ассоціацій, народной бережливости и народнаго просвѣщенія. Съ измѣненіемъ этихъ основныхъ сторонъ, всѣ неблагопріятныя условія торговли, вызываемыя современнымъ положеніемъ, сами по себѣ исчезнутъ, теряя подъ собою почву.

Отсюда другой неизбежный выводъ: если доказано, что общія характеристическія черты торговли являются результатомъ коренныхъ условій экономическаго и хозяйственнаго быта всей Россіи, независимо отъ отдѣльныхъ ея областей, то этимъ рушится увѣрившійся на предрасудкѣ взглядъ,

что характеръ еврейской торговли вызывается свойствами еврейской народности. Вместе съ тѣмъ очевидно и то, что, для искорененія дурныхъ сторонъ торговли, необходимо заняться измѣненіемъ въ корнѣ условій экономическаго быта, а не исправленіемъ народныхъ свойствъ евреевъ посредствомъ ограничительныхъ законовъ.

Ограничительная система русскаго законодательства о евреяхъ привела, между тѣмъ, къ тому, что въ жизни западно-русскихъ евреевъ замѣчаются всѣ симптомы пролетаріата: бездомность, скитальчество, выселеніе, плачевныя санитарныя условія, значительная смертность, упадокъ нравственности, недостатокъ платежныхъ средствъ, ничтожность заработка и доходности.

Для того, чтобы вывести евреевъ изъ этого крайне бѣдственнаго положенія, недостаточны, по мнѣнію Оршанскаго, паліативныя мѣры, въ родѣ эмиграціи, расширенія сферы либеральныхъ профессій и т. п. Эти мѣры могутъ облегчить положеніе лишь немногихъ классовъ еврейскаго населенія, но онѣ не коснутся радикальныхъ измѣненій въ экономическомъ бытѣ массъ. Единственною коренною мѣрою въ этомъ отношеніи Оршанскій считаетъ гражданскую равноправность евреевъ и прежде всего раскрытіе черты ихъ осѣдлости. Но эта черта является какъ бы закодированною для евреевъ. Расширенію ея препятствуютъ то религіозныя, то политическія, то экономическія соображенія.

Не стану васъ обременять доводами, приводимыми противъ всѣхъ сказанныхъ соображеній, которыя могутъ утомить ваше вниманіе, а приведу одинъ только историческій эпизодъ изъ царствованія Екатерины II. Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ, Екатерина II явилась въ Сенатъ, гдѣ, между прочимъ, на очереди стоялъ вопросъ о допущеніи евреевъ въ Россію. Только что совершенный Екатериною политическій переворотъ налагалъ на нее нѣкоторыя обязанности по отношенію къ духовенству и религіозному настроенію народа. Между тѣмъ, Сенатъ единогласно высказался за

допущеніе евреевъ въ Россію. Екатеринѣ II тутъ же докладывали знаменитую резолюцію Елизаветы Петровны: «Отъ враговъ Христовыхъ не желаемъ интересной прибыли», — и когда генераль-прокуроръ обратился къ государынѣ за ея рѣшеніемъ, она заявила желаніе, чтобы дѣло было отложено до другого времени. Затѣмъ, въ разсказѣ Екатерины II о своемъ царствованіи, она говоритъ: «такъ то нерѣдко случается, что недостаточно быть просвѣщенну, имѣть лучшія намѣренія и даже власть исполнять ихъ. И тѣмъ не менѣе умное поведеніе часто подвергается безразсуднымъ толкамъ».

И не только одна законодательная мѣра о расширеніи черты осѣдлости, но и другія мѣры, предпринятія правительствомъ за или противъ евреевъ, одинаково отличаются недостаточной обдуманностью и рѣзкимъ противорѣчіемъ требованіямъ жизни. Чтобы не утомлять вашего вниманія, я приведу только два примѣра.

Изучая вопросъ о приученіи евреевъ къ земледѣльческому труду, Оршанскій обращаетъ вниманіе на одну существенную сторону въ этомъ дѣлѣ, на которой до него никто и не думалъ останавливаться. Естественнѣе всего было бы думать, говорить Оршанскій, что евреи, какъ городскіе жители, склонные къ торговлѣ и ремесленной промышленности, перейдутъ къ земледѣлію въ тѣхъ центрахъ, въ которыхъ эти отрасли находятся въ упадкѣ вслѣдствіе усиленной конкуренціи и условій перепроизводства. Между тѣмъ поприщемъ для привитія земледѣлія набрали не западный край, въ которомъ еврей силою экономическихъ условій сами стали переходить къ земледѣлію, а край Новороссійскій. Развѣ нельзя было заранѣе предвидѣть, что въ этомъ краѣ съ непочатую еще почвою, съ тяжелыми условіями безводья, съ затруднительными средствами сообщенія и другими препятствіями, евреи бросятся на зарождающуюся на ихъ глазахъ промышленность, которая имѣла для нихъ столько привлекательныхъ сторонъ, что естественно должна была получить перевѣсъ надъ тяжелыми условіями земледѣлія.

Такимъ же характеромъ отличается положеніе 1804 г., которое установило выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень и вовсе не приводилось въ исполненіе вслѣдствіе рѣзкого противорѣчія съ дѣйствительными условіями экономическаго быта западнаго края. Это былъ тотъ самый злополучный законъ, который изданъ былъ благодаря вліянію польскихъ магнатовъ, попавшихъ въ составъ существовавшаго тогда еврейскаго комитета. Вопли, которые стали раздаваться изъ провинціи, изъ среды самихъ помѣщиковъ, вынудили правительство немедленно подвергнуть вопросъ пересмотру и убѣдиться въ полной несостоятельности законодательной мѣры. Но такъ какъ, съ одной стороны, было неловко отмѣнить законъ только что обнародованный въ первомъ общемъ положеніи о евреяхъ, а съ другой—самъ законъ въ такой степени противорѣчилъ жизненнымъ условіямъ, что не оставалось никакого сомнѣнія въ его непримѣнимости,—то изъ этого затрудненія рѣшили выйти такимъ образомъ, что велѣно смотрѣть на пребываніе евреевъ въ селахъ и деревняхъ сквозъ пальцы, и законъ такимъ образомъ оказался мертворожденнымъ.

Такимъ же характеромъ отличались и отличаются законы о запрещеніи евреямъ держать христіанскую прислугу, о поголовномъ выселеніи евреевъ изъ мѣстностей, въ которыхъ появляется жидовствующая ересь (нынѣ, впрочемъ, отмѣненный), законъ о землевладѣніи въ западномъ краѣ и другіе, которые принадлежатъ къ категоріи законовъ, не только не имѣющихъ корней въ жизни, но прямо противорѣчащихъ ея безусловнымъ требованіямъ.

Но мы считали бы этотъ очеркъ неполнымъ, если бы не ознакомили васъ съ интереснымъ возрѣніемъ Оршанскаго на стремленіе къ обрусенію евреевъ, къ сліянію ихъ съ кореннымъ населеніемъ, къ такъ называемой ассимиляціи.

Въ этомъ отношеніи, указывая на всеобщее признаніе необходимости объединенія всѣхъ народностей въ одно гармоническое цѣлое, въ одно государственное тѣло, Оршанскій, какъ всегда, и здѣсь останавливается на общей основной

мысли. По его мнѣнію, такое объединеніе невозможно при существованіи цѣлаго ряда законодательныхъ мѣръ, обособляющихъ евреевъ въ отдѣльныя сословныя группы съ особыми интересами, податными и хозяйственными. Тѣмъ болѣе еще это невозможно, что законы въ такой степени ограждаютъ различные институты права коренного населенія, что евреи, въ сферѣ огражденія своихъ сословныхъ интересовъ, интересовъ вѣры и семьи, являются совершенно изолированными.

При такомъ рѣзко выраженномъ направленіи законодательства, всѣ требованія, клонящіяся къ ассимиляціи, представляются немислимыми. Онъ прямо высказываетъ взглядъ, что только такое движеніе въ русскомъ законодательствѣ способно вызвать у евреевъ стремленіе къ ассимиляціи, которое будетъ отличаться не узко-національными, а общечеловѣческими мѣрами, не привитіемъ къ евреямъ русскаго духа, а удовлетвореніемъ ихъ матеріальнымъ и умственнымъ потребностямъ.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, Оршанскій признаетъ заслуживающими названія обрусительныхъ единственно тѣ законодательныя мѣры, которыя, не заключая въ себѣ ничего спеціально-русскаго, вносятъ въ жизнь высшія, общечеловѣческія начала: полное равенство гражданъ, создающее единство общественныхъ интересовъ, единство политическое. При такихъ условіяхъ процессъ ассимиляціи совершится самъ собою. Подъ ассимиляціей Оршанскій, такимъ образомъ, разумѣетъ внѣшнее сліяніе евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, внѣшнее объединеніе въ одно цѣльное политическое тѣло, а не духовное поглощеніе одной народности другой.

Уже изъ сказаннаго здѣсь видно, что Оршанскій считаетъ узко-національнымъ стремленіемъ привитіе евреямъ русскаго духа, а желаетъ объединенія въ духѣ общечеловѣческомъ. Но мысль его въ этомъ отношеніи становится еще яснѣе, когда онъ касается того же вопроса съ внутренней, духовной стороны.

Отстаивая самобытность всякой народности, Оршанскій говорить, что религія, семья, обычаи, нравы и общинный строй могутъ и должны свободно развиваться у cadaго элемента

населенія сообразно его собственнымъ наклонностямъ. Всѣ эти элементы народной жизни, по мнѣнію Оршанскаго, только одной своей стороною соприкасаются съ государственною жизнью, когда они затрогиваютъ ея интересы. Но безъ нарушенія этихъ интересовъ всякое стѣсненіе проявленій народнаго духа можетъ только помѣшать усвоенію евреями общечеловѣческаго образованія. Беря подъ свою защиту духовную литературу евреевъ, Оршанскій говоритъ, что она по своей пригодности и общеобразовательному характеру, ничуть не уступаетъ античной, греко-римской литературѣ. Если она уступаетъ послѣдней въ эстетическомъ отношеніи, то за то она превосходитъ ее въ содержаніи моральномъ, что гораздо важнѣе съ точки зрѣнія воспитательной. Эта мысль Оршанскаго въ настоящее время блестяще подтверждается замѣчательнымъ трудомъ Лацаруса «Этика талмуда». Точно такъ же съ выводами этого ученаго отчасти согласенъ взглядъ Оршанскаго на значеніе внѣшней обрядовой стороны религіи. Онъ находитъ, что безчисленное множество мелочныхъ предписаній, обычаевъ и обрядовъ, на каждомъ шагу опутывающихъ жизнь евреевъ, предстанетъ передъ нами въ совершенно иномъ свѣтѣ, когда обратимъ вниманіе на внутренніе ихъ мотивы, на глубокую и почти безпримѣрную привязанность евреевъ къ формамъ быта, выработаннымъ и выстраданнымъ подъ гнетомъ вѣковыхъ преслѣдованій. Будучи хорошо знакомымъ съ подлинными источниками еврейской вѣры и содержащимися въ нихъ просвѣтительными элементами, Оршанскій въ статьѣ своей о простонародныхъ пѣсняхъ русскихъ евреевъ иронически относится къ взгляду, что еврею суждено вскорѣ раствориться среди другихъ народностей и исчезнуть съ лица земли.

Изъ сказаннаго ясно, что Оршанскій подъ ассимиляціей разумѣлъ сліяніе административно-общественное подъ одною внѣшнею политическою формою, но никакъ не по внутреннему духу въ смыслѣ поглощенія другими или растворенія среди другихъ. Мы нѣсколько дольше останавливаемся на этомъ предметѣ собственно потому, что нѣкоторые позволяютъ себѣ

безъ всякой провѣрки, по самонадѣянности, смѣло печатно приписывать Оршанскому стремленіе къ такой ассимиляціи, которая создана болѣзненнымъ ихъ воображеніемъ. Оршанскій никогда не принадлежалъ къ тѣмъ, которые, загнавъ клинъ въ земной шаръ и ухватившись за него, воображаютъ, что онъ перестанетъ двигаться. Онъ не принадлежитъ также и къ тѣмъ, которые, обладая такимъ воображеніемъ, удаляютъ клинъ и вновь воображаютъ себя великими обновителями дальнѣйшаго движенія шара. Оршанскій зналъ, что и до и послѣ клина земной шаръ двигался и будетъ двигаться по неизмѣннымъ законамъ физики. Точно также онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что внутренній духъ народной жизни долженъ подвигаться впередъ по вѣчнымъ законамъ прогрессивнаго движенія всякой духовно-нравственной силы.

Переходя засимъ къ взглядамъ Оршанскаго на исторію русскаго законодательства о евреяхъ, мы должны обратить вниманіе на то, что, при разработкѣ и одѣлкѣ извѣстнаго матеріала, мысль Оршанскаго намѣчала болѣе общіе принципы, которые мало-по-малу созрѣвали у него на пути произведенныхъ изслѣдованій. Эти общіе принципы составляли затѣмъ предметъ соціального изслѣдованія и провѣрки.

Установивъ экономически-правовое положеніе евреевъ по современнымъ воззрѣніямъ законодательства, Оршанскій задался болѣе серьезнымъ вопросомъ о томъ, въ чемъ же заключаются истинные мотивы такого отношенія законодательства къ евреямъ? Для изслѣдованія этихъ мотивовъ, необходимо было раскрыть происхожденіе и преемственность законодательныхъ воззрѣній. Оршанскій принялъ на себя этотъ обширный трудъ и блестяще выполнилъ его, разобравъ обширнѣйшій историческій матеріалъ, который привелъ его къ слѣдующимъ основнымъ воззрѣніямъ:

Коренныхъ мотивовъ, вліявшихъ на русское законодательство о евреяхъ по изслѣдованію Оршанскаго, оказалось четыре: 1) принципъ религіозный; 2) принципъ защиты монопольной тенденціи христіанскаго бюргерства; 3) принципъ извлеченія

государственной пользы и 4) принципъ вреда, наносимаго евреями коренному населенію.

Всѣ эти принципы освѣщаются не только матеріаломъ изъ русской исторіи, но и цѣнными указаніями изъ исторіи западно-европейскихъ народовъ. Ознакомленіе съ этимъ трудомъ могло бы служить темой для отдѣльнаго чтенія, но въ настоящемъ собраніи ограничусь лишь немногими сторонами труда Оршанскаго, а именно указанными выше принципами.

Первый принципъ религіозной нетерпимости проходитъ по всей исторіи русскаго законодательства о евреяхъ, начиная съ уложенія 1649 г., въ которомъ установлена для евреевъ смертная казнь за соvrащеніе православныхъ въ еврейскую вѣру. Эта казнь примѣнялась еще въ 1736 г. При Елисаветѣ Петровнѣ велѣно пускать въ Россію только тѣхъ евреевъ, которые пожелаютъ принять православіе. Въ 1779 г. изгнанъ изъ академіи наукъ докторъ Саншесъ. При этомъ Разумовскій увѣдомилъ его, что государыня не разгнѣвалась на него за какой-либо проступокъ противъ нея или ея интересовъ; но она полагаетъ, что ея совѣсть не позволяетъ ей оставить въ своей академіи челоvѣка, который бросилъ знамя Христа и рѣшился сражаться подъ знаменемъ Мойсея и ветховавѣтныхъ пророковъ. Екатерина Великая также не согласилась на допущеніе евреевъ главнымъ образомъ изъ опасенія дѣйствовать противъ духовенства и религіознаго чувства народа. Въ царствованіе Александра I было основано общество Израильскихъ христіанъ, которые имѣли цѣлью душевное спасеніе евреевъ измѣненіемъ ихъ религіознаго быта.

Въ послѣдующее царствованіе былъ предпринятъ цѣлый рядъ систематическихъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью обращеніе евреевъ въ православіе. Открытое распространеніе сочиненія Темкина: «Путь очищенія къ показанію истинной вѣры»; выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень; строгія мѣры военной службы, давшія начало кантонистамъ; вся система народнаго образованія евреевъ; приказъ именовать субботниковъ жидовскою сектою съ цѣлью огласить, что они подлинно суть жиdy;

окрещеніе религіи євреевъ названіемъ «лжеученія»; причисленіе богомоденія євреевъ къ разряду «безчинствъ и безпорядковъ»; вознагражденіе за переходъ въ православіе; признаніе 14 лѣтняго возраста достаточно зрѣлымъ для перехода въ православіе безъ согласія родителей и т. д. и т. д.

Въ отношеніи семейнаго права конфессіональное начало дѣйствовало въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны—въ тѣхъ случаяхъ, когда семейный интересъ затрогиваетъ интересы господствующей церкви, начало это дѣйствовало безпощадно, а съ другой—во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда дѣло касается однихъ євреевъ—оно выражалась въ полнѣйшемъ равнодушіи къ опредѣленію этихъ правъ и предоставляло ихъ полнѣйшему произволу.

Другой принципъ игралъ большую роль въ западной Европѣ и проводился въ жизнь послѣ крестовыхъ походовъ, которые ознайомили христіанское общество съ торговыми интересами. Съ того времени правительство становится на сторону буржуазіи въ борьбѣ съ євреями, которые вытѣсняются изъ торговаго поприща.

То же самое происходило съ євреями въ Польшѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Известно, что, начиная съ XIV ст., євреи привлекались въ Польшу для развитія торговли и промышленности. Когда эта цѣль была достигнута, горожане-чужестранцы стали вытѣснять євреевъ изъ занятой ими позиціи, пользуясь привиллегіями Магдебургскаго права. И здѣсь польское и литовское правительство становится на сторону христіанскихъ промышленниковъ и ремесленниковъ, которые или прикрываются въ своихъ стремленіяхъ благородными мотивами, или съ полной откровенностью высказываютъ свои эгоистическія побужденія. Это стремленіе монополизировать въ свою пользу наиболѣе прибыльныя отрасли промышленности удержалось въ полной силѣ и съ присоединеніемъ польскихъ владѣній къ Россіи. Только въ царствованіе Екатерины съ обнародованіемъ положенія 1786 г. было сдѣлано указаніе, чтобы «не относиться на прежніе польскіе законы и установленія о различіи ихъ (євреевъ)

противъ христіанъ». При Александрѣ I, хотя и сдѣлана была попытка къ выселенію евреевъ изъ Кіева, но она не увѣнчалась успѣхомъ. Лишь въ слѣдующее царствованіе, когда произошелъ переворотъ во взглядѣ на евреевъ, вновь начинаютъ подыматься противъ евреевъ различные промышленники изъ христіанъ и даже каранмовъ. Результатомъ всѣхъ этихъ стремленій является возстановленіе въ силѣ старыхъ польскихъ законовъ объ ограниченіи евреевъ во многихъ мѣстностяхъ въ правахъ торговли и промысловъ, единственно съ цѣлью дать перевѣсъ господствовавшему духу монополіи, которому сильно мѣшала еврейская конкуренція.

Утилитарный принципъ дѣйствовалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на улучшеніе быта евреевъ. И въ Россіи этотъ принципъ имѣлъ вначалѣ средневѣковой характеръ, по которому государственная польза усматривалась въ присвоеніи казнь или городу имущества евреевъ. Такъ, Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ выселить евреевъ изъ Могилева, сдѣлавъ при этомъ распоряженіе, чтобы жидовскіе дворы отдать половину въ ратушу, а другую отобрать въ пользу казны. Лучшіе же три двора отвести въ пользу воеводы и приказныхъ людей. Но повиднѣ государственная польза принимается въ болѣе обширномъ смыслѣ. Несмотря на все пренебреженіе къ интересной прибыли отъ враговъ Христовыхъ, имъ каждый разъ разрѣшается переселеніе то въ одно, то въ другое мѣсто въ виду пользы государственной—въ Бѣлоруссію, въ Новороссійскій край, въ Таврическую область; въ особенности этотъ принципъ примѣняется въ царствованіе Александра I.

Замѣчательно, что даже въ царствованіе Николая I утилитарный принципъ широко примѣнялся, и облегченіе вліянія ограничительныхъ законовъ допускалось или по отношенію къ отдѣльнымъ категоріямъ лицъ, искусныхъ въ опредѣленной отрасли промышленности, или въ отношеніи отдѣльныхъ областей Россіи, гдѣ ощущался недостатокъ въ развитіи извѣстнаго промысла.

И въ царствованіе Александра II почти всѣ законы о рас-

ширенія правъ евреевъ основаны на этомъ же принципѣ извлеченія пользы отъ еврейскаго племени. Законодательные мотивы о предоставленіи права жительства по всей Россіи еврейскимъ ремесленникамъ по закону 1865 г. вполне освящаютъ приведенный принципъ.

Наконецъ, четвертый принципъ: нанесеніе евреями вреда коренному населенію также служитъ основаніемъ къ ограниченію правъ евреевъ, начиная отъ знаменитой записки Державина вплоть до нашихъ дней. Положеніе 1804 г., какъ мы видѣли, установило выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень; законъ 1823 г. объ ограниченіи евреевъ въ Бѣлоруссіи прямо мотивируется тѣмъ, что число ихъ еще болѣе умножилось въ селеніяхъ къ сугубому разоренію хлѣбопашества. Прибавимъ тяготящій надъ евреями законъ 3 мая 1882 г., въ законодательныхъ мотивахъ котораго открыто указывается на эксплоатацію коренного населенія.

Критическая оцѣнка этихъ мотивовъ сводится Оршанскимъ къ слѣдующимъ положеніямъ: По первому принципу о религиозной нетерпимости Оршанскій говоритъ, что въ Россіи нѣтъ свободы вѣры въ широкомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ свободы выбора религіи по убѣжденію cadaго и независимости правового положенія отъ религіи, а есть только свобода внѣшнихъ проявленій религиозныхъ убѣжденій, отъ которыхъ въ зависимость ставится правовое положеніе. Но, независимо отъ противорѣчія этой ограниченной свободы идеѣ безусловной свободы религиозной совѣсти, онъ сверхъ того, и въ этомъ своемъ видѣ, не можетъ мириться съ раціональными принципами, признанными нашимъ законодательствомъ въ другихъ отдѣлахъ права.

Второй принципъ находится въ противорѣчіи съ истинными интересами большинства населенія. Стоя за преобладаніе монополіи въ рукахъ меньшинства, состоящаго изъ отдѣльной категоріи производителей, этотъ принципъ устраняетъ конкуренцію другой категоріи такихъ же производителей, въ явный ущербъ громадному большинству потребителей.

Въ старое время такой порядокъ вещей гармонировалъ съ духомъ религіозныхъ понятій, но въ новѣйшее время должна получить перевѣсъ идея покровительства потребителямъ. Правительство должно вступить въ борьбу съ крѣпко укоренившейся въ обществѣ идеей монополіи и положить конецъ легальному стѣсненію свободы промысла.

Третій принципъ утилитарный и состоящій въ извлеченіи изъ еврейскаго племени пользы есть также принципъ средне-вѣковой, который приводитъ ко взгляду на евреевъ, какъ на вещь, пригодную для удовлетворенія чужихъ потребностей. Въ Россіи также законодательство стремилось къ извлеченію пользы отъ еврея или для казны или для государства вообще или для отдѣльныхъ группъ, которымъ услуги евреевъ могли пригодиться.

Этотъ принципъ противорѣчитъ своей собственной цѣли, ибо примѣненіе его къ жизни приноситъ не пользу, а вредъ. Здѣсь Оршанскій, въ подкрѣпленіе своей мысли, прибѣгаетъ къ теоріи Дарвина. Накопленныя лучшія качества, наиболѣе способныя къ борьбѣ за существованіе, совершенствуются путемъ наслѣдственности. Въ борьбѣ христіанъ и евреевъ смышленность послѣднихъ естественно усиливается, и дарованіе евреямъ за заслуги такихъ выгодъ, которыя другимъ въ то же время достаются даромъ, должны развить въ евреяхъ особую ловкость извлекать изъ всего пользу. Такимъ образомъ, путемъ долговременнаго упражненія еврей выработываютъ и совершенствуютъ въ себѣ условія, дѣлающія ихъ незамѣнимыми и дающія имъ перевѣсъ надъ другими. Но цѣль государства вовсе не должна заключаться въ выработкѣ въ одной группѣ населенія усовершенствованныхъ качествъ, затрудняющихъ борьбу съ нею другой группы того же населенія.

Что касается четвертаго принципа: охраны кореннаго населенія отъ вреда, наносимаго евреями, то этотъ принципъ, коренится въ ложномъ пониманіи основаній, изъ которыхъ вытекаютъ замѣчаемыя вредныя послѣдствія. Если поставить вмѣсто ложныхъ основаній настоящія, то сила удара должна

быть направлена не на евреевъ, а на общія условія экономического быта.

Покончивъ со взглядами Оршанскаго на еврейскій вопросъ и на мотивы русскаго законодательства о евреяхъ, мы должны въ нѣсколькихъ словахъ передать формулировку Оршанскимъ того, что остается желать русскому еврейству. Извѣстно, что Оршанскій въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій проводитъ одинъ основной взглядъ, что евреевъ, съ одной стороны, ограничиваютъ въ существенныхъ правахъ, а съ другой — предоставляютъ имъ въ сферѣ семьи и общиннаго строя широкую свободу, которая также ведетъ къ стѣсненію личности въ правовомъ, или моральномъ смыслѣ. При такомъ сознаніи положенія евреевъ Оршанскій выражаетъ свою вѣру о настоящихъ стремленіяхъ русскихъ евреевъ слѣдующимъ образомъ: «Какъ граждане, говоритъ Оршанскій, евреи заинтересованы въ томъ, чтобы начала, управляющія ходомъ нашей государственной и общественной жизни, были по возможности болѣе совершенны и разумны; но, какъ евреи, они должны добиваться равенства съ другими національностями и вѣроисповѣданіями. Въ этомъ отношеніи они не желаютъ никакихъ изъятій и привилегій, будь то *privilegia favorabilia*, или *privilegia odiosa*. Они одинаково возстаютъ какъ противъ ограничительныхъ законовъ, стѣсняющихъ въ самыхъ насущныхъ нуждахъ и правахъ человѣка, такъ и противъ той свободы религиознаго быта, которая даетъ просторъ суевѣрнымъ ученіямъ; противъ свободы народнаго образованія съ безобразными школами первоначальной грамоты, противъ свободы самоуправления съ гнетомъ общины надъ личностью; противъ свободы семейнаго быта со многими устарѣвшими и чрезвычайно стѣснительными явленіями; противъ свободы отъ наказанія за дѣянія, которыя у другихъ классовъ населенія признаются преступными». Такъ Оршанскій понималъ истинное стремленіе русскаго еврейства.

Такимъ образомъ Оршанскій закончилъ свои изслѣдованія по еврейскому вопросу раскрытіемъ общихъ принциповъ, легшихъ въ основаніе русскаго законодательства о евреяхъ. Но

тѣмъ самымъ, чѣмъ Оршанскій оканчиваетъ свои изслѣдованія по еврейскому вопросу, онъ начинаетъ свои изслѣдованія по русскому праву.

Намъ придется лишь указать вамъ на эту логическую связь въ пронаведеніяхъ Оршанскаго и въ самыхъ сжатыхъ чертахъ характеризовать его дѣятельность по разработкѣ русскаго права.

Въ своей замѣчательной статьѣ о значеніи и предѣлахъ свободы воли въ правѣ Оршанскій говоритъ, что въ наукѣ юриспруденціи все болѣе и болѣе получаетъ право гражданства мысль, что правовой порядокъ въ каждомъ обществѣ управляется не буквой писанныхъ законѣвъ, а извѣстной суммой идей, которыя только воплощаются въ законѣ и нормахъ юридической практики. Если раскрываются основные принципы, которые самымъ могущественнымъ образомъ вліяютъ на правовой бытъ, то дается радикальное средство для улучшенія всего объема гражданскаго права. Итакъ, та же самая идея, которая увлекала Оршанскаго при расчлененіи основныхъ принциповъ, руководившихъ русскимъ законодательствомъ о евреяхъ, увлекаетъ его также, но еще съ большею силою, въ разысканіи основныхъ принциповъ русскаго гражданскаго права. Это дѣлается Оршанскимъ не съ чисто теоретическою цѣлью, а съ заранѣе намѣченной цѣлью практической—указать радикальное средство къ улучшенію правового быта.

Этой основной своей идеѣ въ двухъ направленіяхъ, которыхъ никогда не отдѣлялъ другъ отъ друга, Оршанскій неуклонно слѣдовалъ во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ по русскому праву. Въ указанной выше статьѣ о предѣлахъ воли въ правѣ Оршанскій, на основаніи громаднаго матеріала, обнимающаго всѣ почти области права, развиваетъ мысль, что наше законодательство систематически проводитъ начало преобладанія индивидуальной воли надъ общественной. Идею Ласкаля, которая развивается въ его системѣ приобрѣтенныхъ правъ и касается эволюціи права въ исторической борьбѣ индивидуальной воли съ общественной, Оршанскій прекрасно

примѣнилъ къ сферѣ русскаго права, въ которой индивидуальный произволъ является господствующимъ въ уголовномъ, въ особенности въ семейномъ правѣ, въ противоположность иностраннымъ законодательствамъ, гдѣ этотъ произволъ все больше и больше подчиняется волѣ общественной. Практическій выводъ отсюда ясенъ: надобно положить конецъ господству этого произвола въ сферѣ гражданского права.

Въ другой статьѣ Оршанскій столь же талантливо обобщаетъ господствующую роль казеннаго интереса въ нашемъ правѣ и указываетъ на аномалію, произведенную судебными уставами. Подчинивъ одинаковому порядку судопроизводства и казенный и частный интересъ, законодательство однако оставило глубокое различіе въ матеріальномъ правѣ, опредѣляющемъ содержаніе того и другого интереса. Равный судъ, по мнѣнію Оршанскаго, немыслимъ безъ равнаго права для всѣхъ однородныхъ дѣлъ. Усвоивъ себѣ новыя рамки суда, мы забываемъ, говоритъ Оршанскій, болѣе важныя начала гражданского права, состоящія въ томъ, что права гражданина не могутъ зависѣть отъ удовлетворенія или нарушенія интересовъ фиска. Неизбѣжный выводъ отсюда тотъ, что для достиженія цѣли правосудія необходима не одна только реформа въ судопроизводствѣ, но и переработка самого содержанія матеріальнаго права.

Но я не исполнилъ бы своего долга, если бы не упомянулъ объ одномъ изъ самыхъ капитальныхъ изслѣдованій Оршанскаго по народному обычному праву. Когда въ правительственныхъ сферахъ заговорили о преобразованіи народнаго суда, нѣкоторые русскіе юристы того времени свысока взглянули на обычное право, относясь къ нему даже съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ. Одни находили, что оно не можетъ претендовать на какую либо систему; что оно не представляетъ собою матеріала для творческой дѣятельности въ области права; что въ безсвязныхъ обломкахъ народной памяти было бы безцѣльно отыскивать какіе либо принципы. Другіе находили, что крестьяне имѣютъ весьма смутное понятіе о правѣ собственности и извра-

ценное понятіе о семейныхъ отношеніяхъ. Словомъ, эти юристы требовали полной нивелировки въ нормахъ права самыхъ разнообразныхъ противорѣчащихъ другъ другу правовыхъ воззрѣній, съ одной стороны господствующихъ, цивилизованныхъ классовъ, а съ другой—самаго значительнаго класса, живущаго еще въ некультурныхъ бытовыхъ условіяхъ.

Оршанскій взялъ подъ свою защиту народное право, но для этого ему пришлось исполнить гигантскій трудъ изученія VII томовъ, изданныхъ комиссіей по преобразованію волостного суда, разные другіе источники и въ особенности народное обычное право другихъ государствъ. Этотъ громадный матеріалъ привелъ Оршанскаго къ совершенно противоположнымъ выводамъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ пришли эти юристы. Оршанскій, съ свойственнымъ ему методомъ сравнительнаго изученія, и въ обычномъ правѣ несомнѣнно установилъ общіе принципы, руководящія народнымъ воззрѣніемъ во всѣхъ областяхъ права, каковы начало труда и общей семейной собственности, легшіе въ основаніе всѣхъ сложившихся у крестьянъ правоотношеній. Оршанскій нашелъ, что народное право отличается болѣе послѣдовательною системою, чѣмъ официальное право; что оно оказываетъ на послѣднее извѣстное влияніе, несмотря на то, что бюрократическій судъ благоговѣетъ предъ официальнымъ правомъ, и что даже рѣшенія народнаго суда подчасъ отличаются большею матеріальною правдою, чѣмъ суда официального. Всѣ эти выводы аргументируются съ ясностью и глубиною мысли и подтверждаются матеріалами древняго обычнаго права другихъ народовъ. Оршанскій доказываетъ, что наше крестьянство, руководясь началами, выработанными одинаковыми бытовыми условіями жизни, самостоятельно, наравнѣ съ другими народами, творило право въ своей сферѣ. Практическій выводъ таковъ, что народный судъ съ обычнымъ правомъ долженъ быть признанъ законодательствомъ, и что необходимо только допустить улучшеніе податной системы и уничтожить круговую поруку, какъ условіе, вредно влияющее на правильное отправленіе народнаго правосудія.

Не буду касаться других исследований Оршанскаго, которые обнимают специальные вопросы права; укажу только на то, что во всех своих статьях Оршанскій настаивает на примѣненіи не буквы закона, а его духа, его логическаго смысла; у него выше всего стоитъ матеріальная правда, а не формализмъ въ правѣ; во всемъ онъ доискивается общихъ, основныхъ началъ и съ увлеченіемъ доказываетъ, что отрицать существованіе основныхъ началъ русскаго права значило бы признать абсурдъ, рѣшительно отвергаемый исторической наукой; значило бы признать, что вся историческая жизнь русскаго государства и проявленіе ея въ правѣ не имѣетъ никакого смысла, никакого опредѣленнаго характера.

И такъ, насколько я могъ, я постарался обрисовать вамъ цѣльную по духу и жизненную по увлеченію фигуру Оршанскаго. Вы видѣли, какъ онъ проникался извѣстной идеей, какъ онъ доискивался во всемъ общихъ, руководящихъ началъ; но, при всей теоретичности одушевляющихъ его идей, онъ никогда не упускалъ изъ виду впереди стоящей предъ нимъ жизни. Скажу еще болѣе: сама жизнь всегда и прежде всего даетъ толчокъ его идеѣ, которая возвращается обратно къ ней же. Вы видѣли, такимъ образомъ, что Оршанскій живетъ и мыслить, мыслить и живетъ. Въ этомъ основномъ направленіи Оршанскаго отъ жизни къ идеѣ и отъ идеи къ жизни, направленіи, проходящемъ по всей его литературной дѣятельности, вы узнаете теоретика-литовца и жизнерадостнаго волынца; вы узнаете не только нелюдимаго литовца, который вѣчно живетъ въ кабинетѣ съ своими идеями, но и общительнаго волынца, который въ своемъ кабинетѣ имѣетъ живое общеніе со всѣми—съ своими соплеменниками и со всѣмъ русскимъ народомъ. Какъ Оршанскій въ мертвой нормѣ казуистическаго свода русскихъ законовъ находилъ общіе основные принципы, которые въ нихъ несомнѣнно содержатся, но видимы только его обобщающему духу, такъ и въ его трудахъ, отличающихся холодной объективностью, я нашелъ душу живую и сильно бьющееся сердце, которое призываетъ къ

жизненной правдѣ во имя народнаго блага. О чемъ слѣдуетъ намъ жалѣть, это о томъ, что Оршанскій, будучи евреемъ, будучи русскимъ гражданиномъ, не успѣлъ, не по своей винѣ, конечно, сдѣлаться всечеловѣкомъ. Въ теченіе шести лѣтъ Оршанскій сдѣлалъ такъ много въ области еврейскаго вопроса и въ области русской научной юридической мысли, что не успѣлъ выполнить, по обыкновенію, уже намѣченныхъ имъ трудовъ съ болѣе общимъ, всечеловѣческимъ характеромъ. Такъ, имъ намѣченъ былъ трудъ объ историко-критическомъ изученіи духа іудаизма и трудъ о введеніи исторіи евреевъ въ систему позитивной социологіи, которые должны были приблизить отвлеченную науку іудаизма и исторію евреевъ къ наукѣ общечеловѣческой и общенсторической жизни другихъ народовъ. Такъ, Оршанскій намѣтилъ научную разработку философіи права, и такое выраженіе его философской мысли въ области права служило бы безъ сомнѣнія объединеніемъ всѣхъ философскихъ воззрѣній на систему права въ общечеловѣческомъ ея значеніи. Но, къ великому прискорбію нашему, преждевременная смерть не дала возможности Оршанскому во всей полнотѣ раскрыть величіе своей научной мощи. Объ этомъ остается только глубоко скорбѣть не только намъ, его единоплеменникамъ, но и всѣмъ другимъ, которые дорожатъ искреннимъ стремленіемъ къ уничтоженію розни и питаютъ глубокую вѣру въ объединеніе всего человѣчества на почвѣ права и справедливости.

М. Г. Моргулисъ.

Подъ грозой.

ОЧЕРКЪ.

Л. Шташера.

I.

- Ты не поѣдешь, Лейзеръ.
- Нѣтъ, Хане,—поѣду.
- Не поѣдешь.
- Поѣду.
- А я тебѣ говорю, что не поѣдешь.
- Отчего? Всю ночь укладывались и вотъ...
- Лейзеръ!

Ребъ Лейзеръ поцѣловалъ было уже два пальца, прикоснувшись ими предварительно къ притоикѣ, гдѣ были вдѣланы 10 заповѣдей, написанныя на пергаментѣ печатными буквами, и—остановился.

— Сама же ты вчера хотѣла, чтобъ я ѣхалъ, сама торопила,—недоумѣвалъ онъ вслухъ.

- Вчера хотѣла, а сегодня не хочу.
- Почему?
- Да такъ. Не хочу—вотъ и все.

Хане говорила какъ будто совершенно равнодушно, но въ то же время стала засучивать рукава своей блузы—не то они ей мѣшали, не то она намѣревалась вступить съ кѣмъ-то въ драку.

Ребъ Лейзеръ молчалъ. Ему очень хорошо знакомо было это движеніе жены: оно было предвѣстникомъ взрыва долго сдерживаемаго чувства—досады или негодованія. Ребъ Мендель Клагеръ, сидѣвшій тутъ же на стулѣ, подлѣ стойки, и бесѣдовавшій до сихъ поръ о чемъ-то съ Ханой, взглянулъ на растерянную фигуру ребъ Лейзера и тонко усмѣхнулся.

— Ничего не подѣлаешь,—сказалъ онъ многозначительно:— надо покориться...

— Какъ? И вы, вы, ребъ Мендель, думаете, что ѣхать мнѣ не слѣдуетъ?—несказанно удивился ребъ Лейзеръ.

— Я?!

Ребъ Мендель погладилъ свою рыжеватую, толстую, спутанную бороду, многозначительно пососалъ папироску и сплюнулъ въ сторону.

— Этого вамъ, ребъ Лейзеръ, ни одинъ пророкъ теперь не скажетъ,—загадочно улыбаясь, отвѣчалъ онъ:— можетъ быть, оно и какъ разъ кстати увезти теперь изъ магазина не только то, что вы тамъ нагрузили, но и все остальное... даже самый свѣжій товаръ...

Онъ бросилъ бѣглый взглядъ на телѣгу, нагруженную товаромъ, какъ добрый воякъ сѣна, скользнулъ глазами по опустѣвшимъ полкамъ магазина и сказалъ:

— Можетъ быть, лучше ѣхать, а можетъ быть, лучше не ѣхать. Не угадаешь...

— Погоди, Сруликъ,—махнулъ ребъ Лейзеръ рукою приказнику, парню лѣтъ восемнадцати, съ трудомъ удерживавшему лошадей, и подошелъ къ ребъ Менделю.

— Надо было еще передъ Пасхой ѣхать,—началъ онъ полупотомъ, нагнувшись къ нему:—знаете, вѣдь, нашихъ покупателей. Заѣдешь къ нему, покажешь товаръ, онъ соблазнится и купить. Къ намъ, въ Новоселковъ, за такой покупкой онъ ѣздить не станетъ...

Ребъ Мендель глубокомысленно слушалъ, затѣмъ обстоятельно потушилъ папироску и швырнулъ ее въ сторону; усѣлся поудобнѣе и погладилъ свою бороду.

— Но вы понимаете, ребъ Лейзеръ,—началъ онъ дипломатически,—что дѣло теперь совсѣмъ не въ этомъ. Кто теперь объ этомъ думаетъ? Вотъ я уже цѣлый часъ съ вашей Ханой совѣтуюсь, а все таки не знаю, какъ мнѣ быть съ моимъ погребомъ: пополнить-ли его, какъ обыкновенно дѣлаю, или же вывезти куда нибудь подальше и то вино, что тамъ еще осталось. Особенно безпокоить меня выморозокъ. Даже крестьяне знаютъ въ немъ толкъ: по три рубля за бутылку платять. Повезти этотъ выморозокъ въ Одессу—любой винный погребъ заберетъ все

по той же цѣнѣ да и отъ прочихъ моихъ винъ не откажется. А я вотъ не знаю, какъ быть: вести не рѣшаюсь—боюсь; оставить—тоже боюсь. Не угадаешь!

Ребъ Мендель глалъ. Давнымъ давно онъ, ни минуты не колеблясь, вывезъ бы въ Одессу и вино, и выморозокъ и, кажется, даже пейзаховую посуду и не сталъ бы совѣтоваться на этотъ счетъ ни съ Ханой, ни съ кѣмъ бы то ни было, еслибы не мѣшала жена его, Суре. Это была какая-то совершенно невозможная, вздорная баба, вѣчно противорѣчившая и другимъ, и самой себѣ. Вѣчно она пилила всѣхъ, а ребъ Мендела болѣе другихъ. Если онъ дѣлалъ чтонибудь и выходило нехорошо, она пилила и грызла его, почему не хорошо, если выходило хорошо, она пилила и грызла его, почему не лучше. Спорить съ нею рѣшительно невозможно было: у нея была какая-то своя собственная логика, противъ которой и самъ Соломонъ премудрый пассивалъ бы. Последніе дни она непрерывно грызла ребъ Менделя, почему онъ, въ виду неблагоприятныхъ слуховъ, ничего не предпринимаетъ на счетъ безопасности погребя и превратилась въ настоящую фурію, когда узнала, что Мендель рѣшилъ увести вино въ Одессу.

— Но тутъ никакого сравненія и быть не можетъ!—вскричалъ ребъ Лейзеръ:—подумайте только, ребъ Мендель. Вамъ приходится ѣхать такую даль и возить 12—15 бочекъ. Вамъ для этого 12—15 подводъ нужно. Это и дорого, и много хлопотъ, и не мало потерь, и всѣмъ въ глаза бросается. Мнѣ же лошади обходятся дешево—всего одинъ рубль въ день; кормъ, куда ни пріѣдешь, вездѣ даровой; дѣло всѣмъ извѣстное, привычное, никому въ глаза не бросается, и держусь я близко около дома. А не дай Богъ, въ случаѣ чего... я къ штундистамъ.

— А вѣдь, это планъ!—воскликнулъ ребъ Мендель:—жаль, что штундисты вина не пьютъ. Я бы имъ свой выморозокъ да и весь свой погребъ повезъ.

Ребъ Лейзеръ побѣдоносно взглянулъ на жену, которая все время слушала молча, облокотившись обѣими руками объ стойку, и въ то же время думала что-то про себя.

— Ну, значить, ѣду?—сказалъ онъ очень рѣшительно.

Хане вздохнула глубоко и выпрямилась.

— Нѣтъ, не ѣдешь,—проговорила она спокойно.

— Отчего?

— Да такъ. Не ѣдешь,—вотъ и все.

Она неслышно, какъ тѣнь, скользнула къ другому концу стойки, гдѣ все время стояла какая-то старуха до того неподвижно, что ее легко было принять за своеобразную статую, если бы минутами изъ груди ея не вырывался тяжелый, протяжный вздохъ.

— Что скажете хорошаго, Двосе?—спросила ее Хане.

Старуха заволновалась и, вмѣсто отвѣта, принялась развязывать какой-то большой узелъ, лежавшій передъ нею на стойкѣ.

Хане спокойно глядѣла, какъ Двосе съ лихорадочной поспѣшностью развязывала свой узелъ, пуская въ ходъ и черныя ногти иссохшихъ желтыхъ пальцевъ, и остатки перегнившихъ зубовъ, но вдругъ отскочила, какъ ошпаренная: изъ развязаннаго узла поднялся и повисъ въ воздухѣ цѣлый столбъ мелкаго пуху.

— Что это у васъ такое?—вскричала она.

— Подушки... всѣ мои подушки,—какимъ-то раздавленнымъ, дребезжащимъ, почти нечеловѣческимъ голосомъ произнесла Двосе:—больше у меня уже ничего нѣтъ...!

— Ну?

— Ну—ну...

Одно мгновеніе обѣ бабы глядѣли вопросительно одна на другую, наконецъ Хане нахмурилась.

— Ну?

— Ну—ну...

Двосе полагала, что сказала все, что нужно; но сейчасъ же спохватилась.

— Миѣ всего 5 рублей нужно,—пояснила она, видя, что Хане молчить:—мой Шмерель вотъ уже болѣе двухъ недѣль съ постели совсѣмъ не встаетъ. Фельдшеръ прописалъ ему рецептъ; три раза въ день по ложкѣ вина велѣлъ давать. А гдѣ я вина возьму, когда у насъ съ Ривкой вотъ уже сколько дней и ложки теплой воды во рту не было...

— Что же вашъ хейдеръ?

— Э, что хейдеръ!—съ презрѣніемъ отвѣчала Двосе:—этотъ хейдеръ—мое несчастье. Будь мой Шмерель сапожникомъ,

кузнецомъ, мы съ голоду не умирали бы. Что заработалъ, то и получилъ бы. А тутъ работаешь, работаешь, а платитъ никто и не думаетъ.

— А ваша Суре,—вмѣшался вдругъ ребѣ Мендель, шептавшійся все время о чемъ-то съ ребѣ Лейзеромъ:—она что же? Не помогаетъ?

— Не помогаетъ,—какъ эхо, отвѣчала Двосо и съ такимъ видомъ, точно ее кто то неожиданно обухомъ по головѣ стукнулъ.

— А говорятъ, она тамъ, въ Одессѣ, большія деньги зарабатываетъ...

— О-го!—вся въ шелкахъ, въ бархатахъ,—подхватила молодой человекъ, вертѣвшійся все время въ магазинѣ съ заложенными за спину руками.

— И ты, Хаимъ, это знаешь?—почему-то удивился ребѣ Мендель.

— Ну, вотъ еще!.. Кто же у насъ, въ Новоселковѣ, этого не знаетъ!

Морщинистое лицо старухи Двосо побагровѣло, и потухшіе глаза ея налились кровью.

— Ну, знаютъ!—вскричала она:—пусть знаютъ!.. А ты, Хаимъ, лучше заплатилъ бы, что слѣдуетъ съ тебя еще съ прошлаго полугодія.

— Это не я... не я... это моя Мирьямъ... пробормотала сконфуженный Хаимъ, пряча куда то глаза:—я не вмѣшиваюсь...

— А у тебя уже такой большой мальчикъ?—удивился ребѣ Мендель.

— Какой мальчикъ!... Вотъ такой ребенокъ,—оправдывался Хаимъ, показывая кончикъ указательнаго пальца:—всего ему четыре года минуло. Мы посылаемъ его въ хейдеръ такъ... Учиться ему еще рано; но дома онъ каждую минуту ѣсть проситъ, и мы поэтому посылаемъ его въ хейдеръ. Тамъ онъ съ дѣтьми играетъ и про ѣду забываетъ. Дастъ ему Мирьямъ утромъ кусокъ хлѣба; онъ уйдетъ въ хейдеръ, и цѣлый день сытъ...

Была, конечно, у этого Хаима и фамилія и даже очень благозвучная фамилія—Лойвъ. Но по фамиліи въ Новоселковѣ никого не называютъ. Для того же, чтобъ величать его «ребѣ» Хаимъ, онъ былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ мало ученъ,

чтобы говорить ему «вы»—слишкомъ бѣденъ, и потому всѣ обращались къ нему просто: «Ханмъ» или «ты».

Двосе молчала и какъ будто мысленно измѣряла всю глубину своего несчастья. Если бы ея красавица Суре умерла, она поплакала бы, погоревала и—забыла бы о ней. Но Суре жива. Она года три тому назадъ отправилась въ Одессу на службу въ домъ «хорошихъ господъ», въ качествѣ горничной, съ жалованьемъ въ 6 рублей въ мѣсяцъ, и—Боже мой—сколько радостныхъ надеждъ вызвалъ этотъ случай и у ребъ Шмереля, и у Двоси! Первый годъ они аккуратно получали письма каждый мѣсяцъ, изрѣдка даже подарки для младшей дочери, Ривки; были безконечно счастливы и строили на счетъ замужества Суры чрезвычайно заманчивые планы. Шутка-ли? Въ домѣ этихъ «хорошихъ господъ» валяется бездна такихъ юбокъ, кофтъ, шляпокъ, башмаковъ, какихъ на Новоселковскихъ дѣвушкахъ и въ праздничный день не увидишь. Хозяйка и ея дочери уже не носятъ этихъ юбокъ, кофтъ и проч.—изъ моды, видите-ли, вышли, и все это «добро», какъ пишетъ Суре, представляется въ ея полное распоряженіе въ видѣ подарковъ. На платья, на обувь ей, значить, все время службы ни копѣйки потратить не придется. Не мудрено, если она года за три службы соберетъ себѣ цѣлыхъ 200 рублей наличными деньгами и подберетъ себѣ очень богатый гардеробъ изъ «подарковъ». А тогда, при ея красотѣ—ой-ой какого жениха подцѣпить можно!

Но—къ несчастью, очень скоро случилось то, что сплошь да рядомъ случается съ беззащитными дѣвушками, попавшими невзначай изъ глуши въ большой городъ: смазливенькое личико Суры обратило на себя благосклонное вниманіе господскаго сына—студента, слѣдствіемъ чего явилось „интересное“ положеніе Суры и потеря мѣста. А годъ спустя ее уже стали встрѣчать въ сумеркахъ на тротуарахъ лучшихъ улицъ Одессы, а повно вечеромъ—въ лучшихъ кафе-шантанахъ. Домой она все таки продолжала письма писать, посылать подарки и сестрѣ, и матери, пока, наконецъ, тамъ не узнали правды. Тогда Двосе отослала Сурѣ всѣ подарки и приказала передать ей, чтобы она не смѣла больше считать ее, Двосю, матерью, а Шмереля — отцомъ. Двосе притворялась, будто она совсѣмъ не знаетъ о суще-

ствованіи дочери Суры, но въ душѣ ни на минуту ея не забывала.

Нѣсколько минутъ она стояла съ опущенной головой, затѣмъ опять устремила воспаленные глаза свои на Хану.

— Ну?

— Ну-ну.

— Дадите?

— Нѣтъ.

— Хоть три рубля дайте. Я такіе-же проценты дамъ, какъ и всѣ.

— Но я не даю совсѣмъ денегъ на проценты.

— Какъ же, милая Ханечке! вѣдь вы всѣмъ даете. Отчего же одна я такая несчастная, такая горемычная...

— Прежде давала, а теперь никому не даю и вамъ не дамъ, — перебила Хане и отвернулась.

— Скажи Срулику, чтобы съ товаромъ пока во дворъ вѣхалъ, кинула она небрежно мужу и подошла къ дѣвочкѣ лѣтъ четырнадцати, сидѣвшей съ какой-то ручной работой тутъ же, за стойкой, и наблюдавшей въ то же время за маленькой дѣвочкой, лѣтъ трехъ-четырехъ, которая играла подлѣ нея на полу.

— Рысечке, — сказала она нѣжно, глядя ее по пухленькой щечкѣ: — зачѣмъ тебѣ сидѣть здѣсь, въ этой духотѣ? Иди лучше на дворъ, да тамъ въ тѣни, на свѣжемъ воздухѣ съ Личкой посиди. За Товіемъ и Нахманомъ присмотри, чтобы со двора на улицу не бѣгали и не дрались съ уличными мальчишками, да заодно уже и за телѣгой съ товаромъ присмотришь. Ты, вѣдь, у меня умница...

Рысе все время пытливо глядѣла своими большими, черными глазами въ лицо матери, и видно было, что она дѣйствительно умница и хорошо понимала, что дѣло совсѣмъ не въ присмотрѣ за младшими братьями, которые ея и слушать не стануть, а въ томъ, чтобы присматривать за телѣгой съ товаромъ и смотрѣть, что называется, въ оба.

— А когда Гершъ придетъ изъ синагоги, — продолжала Хане, — ты скажи ему, чтобы не уходилъ больше, что я велѣла ему сегодня дома сидѣть.

Рысе молча встала, собрала свое рукодѣлье, взяла Лію за руку и вышла.

— За лошадыми пусть тамъ Гапка присмотритъ. Для Срулика и ядѣсь, въ магазинѣ, дѣло найдется,—кинула ей Хане въ догонку, и сама направилась къ маленькой, едва замѣтной двери, ведущей въ жилое помѣщеніе.

Хаимъ, вертѣвшійся все время въ магазинѣ, нагналъ ее и остановилъ.

— Ханечке, я не могъ занести вамъ вчера «недѣльное»,—шепнулъ онъ.

— Ну?

— Ну, я и забѣжалъ теперь въ магазинъ сказать вамъ, чтобы вы были вполне спокойны...

— Только? Ну, хорошо. Я спокойна,—шепнула Хане и вышла.

Двосо прекрасно понимала, о чемъ шепчутся Хане съ Хаимомъ, и растерянно озиралась кругомъ; вдругъ она какъ будто сообразила что-то, торопливо связала свой узелъ и выбѣжала изъ магазина.

II.

Ребъ Лейзеръ недоумѣвалъ. До сихъ поръ, правда, у него еще не было ни малѣйшей причины не довѣрять коммерческимъ соображеніямъ своей жены. Она никогда не дѣлилась съ нимъ своими планами и намѣреніями, всегда поступала по своему безъ объясненія мотивовъ, и всегда выходило хорошо. Но за то до сихъ поръ не случалось еще и такого запутаннаго стеченія обстоятельствъ, какъ теперь; вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду передъ большими годовыми праздниками пріѣзжаетъ коммивояжеръ; у него забираются товары, и ребъ Лейзеръ отправляется по окрестнымъ деревнямъ недѣли на двѣ. Расчетъ съ фабрикантами до сихъ поръ велся съ рѣдкой аккуратностью: съ тѣхъ поръ какъ Немировскіе расширили свою торговлю мануфактурными товарами и стали получать эти товары непосредственно изъ разныхъ фабрикъ, не случалось еще, чтобы по какому нибудь векселю не было уплачено въ срокъ. Теперь же въ виду всего, что происходило, ребъ Лейзеръ полагалъ бы, что лучше всего совсѣмъ не кредитоваться, тѣмъ болѣе, что оставшихся товаровъ съ осени и съ прошлой весны было еще предостаточно. А Хане хватала въ кредитъ въ пять разъ больше

обыкновеннаго и, казалось, не прочь была набрать и въ десять разъ больше, если бы только была увѣрена, что дадутъ, и она же откладываетъ обычное путешествіе. А между тѣмъ ровно черезъ двѣ недѣли, и именно 5 мая, наступитъ срокъ цѣлымъ тремъ векселямъ разомъ, и пріѣдетъ коми-вожатеръ...

Ребъ Мендель тоже недоумѣвалъ. О кредитѣ онъ, конечно, и понятія не имѣлъ: онъ велъ свои дѣла почти исключительно съ владѣльцами мелкихъ виноградниковъ, покупалъ ихъ издѣлія по дешевымъ цѣнамъ, но за то платилъ наличными деньгами. Весь погребокъ его «разнообразныхъ» винъ, стоившій ему 500—600 рублей, нельзя было бы купить и за 10 тысячъ рублей, если даже вычесть нѣсколько сотенъ бутылокъ выморозка его собственнаго издѣлія, дѣйствительно имѣвшаго, по мнѣнію знатоковъ, очень высокое достоинство: онъ зналъ секретъ, при помощи котораго издѣлія бѣдныхъ и не очень-то чистоплотныхъ молдаванъ превращались у него въ „натуральное“ крымское, и въ кавказское, и даже въ хересъ, и въ мадеру. Наличныхъ денегъ, конечно, никому теперь довѣрять нельзя; но съ ними и хлопотъ нѣтъ: нѣсколько сотенъ рублей, въ случаѣ чего, куда ни ткнешь—никакой чортъ не найдетъ. Но бочки съ виномъ да бутылки съ выморозкомъ,—съ ними-то куда дѣться?

Ребъ Лейзеръ и ребъ Мендель нѣкоторое время задумчиво молчали. Каждый изъ нихъ прекрасно зналъ и до тонкости понималъ положеніе другого; ребъ Мендель завидовалъ ребъ Лейзеру, мужу такой жены, какъ Хане, и у него теперь не хватало духа, для собственнаго утѣшенія, подтрунивать надъ нимъ, а ребъ Лейзеръ и не умѣлъ шутить, и изъ чувства деликатности не могъ бы шутить надъ ребъ Менделемъ. Оба поэтому недоумѣвали про себя и, какъ тонкіе дипломаты, говорили совсѣмъ о другомъ.

— А слышали вы новость?—спросилъ Хаимъ:—къ намъ, въ Новоселковъ, говорятъ, Островенскій раввинъ ѣдетъ.

— Ты откуда же это знаешь?—спросилъ ребъ Мендель такимъ тономъ, что, видно было, новость эта не была для него новостью.

— Говорять.

— Гм... А знаешь ты, о чемъ еще говорятъ?

Хаимъ презрительно махнулъ рукою.

— Э, мало-ли!..—произнесъ онъ съ удивительной беззаботностью.

— Ты, видно, нисколько не безпоишься,—усмѣхнулся и ребъ Лейзеръ.

— Ни капельки. Магазиновъ у меня пока еще нѣтъ, капиталовъ—тоже...

— Ну, да,—поддакнулъ ребъ Мендель:—не боится мокрый дождя, а голый—разбой.

— Ну, и другіе прочіе свои богатства тоже не отъ прадѣдовъ настѣдовали,—огрызнулся Хаимъ:—многіе богачи наши еще недавно не лучше моего жили. Дастъ Богъ, и мы когда нибудь не хуже другихъ заживемъ...

— Похоже... похоже,—усмѣхнулся ребъ Мендель, скользнувъ своими лукавыми глазками по растрескавшимся сапожищамъ Хаима:—начало уже есть. Вы, ребъ Лейзеръ, съ нимъ не шутите: онъ уже мѣсто для постройки куциль... Какъ же!

— Не смѣйтесь, не смѣйтесь, ребъ Мендель,—возразилъ Хаимъ, самъ широко ухмыляясь,—если мѣсто есть, то и строиться какъ нибудь съ Божьей помощью будемъ...

Онъ на ходу круто остановился, подставилъ доскуть папирсной бумаги и подмигнуть:

— Ха-арошую папирску табаку, ребъ Мендель...

Ребъ Мендель вынулъ порт-табакъ и положилъ двумя пальцами щепоть табаку на папирсную бумагу. Хаимъ бережно скрутилъ папирску, закурилъ и съ жадностью сталъ глотать дымъ. И, казалось, болѣе счастливаго, болѣе довольнаго своей судьбой человѣка, чѣмъ онъ, Хаимъ Лойзъ, въ эту минуту и на свѣтѣ не было.

Онъ хотѣлъ уже уйти, но вдругъ въ магазинъ вошли одинъ за другимъ ребъ Шулимъ-Беръ Котловеръ и ребъ Шмае Вирный.

Это были самые почтенные обыватели мѣстечка Новоселкова. Оба они были мелкіе, но для Новоселкова очень крупныя хлѣбопромышленники, имѣвшіе собственные хлѣбныя магазины, въ которыхъ собиралось иногда до двухъ тысячъ пудовъ пшеницы. Пшеницу они скупали у крестьянъ, у помѣщиковъ и у перекупщиковъ; часто ѣздили въ Одессу и считались людьми бывальными, свѣдущими и поэтому имѣли не малый вѣсъ и зна-

ченіе въ глазахъ своихъ согражданъ. Ихъ вмѣстѣ съ ребѣ Менделемъ избирали на всѣ почетныя общественныя должности; они распредѣляли суммы коробочнаго сбора и завѣдывали всѣми общественными дѣлами новоселковской общины. Ребѣ Лейзера тоже избирали, но, во избѣжаніе всякихъ нареканій, онъ упорно уклонялся отъ общественныхъ дѣлъ.

Вошедшіе стали рассказывать на перебой самыя свѣжія новости. Хаимъ этими новостями мало интересовался, однако любопытство взяло свое, и онъ остановился послушать.

«Новости» эти передавались уже сотни разъ, и каждый разъ казались все болѣе и болѣе новыми и неутѣшительными. Много казалось страннымъ, многое было прямо непонятно; каждый излагалъ свои собственныя соображенія; возражали другъ другу, спорили и, какъ водится въ такихъ случаяхъ, свѣялись другъ надъ другомъ. Во время этихъ споровъ появился и казенный раввинъ Хинькисъ.

Это былъ молодой человекъ, лѣтъ тридцати, средняго роста, въ свѣжемъ крахмальномъ бѣльѣ, въ свѣжемъ костюмѣ изъ желтой парусины и въ вычищенныхъ, хотя сильно запыленныхъ, ботинкахъ.

Казеннымъ или общественнымъ раввиномъ въ Новоселковѣ онъ былъ всего первый годъ. До него долгое время губернскимъ раввиномъ былъ нѣкій Гершъ Слонимъ, такой же простой человекъ, какъ и всѣ новоселковцы. Это былъ просто губернский пьяница. Никакого жалованья ему не платили и ни съ какими потребностями никто къ нему не обращался, а самъ онъ, часто даже безъ всякаго приглашенія, являлся на свадьбы, и на родины, и на похороны; заносилъ въ свою замусленную тетрадку это важное событіе, чтобы потомъ дома записать въ соответствующую метрическую книгу, усердно выпивалъ и закусывалъ и довольствовался тѣмъ гонораромъ, какой кто всучить ему въ руку.

Но вотъ новоселковцы рѣшили, что и имъ пора обзавестись не простымъ, а «штудированнымъ» казеннымъ раввиномъ. Хинькисъ кстати былъ подъ руками: онъ жилъ здѣсь уже года два и занимался частными уроками. Гдѣ и чему онъ учился, никто съ достовѣрностью сказать не могъ. Одни увѣряли, будто онъ «всѣ классы» прошелъ, другіе—что онъ въ какомъ-то

институтъ былъ; достовѣрно было только то, что онъ—«штудированный» человекъ, потому что щегольски одѣвался и, кромѣ того, еще и «на газетахъ» пописывалъ. На свадьбы и на родины новый раввинъ ни къ кому не ходилъ, а всё за разными надобностями обращались къ нему, и хотя изъ общественныхъ суммъ ему платили 300 рублей въ годъ жалованья, но видъ у него былъ такой внушительный, что меньше полтинника за «трудъ» никто давать не рѣшался.

Въ магазинъ ребъ Лейзера Хинькисъ завернулъ, какъ въ клубъ, идя изъ почтовой конторы. Въ послѣднемъ номерѣ газеты, который онъ получилъ и тамъ же, въ почтовой конторѣ, прочиталъ, были между прочимъ нѣкоторыя подробности изъ событій въ Шаргородѣ. Это взволновало его такъ, что онъ чувствовалъ сильную потребность подѣлиться съ кѣмъ нибудь своими впечатлѣнiями.

— А! Пане рабинеръ!—привѣтствовали его всё разомъ:—вы, вѣрно, что нибудь новое узнали?

— Да, узналъ,—преважно отвѣчалъ Хинькисъ и вынулъ изъ бокового кармана газету.

Ребъ Мендель всталъ, потому что единственный стулъ, имѣвшійся здѣсь, надо было предоставить въ распоряженiе «пана рабинера». Онъ усѣлся, развернулъ газету и началъ читать.

Легко себѣ представить, съ какимъ вниманiемъ всё слушали, тѣсно обступивши Хинькиса. Ребъ Шмае Вирный, не довѣряя своему слуховому аппарату, даже и бороду свою ткнулъ въ газету, не смотря на то, что онъ еле-еле читалъ по складамъ, и что Хинькисъ отъ такого близкаго сосѣдства сильно морщился. Всѣ волновались, возмущались и все какъ будто ждали, что еще дальше будетъ. Но дальше ничего уже не было, и когда «панъ рабинеръ» Хинькисъ кончилъ читать, то оказалось, что всё они въ сущности узнали не больше, чѣмъ имъ и раньше извѣстно было.

— Что же Израиль Марковичъ?—спросилъ ребъ Мендель:—онъ вѣдь нашъ еврейскiй защитникъ.

— Вамъ, пане рабинеръ, онъ навѣрное говорилъ, что онъ намѣренъ дѣлать?—присталъ къ Хинькису ребъ Лейзеръ.

Хинькисъ почувствовалъ себя очень неловко отъ этихъ прямыхъ вопросовъ, а еще больше отъ вопросительныхъ взгля-

довъ, устремленныхъ на него. Онъ хотѣлъ прихвастнуть, солгать и—не зная, какъ это сдѣлать; но и признаться, что Израиль Марковичъ совсѣмъ не снисходилъ до бесѣды съ нимъ, Хинькисъ тоже не могъ.

— Говорилъ... разумѣется, говорилъ... пробормоталъ онъ.

— Что же, что онъ говорилъ?— допытывались всѣ.

— Онъ скавалъ, что скоро будутъ приняты мѣры...

— Мѣры? Какія же мѣры? Гдѣ онѣ будутъ приняты?

— Да вездѣ, гдѣ это нужно будетъ...

— Отчего же до сихъ поръ нигдѣ никакихъ мѣръ не принимаютъ?—спросилъ ребъ Шмае Вирный:—мало насъ до сихъ поръ разоряли?

— Ну, нельзя же такъ... вдругъ... Но Израиль Марковичъ дѣлаетъ много. Онъ въ Петербургѣ хлопоталъ; потомъ онъ у нашего губернатора былъ и на дняхъ опять къ нему ѣдетъ...

Всѣ съ жадностью слушали вранье Хинькиса, и всѣ чувствовали, что онъ вретъ; но всѣмъ такъ хотѣлось вѣрить, что ктонибудь можетъ отвести грозу, что почти повѣрили.

III.

Весна въ томъ году была ранняя. Еще послѣдніе ручейки талаго снѣга не успѣли унести свои мутныя воды въ широко разлившійся Днѣстръ, а уже всюду съ неудержимой силой пробивалась изъ-земли нѣжная трава и постепенно заткала всю волнистую, безбрежную степь бархатно-зеленымъ ковромъ. Распустившіяся на кустахъ и деревьяхъ почки, послѣ небольшого дождика, превратились въ листки, и въ началѣ апрѣля весна была уже въ полномъ расцвѣтѣ.

Почувствовала-ли Хане какую-нибудь перемену въ воздухѣ, когда она выбралась наконецъ изъ душныхъ, грязныхъ и зловонныхъ переулковъ мѣстечка и очутилась среди садовъ и огородовъ,—сказать трудно: она была такъ же задумчива и шла такъ же торопливо, какъ раньше, когда она пробиралась сквозь цѣлый лабиринтъ узенькихъ переулковъ, гдѣ были разбросаны безъ всякаго плана и порядка одинокія, деревянныя, покосившіяся на бокъ избышки. Ни чистый весенній воздухъ, ни волшебнаго прекраснаго вида обновляющейся природы, повидимому, не интересовали ее. Она быстро прошла улицу, прошмыгнула

въ ворота просторнаго, безукоризненно чистаго двора и оставилась въ нерѣшительности: дворъ былъ совершенно пустъ, а пара огромныхъ, черныхъ собакъ, лежавшихъ передъ крыльцомъ, очень недружелюбно заворчали.

— А что, Хане, скажешь?—раздалось вдругъ изъ-за плетня. Хане круто обернулась и сквозь расцвѣтшіе кусты сирени увидѣла какую-то странную фигуру въ волосяной маскѣ; но по голосу она тотчасъ же узнала отца Андрея.

— По-опли вонъ, ка-аторжны!—крикнулъ онъ на псовъ и, снявши съ лица маску, подошелъ къ Ханѣ.

Отецъ Андрей, кажись, никого на свѣтѣ не любилъ такъ страстно, какъ любилъ пчелъ, — разумѣется, кромѣ своихъ трехъ хлопцевъ и одной дивчины, какъ самъ онъ выражался. Но «хлопцы» да «дивчина» что? Когда ихъ увидишь? Одинъ «хлопецъ»—прокуроръ N—скаго окружнаго суда, другой «хлопецъ»—судебный слѣдователь, третій «хлопецъ»—профессоръ въ T—скомъ университетѣ, а «дивчина» — замужемъ за инженеромъ, занимающимъ видный постъ въ министерствѣ путей сообщенія. Разъ въ кои то вѣки наѣзжаютъ всѣ на одинъ денекъ, накурятъ, напумаютъ и разъѣдутся, а пчелы все время тутъ, подъ бокомъ. Ихъ можно видѣть и утромъ, и вечеромъ, и когда захочешъ. Скверно только то, что «каторжны» пчелы платятъ отцу Андрею за любовь черной неблагодарностью. Старый—престарый Титъ и днюетъ, и ночуетъ въ пасѣкѣ и—ничего: пчелы съ нимъ прокрасно уживаются; забредетъ на пасѣку коренастый, неповоротливый, какъ быкъ, Михалко и—тоже ничего: не трогаютъ его пчелы, хотя старый Титъ и увѣряетъ, что Михалко дразнить пчелъ. А завернетъ на пасѣку отецъ Андрей, и какой-бы ласково-осторожный видъ онъ ни принималъ, а непременно кончится тѣмъ, что какая нибудь пчела да ужалитъ его. Отецъ Андрей тогда крѣпко сердится и бѣжитъ къ матушкѣ.

— Бери себѣ, Марѣа Ивановна, своихъ пчелъ до бисоваго батька!—кричитъ онъ:—не нужно мнѣ совсѣмъ твоихъ пчелъ! Пусть передохнутъ!

Марѣа Ивановна привыкла уже къ такимъ сценамъ и молчать.

— И на что мнѣ твои пчелы!—волнуется батюшка:—нужны

онъ мнѣ? Не проживу, что-ли, безъ нихъ? Добромъ тебѣ, Марea Ивановна, говорю: убери своихъ пчелъ! Отдай ихъ лучше, кому хочешь, не то возьму полѣнно и перебью тебѣ всѣ ульи... Такъ-таки нарочно возьму да перебью.

Марea Ивановна молчитъ, а батюшка волнуется часъ-другой и все удивляется, какъ это глупые люди съ такимъ, съ позволенія сказать, паскудствомъ, какъ пчелы, возятся. А тамъ—смотришь—онъ уже опять въ саду будто за тѣмъ, чтобы подчистить деревья и, незамѣтно для самого себя, опять оказывается на пасѣбѣ.

— Ка-аторжны пчелы! Жалатся, небойсь!..

Но такъ какъ «каторжны» пчелы все таки не унимались, то отецъ Андрей догадался наконецъ защитить отъ нихъ лицо маской, а руки—перчатками.

— Если ты за деньгами, сказала онъ, входя вслѣдъ за Ханой въ комнату,—то напрасно потрудилась. Ни гроша у меня теперь нѣтъ.

— Я не за деньгами,—отвѣчала Хане и, не снявши платка, закрывавшаго почти всю ея фигуру, сѣла на указанное ей мѣсто.

Отецъ Андрей, самъ того не подозрѣвая, былъ для Ханы настоящій кладъ. Разъ, лѣтъ пять до описываемой эпохи, Хане въ поискахъ за кредитомъ, между прочимъ, набрела и на отца Андрея. Но оказалось, что батюшка денегъ въ ростъ не даетъ по принципу, а кладетъ свои сбереженія въ государственный банкъ. Все, что онъ могъ сдѣлать для Ханы, которая умѣла просить, это дать ей взаймы на короткое время—на мѣсяцъ, на два—двѣсти-триста рублей безъ процентовъ.

Это-то Ханѣ только и нужно было. Никогда она на большіе сроки для своихъ коммерческихъ оборотовъ денегъ не брала и съ тѣхъ поръ частенько стала заглядывать къ батюшкѣ. Отецъ Андрей и не подозрѣвалъ, что тѣ самыя сто-двѣсти рублей, которые лежали бы у него въ комодѣ безъ всякой пользы, до отсылки ихъ въ банкъ, приносятъ громадную пользу Ханѣ, и упорно отказывался не только отъ всякихъ процентовъ, но и отъ разныхъ подарковъ. Попробовала Хане такимъ же образомъ одолжаться у аптекаря, поляка Лебединскаго и—закачалась: она перехватила у него какъ-то разъ сто рублей всего на

двѣ недѣли, и онъ, лысый чортъ, явившись къ ней въ магазинъ за какой-то ничтожной покупкой, «прихватилъ» цѣлую дюжину платковъ, стоившую не меньше 5 рублей за «одолженіе» безъ процентовъ. Занимать, если приспичить, она все таки занимала деньги у пана Лебединскаго, но одолжаться она уже боялась, а предпочитала платить «коммерческіе» проценты, т. е. 3⁰/₀ въ мѣсяцъ съ рубля.

— Вы, батюшка, уже продали пшеницу?—спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— А что?—въ свою очередь спросилъ батюшка—ты, можетъ, купить хочешь?

— Нѣтъ, батюшка. Этимъ, вы знаете, я не занимаюсь.

Отецъ Андрей присѣлъ и подперъ голову рукою.

— Гм... Чѣмъ только ты не занимаешься!—произнесъ онъ какъ бы про себя. — Я вотъ и подумалъ, ужъ не скупаешь-ли, часомъ, и хлѣбъ.

— Нѣтъ; я только такъ спросила.

— А... такъ... Ну, я уже продалъ.

— Вашъ амбаръ, значить, теперь пустъ...

— Ну?

— Я хочу нанять его у васъ. Я хорошую цѣну дамъ.

— Нанять?!—несказанно удивился отецъ Андрей:—а я куда же со своимъ хлѣбомъ дѣнусь?

— Да вы же, батюшка, продали свой хлѣбъ.

— Продать-то продалъ, а вотъ, Богъ дастъ, новый будетъ.

— А я, батюшка, хочу нанять у васъ амбаръ именно только до жатвы.

Отецъ Андрей какъ будто сразу смекнулъ что-то и лукаво усмѣхнулся.

— Лавочка у меня маленькая... начала Хане послѣ минутнаго молчанія.

— Э-ге, маленькая... ввернулъ отецъ Андрей.

— Ну, да, небольшая,—продолжала Хане:—сами, батюшка, знаете, какое мое помѣщеніе, а тутъ еще новый товаръ прибылъ...

— Еще новый товаръ прибылъ,—усмѣхнулся отецъ Андрей:—а что у тебя тамъ, подъ платкомъ? Тоже, небось, новый товаръ? А ну-ка, покажи.

Хане вынула из-под платка довольно объемистый узелъ, бережно положила на столъ и развязала. Оказалось, что тутъ было столовое серебро и разныя золотыя и серебряныя вещи.

— Это что же? Новый товаръ?—спросилъ отецъ Андрей.

— Нѣтъ,—простоудушно отвѣчала Хане:—Я хочу просить васъ, батюшка, принять это на храненіе.

— То-то-же!.. Ты бы, Хане, не лукавила, а лучше прямо сказала. Только вотъ не понимаю, зачѣмъ тебѣ мой амбаръ. Для этихъ вещей амбара не нужно.

— Конечно, не нуженъ. Но амбаръ нуженъ мнѣ для другихъ вещей.

— А!.. Ну, объ этомъ ты лучше уже съ матушкой потолкуй.

Онъ поднялся съ мѣста, вставилъ голову въ окно и кликнулъ жену.

— Вотъ тебѣ арендаторша,—усмѣхнулся онъ, кивнувъ въ сторону Ханы.

Мареа Ивановна поглядѣла вопросительно то на отца Андрея, то на Хану, стоя у порога, и—ничего не поняла.

— Боятся, видишь-ли, Хане, чтобъ и ее часомъ не пообщипали,—пояснилъ отецъ Андрей:—вотъ она и хочетъ припрятать что получше изъ своей лавки и для этого нанимаетъ у тебя амбаръ. А вотъ это, кивнувъ онъ на серебро, разложенное на столѣ,—она отдаетъ тебѣ на храненіе. Поняла?

— Но это ты напрасно... продолжалъ онъ серьезно, обращаясь къ Ханѣ:—у насъ того не будетъ. У насъ люди смиренныя, Бога боятся...

— Да, я, батюшка, не боюсь... Я...

— Ра-азсказывай!—перебилъ отецъ Андрей и зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Мареа Ивановна вытерла руки передникомъ, поправила платокъ на головѣ и присѣла къ столу. Очевидно было, что она все еще не понимала, въ чемъ дѣло. Это, очевидно, было уже не то, что одолжать деньги и изрѣдка, втайнѣ отъ батюшки, получать незначительныя подарочки якобы для внуковъ, и Ханѣ пришлось пускаться въ объясненія. Отецъ Андрей продолжалъ расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и чуть замѣтно улыбался. Очевидно было, что онъ потѣшался надъ бабами.

— Ну, довольно лукавить! — разсмѣялся онъ наконецъ.—Ты, Хане, слушай, что я тебѣ скажу: денегъ твоихъ мнѣ не нужно. На что мнѣ деньги? Ни мои хлопцы, ни моя дивчина во мнѣ не нуждаются; мы съ попадѣей—дѣдъ да баба. Много намъ не нужно. Я и хлѣбъ сѣю, и пасѣнкой занимаюсь только по привычкѣ, чтобъ безъ дѣла не сидѣть, и амбара, значить, въ наймы тебѣ не отдамъ. Но можешь положить туда все, что хочешь, если только не краденное, и держать тамъ, пока амбаръ мнѣ самому не понадобится. Тогда не прогнѣвайся: выброшу все хоть прямо на улицу. А на счетъ платы ты лучше съ Михалкомъ поговори. Ему, если хочешь, заплати. Онъ—добрый сторожъ, да собаки наши вора близко не подпустятъ.

— А серебро?—спросила Хане.

— Да ужъ спрячемъ и это, коли ты уже такъ боишься.

Онъ присѣлъ къ столу, и принялся составлять опись.

— Это зачѣмъ же?..—проговорила Хане:—не надо совсѣмъ никакихъ описей...

— А ты не лукавь!—осадила ее батюшка, почувявъ фальшь.

— Увѣряю васъ, батюшка! — искренно вскричала Хане: — я вамъ и безъ этихъ описей вѣрю.

— Ты-то, можетъ, и вѣришь,—возразилъ отецъ Андрей, не прерывая своего занятія:— да я не вѣрю. Мы съ матушкой и умереть можемъ...

Онъ составилъ опись въ двухъ экземплярахъ и прочиталъ вслухъ.

— Вѣрно?—спросилъ онъ.

— Вѣрно,—отвѣчала Хане.

— Возьми же ты одну цидулку,—сказалъ отецъ Андрей, вручая Ханѣ одинъ экземпляръ описи и росписку въ принятіи на храненіе серебра:—а другая цидулка при сихъ причинахъ останется.

IV.

Была-ли Хане особенно довольна удачнымъ исполненіемъ задуманнаго ею плана, совѣсть-ли ее мучила,—только обратный путь она выбрала другой и, путаясь между узенькими переулками, какъ бы ненарокомъ стала приближаться къ жилищу Двоя.

«Жилище» это еще издали давало о себѣ знать: шумъ смѣшанныхъ дѣтскихъ голосовъ, покрываемый густыми звуками голосовъ мужскихъ, давалъ знать, что тутъ гдѣ-то, среди согнувшихся и покосившихся на бокъ лачужекъ, съ прогнившими, заросшими мхомъ крышами, ютится то самое «учебное заведеніе», которое играетъ фатальную роль въ жизни евреевъ.

«Учебное заведеніе» предстало, наконецъ, предъ глазами Ханы во всей своей красѣ: передъ полуразвалившейся хижиной бѣгали, шныряли по всѣмъ направленіямъ, или сидѣли грибами на землѣ дѣти обоого пола въ возрастѣ между четырьмя и восемью годами. Въ самой школѣ, дверь которой вела прямо на улицу и по случаю теплой погоды, была раскрыта настежь, «работали», обливаясь потомъ, два помощника. Одинъ—огромный верзила, съ ввалившейся грудью, изможденнымъ, зеленоватымъ лицомъ,—помѣщался у одного стола и, держа въ одной рукѣ указку, а въ другой—плетку, всѣми фибрами своего существа старался ввѣдрить «науку» въ головку маленькаго, худенькаго существа. Верзила, очевидно, былъ въ экстазѣ и, тыкая указкой по строкамъ растерзаннаго и до-нельзя замусленнаго молитвенника, тянулъ нараспѣвъ разбитымъ, дребезжащимъ голосомъ: «ой-ой-ой, съ э...этимъ и надъ э...этимъ — что? Хойломъ!» — раздается пискъ мальчика. «Такъ!» — на распѣвъ баситъ верзила: — «помни же: Хойломъ! Кричи-же: Хойломъ, Хойломъ! Говори-же: Хойломъ!» Въ то же самое время у сосѣдняго стола другой помощникъ, помоложе, такой же истощенный, такимъ же способомъ ввѣдряетъ «науку» въ головку другого пятилѣтняго существа.

Но бываетъ и такъ, что, вмѣсто «Хойломъ», ребенокъ кричитъ вдругъ не своимъ голосомъ «ой-ой!» Но такое недоразумѣніе происходитъ только тогда, когда плетка ментора гуляетъ по его спинѣ, или же когда менторъ находитъ болѣе удобнымъ замѣнить плетку собственными пальцами, ухвативши ими щечку или иныя мягкія частицы маленькаго тѣльца.

Лѣтомъ и осенью, когда погода сухая и теплая, дверь школы стоитъ обыкновенно раскрытой настежь, и отбывшія «науку» дѣти могутъ выходить на улицу. Зимой же и вообще въ ненастную погоду дѣти цѣлый день заперты въ избѣ.

Хане прошла школу, вошла въ слѣдующую конурку и —

остановилась, какъ вкопанная: въ этой конурѣ безъ дверей и съ единственнымъ маленькимъ, загаженнымъ мухами и пылью окошечкомъ, стояла страшная духота. Изъ полутьмы вырисовывались двѣ деревянныя койки; на одной и лежалъ тотъ самый засаленный уваль, который Двосе носила въ магазинъ. На другой койкѣ изъ подъ ватнаго одѣяла выглядывала голова, будто вытѣпленная изъ воска и покрытая наклей. Между койками, у окна, стоялъ еще и сундукъ. Одну секунду посмотрѣла она на это изможденное лицо и вернулась въ школу.

Это былъ самъ учитель, ребѣ Шмерель. Онъ былъ боленъ, — это несомнѣнно. Но если бы спросили опытнаго врача, чѣмъ собственно боленъ ребѣ Шмерель, то, изслѣдовавши всѣ органы его, онъ долженъ былъ бы признаться, что ребѣ Шмерель собственно ничѣмъ не боленъ, но что у него замѣчается лишь полное истощеніе силъ и—только.

— Гдѣ Двосе?—спросила Хане.

— Ушла,—отвѣтилъ младшій помощникъ.

— Куда?

— На кладбище ушла! — гаркнулъ старшій помощникъ: — если живые не помогаютъ, то, можетъ быть, хоть мертвые помогутъ...

— Что же? Никто изъ нихъ не платитъ?—кинула Хане на дѣтей.

Старшій помощникъ съ отчаяніемъ рукой махнулъ.

— Ку-уда! — произнесъ онъ:—еще за зиму никто изъ нихъ не уплатилъ, а лѣто только начинается... Дармоѣды—вотъ и все.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что Двосе, обѣгавши почти все мѣстечко, вѣ себя отъ отчаянія, схватила Рывку за руку и потащила ее за собою.

— Пойдемъ... пойдемъ на кладбище!—кричала она задыхаясь:—будемъ просить нашихъ предковъ, чтобы они за насъ помолились; они ближе къ Богу.

Ханѣ жутко стало. Она давно знала, что тутъ обучаются все больше дѣти бѣднѣйшихъ родителей. Они общаются четыре, три рубля за полгода, и если не все, то хоть часть этой платы отдають. На дѣлѣ же родители всѣхъ этихъ дѣтей, какъ и Хань, отдавали своихъ дѣтей въ хейдеръ, чтобы они дома не шалили и вѣсть каждую минуту не просили. Что же де

уговора о платѣ, то всякій считалъ для себя обязательнымъ кормить одну недѣлю помощника. Самому же ребѣ-Шмерелю предоставляли кормиться и платить по 10 рублей въ полгода жалованья помощникамъ чѣмъ и какъ знаетъ

Хане переминалась съ ноги на ногу, не вынимая изъ кармана руки, въ которой зажала трехрублевую бумажку, и не знала, какъ ей быть. Она уже готова была передать деньги кому нибудь изъ помощниковъ, какъ въ школу вошли Двосе съ Рывкой.

— Вотъ я вамъ теперь три рубля могу дать взаймы,—сказала Хане, протягивая Двосе бумажку:—нарочно пришла...

Двосе остолбенѣла. Оба помощника тоже вытаращили глаза, точно желали убѣдиться, деньги-ли это въ самомъ дѣлѣ или нѣтъ.

Безпредѣльное отчаяніе Двоси смѣнилось вдругъ такою же безпредѣльною радостью. Одна Рывке оставалась безучастной.

— Видишь, дурочка! — воскликнула Двосе, обращаясь къ дочери, стоявшей неподвижно среди комнаты: — говорила я тебѣ... а? Говорила!..

Рывке не шевельнулась и молчала. Изможденное, желтое личико ея не оживлялось. Она какъ будто ничего не сознавала, и блуждала застывшими глазами въ пространство. Зато Двосе усердствовала за троихъ и насулила Ханѣ столько благъ, что и десятой доли хватило бы на добрыхъ евреекъ всего міра.

V.

Домой Хане вернулась часа въ четыре пополудни, т. е. какъ разъ въ то самое время, когда она ежедневно изъ торговки и дѣловаго человѣка превращалась въ добрую хозяйку дома, заботливую мать, старательную экономку, а если нужно было, то и въ кухарку.

Постороннихъ въ магазинѣ теперь не было ни души; но Хане все таки не сказала ни слова мужу, смотрѣвшему на нее во всё глаза, и прошла въ комнаты.

Жилое помѣщеніе состояло изъ двухъ комнатъ, кухни и двухъ чулановъ и всѣми своими окнами и дверями выходило во дворъ, обнесенный высокимъ заборомъ. Одна комната, меньшая, перегороденная еще ширмами, служила спальней, а другая, бѣльшая, изображала собою и кабинетъ, и залъ, и столовую, а по ночамъ—и спальню. Комнаты эти были очень про-

сторонъ, но повернуться всетаки негдѣ было: столы, стулья, кровати, скамейки, шкафы, кушетки, комоды, не хитро и не затѣйливо сработанные мѣстными мастерами, загромождали обѣ комнаты, а лубочныя картины, изображавшія различныя сцены изъ Библіи, большое зеркало, въ которомъ все виднѣлось въ туманѣ, да разнообразная, хорошо вычищенная и блестящая мѣдная посуда, нагроможденная на шкафахъ почти до самаго потолка, составляли все украшеніе этого жилища.

Въ кухнѣ распоряжалась самовластно старуха Фейге, а въ чуланахъ—Гапка, молодая, лѣтъ тридцати, солдатка. Тутъ, на полкахъ, были разставлены въ строжайшемъ порядкѣ кувшины съ коровьимъ молокомъ отдѣльно и съ козьимъ молокомъ тоже отдѣльно, посуда съ творогомъ, масломъ, сметаной. Тутъ-же, среди разныхъ бочекъ, ушатовъ, кадокъ и мѣшковъ съ разнообразной провизіей, ютилось и ложе Гапки—деревянная койка, на которой лежалъ твердый, какъ булыжникъ, сѣнникъ.

Несмотря на то, что и Фейге, и Гапка служили съ незапамятныхъ временъ въ домѣ ребѣ Лейзера и не только прекрасно знали свое дѣло, но и работали весьма усердно,—въ домѣ ежедневно до четырехъ часовъ пополудни царилъ какой-то хаосъ. А появлялась Хане,—и все сразу принимало иной видъ. Становилось какъ-то просторнѣе и тише. Это значило, что оба бахура, Товій и Нахманъ, почували, что мама дома, и переворачивать все вверхъ дномъ — рисковано, а приказчикъ Срудикъ, вѣчно воевавшій съ Гапкой, при появленіи хозяйки моментально принималъ смиренный видъ и старался поскорѣе удрать.

И Товій, и Нахманъ принадлежали къ тѣмъ рѣдкимъ счастливымъ, которые не знакомы съ хейдеромъ: къ нимъ учитель приходилъ на домъ и внѣдрялъ «науку» посредствомъ одной только указки. Съ плеткой и въ особенности съ цѣпкими пальцами учителя они совершенно не были знакомы, потому что учителю приходилось «работать» на глазахъ Рыси и въ особенности на глазахъ старухи Фейги. Никому эти два бахура съ здоровыми, цвѣтущими лицами не допекали такъ цѣлый день, какъ Фейгѣ. Она ихъ проклинала всевозможными и даже невозможными проклятiями, гонялась за ними и съ кочергой, и съ ухватомъ; грозила, что „все“ извѣстно будетъ учи-

тею, который вотъ придетъ и уже задасть имъ баню. А когда появлялся учитель, парень лѣтъ двадцати, она первая же теряла всякое спокойствіе и начинала убажывать его всячески. Перво-на-перво она торопливо накрывала уголь стола бѣлой салфеткой—хотя и не ослѣпительной бѣлизны, и приглашала ребе совершить омовеніе рукъ, зная, что у ментора „ненасытное горло“ и что отъ ѣды онъ никогда не откажется. Затѣмъ, когда ребе принимался наконецъ за «дѣло», Фейге поминутно заглядываетъ въ комнату, кажется, готова была выцарапать ему глаза, если онъ только вдумаетъ во время занятій прибѣгать къ тѣмъ «пособіямъ», которыя считаются неизбѣжными въ начальномъ хейдерѣ. Съ Ханой же шутки плохи: какъ только она дома, ни одна шалость мальчикамъ даромъ не пройдетъ, и сама Фейге, какъ ни хитрить, а спасти «разбойниковъ» отъ наказанія не можетъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ Хане вернулась домой, а уже не было ни одного уголка, куда бы она не заглянула. Она побывала въ обоихъ чуланахъ и успѣла убѣдиться, что тамъ все въ порядкѣ; заглянула въ печку и узнала, сколько тамъ горшковъ, что именно варится въ каждомъ изъ нихъ, что будетъ недоварено или переварено, а чтобы не случилось ни того, ни другого, схватила ухватъ и въ одно мгновеніе сбѣжала перестановку горшковъ. Мимоходомъ она сквозь раскрытыя окна замѣтила, что ея распоряженіе исполнено въ точности: посреди двора стояла нагруженная товаромъ телега; лошади были запряжены, но разнузданы и, лѣниво пофыркивая, перебирали губами лежавшую на землѣ охапку сѣна. На заваленкѣ, въ тѣни, сидѣла Рысе, углубленная въ вышиванье какого-то очень затѣйливаго узора, а оба мальчика, ввязавшись за руки такъ, что образовали изъ нихъ скамеечку, носили по двору Лию, и всѣ трое заливались тѣмъ звонкимъ, беззабѣтно счастливымъ смѣхомъ, какой вылетаетъ только изъ груди здоровыхъ, незнакомыхъ съ нуждой дѣтей. Одного только Герша нигдѣ не видно было; но Хане совѣмъ забыла, что она приказала ему оставаться сегодня дома, и вспомнила объ этомъ только тогда, когда въ комнату вошелъ Шлойме-Залменъ.

Этотъ Шлойме-Залменъ—желанный гость въ каждомъ домѣ, гдѣ есть взрослые дѣти, человекъ, котораго всѣ любятъ, но

никто не уважаетъ и потому его просто зовутъ Шлойме-Залмень, а не *ребѣ* Шлойме-Залмень. А не уважаютъ его потому, что онъ не можетъ сказать двухъ словъ, чтобы на третьемъ не солгать. Но въ этомъ не онъ виноватъ, а его профессія: онъ не журналистъ и даже не газетный репортеръ, а—сватъ.

Хане не ждала Шлойме-Залмена. Она и вообще-то не думала еще о женитьбѣ сына, которому шель всего восемнадцатый годъ, а въ такое тяжелое время она и подавно думать не могла; но появленіе Шлойме-Залмена напомнило ей о прежнемъ распоряженіи.

— Рысе!—окликнула она дочь, высунувшись изъ окна:— гдѣ Гершъ?

— Не знаю, мама,—отвѣтила Рысе, не поднимая головы отъ увора:—я все время тутъ сидѣла и совсѣмъ его не видала.

— Вашего Герша намъ пока не нужно,—вставилъ Шлойме-Залмень:—я его и такъ знаю, а невѣсты тутъ еще нѣтъ.

Хане пропустила это замѣчаніе свата мимо ушей и продолжала, обращаясь къ дочери:

— Поди, Рысечка, пошли сюда отца, а сама въ магазинѣ посиди. Садитесь, Шлойме-Залмень, — предложила она, отойдя отъ окна:—сейчасъ самоваръ подадутъ, чаю напьетесь.

Она сама присѣла и облокотилась одною рукою объ столъ.

Шлойме-Залмень сѣлъ. Онъ прекрасно понималъ, что Хане не въ надлежащемъ настроеніи и потому заговорилъ о погодѣ, о текущихъ событіяхъ и вообще обо всемъ томъ, что у слуша-теля въ одно ухо входитъ, изъ другого выходитъ.

Въ комнату вошелъ между тѣмъ ребѣ Лейзеръ. Онъ былъ неприятно удивленъ, замѣтивъ свата, однако, скрѣпя сердце, изобразилъ пріятливую улыбку на своемъ продолговатомъ блѣдномъ лицѣ.

— Вотъ что, мои любезные,—началъ Шлойме-Залмень, когда чаепитіе было кончено и обо всемъ, о чемъ можно было и не говорить, было переговорено:—завтра утромъ я ѣду въ Одессу. Тамъ у меня разныя дѣла, но имѣю въ виду кое что и для васъ...

Онъ не договорилъ и сдѣлалъ рукою жестъ, означавшій, что это „кое что“ должно быть нѣчто весьма и весьма заманчивое.

— Посмотримъ,—равнодушно сказала Хане.

— Будьте увѣрены,—продолжалъ Шлойме-Залмень, приложивъ руку къ сердцу:—я знаю, что вамъ нужно... Знаю васъ, знаю ребъ Лейзера, знаю и вашего Герша. Вотъ увидите, какъ я вамъ потрафлю, — такъ, какъ вы навѣрное никогда и не мечтали..

— Дай Богъ!—вдохнулъ ребъ Лейзеръ.

Хане бросила пытливый взглядъ на свата и подумала съ минуту.

— Чтобы не трудиться вамъ напрасно, Шлойме-Залмень,—сказала она, наконецъ, серьезно,—скажите, что, по вашему мнѣнiю, намъ нужно?

— Сказать?—усмѣхнулся Шлойме-Залмень: — ну, хорошо, скажу. Вамъ нужно, чтобы невѣста Герша была не старше его, чтобы она была не красавица, но и не дурна собою, чтобы она имѣла приличное приданое, по крайней мѣрѣ, вдвое больше того, что вы дадите Гершу, чтобы она была изъ хорошей купеческой семьи и чтобы смыслила что нибудь въ торговлѣ..

У ребъ Лейзера, по мѣрѣ того, какъ говорилъ Шлойме-Залмень, и глаза, и зубы разгорѣлись; но онъ молчалъ. Хане тоже молчала.

— Что? знаю?—подмигнулъ ей Шлойме-Залмень:—но у меня имѣется для васъ нѣчто лучшее. Вы, конечно, не вѣрите. Шлойме-Залмень—лгунъ,—кто этого не знаетъ! Да? Правда? Хорошо, увидите же, что Шлойме-Залмень не лжетъ, когда ему не лгутъ. Увидите..

Онъ всталъ и вялъ свою палку.

— Ничего больше я теперь не могу вамъ сказать,—продолжалъ онъ, весь разгорѣвшись: — чрезъ три-четыре дня... въ воскресенье или въ понедѣльникъ я вернусь изъ Одессы и тогда увидите, правду я говорилъ, или нѣтъ.

Онъ вышелъ, но въ дверяхъ остановился.

— Я даже не прошу у васъ ничего въ счетъ дорожныхъ издержекъ,—сказалъ онъ:—дѣло такое вѣрное, что я смѣло могу сдѣлать заемъ на какiе угодно проценты. Это на вашъ счетъ. Вы съ удовольствiемъ уплатите потомъ капиталъ съ процентами..

Л. Штамеръ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

РАХИЛЬ ИЗЪ ТОЛЕДО.

(Поэма Гюгера Валлинга).

1.

— О, мой король и властелинъ,
Съ тобой разлука взоръ туманить
И безъ тебя, какъ цвѣтъ долинъ,
Румянецъ щекъ Рахили вянетъ.

И если прелести мои
Я всё утрачу безъ возврата,—
Вѣдь я красой одной богата,
Однимъ сокровищемъ любви,—

Бѣднѣй послѣдней нищей буду,
Я—племени чужаго дщерь!
Изъ-за меня и такъ теперь
Тебя клянуть въ народѣ всюду.

Въ тѣни орлинаго крыла
Голубка робкая укрыта,
И онъ одинъ—ея защита.
Когда-же нѣтъ вблизи орла—

Кружатся коршуны надъ нею,
Грозятъ ей смертью ястреба.
Но рѣчью ты смущенъ моею?
Въ душѣ твоей идетъ борьба...

Прости меня, гони заботу;
Ты слышишь лай веселыхъ псовъ,

Тебя манить просторъ лѣсовъ,
Слѣши, король мой, на охоту.

Смотри, вотъ вывели коня,
Я принесу тебѣ доспѣхи;
Давно уже изъ-за меня
Ты забываешь всѣ утѣхи.

Подать копье тебѣ дозволю,
Трубятъ рогà въ открытомъ полѣ...
О, поѣзжай, не медли долѣ,
Мой повелитель и король!

2.

И вотъ одержана побѣда—
Уѣхалъ онъ. Глядитъ Рахиль,
Какъ вслѣдъ по улицамъ Толедо
За поѣздомъ клубится пыль.

Къ себѣ идетъ она скорѣе,
Склоняя голову, блѣдна...
Не изъ числа-ли тѣхъ она,
Кого поносятъ назарей?

Ей вспомнились былые дни,
Оружья звонъ и гулъ проклятій...
Испуганныя лица братій—
Какъ живо памятны они!

Въ безуміи она бѣжала,
Повсюду—кровь, за ней гнались...
Вотъ ближе крики раздались,
Сверкнуло лезвіе кинжала—

Спасеня нѣтъ! Вдругъ на пути
Блестящій всадникъ! И, рыдая,
Еврейка пала молодая
Предъ нимъ съ мольбою:—Защити!

Тотъ всадникъ былъ король Кастилій,
Онъ поднялъ руку—и предъ нимъ
Всѣ тѣ разсѣялись, какъ дымъ,
Кто жаждалъ крови и насилій.

Рахиль стояла смущена,
Съ испугомъ радостнымъ во взорахъ...
И на второй же день она
Ходила въ царственныхъ уборахъ.

И это не былъ гнусный торгъ,
Любовь явилась къ ней впервые,
И всѣ сомнѣнья роковыя
Разсѣялъ въ ней любви восторгъ.

3.

Среди печально свѣтлыхъ думъ
Настала ночь, но ей не спится.
Вдругъ со двора донесся шумъ,
И кто-то съ силой въ дверь стучится.

Оружья звонъ, бряцанье шпоръ...
Вооруженнаго народа
Толпа на лѣстницѣ, у входа,—
Блитсяетъ рыцарей уборъ.

— Что надо вамъ? Великій Боже!—
— Спасти Альфонса короля!
Рѣшили это мы, вельможи,
И вся кастильская земля.

Отъ юныхъ лѣтъ стяжавшій лавры,
 Теперь безсиленъ онъ и слабъ,
 Его въ бою разбили мавры
 Затѣмъ, что онъ—еврейки рабъ.

Жестокій врагъ грозить урономъ,
 Въ странѣ—смятеніе и страхъ,
 Но такъ же, какъ подъ Аларкономъ,
 Онъ грезить только о пирахъ.

Какимъ являлся онъ бывало—
 Да явится Альфонсъ и впредь.
 Ты волю въ немъ заколдовала,
 Такъ приготовься умереть!

Испугъ Рахили придалъ крылья,
 Она бѣжить, въ тоскѣ моля,
 И тамъ—у трона короля—
 Защиты ищетъ отъ насилья.

— О, защити! Ужели вы
 Надменнымъ сердцемъ тверже стали,
 Въ которой, съ ногъ до головы,
 Передъ врагами вы блистали?

Скажите мнѣ, когда молилъ
 Онъ, весь огнемъ любви пылая,
 Гдѣ для борьбы нашла-бъ я силъ?
 Какъ устоять предъ нимъ могла я?

Вина мол—въ любви была,
 Лишь для нея я все забыла:
 Тому, кого я полюбила,
 Я честь и душу отдала.

4.

Красы-ль ея очарованье
 Смутила ихъ, иль эта рѣчь?
 Но рыцари стоять въ молчаньѣ,
 Никто поднять не смѣетъ мечъ.

Замолкли громкія угрозы,
 Смятенье—въ станѣ палачей.
 Тогда Рахиль отерла слезы,
 Блеснулъ внезапно взоръ очей.

— Вы правы, рыцари, вы правы!
 Во снѣ жила я до сихъ поръ.
 Я отвлекла его отъ славы
 И нанесла себѣ позоръ.

Я—дочь опальнаго народа,
 Онъ—повелитель и король,
 Ему—величье и свобода,
 А мнѣ—терзаній жгучихъ боль.

Но часъ насталь. Мой родъ опальный,
 Соединюсь съ тобою я:
 Готовьте саванъ погребальный,
 Разите всѣ, вотъ грудь моя!—

Но предъ красой ея побѣдной
 Они стоять, поражены.
 Тогда рука Рахили блѣдной,
 Рука прекрасная жены

Схватила мечъ. И съ тихимъ стономъ
 Клинокъ блестящій въ грудь вонзивъ,
 Рахиль упала передъ трономъ,
 Ступени кровью обагривъ.

— Рахиль!— слышалось предъ входомъ.
 Знакомый голосъ, стукъ копытъ...
 — Рахиль!— звучитъ по переходамъ,
 — Рахиль!— по лѣстницѣ звучитъ.

Король примчался. Безъ отчета
 Томился онъ печалью злой;
 Едва окончилась охота—
 Понесся въ замокъ онъ стрѣлой.

Онъ видитъ рану въ сердцѣ милой
 И рыцарей безмолвныхъ рядъ,
 И гнѣва мстительнаго силой
 Блеснулъ его суровый взглядъ.

По блѣдному лицу Рахили
 Скатилась жгучая слеза,
 Они раскрылись и молили—
 Ея прекрасные глаза.

— О, не печалься! Добровольно
 Ударъ былъ мною нанесенъ.
 Мы были счастливы... Довольно!
 Разсѣялся волшебный сонъ.

О, мой король и повелитель,
 Себя и родину прославь:
 Будь для гонимыхъ покровитель
 И Богу мщенье предоставь!

О. Чюмина.

Ноябрь, 1900 г.

Центральные съезды еврейских общинъ въ Польшѣ¹.

И. Шорра.

I.

Кромѣ общинной организаціи, составлявшей ядро однообразной системы еврейской автономіи, въ Польшѣ существовали еще центральныя собранія, т. е. съезды или сеймы представителей всѣхъ польскихъ общинъ, обыкновенно называемые въ архивныхъ актахъ „*Congressus Judaicus*“.

Централизація евреевъ въ Польшѣ, проявляющаяся въ видѣ регулярныхъ съездовъ представителей общинъ, не представляется какнѣ-либо обособленнымъ явленіемъ въ исторіи евреевъ въ разсѣяніи. Наоборотъ, подобныя явленія и раньше и позже нерѣдко встрѣчались въ странахъ, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ Польши. Однако, польская централизаціонная система обладаетъ нѣкоторыми характерными чертами, существенно отличающими ее отъ другихъ системъ и ставящими ее гораздо выше другихъ. Но чтобы прослѣдить это развитіе и эти особенныя черты, мы должны сперва бросить краткій взглядъ на центральную организацію въ другихъ странахъ и сравнить ее съ центральнымъ устройствомъ польскихъ евреевъ. Впервые подобное соединеніе евреевъ въ болѣе крупную ассоціацію обнаруживается въ Германіи въ 12 в., подъ видомъ синодовъ раввиновъ крупнѣйшихъ общинъ всей Германіи, — синодовъ, несомнѣнно имѣвшихъ большое значеніе какъ въ религиозно-правовомъ и административномъ, такъ и въ обще-нравственномъ

¹ См. „Книжки Восхода“, 1900 г., №№ 9, 11, 12.

отношеніяхъ. Güdemann, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи¹, посвящаетъ этимъ синодамъ особую главу, въ которой доказываетъ, что весь строй внутренней жизни евреевъ въ Германіи, — а слѣдовательно и въ другихъ странахъ, куда нѣмецкіе евреи переселились массами, строй, сохранившійся даже понинѣ, обязанъ своимъ происхожденіемъ этимъ синодамъ. Чтобы понять и оцѣнить всю ихъ важность, необходимо, по словамъ Гидемана, помнить, что „кодексъ еврейской жизни“ — въ широкомъ смыслѣ слова — Талмудъ, созданъ на востокѣ и цѣликомъ основывается на условіяхъ восточной жизни. Новая среда, окружавшая евреевъ при ихъ прибытіи въ христіанскую Европу, должна была вызвать массу важныхъ религіозныхъ вопросовъ; нужно было приспособиться къ новымъ жизненнымъ условіямъ и произвести для этой цѣли радикальныя религіозныя реформы, что было возможно не для одного-двухъ раввиновъ, а единственно для цѣлаго собранія самыхъ знаменитыхъ и наиболѣе уважаемыхъ духовныхъ пастырей². Съ другой стороны, признаніе за евреями въ Германіи полной административной и судебной (по дѣламъ, гдѣ стороны — евреи) самостоятельности потребовало отъ раввиновъ выработки однообразной законодательной и административной системы, что тоже могло быть осуществлено только общими силами. Огромное значеніе этой полезной дѣятельности синодовъ можно будетъ оцѣнить, принявъ во вниманіе, что выработанныя ими нормы служили жизненными устоями не только для Германіи, но и для Франціи и Италіи, а позднѣе, съ 16 вѣка, отчасти и для Польши. Кромѣ того, синоды успѣли значительно повысить нравственный уровень евреевъ,

¹ Güdemann, Erziehungswesen I, стр. 255—259.

² Однимъ изъ главныхъ вопросовъ всеобщей важности былъ вопросъ о многоженствѣ. Оно допускалось Талмудомъ, тогда какъ европейскіе обычаи требовали моногаміи. Реформа эта произведена была уже знаменитымъ французскимъ раввиномъ Р. Гершовомъ (960—1028), но несмотря на весь престижъ, какимъ онъ пользовался, его реформа не всюду привилась, и только синоды помощью многократныхъ строгихъ постановленій успѣли укрѣпить и прочлать ее (Güdemann).

сильно упавшій во время крестовыхъ походовъ ¹. Итакъ, мы должны признать за нѣмецкими синодами 12 и 13 вѣковъ ² огромное значеніе, но по существу своему синоды эти рѣзко отличаются отъ позднѣйшихъ еврейскихъ сеймовъ въ Польшѣ.

Совершенно отличную систему централизаціи встрѣчаемъ мы въ исторіи евреевъ Сицилійскаго королевства въ концѣ 15 вѣка, наканунѣ окончательнаго изгнанія ихъ оттуда Фердинандомъ II Католикомъ. Въ этомъ королевствѣ съ давнихъ поръ шла борьба между правительствомъ, желавшимъ сосредоточить управленіе еврейскими общинами въ своихъ рукахъ, съ одной стороны, и между евреями, стремившимися къ полной автономіи ³, съ другой, — явленіе, какъ мы знаемъ, позднѣе повторившееся въ Польшѣ. Добровольно ли отступились евреи отъ своихъ требованій и подчинились въ концѣ концовъ правительственной централизаціи, — намъ неизвѣстно, достаточно, что во второй половинѣ 15 вѣка мы встрѣчаемъ въ Сициліи еврейскій парламентъ, устроенный по образцу государственнаго, — явленіе, не имѣющее собѣ подобнаго во всей исторіи евреевъ. 9 марта 1469 г. намѣстникъ отъ имени короля созываетъ, на подобіе государственнаго парламента, представителей 16-ти крупнѣйшихъ сицилійскихъ общинъ въ Палермо для обсужденія вопросовъ, касающихся короля („своими присутіемъ они доставятъ королю большое удовольствіе“).

Подробности парламентскихъ дебатовъ не сохранились въ источникахъ, зато есть обстоятельныя свѣдѣнія о второмъ и послѣднемъ собраніи парламента при Фердинандѣ II. Уже въ январѣ 1489 года упоминается въ документахъ объ общемъ собраніи еврей-

¹ Ibidem.

² Нѣмецкіе синоды 14 и 15 в. уже не имѣютъ подобнаго значенія. Они носятъ по большей части характеръ провинціальныя и свываются только въ случаѣ какой-либо опасности. Самый уважаемый раввинъ обращался къ общинамъ съ просьбой выслать депутатовъ. Постановленія разсматривались по всѣмъ городамъ для опубликованія (Grätz, VIII, 5).

³ „Israel. Monatsschrift“ (апрѣль въ „Jud. Presse“) 1897, № 7, по архивнымъ документамъ, опубликованнымъ въ томъ-же году.

скихъ представителей и о депутаціи, отправленной къ Фердинанду. Въ маѣ того же года намѣстникъ созываетъ еврейскій парламентъ въ Палермо на іюнь мѣсяць, и каждая община отряжаетъ туда по одному или по два достойныхъ представителя.

Уже 26 іюля парламентъ подноситъ королю вѣрноподданническій адресъ, присовокупляя, конечно, соотвѣтственный денежный подарокъ. Еще въ томъ же году (7 октября) полученъ былъ королевскій отвѣтъ, весьма благосклонный. Король подтверждаетъ въ немъ всѣ права и обычаи евреевъ, затѣмъ всѣ привилегіи, полученныя ими отъ его предшественниковъ и всѣ дарованныя имъ папскія буллы, даже тѣ, которыми они до сихъ не пользовались „изъ страха передъ народомъ или духовенствомъ“. Затѣмъ король отказывается отъ своего права назначать общинныхъ старостъ и чиновниковъ въ Палермо, оставляя за собою лишь утвержденіе одного изъ четырехъ кандидатовъ, представляемыхъ ему евреями. Привилегія эта, содержащая еще много другихъ разнаго рода льготъ, оканчивается слѣдующими словами:... „*Approbamus, ratificamus, auctorizamus ac etiam de novo concedimus... roboramus in quantum dici potest et intelligi ad vestri bonum sanum et sincerum intellectum*“. Спустя три года Фердинандъ изгналъ всѣхъ евреевъ, и такимъ образомъ кончилась ихъ исторія въ Сициліи ¹.

Совершенно въ иномъ видѣ представляется намъ централизація евреевъ въ княжествѣ Гессенскомъ въ Германіи. Всѣ общины этого княжества составляли одну федерацію уже въ 16 вѣкѣ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ рескриптъ князя отъ 1633 г., начинающійся слѣдующими словами: „*In Verssamlungk der Heuptter gemeiner Judenschaft sampt und sonders inwohner dess landess: Ober und Nieder hessen, welche vohr diessem undt nunhn lang her in einigkeit auch Verbindunk stedt, ... dass keiner von dem andern sich zu scheiden... ja viel-*

¹ Ibidem.

mehr zusammen geheftet und verknipft zu sein bleiben sollen und müssen“¹. Выраженіемъ этой связи служили съезды или сеймы, собиравшіеся по обыкновенію разъ въ три года и только по непосредственному призыву князя². На эти собранія должны были являться отцы семействъ, или же вдовы, матери семействъ, изъ всѣхъ мѣстныхъ общинъ. Огсутствіе, не мотивированное уважительной причиной, наказывалось штрафомъ въ размѣрѣ отъ 5 до 50 золотыхъ, налагаемыхъ княжескими комиссарами, предсѣдательствовавшими на этихъ сеймахъ. Главныя задачи сеймовъ состояли въ распредѣленіи податей, слѣдующихъ князю, въ избраніи раввина для всей страны и старшинъ для завѣдыванія и обсужденія всякихъ общественныхъ дѣлъ. Эти сеймы, продолжавшіеся обыкновенно 23 дня, составляли очень тяжелую повинность для евреевъ; нѣсколько разъ ходатайствовали евреи о болѣе рѣдкому созываніи ихъ, но всегда безуспѣшно. Однако, государство имѣло контроль не надъ всѣми дѣлами, обсуждавшимися на сеймахъ; въ чисто внутреннихъ дѣлахъ, касавшихся раввина и его обязанностей, или вопросовъ общинной администраціи и вообще общественной жизни евреевъ, имъ дозволялось принимать совершенно самостоятельныя рѣшенія³. Мы не будемъ, впрочемъ, останавливаться на подробномъ разборѣ этихъ сеймовыхъ постановленій; уже приведенной общей характеристики гессенской централизованной системы вполне достаточно, чтобы убѣдиться въ существенномъ различіи между нею и системою, господствовавшей у польскихъ евреевъ.

¹ Свидѣнія объ еврейскихъ сеймахъ въ Гессенскомъ княжествѣ мы заимствуемъ изъ сочиненія д-ра Мунка подъ загл. „Die Constituten der sämmtlichen hessischen Judenschaft im J. 1690“, опубликованнаго въ сборникѣ „Jubelschrift zum 70 Geburtstag des Dr. J. Hildesheimer“, Берлинъ, 1890 г. стр. 69—83.

² Рескриптомъ отъ (30 марта 1728 года) князь наложилъ на евреевъ огромный штрафъ за то, что они по собственной инициативѣ безъ его приказанія собрались на сеймъ. Раввинъ уплатилъ 300 зол. штрафа, старшинамъ общинъ по 200 зол., прочіе, присутствовавшіе на собраніи, по 30 золотыхъ. (Ibid. 70 прим. 3).

³ Мункъ, въ томъ же сочиненіи, стр. 77—85, гдѣ опубликованъ сеймовый приговоръ, содержащій сеймовые статуты и постановленія отъ 1690—1738 г.

Каковы же, именно, тѣ особенности, которыми отличаются еврейскіе съѣзды въ Польшѣ отъ всѣхъ другихъ видовъ центральнаго управленія? Рѣзче всего эта разница обрисовывается при сравненіи ихъ съ германскими съѣздами 12 и 13 вѣковъ. Въ то время, какъ германскіе съѣзды являются лишь синодами, т. е. собраниями духовныхъ представителей общинъ, раввиновъ, дѣйствующихъ на собственный страхъ, — синодами, постановленія которыхъ, не имѣя строго юридическаго характера, зависѣли только отъ авторитетности ихъ издателей; съѣзды польскихъ евреевъ составляли прежде всего представительство общинъ въ лицѣ ихъ свѣтскихъ руководителей, уполномоченныхъ кагалами для совмѣстныхъ совѣщаній; особенно въ вопросахъ административныхъ рѣшающимъ голосомъ пользовались представители общинъ, а не раввины. Словомъ, въ то время, какъ первые съѣзды носили духовный характеръ, вторые — отличались болѣе свѣтскимъ политическимъ характеромъ. Другое существенное различіе состоитъ въ томъ, что германскіе съѣзды созывались только по временамъ, въ случаѣ необходимости, и по предложенію одного какого нибудь раввина, тогда какъ польскіе сеймы сдѣлались настоящимъ и постояннымъ организационнымъ началомъ для польскихъ евреевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ: съ такимъ именно значеніемъ выступали они передъ лицомъ государственной власти и, собираясь регулярно согласно разъ установленному порядку, они въ теченіе почти двухъ столѣтій обнаружили широкую и весьма полезную дѣятельность.

Еврейскій парламентъ въ Сициліи нѣсколько напоминаетъ намъ гораздо позднѣйшіе польско-еврейскіе сеймы тѣмъ, что и онъ былъ собраніемъ представителей общинъ. Но эта внѣшняя аналогія совершенно ничтожна въ сравненіи съ внутренней противоположностью этихъ двухъ законодательныхъ учрежденій. Сицилійскій парламентъ, устроенный по образцу обще-государственнаго, обязанъ своимъ возникновеніемъ правительственной инициативѣ и во все ко-

роткое время своего существованія носилъ на себѣ отпечатокъ обще-административнаго строя страны, составляя одну изъ частей послѣдняго и находясь подъ контролемъ королевскаго намѣстника. Въ Польшѣ сущность сеймовыхъ съездовъ состояла въ полной автономіи во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, и это составляетъ ихъ характернѣйшую черту: высшая государственная власть никогда не выѣшивалась въ ихъ дѣла, сносясь съ ними какъ съ представителями всего польскаго еврейства, только по податному вопросу, и не производя надъ ними никакого контроля до половины 18 вѣка.

Этими-же характеромъ независимости польскіе съезды отличаются и отъ еврейскихъ сеймовъ въ Гессенскомъ княжествѣ, съ которыми, впрочемъ, они имѣютъ наиболѣе сходства, какъ по предметамъ дѣятельности, обнимающей почти всѣ стороны внутренней жизни евреевъ, такъ и по своей продолжительности. Но Гессенскіе съезды были навязаны евреямъ княземъ, и собираться могли только по его приказу, да и то подъ предсѣдательствомъ княжескихъ комиссаровъ; о какой-бы то ни было самостоятельности въ этомъ учрежденіи не могло быть и рѣчи.

Такимъ образомъ еврейскіе сеймы въ Польшѣ, по своему характеру, болѣе или менѣе отлѣчаются отъ всѣхъ имъ подобныхъ центральныхъ установленій, когда-либо существовавшихъ во все время еврейскаго разсѣянія.

Въ качествѣ свободнаго центрально - законодательнаго учрежденія, распространявшаго свою дѣятельность и вліяніе не только на отдѣльныя провинціи, но и на всѣ общины всей Рѣчи Посполитой, и не только нормировавшаго внутреннюю администрацію этихъ общинъ, но и проникавшаго своими постановленіями вглубь общественныхъ, нравственныхъ и педагогическихъ отношеній, въ качествѣ высшаго посредничающаго органа между массой польскаго еврейства и государственной властью, функционировавшіе въ теченіе почти двухъ столѣтій, польскіе съезды или сеймы еврей-

скихъ общинъ представляютъ въ самомъ дѣлѣ исключительное явленіе въ исторіи евреевъ въ Европѣ ¹.

2. Возникновеніе общинныхъ съездовъ въ Польшѣ.

Когда возникли еврейскіе сеймы въ Польшѣ и каковы причины ихъ возникновенія? Внутреннія или вѣншія, экономическія или политическія, или, можетъ быть, религіозныя причины, подобно тому, какъ это было въ Германіи? Этими вопросами мы и зададимся прежде всего при описаніи этой замѣчательной системы централизаціи.

Надо сознаться, что въ точности *terminus a quo* этихъ сеймовъ неизвѣстенъ, такъ что его можно установить только приблизительно, пользуясь сопоставленіями нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ. Изъ древне-еврейскихъ источниковъ мы знаемъ, что въ 1454 г. краковскіе евреи обращаются къ синоду нѣмецкихъ раввиновъ въ Бингенъ ² съ жалобами на свое несчастное положеніе, вызванное прибытіемъ въ Польшу монаха Яна Капистрано, легата папы Николая V. Ибо послѣдній въ теченіе своего почти годичнаго пребыванія въ Польшѣ подстрекалъ короля Казимира Ягеллона къ преслѣдованію иновѣрцевъ и, пользуясь поддержкой Збигнѣва Олесницкаго ³, старался уговорить его уничтожить привилегію, дарованную евреямъ Казиміромъ Великимъ, и ввести вмѣсто нея въ дѣйствіе синодально-церковныя статуты, утвержденныя на базельскомъ соборѣ и дышашіе ненавистью къ евреямъ. По-

¹ Польскіе сеймы занимаютъ такое важное мѣсто въ еврейской исторіи только благодаря своимъ специфическимъ особенностямъ. Грець (IX, 493) преувеличиваетъ, говоря, что они уже какъ централизаціонныя установленія являются „исключительнымъ явленіемъ въ исторіи евреевъ“. Еврейскій парламентъ въ Сицили и гессенскіе сеймы еще не были извѣстны Грецу, а раввинскимъ синодамъ въ Германіи онъ не приписывалъ большого значенія.

² Городъ въ провинціи Гессенъ, на лѣвомъ берегу Рейна.

³ Олесницкій въ маѣ 1454 г. обратился къ королю съ письмомъ и, ссылаясь на Капистрано, дѣлаетъ королю упреки за подтвержденіе привилегіи Казимира Великаго. „Какъ это обидно Богу, насколько это затемнило славу Вашей Королевской Милости и насколько это противно людямъ, — Тебѣ хорошо извѣстно отъ отца Яна Капистрано“ (Краусгаръ, Истор. евреевъ въ Польшѣ II, 81).

этому евреи обращаются къ Бянгенскому синоду, прося совѣта, а можетъ быть и денежной помощи для предотвращенія грозящей имъ опасности. „Монахъ этотъ (Капистрано) — пишетъ Р. Мейстерлейнъ къ Р. Зеллигману, созвавшему синодъ—безпокоить также живущихъ подъ польскимъ королевъ евреевъ Кракова и окрестностей, каковыя земли всегда считались прибѣжищемъ для разсѣянныхъ евреевъ; никто на свѣтѣ не повѣрилъ-бы, что врагъ и непріятель евреевъ проникнетъ во врата Польши. Нынѣ они, притѣсненные королевъ и князьями, послали къ намъ, прося о помощи и о средствахъ для предотвращенія зла“¹. Тотъ фактъ, что евреи г. Кракова, а можетъ быть и всей Малой Польши, искали помощи и совѣта у раввинскихъ синодовъ въ Германіи, ясно свидѣтельствуетъ, что вообще центральныхъ учреждений въ то время у польскихъ евреевъ еще не существовало, потому что въ противномъ случаѣ подобное учрежденіе приняло бы на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ, и краковскіе евреи обратились-бы съ своими жалобами къ своимъ представителямъ, а не къ иностранному синоду. Кромѣ этого положительнаго факта, противъ возникновенія еврейскихъ създовъ въ 15 в. говоритъ еще то обстоятельство, что въ подобномъ обширномъ центральномъ органѣ совершенно не было въ то время надобности, ибо число еврейскихъ общинъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ было довольно незначительно². Потому мы и принимаемъ, что до начала XVI в. еврейскихъ сеймовъ въ Польшѣ не существовало. Новѣйшіе ученые справедливо относятъ ихъ возникновеніе къ первой³ или ко второй половинѣ XVI вѣка.

¹ Grätz, VIII, 411 (Nota V).

² На Литвѣ въ концѣ 15 в. существовали слѣдующія общины: троцкая брестская, гродненская, луцкая, владимірская и кіевская.

³ Чацкій въ своей „Rozprawie o zydach“ (стр. 178) приводитъ воззваніе еврейскаго синода въ Польшѣ къ евреямъ (безъ указанія времени и мѣста), будто бы относящееся ко времени Сигизмунда I и высокпарнымъ языкомъ призывающее евреевъ къ научнымъ занятіямъ. Если-бы этотъ документъ былъ подлиннымъ, то вопросъ о времени возникновенія създовъ могъ бы считаться

Первымъ, обработавшимъ этотъ вопросъ по источникамъ, былъ Грець. Онъ относитъ начало еврейскихъ сеймовъ къ царствованію Стефана Баторія, отличавшагося большою благосклонностію къ евреямъ ¹, вслѣдствіе чего идея объ однообразной организаціи, зародившаяся среди евреевъ, могла въ это время осуществиться.

Внутреннюю причину возникновенія съѣздовъ Грець объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Главными торговыми центрами Польши въ 16 и 17 вѣкахъ были города Ярославъ ² и Люблинъ ³. Тамъ ежегодно происходили ярмарки, привлекавшія купцовъ, а слѣдовательно и евреевъ, изъ всей Польши. Существовалъ между прочимъ такой обычай, что на ярмарки прѣзжали также ученики высшихъ школъ (іешивъ) вмѣстѣ со своими учителями, чтобы блеснуть своими познаніями передъ другими ровесниками въ присутствіи многочисленныхъ гостей, или для того, чтобы послушать лекціи

рѣшеннымъ. Но уже Грець (IX, 465) выразилъ справедливое сомнѣніе въ его подлинности, ибо слогъ его (судя по польскому переводу) совсѣмъ не еврейскій, на возваніи нѣтъ вовсе подписей, а изъ извѣстныхъ въ то время польскихъ раввиновъ никто не стоялъ на такомъ уровнѣ общаго развитія, чтобы пропагандировать среди еврейской массы идею объ изученіи наукъ. Слѣдуетъ притомъ замѣтить, что самихъ евреевъ 16 в. невозможно было-бы заставить исполнять подобное возваніе.

¹ Стефанъ Баторій взялъ подъ свою опеку литовскихъ евреевъ, обвиненныхъ въ убійствѣ христіанскаго ребенка, и въ изданномъ имъ универсалѣ объявилъ, что изученіе еврейской науки привело къ убѣжденію, что у евреевъ нѣтъ никакихъ правъ дѣтубійства и что ихъ совершенно несправедливо обвиняютъ въ этомъ преступленіи, якобы вытекающемъ изъ ихъ религиозныхъ надобностей. Кроме того, онъ давалъ евреямъ разныхъ городовъ привилегіи, уничтожившія торговыя и промышленныя ограниченія и даровавшія имъ разнаго льготу (Нуссбаумъ, 171—174).

² Англичанинъ Конноръ, приближенный врачъ Яна Собѣскаго, пишетъ объ этихъ двухъ городахъ въ своемъ сочиненіи „Beschreibung des Königreiches Polen“ (изд. Лейпцигъ, 1700) слѣдующее: „Jaroslav ist wegen seiner Messe berühmt, so am Martia Reinigungstag gehalten wird, und die berühmteste in ganz Polen ist. Es werden nicht allein hieher allerhand Waaren aus Persten, und Constantinopel, und Venedig, Moskau und Amsterdam, sondern auch wie man vorgibt über 400.000 Stück Vieh, und halb soviel Pferde gebracht“...

³ Ibidem, стр. 302: „...Lublin... hat grossen Zuspruch von den türkischen, armenischen, moscovitischen und teutschen Kaufleuten, insonderheit zur Zeit der 4 berühmten Messen, welche jährlich allhier gehalten werden“...

знаменитых учителей из других городов Сюда-же съезжались также богатые евреи, отцы взрослых дѣвицъ, чтобы среди молодыхъ кандидатовъ въ раввины высматривать мужей для своихъ дочерей ¹. Кроме того, на время ярмарокъ, сюда прибывали раввины главнѣйшихъ общинъ вмѣстѣ со своими судебными коллегіями для разбора торговыхъ споровъ между евреями различныхъ городовъ, затѣмъ представители общинъ и другія выдающіяся лица для совѣщаній по важнѣйшимъ вопросамъ, касающимся всѣхъ евреевъ вообще. И вотъ—по мнѣнію Греця—благодаря и важнымъ результатамъ этихъ именно совѣщаній и породили идею устройства регулярныхъ съездовъ представителей общинъ, которые-бы издавали обязательныя для всѣхъ евреевъ постановленія ². Въ сожалѣнію, имена лицъ, предложившихъ и осуществившихъ эту идею, неизвѣстны; но рассматривая имена раввиновъ того времени, т. е. конца 16 вѣка, можно все-таки догадаться, кто изъ нихъ могъ явиться организаторомъ этихъ съездовъ и кто именно могъ придать имъ характеръ еврейскихъ сеймовъ.

Грецъ полагаетъ, что такимъ раввиномъ былъ Р. Мордухай Гафе (1530—1612), родомъ изъ Праги, жившій затѣмъ въ Венгрію и прибывшій оттуда въ Польшу, гдѣ онъ исполнялъ обязанности раввина въ Гроднѣ, Люблинѣ и Кременцѣ, отъ 1575 до 1592 года. Онъ обладалъ не только глубокимъ талмудическимъ образованіемъ,

¹ Ганноверъ пишетъ въ своемъ «Jawen Mezullah» (I ч.): «...Всякій имѣвшій взрослого сына или дочь-невѣсту, пріѣзжалъ женить ихъ на ярмарку, ибо тамъ каждый выходилъ себѣ пару. На каждой ярмаркѣ происходило по нѣскольку сотъ помолвокъ, на нихъ даже до 2-хъ тысячъ. Евреи, равно мужчины, какъ и женщины, одѣвались въ великолѣпныя платья, потому что они были уважаемы какъ народомъ, такъ и начальствомъ... Къ чести тогдашнихъ евреевъ необходимо замѣтить, что не деньги, а происхожденіе (jiches), особенно изъ раввинской семьи, имѣло рѣшающее значеніе при выборѣ жениха. Самымъ завѣтнымъ желаніемъ cadaго еврея было имѣть зятемъ, хотя бы бѣднаго, но ученаго талмудиста, которому тестъ впоследствии всѣми силами старался хлопотать должность раввина».

² Die Führer und die Gemeindem — говоритъ Грецъ — müssen damals von einem guten Geiste beseelt gewesen sein, dass sie auf ein solches Zusammenwirken eingingen (Grätz, IX, 483).

но и некоторыми общими познаниями, что отразилось в его сочинениях, занимался астрономией и философией, и по своему авторитету и уважению могъ стоять на ряду первыхъ поборниковъ идеи организоваія всѣхъ польскихъ евреевъ. Изъ своихъ современниковъ онъ лучше всѣхъ могъ оцѣнить всю необходимость и важность центральнаго устройства, и, благодаря своему вліятельному положенію, успѣлъ, надо думать, замѣнить случайныя раввинскія собранія въ постоянныя сѣзды уже не однихъ только раввиновъ, но и иныхъ представителей общинъ, придавъ имъ твердое и прочное устройство помощью установленія разныхъ общеобязательныхъ статутовъ¹.

Противъ этой гипотезы, приурочивающей начало сеймовъ, какъ формы централистической организаціи польскихъ евреевъ, только къ концу 16 в., выступилъ Гаркави, пришедшій путемъ изслѣдованія разныхъ источниковъ къ убѣжденію, что сеймы могли получить свое начало только въ эпоху между 1515 и 1530² годами, т. е. въ царствованіе Сигизмунда I. Свои положенія Гаркави основываетъ прежде всего на Respons'ахъ³, изъ которыхъ

¹ Предположеніе это Грець основалъ, главнымъ образомъ, на еврейской хроникѣ „Zemach Dawid (Р. Давида Ганса, пражскаго раввина, 1541—1563), которая впервые упоминаетъ объ еврейскихъ сѣздахъ въ Польшѣ при описаніи жизни раввина Мордухая Іафе, стоявшаго, по словамъ хроники, „во главѣ всѣхъ начальниковъ іешивъ и судей трехъ странъ“ (Grätz, IX, 485).

² Восходъ, 1884. II. Не имѣя подъ рукою журнала за указанный годъ, мы воспроизводимъ здѣсь содержаніе разсужденій Гаркави по печатному изложенію его труда въ „Naasif“ (II, стр. 388—396, ст. Атласа).

³ Гаркави главнымъ образомъ ссылается на Responsa Р. Иссерлеса (Remu, ум. въ 1573 г.), въ которыхъ упоминается о „провинціальныхъ судьяхъ“, о „провинціальныхъ старшинахъ“, о разборательствѣ споровъ какъ между частными лицами, такъ и между общинами, на ярмаркѣ въ Люблинѣ. Последнее указаніе вполнѣ согласуется, по мнѣнію д-ра Гаркави, съ документомъ отъ 1553 г. (Русско-еврейскій Архивъ I, 102), ясно показывающимъ, что уже въ это время евреи обращались со своими спорными дѣлами къ раввинамъ, или докторамъ въ Люблинѣ.

Однако всѣ эти доказательства не выдерживаютъ критики. Грець тоже знакомъ былъ съ респонсами Р. Иссерлеса, но онъ не воспользовался ихъ указаніями для рѣшенія вопроса о началѣ сѣздовъ потому, что какъ онъ самъ

можно заключить о существовании постоянных съездов уже в первой половинѣ 16 в., а затѣмъ на нѣкоторыхъ историческихъ фактахъ, указывающихъ на стремленія Сигизмунда I создать центральную организацію для евреевъ¹; отсюда Гаркави и заключаетъ, что и рассматриваемые нами сеймы могли возникнуть единственно съ согласія и при помощи Сигизмунда I.

Къ такимъ же выводамъ, хотя и изъ другихъ соображеній, пришелъ Dembitzer². Разбивая итѣвие Греца, будто организаторомъ съездовъ былъ Мордухай Iaфе, онъ доказываетъ, что несмотря на свое общее образованіе, раввинъ этотъ совершенно не пользовался у своихъ современниковъ славой знаменитѣйшаго раввина, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что его сочиненія не пользовались въ религіозно-практической жизни евреевъ такимъ авторитетомъ, какъ сочиненія другихъ со-

справедливо замѣчаетъ, респонсы и другія еврейскія сочиненія первой половины 16 в. нигдѣ не упоминаютъ о съездахъ „waad“ (техническое выраженіе, впоследствии употреблявшееся во всѣхъ актахъ этихъ съездовъ), какъ о факторѣ внутреннего устройства евреевъ. Изъ того, что на ярмаркахъ разбирались тяжбы, совсѣмъ еще не слѣдуетъ, что уже въ то время, кромѣ судебныхъ разбираемость, тамъ происходили и постоянныя всеобщія совѣщанія о дѣлахъ, имѣющихъ обще-еврейскій характеръ. Наоборотъ, можно лишь заключить, что уже в первой половинѣ 16 вѣка существовали провинціальныя съезды. Назначенный королемъ генеральный сеніоръ, быть можетъ, созывалъ отъ времени до времени представителей подвѣдомственныхъ ему общинъ на совѣстные совѣщанія, и къ этимъ то совѣщаніямъ относится, вѣроятно, замѣчаніе о „руководителяхъ края“ въ респонсахъ Рещи, равно какъ и замѣчаніе Р. Соломона Лурье (Респонсы Р. Соломона Лурье, № 65) о „създѣ кагаловъ“, позднѣйшіе всеобщіе съезды называются „създами 4-хъ странъ“. Изъ респонса 730 Р. Иссерлеса слѣдуетъ, что съезды кагаловъ трехъ странъ (Великой и Малой Польши и Литвы) происходили въ теченіе первой половины 16 в. только въ случаяхъ опасности, угрожавшей вслѣдствіе податей или ложнаго обвиненія въ дѣтоубійствѣ.

¹ Гаркави не зналъ еще документа, которымъ Сигизмундъ I въ 1541 г. назначаетъ доктора медицины Моисея Фишля сеніоромъ или главнымъ раввиномъ всей Малой Польши; уже одинъ этотъ фактъ исключаетъ возможность существованія въ то время независимыхъ съездовъ въ той формѣ, въ какой мы ихъ встрѣчаемъ впоследствии.

² Дембидеръ: Kritische Briefe (др.-евр.), Краковъ 1892 (Письма къ Грецу, Соколову и др.)

временныхъ раввиновъ. Съ такимъ же, если не съ большимъ правомъ можно бы приписать инициативу централизаціи другимъ раввинамъ, какъ напр. раввину Іосифу Катцу, бывшему 50 слишкомъ лѣтъ руководителемъ высшей школы въ Краковѣ и снискавшему себѣ своей глубокой ученостью уваженіе въ самыхъ высшихъ сферахъ. По итѣнію Дембицера, еврейскіе съѣзды возникли одновременно съ наплывомъ въ Польшу нѣмецкихъ евреевъ и съ сопро­вождавшимъ его расцвѣтомъ талмудической науки, въ эпоху Сигизмунда I, въ правленіе котораго евреи пользовались не меньшимъ благосостояніемъ, чѣмъ во времена Стефана Баторія.—Однако до­воды, долженствовавшіе доказать это предположеніе, слишкомъ общи и поверхностны и только въ рѣдкихъ мѣстахъ непосредственно подкрѣплены источниками, и потому не даютъ истиннаго рѣшенія вопроса.

Изъ разсмотрѣнія данной нами картины мѣстнаго устройства польскихъ евреевъ¹ и относящихся сюда источниковъ, нетрудно по­нять, что исходной точкой для опредѣленія времени начала съѣздовъ должна служить вышеупомянутая привиллегія, данная воликополь­скимъ евреямъ 13 августа 1551 г., которой король Сигизмундъ Августъ закрѣпилъ за евреями право свободного выбора генераль­ныхъ раввиновъ. Только на основаніи подобной привиллегіи, рас­пространенной впоследствии и на другія провинціи, и могла вы­работаться та обширная автономія, которая необходимо должна была предшествовать возникновенію центрального органа, объеди­нившаго общины всего королевства на началахъ полной автономіи. Сюда же относится и другая извѣстная привиллегія, данная въ 1559 г. львовскимъ евреямъ, а нѣсколько позднѣе пшемысльскимъ и познанскимъ, а, вѣроятно, и всѣмъ евреямъ крупнѣйшихъ горо­довъ. Этотъ важный документъ, освободившій мѣстныя общинныя управленія отъ всякаго вліянія постороннихъ властей, а особенно воеводскаго управленія, служитъ вторымъ важнымъ факторомъ,

¹ См. „Книжка Восхода“ за 1900 г. № 9, 11, 12.

подготовившимъ почву и условія, необходимыя для созданія плана объединенія всѣхъ польскихъ евреевъ.

Свободно избираемые мѣстные и генеральныя (т. е. для цѣлаго воеводства) равнины, а также представители общинъ перестали, какъ въ прежнія времена, служить орудіемъ въ рукахъ короля или воеводы, превратившись въ настоящихъ представителей народной воли, имѣвшихъ въ виду благо вѣрренныхъ имъ общинъ и руководившихся въ своей дѣятельности высшей идеей—посвящать свои силы служенію общему дѣлу. И народъ имъ сочувствовалъ и повиновался; и къ нимъ именно примѣнимы прекрасныя слова Греча о „добромъ геніи“, внушившемъ общинамъ и ихъ представителямъ идею созданія особаго органа для полезной дѣятельности. Исходя изъ такихъ предположеній, мы убѣждаемся, что еврейскіе сеймы въ Польшѣ возникли во второй половинѣ 16 в., въ послѣдніе годы Сигизмунда Августа, или, что еще вѣроятнѣе, при Стефанѣ Баторіѣ. О лицѣ, которому непосредственно принадлежитъ инициатива этого дѣла, трудно что-либо категорично утверждать. Въ теченіе второй половины 16 в. во всѣхъ почти крупнѣйшихъ городахъ жили знаменитые равнины, которые всѣ съ равнымъ правомъ могутъ претендовать на почетное званіе инициатора еврейскихъ сеймовъ въ Польшѣ, ибо настоящіе творцы этой организаціи не завѣщали потомству своихъ именъ. Пока у насъ нѣтъ достовѣрныхъ источниковъ, мы безъ сомнѣнія обидѣли-бы всѣхъ этихъ почтенныхъ раввиновъ, если-бы вздумали оказать предпочтеніе кому-либо одному изъ нихъ.

3) Различные виды сѣздовъ.

Сѣзды были двухъ родовъ: генеральныя и областныя. Въ числѣ первыхъ слѣдуетъ различать „сѣзды 4-хъ странъ“¹,

¹ Въ польскихъ архивныхъ актахъ эти собранія называются: „генеральными сѣздами коронныхъ евреевъ“. Гречъ несправедливо называетъ эти собранія „синадами“; терминъ этотъ обыкновенно обозначаетъ духовныя собранія, тогда

т. е. собранія представителей общинъ изъ всѣхъ коронныхъ земель, и „литовскіе сѣзды“.

Въ составъ коронныхъ сеймовъ входили: Великая и Малая Польша, Червоная Русь съ Подолью и Волынъ съ Украиной¹.

Въ генеральномъ литовскомъ сеймѣ сначала принимали участіе только три главныхъ кагала со своими округами, а именно: Брестъ, Гродно и Пинскъ; съ 1651 г. къ нимъ присоединилась Вильна, а съ 1691 г.—Слудецъ, такъ что въ 18 в. депутаты собирались изъ пяти мѣстностей. Бѣлоруссія имѣла свой собственный центральный органъ, не входившій въ составъ литовскаго сейма².

Сеймы четырехъ странъ вначалѣ происходили только въ

какъ эти отличались именно свѣтскимъ и даже политическимъ характеромъ, о чемъ мы уже говорили выше.

¹ Вопросъ о территорияхъ, входившихъ въ составъ короннаго сѣзда, довольно запутанъ. Въ еврейскихъ источникахъ сѣзды этотъ называется различно: чаще всего встрѣчается названіе „сѣзда 4-хъ странъ“, однако источники конца 16-вѣка говорятъ и о „сѣздѣ 3 странъ“ и даже „о сѣздѣ 5 странъ“. Обозначаютъ ли эти названія одно и то же? или можетъ быть они указываютъ на постепенное развитіе сѣздовъ? — Гаркави, исходя изъ того, что сѣзды получили свое начало въ первые годы 16 в., утверждаетъ слѣдующее: „Сначала въ составъ сѣзда входили 3 провинціи — Великая и Малая Польша и Червоная Русь. Послѣ люблинской уніи въ 1569 г., когда Волынъ была присоединена къ короннымъ землямъ, тамошніе евреи присоединились къ централистическому устройству коронныхъ евреевъ, но не получили полного равноправія, такъ что сѣзды продолжалъ называться „сѣздомъ 3-хъ странъ“. Только во второмъ десятилѣтіи 17 в. волынскія общины приняты были въ число активныхъ членовъ сѣзда, который съ этихъ поръ и сталъ называться „сѣздомъ 4-хъ странъ“. Литва съ самаго начала имѣла свой особый сеймъ и высылала депутатовъ на коронный сеймъ только въ случаѣ надобности по дѣламъ, касающимся одновременно и коронныхъ и литовскихъ евреевъ“. Предположеніе Гаркави, что волынскіе евреи не сразу были уравнены въ правахъ съ коронными, является излишнимъ въ виду того, что уже подъ 1581 годомъ упоминается о „сѣздѣ 4-хъ странъ“ (см. Wettstein, I, 8). Dembitzer старается документально доказать, что названія „сѣзды 3 странъ“ и „сѣзды 4 странъ“ обозначаютъ однѣ и тѣ же вышеупомянутыя страны, причѣмъ въ первомъ случаѣ Великая и Малая Польша объединялись подъ общимъ названіемъ „Польша“; а тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о „5 странахъ“, имѣется въ виду, вѣроятно, общій сѣзды Литвы и Короны, что происходило только въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

² Дубновъ, „Областные кагалыне сеймы“, „Восходъ“, 1894, IV, 26.

Люблинѣ; въ 1608 г. мы въ первый разъ встрѣчаемся съ генеральнымъ съѣздомъ въ Ярославѣ ¹ и съ тѣхъ поръ, до самаго конца 17 в., сеймы происходили по 2 раза въ годъ (весной и осенью) попеременно въ обоихъ этихъ городахъ. Начиная съ 1690 г. и до самаго паденія этого института, происшедшаго одновременно съ уничтоженіемъ генеральнаго раввина на коронаціонномъ сеймѣ 1764 г. ², мѣстомъ періодическихъ собраний уже исключительно служилъ Ярославъ. Случалось иногда, правда только въ исключительныхъ случаяхъ, что сеймы созывались и въ другихъ городахъ, какъ-то въ Пинчевѣ, Тышвицѣ. Последний извѣстный намъ сеймъ коронныхъ евреевъ произошелъ въ 1762 г., подъ предсѣдательствомъ раввина города Львова и всего русскаго воеводства Р. Хаима (Симховича) Когенъ-Раппапорта, извѣстнаго своимъ диспутомъ съ Яковомъ Франкомъ, основателемъ секты франкистовъ, — диспутомъ, происходившимъ въ львовскомъ кафедральномъ соборѣ въ присутствіи высшаго духовенства и шляхты ³.

Генеральные съезды литовскихъ евреевъ происходили черезъ каждые 2 или 3 года; не имѣя постоянного мѣста, они чаще всего собирались въ Сельцѣ, Заблудовѣ и Хомскѣ ⁴.

Среднее мѣсто между кагалами и генеральными съездами занимали областные сеймы или такъ называемые сеймики (comitalia) ⁵.

¹ Въ этомъ году въ Ярославѣ еще не было еврейской общины. Прибывшіе на сеймъ евреи должны были для совершенія публичнаго богослуженія взять святокъ заѣта въ пшемысльской синагогѣ (Responza P. Мейра изъ Люблина (Mahagam) № 84; см. Дембицеръ, 20).

² Vol. leg. VII, 50.

³ Краусгаръ, „Франкы и франкисты“, стр. 149 и слѣд.

⁴ Подробно разсказывается о литовскихъ съездахъ у Дембицера ч. I, стр. 7 и слѣд., гдѣ изъ разныхъ источниковъ выписаны времена и даты отдѣльныхъ съездовъ.

⁵ Такъ они называються въ латинскихъ архивныхъ актахъ. Они, вѣроятно, болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ генеральные съезды, какъ мы уже упоминали выше. Дембицеръ перечисляетъ много еврейскихъ книгъ, упоминающихъ объ областныхъ съездахъ, особенно во введеніяхъ, гдѣ встрѣчаются разрѣшенія сеймиковъ на печатаніе данной книги.

Каждая из перечисленных провинцій, а на Литвѣ каждый округъ, обладали своими сеймиками. Такъ въ Коронной Польшѣ различались сеймы: а) Малопольскіе или браковскіе, названные такъ по имени главной общины и происходившіе въ Ярославѣ, Хмѣльницѣ или Владиславѣ; б) великопольскіе или познанскіе, собиравшіеся въ Новомъ-Мѣстѣ или въ Кобылицѣ (возлѣ Кротошина); в) русско-подольскіе¹—во Львовѣ, Пшеворсѣ или Жолковѣ; д) волынскіе-украинскіе—въ Вишницѣ или Кременцѣ.

О литовскихъ сеймикахъ еврейскіе источники непосредственно не упоминаютъ; однако, нѣтъ сомнѣнія, что они существовали точно такъ-же, какъ и въ Коронной Польшѣ; это вытекаетъ изъ сеймовой конституціи 1717 г., въ которой распредѣленіе податей, слѣдующихъ съ литовскихъ евреевъ въ казну, сдѣлано по главнымъ багаламъ „съ ихъ прикагалками и округами“². Вслѣдствіе такой системы собиранія налоговъ, представители общинъ должны были по временамъ сѣзжаться, хотя бы для того, чтобы распредѣлить между отдѣльными прикагалками сумму податей, наложенныхъ на всю страну.

¹ Изъ еврейскихъ источниковъ въ точности неизвѣстно, всегда-ли евреи подольскаго воеводства имѣли общій сеймикъ съ евреями русскаго воеводства. Существуетъ, впрочемъ, одинъ архивный документъ, универсалъ короля Августа II, изъ котораго можно-бы заключить, что подольскіе евреи въ 18 в. имѣли свои собственные сеймики. Актъ этотъ гласитъ: „...Такъ-какъ съ наступленіемъ—Вожьей милостью—мира, подольское воеводство, вполнѣ обезпеченное на своихъ границахъ, начинаетъ процвѣтать (*reflorescere*) и отправление всякой юрисдикціи входитъ въ свою колею (*ad sua redit iura*), то мы постановили (*restitutumus*) подчинить всѣхъ живущихъ тамъ евреевъ воеводѣ, ... такъ чтобы они не обращались *in causis regiminis* и по судебнымъ дѣламъ *extra Palatinatum*, а особенно къ евреямъ русскаго воеводства, съ которыми мы ихъ уравниваемъ (*parificamus*), но чтобы они *intra Palatinatum Podollae* избирали изъ промежъ себя и имѣли своего раввина (*unc cum iurisdictione debita*), согласно обычаю своего народа, а также старшинъ своей синагоги, по примѣру (*ad postam*) евреевъ русскаго воеводства...“ (Арх. юго-зап. Россіи, V, № 101).

² Vol. leg. VI, 183.

4) Внутренний состав съездовъ.

Для ознакомленія съ внутреннимъ устройствомъ генеральныхъ съездовъ у насъ, къ сожалѣнiю, не сохранилось никакихъ источниковъ; несомнѣнно, однако, что существовали нѣкоторые формальныя предписанiя, касавшiяся порядка постановленiя и исполненiя рѣшенiй, предметовъ и порядка совѣщанiй и т. д., — словомъ нѣкоторые „сеймовые статуты“, придававшiе юридическiй характеръ этимъ сеймамъ, имѣвшимъ сперва лишь обычное значенiе. Это можно заключить изъ того, что сеймики обладали извѣстными обязательными формальностями, подчасъ чисто церемонiальными, какъ, напримѣръ, предписанiемъ, въ какомъ порядкѣ депутаты должны сидѣть на засѣданiяхъ, въ какомъ порядкѣ должны слѣдовать подписи на оффиціальныхъ актахъ, издававшихся сеймиками ¹ и т. д. Тѣмъ болѣе должны были существовать подобныя церемонiальныя нормы для членовъ генеральныхъ съездовъ, пользовавшихся гораздо большимъ почетомъ. Число членовъ, принимавшихъ участiе въ съѣздахъ, неизвѣстно. Въ „Jawen Mezul-lah“ (1653 г.) ² мы читаемъ слѣдующее: „Изъ числа представителей каждой общины высылался одинъ *parnes*; къ нимъ присоединились 6 знаменитѣйшихъ раввиновъ Польши, и эти собранiя носили названiе „четырехъ странъ“. Отъ времени послѣднихъ съѣздовъ сохранилось слѣдующее извѣстiе: «Во время генеральнаго съѣзда, совѣщающагося въ Ярославѣ, должны присутствовать двое старшинъ изъ города Львова и двое изъ всего воеводства, согласно старинному постановленiю» ³.

Если-бы мы съ увѣренностью знали, что и въ другихъ воеводствахъ сеймики устанавливали такое-же число депутатовъ на генеральный съѣздъ, то мы были бы въ состоянiи въ точности ука-

¹ „Izrael. lwowski“ 1886. Соглашенiе евреевъ львовскаго округа съ евреями русскаго воеводства, 20 iюня 1753 г., заключенное на провинциальномъ конгрессѣ въ Вржежанахъ. Документъ изданъ Ландесомъ изъ „Akt. grodz.“.

² Въ главѣ „Судебное дѣло“.

³ „Izrael. lwowski“, 1886 г.

затѣ число всѣхъ членовъ сейма; но за отсутствіемъ источниковъ мы покаместъ воздерживаемся отъ всякихъ предположеній.

Изобразивъ такимъ образомъ, насколько это возможно, начало и возникновеніе еврейскихъ създовъ, а также время и мѣсто собраній вмѣстѣ съ внутреннимъ ихъ составомъ, мы далѣе обратимся къ разсмотрѣнію частныхъ сеймовыхъ постановленій, обнаруживающихъ всю сферу дѣятельности сеймовъ.

М. Шорръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Докторъ Браунъ.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Ворисъ Григорьевичъ только-что окончилъ большую статью и, видимо, былъ доволенъ. Быстрыми шагами ходилъ онъ по комнатѣ, что всегда служило у него признакомъ радостнаго волненія. Средняго роста, хорошо сложенный, съ удивительно красивыми сѣрыми глазами, правильнымъ профилемъ и рыжеватымъ отблескомъ бѣлокурыхъ волосъ, онъ поражалъ какой-то особенной плавностью и мягкостью движеній, какимъ-то особеннымъ выраженіемъ душевнаго равновѣсія. Онъ давно уже не испытывалъ такого радостнаго возбужденія, ему казалось, что все такъ хорошо, такъ удивительно хорошо сложилось для него въ жизни, все,—начиная отъ его изящно обставленнаго кабинета и кончая возможностью тихо и мирно работать, излагая свои мысли, свои любимыя теоріи: онъ былъ авторомъ нѣсколькихъ статей по эстетикѣ, обратившихъ на него вниманіе публики. Онъ всегда любилъ все прекрасное, поклонялся ему и былъ счастливъ потому, что могъ безъ всякихъ препятствій, безъ борьбы отдаться тому, что его привлекало. Сынъ богатыхъ родителей, онъ съ ранняго дѣтства былъ окруженъ хорошими учителями. По окончаніи гимназіи, когда онъ самъ не зналъ, за что приняться, какой факультетъ избрать, родители послали его за границу. Здѣсь природная склонность юноши къ прекрасному нашла себѣ богатую пищу. Имѣя возможность не торопиться съ окончаніемъ своего образованія, онъ слушалъ лекціи по исторіи искусствъ, по эстетикѣ и метафизикѣ. Увлекаясь все болѣе и болѣе метафизикой, мучаясь невозможностью проникнуть въ сущность вещей, онъ набросился на естественныя науки, изучалъ химію, физіку, анатомію и фізіологію.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Отчасти уступая желанію отца, который непремѣнно хотѣлъ, чтобы онъ избралъ какую-нибудь опредѣленную профессию, отчасти отдаваясь собственнымъ вкусамъ, онъ продолжалъ свои занятія естествознаніемъ и, увлекшись экспериментальной психологіей и клинкой, кончилъ тѣмъ, что сталъ врачомъ. Правда, послѣ цѣлаго ряда лѣтъ, посвященныхъ упорному труду, онъ очутился предъ той же вѣчной тайной жизни, предъ которой стоялъ юношей безъ всякихъ знаній,—но его обширныя познанія придавали его статьямъ поразительную ясность и законченность. Философъ и эстетикъ, онъ писалъ, какъ можетъ писать человѣкъ, который искалъ истину не только путемъ умозрительныхъ теорій, но во всеоружіи положительнаго знанія, какъ естествоиспытатель и врачъ. Почти вся его молодость ушла—ему было 30 лѣтъ—и онъ только года два, какъ окончилъ медицинскій факультетъ,—но онъ не жалѣлъ, не раскаивался: что ему рядъ протекшихъ годовъ, посвященныхъ труду, когда онъ могъ одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ эстетики поставить и разрѣшить такъ, какъ онъ это сдѣлалъ въ своей статьѣ. Наукѣ и метафизикѣ—объимъ была отведена та роль, на которую онѣ имѣютъ право: все строго научно, логично, послѣдовательно... Да, онъ былъ доволенъ,—доволенъ не только потому, что ему это удалось, а потому, что это, вообще, возможно; душа его была полна гордости, гордости за человѣка, за науку. Онъ былъ растроганъ, взволнованъ.

Въ сосѣдней комнатѣ слышались шаги и голоса; Борисъ Григорьевичъ радостно улыбнулся: голоса эти принадлежали его сестрѣ и ея подругѣ, двумъ женщинамъ, вносившимъ поэзію и очарованіе въ его трудовую жизнь. Говорили неособенно громко; очевидно, боялись его потревожить; потомъ онъ услышалъ несмѣлые шаги по направленію къ его комнатѣ, и кто-то робко постучался.

— Борисъ, можно къ тебѣ? Но лучше зайди къ намъ,—дверь открылась и на порогѣ показалась миловидная, нѣсколько полная для своихъ лѣтъ брюнетка.

— Да, Раиса, я очень радъ, что ты за мной пришла, я ужъ самъ собирался къ вамъ, сейчасъ иду.

И, спрятавши рукопись въ бюваръ, Борисъ Григорьевичъ

направился вслѣдъ за сестрой въ сосѣднюю комнату. Въ глубинѣ комнаты, у стола, освѣщенная мягкимъ свѣтомъ лампы, сидѣла молодая дѣвушка. На видъ ей можно было дать не больше 19—20-ти лѣтъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, она была старше; ея большіе, каріе глаза, задумчивые и ласковые, придавали лицу выраженіе чрезвычайной мягкости и почти дѣтской безпомощности,—но гордо очерченный ротъ съ опущенными углами говорилъ о твердости характера и сильной волѣ. Она приподнялась на встрѣчу Борису Григорьевичу,—и вся фигура ея, стройная и граціозная, выражала ту-же смѣсь дѣтской застѣнчивости и гордой самоувѣренности.

— Здравствуйте, здравствуйте,—говорилъ Борисъ Григорьевичъ, пожимая протянутую ему маленькую ручку,—я самъ уже хотѣлъ пойти васъ обѣихъ разыскивать; что это вы сегодня такъ поздно за мной пришли? Предупреждаю васъ обѣихъ,—сегодня я въ отличномъ настроеніи и потому...

— Позвольте, позвольте,—когда-же вы бываете въ дурномъ? Что это вы клеветаете на себя, Борисъ Григорьевичъ.

— Прошу не перебивать, Анна Семеновна. Сегодня я въ отличномъ настроеніи, а потому готовъ на все. Разсказывайте-же поскорѣе, какъ вы намѣрены провести вечеръ. Раиса, дѣтки спать?—Ну, отлично, значить ты свободна. А гдѣ-же твой муженекъ?

— Онъ въ одномъ изъ своихъ засѣданій и вернется поздно.

— Дѣлать нечего, какъ-нибудь безъ него обойдемся. А знаете-ли, какая великолѣпная идея пришла мнѣ въ голову? Я хочу, чтобы вы меня побаловали сегодня, Анна Семеновна.

— За какія доблести, позвольте васъ спросить?

— Такъ, просто. Ужасно мнѣ хочется сегодня послушать музыку. Анна Семеновна, вы сыграете мнѣ что-нибудь, не правда-ли?

— Въ самомъ дѣлѣ, Аня, ты бы сыграла,—мы уже давно не слышали хорошей музыки.

— Да я не отказываюсь, мнѣ самой очень пріятно будетъ сыграть для васъ.—Молодая дѣвушка подошла къ роялю, взяла нѣсколько аккордовъ, подумала немножко и заиграла Версеизе Шопэна. Борисъ Григорьевичъ спокойно усѣлся въ кресло и закрылъ глаза, чтобы лучше слушать му-

выку. Сегодня все сложилось такъ, чтобы онъ чувствовалъ себя вполне счастливымъ: его оконченная статья, теплота и уютность гостиной, близость этихъ двухъ любимыхъ женщинъ—и эти нѣжные, ласкающіе звуки. Раиса Григорьевна переводила глаза съ одного дорогого для нея лица на другое и думала о томъ, о чемъ она всегда думала въ ихъ присутствіи: отчего медлятъ они произнести рѣшительное слово, вѣдь они любятъ другъ друга,—въ этомъ она не сомнѣвалась,—что же мѣшаетъ ихъ счастью, почему такъ недоувѣрчиво, подчасъ даже злобно относятся они другъ къ другу? Но сегодня она гнала прочь эти безпокойныя мысли—сегодня, кажется, оба настроены миролюбиво, и вечеръ обѣщается быть очень пріятнымъ.

— Да вы, никакъ, оба уснули,—промолвила Анна Семеновна, взявши послѣдній аккордъ:—положимъ, это Bergsuse, но я не хотѣла васъ усыплять.

— Нѣтъ, Аня, мы не спимъ, ты бы еще что-нибудь сыграла. Я вотъ только на минуточку уйду, распоряджусь насчетъ чая,—и Раиса Григорьевна ушла во внутреннія комнаты.

— Въ самомъ дѣлѣ, Анна Семеновна, сыграйте еще,—промолвилъ Борисъ Григорьевичъ, направляясь къ роялю.—Ваша музыка какъ-то особенно на меня дѣйствуетъ; въ вашей игрѣ столько чувства, столько выразительности... Ахъ, Анна Семеновна, нехорошо, право, нехорошо...

— Что нехорошо?—спросила съ изумленіемъ молодая дѣвушка,—она никакъ не ожидала такого страннаго окончанія его хвалебныхъ рѣчей:—не понимаю.

—Ужъ будто не понимаете? А то нехорошо, о чемъ я вамъ ужъ сотни разъ говорилъ: ну, почему вы не хотѣли поступить въ консерваторію? Вѣдь, всѣ говорили вамъ, что изъ васъ вышла-бы замѣчательная музыкантша.

По лицу Анны Семеновны пробѣжала тѣнь неудовольствія, но она сейчасъ-же улыбнулась и промолвила:

— А вы непремѣнно хотѣли-бы, чтобы ваша пріятельница была знаменитостью,—мало вамъ собственной славы, что-ли!

— Ну, къ чему вы это говорите! Я долженъ вамъ сказать, что мнѣ всегда казалось страннымъ, что вы пренебрегаете дарованьемъ, что вы предпочитаете...

— Пожалуйста, не будемъ объ этомъ говорить. — Въ тонѣ молодой дѣвушки послышалось раздраженъе. — Сколько разъ я васъ просила не касаться этого!

— Но, если я не могу, не могу не касаться! Имѣть чудный даръ, необыкновенныя способности, тонкое пониманіе— и всѣмъ этимъ пренебречь, во имя чего? Неужели пріятнѣе возиться съ грязными ребятишками?

— Пріятнѣй или непріятнѣй,—не въ этомъ дѣло. Прошу васъ еще разъ—оставимъ этотъ разговоръ.

— Пожалуй, оставимъ... Но я всегда вамъ говорилъ, что вы заблуждаетесь, что служеніе искусству есть тоже очень благородная задача. Не о единомъ хлѣбѣ живѣть будетъ человѣкъ!

— Да, не о единомъ хлѣбѣ! Это говорятъ всѣ тѣ, у которыхъ хлѣба вдоволь. Но, оставимъ это—довольно! Анна Семеновна встала изъ-за рояля, подошла снова къ столу и стала разсматривать какой-то иллюстрированный журналъ,—но мысли ея были далеко, она видимо волновалась, мягкое, мечтательное выраженъе глазъ исчезло, лицо ея было сурово, почти злобно.

Ворисъ Григорьевичъ молча ходилъ по комнатѣ, его хорошаго настроенія не осталось и слѣда.—Ну, къ чему я началъ снова!—твердилъ онъ про себя:—теперь она опять будетъ сердиться на меня, и Богъ знаетъ, когда это кончится!

— Что-же музыки больше не будетъ сегодня?—промолвила Раиса Григорьевна, входя въ комнату.

— Нѣтъ, я устала,—сухо отвѣтила Анята.

Раиса Григорьевна подозрительно взглянула на обихъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдѣте чай пить.

— Что опять случилось?—шепнула она брату.

Тотъ только пожалъ плечами и молча пошелъ въ столовую вслѣдъ за дамами.

Раиса Григорьевна и Анна Семеновна были дружны съ дѣтства. Когда маленькая, избалованная Раиса явилась въ пріемную гимназіи въ сопровожденіи своей гувернантки, она въ первый разъ увидѣла блѣдную, запуганную дѣвочку съ такимъ выраженіемъ горя и тоски въ большихъ, задумчивыхъ

глазахъ, что съ этого-же момента полюбила ее всей душой. Маленькая Анюта была дочерью бѣднаго народнаго учителя, рано умершаго отъ чахотки.

Терпя всевозможныя лишенія, мать Анюты содержала себя и дочь шитьемъ, и, глядя на маленькую тщедушную дѣвочку, которая поражала своимъ умомъ, способностями и какой-то своеобразной граціей, она думала, что дочь ея рождена для лучшей доли, чѣмъ доля бѣдной швеи. Собравши послѣднія крохи, она отдала Анюту въ начальное училище. Въ училищѣ Анюта сразу обратила на себя вниманіе своей рѣдкой понятливостью, здѣсь-же впервые обнаружались и ея музыкальныя способности; она замѣчательно хорошо пѣла въ хорѣ, обладая удивительнымъ слухомъ. Завѣдующая школой — молодая интеллигентная дѣвушка — обратила вниманіе благотворителей на Анюту, которая, по окончаніи школы, была опредѣлена въ гимназію, благодаря субсидіи комитета. Здѣсь впервые встрѣтились обѣ подруги. Познакомившись ближе съ жизнью Анюты, Раиса постаралась о томъ, чтобы она ни въ чемъ не терпѣла нужды. Мать Анюты пріобрѣла постоянныхъ, щедрыхъ заказчицъ, Анюта — хорошіе уроки, такъ что обѣ онѣ были довольны своей жизнью. Раиса и Анюта все тѣснѣй и тѣснѣй сближались: онѣ вмѣстѣ учились, вмѣстѣ готовили уроки и читали. Дружба ихъ стала еще нѣжнѣе, когда умерла мать Анюты, и она, по настоянію Раисы, поселилась у нихъ въ домѣ. Тутъ музыкальныя способности Анюты получили дальнѣйшее развитіе. Когда, послѣ окончанія гимназіи, друзья ея настаивали на томъ, чтобы она поступила въ консерваторію, или, по крайней мѣрѣ, въ мѣстную музыкальную школу, Анюта ни за что не соглашалась на это. Она считала это слишкомъ большою роскошью для себя. Вспоминая свое печальное дѣтство, ту среду, изъ которой она вышла, Анюта стремилась всѣ свои силы отдать на служеніе народу и, несмотря на всѣ протесты друзей, поступила учительницей въ одну изъ народныхъ еврейскихъ школъ и года чрезъ два заняла освободившееся мѣсто завѣдующей этой школой. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ она отдается цѣликомъ этому дѣлу. Она знаетъ домашнюю обстановку всѣхъ своихъ ученицъ, посѣ-

часть ихъ на дому, входитъ во всѣ ихъ интересы, даетъ имъ книжки для чтенія, слѣдитъ за ихъ развитіемъ, а по большимъ праздникамъ приглашаетъ ихъ къ себѣ или устраиваетъ для нихъ небольшія увеселенія въ школѣ. Ранса, которая раньше больше другихъ возмущалась нежеланіемъ Аниоты поступить въ консерваторію, видя ее счастливой и удовлетворенной своей дѣятельностью, оставила ее въ покоѣ и больше не приставала съ упреками.

Жизнь Рансы сложилась иначе. Отецъ ея былъ человѣкомъ необразованнымъ, но, живя въ большомъ городѣ, часто отправляясь по дѣламъ за границу, приобрѣлъ тотъ внѣшній лоскъ и привычки, которыя дали ему возможность вращаться во всѣхъ образованныхъ кружкахъ города. Къ тому же онъ былъ добрымъ человѣкомъ, много жертвовалъ на разныя благотворительныя учрежденія, а потому былъ любимъ и охотно принятъ всюду. Жена его, простая женщина стараго закала, безъ всякаго образованія, мало понимала въ окружающей жизни, но ни въ чемъ не прекословила мужу. Когда онъ находилъ, что и сынъ, и дочь должны учиться въ гимназій, она безмолвно соглашалась, приглашала гувернантокъ и учителей, отпускала сына за границу также безъ всякаго сопротивленія, но сама ни въ чемъ не измѣняла своихъ привычекъ, попрежнему носила парикъ, благословляла свѣчи по пятницамъ и горячо молилась о томъ, чтобы дѣти ея были счастливы, — хотя втихомолку вздыхала и недоумѣвала, въ чемъ собственно будетъ состоять ихъ счастье.

Впрочемъ, Ранса вскорѣ ее обрадовала своимъ равнымъ замужествомъ. Она только что окончила гимназію, какъ у нихъ сталъ часто бывать по дѣломъ молодой человѣкъ, пріѣзжій изъ Австріи, но уроженецъ города N. Онъ окончилъ въ Вѣнѣ коммерческую академію, превосходно зналъ иностранныя языки, имѣлъ прекрасныя манеры и великолѣпно танцевалъ, — такихъ блестящихъ молодыхъ людей было очень мало среди мѣстной еврейской молодежи, и онъ скоро сумѣлъ привлечь симпатіи Рансы. Правда, самолюбіе ея нѣсколько страдало оттого, что онъ не окончилъ университета, но, тѣмъ не менѣе, онъ ей нравился, а такъ какъ отецъ былъ въ восторгѣ отъ молодого человѣка, то Ранса, не долго думая, стала его

женой. Жизнь ея потекла спокойно и счастливо. Мужъ очень гордился ея образованіемъ и филантропическими наклонностями, самъ принялъ участіе въ открытіи новой школы, жертвовалъ на бібліотеку и пособія, удачно велъ общія дѣла съ тестемъ, а послѣ его смерти сталъ во главѣ торговаго дѣла «Браунъ и Шварцъ». Мать Раисы умерла еще раньше мужа, но успѣла еще порадоваться, глядя на внуковъ, двухъ прелестныхъ мальчиковъ— Гришу и Витю.

Борисъ Григорьевичъ уже года два какъ жилъ въ N. Онъ поселился вмѣстѣ съ сестрой въ общемъ домѣ, унаслѣдованномъ отъ отца. Практическая дѣятельность врача его не привлекала, къ тому-же онъ былъ богатъ и независимъ. Онъ изящно обмеллировалъ свои комнаты, украсилъ ихъ массой гравюръ и статуй, вывезенныхъ изъ-за границы, и повелъ жизнь отшельника; онъ обдумывалъ цѣлый рядъ статей по философіи и эстетикѣ и вскорѣ помѣстилъ въ одномъ изъ періодическихкихъ изданій свою первую статью, сразу обратившую на него вниманіе публики. Вслѣдъ за первой появились и слѣдующія статьи, принесшія ему уже довольно громкую извѣстность. Онъ былъ доволенъ своимъ успѣхомъ, и, вообще, всѣмъ складомъ своей жизни; одно только печалило его—его отношенія къ Анютѣ. Они росли вмѣстѣ, и онъ всегда чувствовалъ къ ней только братскую привязанность. Но въ послѣдній свой пріѣздъ изъ-за границы, на каникулахъ, онъ встрѣтилъ Анюту уже послѣ окончанія гимназіи и былъ пораженъ происшедшей въ ней перемѣной. Влѣдная, худенькая дѣвочка превратилась въ стройную, граціозную дѣвушку; ея большіе, каріе глаза, глядѣвшіе прежде такъ испуганно и боязливо, теперь поражали грустной задумчивостью; вся она была исполнена какой-то особой, своеобразной прелести. Борисъ Григорьевичъ былъ очарованъ ею. Очарованье еще усилилось, когда онъ услышалъ ея игру на фортепіано; это не была прежняя, ученическая игра: сильная, безысходная скорбь слышалась въ звукахъ ея музыки; вся ея душа, полная состраданья и жалости къ людямъ, все грустное и тяжелое, что пришлось ей пережить въ дѣтствѣ, выливались въ этихъ звукахъ; ея игра волновала, трогала, проникала до глубины души. Вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ Анюты вполнѣ сложился. Это не была прежняя дѣвочка, внимавшая

съ благоговѣніемъ словамъ Бориса Григорьевича, преклонявшаяся предъ его авторитетомъ. Когда онъ, взволнованный, растроганный ея игрой, тѣмъ поэтическимъ міромъ грезъ, который она раскрыла предъ нимъ, сталъ говорить о ея будущемъ, о томъ, что она должна посвятить себѣ музыку, Анюта сейчасъ же его прервала и заявила спокойнымъ, но твердымъ голосомъ, что этого никогда не будетъ, что она думаетъ совсѣмъ о другой дѣятельности. И несмотря на всѣ его убѣжденія и доводы, она оставалась при своемъ. Вскорѣ онъ опять уѣхалъ за границу, — онъ пробовалъ письменно ее убѣждать, но на всѣ свои письма получалъ всегда одинъ и тотъ-же отвѣтъ. Цѣлыхъ три года послѣ этого они не выдались. Когда-же Борисъ Григорьевичъ окончательно поселился въ N., то, живя вмѣстѣ съ сестрой, встрѣчаясь ежедневно съ Анютой, онъ все болѣе и болѣе увлекался ею. И онъ, повидимому, ей нравился; она охотно бесѣдовала съ нимъ, интересовалась его статьями, — видѣться ежедневно — сдѣлалось у обоихъ потребностью, но было между ними что-то тяжелое, недоговоренное, чего они избѣгали касаться и что неминуемо вело къ взрыву всякій разъ, когда они невольно касались этого.

Анюта видѣла, что привлекаетъ его своей внѣшностью; не разъ, перелистывая свои альбомы, онъ сравнивалъ ее то со Святой Цециліей, играющей на органѣ, то съ мадоннами Мурильо; увлекала его также ея игра, — онъ всегда утверждалъ, что подъ вліяніемъ ея игры ему въ голову приходили замѣчательныя мысли, такъ что своимъ литературнымъ успѣхомъ онъ обязанъ ей — своей вдохновительницѣ; но то, что составляло основу ея души, то, что больше всего ей было дорого, для этого онъ былъ глухъ и нѣмъ: онъ никогда ни слова не говорилъ о ея школьной дѣятельности. Она понимала очень хорошо, что, если иногда онъ и спрашивалъ ее о времени, которое она посвящаетъ занятіямъ, то дѣлалъ это потому, что интересовался, не слишкомъ-ли она утомляется, достаточно-ли у нея остается времени для игры и прогулокъ. Она вспоминала, что, посѣщая ее, онъ всегда выбиралъ такое время, когда ученицъ ужъ не было въ школѣ, и, поднимаясь къ ней во второй этажъ, никогда не интересовался даже заглянуть въ первый, гдѣ помѣщалась школа.

Все это огорчало ее, она не могла простить ему этого нежелания выкинуть въ жизнь, удаленія отъ всѣхъ неприятныхъ впечатлѣній. Она понимала, что для него нищета и бѣдность только интересный экономическій вопросъ, но что онъ отталкиваютъ его, какъ отталкиваетъ эстетика все грубое и некрасивое. И всякій разъ, когда она видѣла въ немъ это равнодушіе ко всему, что лежитъ внѣ излюбленной области его идей, она чувствовала, что вся привязанность ея къ нему исчезаетъ и въ ней поднимается только негодование и злоба...

Борисъ Григорьевичъ, съ своей стороны, никакъ не могъ понять Анюты. Ему казалось, что она своей дѣятельностью на пользу народнаго просвѣщенія исполняетъ только долгъ, и что ее самое тяготитъ ея жизнь; она, по его мѣнью, въ силу своей склонности ко всему прекрасному, въ силу своего музыкальнаго таланта, должна была совершенно иначе устроить свою жизнь. Когда онъ увидѣлъ, что бороться противъ ея желаній невозможно, онъ возненавидѣлъ ея школу, ея занятія, ея ученицъ, онъ старался, чтобы попадая къ нимъ, она сразу забывала все это,—онъ рассказывалъ ей о своихъ путешествіяхъ, занятіяхъ, заставлялъ ее играть; однимъ словомъ, окружалъ ее той умственно-эстетической роскошью, для которой считалъ ее созданной. Онъ не зналъ, что отдаваясь этому очарованію мысли, искусства, она все-таки болѣла душой о томъ, что весь ея внутренній міръ, все то, чѣмъ она жила, оставалось непонятнымъ и недоступнымъ человѣку, котораго она любила. Въ его глазахъ ея дѣятельность была искусственно созданнымъ долгомъ, смѣшнымъ и нелѣпымъ въ силу этой искусственности,—для нея-же это было потребностью души, исполненной любви и состраданья къ людямъ.

II.

Была суббота. Съ утра моросило, низкія, свинцовыя тучи нависли надъ горизонтомъ. Но въ большомъ кабинетѣ Бориса Григорьевича тепло и уютно, огонь весело трещитъ въ каминѣ; въ качалкѣ у камина сидитъ Раиса Григорьевна и, полузакрывши глаза, какъ будто дремлетъ; возлѣ нея, на маленькомъ, низкомъ креслѣ Анюта пристально смотритъ на огонь камина; на большомъ, кругломъ столѣ среди комнаты разло-

жены альбомы; двѣ дѣтскихъ головки, наклонившись, внимательно разсматриваютъ картины, а Борисъ Григорьевичъ съ любовью вглядывается въ эти оживленныя дѣтскія личики, въ эти горящія глазки, и объясняетъ имъ, что изображено на картинкахъ. Хотя онъ говоритъ языкомъ понятнымъ для дѣтей, но Раиса Григорьевна отлично понимаетъ, что это говорится не для дѣтей или, главнымъ образомъ, не для дѣтей. Она полузакрываетъ глаза—это ея любимый способъ слушать что-либо внимательно и сосредоточенно. Анюта дѣлаетъ видъ, что занята пламенемъ камина, но тоже внимательно слушаетъ рассказчика,—и неизвѣстно, отчего у нея покрылись щеки румянцемъ—отъ близости-ли огня, или отъ внутренняго волненія. Всѣ они очень любили эти субботніе дни. Анюта была свободна отъ школьныхъ занятій и цѣлый день проводила у своихъ друзей, Борисъ Григорьевичъ также радъ былъ отдохнуть, а для дѣтей это было настоящимъ праздникомъ. Они ужасно любили своего дядю, но немножко побаивались его, такъ какъ они знали, что въ дядины комнаты входить нельзя; какова же радость, когда разъ въ недѣлю святая святыхъ—дядинъ кабинетъ—раскрывалъ предъ ними гостепріимно двери, когда дядя самъ приносилъ имъ свои большіе альбомы и книги, показывалъ картины и рассказывалъ такія интересныя вещи. Уже послѣ завтрака, обыкновенно, они оба подсаживались къ дядѣ и начинали его спрашивать о томъ, «куда они сегодня поѣдутъ». Много интересныхъ странъ посѣтили они такимъ образомъ, сидя за круглымъ столомъ дядинаго кабинета. Сегодня дѣти въ особенномъ восторгѣ—дядя повезъ ихъ въ Римъ. Много видѣли они сегодня,—видѣли Римскій форумъ, слышали рассказъ о Цезарѣ, о триумфальныхъ воротахъ, о побѣдахъ, видѣли огромный разрушенный Коллизей, узнали о борьбѣ гладиаторовъ, посѣтили церкви, музеи и дворцы. По мѣрѣ того какъ Борисъ Григорьевичъ рассказывалъ все это дѣтямъ, Анюта мысленно вызывала въ своей памяти всѣ тѣ снимки, гравюры, которые она видѣла уже много разъ. Сегодня ей здѣсь хорошо и пріятно; ей хочется позабыть и непогоду, и всѣ несчастія, и бѣды, которымъ она удѣляетъ столько вниманья за порогомъ этого дома; она мечтой переносится, подобно дѣтямъ, въ Римъ,

но не памятники древности интересуют ее—памятники звѣрства и жестокости,—а тѣ дивныя произведенія искусства, съ которыми ее познакомилъ Борисъ Григорьевичъ. И она подсаживается къ дѣтямъ и вмѣстѣ съ ними перелистываетъ альбомы,—вотъ они, вотъ—Аполлонъ Вельведерскій, Нильская группа, Лаокоонъ, покинутая Ариадна,—ей странно и непонятно, какъ можетъ доставить столько наслажденья одна какая-нибудь линия, поза, тотъ или иной поворотъ головы, но тѣмъ не менѣе, она чувствуетъ, что это такъ, она уже не пытается анализировать, она отдается вполнѣ этому очарованью линий, гармоніи. Борисъ Григорьевичъ, взволнованный и счастливый ея близостью, ея увлеченіемъ, забываетъ о дѣтяхъ и пускается въ различныя детальныя объясненія. Перелистывая съ оживленіемъ альбомы, они останавливаются оба надъ любимыми снимками Сикстинской капеллы,—предъ ними проходитъ исторія міровданья, библейскія сцены, пророки—и сколько въ нихъ силы, сколько выраженья, глубины! Одинъ Іеремія, задумчиво опустившій голову и глядящій куда-то въ глубь самого себя—одна эта фигура—это цѣлая эпопея—эпопея страданья, горя тяжкаго, горя народнаго, безконечнаго и непрерывнаго, какъ вѣчность! И тутъ-же рядомъ кроткая прелестная Ева, еще не вкусившая отъ древа познанья, только что призванная къ жизни, съ изумленіемъ и робостью глядящая на міръ и преклоняющаяся предъ своимъ Творцомъ, и эта фигура 'Іеговы—величественная, спокойная.

— Смотрите, Анна Семеновна, говорилъ Борисъ Григорьевичъ, взгляните хорошенько въ это «Созданье Евы», посмотрите на фигуру Творца и сравните ее со всѣми другими изображеньями Его; тутъ Онъ грозенъ и величественъ,—тамъ спокоенъ и могучъ; но посмотрите, какъ Онъ задумчивъ и сосредоточенъ на этой картинѣ! Ева преклоняется предъ своимъ Творцомъ, она какъ-бы благодаритъ Его за созданье, а Онъ размышляетъ, какъ будто Онъ сомнѣвается, хорошо-ли Онъ поступилъ, создавши ее. Помните, у Мильтона въ его Потерянномъ Раѣ есть стихи, которые выражаютъ ту-же мысль. Хотите—я прочту вамъ. Онъ отыскалъ книжку, сталъ быстро перелистывать страницы.

— Вотъ здѣсь,—сначала описывается созданье Евы:

Созданье это такъ было прекрасно,
 Что все, что я зналъ до минуты той въ мирѣ
 Казалось ничтожнымъ, или было, какъ отблескъ
 Ея всей осанки и прелести чудной,
 А очи небесныя въ сердцѣ разлили
 Еще незнакомое чувство блаженства,
 Она оживала собой все творенье.

Нѣтъ, еще не то. А, вотъ, вотъ это мѣсто:

Взгляну на нее лишь, я полонъ восторга,
 Коснусь до нея—и я весь въ упоеньи,
 Отъ счастья сердце въ груди моей мѣбеть,
 И первая страсть моя здѣсь появилась,
 Во всемъ управлять я собою умѣю,
 Въ одномъ только этомъ я слабъ совершенно,
 При взглядѣ ея вдругъ теряю все силы,
 Влiянье-ль чарующихъ прелестей это,—
 Быть можетъ, ошибка была въ томъ природы.—

Слышите, Анна Семеновна,—ошибка была въ томъ природы. — Но не правда-ли, какъ хорошо! Можно продолжать?—И онъ читалъ все дальше и дальше, а Анюта слушала, не прерывая. Борисъ Григорьевичъ читалъ, и эти чудные стихи волновали и смущали ее больше, чѣмъ она того желала. Что это, случайно-ли, или это признанiе ей, признанiе въ своей слабости и ея силѣ—но странное дѣло! Въ то время, какъ Мильтонъ заставляеть Адама негодовать на эту слабость, въ то время, какъ Микель-Анджело заставляеть самого Иегову размышлять о томъ, хорошо ли онъ поступилъ, создавши столь обольстительное существо,—онъ, Борисъ Григорьевичъ, говорить ей, говорить между строкъ звукомъ своего голоса, блескомъ глазъ, трепетомъ всего своего взволнованнаго существа, что онъ благословляеть эту «ошибку природы», что онъ признаеть себя слабымъ и покореннымъ, но что въ этомъ именно и заключается вся его радость, все его счастье. Дѣти притихли и съ изумленiемъ слушали непонятные для нихъ стихи; Ранса Григорьевна изподлобья наблюдала группу у стола, тоже прислушиваясь къ стихамъ, какъ вдругъ она услышала торопли-

вые шаги мужа, и по одному взгляду на растерянное и смущенное лицо Германа Осиповича, когда онъ появился на порогѣ, она поняла, что случилось что-то важное и недоброе.

— Что случилось, Германъ?—Всѣ окружили его, но онъ попросилъ только жену къ себѣ въ кабинетъ, чтобы посоветоваться по важному дѣлу.

— Дѣло въ томъ, началъ онъ, когда оба они перешли къ нему въ кабинетъ, что торговый домъ «Ксантопуло и К^о» прекратилъ платежи,—мы страшно много теряемъ, кромѣ того, они главные акціонеры нашей писчебумажной фабрики, акціи страшно упали въ цѣнѣ, такъ...

— Значить, мы разорены!—воскликнула Раиса Григорьевна.

— Нѣтъ, еще неизвѣстно. Но худшее заключается въ томъ, что на эти акціи пошло почти все состояніе Бориса—мы должны возмѣстить его потери.

— Конечно, можетъ-ли быть въ этомъ сомнѣніе?

— А для этого мы должны будемъ понемногу ликвидировать наши дѣла.

— Какъ! опять воскликнула Раиса Григорьевна:—ликвидировать дѣла! Значить торговый домъ: «Браунъ и Шварцъ» прекратить свое существованіе?

— Да погоди, Раиса, не волнуйся такъ,—вѣдь, въ первую минуту ничего знать нельзя,—я хотѣлъ только тебя предупредить, чтобы ты знала, что отвѣчать Борису—нужно его увѣрить, что его состояніе неприкосновенно, онъ легко повѣритъ, онъ, вѣдь, ничего не смыслитъ въ дѣлахъ; ну, а тамъ дальше видно будетъ,—можетъ быть, все еще обойдется и уладится. Ты успокойся, пойди къ нимъ, говори только въ общихъ выраженіяхъ о нашей бесѣдѣ,—а то жаль портить имъ праздничный день. Но было ужъ поздно: въ кабинетѣ Бориса Григорьевича исчезло прежнее настроеніе,—дѣти укладывали альбомы, Борисъ Григорьевичъ оставилъ Мильтона и озабоченно рассказывалъ по комнатамъ, Анюта снова усѣлась у камина.—При входѣ Раисы, всѣ обратились къ ней за объясненіемъ важнаго дѣла. Но она, подавивши собственное волненіе, говорила, что все это важное дѣло пустяки, какое-то временное затрудненіе въ дѣлахъ, что мужъ ея напрасно ихъ всѣхъ встревожилъ, что все это, конечно, очень скоро уладится.

Однако, уладилось не скоро и не сразу. Германъ Осиповичъ проводилъ почти все время въ конторѣ, являясь домой только для обѣда и ужина, — всегда озабоченный, задумчивый, вѣчно второпяхъ; Раиса Григорьевна, не менѣе его озабоченная, старалась, однако, скрыть свое безпокойство отъ окружающихъ, въ особенности отъ брата; она боялась, какъ бы онъ не узналъ, что они рискуютъ всѣмъ, чтобы спасти его состояніе. Но истина все-таки обнаружилась. Какъ ни мало понималъ въ дѣлахъ Борисъ Григорьевичъ, но и въ немъ шевельнулась подозрѣнье, — и, видя, что онъ не можетъ добиться истины ни отъ сестры, ни отъ Германа Осиповича, онъ явился въ контору и изъ бесѣды съ управляющимъ узналъ дѣйствительное положеніе дѣлъ. Онъ сейчасъ-же набросился на сестру и ея мужа, разбранилъ ихъ обомъ и до тѣхъ поръ сердился, громилъ и неистовствовалъ, пока оба они дали ему слово не губить дѣла и воспользоваться пока его состояніемъ. Чтобы не быть въ тягость своимъ роднымъ, Борисъ Григорьевичъ рѣшилъ занять мѣсто школьнаго врача. Мѣсто это во всѣхъ отношеніяхъ подходило къ характеру и образу жизни Бориса Григорьевича: ему приходилось только поутру посѣщать школы, весь день и вечеръ были по прежнему въ его распоряженіи, такъ-что большой равницы въ образѣ жизни не предвидѣлось. Жизнь семьи мало по малу вошла опять въ прежнюю колею.

III.

Первые дни своей новой дѣятельности Борисъ Григорьевичъ провелъ очень пріятно. Поутру онъ отправлялся на службу, осматривалъ школы, освѣдомлялся о здоровьѣ дѣтей, и возвращался домой бодрый и оживленный; онъ начиналъ любить эти утреннія прогулки. Любилъ онъ также попадать въ школу на уроки пѣнія: хоровое пѣніе съ аккомпаниментомъ фисъ-гармоніи напоминало ему его посѣщеніе церквей за границей; стоитъ ему полувскрыть глаза — и онъ мысленно переносился въ какую-нибудь маленькую капеллу, и цѣлый рядъ картинъ вставалъ въ его воображеніи; взволнованный нахлынувшими воспоминаніями, онъ медленно переходилъ изъ школы въ школу, всюду находя новую пищу для своей богатой фантазіи.

Такъ, однажды, при посѣщеніи школы Анны Семеновны, онъ обратилъ вниманіе на одну удивительно-поэтическую головку—и онъ мечталъ о ней цѣлыя сутки, онъ представлялъ ее себѣ на полотнѣ, написанной масляными красками при соотвѣтствующей обстановкѣ. Конечно, отъ него не скрылась также страшная худоба и блѣдность этого личика, но эстетикъ преобладалъ въ немъ надъ врачомъ,—худоба и блѣдность удивительно шли къ типу, который она должна была изображать, Святой Женевьевѣ, которая молитвами и аскетическимъ образомъ жизни спасла свой родной городъ отъ нашествія варваровъ.

Но сегодня Борисъ Григорьевичъ очень разстроенъ: Аня поутру написала ему, что его Святая Женевьева очень больна, и просила его вмѣстѣ съ ней навѣстить ее на дому. По дорогѣ Аня рассказала ему исторію ея короткой и печальной жизни. Святая Женевьева — по просту Сара Гринъ — родилась въ мѣстечкѣ П—ѣ въ бѣдной семьѣ. Желая, во что бы то ни стало, получить образованіе, она упросила своего дядю, бѣдившаго часто по дѣламъ въ N, взять ее съ собой, и въ одно прекрасное утро явилась въ школу Аниюты, нищая, оборванная, голодная и рассказала ей всю свою исторію—ей было тогда 14 лѣтъ. Тутъ же она передала Аниутѣ тетрадку нѣчто въ родѣ дневника, въ которомъ эта почти безграмотная дѣвочка удивительно просто и трогательно излагала всѣ свои стремленія, описывала нищету, среди которой она выросла, и всѣ свои мысли, все, что заставляло ее искать съ такой настойчивостью образованія. Аня помѣстила ее въ семьѣ одной изъ своихъ ученицъ, выхлопотала ей маленькое пособіе, опредѣлила въ свою школу; такимъ образомъ, ея жизнь и ученіе были обезпечены. Дѣвочка училась съ какой-то лихорадочной поспѣшностью, набрасывалась съ жадностью на книги и въ короткое время стала одной изъ лучшихъ ученицъ. Но тутъ къ ней незамѣтно подкралась болѣзнь; дѣвочка не выдержала и заболѣла чахоткой,—къ веснѣ, положеніе ея ухудшилось.

Борисъ Григорьевичъ былъ пораженъ этимъ рассказомъ.

— Неужели это возможно, говоритъ онъ—чтобы дѣвочка бросила свой домъ и съ такой настойчивостью стремилась къ образованію.

— Да, это не рѣдкость. Такіе факты очень часто приходится наблюдать здѣсь. Дѣвочекъ еще сравнительно мало, но мальчиковъ ежегодно является нѣсколько десятковъ и не мало между ними очень талантливыхъ. А кто знаетъ, сколько талантливыхъ дѣтей гибнетъ тамъ, благодаря нищетѣ и невѣжеству!

— Какъ это грустно все, что вы рассказываете, Анна Семеновна! А эта бѣдная Женевьева очень больна?

— Я боюсь самаго худшаго. Прежде она хоть жила сносно, я помѣстила ее въ одной довольно зажиточной семьѣ; но съ тѣхъ поръ, какъ она заболѣла, семья эта не пожелаала ее больше оставить у себя, и ее пріютили какіе-то земляки,—вотъ вы увидите сейчасъ, она живетъ уже совсѣмъ близехонько, въ этомъ домѣ, направо.

— Какъ!—воскликнулъ Борисъ Григорьевичъ:—она живетъ въ этомъ большомъ, красивомъ домѣ?

Анюта улыбнулась.—Этотъ домъ только снаружи такъ красивъ, это самая ужасная, грязная трущоба.

Они вошли въ большой, красивый подъѣздъ и очутились въ мрачномъ корридорѣ, гдѣ было почти совершенно темно; изъ дверей и оконъ, выходящихъ на этотъ корридоръ, неслись самыя разнообразныя звуки: стучала швейная машина, гдѣ-то далеко дребезжало разбитое фортепьяно, женскій голосъ неестественно громко смѣялся, слышалась пьяная ругань... Борисъ Григорьевичъ остановился.

— Зачѣмъ вы пришли сюда со мной, уходите, здѣсь вамъ не мѣсто, я самъ навѣщу больную.

— Пустяки! я здѣсь бываю довольно часто, здѣсь живетъ нѣсколько нашихъ ученицъ, пойдемте вотъ сюда, направо.— Борисъ Григорьевичъ покорно шелъ за Анютой, но онъ ужъ ничего не видѣлъ: въ этомъ закоулкѣ мрачнаго лабиринта было совершенно темно, пахло сыростью и удушливымъ чадомъ кухни. Анюта же шла увѣреннымъ шагомъ къ раскрытой двери. Борисъ Григорьевичъ перешагнувъ черезъ порогъ и невольно раскашлялся отъ чада и копоти. Почти у самаго порога стояла керосиновая грѣлка для утюговъ, около которой возился мальчикъ лѣтъ 14-ти; у окна какая-то неопрятная женщина неопредѣленнаго возраста что-то старательно

разглаживала, возлѣ нея, спиной къ двери, дѣвочка лѣтъ 16-ти шила на швейной машинѣ.

— Здравствуйте!—промолвила Анюта, входя:—какъ же поживаетъ наша маленькая Сарра?

Женщина, продолжая гладить, поклонилась Анютѣ, взглянула изъ-подлобья на Бориса Григорьевича и головой указала на уголь, гдѣ за грязнымъ пологомъ кутелась кровать больной. Сухой, отрывистый кашель раздался оттуда, и слабый голосъ произнесъ:—это вы, дорогая Анна Семеновна?

— Я, я, Саррочка, а со мною докторъ, который тебя полѣчить.

Борисъ Григорьевичъ наклонился къ дѣвочкѣ и съ невыразимой жалостью смотрѣлъ на нее: большіе впавшіе глаза, заостренный носъ, исхудавшія щеки, покрытыя багровымъ румянцемъ, прерывистое, частое дыханье, мучительный кашель, разрывавшій грудь и не доставлявшій облегченія, — все это достаточно ясно говорило, что конецъ былъ близокъ; когда же онъ приложилъ ухо къ ея исхудавшей груди и вмѣстѣ съ ощущеніемъ жгучаго жара услышалъ зловѣщее клокотанье—у него не осталось ни малѣйшей надежды. Наскоро прописалъ онъ лѣкарство, простился съ Анютой, которая хотѣла остаться поухаживать за больной, и съ большимъ трудомъ выбрался изъ темнаго лабиринта на улицу. Въ первый разъ утренній обходъ школь не доставилъ Борису Григорьевичу никакого удовольствія. Да и дома ему было какъ-то не по себѣ, онъ рѣшительно не могъ работать: въ ухахъ все еще звучалъ кашель Сарры, ему приходило на умъ все, что рассказывала Анюта, что онъ видѣлъ сегодня въ этомъ ужасномъ трущобномъ домѣ. И эта маленькая Женевьева! Какая короткая жизнь, полная труда и героизма, и какой печальный конецъ!

— «Кто знаетъ, сколько такихъ талантливыхъ дѣтей гибнетъ тамъ въ нищетѣ и невѣжествѣ»,—вспоминаетъ онъ слова Анюты. И въ его воображеніи встаетъ вся эта жалкая жизнь мелкихъ еврейскихъ мѣстечекъ, жизнь полная труда, лишеній и борьбы,—борьбы изъ-за ничтожнаго заработка, изъ-за насущнаго хлѣба, безъ просвѣта, безъ надежды на лучшее будущее.

Борисъ Григорьевичъ бросаетъ перо и начинаетъ медленно рассказывать по кабинету,—и въ первый разъ ему какъ-то

жутко среди всей этой роскоши, жутко среди всёхъ этихъ статуй, картинъ, акварелей. И вдругъ воспоминанья нахлынули на него. Вспомнилось ему, какъ онъ устраивался, и, когда все было готово, привелъ къ себѣ Анюту и сталъ расспрашивать, нравится-ли ей, красиво-ли? Анюта стояла молча, грустно улыбаясь.—Да, красиво! слишкомъ даже красиво!—И это обидѣло его. «Въ красотѣ ничего не можетъ быть слишкомъ!»—вспомнилъ онъ свой отвѣтъ. И потомъ, какъ-то разъ въ осеннюю непогоду, когда ихъ обычный триумвиратъ расположился у каминна, и онъ читалъ имъ одну изъ своихъ статей, онъ сказалъ: «Неправда-ли, въ такіе осенніе вечера, когда на дворѣ непогода, какъ-то особенно чувствуешь себя счастливымъ въ такой уютной обстановкѣ, среди близкихъ людей!» Анюта взглянула на него строго и промолвила: это нехорошо, то, что вы говорите, не слѣдуетъ такъ сильно чувствовать свое счастье, оно слишкомъ эгоистично, это счастье, основанное на контрастѣ. Вспомните о тѣхъ, у кого нѣтъ крова въ такую непогоду!—И опять онъ разсердился на нее за то, что она испортила ему настроеніе. А теперь! Если-бы она была теперь здѣсь, какъ-бы онъ обрадовался ей,—ему казалось, что ему сразу стало-бы легче, не было-бы на душѣ этой тяжести, не было-бы ему такъ стыдно и больно. Завѣса, скрывавшая отъ него столько времени душу Анюты, наконецъ, упала,—и онъ понялъ, что не одинъ только суровый долгъ руководилъ ея жизнью. Потребность увидѣть Анюту, передать ей все то, что вдругъ пробудилось въ его душѣ, потребность исповѣди и покаянія, на столько овладѣла Борисомъ Григорьевичемъ, что онъ отправился къ ней въ школу. Анюту поразило его неожиданное визитъ, въ неурочное время, но, взглянувши на него, она увидѣла, какое жалкое виноватое лицо было у него, какъ нѣжно сжималъ онъ ея руку, какъ-бы прося о снисхожденіи и помощи, она поняла, что произошло въ его душѣ, что привело его къ ней. И выслушивая его изліянія, всю эту бурю пробудившейся скорби, Анюта старалась успокоить его, старалась примирить его съ самимъ собой и съ жизнью, которая вдругъ явилась передъ нимъ во всей своей неприкрашенной наготѣ. И долго потомъ Борисъ Григорьевичъ вспоминалъ эти нѣжныя, ласковыя слова,

успокоившія его душевную бурю и придавшія ему мужества и воли для борьбы и дѣятельности.

IV.

Новая жизнь началась для Бориса Григорьевича— обязанности врача поглотили его. Много грязныхъ, трущобныхъ домовъ пришлось ему посѣтить, пришлось познакомиться съ домашней жизнью и обстановкой учащихъ дѣтей, бороться съ болѣзнями при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Теперь больные не были для него, какъ когда то въ заграничныхъ клиникахъ, объектами для наблюденій, живымъ экспериментомъ, приготовленнымъ природой для его пытливаго ума,—нѣтъ, теперь это были жалкія, страдающія дѣти,—и сердце его сжималось отъ состраданья и жалости. И вся жизнь его измѣнилась: пропала поэзія утреннихъ прогулокъ—вопросы эстетики и философіи не шли ему на умъ послѣ того, какъ онъ выходилъ изъ какой-нибудь грязной лачуги, гдѣ онъ видѣлъ нищету и горе. Исторія маленькой Женевьевы, къ несчастью, не было единичной. Масса дѣтей и подростковъ прѣвращала, иногда даже приходила изъ черты осѣдлости, стремясь къ образованію,—и обстановка, среди которой жили эти одинокія дѣти, лишенные семьи, ихъ борьба съ голодомъ и лишениями, ихъ непосильныя занятія, все это надламывало силы и приводило къ болѣзнямъ. Да и домашняя жизнь мѣстныхъ обывателей—школьниковъ оставляла многого желать. И Борисъ Григорьевичъ страдалъ отъ своего безсилія, отъ сознанія безуспѣшности единичныхъ усилій. И его обширныя познанья, его пониманье жизни, ея социальныхъ проблемъ, мало ему помогали. Прежде, когда онъ не соприкасался такъ близко съ жизнью, онъ могъ иронизировать надъ своей сестрой и надъ Анютой, могъ смѣяться надъ ихъ филантропическими затѣями, и чувствовать себя правымъ: вѣдь, онъ опирался на науку, которая учила, что жизнь складывается по извѣстнымъ желѣзнымъ законамъ, противъ которыхъ ничего нельзя подѣлать. Но теперь ему мало помогали эти научныя доктрины. Къ тому-же, его поэтическое воображеніе, привыкши все видѣнное воплощать въ образы, тоже доставляло ему не мало страданій. Воспоминанія о больныхъ дѣтяхъ, которыхъ онъ лѣчилъ, преслѣдовали его непрерывно; порой ему каза-

лось, что всѣ эти худенькія, безпомощныя ручки протягиваются къ нему за помощью, что всѣ эти истощенныя личики обращаютъ къ нему съ мольбой свои большіе грустные глаза; въ его воображеніи рисовалась картина въ духѣ Тинторето, или Микель-Анджело, нѣчто въ родѣ его Страшнаго Суда—цѣлая масса гибнущихъ, барахтающихся дѣтей, которыхъ поглощаетъ океанъ нищеты и лишеній... И только школа, только близость Анюты успокоивали его. Онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета, почему это такъ, но только вблизи Анюты, только на ея урокахъ онъ не страдалъ, не испытывалъ того чувства стыда и виноватости, которое охватило его въ первый разъ у постели умиравшей Женевьевы и не покидало съ тѣхъ поръ.

И сегодня онъ шелъ въ школу въ томъ же удрученномъ настроеніи, которое съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлалось у него постояннымъ. Онъ посѣтилъ нѣсколькихъ больныхъ въ предмѣстьѣ города и поднимался въ гору; вмѣстѣ съ нимъ, снизу, изъ порта поднималась цѣлая масса ломовыхъ извозчиковъ съ возами, нагруженными огромными клѣтками домашней птицы, овощами, ящиками апельсинавъ. Лошади съ трудомъ поднимались въ гору, спотыкаясь о скользкую грязь мостовой, извозчики кричали и бранились, то набрасываясь съ кнутомъ на лошадей, то надрываясь отъ усилій, подталкивая тяжелые возы; нѣсколько матросовъ пробѣжало мимо; толпа чернорабочихъ, босыхъ и оборванныхъ, торопилась внизъ, къ порту, боясь опоздать къ выгрузкѣ порохода; конка медленно тащилась вверхъ, въ гору, наполняя воздухъ пронзительными звуками рожка. Но Борисъ Григорьевичъ не обращалъ вниманія на всю эту уличную сутолоку, онъ быстро поднялся вверхъ;—и предъ его глазами раскрылось море и портъ. Несмотря на туманное февральское утро, онъ все-таки залюбовался, глядя на разстилавшуюся предъ нимъ картину. Даль моря была еще покрыта густымъ туманомъ, скрывавшимъ горизонтъ,—но здѣсь, ближе къ порту, туманъ уже разсѣялся; свѣтлой песчаной полосой блестѣлъ низкій берегъ слѣва, справа громоздились мачты пароходовъ и судовъ, шипрляли маленькіе катера и шлюпки, у самаго берега разгружался только что пришедшій пароходъ, и отсюда, сверху, не видно было людей, видна была только копошащаяся темная масса; а море, бурное и темное за брекватеромъ съ бѣлыми

гребешками волнъ, здѣсь, въ портѣ, какъ то свѣтлѣе и успокоивалось. Долго стоялъ Борисъ Григорьевичъ, любуясь моремъ, какъ вдругъ откуда-то издалека, прорывывая туманъ, донеслись пронзительно-жалобные звуки сирены отходящаго парохода. Борисъ Григорьевичъ вдрогнулъ и сталъ медленно продолжать свой путь. Онъ обдумывалъ планъ, о которомъ они недавно говорили съ Анютой. Они задумали устроить нѣчто въ родѣ санаторіи, дѣтской колоніи на берегу моря, чтобы дать возможность самымъ слабымъ дѣтямъ отдохнуть и набраться силъ за лѣто. Сестра его намѣревалась собрать у себя всѣхъ дамъ патронесъ различныхъ школъ, чтобы предложить этотъ планъ на обсужденіе. Борисъ Григорьевичъ шелъ къ Анютѣ, чтобы окончательно условиться о томъ, какъ имъ провести благополучно этотъ проектъ на будущемъ засѣданіи. Борисъ Григорьевичъ попалъ въ школу къ началу урока младшаго класса. Анюта стояла у двери класса, пропуская мимо себя всѣхъ входящихъ ученицъ; она ласково кивнула Борису Григорьевичу, но не могла протянуть ему руки, такъ какъ ихъ раздѣляла цѣлая масса дѣтей.

— Что это ты такъ печальна, Соня?—спрашивала Анюта одну изъ ученицъ: — вѣдь, мама твоя выздоровѣла, неправда-ли?

— Отчего ты вчера не была, Бася? опять помогала сестрѣ шить?

— А что, твоего брата приняли въ школу?—спрашивала она третью. И всѣ эти дѣтскія лички, когда Анюта обращалась къ нимъ съ разспросами, оживлялись, точно на нихъ падалъ солнечный лучъ; и Борису Григорьевичу казалось, что дѣйствительно она—солнышко, согрѣвающее всѣхъ этихъ дѣтей. Когда-же, наконецъ, послѣдняя дѣвочка вошла въ классную комнату, и Борисъ Григорьевичъ могъ пожать руку Анюты, ему казалось, что и для него засіяло солнце, что и на его долю досталась часть материнской ласки, съ такимъ изобиліемъ расточавшейся только-что на его глазахъ.—Это, вѣдь, послѣдній урокъ, неправда ли? Я посижу на урокъ, а потомъ мы пойдемъ къ намъ, сестра ждетъ васъ къ обѣду,

мы обсудимъ нашъ новый планъ.—Анюта улыбнулась ему въ отвѣтъ—въ послѣднее время онъ часто оставался на ея урокахъ, и это доставляло ей большое удовольствіе. Анюта выбрала сегодня для чтенія сказку Пушкина «О рыбагѣ и рыбкѣ». Она читала съ большимъ одушевленіемъ; казалось, что всѣ черипетіи этого простаго разсказа чрезвычайно ее волновали; поднимая глаза съ книги, она окидывала взоромъ классъ и, встрѣчая всѣ эти оживленные, блестящія глазки, она еще съ большимъ одушевленіемъ продолжала чтеніе. Наконецъ, она окончила. По классу прошелъ какъ бы ропотъ одобренія, всѣ оживились, заервали на своихъ мѣстахъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, кто будетъ первой счастливницей, кого первую вызоветъ Анюта повторить. И вотъ, одна за другой, стали онѣ пересказывать прочитанное. Анюта внимательно слушала; часто приходилось ей исправлять не совсѣмъ правильную русскую рѣчь, часто приходилось подсказывать, она хотѣла, чтобы ученицы сохранили въ памяти размѣръ стиховъ. А Борисъ Григорьевичъ сидѣлъ, слушалъ, смотрѣлъ, и, вспоминая ихъ жалкія жилища, ихъ нищенскія семьи, онъ думалъ: вотъ онѣ теперь всѣ сыты, одѣты, обуты, сидятъ въ хорошей свѣтлой комнатѣ,—а эта дѣвушка, ласковая, нѣжная, любящая, уноситъ ихъ воображеніе въ міръ фантазіи,—и чтобы потомъ ни ждало ихъ въ жизни, но имъ будетъ чѣмъ вспомнать свое дѣтство, и на ихъ долю выпала все-таки хоть капля счастья. И ему какъ-то легко стало на душѣ; онъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на Анюту, на ея оживленное, ласковое лицо. Часъ прошелъ незамѣтно. Всѣ снова заволновались, зашумѣли, всѣ обступили Анюту: кто проситъ книжку, кто совѣтуется о своихъ домашнихъ дѣлахъ, кто просто цѣлуетъ ее—«дорогая Анна Семеновна» такъ и слышится отовсюду поминутно. — А молитву, молитву послѣ ученія, дѣтки! вдругъ вспоминаетъ Анюта. Всѣ съ шумомъ направляются въ рекреаціонный залъ, Анюта садится за фисъ-гармонію, дѣти обступили ее. «Благодаримъ тебя, Создатель!» начинаетъ стройно хоръ. Борисъ Григорьевичъ стоитъ взволнованный, умиленный — вотъ она,

вотъ его святая Цецилія за органомъ. Но не одна гармонія увлекаетъ ее—и не ангелы ее окружаютъ,—онъ чувствуетъ, какая нѣжная, глубокая связь существуетъ между Анютой и всѣми этими бѣдными дѣтьми, онъ понимаетъ, какъ искренно звучитъ ихъ благодарность,—и, растроганный до глубины души, онъ хочетъ вмѣстѣ съ ними воскликнуть: «Благодарю тебя, Создатель!»

Д. Михайлова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Гласъ изъ пустыни.

Письмо третье.

«Сказалъ раббн Аба-баръ-Кагана: «Не было среди народовъ философовъ, какъ Билсамъ сынъ Беора и какъ Авнимусъ Гагарди. Ихъ спросили (народы): можемъ ли мы одолѣть этотъ народъ (евреевъ)?» Отвѣтили они имъ: «Ступайте и обойдите ихъ дома молитвы и дома ученія. Если дѣти тамъ щебечуть своими голосами, то вы ихъ не одолѣете; если же не щебечуть, то одолѣете. Ибо такъ обѣщаль имъ ихъ отецъ (Господь), сказавъ имъ: «Голосъ—голосъ Якова, а руки—руки Исава. Пока въ домахъ молитвъ и домахъ науки раздастся голосъ Якова, руки Исава—не руки. Когда же голосъ Якова не раздается въ домахъ молитвы и домахъ науки, руки Исава—руки». Это прочелъ я въ мидрашѣ Раба, въ введеніи (מגילת) къ мидрашу на плачь Іереміагу. И услышавъ отовсюду, что руки Исава—руки, какъ ясно видно изъ учиненныхъ надъ Яковомъ дѣйствій, я хотѣлъ провѣрить столь провозносимую мудрость двухъ вышереченныхъ философовъ въ древно-сти: дѣйствительно ли усиленіе руки Исава есть слѣдствіе ослабленія голоса Якова. И я послѣдовалъ ихъ совѣту.

Тихое августовское утро. Въ воздухѣ чувствуется нѣкоторая свѣжесть; небо какъ будто стало темнѣе. Оголились поля кругомъ послѣ тощей голодной жатвы; только вдали, одиноко и тоскливо среди этихъ опустѣвшихъ полей, стоятъ неподвижно пожелтѣвшіе высокіе стебли кукурузы, образуя то тамъ, то сямъ своеобразныя унылыя рощи. Молча, съ печальной думой о приближающихся суровыхъ дняхъ, стоитъ еще свѣжій, но уже немного порѣдѣвшій лѣсъ, и надъ его верхушкой носятся стаи вороновъ со своимъ зловѣщимъ карканіемъ, вмѣсто горделиво-красивыхъ и величавыхъ ястребовъ, которые недавно только десятками усаживались на верхушки дубовъ, образуя для нихъ такое чудное фантастическое украшеніе живыхъ плодовъ, особенно когда надъ всѣмъ

протянется прозрачная темносиняя завѣса лѣтнихъ сумерекъ, и все кругомъ замретъ среди лѣснаго безмолвія. Чувствуется во всемъ близость осени, близость старчества и одрахлавленія всего. И отъ того то все проникнуто такимъ уныніемъ, все глядитъ такъ тоскливо, надъ всѣмъ протанулась пелена тихой грусти. Но есть и какое то невыразимое обаяніе въ этомъ надвигающемся покоѣ природы, въ этой тихой торжественно приближающейся похоронной процессіи. Природа словно вся преисполнена сознаниемъ исполненнаго долга; она сдѣлала для другихъ все что могла, все что только было въ ея силахъ, и съ величавымъ спокойствіемъ ждетъ наступленія желаннаго момента покоя и забвенія, въ которые она постепенно начинаетъ погружаться. Въ этомъ величавомъ спокойствіи проглядываетъ, правда, и глубокая печаль, слышатся нѣмые стоны; но это не отъ боли за себя, а за другихъ, усилія и упованія которыхъ были такъ горько обмануты какъ будто ею самой: и въ то время, когда она будетъ лежать въ забвеніи, кругомъ будутъ блуждать тысячи людей въ голодныхъ мукахъ...

И вотъ надъ этими опустѣвшими, погруженными въ дремоту, безмолвными нивами носится что то такое и торжественно величавое, и уныло страдальческое, словно надъ смертнымъ одромъ народнаго героя, павшаго въ безплодной борьбѣ. Безпокойно носится въ воздухѣ стаи птицъ, словно обращенныя въ бѣгство народныя полчища, ищущія спасенія. Только стаи вороновъ черной тучей надвигаются изъ лѣса и съ ликующимъ карканіемъ опускаются на помертвѣвшія поля, жадно ища добычи, набрасываются на тощія кочаны кукурузы, послѣднюю надежду бѣднаго молдаванина.

Деять часовъ утра. Я отправляюсь въ «мѣстечко», какъ называютъ тутъ ту часть, гдѣ сосредоточены базаръ и лавки. Тихо, мертвенно тихо на заросшей травой деревенской улицѣ, на половину еще погруженной въ сонъ. Ни души, ни малѣйшаго движенія вокругъ. Вся жизнь перенесена теперь туда, на голую выжженную степь, граничащую съ деревней.

Тамъ вдругъ словно выросло новое селеніе изъ скирдъ и «копницъ» сложеннаго хлѣба; тамъ происходитъ теперь молотѣба, и туда временно перекочевали всѣ крестьяне со своими домохозяевами, своимъ скотомъ. А тутъ все опустѣло. Только на нѣкоторыхъ заваленкахъ у самыхъ дверей кое-гдѣ растянулись един-

ственные нарушители деревенскаго покоя—псы, и, уткнувъ свои морды между откинутыми впередъ передними лапами, дремлютъ съ полуоткрытыми глазами, въ которыхъ выражается какое то внушающее жалость томленіе. Бѣлыя тщательно вымазанныя хатенки съ ихъ крошечными оконцами, ниши которыхъ снаружи выкрашены то синей, то красной краской, съ ихъ гладко обмазанными и черными каймами обведенными трубами, глядятъ такъ привѣтливо, залитыя еще не палищимъ солнцемъ. Нѣкоторыя выглядываютъ изъ густой зелени окружающихъ садовъ, за которыми по некруто спускающему скату, глядющему изъ лѣсу, тянутся огороды и виноградники. Вотъ кузница мѣстнаго «механика», запруженная вокругъ старыми, отслужившими свою службу жатвенными машинами. Вотъ направо изъ густой лѣсны выставляется свою зеленую крышу неказистый старинный «дворецъ князя», владѣльца мѣстечка и десятковъ тысячъ десятинъ земли его окружающихъ, полученныхъ предками въ награду отъ благодарнаго отечества, быть можетъ, за великія дѣянія, совершенныя на аренѣ танцевальнаго искусства или же въ ревностномъ служеніи на алтарѣ другой болѣе прекрасной богини. Вотъ полумѣщанскій, полукрестыянскій домикъ, гдѣ живетъ «она», какъ ее всѣ называютъ, словно у такой особы нѣтъ имени. Это крещеная еврейка. Въ молодости она почувствовала сильное влеченіе къ юному парню, ради котораго пожертвовала всѣмъ, чѣмъ только можетъ пожертвовать женщина, да еще еврейка: пожертвовала родителями, всѣми родственными и дружескими связями, религіей, и быть можетъ еще чѣмъ-то больше. Ибо еврею не такъ еще тяжело разстаться со своей религіей, какъ принять чужую. Эта для него самая страшная и самая мучительная жертва. Эти жертвы были не напрасны. Мужъ широкой и мощной рукой вознаграждалъ ее ежедневно и продолжаетъ ее вознаграждать до сихъ поръ. Въ первое время несчастная пыталась вырваться изъ этой ужаснувшей ее жизни, бросалась къ родителямъ, чтобы спастись отъ мужа. Словомъ, повторилась обыкновенная въ подобныхъ случаяхъ исторія. Но спасти ее никто уже не могъ. И влачить она позорное существованіе со свирѣпымъ пьяницей мужемъ, и таить она въ глубинѣ своей истерзанной души свое безконечное горе. Ибо не съ кѣмъ ей дѣлать его. Всѣ старыя привязанности она давно потеряла, а новыхъ не нашла и не могла найти.

Вотъ у полуразрушеннаго плетня ея домика стоятъ трое ея отпрысковъ, съ тонкими семитическими чертами лица и съ грубыми холопскими чертами характера. Особенно эти черты въ нихъ пробуждаются при видѣ еврейскихъ дѣтей и вообще евреевъ, которымъ они не даютъ прохода, преслѣдуя ихъ камнями и ругательствами. Они какъ будто стремятся доказать, что ничего они не приобрѣли отъ Сима, что они настоящіе отпрыскъ Хама.

А вотъ и первый еврейскій домикъ, стоящій какъ то на распутьи, не приставъ ни къ той, ни къ другой улицѣ, между которыми лежатъ, безъ всякой изгороди вокругъ. Ни одного деревца, ни одного кустика. Только большое пространство утоптаннаго навоза для топлива, часть котораго уже разрѣзана въ правильные четырехугольные куски. Самъ домикъ тоже стоитъ какъ-то криво, со старческимъ видомъ; но онъ чистенькій, мазаный, побѣленный по фасаду. На заваленѣ сидитъ худой, высокій старикъ, съ длинной бѣлой бородой, съ совершенно безкровнымъ блѣднымъ, болѣзненнымъ, грубоватымъ лицомъ, въ обрѣзкахъ старихъ сапоговъ, одѣтыхъ на босую ногу, въ приплюснутомъ, пропитанномъ жиромъ суконномъ картузѣ, безъ верхняго платья. На порогѣ сидитъ его старуха жена, еще болѣе тощая и костлявая, но съ менѣе драхлымъ видомъ, тоже въ одной юбкѣ и рубахѣ, съ плотно обвязанной грязной косынкой головой, съ чулкомъ въ рукахъ.

Изъ глубины сѣней рѣзкій женскій голосъ кричитъ: «Чтобы онъ горѣлъ, какъ адскій огонь. Только знаетъ жрать да жрать». Эти горячія пожеланія, очевидно, направлены къ почти нагому мальчишкѣ лѣтъ восьми, девяти, стоящему въ сѣняхъ, недалеко отъ порога; съ понурой головой, вполне очевидно сознающаго, что желаніе ѣсть—для еврея—самое преступное желаніе, которое можно искупить только въ адскомъ огнѣ.

А вотъ и самое «мѣстечко».

Обширная квадратная, довольно чистая площадь, окруженная со всѣхъ сторонъ четырьмя рядами одноэтажныхъ бѣленькихъ, чистенькихъ домиковъ съ деревянными крышами, какъ того требуетъ «князь» и владѣлецъ мѣстечка. И среди нихъ одинъ аляповатый двухэтажный, окрашенный въ красную краску, домъ съ балкономъ и черепичной крышей, сильно смахивающій на только

что возвратившагося изъ большого города провинціального франта, который думаетъ поразить своихъ простоватыхъ провинціаловъ своимъ безвкуснымъ, только что напаленнымъ костюмомъ.

Посреди площади нѣсколько деревянныхъ остововъ для палатокъ, устраиваемыхъ торговцами въ базарные дни,—и обширныя деревянныя лавки надъ ними для раскладыванія товаровъ, тутъ-же по срединѣ стоятъ деревянная будка, служащая для продажи мяса въ теченіе одного или двухъ часовъ въ день, а около нея находится толстый объемистый обрубокъ со слѣдами крови; не-много подальше лежатъ нѣсколько толстыхъ орѣховыхъ бревенъ, на которыя въ прохладные часы усаживаются мѣстные обитатели и обитательницы для мирныхъ бесѣдъ. Сюда устремляются всѣ, изсыхающіе и увядающіе въ монотонномъ однообразіи глуши чтобы освѣжиться какою либо свѣжей новостью, особенно если есть возвратившіеся изъ большого города. Почти въ каждомъ домѣ лавка, а если нѣтъ лавки, то заѣзжій домъ, а если нѣтъ заѣзжаго дома, то есть продажа сельтерской воды, которая особенно почему то полюбилась еврейской глуши.

Въ одной еврейской колоніи я видѣлъ четыре будки съ сельтерской водой. Эта послѣдняя считается какъ бы атрибутомъ цивилизаціи и ею молодежь приобщается къ культурѣ. Оттого то въроатно провинціальная культура вызываетъ всегда отрыжку.

Высоко культурныя задачи преслѣдуются, однако, только потребителями. Продавцы же прибѣгаютъ къ продажѣ сельтерской воды потому, что, будучи, во имя другихъ культурныхъ задачъ, вытѣснены изъ торговли болѣе сильными, чѣмъ вода, предметами, должны искать хоть какой либо суррогатъ торговли. И вотъ въ этой глуши цѣлыхъ *шестнадцать* лавочекъ съ шипучей водой. Какъ же въ самомъ домѣ сидѣть безъ «дѣла». Надо себя обманывать хоть видомъ дѣла. Не то жутко становится...

А вотъ среди всѣхъ этихъ низенькихъ лавочекъ выдается «казенная лавка», гдѣ за стойкой въ мундирѣ, съ суровымъ военскимъ видомъ, стоитъ отставной штабсъ-капитанъ. Онъ грозно встрѣчаетъ всѣхъ являющихся утолить жажду свою казеннымъ напиткомъ, какъ строгій начальникъ, стремящійся возвыситься въ глазахъ подчиненныхъ значеніе власти и жалуемой ею сорокоградусной милости.

И вполне воспріявшіе внушеніе, съ великимъ смиреніемъ, снявъ

еще на улицѣ шапки, входятъ, кланаясь, «просители», благоговѣнно протягивая гривенники, чтобы получить сіе крѣпкое благословеніе начальства. Казенная лавка приняла нѣкоторымъ образомъ обликъ присутственнаго мѣста, и многіе изъ простонародія стали ихъ смѣшивать. За этой площадью слѣдуетъ другая, такая же, предназначенная для скотнаго базара, а потому не имѣющая никакихъ приспособленій. Эта площадь граничитъ, съ одной стороны, страннымъ потемнѣвшимъ каменнымъ зданіемъ съ двумя башнями. Не то провинціальная тюрьма, не то старое помѣщичье гнѣздо съ претензіями на средневѣковый замокъ. Это «экономія». Сюда всѣ обитатели несутъ ежегодную дань за землю, занимаемую ихъ домомъ, и дань довольно крупную, произвольную; ибо земля чиншевая, а чиншъ устанавливается по усмотрѣнію Плюшкина-владѣльца, и неукоснительно взимается его арендаторомъ.

Я приближаюсь къ первой площади, въ которую ведутъ двѣ параллельныя деревенскія улицы. У самаго въѣзда съ одной стороны угловой, какъ то косо стоящій домикъ, со множествомъ выбитыхъ стеколъ, завѣшанныхъ и заткнутыхъ разноцвѣтными остатками женскаго одѣянія. У порога лежитъ вывѣска съ нарисованнымъ сапогомъ и съ надписью: «Аверманскій сапожный мастеръ».

Противъ этого дома, другой угловой домикъ, тоже очень нищенскаго вида, съ неменьшимъ количествомъ выбитыхъ стеколъ, такимъ же способомъ заткнутыхъ, или же совсѣмъ не заткнутыхъ. Настежь открытая дверь прямо на улицу; съ боку дверей на столбѣ виситъ до самой земли полукруглая вывѣска «оргѣвскаго» портного. На порогѣ стоитъ миловидная, еще молодая женщина съ поражающимъ своимъ страдальческимъ видомъ лицомъ, блѣдная, взсохшая, съ словно выжженными губами. Внутри все выглядитъ такъ чистенько, привѣтливо, тамъ не видно ни души; оставленная старая машина стоитъ заваленная старымъ платьемъ.

Мертвая тишина стоитъ на площади кругомъ. Нигдѣ не видно живой души, словно опустѣло мѣстечко внезапно, и покинули его всѣ обитатели. Только со двора, гдѣ живетъ портной, доносятся однообразные заунывные звуки, временами заглушаемые подавленнымъ дѣтскимъ жуужаніемъ.

Въ этотъ дворъ я вхожу черезъ узкую калитку, продѣланную въ высокихъ воротахъ. Онъ довольно грязенъ и окруженъ со

всѣхъ сторонъ высокой стѣной, прорѣзанной въ одномъ мѣстѣ, гдѣ находится колодезь. Тутъ у колодца копошатся нѣсколько дѣтшекъ, большею частью босые, въ взорванныхъ разнообразныхъ ветхихъ костюмахъ и головныхъ уборахъ. На двухъ трехъ большія мерлушковые шапки съ острыми верхами, нѣкоторые имѣютъ на головѣ дешевыя соломенные шляпы, нѣкоторые—обыкновенные картузы. Въ глубинѣ двора большой амбаръ съ широко раскрытыми дверями-воротами. Оттуда доносятся эти монотонно заунывные звуки, и туда я направляюсь. Посреди амбара, противъ дверей, длинный, составленный изъ двухъ отдѣленныхъ широкой щелью досокъ столъ на косыхъ перекрещивающихся ножкахъ. За этимъ столомъ на деревянной лавкѣ сидитъ ребе, человекъ лѣтъ тридцати пяти, высокій, худой съ черной длинной рѣдкой бородой, низко остриженными волосами, съ мертвенно-блѣднымъ, изнеможеннымъ лицомъ, съ небольшими черными глазами, глядящими такъ простодушно и такъ страдальчески.

Я его прошу продолжать свое дѣло.

Рядомъ съ нимъ сидитъ мальчуганъ лѣтъ шести съ запачканнымъ красивымъ личикомъ, съ прелестными синими глазками, съ маленькой сдвинутой на затылокъ шапочкой на густыхъ, долго не стриженныхъ и давно нечесанныхъ русыхъ волосахъ.

Мальчишка, сильно задржавъ вверхъ голову, устремилъ свои глазки въ лежащій передъ нимъ молитвенникъ, по которому ребе водить тоненькой палочкой.

— Это что такое?

— Антъ.

— Подъ нимъ?

— Сегель.

— А когда маленькій мальчикъ видитъ сегель-антъ, какъ онъ говоритъ?

— Э.

— Такъ скажи же мой миленькій...

— Э.

— Еще разъ, сыночекъ...

— Э.

— Еще разъ, мой дорогой...

— Э.

— Что это такое?

— Заннъ.

— А подъ нимъ?

— Шева (шво).

— А когда маленькій мальчикъ видитъ сегодѣ аянъ—э, заннъ, какъ говорить онъ?

— Эв.

Итакъ дальше. И все это съ заунывнымъ и столь тоскливымъ, душу раздрающимъ напѣвомъ, прерываемымъ каждый разъ вздохами, вырывающимися изъ больной груди бѣднаго меламеда.

И слушая эти печальные звуки, которые рвутъ мнѣ сердце на части, мнѣ кажется, что это я присутствую при какомъ то траурѣ, что это доносится до меня стонъ цѣлаго умирающаго міра, что это на его развалинахъ сидитъ и поетъ свою траурную пѣсню и тяжело вздыхаетъ бѣдный меламедъ съ больною разбитою грудью. Вотъ за столъ садится другой мальчикъ, лѣтъ девяти. Онъ весь покрытъ рубищами. Босыя ноги до того черны отъ покрывающаго ихъ слоя грязи, что издали можно бы подумать, что онъ обутъ во что либо. Личико худое вытянутое, все въ прыщахъ, вымазанныхъ чѣмъ то чернымъ. Это, какъ объяснилъ онъ мнѣ, мать его лѣчитъ сажей отъ горшковъ, которую онъ мочитъ слюной на тощакъ.

Мальчикъ читаетъ уже сносно, ребѣ ободряетъ его тѣмъ же траурнымъ, тоскливымъ напѣвомъ:

«Молись, сыночекъ, молись же. Такъ мой маленькій, такъ говори».

«Такъ, такъ, такъ».

И все съ возрастающей грустью я прислушиваюсь къ этому замогильному напѣву, доходящему словно изъ далекаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ я оглядываю все кругомъ.

Неровныя, мѣстами сильно сгорбленныя стѣны покрыты густой черной пылью, а мѣстами черной запыленной паутиной. На деревянныхъ перекладинахъ подъ крышей висятъ какое то рядно, старая овчина, засохшая воловья шкура. Въ одномъ углу лежитъ небольшая кучка древеснаго угля и качановъ отъ кукурузы, а возлѣ нѣсколько старыхъ мѣшковъ; въ другомъ углу на нѣсколькихъ бревнахъ лежитъ постель, на которой усѣлось штукъ пять дѣтишекъ отъ пяти до восьмилѣтнаго возраста, между которыми

особенно обращаютъ на себя вниманіе своею миловидностью два крошечныхъ пузанчика, братъ и сестра, близнецы четырехъ лѣтъ; тамъ дальше въ противоположномъ концѣ копошатся еще нѣсколько дѣтишекъ, сильно занятыхъ какою то игрою на полу. За исключеніемъ близнецовъ и еще двухъ или трехъ болѣе или менѣе сносно одѣтыхъ, на всѣхъ какія-то рубища, всѣ босые.

Дѣвочка лѣтъ двѣнадцать, худенькая, стройненькая, съ вытянутымъ, длиннымъ, красивымъ блѣднымъ личкомъ, съ русой головою, босая, поддерживаетъ порядокъ. Она переходитъ отъ одной группы къ другой, успокаиваетъ слишкомъ разошедшихся, и все это дѣлается съ такою милою дѣтскою улыбкою. Иногда она останавливается неподвижно, заглядываясь на нѣкоторыхъ дѣтишекъ и, очевидно, сама готовая пристать къ нимъ. Это дочь меламеда, служащая ему «бегельферомъ». Черезъ минуту десять входитъ и жена меламеда, тоже очень худенькая, маленькая, тоненькая женщина, съ такимъ же вытянутымъ блѣднымъ лицомъ, слегка изрытымъ оспой, съ маленькими синими глазами, которые словно подернуты тонкой оболочкой. Она, очевидно, смущена своимъ присутствіемъ, принялась кое-гдѣ прибираться и подметать, затѣмъ ушла и опять возвратилась. Такъ повторялось нѣсколько разъ.

Я просидѣлъ около часа, прислушиваясь къ этому однообразному заунывному ученію. Каждая пять-шесть минутъ къ столу призывался другой ребенокъ, между тѣмъ какъ другіе забавлялись въ разныхъ углахъ амбара или во дворѣ.

— Сколько у васъ учениковъ? спросилъ я у меламеда.

— Двадцать, отвѣтилъ онъ.

— Сколько всего имѣете отъ нихъ въ полугодіе?

— Семьдесятъ рублей, даже до восьмидесяти могъ бы дотануть.

— И этими деньгами вы можете жить?

Онъ горько улыбнулся. Вопросъ, могъ ли бы онъ прожить этими деньгами? Еслибъ онъ ихъ только собралъ всѣ. Но въ томъ то и несчастье, что онъ едва половину собираетъ.

Вотъ кончается лѣтній «зманъ» (полугодіе), а ему еще за зимній зманъ слѣдуетъ больше тридцати рублей, которыхъ онъ, вѣроятно, уже никогда не получитъ. Есть такіе, которые третій зманъ ни копейки не платили.

Такъ и приходится совсѣмъ уже не жить, а только мучиться.

Тутъ выѣшалась жена, до сихъ поръ стоявшая вдали, и на

первомъ же словѣ расплакалась. Они сами изъ Кременца. Тамъ кое-какъ жила, она, какъ швея, тоже кое что зарабатывала. Не тамъ открыли талмудъ-тору и мужъ потерялъ большую часть учениковъ. Бродилъ онъ изъ городка въ городокъ, пропадая одинъ безъ семьи, и наконецъ забрелъ въ это мѣстечко. Поживъ тутъ полгода одинъ, онъ думалъ, что тутъ можно устроиться съ семьей, которую и выписалъ послѣ Песаха. Теперь они всѣ вмѣстѣ бѣдствуютъ и голодаютъ, каждая копейка достается пѣной крови; когда наступаетъ четвергъ, испытываешь муки ада, пока соберешь рубль на субботу. Хлѣба хватаетъ на первые два три дня недѣли, а тамъ кушай мамалыгу, къ которой они не привыкли и не выносятъ, ибо до сихъ поръ о ней и не слыхали. Дѣтки всѣ зачахли; нѣтъ грошика, чтобы купить имъ тамъ яблочка, грушу. Ея материнское сердце обливается кровью, видя, какъ они сохнутъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

Она, Слава Тебѣ Господи, знаетъ, что такое бѣдствіе. Она выросла въ бѣдности, съ десяти лѣтъ ее отдали къ портному, гдѣ свѣтлой минуты не видѣла. Но все-таки сыта была. Не было блюду, но былъ хоть хлѣбъ сухой. А тутъ и этого нѣтъ. Подступившія снова слезы потокомъ брызнули изъ ея синихъ, такъ по дѣтски глѣдѣвшихъ глазъ,—и она удалилась въ другой уголъ, чтобы утереть лицо.

— Почему же вамъ не платятъ, спросилъ я:—не хотятъ или не могутъ?

— Есть такіе, что не могутъ, что сами голодаютъ, что и говорить, отвѣтила опять жена,—хоть намъ и тяжело, но отъ этихъ мы кое-какъ терпѣли бы. Но тѣ, что могутъ, тоже не хотятъ платить. Для нихъ платить мелаамеду—самое послѣднее. Еще выругаютъ вногда, когда жалуешься.

— Ну а домой отсылаеае когда нибудь дѣтей, за которыхъ не платятъ?

— Пробовалъ, — отвѣтилъ мелаамедъ, — да это не помогаетъ. Тутъ совсѣмъ другой народъ. Ему ничего, если мальчикъ шляется по улицѣ или по стене. Тутъ одинъ имѣетъ тронхъ мальчиковъ у меня и два змана ни одной копейки не заплатилъ. Пока я видѣлъ, что ему трудно, дѣйствительно, я терпѣлъ. Но вотъ теперь онъ сталъ зарабатывать. Я и прошу, хоть рубль въ недѣлю, чтобы платилъ. Онъ и слушать не хочетъ. Вотъ я недѣли двѣ тому назадъ

и отослалъ ему ихъ всѣхъ. А ему ничего. Пришелъ онъ ко мнѣ и говоритъ: «не хотите ихъ держать въ хедерѣ, пускай крестятся, чортъ съ ними». Такой тутъ народъ! Не то что у насъ на Волни. Сказано, бессарабцы. Одно мужичье. Тяжело съ ними имѣть дѣло.

Тутъ опять вмѣшалась жена.

— Вѣрьте мнѣ, всѣ свои силы кладете онъ на это ученіе. Съ утра до вечера, какъ дровосѣкъ, работаетъ. Иногда безъ голоса останется по срединѣ, безъ дыханія, и весь блѣденъ, какъ смерть. И вотъ за всѣ эти труды даже хлѣба до сыта не наѣшься.

Она судорожно зарыдала и удалилась рѣшительно изъ амбара.

— Вы только чтенію обучаете ихъ? спросилъ я меламеда.

— Да, только молиться я ихъ обучаю. А какъ только научатся хорошо и бѣгло молиться, я самъ объявляю родителямъ, что ихъ дѣтямъ нечего дѣлать у меня. Они ихъ и принимаютъ.

— А дальше что?

— Дальше, какъ случится. Иные отдають дѣтей другимъ меламедамъ, гдѣ ихъ обучаютъ Пятикнижію, а иные этимъ и ограничиваются. Лишь бы умѣли читать въ молитвенникѣ. На что имъ больше. Тутъ народъ все простой. Большой Торы они для своихъ дѣтей не ищутъ.

— Столько еще тутъ меламедовъ, кромѣ васъ?

— Двое.

Я посидѣлъ еще нѣсколько минутъ среди этихъ печальныхъ развалинъ, прислушиваясь все къ этому печальному траурному напѣву, который меня такъ приковывалъ, и который такъ соотвѣтствовалъ всему окружавшему и тому, что происходило въ моей душѣ.

Затѣмъ, попрощавшись съ меламедомъ, я отправился въ другой хедеръ, который находился очень близко, всего въ нѣсколькихъ шагахъ.

Я вхожу въ сквозныя сѣни прямо съ улицы. Налѣво открытая дверь. Я вступаю въ большую комнату, уставленную двумя крестами; въ углу, у окна швейная машина, у которой сидитъ невысокаго роста женщина съ миниатюрнымъ личикомъ, правильнымъ и красивымъ, но блѣднымъ, изможденнымъ, съ небольшими черными выразительными глазами.

Рядомъ съ нею сидѣла худенькая дѣвочка, лѣтъ четырнадцати,

стройная, съ смуглымъ овальнымъ лицомъ, выразительнымъ и умнымъ. Она нѣмая и находится въ ученіи у первой, которая шьетъ бѣлье.

На деревянномъ, старомъ необитомъ диванѣ, застланномъ полосатымъ молдаванскимъ ковромъ, сидитъ человекъ лѣтъ сорока съ тупыми, совершенно будто стеклянными бессмысленными глазами, который очень сердито ворчитъ, и въ этомъ ворчаніи есть что то дикое, страшное. Къ нему испуганно подходит маленькая старушка, которую онъ съ бѣшенствомъ отталкиваетъ. Этотъ безумецъ — сынъ старушки вдовы. Онъ всѣхъ бьетъ, ломаетъ все въ домѣ. Но его некуда дѣтъ, и несчастной семьѣ, живущей до ужаса скудными заработками маленькаго слабого женскаго существа, приходится содержать его и терпѣть отъ него всѣ муки. Я останавливаюсь въ недоумѣніи и спрашиваю, гдѣ хедерь. Мнѣ указываютъ дверь налѣво, въ самой глубинѣ большой комнаты. Она настежь открыта; я переступаю порогъ и оказываюсь въ очень маленькой комнатѣ, половина которой занята огромной кроватью, тщательно застланной. Рядомъ съ кроватью, оставляя очень узкій проходъ, стоитъ длинный столъ. Длинная лавка съ одной стороны, два сундука съ другой служатъ сидѣніемъ для восьми—десяти дѣтей. Изъ нихъ всего три мальчика лѣтъ девяти; остальные все дѣвочки, на видъ лѣтъ десяти, а одной можно дать лѣтъ тринадцать даже. Среди нихъ сидитъ меламедъ, совсѣмъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати двухъ, маленькаго роста, смуглый, съ маленькой черной бородкой, низкимъ лбомъ, черными неумными глазами. Одна изъ дѣвочекъ пишетъ по русски изъ какой то книжки, другая читаетъ вслухъ на жаргонѣ въ очень изодранной, напечатанной мелкимъ шрифтомъ книжкѣ; нѣкоторыя дѣвочки пишутъ по еврейски изъ какого то бердичевского писемовника; двѣ три сидятъ безъ всякаго дѣла.

Мальчики очень вольно рассказываютъ вокругъ стола или же полулежатъ, опершись на столъ и томясь отъ скуки. Я прислушиваюсь къ чтенію дѣвочки, читающей на жаргонѣ и, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, при всемъ усиленномъ вниманіи, ничего понять не могу. Наконецъ, я уловилъ нѣсколько чисто нѣмецкихъ выспреннихъ словъ, которыя такъ дико и странно звучали въ устахъ дѣвочки, да еще при подобной обстановкѣ. Что за критча?!

Я полюбопытствовалъ посмотрѣть, что это за книжка. Оказы-

вается, что это ни больше, ни меньше, какъ какой то «новѣйшій романъ». Называется это достопримѣчательное, произведение «Die finstere Welt a roman in fier theilu» и принадлежитъ оно безсмертному перу какого то Ойзера Влаштейна. Вотъ что читала дѣвочка: Ach wie traverig mein lage is. Ich erwartete di sun sol mir schein tun un ihre Strahlen solin mein herz berieren. Ich erwart mein geliebter, mein erleser virt komen, aif velchin ich hob asoi lang gitrovert и т. д.

Мнѣ хотѣлось собственными глазами убѣдиться, что представляютъ собою подобныя произведенія, и я открытыя двѣ страницы прочиталъ почти до конца. Героння продолжаетъ выкрикивать и изливать свои пламенные чувства къ своему gelibten un erleser, вспоминать «sein stolzin wuchs, seine eiserne hend. mit welchi er hat dem Feinde derschlagen», восклицая каждый разъ: O was far ahead, vas a engel das is. Ich wil ihm sehen un starben».

И вдругъ среди этого ливня любовныхъ взвизгиваній, входитъ «der tiran», т. е. отецъ взвизгивающей и говоритъ: «Басшевенька, ты должна послѣдовать совѣту цадика и сейчасъ же выйти замужъ». Героння вскакиваетъ, словно ее облили цѣлымъ котломъ горячаго «крушника».

«Выйти замужъ?—вскрикиваетъ она:—«Думаешь ли ты насамомъ дѣлѣ, что виноградъ растетъ въ Гренландіи! Виноградъ нуждается въ тепломъ климатѣ, а мое сердце создано только для Соломона. Если она (любовь?) не можетъ принятъ въ сердцѣ Соломона, то она будетъ вянуть, вянуть, до послѣдняго часа, подобно винограду, который оторванъ отъ своей почвы и перенесенъ въ Сибирь или Камчатку».

Отворяется дверь, входитъ швейцаръ въ ливрѣѣ и докладываетъ: «Соломонъ Файербрандъ, турецкій эфенди».

И сейчасъ же входитъ «высокій мужъ, въ турецкой формѣ съ саблей и въ фескѣ» и т. д.

Героння бросается ему въ объятія съ визгомъ: «мой Соломонъ мой спаситель! «un si hat sich fanander geweint».

И такъ они стоятъ въ объятіяхъ другъ друга цѣлыхъ пятнадцать минутъ, не двигаясь съ мѣста и не говоря ни слова.

Затѣмъ турецкій эфенди заявляетъ, что онъ потерянъ для любимой въ него Басъ-Шевеньки, такъ какъ уже женатъ. Слѣдуютъ отчаянныя взвизгиванія и выкрикиванія и т. п. Чтобъ

читатель не слишкомъ удивлялся внезапному появленію турецкаго эфенди, я долженъ объяснить, что дѣйствіе происходитъ... въ Бердичевѣ. И столько невѣроятной, уму непостижимой бессмысленной дребедени на пространствѣ полуторы страницъ! Сколько же отвратительныхъ нечестностей должна содержать вся книга, имѣющая нѣсколько сотъ страницъ. Я попросилъ дать ее мнѣ на одинъ день и прочиталъ нѣсколько главъ. Приведенное совершенно бѣднѣетъ предъ той ужасной кучей бессмыслицъ и омерзительныхъ нечестностей, которыя я нашелъ дальше. Всякая личность, имѣющая какое либо отношеніе къ старому патріархальному міру, все, что носить на себѣ отпечатокъ благочестія, талмудическихъ знаній— это сплошные идиоты, негодяи, преступники; они крадутъ и подмѣниваютъ дѣтей, совершаютъ всякіе подлоги и т. п.

Все остальное—идеалы благодетства.

Но и это еще ничего въ сравненіи съ этимъ бессмысленнымъ бредомъ, подобнаго которому мнѣ еще никогда не приходилось встрѣчать. Словомъ, это «романъ» въ родѣ тѣхъ безнравственныхъ и бездарныхъ писаній, какими въ изобиліи отравляетъ еврейскую массу извѣстный жаргонный оразитель по имени Шомеръ, который за свои постыдныя дѣянія давно долженъ былъ бы попасть на каторгу, какъ и его подражатели, если бы людей судили за этотъ самый страшный видъ отравы—писаніями.

И прочитанныхъ на мѣстѣ полуторы страницъ однако уже вполне было достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ этой книжки, по которой читали дѣвочки.

— Почему это избрали вы подобную книжку для чтенія именно съ дѣвочками, спрашиваю я у молодого меламеда, еле сдерживая негодованіе.

— Другой нѣтъ, такъ читаю по этой. Будто не все равно.

— А отчего вы просто по молитвеннику не читаете?

— Я хочу ихъ упражнять въ чтеніи жаргона.

— Такъ читайте же по какойнибудь книжкѣ, написанной хоть настоящимъ жаргономъ, а не на такомъ тарабарскомъ, уродливомъ языкѣ. Отчего вы не выберете, напримѣръ, ну хоть извѣстный Teutsh-chumesch или Seingerein, ту самую книжку, по которой добрыя еврейки стараго времени читали каждую субботу *седру*, в изъ которой выносили столь много прекрасныхъ и возвышенныхъ моральныхъ правилъ. Молодой человекъ недо-

вѣрчиво и съ недоумѣніемъ на меня смотрѣлъ. Неужели я и впрямь совѣтую ему читать по этой книгѣ, которая всегда служила мишенью для всякихъ насмѣшекъ надъ «бабьемъ» даже стороны ортодоксовъ. Навѣрно я надъ нимъ издѣваюсь, принимаю его за какого-нибудь старомоднаго меламеда. А онъ вотъ даже по русски писать умѣетъ. И вѣроятно, не одинъ молодой меламедъ, а очень многіе спросятъ съ удивленіемъ: неужели я серьезно рекомендую эту устарѣлую книгу, которая, къ ихъ радости, уже многими забыта. Да, какъ бы ни пришлось мнѣ краснѣть за свою отсталость, но я говорю совершенно серьезно. Это прекрасная, истинно народная книга, лучше и возвышеннѣе которой въ этомъ родѣ я не знаю. На ней воспитались много поколѣній лучшихъ и благороднѣйшихъ женщинъ, какихъ мы когда либо видѣли; на ней воспитались наши благородныя самоотверженныя матери, которыя въ сотни разъ выше нашихъ дочерей, какими бы науками онѣ ни были напичканы. Онѣ не мечтали о «герояхъ» mit stolzen wuchs und eiserner händ и не произносили пламенныхъ монологовъ, не кричали о своей «пламенной любви» на всѣхъ площадяхъ; но въ глубинѣ своей небесно-чистой цѣломудренной души хранили священный огонь чистой возвышенной любви къ Богу, къ своему мужу, къ своей семьѣ и ко всѣмъ ближнимъ. И этотъ священный огонь постоянно поддерживался чтеніемъ этой замѣчательной книги. Да, это удивительная книга.

И при томъ это глубоко интересная книга, полная прекрасныхъ поэтическихъ легендъ и сказаній, почерпнутыхъ изъ лучшихъ еврейскихъ источниковъ.

Она переноситъ своихъ читателей въ чистый прекрасный возвышенный міръ благороднѣйшихъ дѣяній и подвиговъ для блага ближняго; всякое моральное правило подтверждается примѣрами изъ жизни величайшихъ людей еврейства. Развѣ можетъ быть лучшая книга для чтенія, особенно для дѣвушекъ.

И авторъ этой замѣчательной, столь соответствующей женской душѣ, книги, раби Яковъ изъ Янова, заслуживаетъ, чтобы его имя не было забыто потомствомъ. Если же его книга предается забвенію, то объ этомъ навѣрное можно пожалѣть и скорбѣть, особенно, когда видишь, чѣмъ она замѣняется, какими безнравственными бреднями, какимъ презрѣніемъ ко всему святому и воз-

вышнему наполняют теперь душу наших молодых дѣвушек и женщинъ народной массы.

Бое что относительно вредности подобныхъ книгъ я высказалъ и юному меламену.

— Пожалуй, вы, быть можетъ, правы, отвѣтилъ онъ, но такимъ тономъ, въ которомъ я ясно видѣлъ продолженіе чтенія того или иного «романа».

И просто потому, что я ему, причисляющему себя уже къ лику «образованныхъ», стыдно, подобно какому либо «небѣзвестенному» меламену, читать по книгѣ, имѣющей религіозный характеръ, да еще предназначенной для женщинъ.

Онъ, какъ уже передовой, больше или меньше, долженъ внести что либо новое. И это новое онъ находитъ въ сказанномъ романѣ.

Такимъ то образомъ насаждается «культура» въ глухой провинціи.

— Сколько у васъ учениковъ? спросилъ я его.

— Одиннадцать. Восемь дѣвочекъ и три мальчика.

— А сколько имѣете въ зманъ?

— Около шестидесяти рублей.

— И всѣ собираете?

— Вотъ зманъ кончается, а я еще не собралъ и половины.

А у меня учатся дѣти уже болѣе состоятельныхъ людей, которые все таки могли бы платить.

— А что проходите съ ними?

— Чтеніе в немного Пятикнижія.

— Сколько приблизительно?

— Такъ главу въ недѣлю.

— А дѣвочки тоже проходятъ Пятикнижіе?

— Проходить.

— И охотно?

— Куда охотнѣе и лучше мальчиковъ.

Я подозвалъ мальчика и спросилъ его, кто такой былъ Авраамъ. Онъ не зналъ. Я обратился къ другому, третьему, переспросилъ всѣхъ дѣвочекъ. Никто не отвѣтилъ. Я предложилъ другіе вопросы изъ исторіи патриарховъ, Моисея и т. д.

Но ни одного *отвѣта* не получилъ. Дѣти проходятъ первую главу каждой седры (отдѣла данной недѣли), и, само собою разу-

нѣтся, не знаютъ рѣшительно связи между ними. Я хотѣлъ видѣть, знаютъ ли они, по крайней мѣрѣ, содержаніе данной главы, но оказалось, что и этого они не знаютъ. Ибо о пониманіи содержанія изучаемаго меламедъ меньше всего заботится. Онъ вдабливаетъ имъ каждое слово отдѣльно въ переводѣ на жаргонъ, и большею частью они не понимаютъ содержанія даже данной фразы. Кромѣ того, очень многія главы чисто моральнаго характера, безъ всякаго при томъ повѣствовательнаго элемента, и поэтому онѣ недоступны дѣтямъ девяти-десятилѣтняго возраста, особенно тогда они проходятъ все безъ всякой связи, отрывками.

Нѣкоторыя дѣти, особенно дѣвочки, поразили меня знаніемъ каждаго слова отдѣльно; но все это бессмысленное ни на что не нужное знаніе, ибо оно ни къ чему не примѣняется.

— Какъ думаете, обратилъ я къ меламеду, до какого возраста будутъ учиться эти дѣти?

— Такъ до десяти лѣтъ они здѣсь учатся, не больше. А потомъ родители ихъ берутъ.

— Что же отдають дальше учиться?

— Нѣтъ, этимъ уже все кончается. Тутъ народъ все грубій, простой. Имъ лишь бы дѣти научились читать, знали бы только малельку Хумеша,—вотъ и все.

— И съ такими знаніями вы ихъ выпускаете?

— Что же дѣлать.

— Но это вѣдь ужасно. Дѣти ни о чемъ понятія не имѣютъ. Затѣмъ вы проходите эти отрывки изъ разныхъ седръ, которые никакихъ знаній не даютъ дѣтямъ. Не лучше ли было бы если бы вы начали одну книгу, книгу Бытія, и прошли бы ее цѣликомъ, пропуская только слишкомъ трудныя и неудобныя для дѣтей мѣста. Они бы хоть о чемъ либо имѣли цѣльное понятіе: о твореніи, о потопѣ, о патриархахъ и т. д.

— А какъ проходили въ прежнія времена? тоже вѣдь по главамъ изъ каждой седры съ начинающими.

— Да, во первыхъ, не все дѣлали хорошо прежде, во вторыхъ когда дѣти дѣлались старше, они потомъ возвращались къ тѣмъ же седрамъ и проходили ихъ цѣликомъ. Вы же ограничиваетесь этими безсвязными отрывками, дальше которыхъ дѣти не пойдутъ, и такъ останутся безъ малѣйшаго понятія даже о библейской исторіи.

— Да,—согласился молодой меламедь,—может быть, оно было бы лучше такъ; но тутъ родители требуютъ, чтобы ребенокъ еженедѣльно зналъ непременно, «какая идетъ седра». Больше этого они и сами не знаютъ и на этомъ выѣзжаютъ. Это ихъ единственный способъ выслушивать дѣтей. И не дай Богъ, что они выдѣлываютъ, если ребенокъ не сумѣетъ имъ сказать названіе седры данной недѣли.

— Они, родители, какъ вы говорите сами, грубые невѣжественные люди, и вы не должны руководствоваться ихъ требованіями. Вы имъ должны объяснить, что такъ лучше, и они всетаки поймутъ. Затѣмъ, вамъ вовсе не трудно было бы, для того чтобы удовлетворить родителей, сказать дѣтямъ, что въ данную недѣлю такая то седра и даже объяснить имъ, что это такое седра, ибо я вполне увѣренъ, что они этого не знаютъ. Неужели вамъ не больно выпускать дѣтей въ такомъ полномъ страшномъ незнаніи всего, рѣшительно всего. Черезъ очень короткое время они вѣдь и читать забудутъ. Такъ постарались бы хоть что либо запечатлѣть въ ихъ душѣ, дать имъ хоть какія либо опредѣленные понятія о еврействѣ, которыя они могли бы сохранить.

— Съ какой стати, замѣтилъ нѣсколько горячо молодой человекъ,—съ какой стати, я о нихъ больше буду заботиться, чѣмъ ихъ родители. Еслибы они, дѣйствительно, желали, чтобы ихъ дѣти знали чтонибудь, они бы прежде всего платили меламеду. Но это у нихъ самое послѣднее, самое какъ будто лишнее. Они ихъ посылаютъ въ хедеръ, чтобы избавиться отъ нихъ, чтобы дома было тише. До званія дѣтей имъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Вы думаете, имъ и въ самомъ дѣлѣ важны эти понятія о еврействѣ, важно, чтобы дѣти любили еврейство. Это имъ и не снится. Быть можетъ, найдутся двое трое, которые дѣйствительно хотѣли бы, чтобы ихъ дѣти знали чтонибудь. Даромъ работать для нихъ не хочу; мнѣ нужно жить, а объ этомъ они совсѣмъ не думаютъ.

— Вы, конечно, во многомъ правы, отвѣтилъ я ему. Это дѣйствительно позорно и печально, что у еврейскихъ родителей плата за обученіе дѣтей еврейскимъ званіямъ занимаетъ самое послѣднее мѣсто. Но лучше ли вамъ живется и легче ли работается, когда дѣти ничего не выносятъ. Я думаю, напротивъ. Если бы вы дали дѣтямъ хоть какія либо званія, внушили бы

имъ какія либо хорошія чувства, вы бы могли имѣть хоть это удовлетвореніе—нравственное; у васъ было бы сознаніе, что вы сдѣлали что либо хорошее. И быть можетъ, вы такимъ образомъ воздѣйствовали бы на родителей. И чѣмъ дѣти виноваты, когда ихъ родители невѣжественны, не умѣютъ цѣнить труда бѣднаго учителя. Старайтесь, по крайней мѣрѣ, чтобъ дѣти были лучше, чтобъ они сохранили хорошія воспоминанія о своемъ учителѣ, и они будутъ лучше относиться въ будущемъ къ учителямъ своихъ дѣтей.

— Да, все это хорошо. Но прежде всего самому надо жить, а работать за вознагражденіе въ будущей жизни никто не хочетъ.

Я превосходно понималъ, что я трачу напрасно слова, что ничего я не измѣню своими увѣщаніями. Мнѣ даже стыдно стало за то, что я уже сказалъ. Посидѣвъ еще съ четверть часа, я вышелъ разбитый, удрученный.

Вотъ онъ настоящій разгромъ еврейства, подумалъ я.

Что значать всѣ эти разбитые магазины, уничтоженное имущество, все это причиняемое намъ другими зло, рядомъ съ тѣмъ зломъ, которое мы себѣ сами причиняемъ, рядомъ съ тѣми опустошеніями, которыя мы сами производимъ у себя!

Это вѣдь въ дребезги разбивается еврейская душа, и это уничтожается все еврейское духовное достояніе! Этого вѣдь не возстановить никакими сборами пожертвованій. И этого самаго страшнаго изъ всѣхъ разгромовъ, какимъ когда-либо подвергалось еврейство, никто словно не видитъ, никто не замѣчаетъ, о немъ никто не кричитъ, никто не взываетъ о помощи!

Мнѣ осталось посѣтить еще одинъ хедеръ; но я отложилъ это посѣщеніе на слѣдующій день, такъ какъ было уже послѣ одиннадцати, а около этого времени распускаютъ учениковъ домой на часъ «обѣдать».

Погруженный въ свои печальныя мысли, я пересѣкъ площадь, самъ собственно не зная, куда направляюсь.

Тихо и безлюдно на площади, какъ и прежде; только недалеко отъ деревянной будки, служащей для продажи мяса, стоятъ двѣ выпряженныя фуры, нагруженныя какими то товарами, закрытыя сѣрными ряднами. Пріютившись въ тѣни своихъ телѣгъ, сидятъ на землѣ хозяева, два великоросса огромнаго роста, которые по очереди тянутъизъ бутылки, забинувъ далеко назадъ кудлатыя головы, а передъ ними на пропитанной жиромъ бумагѣ лежитъ обильный за-

встрахъ изъ маслинъ, жареной рыбы, огурцовъ и т. д. Лошади громко жуютъ сѣно изъ ряда, привязаннаго къ дышлатъ, и сильно отмахиваются хвостами отъ назойливыхъ мухъ, во множествѣ осѣвшихъ особенно на хребтахъ и на всѣхъ натертыхъ отъ хомутовъ мѣстахъ. Дома стоятъ кругомъ, словно застывшіе въ дремотѣ. Маленькая крестьянская дѣвочка съ сильно засаленнымъ личикомъ направляется въ лавочку, держа въ рукахъ залитую жиромъ темную грязную бутылку. Вотъ у воротъ своего дома, съ заложеными въ карманы руками, явился еврей съ смуглымъ лицомъ, съ маленькой черной съ просѣдью бородкой, въ сѣромъ старенькомъ пиджакѣ, въ тяжеломъ суконномъ картузѣ, сдвинутомъ на затылокъ. Онъ оглядѣлъ площадь, посмотрѣлъ въ разныя стороны и скрылся. И опять ни души кругомъ, опять мертвенно тихо.

Венъ-Ами.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Политическое равноправіе евреевъ).

М. Г. господинъ Редакторъ!

Вы были такъ добры обратиться ко мнѣ съ вопросомъ, «посоветовалъ ли бы я румынамъ предоставить евреямъ полное равенство въ гражданскихъ и политическихъ правахъ».

Я отвѣчаю безъ всякаго колебанія: нѣтъ, я бы не посоветовалъ вамъ дѣлать это, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ, и сколько въ вашихъ интересахъ, столько же въ интересахъ моихъ братьевъ-евреевъ.

Надо очень и очень отличать гражданскія права отъ политическихъ.

Вѣдь это такъ понятно: отказывать въ гражданскихъ правахъ жителямъ, родившимся въ странѣ, связаннымъ съ нею всѣми своими интересами, принимающимъ участіе въ всѣхъ ея радостяхъ и горестяхъ, несущимъ всѣ повинности, включая повинность крови, приносящимъ для ея блага въ жертву всѣ свои силы, выдѣляющимъ изъ своей среды блестящихъ поэтовъ и выдающихся ученыхъ, лишать гражданскихъ правъ такую часть населенія, это просто,—скажу безъ обиняковъ — подлость, это—варварство, покрывающее поворомъ вашу страну и лишъ ее одну во всей Европѣ; это—преступленіе противъ челоувѣчества, преступленіе, которое 2400 лѣтъ тому назадъ не хотѣли совершить греки, которые создали право метеконъ,

*) Предлагаемая, въ полномъ переводѣ статья Макса Нордау появилась въ минувшемъ году въ газ. „Die Welt“ и имѣла цѣлю разъяснить публикѣ взгляды автора на вопросъ о равноправіи евреевъ, по поводу котораго г. Нордау обратился съ письмомъ къ редактору румынской газеты „Nouva Revista Romana“. Это письмо приводится впереди статьи г. Нордау. Взгляды автора вызвали, какъ извѣстно, рѣзкія и вполне основательныя возраженія. Подробную критическую ихъ оцѣнку читатель найдетъ въ статьяхъ Н. Бакста, напечатанныхъ въ газ. „Восходъ“ № 98 за 1900 г. в №№ 3 и 4 за 1901 годъ.

Редакт.

юридическое положеніе коихъ было несравненно выше положенія несчастныхъ румынскихъ евреевъ.

Иное дѣло—политическія права.

Если бы вы сегодня задумали пообщать ихъ евреямъ, вы преподнесли бы имъ роковой подарокъ.

Для оказанія этой послѣдней справедливости страна еще не подготовлена. Чтобы эта мѣра, дѣйствительно, оказала свое цѣлебное дѣйствіе, нужно, чтобы необходимость ея была сознана и прочувствована христіанскимъ населеніемъ, необходимо, чтобы воинствующій антисемитизмъ сталъ исключительнымъ занятіемъ лишь меньшинства, состоящаго изъ предводителей—негодяевъ и послѣдователей—дураковъ, чтобы румынъ больше не смотрѣлъ на своего еврея-сосѣда, какъ на чужака и выскочку, участіе котораго въ его собственной народной жизни, его дѣлахъ управленія, его заботахъ о правосудіи, его управленіи войсками, въ его правительствѣ кажется ему невыносимымъ оскорбленіемъ.

Пока не выполнены эти предварительныя условія, до тѣхъ поръ политическое равноправіе евреевъ останется самообманомъ, грозящимъ опасностью.

Ибо до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ или, по крайней мѣрѣ, не начнетъ дремать наследственная вражда, неминуемо наступитъ одно изъ двухъ:

Или уравненіе въ правахъ остается теоріей, которую практика уличаетъ во лжи,—ее заносятъ въ законодательные кодексы, но жизнь о ней ничего не знаетъ:—въ такомъ видѣ она не имѣетъ никакой цѣны для серьезныхъ евреевъ и самое большее—удовлетворяетъ тщеславіе какихъ-нибудь мелкихъ фанфароновъ.

Или уравненіе проводится въ жизни честно, евреи, дѣйствительно, получаютъ возможность пользоваться политическими правами—вторгаться въ политику, принимать участіе въ избирательной агитаціи, выступать въ качествѣ народныхъ представителей, избирать карьеру общественныхъ дѣятелей:—въ такомъ случаѣ антисемитизму предоставляется такая обильная пища, что онъ развивается до чудовищныхъ размѣровъ. Нельзя вести никакой реальной политики безъ того, чтобы не присоединиться къ какой-нибудь партіи. Понятно, что всякій баллоти-

рующійся въ парламентскіе депутаты и имѣющій соперникомъ еврея, или такого, который имѣетъ за собой больше еврейскихъ избирательныхъ голосовъ; что министерство, борющееся съ евреями-депутатами или людьми, попавшими въ парламентъ благодаря евреямъ; что оппозиція, ведущая атаку противъ правительства, опирающагося на еврейскіе голоса,—понятно, что никто изъ нихъ не преминетъ пустить въ ходъ орудія антисемитизма. Съ ними вѣдь удобно имѣть дѣло, и они такъ безошибочно дѣйствуютъ! Ни предъ чѣмъ не останавливающіеся профессионалы-политики стали бы больше, чѣмъ когда либо, разжигать вражду массы къ евреямъ, и еврею пришлось бы совершенно одному расплачиваться за учиненныя демогагами мерзости и ихъ постыдныя политическія послѣдствія; вѣдь его стали бы болѣе, чѣмъ когда либо, поносить, осыпать клеветой и преслѣдовать, такъ какъ это было бы на руку большому числу вліятельныхъ людей; антисемитизмъ сталъ бы могучимъ рычагомъ въ политикѣ, помогать бы партіямъ и правительству обходиться безъ всякой программы, ибо его одного было бы достаточно, чтобы доставить кому угодно, благосклонность толпы. А это въ концѣ концовъ приведетъ: для васъ—къ отравленію политической жизни, застою во всякомъ серьезномъ развитіи, торжеству самыхъ подлыхъ и преступныхъ подстрекателей, сильному развитію самыхъ низменныхъ инстинктовъ массы, банкротству прогресса и честности въ общественной и—что не предотвратимо—частной жизни; а для евреевъ—къ такому положенію, ужасъ котораго излишне изображать въ подробностяхъ.

Собираю воедино все сказанное.

Немедля дайте евреямъ гражданскія права, ибо отказывая имъ въ нихъ, вы можете, конечно, сдѣлать въ Румыніи евреевъ паріями, но ео ipso вы сдѣлаете румыновъ умственными и духовными паріями всего человѣчества.

До тѣхъ поръ не предоставляйте евреямъ политическихъ правъ, пока ненависть къ нимъ еще настолько сильна, что недѣли могутъ рассчитывать сдѣлать выгодную аферу, спекулируя этимъ народнымъ чувствомъ. Погодите съ эмансипаціей, пока румынскій народъ не пойметъ, что, преслѣдуя евреевъ, онъ отдастъ себя на угнетеніе и разграбленіе ворами.

Простите за откровенность рѣчи и примите, г. редакторъ выраженіе моего глубокаго уваженія».

«Такъ—добавляетъ Нордау,—гласить дословно мой отвѣтъ, вызвавшій противъ меня [неудовольствіе одной части румынскихъ евреевъ».

Въ своемъ гнѣвѣ они ополчились и противъ сіонизма, введя на него обвиненіе въ томъ, что онъ измѣнилъ имъ въ самую рѣшительную минуту. Что касается этого пункта, о немъ я уже высказался и не стану повторять разъ сказанное.

Далеко не лишнимъ будетъ, напротивъ, побесѣдовать мнѣ съ моими румынскими братьями, ожидающими полнаго спасенія отъ политическаго уравненія, на тему объ эмансипаціи и показать имъ, основываясь на данныхъ больше чѣмъ столѣтней исторіи, что повсюду, гдѣ политической эмансипаціи не предшествовало полное исчезновеніе вражды къ евреямъ, по крайней мѣрѣ у передового, умственно высоко стоящаго меньшинства, повсюду эта эмансипація становилась самымъ ужаснымъ проклятіемъ для евреевъ, одурачивъ, лишила ихъ всѣхъ полученныхъ по наслѣдству духовныхъ и нравственныхъ благъ и не давала за это ни малѣйшаго вознагражденія.

Доказать это является задачей слѣдующей статьи.

I.

Еврей-ассимиляторы часто ставятъ намъ ребромъ вопросъ, лицемѣря или негодуя вполне искренно: „ужь не должны-ли мы трусливо отказаться отъ того, что наши отцы завоевали съ такими усиліями?“

Этотъ вопросъ содержитъ въ себѣ дерзкую фальсификацію исторіи, и пора уже заклеить эту ложь, какъ она того заслуживаетъ.

Это не вѣрно, будто наши отцы завоевали политическое равноправіе. Они добились его пронырствомъ и пролазничествомъ и я, ихъ потомокъ, ради котораго, по ихъ мнѣнію, они это сдѣлали, съ горечью бросаю имъ его обратно, отнюдь не считая себя неблагодарнымъ; я сгораю отъ стыда всякій разъ, когда прочитываю этотъ отдѣлъ нашей новой исторіи.

Въ своей рѣчи, сказанной на первомъ базельскомъ конгрессѣ, я изложилъ психологію эмансипаціи евреевъ, и мнѣ те-

перъ нѣтъ надобности повторять то, что я сказалъ тогда. На этотъ разъ я хочу прибавить нѣсколько словъ на тему о фактической исторіи нашей эмансипаціи.

Самымъ достойнымъ образомъ вели себя парижскіе евреи, требовавшіе въ 1791 г. политическихъ правъ у національнаго собранія. Они сдѣлали свое дѣло безъ многословія и мужественно, основываясь на принципахъ революціи, насколько послѣдніе получили выраженіе въ „Декларациіи правъ гражданина и челоуѣка“, на своемъ гражданскомъ поведеніи, доказательствомъ чему служило ихъ участіе во взятіи штурмомъ Бастиліи и во всѣхъ революціонныхъ битвахъ, и на показаніяхъ своихъ сосѣдей-христіанъ, которые вмѣстѣ съ ними предстали предъ лицомъ Национальнаго Собранія и настойчиво поддерживали ихъ требованіе, свидѣтельствуя объ ихъ преданности свободѣ и родинѣ.

Они требовали права, а вовсе не милости. Они обѣщали одно—почитать законъ и быть вѣрными сынами отечества, и ничего другого отъ нихъ не требовали. Даръ, преподносимый и принимаемый на такихъ условіяхъ, доставляетъ честь какъ дарителю, такъ и одаренному.

Но уже великому Наполеону приплась не по вкусу эта справедливость, оказанная евреямъ безъ всякихъ унижительныхъ ограниченій; онъ потребовалъ отъ созваннаго въ 1806 году въ Парижѣ Синодріона разрѣшить браки между евреями и христіанами и удалить изъ еврейскихъ молитвъ и обрядовъ всѣ указанія на Сіонъ и національное возрожденіе; другими словами, онъ хотѣлъ, чтобы евреи отказались отъ своихъ месіанскихъ вѣрованій, отреклись отъ своихъ національных упованій, уничтожили свою обособленность, говоря коротко, совершили національное самоубійство. Онъ дѣлалъ то же самое, что дѣлали всѣ средневѣковые папы и короли, которые поощряли евреевъ къ принатію христіанства. Единственное различіе между ними и Наполеономъ состоитъ въ томъ, что онъ внѣшнимъ образомъ не былъ такъ жестокъ и, само собой разумѣется, менѣе откровененъ. Его приказъ не гласилъ: „Крещеніе или смерть“, а звучалъ болѣе мягко: „Принесеніе въ жертву всего существеннаго въ іудаизмѣ или лишеніе правъ!“ Ему, дѣтищу революціи, желѣзному централизатору, было

такъ же мало дѣла до религіи, какъ и до объединенія всѣхъ своихъ подданныхъ.

Члены Синедріона вели себя постыдно. Они не осмѣлились сказать императору: „Мы не можемъ принципиально сдѣлать обязательнымъ смѣшанный бракъ, который долженъ повести къ нашему растворенію въ массѣ нашихъ соотечественниковъ-христіанъ, мы не въ силахъ вырвать изъ нашихъ сердецъ надежду на національное возрожденіе, которая поддерживаетъ насъ въ теченіе тысячелѣтій среди рабства и гоненій“. Но они не рѣшались также обратиться къ французскому еврейству съ воззваніемъ: „отбросьте ваше еврейство, французская свобода, которую вамъ дають взамѣнъ его, лучше“. Они вели дипломатію съ обѣими сторонами, и обѣихъ обманули. Наполеону они давали двусмысленные отвѣты, которые онъ могъ понять, какъ отказъ отъ мессіанской вѣры и упованій на Сіонъ и отъ обособленности, хотя они вовсе этого и не думали, а среди французскихъ евреевъ они старались поддержать убѣжденіе въ томъ, что они спасли іудаизмъ, тогда какъ въ дѣйствительности они его предали.

Предъ орудіями пытки и на кострахъ, отцы радостно исповѣдывали свою вѣру; дѣти болѣе не рѣшаются на это, въ виду возможности легкаго ограниченія ихъ въ гражданскихъ правахъ, которыми они пользовались въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, ограниченія, которое,—самое большее,—могло отчасти задѣть ихъ тщеславіе или, скажемъ иначе, ихъ самочувствіе. Развѣ всѣ 71 членъ Синедріона были люди съ дурными характерами? Такъ, безъ всякаго разслѣдованія, этого сказать нельзя. Надо скорѣе думать, что внутренне они уже и до того отпали отъ еврейства и не были уже больше въ состояніи принести даже самой ничтожной жертвы, не могли поступиться чисто внѣшними усвоенными привычками.

Поведеніе Наполеоновскаго Синедріона сдѣлалось образцомъ для западно-европейскихъ евреевъ. Начиная съ этой поры, они стремились къ политическому равноправію не для того, чтобы имѣть возможность свободно развиваться въ лучшихъ правовыхъ условіяхъ, въ качествѣ евреевъ, и укрѣпить свое положеніе, но съ одной цѣлью—сбросить съ себя свое еврейство.

Наполеонъ I зналъ очень хорошо, куда онъ мѣтилъ, когда

ставилъ Синадріону свои условія. Своимъ острымъ взглядомъ онъ предвидѣлъ, что переходъ евреевъ въ государственную религію есть только вопросъ времени, коль скоро они не будутъ болѣе ожидать національнаго возрожденія и вступать въ смѣшанные браки съ своими сосѣдями-христіанами. Синадріонъ, очевидно, не измѣрилъ всей важности этого неизбѣжнаго послѣдствія, этого отказа отъ несокрушимой твердыни іудазма, не измѣрилъ или вслѣдствіе своей близорукости, или потому, что онъ умышленно не желалъ пустить въ ходъ свои логическія способности. Быть можетъ, Синадріонъ предвидѣлъ послѣдствія своихъ рѣшеній такъ же хорошо, какъ Наполеонъ, и подобно ему желалъ ихъ. Человѣческая душа представляетъ собой сложную картину, и измѣнчивыя формы ея не легко поддаются ясному математическому выраженію. Казалось бы, что самое простое для еврея, не дорожащаго своимъ еврействомъ, это—крещеніе. А именно самое простое человѣкъ дѣлаетъ рѣже всего; и еврей, внутренне отпавшій, всетаки, вопреки своему равнодушію къ еврейству, скорѣе готовъ мало-помалу, незамѣтно и безъ страданій отстранить отъ себя еврейство, чѣмъ сразу повернуться къ нему спиной, потому-ли, что это болѣе удобно, по лѣности-ли ума, слабости воли или, быть можетъ, сохранившемуся чувству почтенія къ памяти отцовъ и собственнымъ юношескимъ воспоминаніямъ.

Сознательно или безсознательно, но нѣмецкіе, австрійскіе и венгерскіе евреи стояли на точкѣ зрѣнія наполеоновскаго Синадріона, когда они посылали свои смиренно жалобные прошенія князьямъ, министрамъ и парламентамъ и вымаливали свою политическую эмансипацію.

Мысли, возникающія при чтеніи документовъ этого періода, которыхъ я не могу читать безъ содроганія, развиваются приблизительно слѣдующимъ образомъ: мы евреи—не нація, мы точь въ точь то же самое, что вы; мы не желаемъ и не надѣемся стать опять народомъ, мы хотимъ отказаться отъ нашихъ промаховъ, стараемся уподобиться вамъ въ просвѣщеніи и нравахъ, мы просимъ только разрѣшить намъ дальнѣйшее пребываніе въ нашей вѣрѣ и признать насъ равноправными во всемъ остальномъ, вы увидите, что мы выкажемъ себя достойными этого высокаго отличія.

Ни одна изъ этихъ эмансипационныхъ попытокъ, сколько я ихъ ни знаю, не содержитъ въ себѣ и слабаго указанія на нашу тысячелѣтнюю исторію страданій; ни въ одной изъ нихъ не отдаются хоть бы слабымъ эхомъ предсмертныя молитвы нашихъ мучениковъ. Евреи не требовали мужественно, чтобы до нѣкоторой степени исправили совершенное по отношенію къ нимъ старое ужасное зло; предусмотрительно умалчивая на счетъ этого, рабски ссылаясь на свои „честныя стремленія къ просвѣщенію“, на сдѣланные „успѣхи“, на свое рѣшеніе „ревностно слѣдовать по намѣченному пути“, они тѣмъ самымъ говорили, что обвиненія недруговъ имѣютъ нѣкоторое основаніе, а открытое обѣщаніе стать лучше равнялось признацію того, что гоненія прошлыхъ временъ были ими заслужены.

„Это была дипломатія“.

Нѣтъ. Это было отсутствіе достоинства. Это было жалкое попрошайничество.

„Что же, евреи, чего добраго, должны были дерзко заявить о себѣ? Въ такомъ случаѣ ихъ не только бы назвали дерзкими но имъ бы ничего и не дали!“

Въ дерзости не было надобности. Достаточно было спокойной гордости. Гордо должны были заявить они: „Неужели вы не полагаете, что позорное преслѣдованіе и притѣсненіе невиннаго меньшинства продолжалось уже достаточно долго? Развѣ вы не видите, что сами налагаете на себя клеймо варварства, лишая насъ нашихъ естественныхъ правъ изъ-за нашей вѣры и нашего происхожденія? Ваша совѣсть еще не заговорила? Она еще не повелѣваетъ вамъ загладить зло, причиненное вашими отцами нашимъ? Вы еще не достаточно мудры, чтобы понять, что, привлекая насъ къ участию въ вашихъ общественныхъ дѣлахъ, вы тѣмъ самымъ приобрѣтаете сильныхъ, умныхъ, ревностныхъ, полезныхъ и самоотверженныхъ сотрудниковъ?“

Возможно, что, поведя такую рѣчь, евреи не достигли бы цѣли. Но на это нельзя смотрѣть, какъ на несчастіе. Это доказало бы только, что народы—не мы—не соврѣли еще для эмансипаціи евреевъ. А пока это не наступило, и эмансипація не могла принести намъ избавленія.

Если политическая эмансипація дѣйствительно явилась раньше времени, то она была двусмысленностью или недора-

зумѣніемъ. Правительства увидѣли въ ней заключенный съ евреями договоръ, которымъ на нихъ возлагалась принятая ими, какъ казалось, обязанность раствориться въ недалекомъ будущемъ среди христіанъ. Задачей эмансипаціи было только сдѣлать болѣе пріятнымъ и легкимъ выполненіе этой обязанности. И нельзя имѣть ничего противъ правительствъ за подобный образъ мыслей. Они попросту дѣлали логическіе выводы изъ утвержденія еврейскихъ просителей, говорившихъ, что они не представляютъ и не хотятъ представлять собой націи и что они отложили всякую мысль о національномъ будущемъ іудаизма. Если это заявленіе дѣлалось честно, то у евреевъ не будетъ болѣе основаній сторониться смѣшанныхъ браковъ, ихъ долгомъ было устранить изъ своей вѣры всё предписанія, обусловленныя исключительно національной обособленностью. Іудаизмъ, лишенный всякихъ національныхъ элементовъ, вѣдь не болѣе, думали они, какъ рационалистическій деизмъ, который ничѣмъ болѣе не разнится отъ унитаріанства, и самъ собою, безъ всякаго сторонняго воздѣйствія, долженъ претвориться въ рационалистическое христіанство, принять, пожалуй, ту его форму, которую оно имѣетъ въ союзѣ протестантовъ.

Не было недостатка и въ евреяхъ, которые такъ же понимали эмансипацію, какъ понимали ее правительства, и подобно имъ работали для дѣла уничтоженія еврейскаго народа. Одни крестились сейчасъ же. Это были наиболѣе послѣдовательные и самые честные. Противъ ихъ поступка нельзя даже негодовать, ибо не одно и то же—перейти въ христіанство въ то время, когда евреи пользуются полной свободой и даже нѣкоторыми симпатіями окружающаго населенія, или бѣжать изъ-подъ знаменъ во время отчаяннаго боя за честь и жизнь. Другіе открыли собой реформаторское движеніе съ его уничтоженіемъ еврейскихъ молитвъ, воскреснымъ богослуженіемъ, исключеніемъ всѣхъ намековъ на Сіонъ, образуя цѣлую процессію выходящихъ изъ рядовъ еврейства со знаменами и значками. Но большинство евреевъ и послѣ эмансипаціи остались народомъ упрямецъ и никакъ не хотѣли понять, чего желали отъ нихъ ихъ вожаки и чего ожидали отъ нихъ ихъ христіанскіе покровители. Они остались евреями. Они заключали между собой

браки, они молились на еврейскомъ языкѣ. Они твердо придерживались субботы. Они не растворялись среди христіанъ.

Правительства были разочарованы. Они какъ-то смутно чувствовали, что евреи не исполнили своихъ обязанностей по договору эмансипаціи, и опять лишили ихъ своего вниманія, которое они даровали было имъ на одно мгновеніе, вслѣдствіе ложныхъ предположеній. Масса же, которая никогда не переставала быть настроенной антисемитически, снова могла отдаться всѣмъ оргіямъ жидотрепанія.

Еврейское меньшинство, въ которомъ наряду съ доброжелательными скептиками и близорукими оппортунистами было особенно много тщеславныхъ карьеристовъ, добилось хитростью эмансипаціи благодаря своему двусмысленному обѣщанію національнаго самоубійства. Еврейское большинство впоследствии или не вполнѣ или совсѣмъ не выполнило этого обѣщанія. Вслѣдствіе этого правительственныя власти почувствовали себя освобожденными отъ принятыхъ обязательствъ. Эмансипація значитъ еще на бумагѣ, но фактически она взята обратно.

Дѣйствительно, что осталось еще отъ политической эмансипаціи? Еврей еще обладаетъ избирательнымъ правомъ, но партія даетъ ему понять что его голоса, въ лучшемъ случаѣ, ею терпятъ, но не желательны ей. Онъ имѣетъ право быть избраннымъ, но онъ не можетъ найти себѣ никакого избирательнаго округа, за исключеніемъ социалистическихъ (я имѣю въ виду Германію). По конституціи ему открыты всѣ виды общественной дѣятельности, но у него на спинѣ скорѣе вырастутъ крылья, чѣмъ онъ получитъ назначеніе на мѣсто почтальона, городского или кондуктора. И я спрашиваю: какая перемена произошла бы, если бы у еврея отняли его активное и пассивное избирательное право или отмѣнили тѣ параграфы конституціи, которые разрѣшаютъ поступленіе на государственную службу всѣмъ гражданамъ, безъ различія вѣроисповѣданія?

Если мы затѣмъ спросимъ: какую пользу принесла политическая эмансипація евреямъ, то отвѣтъ могъ бы быть только слѣдующія.

Пережитки прошлаго мало по-малу исчезаютъ. Узы еврейской сплоченности разрываются. Поколѣніе, выросшее въ періодъ эмансипаціи, не обладало совершенно еврейскимъ чувствомъ и

самосознаніемъ, зачастую оно было настроено въ рѣзко анти-семитскомъ духѣ. Нѣкоторые еврей-карьеристы набрасывались на политику, выдвигались благодаря расовому темпераменту, ораторскому искусству, а также беззащѣнчивой ловкости въ плетеніи интригъ, становились вождями партій; и результатомъ ихъ дѣятельности бывало то, что партія, въ которыхъ они шествовали, теряли всякій престижъ въ глазахъ народа. Достаточно было того, чтобы евреи заинтересовались какой-нибудь партіей, поддерживали ее, чтобы эта партія быстро и безвозвратно погибала. Реакція потому могла одержать верхъ надъ свободомыслиемъ и прогрессомъ, что отъ свободомыслия и прогресса отвернулись и просвѣщенная буржуазія, и массы, а отвернулись онѣ отъ этихъ направленій потому, что къ нимъ примкнули еврей-избиратели и еврей-политики.

Дѣлаю окончательный выводъ: эмансипація выдвинула нѣсколько еврейскихъ парламентскихъ дѣятелей, которые не посвятили еврейскимъ интересамъ ни единой мысли, ни единого слова и чье страстное, нерѣдко назойливое поведеніе раздувало въ большое пламя тлѣвшій огонь ненависти къ евреямъ. Эмансипація на долгое время обезсилила свободомысліе и сдѣлала реакціонными, изъ-за одной лишь ненависти къ евреямъ, широкіе круги народа; она научила образованныхъ евреевъ искать удовлетворенія своей потребности въ общественной дѣятельности повсюду, только не въ сферѣ еврейской общинной жизни; она отдѣлила китайской стѣной всѣхъ альтруистически настроенныхъ талантливыхъ людей отъ народныхъ еврейскихъ интересовъ; она присоединила къ старому гнету новыя оскорбленія, сопровождающія грубые отказы во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ; она дала антисемитизму новые поводы и предала въ жертву его ярости разъединенныхъ евреевъ, въ то время какъ до эмансипаціи они сомкнутыми рядами въ кругу своихъ, прикрытые съ фланговъ и съ тылу, могли оказывать ему сопротивленіе.

Въ тѣхъ странахъ, куда эмансипація должна была пробраться тайкомъ, потому что антисемитизмъ былъ еще настолько живучъ, что не допускалъ свершенія акта справедливости, она еврею въ цѣломъ не принесла никакой пользы, напротивъ, она причинила ему тяжелый, зачастую неисправимый вредъ.

Да и помимо этого, она и понынѣ не представляет собою ничего реального въ этихъ странахъ, не имѣетъ даже вида чего-либо подобнаго. Ни домогательство ея прежде, ни формальное сохраненіе теперь не стоили и не стоятъ ни малѣйшей жертвы.

Вотъ результаты вѣковой исторіи. Вслѣдствіе ея уроковъ мы по необходимости приходимъ къ другой еврейской народной политикѣ, изложеніе которой будетъ дано въ заключительной главѣ.

III.

Въ ужасную эпоху среднихъ вѣковъ не было никакой еврейской сознательной народной политики, да и не могло ея быть.

Каждая община, каждый отдѣльный еврей думалъ лишь о томъ, чтобы пережить наступающій день; защита своего голаго бытія противъ угрозъ и насилій требовала со стороны нашихъ предковъ напряженія всѣхъ силъ, такъ что они не были въ состояніи охватить взоромъ болѣе далекіе горизонты, они не могли строить плановъ будущаго или пытаться сообща осуществлять эти планы.

Когда же, наконецъ, послѣ долгой ночи показалась заря новаго времени, тогда проснулось въ лучшихъ слояхъ еврейскаго народа сознаніе тѣсной взаимной связи всѣхъ разсѣянныхъ народныхъ частей, и они стали работать для улучшенія правового положенія всего ихъ племени, т. е. они положили основаніе сознательной еврейской народной политикѣ.

Португальскіе и испанскіе евреи, которые намѣревались въ 16-омъ столѣтіи поселиться въ Бордо, вели переговоры съ губернаторомъ Піени, а затѣмъ съ самимъ королемъ, и ихъ поселеніе послѣдовало на основаніи писанныхъ правъ не для отдѣльныхъ личностей, но для всѣхъ. Голландскіе сефарды, которые намѣревались въ 17-омъ столѣтіи переселиться въ Англію, не хотѣли прокрадываться туда по одиночкѣ, а послали Манассебен-Израиля къ Кромвелю, чтобы добиться разрѣшенія для всѣхъ.

Положеніе евреевъ, стремившихся извнѣ получить доступъ въ страну, было сравнительно благоприятно; они могли договариваться объ условіяхъ и теоретически имъ былъ предоставленъ

выборъ принять ихъ и иммигрировать или отклонить ихъ по неприемлемости и оставить мысль объ иммиграціи. Евреи въ Германіи и на европейскомъ Востокѣ были въ худшемъ положеніи. Они уже жили въ странѣ и не могли заявить начальству: «мы требуемъ тѣхъ или иныхъ правъ: если вы ихъ намъ даеъ, мы остаеъся; если вы не согласны, мы уходимъ». Они не могли ставить условій и должны были покорно пребывать въ томъ положеніи, которое имъ создавали власти; ихъ народная политика должна была сообразоваться съ этими отношеніями; тѣмъ не менѣе и у нихъ была народная политика. Она была направлена къ достиженію человѣческихъ и гражданскихъ правъ. До конца 18-го вѣка въ средней и восточной Европѣ еврей въ сущности былъ презираемъ и свободенъ какъ птица.

Нигдѣ онъ не имѣлъ права отчизны. Его осѣдлость всюду была не обезпечена законами, а лишь милостью, которая многократно должна была испрашиваться, на которую снисходили или въ которой могли отказать. Дамокловъ мечъ одиночныхъ и массовыхъ изгнаній всегда висѣлъ надъ его головою: онъ жилъ на основаніи охранной грамоты, которая въ лучшемъ случаѣ имѣла силу на опредѣленный срокъ, рѣдко превышавшій 20 лѣтъ, большей же частью только 10 лѣтъ. Какъ только срокъ истекалъ безъ обновленія охранной грамоты, приходилось снова браться за посохъ странника при условіяхъ, напоминающихъ современную румынскую эмиграцію: позади изгнанниковъ закрывалась съ шумомъ желѣзная дверь, а передъ нимъ не открывали никакихъ другихъ воротъ. Въ продолженіе срока дѣйствія охранной грамоты еврей долженъ былъ всѣ свои стремленія и помыслы направить къ одной цѣли: заработать достаточно денегъ для выкупа слѣдующей срочной грамоты. Онъ работалъ неустанно для правительства, которое назначало все болѣе и болѣе высокія суммы. Его случайныя богатства предназначались не для него, а для властей, которыя съ терпѣливымъ глумленіемъ ожидали его по окончаніи срока для новыхъ вымогательствъ; чѣмъ больше онъ имѣлъ, тѣмъ больше выжимали изъ него, такъ что роковой срокъ дѣлался вродѣ поворотнаго момента, когда уравнивался еврей богатъ съ евреемъ бѣднякомъ: ограбленные, разворенные до основанія, но съ милостивымъ соизволеніемъ снова начать тяжелую работу у ховяйскаго

жернова для грабителей впродъ до новаго грабежа. Вотъ почему до конца прошлаго столѣтїя не было въ средней и восточной Европѣ богатыхъ еврейскихъ семействъ, хотя и случались отдѣльные богатые евреи. Какойнибудь выскочка могъ добиться большого состоянїя, но не было почти примѣра, чтобы онъ могъ оставить наследство дѣтямъ или внукамъ.

Подобное юридическое и экономическое положеніе было невыносимо, и понятно, что наши предки изъ кожи лѣзали, чтобы получить прочную осѣдность. «Придворные факторы», «штадлонами» или военные подрядчики опирались на благоволеніе своихъ высокихъ покровителей для борьбы съ нетерпимостью враждебныхъ евреямъ муниципалитетовъ при добыванїи права осѣдности въ закрытыхъ для нихъ городахъ.

Я вспоминаю о борьбѣ Вертгеймера, придворнаго фактора Карла VI, съ Прессбургомъ и Цинсомъ, а также о еще болѣе извѣстномъ процессѣ поставщика войскъ Людвика XVI Серфбеера съ городомъ Страсбургомъ. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ евреи искали помощи противъ короны въ феодальныхъ владѣнїяхъ. Такъ, въ 1670 г. при изгнанїи евреевъ изъ Вѣны, имъ дали убѣжище князь Дитрихштейнъ и графъ Іоганнъ Палффи.

Исканіе всѣми еврейскими общинами правъ осѣдности увѣнчалось уже нѣкоторыми успѣхами, когда началась французская революція. Здѣсь евреи могли жить въ нѣкоторыхъ городахъ, хотя при этомъ имъ было запрещено пребываніе въ остальныхъ городахъ и селахъ; тамъ они пользовались общимъ правомъ жительства во всей странѣ безъ права владѣнїя недвижимостями. Въ одномъ государствѣ имъ былъ закрытъ доступъ въ среднїя и высшїя школы, цехи и нѣкоторыя отрасли торговли; въ другомъ они могли изучать медицину и философію, заниматься ремеслами и всѣми видами коммерціи. Революція однимъ ударомъ измѣнила всѣ эти отношенїя. Она провозгласила равноправїе всѣхъ жителей страны и, куда ни приходили французы, они разрушали стѣны гетто и поднимали евреевъ, которымъ они давали всѣ гражданскїя права. Когда однако Наполеонъ былъ побѣжденъ соединенными ретроградными силами Европы, всюду, кромѣ Франціи, старались вернуть прежнїя отношенїя. Впрочемъ это было невозможно, такъ какъ времена французовъ создали особую нравственную атмосферу, отъ

которой никто въ Европѣ не могъ освободиться. Поэтому, полнаго лишенія правъ одного изъ элементовъ населенія, котораго нельзя было обвинить ни въ какомъ опредѣленномъ преступленіи, не состоялось. Сдѣлано было однако все, что, только было возможно, чтобы снова унижить евреевъ до ихъ дореволюціоннаго правового положенія.

Два десятилѣтія относительной свободы и равенства и примѣръ французскаго еврейства произвели глубокія измѣненія въ еврейской душѣ. Еврей не захотѣлъ продолжать быть паріей. Онъ отбросилъ безъ боли свой старый мистическій идеалъ мессіанскаго освобожденія и замѣнилъ его болѣе понятнымъ и удобнымъ идеаломъ равноправія среди христіанскихъ сосѣдей. Его народная политика свелась къ исканію эмансипаціи, для которой не брезгали никакими средствами и шли на всяческія униженія. Между стремленіями евреевъ 18-го вѣка добиться уничтоженія ограничительныхъ законовъ объ осѣдлости и трудѣ и стараніями евреевъ 19-го вѣка выключить политическое равноправіе имѣется лишь поверхностное сходство; въ сущности же оба теченія рѣзко и непримиримо противорѣчатъ другъ другу. Еврей 18-го вѣка требовали права безопасно, свободно оставаться евреями, еврей же 19-го вѣка выпрашивали себѣ милости съ комфортомъ, незамѣтно ускользая отъ еврейства. Этимъ противорѣчіемъ объясняется дальнѣйшій ходъ еврейской исторіи за послѣднее время.

Эмансипація дала евреямъ не только гражданскія права свободнаго передвиженія, владѣнія землей, выбора любой профессіи и свободнаго пользованія всѣми государственными и общинными учрежденіями,—она дала еще имъ и политическія права, т. е. долю участія въ государственномъ управленіи, которыми народъ пользуется въ конституціонномъ государствѣ. Для евреевъ, остающихся евреями и желающихъ лишь въ качествѣ евреевъ сдѣлаться свободными, образованными и дѣльными людьми, важны были лишь гражданскія права, такъ какъ они стремились не къ власти, а къ покою. Для евреевъ же, которыхъ мало или почти совсѣмъ не тянуло къ еврейству, имѣли, напротивъ, большее значеніе политическія права, потому что они позволяли имъ выступить изъ круга еврейства и еврейскихъ интересовъ, вмѣшаться въ дѣла государ-

ства, т. е. христіанскаго большинства, и стремиться къ государственнымъ должностямъ и почестямъ, т. е. къ участию въ государственномъ правленіи.

Это стремленіе никоимъ образомъ не приносило и не приноситъ пользы еврейскому народу въ его совокупности, развѣ только въ лучшемъ случаѣ отдѣльнымъ лицамъ. Оно заставляетъ еврея-политика заглушить въ себѣ все, что въ немъ есть особеннаго, еврейскаго, отличающагося отъ типа народнаго большинства, оно заставляетъ отрѣшиться съ отчаянной рѣшимостью отъ еврейства, оно обостряетъ антисемитизмъ большинства, которое еще выносить сосѣдство еврея, но не потерпитъ его въ роли господина. Именно, господина. По монархическому возрѣнію, которое сохранилось и въ такъ называемыхъ республикахъ, каждый чиновникъ въ администраціи, войскѣ или судѣ заступаетъ мѣсто повелителя и пользуется частью ему вѣренной высшей власти надъ подданными. Онъ приказываетъ, и подданные должны повиноваться. Однако историческій опытъ учитъ, что народы никогда добровольно не дозволяли управлять собой людямъ, которыхъ они не считаютъ своими по крови и плоти. Даже завоеватели могутъ тогда лишь оставить мечъ, когда покоренные перестаютъ ихъ принимать за пришельцевъ и въ извѣстномъ смыслѣ натурализуютъ ихъ и усыновляютъ. Евреи не завоеватели, и нигдѣ большинство не считаетъ ихъ родными по крови и плоти. Неизбѣжно они вызываютъ противъ себя ожесточенное сопротивленіе, когда они начинаютъ домогаться участія въ государственномъ управленіи большинствомъ, даже если имъ удастся обмануть большинство относительно ихъ еврейскаго происхожденія. Еврей, желающій исполнѣ воспользоваться своими политическими правами, долженъ начать съ того, чтобы скрыть въ себѣ еврея и, гдѣ возможно, задушить. Еврейская народная политика, направленная къ достиженію политическихъ правъ, является политикой народной гибели, народнаго самоубійства, самоотрицанія, самоуничтоженія. Презрѣнныя еврейскія общинныя газеты, представляющія собой вѣрное зеркало униженія и безхарактерности дряхлѣющаго еврейства, благоговѣнно отмѣчаютъ всякое назначеніе еврея на государственный постъ. Недалекія головы, составляющія подобныя замѣтки, не знаютъ, что всякій

разъ ими радостно привѣтствуется отпаденіе отъ еврейства. Въ сущности, всякій еврей, стремящійся при современныхъ условіяхъ къ государственной карьерѣ и преуспѣвающій, неизбежно потерянъ для еврейства.

Я попытался показать, какой не должна быть еврейская народная политика. Теперь я покажу, какую народную политику должно вести впредь.

Народная политика означаетъ, что существуетъ народъ и что этотъ народъ хочетъ жить. Для гибели, разумѣется, ему нѣтъ нужды въ отдѣльной политикѣ. Гибель приходитъ сама собою, когда не дѣлаютъ усилій для избѣжанія ея.

Прежде всего нужно рѣшить предварительный вопросъ. Сознательно или бессознательно, на словахъ или въ молчаніи это дѣлаетъ всякій еврей. Можно различать, помимо недомолвокъ, неясностей и крайностей, четыре отношенія къ величайшему и важнѣйшему вопросу еврейства, къ вопросу: „Долженъ-ли еврейскій народъ сохраниться или исчезнуть?“

Меньшинство эмансипированныхъ евреевъ желаетъ гибели и исчезновенія еврейскаго народа. Они даже отрицаютъ, что существуетъ еще еврейскій народъ, однако при этомъ отрицаніи нельзя избѣжать очевидныхъ противорѣчій. Это просто глупость. Отрицающіе принимаютъ только свое желаніе за дѣйствительность.

Объ этихъ евреяхъ говорить не приходится. Они окончательно потеряны для еврейства, хотя бы даже они еще не крестились. Можно ихъ понять и простить, можно ихъ презирать и ненавидѣть, но во всякомъ случаѣ ясно, что не слѣдуетъ позволять, чтобы намъ диктовали народную политику лица, желающія конца еврейства и осуществляющія этотъ конецъ на своемъ собственномъ еврействѣ.

Другое меньшинство желаетъ остаться евреями, вѣрить даже, что еврейскій народъ имѣетъ будущность, но оно ожидаетъ спасенія отъ сверхъестественнаго Мессіи и довольствуется до его появленія соблюденіемъ установленнаго церемоніала. Народная политика этой части еврейства заключается въ наружной набожности и крайней пассивности. Эта народная политика, по моему мнѣнію, — нуль, потому что она, какъ и политика еврейскихъ антисемитовъ, ведетъ вѣрнымъ путемъ

къ народной гибели, развѣ что однимъ поколѣніемъ позже. Въ странахъ эмансипація дѣти обычно не идутъ по стопамъ набожныхъ еврейскихъ родителей. Съ ихъ вѣрой въ церемоніальный уставъ быстро и рѣшительно поканчиваетъ просвѣщеніе; а такъ какъ вѣрующіе родители никогда ихъ не учили видѣть въ еврействѣ что-либо иное, кромѣ церемоніального устава, то съ момента крушенія ихъ вѣры они перестаютъ относиться къ еврейству даже съ малѣйшимъ интересомъ и безъ колебаній и сожалѣній поворачиваются къ нему спиной.

Третья категорія заключаетъ въ себѣ громадное большинство ни о чемъ не думающихъ людей, живущихъ изо дня въ день безъ всякой мысли о будущемъ. Это большинство желаетъ остаться евреями. Но оно себя никогда не спрашивало, сможетъ ли оно продержаться среди окружающихъ его тягостныхъ условій. Оно чувствуетъ свое страданіе, но не знаетъ, какъ освободиться отъ нихъ. Оно не способно дать себѣ совѣтъ, но оно способно и готово послѣдовать понятному хорошему совѣту. Къ этому большинству всякая еврейская народная политика должна относиться съ величайшей осторожностью.

Наконецъ, существуетъ четвертое направленіе, пока еще достояніе небольшого меньшинства. Представители этого направленія желаютъ, чтобы еврейскій народъ продолжалъ жить. Они съ непоколебимой, какъ скала, вѣрой убѣждены, что эта дальнѣйшая жизнь вполне возможна, если еврейскій народъ сдѣлаетъ нѣкоторое усиліе, чтобы побороть угрожающіе внутренніе изъяны и внѣшнія опасности, и они считаютъ себя на основаніи своего твердаго народнаго сознанія и вѣры въ будущность своего народа призванными предложить ему общую политику, отъ которой единственно они ожидаютъ блага. Смогутъ ли они проводить свою еврейскую народную политику или нѣтъ, это зависитъ не отъ внѣшнихъ препятствій, которыя именно и будутъ побѣждены еврейской народною политикою, а только отъ того, удастся ли имъ привлечь на ея сторону немнящее, инертное, но инстинктивно преданное еврейству громадное большинство. Радующіеся отпаденію „еще еврей“ могутъ считаться *quantité négligeable*. Ихъ смѣхъ, какъ и ихъ грусть, едва заслуживаетъ пожатія плечами. Отрицающая бол-

товня никогда не вредила никакому положительному движенію.

Положительная же народная политика вѣрныхъ евреевъ такова:

Въ просвѣщенныхъ странахъ, гдѣ евреи имѣютъ политическія права, они должны пользоваться этими правами съ мудрой и тактичной сдержанностью. Прежде всего они должны окончательно отказаться отъ требованія участія въ верховномъ управленіи подданными, которые охотнѣе называютъ себя гражданами, пока даже небольшое меньшинство ихъ христіанскихъ земляковъ противится отправленію государственной власти евреями.

Если пожелаютъ почтить особенно выдающуюся еврейскую заслугу, обратить на пользу общихъ интересовъ особенно заявившую себя еврейскую мудрость, пусть просятъ соответственнаго еврея о его участіи въ государственномъ управленіи, самъ же онъ никогда не долженъ напрашиваться, и если онъ согласенъ посвятить свои силы государству, то на это должно быть еще отдѣльное согласіе мѣстныхъ евреевъ. Нечего и говорить о томъ, что евреи всегда и вездѣ, гдѣ государство требуетъ отъ гражданъ повинности, должны выставлять своихъ представителей. Это они дѣлаютъ даже тамъ, гдѣ съ ними обращаются какъ съ паріями, а тѣмъ болѣе въ странахъ, гдѣ вполнѣ признаются ихъ естественныя человѣческія и гражданскія права. Однимъ словомъ, они всѣ должны приносить съ особенной радостью жертвы, предписываемыя отечественнымъ чувствомъ, отказываться, напротивъ, отъ всякой политической награды за свои жертвы и довольствоваться свободой развиваться въ качествѣ евреевъ. Мы должны отвыкнуть вздыхать о должностяхъ судей, офицеровъ и чиновниковъ. Кто желаетъ службы, пусть ищетъ ее въ еврейской общинной организаціи.

Мы должны отвыкнуть кичиться такими явленіями, какъ Эдуардъ фонъ-Симсонъ или Дизраэли. Они намъ бесполезны и не дѣлаютъ намъ чести. Они насъ ни во что не ставили, и мы поступаемъ съ недостойнымъ малодушіемъ, когда съ собачьей настойчивостью привязываемся къ людямъ, которые грубо отъ насъ отказались и знать насъ не хотятъ. Мы должны остерегаться не быть задорными крикунами, вожаками и передовыми бойцами

въ борьбѣ партій, куда насъ такъ легко увлекаетъ нашъ темпераментъ.

Будемъ держаться нейтрально или постараемся дѣйствовать съ примирительной доброжелательностью. Это больше соотвѣтствуетъ этикѣ нашего племени и ученіямъ нашихъ мудрецовъ, чѣмъ ожесточеніе партійной борьбы буйными выходками.

Воспользуемся нашими политическими правами, чтобы защищать наши общіе гражданскіе интересы въ качествѣ плательщиковъ налоговъ, исполнителей воинской повинности, подчиненныхъ администраціи и суда, сомкнутыми рядами плечомъ къ плечу съ нашими христіанскими земляками; пусть мы будемъ вездѣ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о нашемъ содѣйствіи прогрессу, высшей справедливости, просвѣщенію, любви къ ближнему. Но будемъ крайне осторожны и сдержаны, когда партіи спорятъ по христіанскому конфессиональному вопросу. Участіе евреевъ въ нѣмецкомъ «культуркампфѣ», подача голосовъ евреями въ Берлинѣ при обсужденіи вопроса о постройкѣ церкви были непростительными промахами, которые не должны повторяться, когда евреи поведутъ сознательную еврейскую народную политику.

Въ остальныхъ странахъ, гдѣ евреи еще лишены правъ, они должны настоятельно искать гражданскихъ правъ, т. е. права повсемѣстнаго жительства, свободнаго выбора занятій, ремесла и торговли, права пользованія школами, содержимыми на податныя деньги, общеполовыми и благотворительными учрежденіями, а также быть обложенными наравнѣ съ христіанскими соотечественниками налогами и повинностями; политическихъ правъ они не должны искать. Въ Россіи и христіане ихъ не имѣютъ. Въ Румыніи они не имѣли бы для евреевъ но вышеуказаннымъ причинамъ никакой цѣны.

Своихъ гражданскихъ правъ евреи не должны выпрашивать какъ милости, но требовать ихъ какъ доказательство, что большинство, наконецъ, возвысилось отъ животнаго состоянія до человѣческаго. Мы никогда не должны даже въ душѣ соглашаться, чтобы когда либо были извинительные поводы подвергать насъ дѣйствию исключительныхъ законовъ. Наша единственная вина если это вина,—побѣда, одержанная надъ нами Титомъ въ 72 г. по Р. Х. Другой вины мы не признаемъ. Наши преслѣдованія

и мученичество поворять не насъ, а нашихъ враговъ. Если они наконецъ поймутъ, мы готовы простить грѣхи и преступленія ихъ отцовъ. Насъ же не въ чемъ прощать.

Эта народная политика освобождаетъ громадное количество еврейской энергіи, которая нынѣ на западѣ безцѣльно истощается въ общихъ политическихъ распряхъ и въ удовлетвореніи личныхъ самолюбіи, а на востокѣ—въ близорукой борьбѣ за политическія права или въ отчаянныхъ революціонныхъ стремленіяхъ. Никому это не приноситъ пользы, еврейскому же народу одинъ лишь величайшій вредъ. Если же эта энергія будетъ обращена на благо еврейскаго народа, то она окажется чрезвычайно благотворной. Тогда общинная организація исполнится жизни, теперь же пока она умираетъ или мертва. Изъ религіозной общины она превратится въ народную. Она будетъ станкомъ или машиной, гдѣ найдутъ полное примѣненіе всѣ силы еврейскаго народа.

Тогда общинѣ придется заботиться не только о синагогѣ и кладбищѣ, но и о всѣхъ задачахъ культурной жизни, о народныхъ и среднихъ школахъ; позднѣе же при возрастаніи богатства общинѣ нужно будетъ содержать на свой счетъ ремесленные и высшія школы, устраивать еврейскія художественныя и техническія выставки, устраивать—почему нѣтъ?—музеи, театры, академіи, назначать награды за успѣхи во всѣхъ отрасляхъ труда, ставить публичные монументы еврейскимъ великимъ людямъ; всѣ же эти средства достигнуть великой цѣли: отучать евреевъ отъ глубокаго самоуничиженія. Это ужасное самоуничиженіе является главной побудительной причиною къ бѣгству изъ еврейства.

Величайшій триумфъ антисемитизма—когда евреямъ дѣлается противными ихъ собственные интересы. Теперь еврей даже малѣйшему, жалчайшему, унижайшему признанію со стороны христіанскаго общества придаетъ несравненно большую цѣну, чѣмъ пламеннѣйшему восторгу евреевъ; послѣдній онъ воспринимаетъ почти со стыдомъ. И, наоборотъ, еврей никогда не признаетъ еврейскаго таланта, если онъ предварительно не разевреился успѣхомъ въ христіанской публикѣ. Евреи должны выучиться чувствовать себя по праву естественнымъ первымъ, трибуналомъ для еврейскихъ заслугъ и получать за свои

заслуги рѣшающую награду отъ еврейскаго общественнаго мнѣнія.

Я слышу гнѣвные возгласы мудрыхъ головъ, руководившихъ за послѣдніе сто лѣтъ еврейскимъ народомъ—этимъ словамъ можно придать вотъ какой смыслъ: „Что же, евреи должны вернуться въ гетто?“

Незачѣмъ тревожиться этими убійственными возгласами. Это чистѣйшая глупость. Если подъ гетто понимать тюрьму, въ которую насъ насильно толкаютъ и гдѣ мы должны задохнуться, то я еще въ началѣ ясно высказалъ, что мы изъ всѣхъ силъ должны работать, чтобы разбить желѣзныя двери этой темницы. Если же гетто означаетъ лишь мѣсто, гдѣ евреи братски живутъ другъ подлѣ друга, потому что они нравятся другъ другу и предпочитаютъ имѣть сосѣдомъ любящее сердце кровнаго родственника, чѣмъ врага, если гетто означаетъ тѣсный союзъ, въ которомъ евреи трудятся другъ съ другомъ и другъ за друга въ цѣляхъ стать совершенными людьми и гражданами, хорошими, сильными, прекрасными, свободными, гармоническими натурами, то я скажу: Ради всего на свѣтѣ вернемся въ это гетто и, чѣмъ раньше, чѣмъ въ большемъ числѣ, тѣмъ лучше. Противъ такого гетто можетъ лишь возразить тотъ, кто стыдится своего еврейства, кто не желаетъ быть узнаваемымъ въ качествѣ еврея, кто желаетъ еврейству скорой смерти. Кто же, напротивъ, чувствуетъ свое еврейство какъ унаслѣдованное отличіе и гордо его выставляетъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, кто желаетъ еврейству глубокаго и достойнаго будущаго, тотъ не постѣсняется этимъ гетто; онъ только приложитъ всѣ усилія сдѣлать его извнѣ самымъ чистымъ, здоровымъ и пріятнымъ участкомъ города, а въ духовномъ отношеніи акрополемъ культуры.

Станемъ лучше, нравственнѣе, образованнѣе другихъ въ той же мѣрѣ, въ какой мы болѣе прилежны и живучи, будемъ покровительствовать и развивать наши таланты вмѣсто того, чтобы ихъ ожесточать и отталкивать, и намъ не будетъ нужды въ признаніи насъ христіанами.

Произведемъ своихъ Пастеровъ, Коховъ, Листеровъ и Рентгеновъ. Никакой антисемитизмъ въ мірѣ не сможетъ бороться съ фактами микробиологіи и физики, никакой антисемитъ въ

міръ не откажется предохранить себя отъ раневой рожи, освободиться отъ перемежной лихорадки. Въ гетто, которое мы обратимъ въ еврейскіе свободные штаты, намъ не придется быть въ одиночествѣ. Со всѣхъ сторонъ найдутъ дорогу въ это гетто, если тамъ можно будетъ изучать великія научныя открытія, выдающіяся художественныя и литературныя произведенія, новыя соціальнополитическія и экономическія учрежденія. Въ этомъ гетто будутъ искать учителей, которые научатъ своихъ учениковъ вмѣстѣ съ положительными знаніями уважать высоту еврейскихъ идеаловъ и еврейской энергіи.

Вотъ народная политика, которую мы рекомендуемъ разсѣянному еврейскому народу, которая его вновь переродитъ и подготовитъ его къ самостоятельному существованію. Требуется ли она отъ евреевъ коренныхъ перемѣнъ? Конечно. Но мы не должны передъ ними отступать. Исторія приговариваетъ насъ быть необыкновенно добродѣтельными и славными людьми. Мы не можемъ уйти отъ этого жребія. Не станемъ скрываться отъ враговъ, но будемъ жить предъ ихъ злыми насмѣшливыми или ненавидящими взорами примѣрной жизнью самосовершенствованія и вѣры въ будущее. Такимъ путемъ мы навѣрное снимемъ восемнадцативѣковое проклятье, давящее насъ и едва не приведшее къ смерти.

М. Нордау.

Палестинскія бояры.

(РАЗВЕДЕНІЕ АПЕЛЬСИННЫХЪ И ЛИМОННЫХЪ ДЕРЕВЬЕВЪ).

Подъ названіемъ „бояра“ понимаютъ въ Палестинѣ всякое мѣсто, орошаемое водой изъ колодца (по арабски „биръ“) и засаженное преимущественно апельсинными деревьями. Арабы называютъ боярой, собственно, колодезь съ приспособленіями для добыванія воды. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуютъ поливные участки исключительно для разведенія овощей, но главную доходность палестинскихъ боярь составляетъ разведеніе апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ и этрогимъ. Описанію этой отрасли сельскаго хозяйства посвящаемъ настоящій очеркъ.

Главные бояры Палестины сосредоточиваются въ окрестностяхъ Яффы и находятся въ рукахъ кореннаго населенія, эфенди. Только за послѣднее время стали разводить бояры и въ еврейскихъ колоніяхъ.

Способъ разведенія боярь во всей странѣ почти одинъ и тотъ же. Выбирается съ небольшимъ наклономъ участокъ, причемъ обращаютъ главнымъ образомъ вниманіе на характеръ почвы, которая должна быть легкая песчаная. Тяжелая глинистая почва, не пропускающая влагу, не пригодна для апельсинныхъ деревьевъ. На выбранномъ участкѣ тотчасъ приступаютъ къ главной работѣ—копанью колодца. Чѣмъ глубже колодезь, тѣмъ съ большими расходами сопряжены какъ первоначальная работа по копанію колодца, такъ и дальнѣйшая при добываніи воды. Глубина въ 10—15 метр. считается въ Палестинѣ нормальной. Разрѣзъ колодцевъ зависитъ отъ количества потребной воды,—тамъ, гдѣ работаютъ двумя норіями, діаметръ достигаетъ 5—6 метр., при одной-же или гдѣ устанавливается помпа, тамъ довольствуются 3 и 4 метрами. Докопавшись до воды, коло-

лезь начинаютъ обкладывать прочнымъ тесаннымъ камнемъ, въ самую воду опускаютъ срубъ изъ деревянныхъ брусевъ, связанныхъ желѣзными винтами, съ цѣлью предохранить колодезь отъ подмыванія песчаного грунта. Надъ колодеземъ строится сливъ въ $1\frac{1}{2}$ —2 метра, чрезъ который проходитъ „норія“—желѣзная цѣпь съ деревянными ящичками, которые зачерпываютъ воду изъ колодца и выливаютъ ее на поверхность слива, откуда она стекаетъ въ бассейнъ и затѣмъ распределяется по специальнымъ каналамъ бояры.

Норія приводится въ движеніе помощью передаточныхъ деревянныхъ колесъ. Обыкновенно въ продолженіе шести лѣтнихъ мѣсяцевъ при каждой боярѣ работаютъ попеременно день и ночь 3—4 мула.

Покончивъ съ колодцами и всѣми необходимыми приспособленіями, приступаютъ къ перекопкѣ земли, до глубины нерѣдко въ одинъ метръ; за перекопкой слѣдуетъ нивелировка поверхности и въ томъ же году приступаютъ къ посадкѣ деревьевъ, которыя арабъ-садоводъ рѣдко когда покупаетъ, а выращиваетъ большею частью самъ въ своей-же боярѣ, гдѣ онъ заранѣе заводитъ въ какомъ-нибудь углу, какъ только получить воду, свой небольшой питомникъ. Чрезъ годъ эти молодые саженцы разсаживаются уже на мѣста. Для покрытія расходовъ съ перваго—же лѣта уже сажаютъ въ боярѣ различную зелень, какъ баклажаны, цвѣтную капусту, огурцы и т. п.; эти овощи, дающія нерѣдко прекрасный доходъ, продолжаютъ разводить до тѣхъ поръ, пока деревья достигнутъ извѣстной величины.

Въ питомникахъ выращиваются дички двоякаго рода: сладкій лимонъ (лимонъ хилу) на болѣе легкихъ почвахъ и горькій или бигирадіа на болѣе тяжелыхъ; разводится преимущественно первый сортъ. Чрезъ годъ-два послѣ пересадки на открытый грунтъ дѣлается прививка апельсинами или лимонами.

Изъ культивируемыхъ сортовъ апельсиновъ извѣстны въ странѣ слѣдующіе три: „Beledia“—малыхъ размѣровъ круглой формы съ тонкой кожей, сбывается преимущественно въ Палестинѣ; „Schamuti“ крупные нѣсколько продолговатые съ толстой мясистой кожей, очень вкусны; сбываются всѣ за-

границу, гдѣ они извѣстны подъ названіемъ „яфѣскихъ“ апельсиновъ; и „Juse-Effendi“ или мандарины, извѣстные своей характерной плоской формой, тонкой кожицей и особымъ ароматомъ.

Этотъ послѣдній сортъ, равно какъ сладкій лимонъ (Limon Nilou), лимонъ обыкновенный и цедра (этрогъ) распространены сравнительно меньше и обыкновенно разбросаны въ боярахъ среди апельсиновыхъ деревьевъ, занимающихъ главное мѣсто въ палестинскихъ боярахъ.

Съ пятого или шестого года послѣ прививки деревья начинаютъ давать плоды, полной-же доходности они достигаютъ только съ десятилѣтняго возраста.

За все это время уходъ за ними заключается въ перекопкѣ земли два раза въ годъ, удобреніи въ теченіе зимняго періода и поливки въ теченіе лѣтняго. Обыкновенно поливка производится каждые 8—10 дней преимущественно рано утромъ или къ вечеру.

Еврейскія бояры отличаются отъ арабскихъ болѣе правильной распланировкой, т. к. арабы на это обращаютъ мало вниманія. Кромѣ того деревянные колеса и приводы замѣняются чугунами, чѣмъ сберегается много работы; нѣкоторые стали вводить за послѣдніе годы газомоторы вмѣсто муловъ.

Главную роль въ боярахъ играетъ такъ называемый „боярджи“ или садовникъ, который считается полнымъ хозяиномъ бояры, въ особенности въ первые 3—4 года, до тѣхъ поръ пока ростъ деревьевъ допускаетъ возможность разведенія овощей. „Боярджи“ получаетъ $\frac{2}{3}$ дохода отъ овощей (ходра), а самъ зато долженъ ухаживать за всѣмъ, присматривать за мулами и т. д. Обыкновенно боярджи живетъ въ боярѣ-же постоянно съ семействомъ, тогда какъ дѣйствительные хозяева поселяются здѣсь только во время лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Въ боярахъ-же болѣе старыхъ, гдѣ овощей уже разводить нельзя, тамъ боярджи получаютъ свое жалованье не натурой, а деньгами.

Средній расходъ на разведеніе и уходъ за боярами до начала доходности вычисляется въ Палестинѣ въ 600 фр. съ гектара, не считая единовременныхъ расходовъ на покупку земли, колодезь, бассейнъ и проч., которые могутъ значи-

тельно колебаться, въ зависимости отъ мѣстныхъ условий, какъ глубины колодца, дороговизны строительныхъ матеріаловъ и т. п.

Съ шестого года бояры начинаютъ уже давать нѣкоторый доходъ, который, ежегодно увеличиваясь, доходить иногда до 5—6 тысячъ фр. валоваго доходу съ одного гектара! Что касается урожайности самихъ деревьевъ, то они даютъ отъ 200 до 700 апельсинъ каждое, а въ среднемъ 300 — 400 штукъ.

Изъ имѣющихся у меня различныхъ данныхъ о доходности яффскихъ бояръ могу привести цифры одной изъ нихъ, занимающей 31 дун. съ 1800 деревьевъ 15-ти лѣтняго возраста и 1440—шести-лѣтняго. За всѣ апельсины, проданные на деревѣ оптомъ, выручено было 10600 фр. если изъ нихъ отсчитать 12% шеръ — 1272 фр., верко 50 фр. и расходы на обработку и уходъ 2600 фр., то получимъ чистый доходъ въ 6678 франковъ ¹⁾.

¹⁾ Приводимъ смѣту по разведенію бояры въ 30 дунамовъ и уходу за ней до начала доходности—шестилѣтняго возраста.

ОСНОВНОЙ КАПИТАЛЪ.		2 раза перекопка (пѣшировка).	120 „
Покупка 30 дун. земли по 50 фр.	1500 фр.		610 „
Пѣна неопредѣленная и зависить отъ мѣстности.			
Колодезь въ 15 м. глубины		Третій годъ.	
	1500 „	Прививка	90 „
Также неопредѣленная.		Подпоры	800 „
Бояра (колеса, доски и т. п.)	500 „	Кормъ	400 „
Бассейнъ съ каналами	1000 „	Рарія для перевозки	10 „
Ковышня съ домою	4000 „	2 раза перекопка (пѣшировка).	120 „
Зависить отъ размѣровъ построекъ.			920 „
2 мула	400 „	Четвертый годъ:	
Кормъ	400 „	Кормъ	400 „
Сбору, инструменты и т. п.	300 „	Перекопка (пѣшировка)	120 „
Всего основной капиталъ:	10500 „	Прививка непривязшихся	100 „
Первый годъ.			620 „
Перекопка 80 дун. по 40 фр.	1200 „	Пятый годъ:	
Пятиманкъ	100 „	Кормъ	400 „
	1300 „	Перекопка (пѣшировка)	240 „
Бояржи не получаетъ жалованья, а 2/3, съ зелени. Вслучаѣ личнаго участія зтогъ расходъ не существуетъ.			640 „
Второй годъ.		Всего за первые 5 лѣтъ:	14090 фр.
Посадка 3000 деревьевъ	90 фр.		
Кормъ	400 „		

Торговля апельсинами.

Въ настоящее время первое мѣсто въ культурѣ апельсиновыхъ деревьевъ въ Европѣ занимаетъ Испанія, производящая 45.000.000 килограммовъ ежегодно; за ней Алжиръ (окрестности Blidah)—5.000.000; Италия 2.000.000; острова Сардинія, Балеарскіе, Сицилія и Корсика. Островъ Корсика извѣстенъ теперь своими райскими яблоками, употребляемыми для различныхъ вареній; ежегодный вывозъ достигаетъ 2½ мил. франковъ; и мѣста, куда раньше не ступала человѣческая нога вслѣдствіе страшной малярии теперь превращены въ богатые сады.

Плоды деревьевъ, разводимыхъ въ палестинскихъ боярахъ, созреваютъ въ различные періоды: раньше всѣхъ снимаются этрогимъ въ августъ и сентябръ; за ними слѣдуютъ апельсины „Beledia“ — въ ноябръ, „Шамута“ и лимоны въ концѣ ноября и декабръ. Но главная отправка апельсиновъ происходитъ въ началѣ декабря, чтобы успѣть къ новому году на европейскіе рынки. Въ это время ежедневно собирается въ яфѣскомъ портѣ 15—20 тысячъ ящичковъ, которые при первой хорошей погодѣ (т. к. обыкновенно въ декабръ море здѣсь очень бурное) нагружаются на пароходы.

Расходъ по ежегодной обработкѣ старой бояры въ 30 дунамовъ.

Съ этого года въ виду роста деревьевъ перекопка становится труднѣе и потому дороже. Зеленъ также перестаютъ разводить, и боярджіи начинаютъ получать свое годовое жалованье.

Двойн. перекопка по 5 фр. дун.	300 фр.
Ямы дважды для поливки	120 „
Кормъ тремъ муламъ	600 „
Боярджіи съ мальчикомъ (погонщикомъ) .	500 „
Мелкіе расходы	80 „
Удобреніе ежегодно ¼ бояры	500 „
	<hr/>
	2100 фр.

Средняя доходность са.

Съ 3000 деревьевъ по 150 апельсиновъ—450.000 штукъ	
по средней цѣнѣ 40 фр. за 1.500 „	12.000 франковъ.
РАСХОДЫ: обработка	2100 фр.
верко	50 „
12% ошеръ	1440 „
непредвидѣнные	390 „
	<hr/>
	8.060 фр. или
	Чистый доходъ съ одного гектара старой бояры 2.700 франковъ.

Снимаются плоды очень осторожно, небольшими ножницами въ корзинки и затѣмъ сносятся въ магазинъ, гдѣ происходитъ сортировка и укладка въ ящики. Каждый ящикъ содержитъ отъ 144 до 200 апельсиновъ, или 300 лимоновъ. Этрогъ отправляется въ маленькихъ ящикахъ по 25 штукъ. Средній вывозъ яфѣскаго района считается: апельсиновъ 300.000 ящиковъ, мандариновъ, 1.000 ящ., лимоновъ 3.500 ящ., и этрогъ 2.000 ящиковъ. Изъ всего количества апельсиновъ, отправляемыхъ изъ яфѣскаго порта, 75 процентовъ идутъ въ Англiю чрезъ Ливерпуль, остальные въ Россiю чрезъ Одессу, въ Германiю, Константинополь и Александрию.

Значительный ежегодный экспортъ апельсиновъ вызвалъ другую отрасль промышленности — заготовку ящиковъ, приготовленiемъ которыхъ заняты въ Яфѣ сотни рукъ преимущественно арабовъ, работающихъ у крупныхъ лѣсопромышленниковъ; лѣсъ, тонкія доски, получаютъ изъ Галаца и Триеста. Средняя цѣна ящика отъ 90 сент. до 1 франка.

Существуетъ нѣсколько способовъ продажи мѣстныхъ апельсиновъ: 1) съ тысячи, которую собственно принято считать въ 1515 штукъ по средней цѣнѣ отъ 40 до 65 франковъ; 2) гуртовая продажа плодовъ на деревьяхъ и 3) съ ящика.

Почти вся торговля находится въ рукахъ грековъ и армянъ, бѣльшую часть комиссіонеровъ, стоящихъ въ сношенiяхъ съ торговыми фирмами Ливерпуля, Гамбурга и проч.

Какое видное мѣсто занимаетъ культура апельсиновыхъ деревьевъ въ странѣ, видно изъ цифровыхъ данныхъ вывоза апельсиновъ и лимоновъ чрезъ яфѣскiй портъ за періодъ 1892—1898 года. По даннымъ англійскаго генеральнаго консульства вывезено было: въ 1892 году на 1.550.000 франковъ, въ 1893 г. на 1.737.000 фр., въ 1894 г. на 1.275.000 фр., въ 1895 г. на 1.625.000 фр., въ 1896 г. на 1.815.000 фр. въ 1897 г. на 1.895.000 фр., въ 1898 г. на 2.062.500 фр.

Послѣдняя цифра составляетъ 30% всего вывоза, достигшаго въ томъ году суммы въ 7.669.500 франковъ.

Хотя главнымъ центромъ культуры апельсиновъ считаютъ въ странѣ Яфѣу съ ея окрестностями, тѣмъ не менѣе во многихъ пунктахъ можно встрѣчать разбросанными группы бояръ. Изъ нихъ окрестности Сидона занимаютъ второе мѣ-

сто послѣ Яффы; но тамошніе плоды уступаютъ по качеству яффскимъ, и поэтому большею частью продаются въ ближайшихъ портовыхъ городахъ самой Сиріи и Палестины, отчасти Турціи. За Сидономъ уже слѣдуютъ небольшія группы по дорогѣ Яффа-Хейфа; къ востоку Эмъ-Эль-Фахемъ, Хатинъ и нѣсколько бояръ у Тиберіадскаго озера; къ югу въ окрестностяхъ Іерихона и Вадахнина.

Главныя причины, тормозящія развитіе бояръ въ странѣ, заключаются въ отсутствіи капиталовъ и удобныхъ путей сообщенія между восточной частью Палестины и ея портами.

Въ еврейскихъ колоніяхъ разведеніе бояръ увеличивается съ году въ годъ, въ особенности въ П. Тиквѣ, и то-же слѣдуетъ ожидать и на обширныхъ пространствахъ Хдеры послѣ осушки болотъ. Пока первое мѣсто не только среди колоній, но даже за Яффой принадлежатъ П. Тиквѣ.

По послѣднимъ статистическимъ даннымъ имѣется бояръ въ колоніяхъ:

П. Тиква	923 дун.	Хатинъ	25 дун.
Р. Леціонъ	90 "	Р. Пина	60 "
Вадахнинъ	163 "	Іесодъ-Гамале	293 "
М. Израель	175 "	Джелинь	55 "
Бояра Монтефіоре	39 "	Экронъ	25 "
" Мезеричеръ	36 "	Кастинія (пока не	
Хдера	195 "	разсажена).	25 "
З. Яковъ	255 "	Моца	7 "

или въ общемъ болѣе 2000 дунамовъ изъ 30 тысячъ общей поверхности яффскихъ бояръ.

Культура и торговля этрогимъ (cedra).

Если апельсины и лимоны могутъ быть разсматриваемы какъ продуктъ, имѣющій цѣнность на всемірномъ рынкѣ, то этрогимъ имѣютъ для насъ еще исключительный интересъ, такъ какъ они ежегодно требуются въ громадныхъ количествахъ для праздниковъ кушей, и до послѣдняго времени исключительно доставлялись во всѣ еврейскія общины изъ Корфу, Туниса, Алжира, Италіи и проч. — А между тѣмъ если обратить должное вниманіе на разведеніе этихъ деревьевъ, то можно

съ увѣренностью сказать, что этрогъ изъ Св. Земли навѣрное вытѣснитъ современемъ всѣ прочіе; такъ какъ этрогъ употребляется для воспоминанія о нашемъ прошломъ, то естественно, что палестинскіе плоды должны имѣть преимущество передъ всѣми другими. Какъ упомянуто мною выше, среди апельсинныхъ деревьевъ въ большей части яффскихъ бояръ находятся въ разброску этрогимъ; но въ послѣдніе годы разведеніемъ ихъ занялись наши колонисты въ П. Тиквѣ, Р. Леціонѣ, Хдера, Экронѣ и др.

И среди этрогимъ различаютъ нѣсколько сортовъ:

1) Хатинскія, изъ бояръ деревни Хатинѣ, возлѣ Тиберіи; плоды считаются самыми красивыми: продолговатые, раздѣленные бороздами въ длину и покрытые бородавками. Всѣ сады въ этой мѣстности даютъ до 30 тысячъ плодовъ ежегодно. 2) Эмъ-эль-Фахемъ,—по дорогѣ изъ Яффы въ Хейфу. Плоды нѣжно-зеленые, безъ бороздокъ, но также бородавчатые. Не выдерживаютъ далекаго транспорта; производится ежегодно до 20 тысячъ плодовъ. 3) Яффскіе, во всѣхъ почти яффскихъ боярахъ, ежегодно до 60 тысячъ, плоды различной формы, хорошо сохраняются. Многие имѣютъ характерное поперечное углубленіе, называемое „Chawe's Biss“ (укусъ Евы); въ различныхъ общинахъ эта форма имѣетъ своихъ охотниковъ-покупателей.

Колоніи наши въ этомъ же году дали до 20 тысячъ штукъ. Всѣ упомянутые нами сорта въ свою очередь дѣлятся на двѣ группы: съ „Pitum“ (по арабски „Нуни“) и безъ „Pitum“ („Кибадъ“). Первымъ именемъ называютъ тѣ плоды, которые отъ начала развитія до конца сохраняютъ на верхушкѣ небольшое утолщеніе, напоминающее по виду пуговку; у вторыхъ оно въ самомъ началѣ отсыхаетъ и отпадаетъ. Хотя существуютъ деревья, которыя даютъ плоды исключительно безъ „Pitum“, т. называемыя „Kibad“ или собственно седга, плоды достигающіе громадной величины и идущіе на различные варенья, тѣмъ не менѣе и на деревьяхъ съ „Pitum“ встрѣчаются нерѣдко плоды другого сорта; причина заключается въ силѣ роста и главнымъ образомъ погодѣ, господствующей во время оплодотворенія цвѣтовъ.

Вообще-же съ момента, когда плодъ завязывается, этрогъ требуетъ самаго осторожнаго ухода,—его надо беречь отъ

малѣйшаго укола или царапины, для чего колючія иглы вѣтвей срѣзываются, сами вѣтви привязываются и проч.

Такъ какъ высылаемые плоды „этрогъ“ должны поспѣть въ Европу не позже еврейскаго новаго года (Тишра), то первый сборъ ихъ начинается въ началѣ мѣсяцѣ Абъ и продолжается затѣмъ еженедѣльно вплоть до половины Элуль. Первые плоды выбираются самые крупные, т. к. естественно за двухъ мѣсячное лежаніе до наступленія праздниковъ происходитъ значительное уменьшеніе размѣра, самые малые-же оставляются на послѣдній транспортъ.

Плоды снимаютъ съ деревьевъ самымъ осторожнымъ образомъ и тутъ-же обертываютъ паклей; наполнивъ такимъ образомъ большіе ящики или корзины, ихъ перевозятъ въ городъ, въ дома, гдѣ совершается сортировка и упаковка.

Сортируютъ прежде всего плоды съ „Pitum“ отдѣльно и безъ „Pitum“ отдѣльно, дѣлятъ затѣмъ каждый видъ на четыре сорта: 1) Muwchor—самый отборный, отличающійся самой красивой формой, безъ всякихъ царапинъ и пятнышекъ. 2) Rischon—первый сортъ также красивой формы, но допускаются нѣкоторыя пятнышки и то только на самой нижней части. 3) Scheni—второй сортъ; красивой формы, допускаются пятнышки въ средней части плода и 4) Schlischi—третій сортъ; имѣетъ больше пятенъ или даже легкую царапину; наконецъ 5) Pschotim—обыкновенные не отличающіеся ни формой, ни чистотой. Эти послѣдніе почти что не высылаются за границу.

Особые специалисты сортируютъ, осторожно, очищаютъ и обертываютъ этрогимъ прежде тонкой, нѣжной паклей, затѣмъ болѣе грубой и кладутъ по 25 штукъ въ небольшіе ящики.

Обыкновенно въ каждый ящикъ укладывается цѣлый ассортментъ: одинъ первокачественный, 6 перваго сорта, 7 второго и 11 третьяго. Цѣны сортовъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

За	1 Muwchor	13 ⁰ / ₁₀₀	10.40 фр.
„	6 № I	37 ⁰ / ₁₀₀	29.60 „
„	7 № II	28 ⁰ / ₁₀₀	22.40 „
„	11 № III	22 ⁰ / ₁₀₀	17.60 „

Итого 25 штукъ 100⁰/₁₀₀ 80 фр.

Отсюда мы видимъ, какимъ колебаніямъ подвергается доходность этрогимъ—она зависитъ не отъ количества плодовъ, а *исключительно* отъ качества ихъ. Часто приходится видѣть, какъ съ *одного* дерева снимаютъ 3—4 *Muwchorim*, плодовъ удачныхъ по формѣ и чистотѣ, и получаютъ 30—40 франковъ, а другой разъ дерево ничего не даетъ. Вслѣдствіе капризности дерева нельзя совѣтовать разведеніе *спеціальныхъ садовъ* этрогимъ, но разведеніе ихъ небольшими количествами, разбросанными среди апельсиновыхъ деревьевъ или въ небольшихъ садикахъ при домахъ, какъ то уже практикуется въ нѣкоторыхъ колоніяхъ,—заслуживаетъ полного одобренія и можетъ доставить значительное подспорье каждому палестинскому колонисту.

Будущность палестинскихъ бояръ.

Занимая и теперь одно изъ видныхъ мѣстъ на торговыхъ рынкахъ плодами своихъ бояръ, Палестина, благодаря своему климату и удобной почвѣ для разведенія различнаго рода оранжевыхъ деревьевъ, какъ апельсинъ, лимонъ, этрогимъ и цедры для различныхъ вареній, могла бы современемъ занять и первенствующее мѣсто при улучшеніи путей сообщенія въ самой странѣ и ускореніи сообщенія съ европейскими портами.

Страна имѣетъ всѣ шансы доставлять въ Европу различные плоды и овощи, которые въ европейскихъ центрахъ составляютъ большую рѣдкость. Массу богатствъ могла бы дать Иорданская долина, начиная отъ Иерихо до Тиверіи, отличающаяся почти тропическимъ климатомъ; слѣдуетъ видѣть, сколько богатыхъ ключей изливается бесплодно въ Тиверіадское озеро, чтобы убѣдиться, какіе обширные сады самыхъ дорогихъ плодовъ и овощей могли бы разводиться тамъ, гдѣ теперь кочуютъ бедуины со своими стадами дикихъ буйволовъ!

Встрѣчающіеся оазисы вродѣ садовъ у „Engueb“ (по ту сторону Тиверіадскаго озера, противъ Тиверіи) или по пути изъ Тиверіи въ Тавху, лучшія тому доказательства.

Необходимы только трудъ, капиталы и предприимчивость! Необходимо соединить иорданскую долину съ однимъ изъ портовыхъ городовъ и тогда среди различныхъ отраслей хозяйства,

которымъ предстоитъ блестящая будущность въ Галилеѣ, и культура апельсинныхъ садовъ займетъ видное мѣсто; до тѣхъ же поръ она можетъ съ успѣхомъ развиваться на всемъ побережьи Средиземнаго моря, начиная отъ Газы на югѣ и до Тира на сѣверѣ!

Старый Палестинецъ.

Библиографія.

Русское Слово еврейскимъ дѣтямъ. Первая школьная книга для чтенія, бесѣдъ, письменныхъ и грамматическихъ упражненій. Часть I. 2-й годъ обученія. Составилъ Л. М. Шахрай. — Одесса, 1900 г.

То же. Часть II. 3-й и 4-й годъ обученія. — Одесса, 1900 г.

Учебныя книги по русскому языку для еврейскихъ дѣтей имѣютъ у насъ свою, можно сказать, исторію. Въ первое время, т. е. въ самомъ началѣ распространенія у насъ отечественной грамоты, въ еврейской семьѣ и школѣ были въ ходу буквари и книжки весьма невысокаго качества, составленные усердными, но неопытными въ педагогическомъ дѣлѣ авторами, и рассчитанные на удовлетвореніе потребности еще невзыскательныхъ тогда учащихся и учащихся, преимущественно прилежныхъ и любовнательныхъ автодидактовъ. Тогда рвеніе и любовнательность должны были восполнить, — и дѣйствительно восполняли, — тѣ методическіе пробѣлы, которыми изобилдовали современныя русско-еврейскія учебныя руководства. Но впоследствии, съ увеличеніемъ числа благоустроенныхъ еврейскихъ училищъ и повышеніемъ у насъ уровня требованій отъ школьно-учебнаго дѣла вообще, прежніе учебники самодѣлки оказались, разумѣется, неудобными, и вмѣсто нихъ вошли въ употребленіе общерусскія книги и руководства — изъ тѣхъ, которыя пользовались наибольшою популярностью и распространеніемъ, какъ-то: Ушинскаго, Паульсона, Водовозова, Бунакова и пр. А затѣмъ настало время (совпадающее съ преобразованіемъ прежнихъ «казенныхъ» училищъ и началомъ дѣятельности новыхъ учителей изъ воспитанниковъ еврейскихъ учительскихъ институтовъ), когда и такія учебныя руководства признаны были неудобными для *еврейскихъ* дѣтей. Опытъ показалъ, что успѣшность обученія послѣднихъ отечественной рѣчи находится въ зависимости отъ примѣненія къ нему *особыхъ*, специальныхъ способовъ и пріемовъ, во многомъ отличныхъ отъ обще-выработанныхъ методовъ, имѣющихъ въ виду коренныхъ русскихъ учащихся. Предстояла надобность въ специальныхъ руководствахъ, составленныхъ примѣнительно къ обученію русскому языку, въ обширномъ смыслѣ этого термина, такихъ дѣтей, для которыхъ языкъ

этотъ на первыхъ порахъ является мало понятнымъ или даже совершенно чуждымъ.

Однако, нельзя сказать, чтобы появившіяся до сихъ поръ учебныя книги количественно и качественно вполне удовлетворяли упомянутой потребности русско-еврейской школы и цѣлесообразнаго домашняго обученія. Единственнымъ почти въ нашей учебной литературѣ руководствомъ этого рода является нынѣ, какъ извѣстно, «Русская Рѣчь» г. Вольпера, но и эта весьма распространенная книга, стереотипно печатающаяся изъ года въ годъ безъ малѣйшихъ измѣненій, исполнена очень многихъ, и весьма существенныхъ пробѣловъ, дѣлающихъ ее, въ нѣкоторыхъ ея отдѣлахъ, далеко не соответствующею той цѣли, для которой она предназначена.

Въ виду этого мы полагаемъ, что вновь изданное руководство г. Шахрая съ вышевыписаннымъ заглавіемъ не окажется излишнимъ среди того скуднаго запаса подобныхъ книгъ, которымъ нынѣ располагаетъ для выбора еврейскій учитель, — тѣмъ болѣе, что «Русское Слово» г. Шахрая отличается нѣкоторыми своими довольно оригинальными и существенными особенностями.

Прежде всего, авторъ отступилъ отъ освященной, такъ сказать, традиціи составителей учебныхъ хрестоматій, обыкновенно вовсе почти игнорирующихъ новѣйшую русскую литературу и ограничивающихся извѣстными отрывками изъ произведеній такъ называемыхъ «классическихъ» писателей. Конечно, Тургеневъ, Григоровичъ, С. Аксаковъ, авторъ «Дѣтства и Отрочества» и т. п. — образцовые стилисты, но если книгу для чтенія сплошь наполнить выдержками изъ сочиненій одного только Аксакова, на примѣръ, или Григоровича, то такой однообразный матеріалъ, помимо того, что надоѣсть и учащимъ и учащимся, можетъ приучить послѣднихъ во всякомъ случаѣ только къ одному опредѣленному слогу, но не показать имъ всего *разнообразія* и богатства литературной русской рѣчи. Поэтому, намъ кажется, нельзя не одобрить того, что г. Шахрай рѣшился сказать какъ бы новое слово въ этомъ отношеніи, давъ мѣсто въ своей книгѣ (во 2 й части ея) рядомъ съ обычно встрѣчающимися въ хрестоматіяхъ старо-признанными писателями и повдѣйшимъ сравнительно авторамъ, какъ, на примѣръ, Н. С. Лѣскову («Маланья—голова баранья»), П. Д. Боборыкину («Торговый день въ большомъ городѣ»), А. П. Чехову («Въ степи»), В. Г. Короленкѣ («Дѣсь шумить»), или отрывкамъ изъ новѣйшихъ произведеній ветерановъ русской литературы («Заблудившіеся путники» изъ «Хозяина и работника» Л. Н. Толстого).. То же слѣдуетъ сказать и относительно весьма богатаго и разнообразнаго поэтически-стихотворнаго отдѣла нашей книги,

гдѣ кромѣ старыхъ, давно извѣстныхъ именъ, находимъ также имена К. Р., И. Бунина, П. И. Вейнберга, С. Дрожжина, А. Жемчужникова, Н. Минскаго, С. Я. Надсона, Н. А. Тана, С. Г. Фруга и нѣкоторыхъ другихъ.

Другою, еще болѣе характерною особенностью разсматриваемаго учебнаго руководства является его еврейскій, такъ сказать, колоритъ, придаваемый ему большимъ количествомъ помѣщенныхъ здѣсь статей и стихотвореній специально-еврейскаго содержанія: разсказовъ изъ Мидраша и Талмуда, описаній еврейскихъ праздниковъ и тому подобнаго матеріала. Конечно, врядъ-ли можно сомнѣваться въ цѣлесообразности и даже необходимости давать еврейскому юношеству такой именно матеріалъ для чтенія, который, вводя учащагося, съ одной стороны, въ *знакомый* и близкій, а слѣдовательно, и болѣе доступный и понятный ему кругъ жизни и быта, долженъ сообщить ему, съ другой стороны, интересъ къ памятникамъ родной литературы и содержанію древне-еврейской письменности, ознакомить его, хоть отчасти, съ характеромъ этой послѣдней и обратить его вниманіе вообще въ сторону родныхъ ему образовъ, картинъ и представленій,—т. е. въ ту сторону, которую совершенно игнорируютъ другія предназначенныя для еврейской школы учебныя хрестоматіи, и въ томъ числѣ вышеупомянутое руководство г. Вольпера. Очевидно, такимъ образомъ, что и эта особенность книги г. Шахрая можетъ вызвать къ себѣ въ принципѣ одно только сочувствіе.

Мы говоримъ: «въ принципѣ», потому что, къ сожалѣнію, эта часть «Русскаго Слова» выполнена авторомъ не совсѣмъ удовлетворительно.

Такъ, разказы и легенды изъ Мидраша переданы языкомъ не вполне безукоризненнымъ; нѣкоторыя сказки и разказы изъ еврейскаго быта—тоже. Особенно же слабы въ этомъ отношеніи всѣ описанія еврейскихъ праздниковъ (въ 1-ой части книги) и статьи о Палестинѣ, Иерусалимѣ, «Стѣнѣ плача» и нѣкоторыя другія (во 2-ой части).

Вотъ, напримѣръ, описаніе Пасхи: «Я очень люблю праздникъ Пасхи. *Чудные дни наступаютъ съ самаго кануна ея.* Такъ какъ намъ запрещено ѣсть квашенный хлѣбъ во время Пасхи, то наканунѣ всѣ крошки его и оставшіяся дрожжи сжигаются. А когда кончается восьмой день» и т. д. Далѣе: «Новыя кастрюли, новыя блюда... все новое, что вполне подходитъ (?) къ праздничному, испеченному безъ дрождей хлѣбу. И какъ красиво *смотритъ* столъ, на которомъ стоитъ блюдо съ *жареннымъ мяскомъ*» «Я задаю отцу еще три вопроса... Отвѣтъ отца моего, тоже на еврейскомъ языкѣ, продолжается часа два или три, вперемежку съ ѣдой, которая состоитъ изъ разныхъ стран-

ныхъ кушаньевъ (ѣда состоитъ изъ кушаньевъ?!). Я только эту (?) часть отвѣта и понимаю»...

Въ статьѣ: «Пятидесятница и Куци» странно перемѣшаются времена минувшія и теперешнія.

Въ статьѣ: «День Очищенія» говорится, что въ «черный» постъ «евреи сидятъ на *дворѣ синагоги*», а затѣмъ повѣствуется о томъ, что молитвы «начинались» и «продолжались» до Новаго Года, что Богъ судилъ всѣхъ людей и опредѣлялъ, что 'будетъ съ ними, и что потомъ судныя книги закрывались и т. д., — все въ прошедшемъ времени. Совершенно непонятно, о чемъ въ этой статьѣ идетъ рѣчь.

Многія статьи нуждаются въ тщательномъ пересмотрѣ и исправленіи. А то онѣ теперь значительно портятъ впечатлѣніе отъ книги, которая въ общемъ, какъ мы видимъ, не безъ достоинствъ. Къ послѣднимъ, кстати, слѣдуетъ отнести довольно хорошо составленные отдѣлы: «Изъ природы и жизни» и «Изъ русской исторіи». За то очень слабъ географическій отдѣлъ. Его необходимо пополнить, такъ какъ у насъ существуетъ значительное число школъ, правительственныхъ и частныхъ, гдѣ, по программамъ, предметы исторіи и географіи включены въ предметъ «русскаго языка», а вѣдь для такихъ именно школъ, какъ кажется, преимущественно и предназначено разсмотрѣнное руководство г. Шахрая.

Як. Каценельсонъ.

ער ער ויילא, יכלכל בחובו זכרותו עדה ישראל יכ"ו, נאספו נכתבו ורצו
לאר ע"י הלל נח צדק הסנה שמינשיידער, т. е. Матеріалы къ исторіи
Виленской еврейской общины въ краткихъ біографическихъ очер-
кахъ ея дѣятелей и пр. Собралъ и составилъ Гилель Ноахъ Маг-
гидъ (Штейншneiderъ). Часть I. Вильна. 1900.

Книга г. Маггида посвящена біографіямъ выдающихся дѣятелей г. Вильны и представляетъ собою, такимъ образомъ, продолженіе книги покойнаго С. I. Фина, "ר"ה נאמן", изданной въ 1860 г. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, г. Маггидъ сталъ собирать матеріалы для книги, и часть изъ нихъ была передана въ то время С. I. Фину, который ими пользовался при составленіи своей книги. Біографіи многихъ лицъ, напечатанныя уже въ "ר"ה נאמן", помѣщены, однако же, еще разъ въ сборникѣ г. Маггида, но въ значительно дополненнымъ видѣ. Стоитъ сравнить, напримѣръ, біографію раввина Абы Пасволера въ книгѣ Фина (стр. 244 — 5) и книгѣ г. Маггида (стр. 19—28), чтобы убѣдиться, что нашему автору удалось съ того времени собрать очень много весьма интерес-

наго матеріала. Читатель найдетъ въ этой книгѣ много очень любопытныхъ данныхъ по исторіи еврейскаго книгопечатанія въ Россіи (см. біографію Ромма стр. 200 и примѣч.). Масса цѣнныхъ бібліографическихъ замѣчаній и устныхъ преданій, разбросанныхъ по всей книгѣ, дѣлаютъ этотъ сборникъ весьма интереснымъ.

Жаль только, что въ книгу г. Маггида попали біографіи и такихъ лицъ, которыя тѣмъ только и замѣчательны, что «ихъ предки Римъ спасли». О такихъ «дѣятеляхъ» автору и остается только сказать, что вотъ-моль «жилъ, жилъ человекъ и.... «смертью жизнь свою окончилъ». Есть и такія, напримѣръ, біографіи, изъ которыхъ вы узнаете только, что «сей дѣтель» жилъ за городомъ, имѣлъ дровяной складъ и, несмотря на дальность разстоянія, каждый день ходилъ въ синагогу «ха-бадь» на молитву (стр. 290)... Вообще, г. Маггидъ очень часто сообщаетъ въ назиданіе потомству такія подробности о жизни виленскихъ дѣтелей, которыя безъ всякаго ущерба могли бы быть выпущены. Напримѣръ, на стр. 199 авторъ серьезно сообщаетъ, что ребъ-Беръ Урисонъ каждое утро ходилъ въ «микву» передъ тѣмъ, какъ отправиться въ синагогу, а его отецъ (стр. 198) съ замѣчательною бдительностью готовилъ «мацу-шмуру» наканунѣ пасхи и т. п.

Между прочимъ, въ число виленскихъ дѣтелей попалъ также и Моисей Монтефіоре только потому, что онъ когда то проѣздомъ остановился въ Вильнѣ.

Еще одинъ курьезъ. На первой страницѣ вы читаете слѣдующее: «Украшеніе дѣтей — ихъ предки, Чти отца своего и матеръ свою». Засимъ слѣдуетъ подробная родословная самого автора до десятаго поколѣнія въ восходящемъ направленіи со стороны отца и матери. При этомъ авторъ обязательно сообщаетъ, что его мать осталась вдовой на 34 году жизни и что у него есть еще младшій братъ и сестра (авторъ называетъ и ихъ по именамъ)....

Впрочемъ, если оставить въ сторонѣ эти курьезы, то въ общемъ книга г. Маггида производитъ впечатлѣніе солиднаго въ историческомъ отношеніи труда. Огромный, хотя и не систематически обработанный бібліографическій и историческій матеріалъ, собранный г. Маггидомъ, можетъ оказать немалую услугу будущему историку русскаго еврейства.

ЛѢТУЗЪ ЛѢТУЗЪ, т. е. *Руководство къ изученію древне-еврейскаго языка*. Соч. I. Эпштейна. Варшава, 1900.

Въ послѣднее время наша педагогическая литература обогатилась цѣлымъ рядомъ методикъ и руководствъ, трактующихъ о

преподаваніи древне-еврейскаго языка по такъ называемому естественному методу. Преподаваніе по этому методу ведется такъ, что на урокахъ еврейскаго языка преподаватель ведетъ бесѣды съ дѣтьми исключительно на древне-еврейскомъ языкѣ, при чемъ никакіе переводы еврейскихъ словъ на другой языкъ не допускаются. Этимъ вопросомъ много занимались гг. Елинъ, Гразовскій, Іохельчикъ и нѣкоторые другіе преимущественно палестинскіе преподаватели, гдѣ, какъ извѣстно, этотъ методъ преподаванія довольно распространенъ въ школахъ.

Къ этого же рода руководствамъ принадлежитъ и книга г-на Эпштейна. Въ 1-ой части своей книги авторъ даетъ очень обстоятельно составленный очеркъ, доказывающій всѣ выгоды и преимущества этого метода передъ другими методами преподаванія еврейскаго языка, вторая же часть заключаетъ въ себѣ сто примѣрныхъ уроковъ съ подробными объясненіями для преподавателя. Мы остановимся главнымъ образомъ на первой части предлагаемой книги.

Одно изъ главныхъ достоинствъ естественнаго метода г-нъ Эпштейнъ видитъ въ томъ, что этотъ методъ имѣетъ дѣло исключительно съ органами чувствъ ребенка и главнымъ образомъ зрѣніемъ и осязаніемъ, вслѣдствіе чего вы не требуете отъ мыслительныхъ способностей ребенка чрезмѣрныхъ усилій, между тѣмъ, какъ «система переводовъ» напираетъ главнымъ образомъ на мышленіе и на память и, какъ методъ отвлеченный, предъявляетъ поэтому къ способностямъ ребенка чрезмѣрныя требованія. «Нестественность въ началѣ воспитанія нашихъ дѣтей—справедливо замѣчаетъ авторъ—есть одна изъ главныхъ причинъ, почему мы удаляемся отъ природы и отъ дѣйствительной жизни. Еще съ молокомъ матери на устахъ мы сразу вступаемъ при нашихъ занятіяхъ въ міръ исключительно умственный, отвлеченный. Вотъ почему, можетъ быть, среди насъ такъ мало выдающихся представителей положительныхъ знаній. Наши способности болѣе склонны къ отвлеченнымъ наукамъ именно потому, что насъ воспитывали по отвлеченному методу» (стр. 13).

Все это совершенно вѣрно. Мы, однако же, думаемъ, что если предметъ преподаванія (чтеніе Библии и пророковъ) носитъ характеръ отвлеченный для дѣтей 5—6 лѣтнаго возраста, то единственный выводъ, который изъ этого можно дѣлать будетъ тотъ, что дѣти должны въ позднѣйшемъ возрастѣ приняться за изученіе этихъ предметовъ. А будетъ-ли мальчикъ при этомъ переводить съ одного языка на другой или же переводить съ еврейскаго на еврейскій же, — суть дѣла отъ этого мѣняется мало... Г. Эпштейнъ во многихъ мѣстахъ своей книги выставляетъ на видъ то обстоятельство, что по естественному методу можно начать обучать дѣтей съ четырехлѣтнаго возраста и того меньше.

«Мать, говоритъ авторъ, вѣдь пользуется же этимъ методомъ, когда учитъ говорить своего годовалого ребенка» (стр. 21). И вотъ авторъ, имѣя дѣло съ дѣтьми съ еще очень мало развитымъ интеллектомъ, долженъ, напримѣръ, для объясненія глагола לָמַח (ѣсть) продѣлать слѣдующее: «Вы кушаете и даете названіе этому дѣйствію. Черезъ нѣсколько дней, когда расширяется кругозоръ дѣтей, вы имъ покажете, что для того, чтобы ѣсть, нужно взять кушанье въ руку, открыть ротъ и положить туда кушанье. Еще черезъ нѣкоторое время вы можете уже указать на всѣ дѣйствія, сопровождающія актъ ѣды: вы берете кушанье, держите его въ рукѣ, подносите ко рту, открываете сей послѣдній, кладете туда пищу, разжевываете ее, овлаживаете ее слюной, передвигаете ее языкомъ и, наконецъ, проглатываете,—вы съѣли» (стр. 9)... Или, напримѣръ, на 7 страницѣ мы читаемъ: «Вы даете своему ученику лукъ и сахаръ. Ученикъ долженъ отвѣдать лукъ, а вы при этомъ говорите: «лукъ горекъ» и изображаете на своемъ лицѣ такую гримасу, которая вызывается ощущеніемъ горькаго вкуса»... Еще въ другомъ мѣстѣ рекомендуется учителю «щелкать пальцами, шлепать руками, стучать вилкой по тарелкѣ, ударять палкой о полъ» (стр. 28), — все для объясненія слова לָרַח ... Все это, конечно, очень «натурально». Но не проще-ли гораздо будетъ начать ученіе нѣсколько позже и просто сказать восьмилѣтнему, скажемъ, мальчику, что "לָמַח, значитъ ѣсть, а "לָחַץ, значитъ «горькій», и онъ васъ прекрасно пойметъ. не дѣлая никакихъ «умственныхъ напряженій». Самыя-то слова вѣдь и для того и для другого сначала будутъ звучать странно и имъ придется ихъ много разъ повторять, но зато учителю при этомъ не придется продѣлывать въ классѣ тѣ разнообразныя тѣлодвиженія, которыя рекомендуютъ г. Эпштейнъ и которыя, какъ намъ кажется, мало-мальски смышленнымъ дѣтямъ покажутся только смѣшными...

Правда, авторъ надѣется, что пользуясь естественнымъ методомъ, мы еще будемъ сообщать дѣтямъ «массу такихъ разнообразныхъ свѣдѣній, необходимыхъ въ жизни, которыя неизвѣстны большинству учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, изучающихъ эти предметы, какъ важныя науки съ громкими названіями: географія, анатомія, ботаника и пр.» (стр. 28). Мы не знаемъ, насколько могутъ быть цѣнны свѣдѣнія по анатоміи или географіи, которыя сообщаются четырехлѣтнимъ дѣтямъ... Но если даже они и цѣнны, то какое же это собственно имѣетъ отношеніе къ преподаванію древне-еврейскаго языка? Вѣдь всѣ эти свѣдѣнія могутъ быть сообщены и на другихъ урокахъ и на томъ языкѣ, на которомъ дѣти привыкли говорить.

Мы думаемъ, что дѣти, которыя будутъ говорить по-еврейски только какой-нибудь часъ въ день, а остальное время будутъ въ той-же школѣ и дома говорить на другомъ языкѣ (какъ это и

предполагаетъ нашъ авторъ),—эти дѣти, читая по-еврейски, все таки будутъ *переводить*, хотя-бы и мысленно только: они не будутъ думать по-еврейски и для нихъ еврейскій языкъ не можетъ при такихъ условіяхъ сравниться съ той «Muttersprache», о которой говоритъ авторъ.

Самъ авторъ смотритъ на этотъ методъ преподаванія не какъ на цѣль, а только какъ на средство: дѣти, молъ, усвоивши такимъ образомъ духъ языка, будутъ съ гораздо большей легкостью читать и понимать по-еврейски. Такъ-ли это? Учасъ по этой системѣ, хотя-бы въ теченіе двухъ лѣтъ, и имѣя дѣло исключительно съ заурядными явленіями и конкретными фактами, доступными ихъ пониманію, дѣти, начиная читать Библию на шестомъ году, какъ это рекомендуетъ авторъ, очутятся все-таки въ кругу отвлеченныхъ и недоступныхъ имъ понятій. Мы уже не говоримъ о томъ, что запасъ словъ у нихъ все-таки будетъ очень малъ: на всѣ сто уроковъ г. Эпштейнъ, напримѣръ, даетъ безъ малаго триста словъ. Если даже увеличить это число вдвое, неужели этого будетъ достаточно для того, чтобы свободно читать и понимать по-еврейски, не нуждаясь въ переводѣ отдѣльныхъ словъ на другой языкъ?

Нужно еще имѣть въ виду, сколько практическихъ трудностей представляетъ этотъ методъ самъ по себѣ. Не надо забывать прежде всего, что для этой системы необходима школа: внѣ школы этотъ методъ преподаванія немислимъ, особенно если принять во вниманіе требовательность нашего автора, доходящую до педантизма. По рецепту г. Эпштейна учителю нужно при чтеніи одного отдѣла Библии привести въ классъ непременно живую козу. Или, когда рѣчь идетъ о разныхъ мѣрахъ, упоминаемыхъ въ Библии, принести образцы всѣхъ этихъ мѣръ; читая съ учениками о жаренныхъ колосьяхъ ячменя, учитель долженъ принести въ классъ волосья ячменя и въ присутствіи учениковъ ихъ прожарить на огнѣ (стр. 19)... А много-ли у насъ школъ, приспособленныхъ для такого нагляднаго преподаванія? Какое, кромѣ того, огромное напряженіе силъ требуется отъ преподавателя! Чтобы этотъ способъ преподаванія не превратился въ скучную канитель, которая можетъ скоро надоесть дѣтямъ, необходимо, чтобы преподаватель обладалъ и большимъ тактомъ, и находчивостью и изобрѣтательностью и т. д.,—качества, которыя очень рѣдко можно встрѣтить даже среди педагоговъ съ спеціальной подготовкой... Кромѣ того, бесѣдуя съ учениками объ окружающихъ предметахъ, учителю придется очень часто прямо-таки «изобрѣтать» новыя слова и—главное—каждый будетъ изобрѣтать ихъ по своему. Вѣдь вотъ, напримѣръ, г. Эпштейнъ въ первыхъ-же урокахъ своей книги даетъ такія слова, какъ *רָבָה*, *אָרָץ*, *לָל*, которыя отнюдь еще не имѣютъ права гражданства въ еврейскомъ языкѣ. И если каждый преподаватель будетъ по своему называть предметы, вы-

искивая для нихъ названія изъ талмудической и раввинской литературы, или предлагая для этого плоды своего собственнаго «творчества», то это едва-ли будетъ способствовать тому однообразію въ преподаваніи, о которомъ мечтаетъ нашъ авторъ.

Всѣ эти трудности и неудобства, не говорятъ еще, конечно, противъ достоинствъ самаго метода. Но они, какъ намъ кажется, въ достаточной степени характеризуютъ, насколько этотъ методъ практиченъ и можно-ли ожидать его распространенія...

Н. Шварцъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРШАНСКІЙ и его литературная дѣятельность. М. Г. Моргулис.	3
II. ПОДЪ ГРОЗОЙ. Очеркъ. Л. Шташера.	30
III. РАХИЛЬ ИЗЪ ТОЛЕДО. (Поэма Гюнтера Валлинга). О. Н. Чюминой.	55
IV. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ СЪѢЗДЫ ЕВРЕЙСКИХЪ ОВЩИНЪ ВЪ ПОЛЬШѢ. М. Щорра.	61
V. ДОКТОРЪ ВРАУНЪ. Очеркъ изъ провинціальной жизни. Д. Михайловой	81
VI. ГЛАСЬ ИЗЪ ПУСТЫНИ. (Продолженіе). Бенъ-Ами.	105
VII. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАВНОПРАВІЕ ЕВРЕЕВЪ. М. Нордау.	125
VIII. ПАЛЕСТИНСКІЯ БОЯРЫ. (Разведеніе апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ). Старого Палестинца.	148
IX. БИБЛИОГРАФІА:	
1) <i>Русское Слово еврейскимъ дѣтямъ. Первая школьная книга для чтенія, бесѣдъ, письменныхъ и грамматическихъ упражненій. Часть I. 2-й годъ обученія. Составилъ Л. М. Шахрай.—Одесса. 1900 г.</i> <i>То же. Часть II. 3-й и 4-й годъ обученія.—Одесса 1900 г. Як. Баценельсона</i>	159
2) ספר עיד וילנא יכלכל בתוכו זכרתו עדה ישראל יצ"ו וספרו נכתבו בידינו , לאחר ע"י הלל נח צניד הכונה שמינשונידע, т. е. матеріалы къ исторіи Виленской еврейской общины въ краткихъ біографическихъ очеркахъ ея дѣятелей и пр. Собралъ и составилъ Гиллель-Ноахъ Магидъ (Штейншнейдеръ). Часть I. Вильна. 1900. Н. Шварца.	162
3) עבדיה בעבריה, т. е. <i>Руководство къ изученію древне-еврейскаго языка Соч. I. Эпштейна. Варшава, 1900. Н. Шварца.</i>	163

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИЖКИ

ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

1881

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Февраль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау, Театральная площадь, 2.
1881.

Подъ грозой.

ОЧЕРКЪ

Л. Штамера.

(Продолженіе).

VI.

Между супругами, послѣ ухода Шлойме Залмена, произошла маленькая размолвка. О предложеніи свата они, разумѣется, тотчасъ же забыли,—слишкомъ запутано было настоящее стеченіе обстоятельствъ, чтобы убаюкивать себя розовыми надеждами, да и не привыкли Немировскіе къ счастью, которое прямо съ неба валилось бы и притомъ еще при посредствѣ лгуна Шлойме Залмена. Они завоевали свое настоящее шагъ за шагомъ путемъ непрерывнаго труда и заботъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, и ребѣ Лейзеру положеніе казалось особенно критическимъ въ виду приближенія срока платежа по векселямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хорошо понималъ, что всѣ его возраженія ни къ чему не поведутъ, и что въ сущности зло, выбранное Ханой, дѣйствительно меньшее изъ всѣхъ золъ, именно въ виду приближенія платежей. Напрасно только волновался онъ весь вечеръ, и хотя самообладаніе весь вечеръ непокидало Ханы и къ ней, по ея словамъ, еще «не подступило,» однако же ребѣ Лейзеру пришлось выслушать очень много неприятныхъ вещей.

Оставалось послѣднее—хранить тайну, пока будетъ малѣйшая возможность. И тутъ Хане оказалась прозорливѣе мужа: она распорядилась, чтобы товаръ былъ вывезенъ со двора не позднимъ вечеромъ и не ночью, какъ думалъ простодушный ребѣ Лейзеръ, а на разсвѣтѣ, часа въ четыре утра—время, слишкомъ раннее для обитателей мѣстечка, занимающихся торговлей и промышленностью, и самое обыкновенное для обитателей окрестностей, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ: первые въ

это время покоятся еще безмятежнымъ сномъ и ничего не увидятъ, а вторые въ это время давно уже бодрствуютъ и не найдутъ ничего таинственнаго въ томъ, что перевозятъ что-то изъ одного мѣста въ другое среди бѣла дня.

Такъ супруги при помощи Герша и сдѣлали, и когда Сруликъ на другой день въ 8 часовъ утра открылъ магазинъ, онъ былъ очень удивленъ, замѣтивъ, что больше трехъ четвертей товара вывезено, на дворѣ стояла пустая телѣга, лошади, стоя по обѣимъ сторонамъ, чинно жевали овесъ.

Удивлялись и покупатели, не находя въ магазинѣ нужнаго товара, и уходили, довольствуясь обѣщаніемъ, что скоро долженъ прибыть свѣжій товаръ. Но больше всѣхъ былъ неприятно пораженъ и разочарованъ становой приставъ Закусилинь, когда онъ, подкативши въ пятницу около пяти часовъ по полудни къ дому ребъ Лейзера, вбѣжалъ къ нему въ магазинъ.

У Закусилаина были два порученія: одно—отъ исправника—успокоить еврейское населеніе Новоселкова на счетъ «неблагоприятныхъ» слуховъ, упорно распространяемыхъ какими-то неблагонамѣренными людьми, а другое—отъ жены—выбрать чтонибудь получше, подорожнѣе да поновомоднѣе въ магазинѣ Немировскаго. Исполнить порученіе исправника удобнѣе всего въ субботу въ синагогѣ, когда все еврейское населеніе тамъ въ полномъ сборѣ. Исполнить порученіе жены удобнѣе всего въ пятницу, послѣ полудня, когда у Ханы уже готовы свѣжія булки и фаршированная рыба.

Вдругъ оказывается, что въ магазинѣ какая-то торичеліева пустота, а Ханы не видно...

— Что же это у васъ такъ? произнесъ онъ разочарованно, окинувъ бѣглымъ взоромъ почти пустыя полки магазина.

— Плохая торговля, ваше благородіе, съ подобающимъ почтеніемъ отвѣчалъ ребъ Лейзеръ, снявши бережно картузь правой рукой, а лѣвой придерживая ермолку, сидѣвшую у него на макушкѣ.

— Плохая торговля... гм... скверно... бормоталъ Закусилинь, вертясь по магазину и кося глазами: — мнѣ жена поручила выбрать чтонибудь, а тутъ—ишь, какая казія! Тутъ, кажись, и выбрать то не изъ чего...

Ребъ Лейзеръ переминался съ ноги на ногу, безсознательно

поправлялъ свою ермолку, не то желая убѣдиться, находится-ли она на своемъ мѣстѣ, не то, изъ почтенія къ начальству, желая и ее снять съ головы, многозначительно осклабялся, видимо хотѣлъ сказать что-то и ничего не сказалъ.

Изъ затруднительнаго положенія выручила его Хане.

— Для вашего благородія я сама выберу,—сказала она, пріотворивши дверь изъ жилого помѣщенія:—женѣ вашей понравится. Пожалуйста сюда.

— Да? Понравится?—обрадовался Закусилннъ и юркнулъ въ низенькую дверь.

Въ жиломъ помѣщеніи все глядѣло уже празднично: некрашенные полы были вымыты и выскоблены; столъ былъ накрытъ свѣжей скатертью; на одномъ краю стола, изъ-подъ бѣлой салфетки, обрисовывались, лежа рядомъ, двѣ субботнихъ халы, а на другомъ краю вытянулись рядомъ семь стеариновыхъ свѣчей, вправленныхъ на этотъ разъ не въ большіе серебряные подсвѣчники, какъ всегда, а въ разнокалиберные мѣдные подсвѣчники. Другіе два стола, тянувшіеся вдоль стѣнъ между окнами, тоже были покрыты свѣжими скатертями, кушетки были застланы чистенькими, ситцевыми наволочками отъ перинъ, а въ воздухѣ, хотя всѣ окна были открыты, носился заманчивый запахъ свѣжихъ булокъ и фаршированной рыбы.

— Сюда пожалуйста,—пригласила Хане приставъ къ одному изъ столовъ, стоявшихъ между окнами: — здѣсь вамъ удобнѣе будетъ.

Закусилннъ сѣлъ на указанное мѣсто, и не успѣлъ онъ опомниться, какъ передъ нимъ выросли: графинъ воды, большая, свѣжая булка и очень почтенныхъ размѣровъ кусокъ фаршированной рыбы.

Онъ молча и очень усердно принялся за дѣло, наконецъ не могъ удержаться, чтобы не похвалить.

— Что рыба ваша хороша,—говорилъ онъ, выпивая и закусывая:—это вы, госпожа Немировская, и сами знаете. Не постигну, почему наши повара да кухарки такъ вкусно рыбы готовить не умѣютъ. Но по совѣсти скажу, что такой вкусной булки, какъ вотъ эта, ни въ одной кондитерской, ни въ одной булочной во всей Россіи не найдешь.

Приставъ величалъ обыкновенно жену ребъ Лейзера, какъ

всѣ, т. е. просто Ханой, и говорилъ ей «ты»; но теперь, должно быть, изъ почтенія къ ея очищенной, свѣжей булжѣ и фаршированной рыбѣ, величалъ ее госпожей Немировской и говорилъ ей «вы».

Ханѣ это очень польстило.

— Мы не богаты, сказала она скромно:— дорогихъ кушаньевъ мы не приготовляемъ; но то, что у насъ есть, стараемся приготовить лучше, повкуснѣй...

Приставъ ничего не возразилъ; онъ только одобрительно кивнулъ головою и продолжалъ налегать на графинчикъ съ очищенной.

Когда онъ, наконецъ, кончилъ и со сверткомъ подъ мышкой уже выходилъ, Хане его остановила.

— У меня къ вамъ просьба, ваше благородіе,—сказала она нерѣшительно.

— Слушаю.

— У васъ тамъ, въ полиціи, много сотскихъ. Я видѣла ихъ помещеніе. Оно очень тѣсное...

— Ну?

— Я просила бы васъ, чтобы вы позволили кому-нибудь изъ нихъ у насъ ночевать...

Приставъ нахмурился.

— Да не бойтесь вы!—сказалъ онъ громко:—ничего этого у насъ не будетъ. Я вотъ и въ синагогѣ всѣмъ вашимъ объявлю.

Хане просіяла.

— Мы не боимся!—воскликнула она:—развѣ мы не знаемъ, что у насъ, слава Богу, начальство есть? О, мы это очень хорошо знаемъ!.. Но я все-таки прошу васъ. Это же вамъ ничего не стоитъ. Пусть кто-нибудь изъ сотскихъ приходитъ къ намъ вечеромъ, поужинаетъ, переночуетъ, а рано утромъ онъ себѣ уйдетъ.

Приставъ подумалъ съ минуту.

— Хорошо. Сдѣлаю,—сказалъ онъ, наконецъ, и вышелъ.

Едва за нимъ закрылась дверь, какъ въ противоположную дверь бомбой влетѣлъ Хаимъ.

— Я цѣлый часъ за дверями стоялъ!—вскричалъ онъ, широко ухмыляясь:—Я хотѣлъ войти, но вижу, у васъ самъ приставъ сидитъ...

— Да онъ тутъ и полчаса не просидѣлъ,—перебила Хане.

— Ну, ужъ не знаю... но я долго ждалъ и не зналъ, что дѣлать: скоро суббота и денегъ въ рукахъ держать нельзя будетъ, а я *недѣльное* за двѣ недѣли принесъ.

— Ты могъ бы и въ воскресенье занести.

— Э, нѣтъ! Вы Богъ знаетъ что подумали бы, а я не хочу... Нѣтъ—нѣтъ, нѣтъ, не хочу этого. Прошлую недѣлю я не внесъ, а теперь Богъ мнѣ помогъ... Вотъ, сосчитайте.

Хане приняла горсть серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ и очень старательно сосчитала.

— Вѣрно,—сказала она:—но чему ты такъ радъ?

— Хорошая у меня недѣля была, Ханочке,—произнесъ Хаимъ съ сияющимъ лицомъ:—слава Богу, хорошо заработалъ.

— А денегъ не нужно? У меня въ воскресенье какъ разъ будутъ.

Хаимъ зажмурилъ глаза и замахалъ руками.

— Ахъ, нѣтъ—нѣтъ—нѣтъ! — вскричалъ онъ, какъ бы отбиваясь отъ чего-то — пока не выплачу стараго долга, въ новый не влѣзу. Не возьму петли на шею.

— Какъ знаешь. Но если нужно будетъ, скажи. Хоть не будетъ у меня, но для тебя достану...

— О, я знаю! — съ чувствомъ искренней благодарности воскликнулъ Хаимъ, приложивъ ладонь къ груди, гдѣ, по его мнѣнiю, было у него сердце: — И я благодарю васъ, и моя Мирьямъ благодаритъ васъ. Вы насъ всегда изъ бѣды выручаете... Но скоро суббота,—спохватился онъ, попрощался и ушелъ.

Хане тоже поторопилась положить деньги въ комодъ и отмѣтить что-то въ узенькой, толстой книгѣ, которая могла бы свидѣтельствовать, что Хане не одного Хаима, а очень многихъ согражданъ, подобныхъ Хаиму, выручала изъ бѣды. Не давай она Хаиму денегъ въ долгъ — и нечѣмъ было бы ему покупать для продажи пшеницу, рожь, овесъ, холстъ, шерсть и вообще все, что Богъ пошлетъ. Тогда хоть по міру съ дѣтьми ступай. Но Хане даетъ и притомъ безъ всякаго залога и даже на одинъ и тотъ же вексель, валяющійся у нея гдѣ-то вотъ уже лѣтъ пять. Хаимъ беретъ обыкновенно 25 рублей на полгода за самыя маленькіе проценты—всего за одну копѣйку съ рубля

въ недѣлю. Но такъ какъ о возвратѣ такой крупной суммы съ процентами сразу ни ему, Хаиму, ни прочимъ должникамъ и думать нечего, то для ихъ же, должниковъ, удобства сумма эта вмѣстѣ съ процентами выплачивается еженедѣльно по 1 рублю 25 копѣекъ.

Это и называется платить «недѣльное», и Хаиму это кажется очень выгоднымъ дѣломъ. Шутка-ли? Онъ получаетъ цѣлыхъ 25 рублей разомъ, а возвращаетъ въ продолженіе полу-года всего по 1 рублю 25 копѣекъ въ недѣлю, и если только Богъ ему поможетъ, то этотъ платежъ для него почти не чувствителенъ. Что это «недѣльное» — очень накладно, что онъ платитъ какіе-то тамъ неимоверно большіе проценты, это ему и въ голову не приходитъ. Напротивъ. Онъ искренно убѣжденъ, что онъ платитъ очень маленькіе проценты.

Хаимъ, конечно, прекрасно понимаетъ, что это за штука такая большіе и маленькіе проценты; онъ знаетъ всѣ условія займа большихъ суммъ на разные сроки и на разные проценты, начиная отъ 4% годовыхъ и кончая 50% или даже 100% годовыхъ на 100. Но большому кораблю—большое и плаваніе, и Хаимъ интересуется такими кредиторами и такими должниками, какъ чѣмъ-то сказочнымъ, для него лично рѣшительно не доступнымъ. Онъ не осуждаетъ и не поощряетъ: онъ благоговѣетъ и передъ такими кредиторами, и передъ такими должниками.

Совсѣмъ не то *недѣльное*. Имъ всегда жили въ мѣстечкахъ и богатые, и бѣдные. Такъ уже истари ведется. Такъ даже и прадѣды поступали, а теперь они въ свѣтломъ раю; такъ поступаютъ всѣ; такъ и самъ онъ, Хаимъ, поступать будетъ, если только Богъ ему поможетъ.

Такъ поступаетъ и Хане. Она сама въ свое время платила недѣльное, платитъ и теперь немаленькіе проценты и Израилю Марковичу, и другимъ и, получая «недѣльное» у другихъ, такъ же, какъ и Хаимъ, искренно думаетъ, что она поступаетъ именно такъ, какъ нужно. А что они другъ у друга кровь высасываютъ—это никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ.

VII.

Еще солнце только приближалось къ закату, а ужъ сталъ раздаваться стукъ синагогальнаго служки, старика Нахмана,

возвѣщавшаго тремя ударами деревяннаго молотка въ ворота или въ двери каждаго дома, что пора прекратить занятія и собраться въ синагогу.

— Рысечке, прикажи Срулику магазинъ запереть!—заторопилась Хане при звукѣ перваго же удара молотка, донесшагося до ея слуха, а сама быстро умылась и принарядилась, загля всѣ семь свѣчей, помолилась надъ ними, заслонивши глаза ладонями.

Для нея суббота уже настала. Т. е. для Ханы настало то время, когда абсолютный покой обязательенъ и не только ничего нельзя дѣлать, но и дотрогиваться къ какому бы то ни было орудію запрещено; когда всѣ дѣла, всѣ заботы и всякое горе должны быть забыты, вычеркнуты изъ памяти, словно бы ихъ и не существовало. Ребъ Лейверъ съ сыновьями поспѣшили въ синагогу; одинъ только Сруликъ медлилъ.

Заперши магазинъ, онъ находилъ себѣ равныя занятія, ссорился съ Гапкой, дразнилъ старуху Фейгу, и вообще видно было, что онъ никуда не спѣшитъ. Когда ему уже въ десятый разъ напомнили, что пора въ синагогу, онъ, наконецъ, началъ умываться, стоя надъ ушатомъ. Но старуха Фейге вытурила его изъ кухни, и онъ пошелъ на дворъ, гдѣ преспокойно продолжалъ полоскаться и дразнить бабъ до тѣхъ поръ, пока въ дѣло не вмѣшалась Хане.

— И не стыдно тебѣ, лодырь?—крикнула она ему въ окно:—скоро изъ синагоги уже выйдутъ, а ты еще и не умылся!

— Надо же мнѣ хоть разъ въ недѣлю порядкомъ умыться, буркнулъ Сруликъ:—въ баню ходить мнѣ некогда...

— Вѣдняякка! Некогда ему! А что ты до сихъ поръ дѣлаешь? Кому ты тутъ нуженъ былъ? А теперь, когда въ синагогу пора, ты мыться начинаешь.

— Сама бы въ синагогу шла,—проворчалъ Сруликъ себѣ подъ носъ, но Хане услышала и разсердилась.

— Я держу либо еврея, либо христіанина,—отчеканила она, высунувшись изъ окна:—еврей долженъ идти въ синагогу, христіанинъ—въ церковь. А кто въ праздничный день не ходитъ ни въ синагогу, ни въ церковь, тотъ мнѣ не нуженъ... Слышишь?

Сруликъ молчалъ. Онъ торопливо надѣлъ свою чистую гла-

миду, схватилъ молитвенникъ и, показавши торжествовавшей Гапкѣ языкъ, поспѣшилъ въ синагогу.

Ветхая, полуразрушившаяся синагога глядѣла празднично и торжественно, освѣщенная множествомъ свѣчей и послѣдними лучами заходящаго солнца. Предвечерняя молитва была уже кончена и, въ ожиданіи исчезновенія послѣднихъ лучей заходящаго солнца, когда можно будетъ приступить къ вечерней молитвѣ, прихожане сядѣли или стояли на своихъ мѣстахъ въ глубокомъ молчаніи. Не слышно было полушопота, сливающагося въ общій неопредѣленный шумъ, какой бываетъ обыкновенно въ синагогѣ во время перерыва; не бесѣдовали о злобѣ дня или вообще о новостяхъ, доходившихъ до обитателей мѣстечка Новоселкова,—всѣ находились подѣ какимъ-то тяжелымъ, гнетущимъ впечатлѣніемъ, точно надъ каждымъ неожиданно-негаданно повисъ Дамокловъ мечъ.

Но вотъ исчезли послѣдніе лучи солнца; канторъ приблизился къ кивоту, запѣлъ субботній хвалебный гимнъ — и всѣ лица разомъ прояснились, просвѣтлѣли; вся синагога наполнилась ликующими звуками, которые, сливаясь въ одну общую дивную гармонію, разносились далеко-далеко въ чистомъ воздухѣ, то поднимаясь *crescendo*, то постепенно замирая. Не было больше придавленныхъ, угнетенныхъ людей; всѣ сіяли довольствомъ, радостью; всѣ были беззавѣтно счастливы, довольны и собою, и Божиимъ міромъ.

Молитва кончилась, и всѣ стали расходиться. Старый Данила, состоящій съ незапамятныхъ временъ сторожемъ синагоги, говорящій по-еврейски не хуже любого еврея и знающій всѣ обряды и порядки службы въ синагогѣ тоже не хуже любого еврея, принялся тушить свѣчи и вмѣстѣ съ старикомъ Нахманомъ послѣдній оставилъ синагогу. Не прошло и получаса, какъ всѣ переулки были уже пусты, и нигдѣ не видно было живой души; но вечерняя тишина долго еще наполнялась звуками субботнихъ гимновъ, исходившими изъ cadaго дома, изъ каждой лачужки.

Въ домѣ ребѣ Лейзера происходитъ то же самое, что и во всякомъ другомъ еврейскомъ домѣ въ Новоселковѣ: ребѣ Лейзеръ и Гершъ распѣвають субботній гимнъ, расхаживая взадъ и впередъ по комнатамъ; но дѣло не въ этомъ гимнѣ; и ребѣ Лей-

зерь, и Гершъ поютъ гимнъ совершенно машинально, а мысли ихъ гдѣ-то далеко-далеко. Такъ и видно, что все земное въ эту минуту имъ совершенно чуждо. Оба витаютъ гдѣ-то въ заоблачной выси и блаженствуютъ. Даже шалуны Товій и Нахманъ, стоя у стола и читая на тотъ же мотивъ гимны, каждый изъ своего молитвенника, всецѣло увлечены, хотя они и не понимаютъ, а можетъ быть, именно потому, что не понимаютъ значенія читаемаго на распѣвъ. Женщины глубокомысленно слушаютъ и благоговѣнно молчатъ. Старуха Фейге, тоже умытая и принаряженная, сидя въ кухнѣ и благоговѣнно вслушиваясь въ молитвенный мотивъ, съ восторгомъ слѣдитъ за «разбойниками», звонкіе голоса которыхъ отчетливо выдѣляются изъ общаго хора. Одинъ только Сруликъ, помѣстившись на табуреткѣ, подлѣ двери кухни, читаетъ вполголоса изъ молитвенника тотъ же гимнъ безъ пригѣва, повѣвывая поминутно и косясь на широкіе рукава и на громадную пазуху Гапки, мелькавшей неслышно то въ комнату, то въ кухнѣ, то мимо раскрытыхъ оконъ на дворѣ.

Такъ же безсознательно ребъ Лейзеръ и Гершъ совершили, по окончаніи перваго гимна, и благословеніе надъ бокалами вина, и омовеніе, и приступили къ трапезѣ, такъ что, казалось если бы имъ, вмѣсто фаршированной рыбы, положили на тарелки отруби, они и это дѣлали бы съ тѣмъ же аппетитомъ, будучи погружены каждый въ свою думу. И, чтобы имъ не мѣшать, всѣ хранили молчаніе. И Фейге, и Гапка дѣлали все тихо, безъ разговоровъ. Гапка знала, когда надо совершать омовеніе и во-время подавала все, что нужно; старуха Фейге знала, когда кончается гимнъ, слѣдующій за фаршированной рыбой, и подавала лапшу. Но самое важное, самое интересное для Хане еще впереди: по окончаніи трапезы и всѣхъ гимновъ у ребъ Лейзера и Герша завязывается обыкновенно беседа на какую-нибудь тему изъ Талмуда, и тутъ-то для Ханы начинается настоящее блаженство. И отецъ и сынъ—оба знатоки Талмуда, и съ первыхъ же словъ у нихъ начинается академическій споръ. Оба мало-по-малу начинаютъ горячиться, оба сыплютъ цитатами, ссылками на авторитеты. Некрасивое, продолговатое, изъ-желта блѣдное лице ребъ Лейзера, съ рыжеватыми пучками волосъ, разсыянными по лицу кустиками и круп-

нымъ носомъ надъ широкимъ, зубастымъ ртомъ, становится почти красивымъ; круглое, румяное лицо Герша разгорается, и большіе каріе глаза его искрятся чуднымъ огнемъ. Споръ затягивается часто далеко за полночь; всё въ домѣ спать уже крѣпкимъ сномъ, и только одна Хане сидитъ тутъ, вся поглощенная споромъ мужа и сына. Она силится понять всё тонкости, пожираетъ глазами и мужа и сына и блаженствуетъ.

На этотъ разъ, однако, Ханѣ не пришлось испытывать этого блаженства: когда посуда отъ фаршированной рыбы была убрана со стола, и всё вымыли руки, а старуха Фейге поднесла къ столу вазу съ лапшой,—въ комнату ввалился вдругъ гигантскаго роста мужичище съ сверкающей на груди бляхой и гаркнулъ во все горло:

— А де я тутъ ночеватыму-у?

Илювія сразу исчезла, точно сквозь землю провалилась. Видъ этого сѣраго гиганта въ смазныхъ сапожищахъ и съ сверкающей бляхой на груди, его богатырскій возгласъ, и особенно это «му-у» такъ рѣзко дисгармонировали съ настроеніемъ ребъ Лейзера и Герша, что оба они изъ небесныхъ сферъ, гдѣ они все время витали, разомъ шлепнулись на землю и даже не на землю, а прямо въ омутъ. Хане тоже было растерялась, но сейчасъ же оправилась, освободилась отъ Рыси, прижавшейся къ ней такъ, точно прилипла, и поднялась съ мѣста.

— Здѣсь, здѣсь, ночевать будете,—сказала она, выходя изъ за стола...

— Теперь суббота,—сказала она, ткнувъ ему въ руку кусокъ свѣжей булки:—и варить у насъ нельзя. Но въ будни вамъ ужинъ приготовить.

Она кликнула Гапку и распорядилась, чтобы она уступила свое мѣсто въ чуланѣ сотскому, а сама чтобы пристроилась нока въ кухнѣ.

— Ночевать у насъ сотскій будетъ,—отвѣчала она на недоумѣвающіе взгляды, устремленные на нее со всѣхъ сторонъ, когда сотскій въ сопровожденіи Гапки вышелъ изъ комнаты:—слишкомъ много воровъ развелось за послѣднее время. Что ни день, то новая кража. Ну, а если сотскій у насъ ночевать будетъ, то оно какъ будто безопасно...

Это объясненіе никого не удовлетворило; но никто не

рѣшался задавать навязывавшіеся сами собою вопросы. Одинъ только Нахманъ какъ будто обрадовался случаю высказавъ мучившій его все время вопросъ.

— Мама!—обратился онъ къ Ханѣ, какъ только она сѣла на свое мѣсто:—отчего такіе гадкіе подсвѣчники?

Всѣ были озадачены и молчали. Хане тоже молчала. Но Нахманъ не унимался.

— Гдѣ наши серебряные подсвѣчники?—спросилъ онъ:— ихъ уже украли?

— Нѣтъ, не украли,—спокойно отвѣчала Хане:— ихъ отдали въ починку.

— Въ починку? Но они же совсѣмъ новенькіе были.

— Ну-ну-ну!.. Разговаривай! — осадилъ его Гершъ: — разговаривь ты очень. А вотъ я посмотрю, такъ же-ли ты разговаривь и передъ раскрытой Библией...

— Ахъ, да, да, милый Гершъ! — обрадовалась Хане:— прослушай ихъ, прослушай. А то мы всѣ такъ заняты по цѣлымъ днямъ, что совсѣмъ не знаемъ, учатся-ли они чему, нибудь или же только и дѣлаютъ, что шалятъ да переворачиваютъ все въ домѣ вверхъ дномъ.

— Онъ вчера Библию не зналъ,—донесъ Товій.

— О-го! Я уже пророковъ кончилъ и теперь повторяю.

— Хорошо. Посмотримъ, какой ты ученый.

Всѣ замолчали. Разнообразныя чувства, волновавшія въ эту минуту каждого, были удачно скрыты отъ прислуги, не исключая и Срулика. Объ этомъ Хане и вообще заботилась, а теперь для нея особенно важно было, чтобы и соринка изъ избы не была вынесена. На это она тратила не мало трудовъ, хотя совершенно напрасно: и старуха Фейге, и Гапка нисколько не интересовались хозяйскими дѣлами. Эти дѣла были для нихъ непонятны, совершенно чужды и скучны. Совсѣмъ другое дѣло—корова съ теленкомъ, коза съ козленкомъ, куры, пѣтухи и утки. Все это представляло собою глубоко захватывающій интересъ, поглащавшій обѣихъ бабъ всецѣло. Сруликъ же, когда его сажали за столъ,—а сажали его за хозяйскій столъ только по субботамъ да по праздничнымъ днямъ,—бывалъ всецѣло поглощенъ одной только заботой—какъ бы побольше съѣсть, но такъ, чтобы это никому въ глаза не бросалось. До

всего же прочаго ему и дѣла не было. За ховяйскимъ столомъ онъ сидѣлъ, какъ пень; краснѣлъ, потѣлъ, видимо чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ и внутренно проклиналъ законъ, требующій, чтобы всякій мужчина, достигшій 13 лѣтняго возраста, непременно былъ приобщенъ къ общей молитвѣ. Это и была главная причина, почему его, Срулика, сажали по праздникамъ за ховяйскій столъ и такимъ образомъ лишали удовольствія ѣсть solo, сидя за столомъ въ кухнѣ, гдѣ онъ могъ, не стѣсняясь, давать полную волю своему волчьему аппетиту да при этомъ еще подтрунивать надъ Фейгой и ссориться съ Гапкой.

Теперь, когда вниманіе всѣхъ было привлечено появленіемъ сотскаго, Сруликъ съ волчьей жадностью принялся уписывать все, что было подъ руками, нисколько не заботясь о томъ, что думаютъ и чувствуютъ въ это время другіе.

Ребъ Лейзеръ все время молчалъ. Онъ былъ доволенъ, что случай внезапнаго появленія сотскаго такъ просто объяснился, но прежнее настроеніе къ нему уже больше не вернулось. Не вернулось оно и къ Гершу, и потому, какъ только послѣдняя молитва была кончена, ребъ Лейзеръ поднялся съ мѣста и вышелъ.

— Съ ними позаймись, если хочешь, сказалъ онъ угрюмо Гершу, кивнувъ на Товія и Нахмана:—а я спать хочу.

VIII.

Ребъ Лейзеръ плохо спалъ всю ночь и проснулся въ субботу утромъ позже обыкновеннаго; однако не совершить омовенія передъ субботней молитвой въ холодномъ бассейнѣ онъ никакъ не могъ. Но покуда онъ вернулся изъ бани, покуда выпилъ стаканъ вчерашняго кофе, варившагося всю ночь въ печкѣ и покуда онъ, наконецъ, добрался до синагоги,—первая половина богослуженія тамъ приходила уже къ концу. Это сообщили ему не кто иной, какъ сторожъ Давида.

— Опоздали вы, ребъ Лейзеръ,—сказалъ онъ, сидя въ сторонѣ отъ порога двери и грѣясь на солнцѣ:—уже шмойнезре идетъ...

Ребъ Лейзеръ юркнулъ въ синагогу, пробрался на свое мѣсто и, накинувши на голову свой талесъ, такъ что тотъ за-

крыль его до самаго пояса, принялся наверхстывать упущенное истовымъ полушопотомъ, раскачиваясь всѣмъ корпусомъ, точно отвѣшивалъ кому-то непрерывные поклоны.

А въ синагогѣ между тѣмъ происходило сильное волненіе: свѣжія новости, распространенныя сегодня по мѣстечку, вывалили сильную сенсацію, и въ синагогѣ, во время обычнаго перерыва, о нихъ громко говорили. Новости эти шли изъ достовѣрнаго источника—изъ почтовой конторы. Здѣсь получались всего нѣсколько экземпляровъ газетъ — столичныхъ и провинціальныхъ, выписываемыхъ нѣкоторыми изъ особенно любопытныхъ окрестныхъ помѣщиковъ. Эти-то газеты вынимались изъ бандеролей тѣми охотниками до чтенія чужихъ газетъ, которые платили единственному почтальону 15 — 20 копѣекъ въ мѣсяць. Потомъ газеты, измятыя и зачитанныя, вкладывались въ бандероли и доставлялись по адресамъ; и всѣмъ было хорошо: любознательные подписчики получали свои газеты, любознательные граждане почитывали чужія газеты, а почтальонъ, при своемъ нищенскомъ жалованьи, могъ жить безбѣдно и продолжать исподволь строить свой домикъ.

И вотъ, изъ этихъ-то газетъ сегодня извѣстно стало „о безпорядкахъ“, происшедшихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ почти одновременно, а подробности этихъ безпорядковъ были такого свойства, что надъ ними, пожалуй, могли бы задуматься и не одни только новоселковцы. Тѣ же газеты сообщали и еще одну сенсаціонную новость: описывалось пребываніе Островскаго раввина въ мѣстечкѣ Жидкоболотовѣ. Въ газетѣ сообщалось, разумѣется въ юмористическомъ духѣ, встрѣча и проводы Островскаго раввина жидкоболотовцами, и было высказано предположеніе, что, вѣроятно, раввинъ оставилъ это мѣстечко не съ пустыми карманами.

Въ Новоселковѣ раввинъ не имѣлъ ни послѣдователей, ни противниковъ. Населеніе этого мѣстечка было совершенно равнодушно къ жестокому спору, какой происходитъ вѣчно въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ между послѣдователями и противниками раввинизма, и во всякое другое время, вѣроятно, не заинтересовалось бы этимъ раввиномъ. Теперь же оно готово было обратиться не только къ человѣку, славившемуся своей безупречной жизнью и своей мудростью, но

и ко всякому знахарю и ворожею, и такъ какъ Жидкоболотово находилось всего верстахъ въ тридцати отъ Новоселкова, то многіе настаивали на томъ, чтобы раввинъ былъ приглашенъ въ Новоселковъ; другіе были противъ приглашенія, и поднялся споръ, не перешедшій въ рукопашную только потому, что въ синагогѣ въ это время появился приставъ, сопровождаемый раввиномъ Хинькисомъ.

Ребъ Лейзеръ продолжалъ усердно молиться и не замѣчалъ, что происходило за его спиною. Слышалъ онъ, что поднялся шумъ смѣшанныхъ голосовъ далеко сильнѣе того, какой поднимается обыкновенно во время перерыва, наступающаго послѣ первой половины субботняго богослуженія, и что потомъ вдругъ настала какая-то необыкновенная тишина, но онъ не поддавался любопытству, продолжалъ молиться и—вдругъ сбросилъ съ головы своей талесъ и обернулся, какъ ошпаренный: на амвонѣ стоялъ приставъ и рядомъ съ нимъ казенный раввинъ Хинькисъ.

Господинъ Закусилинъ исполнилъ порученіе, данное ему исправникомъ, довольно своеобразно: онъ произнесъ цѣлую проповѣдь, въ которой перечислялись все прегрѣшенія людскія, начиная съ Адама; не щадилъ ни красокъ, ни образовъ и не былъ особенно разборчивъ въ выраженіяхъ. Къ этой своеобразной проповѣди господинъ Закусилинъ пристегнулъ и еще болѣе своеобразный выводъ, а именно тотъ, что евреи, вслѣдствіе своихъ прегрѣшеній, причиняютъ много хлопотъ начальству, а бѣдное начальство изъ силъ выбивается, чтобы удержать негодование окружающей среды и не давать ему проявиться въ неприличной, противной закону, формѣ. Слѣдствіемъ же всего сказаннаго является то, что евреи несомнѣнно постараются исправиться, а начальство съ своей стороны уже приметъ все мѣры къ тому, чтобы порядокъ не былъ нарушенъ; новоселковцы поэтому могутъ быть вполне спокойны и ничего не боятся.

— Вашъ раввинъ, заключилъ онъ, —указывая на Хинькиса:—разъяснитъ вамъ все, чего кто нибудь изъ васъ не понялъ.

Все время, пока говорилъ приставъ, Хинькисъ одобрительно кивалъ головою и весь сіялъ: лицо сіяло улыбкой сознанія собственнаго достоинства, крахмальное бѣлье сіяло отъ утюга,

сапоги—отъ ваксы, а голова—отъ миндальнаго масла. По уходѣ приставъ онъ попытался было комментировать его рѣчь, но поднялся такой шумъ, что онъ долженъ былъ оставить свою попытку. Непонятнаго ничего не было. Приставъ сказалъ, что бояться нечего, и—страхъ, смертный страхъ напалъ на всѣхъ Тайный голосъ шепталъ каждому, что разъ *самъ* приставъ, въ виду „неблагопріятныхъ слуховъ“, увѣряетъ, что бояться нечего,—стало быть, опасность есть.

Общую панику еще болѣе увеличили женщины. Какъ только приставъ появился на амвонѣ и заговорилъ, женщины облѣпила окна, выходящія изъ женской половины въ мужскую, и скоро изъ этой половины, помѣщавшейся подъ самыми сводами синагоги, раздавался такой невообразимый визгъ, что покрылъ собою шумъ въ мужской половинѣ. Всѣ разомъ говорили, стараясь перекричать другъ друга, и одинъ другого не понималъ. Тогда старикъ Нахманъ взобрался на амвонъ, взявъ лежавшій на пропитрѣ валець—такой же какамъ прачки на рѣчкѣ мокрое бѣлье выколачиваютъ—и со всего размаха хлопнулъ имъ по переплету книги.

— Ша-а!

Раза три повторялся оглушительный трескъ валька, многократнымъ эхо перекатившійся подъ сводами синагоги и сопровождавшійся визгливымъ «ша-а!» вылетавшимъ изъ впалой груди старика Нахмана, и шумъ началъ утихать.

На амвонъ вошли старосты синагоги, умѣйшія головы—ребъ Шулимъ-Беръ Клоцъ, ребъ Ицхокъ Блиндеръ — и стали совѣщаться съ Хинькисомъ. Къ нимъ присоединились и ребъ Лейзеръ, и нѣкоторые другіе почтенные обыватели; совѣщались, совѣщались и рѣшили собраться въ синагогѣ сегодня же вечеромъ для совѣщанія.

Когда богослуженіе окончилось и ребъ Лейзеръ вслѣдъ за другими вышелъ изъ синагоги, его встрѣтила Хане, которая, повидимому, его поджидала.

— Что вы рѣшили?—спросила она.

— Мы рѣшили собраться для совѣщанія,—простоудушно отвѣтилъ ребъ Лейзеръ.

— Совѣщаться?!—вскричала Хане:—о чемъ?

— Мама, мы на улицѣ,—произнесъ Гершъ тихо, но внушительно.

Хане была взбѣшена и не постѣснялась бы высказать ребѣ Лейзеру и на улицѣ все, что накопило у нея на душѣ за все время, пока съ амвона говорилъ приставъ, но любовь и уваженіе къ Гершу взяли верхъ, и она воздержалась.

— И на что вамъ нуженъ былъ этотъ Хинькисъ?—начала она, какъ только всѣ вошли въ домъ:—чѣмъ онъ лучше того губернскаго пьяницы, Герша Слонима?

— Мама, сегодня суббота... опять тихо, но внушительно произнесъ Гершъ.

Хане бросила на сына молніеносный взглядъ, но сдѣлала надъ собою усиліе и замолчала.

Совершили омовеніе и сѣли за столъ. Старуха Фейге стала подавать первыя субботнія блюда—скобленную рѣдку съ гусинымъ саломъ и лукомъ, рубленную печенку съ гусинымъ саломъ и лукомъ, варенныя, мелко искрошенныя яйца съ гусинымъ саломъ и лукомъ, холодецъ изъ куринныхъ ножекъ, холодную фаршированную рыбу. Хане почти ни до чего не дотрогивалась, крѣпилась и, наконецъ, не выдержала.

— Я хорошо слышала, что говорилъ этотъ Закусилнъ, начала она сдержанно: это—Аманъ. Сколько волка ни корми, все въ лѣсъ смотреть...

— Да онъ ничего дурного не сказалъ,—простодушно замѣтилъ ребѣ Лейзеръ:—напротивъ...

— Ну, да,—съ ядовитой ироніей поддакнула Хане:—мало, слишкомъ мало говорить онъ. Но отчего же вы, умныя головы, молчали? Отчего не спросили вы его, что онъ *сѣлалъ* для того, чтобъ мы могли быть спокойны и не боялись?

Ребѣ Лейзеръ пресерьезно отвѣчалъ, что приставъ появился въ синагогѣ и говорилъ какъ разъ въ то самое время, когда онъ, ребѣ Лейзеръ, читалъ „шемойне-эсре“, т. е. ту именно молитву, которую прерывать никакъ нельзя.

Хане не выдержала. Къ ней наконецъ „подступило“.

— Хорошо!.. Всѣ вы хороши!..—вскричала она:—можно на васъ надѣяться... Какъ же!.. Ваши жены и дѣти могутъ жить за вами, какъ за каменной стѣнной... Козьи бороды! Только и знаете, что въ молитвенномъ домѣ спинами печи подпирать,

да дыры въ панталонахъ отъ сидѣнія вытирать. А увидите сотскаго, такъ языкъ у всѣхъ васъ къ гортани прилипнетъ, и слова не скажете.

И многое, многое высказала бы еще Хане, разъ къ ней уже „подступило“; не пощадила бы она въ этомъ случаѣ и Герша. Но спасъ на этотъ разъ и ребъ Лейзера, и Герша отъ крупныхъ неприятностей—субботній гимнъ, неизбѣжно слѣдующій послѣ гречневой каши и передъ кугелемъ; послѣ же кугеля со всѣми тѣми холодными блюдами, которыя можетъ приготовить, не нарушая законовъ субботы, старуха Фейге, и тѣми горячими блюдами, которыя, какъ доподлинно извѣстно всякому доброму еврею, готовить всю ночь въ на-глухо задѣланной печкѣ не кто иной, какъ ангель, въ головѣ воцаряется такой кавардакъ, что все, что можно дѣлать послѣ кугеля, это—спать.

IX.

Вечеромъ, когда всѣ собрались въ синагогѣ для совѣщанія, то оказалось, что и совѣщаться то не о чемъ, что въ данномъ случаѣ и всѣ вмѣстѣ, какъ и каждый порознь, ничего не въ состояніи предпринять и что, если тутъ кто нибудь и можетъ помочь, то это уже конечно не кто иной, какъ „нашъ еврейской защитникъ“, Израиль Марковичъ. Къ нему значить и надо обратиться.

Тутъ-же была выбрана депутація, т. е. нѣсколько человѣкъ вызвались быть депутатами; къ нимъ примкнули ребъ Мендель Клигеръ, ребъ Шмае Вирный, ребъ Лейзеръ Немировский и, не теряя ни минуты, двинулись въ путь.

Сначала депутаты шли, какъ оно и подобаетъ депутатамъ, бодро и смѣло, проникнутые сознаниемъ всей важности принятой на себя миссии. Но по мѣрѣ приближенія къ двору Израиля Марковича, каждымъ начинала овладѣвать тайная оторопь. Бодрость духа ихъ почти совсѣмъ покинула, когда изъ глубины обширнаго двора съ цвѣтникомъ, разбитымъ на клумбы въ видѣ разнообразныхъ и очень замысловатыхъ геометрическихъ фигуръ, глянулъ на нихъ сквозь стройный рядъ тополей, облитыхъ фантастическимъ свѣтомъ полной луны, длинный рядъ освѣщенныхъ оконъ фасада барскаго дома и слышпа-

лись раскатистые звуки рояля, какъ-то особенно торжественно и задорно расплывавшіеся въ вечерней тишинѣ.

Какъ жалкій остатокъ разсѣянаго стада, прижимаясь другъ къ другу и какъ будто прячась за спиною другъ друга, депутаты прошли дворъ, взобрались, спотыкаясь, на террасу и вошли гурьбой въ ярко освѣщенную переднюю.

— Что вамъ нужно? — спросилъ озадаченный человекъ во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, выскочивъ въ переднюю.

— Намъ нужно видѣть господина Израиля Марковича, — отвѣчалъ кто-то.

— Подождите. Сейчасъ доложу, — сказалъ человекъ во фракѣ и скрылся.

— Узнали вы его? — шепнулъ ребъ Мендель ребъ Лейзеру, кивнувъ въ ту сторону, куда исчезъ человекъ.

— Еще бы! — такъ-же шопотомъ отвѣчалъ ребъ Лейзеръ: — это сынъ портного Исаака Шлаина, Шулимъ.

— О-го! — позавидовалъ ребъ Шмае Вирный: — сынъ простого портного и вдругъ — такой баринъ!

Но завиднаго въ положеніи Шулима пока еще не было ничего: его наряжали „такимъ бариномъ“ и сажали въ переднюю только тогда, когда бывали гости; во всякое же другое время онъ расхаживалъ какъ самый обыкновенный „человекъ“, т. е. въ затасканномъ пиджакѣ съ чужого плеча и въ такихъ же брюкахъ.

Депутаты ждали не долго — минутъ десять, и къ нимъ въ переднюю вышелъ самъ Израиль Марковичъ, человекъ лѣтъ пятидесяти пяти, средняго роста, хорошо сложенный и очень представительный.

— Насъ послали къ вамъ, — началъ было ребъ Мендель, побобостранно ухмыляясь и какъ бы оправдываясь, и — замолчалъ.

— У насъ въ синагогѣ было совѣщаніе, — добавилъ ребъ Лейзеръ, — и мы рѣшили обратиться къ вамъ...

Израиль Марковичъ молчалъ. Очевидно было, что онъ въ эту минуту могъ ждать кого угодно, но никакъ не этихъ „депутатовъ“.

— Очень радъ, — пролетелъ онъ, сдѣлавъ общій поклонъ. Онъ распахнулъ широко обѣ половины двери, ведущей изъ

передней въ комнату, которая, судя по обстановкѣ, могла быть чѣмъ-то въ родѣ второй передней, куда вводятъ обыкновенно посѣтителей, которымъ приходится „подождать“.

— Пожалуйте...— произнесъ онъ, входя самъ въ эту комнату:— прошу садиться.

Депутаты въ эту комнату вошли гурьбой, однако любезному приглашенію хозяина не послѣдовали и только потому, что не знали, какъ это сдѣлать: комната была большая и совершенно пустая; только вдоль стѣнъ тянулись, въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга, стулья въ перемежку съ низенькими пате и мраморными столиками.

Израиль Марковичъ вторично пригласилъ всѣхъ садиться и показалъ, какъ это надо дѣлать: онъ самъ сѣлъ на первый попавшійся стулъ и позвоилъ.

— Подать сюда закуску,—кинулъ онъ небрежно появившемуся въ дверяхъ Шланну:— да сказать тамъ, что я занятъ.

Депутаты, скрѣпя сердце, должны были сѣсть; но, очутившись въ изолированномъ другъ отъ друга положеніи, они страшно конфузились, подобострастно ухмылялись и молчали. У каждаго изъ нихъ языкъ будто къ гортани прилилъ.

А было нѣкогда время...

Еще не дальше, какъ лѣтъ двадцать тому назадъ, всякій обращался съ Израилемъ Марковичемъ просто, т.-е. приходилъ къ нему за малѣйшей надобностью и даже безъ всякой надобности, какъ приходятъ теперь въ магазинъ ребъ Лейзера; заглядывалъ мимоходомъ во всѣ углы дома, запускалъ руку въ его карманъ, вытаскивалъ оттуда портъ-табакъ и, вынувши папирску, клалъ ему портъ-табакъ обратно въ карманъ и вообще чувствовалъ себя съ нимъ, какъ и со всякимъ новоселковцемъ. Израиль Марковичъ былъ тогда еще не Израиль Марковичъ, а просто ребъ Сруль, арендовавшій 2000 дес. земли при мѣстечкѣ Новоселковѣ. Онъ тогда былъ такой же, какъ и всѣ новоселковцы, т.-е. носилъ длиннополый скуртукъ, картузь, а подъ картузомъ еще и ермолку и вообще ничѣмъ не отличался отъ другихъ.

Но вотъ начали замѣчаться въ немъ какія-то странныя перемѣны и именно съ тѣхъ поръ, какъ послѣ какой-то очень удачной спекуляціи съ пшеницей всѣ узнали, что онъ сдѣ-

дался собственникомъ арендуемыхъ имъ 2 тысячъ десятинъ земли при мѣстечкѣ Новоселковѣ: сначала изъ-подъ картуза исчезла у него ермолка, а самъ картузь замѣнился новомодной шляпой и даже цилиндромъ; длиннополый скортукъ замѣнился костюмами, заказанными и въ Одессѣ, и въ Кіевѣ, и за границей, въ домѣ появилась мебель, выписанная изъ Вѣны, и французенка, выписанная изъ Парижа, и, судя по тому, съ какой поражающей быстротой подвигалась у него впередъ цивилизація, легко было догадаться, что дѣла его блестящи,—далеко лучше обыкновеннаго владѣльца 2 тысячъ десятинъ земли. Приходить къ нему становилось уже не легко даже и по дѣлу, а безъ дѣла, какъ бывало, уже и совсѣмъ нельзя было къ нему заглядывать. Интересы новоселковцевъ и прежде не очень-то его занимали, а потомъ они стали интересовать его столько же, сколько прошлогодній снѣгъ: у него уже завелись другіе, «вышіе» интересы. Въ чемъ именно заключались они, трудно сказать; достоверно только то, что онъ сильно волновался, когда узнавалъ, что какой-нибудь богатый еврей былъ пожалованъ въ коммерціи совѣтники или получилъ какой-нибудь знакъ отличія; много и долго толковалъ объ этомъ и съ близкими знакомыми, и въ кругу своего семейства; разузнавалъ всѣ подробности, за что именно и при какихъ обстоятельствахъ такой-то еврей получилъ такой-то знакъ отличія; много думалъ, соображалъ, точно прицѣнивался къ чему-то очень соблазнительному, но мало прибыльному. Только въ «страшные дни», т.-е. въ новый годъ и въ судный день онъ по-старому проводилъ въ синагогѣ цѣлые дни, а въ «шалый день», которымъ заканчиваются эти дни печали и покаянія, всякій по старому могъ придти къ нему и веселиться въ его домѣ, сколько душѣ угодно. И всѣ дѣйствительно приходили—одни пьяные, другіе, по обыкновенію, притворяясь пьяными; пѣли, плясали, сумасбродствовали и, какъ бы въ отместку за то, что ихъ круглый годъ дальше передней не пускаютъ, за одинъ этотъ день уже усердствовали и превращали весь домъ въ Авгіевы конюшни.

Когда депутаты выпили по маленькой рюмочкѣ какой-то очень ароматной и очень крѣпкой водки и закусили кускомъ торта, ввятаго изъ серебрянаго подноса, съ которымъ къ каж-

дому подходилъ Шлянгъ, языки у нихъ наконецъ развязались.

— Мы пришли къ вамъ,—началъ ребъ Мендель, поглаживая свою бороду:—потому что вы нашъ единственный защитникъ...

— Прежде Богъ, а потомъ вы,—добавилъ ребъ Шулимъ-Беръ Котловерь.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ Израиль Марковичъ.

— У насъ въ синагогѣ былъ сегодня приставъ,—продолжалъ ребъ Мендель.

— Онъ былъ тамъ для нашей же пользы,—ввернулъ ребъ Лейзеръ.

— Да, для нашей пользы,—подтвердилъ ребъ Мендель:—онъ сказалъ намъ, что бояться намъ нечего и что самъ исправникъ приказалъ ему объявить намъ это.

— И у насъ по этому поводу было собраніе,—опять вставилъ ребъ Лейзеръ:—и мы рѣшили обратиться къ вамъ, потому что вы нашъ еврейскій защитникъ.

— Пусть пришлютъ къ намъ въ Новоселковъ хоть роту солдатъ, бухнулъ ребъ Шулимъ-Беръ Котловерь.

— Да, да,—хоть одну роту,—подхватили всѣ.

«Еврейскій защитникъ» сидѣлъ съ опущенными глазами и молчалъ съ видомъ взрослога, очутившагося среди дѣтей, которые лепечутъ вздоръ, а воображаютъ, что дѣло говорятъ.

Онъ прекрасно зналъ всѣ закулисныя дрязги и всѣ подробности безпорядковъ въ Кіевѣ и въ Одессѣ, т. е. въ такихъ пунктахъ, гдѣ на мѣстѣ подъ руками была не одна рота солдатъ, и сгоряча волновался и возмущался, какъ и всѣ. Но очень скоро характеръ безпорядковъ вполнѣ выяснился, и оказалось, что богатымъ людямъ не только никакая опасность не грозить, но что, напротивъ, имъ прямо въ руки плыветъ лафа и съ того именно конца, откуда ея заранѣе никто и ждать не могъ. Нужно было только принять соотвѣтствующія мѣры;—это поторопился сдѣлать каждый; это же и самъ онъ, Израиль Марковичъ, уже сдѣлалъ и былъ вполнѣ спокоенъ.

— И вы хотите, чтобы я похлопоталъ о присылкѣ къ намъ, въ Новоселковъ, роты солдатъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Разумѣется!..—произнесли съ облегченнымъ сердцемъ всѣ депутаты разомъ:—тогда не такъ страшно будетъ...

— Но мы имѣемъ къ вамъ и еще одну просьбу,—поторопился добавить ребъ Мендель, чтобы уже разомъ преодолѣть всѣ затрудненія:—къ намъ ѣдетъ Островскій раввинъ, и вы, Израиль Марковичъ, конечно, ничего не будете имѣть противъ того, чтобы онъ остановился въ вашемъ домѣ...

— А то гдѣ же и прилично остановиться Островскому, если не у васъ!—ввернулъ ребъ Шмае Вирный

Израиль Марковичъ задумчиво молчалъ.

— Вотъ что я вамъ скажу,—вдохнулъ онъ наконецъ:—дѣло, по которому вы пришли, такъ же мое, какъ и ваше. Я и безъ напоминаній дѣлалъ, что могъ. Но если вы думаете, что мы будемъ въ безопасности, если у насъ, въ Новоселковѣ, будетъ стоять рота, то я объ этомъ похлопочу и думаю, что успѣхъ будетъ. Но на счетъ пріѣзда Остерскаго раввина...

— Островскаго,—поправилъ ребъ Мендель.

— Всеравно, Островскій или Остерскій,—продолжалъ Израиль Марковичъ:—но я вамъ долженъ сказать свое мнѣніе откровенно. Я думаю, что настоящее время именно такое, что раввину лучше всего—дома сидѣть. Для разѣздовъ онъ можетъ выбрать другое, болѣе удобное время. Но я, разумѣется, ничего не имѣю противъ того, чтобы онъ и теперь къ намъ пожаловалъ, и считалъ бы за великую честь, если бы онъ удостоилъ остановиться въ моемъ домѣ. Но, къ сожалѣнію, я въ настоящее время принужденъ отказаться отъ этой чести: ему, по многимъ причинамъ, теперь у меня не очень-то удобно будетъ.

Онъ всталъ, и депутаты тоже съ шумомъ сорвались съ своихъ мѣстъ; но, чтобы убѣдить ихъ, что ауденція кончена и говорить больше не о чемъ, онъ пожалъ всѣмъ руки и вышелъ.

Депутаты ушли. Миссія ихъ, казалось, была исполнена очень удачно, и они были вполне довольны и сами собою, и Израилемъ Марковичемъ.

Х.

Было уже очень поздно, когда ребъ Лейзеръ вернулся домой. Всѣ въ домѣ давно уже спали; одна Хане сидѣла въ глубокомъ раздумьи, облокотившись обѣими руками объ столъ. При появленіи мужа, она встрепенулась, зажгла новую свѣчу

и тихо, чтобы не разбудить спящихъ, подала ему воды для омовенія, и холодную закуску.

Ребъ Лейзеръ сталъ рассказывать все, что было и въ синагогѣ, и въ домѣ Израила Марковича. Хане внимательно слушала, не перебивая, но какъ-будто соображая что-то въ то же время про себя. Потомъ, когда ребъ Лейзеръ кончилъ наконецъ рассказъ свой, она все еще сидѣла молча въ глубокомъ раздумьи.

— А знаешь, Лейзеръ, что я тебѣ скажу,—произнесла она наконецъ твердо и рѣшительно, отчеканивая каждое слово: —ничего изъ всего этого не выдетъ. Слышишь-ли? Ни-че-го.

Ребъ Лейзеръ молчалъ. Онъ чувствовалъ, что жена права, не крѣпился и старался казаться спокойнымъ. Онъ даже принялся провѣрять свои торговые книги, какъ дѣлалъ онъ обыкновенно наканунѣ базарнаго дня, и показывалъ видъ, будто онъ всецѣло углубился въ свою бухгалтерію. На самомъ же дѣлѣ цифры какъ-то странно прыгали передъ его глазами, сливались и расплывались, а самъ онъ думалъ о другомъ.

Хане сидѣла у другого конца стола, устремивъ застывшій взоръ въ полумракъ, распространяемый единственной свѣчей. Видно было, что какая-то мысль гвоздемъ засѣла къ ней въ голову, и она никакъ не могла ни сладить съ нею, ни отдѣлаться отъ нея.

— Лейзеръ, ты очень занятъ?—спросила она, наконецъ, нерѣшительно.

— А? Что?—испуганно отозвался ребъ Лейзеръ, точно онъ проснулся отъ глубокаго сна.

— Ты не очень занятъ?—повторила Хане.

— Н... нѣтъ, не очень... А что?

— *Такъ.* Я хотѣла спросить... Ты не знаешь, что это за государство такое—Америка?

— Америка?!—несказанно удивился ребъ Лейзеръ, пораженный тѣмъ, что Хане, повидимому, думала о томъ, о чемъ самъ онъ все время думалъ:—не знаю право... Говорятъ, что это очень хорошее государство. Тамъ всякій живетъ, гдѣ хочетъ, и занимается, чѣмъ хочетъ.

— Что же? Тамъ полиція совсѣмъ нѣтъ?

— Какъ можно! Полиція есть.

— Какъ же это такъ? И полиція есть, и евреи могутъ жить, гдѣ хотятъ, и занимаются, чѣмъ хотятъ... Не понимаю.

— Почему же? Тамъ, говорятъ, и среди полицейскихъ есть евреи.

— Вотъ какъ! Что же они тамъ,—и пристава, и исправники, или только городовые?

— Ну, этого я уже не знаю. Но зачѣмъ ты вдругъ вздумала спрашивать?

— Такъ. У кого бы можно было разузнать всѣ подробности? И какіе тамъ люди, и какая коммерція, и какіе порядки...

— Зачѣмъ намъ все это?

— Такъ. Не мѣшаетъ знать,—отрѣзала Хане.

Она вскочила съ мѣста и стала засучивать рукава своей блузы.

— И отчего только я не мужчина?—вскричала она: — ужъ я знала бы, и гдѣ эта Америка, и что, и какъ... и давнымъ-давно была бы уже тамъ. Не сидѣла бы я здѣсь, въ этомъ несчастномъ Новоселковѣ, да ждала гибели и разоренія. Всѣ вы—ковъи бороды! Вамъ только и извѣстна, что дорога въ холодный бассейнъ да въ молитвенный домъ. Ни на что вы не годны. Коту хвостъ привязать—и того не умѣете. За всѣхъ васъ жены думаютъ, жены и работаютъ. Измучилась я. Силь моихъ нѣтъ больше...

Она вдругъ замолчала и стала вслушиваться; схватила со стола свѣчу и скользнула, какъ тѣнь, въ спальню. Здѣсь, за ширмами, спали въ одной постели Рысе и Лія; но дѣвушки спали спокойнымъ сномъ, и слышно было ихъ ровное, согласное дыханіе. Хане поглядѣла съ минуту на лица спящихъ дѣвочекъ, осторожно поправила одѣяльце на Лів, тихо вышла изъ спальни и прошла въ кухню. Здѣсь, на деревянной койкѣ, утопая въ перинахъ, спала, слегка похрапывая, старуха Фейге, а на полу, по обыкновенію, не раздѣвшись, спала крѣпкимъ сномъ Гапка. Ясно было, что или кто-нибудь дѣйствительно крикнулъ съ просонковъ, или же Ханѣ только померещился крикъ, потому что Сруликъ спалъ, какъ убитый; Товій и Нахманъ тоже, повидимому, не просыпались: оба мальчика, разметавшись и раскраснѣвшись, спали крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ и во снѣ улыбались, а Гершъ, какъ лежалъ, свернув-

пись калачикомъ, такъ и продолжалъ лежать, не шевелясь, и мѣрно дышалъ.

Хане поставила свѣчу на столъ и сѣла. Ничего больше она уже не говорила и даже не глядѣла въ сторону мужа:—„ковья борода“, что съ нимъ разговаривать. Дѣйствовать, дѣйствовать нужно. Но какъ?

Все, что можно было обезпечить, она обезпечила. А теперь не лучше-ли уѣхать куда-нибудь со всѣмъ семействомъ?

Это, конечно, было бы теперь самое лучшее, самое благоразумное, если бы только была малѣйшая возможность; но этой возможности нѣтъ.

Всю ночь она не спала, а утромъ—утомленная, измѣтая, съ красными отъ бессонницы глазами, была уже на ногахъ. Она попыталась удержать сотскаго, и это ей легко удалось бы, если бы онъ не имѣлъ строжайшаго приказа быть рано утромъ на своемъ мѣстѣ, т. е. около квартиры или въ кухнѣ пристава.

Въ магазинъ она не вышла, а послала одного Срулика, и пока ребъ Лейверъ молился, довольствовалась тѣмъ, что заглядывала поминутно въ закопченное стеклышко двери, ведущей въ магазинъ.

Когда Гершъ отправился въ синагогу молиться, она хотѣла было сказать ему что-то и—ничего не сказала; но когда онъ, пришедши изъ синагоги и позавтракавши, опять собирался уйти, она загородила ему дорогу.

— Куда?—спросила она отрывисто, глянувъ изъ-подлюбя въ упоръ

— Учиться.

— Не нужно. Дома сиди.

— Но я на этой недѣлѣ долженъ кончить...

— Успѣешь и на будущей недѣлѣ кончить,—перебила Хане:—пора и за дѣло взяться, а то останешься такой же ковьею бородой, какъ и отецъ твой. Въ магазинъ сегодня посиди.

— Да что я тамъ стану дѣлать?

— Смотрѣть, смотрѣть... И этого на первый разъ довольно.

Гершъ пожалъ плечами и какъ-то совсѣмъ неловко просунулся въ магазинъ.

Онъ дѣйствительно былъ тамъ совершенно лишній. Научиться ему тамъ нечему было, и не думала Хане отрывать

его отъ его богословскихъ занятій, которыя сама же она цѣнила выше всего на свѣтѣ, и засадить его за прилавокъ. Знала она, что въ этой „науцѣ“ онъ всегда успѣетъ, если только жена у него будетъ дѣльная: она просто не хотѣла отпустить его сегодня изъ дому. Товію и Нахману она не позволила даже выходить за порогъ двери и, какъ насѣдка, хотѣла на всякій случай имѣть дѣтей подлѣ себя.

Но проходилъ часъ за часомъ, а спокойствіе не было нарушено. Базарный день шель своимъ чередомъ—съ своимъ обычнымъ шумомъ, гамомъ, пересмѣшками и перебранками; но чувствовалось, что все наэлектризовано, что всеобщее напряженіе достигло высшей степени, и недостаетъ только малѣйшаго повода, чтобы послѣдовалъ взрывъ; но этого повода не было. День поэтому прошелъ благополучно, и мѣстечко опустѣло.

Вечеромъ не успѣла Хане отдохнуть отъ волненія, какъ въ комнату бомбой влетѣлъ Хаимъ.

— Пріѣхалъ... Сейчасъ пріѣхалъ!—вскричалъ онъ радостно.

Хане замерла. Ребъ Лейзеръ и Гершъ тоже были озадачены.

— Да кто пріѣхалъ?—спросилъ, наконецъ, Гершъ.

— Островскій... раввинъ Островскій пріѣхалъ...

Хаимъ съ трудомъ переводилъ духъ и вытиралъ крупными каплями пота съ лица рукавомъ.

— Стою я и торгую рожъ у одного мужика,—продолжалъ онъ отрывисто:—упрямый мужикъ такой попался... Вдругъ вижу: карета, а на козлахъ два еврея... Ну, я сейчасъ же и догадался, бросился за каретой, и хотя лошади неслись во всю прыть, но я таки догналъ карету и взобрался на запятки. Только колѣно немного ушибъ, да руку опаралъ... Вотъ.

— Гдѣ же онъ остановился?—спросилъ ребъ Лейзеръ.

— У ребъ Менделя,—отвѣчалъ Хаимъ, самъ осматривая свою испарпанную руку, такъ какъ никто на нее смотрѣть не хотѣлъ.

Ребъ Лейзеръ переглянулся съ сыномъ, сгоравшимъ отъ нетерпѣнія, и устремилъ вопросительный взглядъ на Хану.

— Пойти встрѣтить?—спросилъ онъ нерѣшительно.

— Непремѣнно пойти,—отвѣчала Хане:—идите оба.

Хаимъ былъ въ восторгѣ, вертѣлся по комнатѣ, какъ въюнъ, и мимоходомъ тронулъ слегка ребъ Лейзера за рукавъ.

— Ха-арошую папирску табаку...—подмигнулъ онъ.

Ребъ Лейзеръ торопливо сунуль ему въ руку свой портъ-табакъ и вышелъ.

— А я домой...—сказалъ Хаимъ, съ наслажденіемъ глотая дымъ и пыхтя, какъ паровозъ:—день выдался не особенно удачный, но все же —слава Богу: недѣлю сегодняшнимъ заработкомъ какъ-нибудь проживемъ.

XI.

Хане сгорала отъ нетерпѣнія. Не прошло и получаса по уходѣ мужа и сына, а она уже стала удивляться, что они такъ долго не возвращаются, поминутно выбѣгала на дворъ, открывала форточку и высовывала голову на улицу. Но базарная площадь, облитая фантастическимъ свѣтомъ луны, была пустынна, и только ковы бродили по ней и лѣнливо поѣдали остатки сѣна и соломы, недоѣденные лошадьми и волами, стоявшими тутъ цѣлый день. Изрѣдка кто-нибудь спѣшилъ и, казалось, будто уносился теченіемъ къ противоположному концу площади, гдѣ видѣлся заѣзжій домъ ребъ Менделя. Хане возвращалась обратно, бродила по комнатамъ, по обыкновенію, все осматривая, но ничего не замѣчала. Не замѣтила она и сотскаго, сидѣвшаго въ кухнѣ за столомъ въ ожиданіи ужина, и прошла было мимо; но сотскій ее остановилъ.

Это былъ добродушный крестьянинъ, по имени Остапъ Гончаренко. Онъ, конечно, не зналъ, зачѣмъ его посылаютъ сюда ночевать и за что его здѣсь кормятъ ужинами, и чувствовалъ себя такъ, точно онъ былъ виноватъ въ чемъ-то.

— Вы, ховайко, не сердитесь, что я рано ушелъ,—сказалъ онъ:—нельзя было оставаться. Строгій такой приказъ былъ.

— Отъ кого это такой приказъ былъ?—спросила Хане:—отъ пристава?

— Отъ него. Вотъ и теперь приказъ отъ него былъ. Ступай, говорить, ты, Гончаренко, до Лейзера, только рано, чѣмъ свѣтъ, чтобъ ты, смотри у меня, тутъ былъ.

— А вы ему тамъ очень нужны?

— Кто его зна! Это звѣрь, а не человекъ. Чуть что... по мордасамъ такъ и лупить. А то что вы думаете? Важность

большая мнѣ утромъ дрова наколоть или тамъ что... Нельзя: не придешь въ пору—не приведи Богъ!..

Хане хотѣла было, возразить, что она такихъ услугъ отъ него, сотскаго, совѣмъ и не думала требовать, но промолчала.

— Я зато днемъ какъ нибудь урвусь, забѣгу и сдѣлаю, что нужно...

— Все равно, будетъ или не будетъ что дѣлать,—перебила Хане:—а вы все-таки заглядывайте къ намъ днемъ, да почаще...

Она измѣрила взглядомъ здоровенную фигуру Гончаренка, и какъ-то спокойнѣе стало у нея на душѣ.

Ребѣ Лейзеръ съ сыномъ вернулись, наконецъ, домой, довольные, веселые, ободренные и наперебой стали передавать Ханѣ впечатлѣнія, вынесенныя каждымъ изъ нихъ отъ бесѣды съ раввиномъ. Всѣ съ жадностью слушали, притаивъ дыханіе. Рысе, Товій и Нахманъ завидовали Гершу, удостоившемуся видѣть раввина и говорить съ нимъ, и искренно сокрушались, что и ихъ не повели къ раввину. Сама Хане тоже возгорѣла желаніемъ видѣть раввина: но тутъ возникло нѣкоторое затрудненіе чрезвычайно деликатнаго свойства: если ребѣ Лейзеръ, привѣтствовавши раввина съ однимъ сыномъ, будетъ у него завтра опять съ однимъ и тѣмъ же сыномъ, то будетъ очень красиво, очень прилично и очень достаточно, если онъ выложитъ на столъ передъ раввиномъ „хай“ (хай—древне-еврейское слово и значитъ: „жизнь“, а числовое значеніе буквъ этого слова 18) рублей; но если пойдетъ и Хане, то уже необходимо будетъ положить дважды „хай“.

Этотъ вопросъ, возникшій сейчасъ же, обсуждался весь вечеръ и весь слѣдующій день и—къ величайшей досадѣ ребѣ Лейзера—безъ всякихъ результатовъ.

Супруги цѣлый день не входили въ магазинъ: въ будни и вообще-то торговля плоха, а въ послѣдніе дни почти совѣмъ никакой торговли не было; магазинъ открывался для вида, и сидѣли тамъ одна Рысе да Сруликъ, а ребѣ Лейзеръ и Хане довольствовались тѣмъ, что заглядывали отъ времени до времени въ магазинъ черезъ закоптѣлоестеклышко двери. Хане казалась очень занятой по хозяйству. Что именно она дѣлала, этого и она сама, вѣроятно, хорошенько не знала: но видъ у нея былъ такой, будто она по горло завалена работой.

Ребъ Лейзеръ цѣлый день бродилъ, какъ домовой, взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину и, должно-быть, думалъ крѣпкую думу, если судить по тому, что картузь у него даже на затылокъ съѣхалъ. И какъ на зло, никто изъ обычныхъ посѣтителей не заглядывалъ цѣлый день ни къ магазинъ, ни въ квартиру: нашелся другой, болѣе сильный, центръ тяготѣнія; туда и спѣшилъ всякій, кто могъ.

Когда Гапка, часовъ около пяти пополудни, внесла пыхтящій самоваръ, ребъ Лейзоръ сѣлъ къ столу и съ ожесточеніемъ принялся тянуть изъ блюдечка чай, бросая свирѣпыя взгляды на мелькавшую то здѣсь, то тамъ жену. Хане совнавала, что она злоупотребляетъ терпѣніемъ мужа, котораго ставить въ очень неловкое положеніе. Было похоже на то, будто ребъ Лейзеръ съ сыномъ, допущенные къ встрѣчѣ раввина въ числѣ очень немногихъ избранныхъ, удостоившихся этой чести, желаетъ довольствоваться этимъ и больше показываться не намѣренъ, и такимъ образомъ онъ какъ-будто обманулъ раввина, похитивъ у него его благословеніе. Эта мысль его очень безпокоила. Когда же и учитель, пришедши для обычныхъ занятій съ Товіемъ и Нахманомъ, выразилъ свое удивленіе вслухъ по поводу того, что онъ находитъ ребъ Лейзера дома, когда „вся знать“ Новоселкова уже въ домѣ или около дома ребъ Менделя,—Хане рѣшительно кликнула Срулика и послала его въ молитвенный домъ за сыномъ, котораго нарочно услала, приказавши ему не являться покуда, его не пововутъ.

Но не успѣлъ Сруликъ выйти изъ дому, какъ явился Шлойме Залмень.

— А-га!—обрадовался ребъ Лейзеръ, всталъ, пожалъ ему руку и придвинулъ стулъ.

— Откуда вы?

Шлойме Залмень, не торопясь, поставилъ свою палку и усѣлся поудобнѣе.

— Изъ Одессы,—сказалъ онъ.

Хане при его появленіи вздрогнула. По лицу его она легко могла догадаться, что у него есть что-то важное и положительное, но притворилась равнодушной. Она, не торопясь, сѣла къ столу, налила стаканъ чаю и придвинула къ Шлойме Залмену.

— Рассказывайте же, рассказывайте!—торопилъ ребѣ Лейзеръ:—что тамъ, въ Одессѣ, какъ?..

— Въ Одессѣ—ничего,—преспокойно отвѣчалъ Шлойме Залменъ, осторожно переливая свой чай изъ стакана въ блюдечко.

— Какъ ничего? Тамъ такіе безпорядки были...

— О нихъ въ Одессѣ теперь уже позабыли.

— Такъ скоро! Всего двѣ недѣли, какъ ихъ всѣхъ разорили, и уже успѣли забыть?

— Можетъ-быть, и не забыли, но не говорятъ уже о нихъ совсѣмъ.

— Ну, и ничего, никакой перемѣны незамѣтно?

— Перемѣна есть, какъ же... Бѣднымъ и прежде было худо, а теперь еще хуже; богатымъ и прежде было хорошо, а теперь еще лучше...

Хане все время молчала. Этотъ разговоръ былъ ей не по душѣ.

— Какъ же ваши дѣла?—спросила она.

Шлойме Залменъ съ комичною безнадежностью рукой махнулъ.

— Прекрасны,—сказалъ онъ:—далеко хуже, чѣмъ дѣла Ротшильда...

Онъ прекрасно видѣлъ, что оба супруга сгораютъ отъ нетерпѣнія, и сталъ рассказывать анекдоты, случаи, какіе были съ нимъ, Шлойме Залменомъ, въ дорогѣ, и при этомъ преспокойно тянулъ чай изъ блюдечка, наливая одно за другимъ, а Хане наполняла его стаканъ, когда онъ опоражнивался. Наконецъ, Шлойме Залменъ самъ потерялъ терпѣнье, на-скоро выпилъ послѣднее блюдечко чаю, бросилъ съ шумомъ огрызокъ сахару обратно въ сахарницу и откинулся на спинку стула.

— Знаете вы кого-нибудь въ Одессѣ?—обратился онъ къ ребѣ Лейзеру.

Хане крѣпилась и молчала. Ребѣ Лейзеръ затруднился.

— Я знаю тамъ многихъ,—сказалъ онъ, наконецъ.

— Кого же именно?

— Говорю же вамъ, многихъ,—съ досадой отвѣчалъ ребѣ Лейзеръ.

— Такъ назовите мнѣ хоть кого-нибудь.

— Зачѣмъ?

— Нужно.

По тону Шлойме Залмена Хане съ замраніемъ сердца почувствовала, что это дѣйствительно „нужно“.

— Трудно, что-ли, тебѣ назвать кого-нибудь? — выѣшалась она рѣзко.

Ребѣ Лейзеръ началъ перечислять имена тѣхъ фирмъ, съ которыми онъ когда-то имѣлъ дѣло; назвалъ одно, другое имя, а на третьемъ Шлойме Залменъ его остановилъ.

— И хорошо его знаете? — спросилъ онъ.

— Это кого же? Мойсея Гандлера?

— Да.

— Знаю хорошо. Это очень набожный, очень честный человекъ. Ну, и богатый тоже... Говорятъ, что тысячь двѣсти у него собственнаго капитала есть.

Шлойме Залменъ многозначительно помолчалъ.

— Ребѣ Мойсей Гандлеръ просилъ меня передать вамъ кое что, — сказалъ онъ, наконецъ.

— Что же именно? — спросили оба супруга разомъ.

Шлойме Залменъ прищурился.

— А вы бы хотѣли, чтобы я такъ-таки прямо вамъ и бухнулъ, — сказалъ онъ.

Хане, наконецъ, не выдержала и разсердилась.

— Ребѣ Шлойме Залменъ, — отчеканила она, глянувъ ему изъ подлбья въ упоръ: — имѣете передать намъ что-нибудь, передайте, а вашихъ шутокъ намъ не нужно. Намъ не до шутокъ.

— Съ чего вы взяли, что я шучу? — съ напускной запальчивостью возразилъ Шлойме Залменъ.

— Такъ говорите же дѣло.

— Я прямо къ дѣлу и приступилъ бы, если бы и вы дѣлали то-же самое. Судите сами: я только-что съ дороги; пѣтый день я ничего не ѣлъ и, не заглянувши домой, спѣшу къ вамъ, а вы пустымъ кипяткомъ меня угощаете... Развѣ это не шутка?

— Фейге! — позвала было Хане, но въ то же мгновеніе сорвалась съ мѣста, сама поставила на столъ графинчикъ водки, собственноручно подала легкую закуску, передъ которой совершеніе омовенія необязательно, и сѣла.

Шлойме Залменъ основательно выпилъ, еще болѣе основательно закурилъ и запустилъ пальцы въ портъ-табакъ ребѣ Лейзера.

— У ребъ Мойсея Гандлера есть дочь,—началь онъ, закуривая папиросу:—ей 15 лѣтъ. Въ Одессѣ такихъ молодыхъ дѣвушекъ не выдаютъ еще замужъ, и ни я, ни кто другой изъ нашей компаніи Гандлеру ничего не предлагалъ. Но онъ мнѣ предложилъ. Какъ это случилось—долго рассказывать; но это было еще недѣли двѣ передъ пасхой. Я долго думалъ, но подходящаго къ требованіямъ Гандлера не находилъ. Наконецъ, я вспомнилъ про вашего Герша. Онъ такъ подходитъ къ требованіямъ Гандлера, что я обрадовался, побѣжалъ къ вамъ и чуть-было, какъ говорится, не полѣзъ въ воду, не спросивши броду. Вы-то, можно было надѣяться, не будете прочь отъ такой партіи для вашего Герша; о молодыхъ людяхъ и говорить нечего: они другъ другу понравятся; но что еще скажетъ Гандлеръ, въ этомъ я не могъ быть вполне увѣренъ. Я могъ вамъ все бухнуть, а потомъ Гандлеру пришла-бы въ голову какая-то тамъ фантазія и—лгунъ Шлойме Залменъ остался бы лгуномъ. Надо было обезпечить себя съ той стороны; для этого-то я нарочно поѣхалъ въ Одессу, и вотъ...

Онъ вынулъ изъ бокового кармана [запечатанный сургучной печатью конвертъ и передалъ ребъ Лейзеру.

— Читайте.

У ребъ Лейзера при видѣ конверта съ большой сургучной печатью глаза разгорѣлись, какъ у kota при видѣ сала. Сомнѣнія не могло быть никакого: Мойсей Гандлеръ сообщалъ, что онъ сочтетъ за честь породниться съ ребъ Лейзеромъ, если только дѣти другъ другу понравятся, и что все остальное уладится при свиданіи, которое должно состояться въ Одессѣ во всякое время, когда ребъ Лейзеръ съ его женою и многоуважаемымъ сыномъ, ребъ Гершемъ, найдутъ для себя болѣе удобнымъ; но чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Ребъ Лейзеръ читалъ вслухъ и комментировалъ коротенькое письмо на древне-еврейскомъ языкѣ. Хане слушала и ушамъ своимъ не вѣрила. Шлойме Залменъ торжествовалъ.

Въ пылу увлеченія никто не замѣтилъ, какъ прибѣжалъ впопыхахъ „ребъ“ Гершъ. Замѣтивъ свата и уловивъ кое-что изъ того, что читалъ и комментировалъ отецъ, онъ конфузливо остановился у порога и, вѣроятно, улизнулъ бы незамѣтно, если бы его не выдалъ Нахманъ.

— Мама, мама! — вскричалъ онъ, дергая Хану за рукавъ: — отчего Гершь такъ застыдился?

Всѣ оглянулись. Несчастный „ребъ“ Гершь краснѣлъ, блѣднѣлъ и не зналъ, куда дѣться.

Хане сорвалась съ мѣста и стала засучивать рукава своей блузы.

— На силу явился! — вскричала она. — Собирайся скорѣе. Отецъ давно тебя ждетъ... Что же ты сидишь? — обратилась она къ мужу: — вотъ же онъ пришелъ... Ступайте. Я потомъ одна пойду, а теперь еще съ Шлойме Залменомъ поговорю.

Ребъ Лейзеръ мигомъ переодѣлся, сказалъ Шлойме Залмену, куда онъ съ Гершемъ слѣзть, и ушелъ.

Часъ спустя ушелъ и Шлойме Залмень. Хане разсталась съ нимъ очень дружелюбно, и видно было, что оба остались вполне довольны другъ другомъ.

Провожая свата до воротъ, Хане съ удовольствіемъ замѣтила сотскаго Гончаренка, ховяйничавшаго безъ випуна и безъ шапки во дворѣ. Оказалось, что, за неимѣніемъ другой работы, этотъ Геркулесъ и работу Геркулесовскую затѣялъ: онъ затѣялъ ни больше ни меньше, какъ вычистить дворъ. А вычистить этотъ дворъ, на который Гайка выбрасывала все, что было лишняго въ коровьемъ хлѣву, а старуха Файге швыряла прямо изъ окна все, что было лишняго въ кухнѣ, и по которому вѣчно бродили куры и утки, могло, пожалуй, быть задачей и по-сложнѣе Геркулесовской.

— А въ Одессѣ все по-старому, — успокоивалъ на прощанье Хану Шлойме Залмень: — только бѣднымъ прежде было худо, а теперь стало еще хуже; богатымъ же прежде было хорошо, а теперь еще лучше...

Л. Штамеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Центральные съезды еврейских общинъ въ Польшѣ.

И. Ш о р р а.

(Окончаніе).

5). Дѣятельность генеральныхъ съездовъ.

а) Утвержденіе независимости.

Одной изъ важнѣйшихъ задачъ генеральныхъ съездовъ, немедленно при началѣ ихъ дѣятельности, было укрѣпленіе автономіи, приобретенной привилегіями 1551 и 1559 гг., и первымъ признакомъ жизни новаго учрежденія было именно упроченіе ея среди самихъ евреевъ. Необходимо было прежде всего позаботиться о томъ, чтобы съ такимъ трудомъ добытая и столь дорого окупленная свобода внутренняго самоуправленія не была нарушаема частными лицами, исполненными честолюбивыхъ стремленій и смотрящими на занимаемыя ими должности, какъ на средство къ обогащенію. Вновь возникшая автономія сдерживала стремленія такихъ личностей, дѣлая ихъ въ случаѣ избранія на должность старшины ответственными передъ всѣмъ народомъ, передъ всѣми избирателями, въ противоположность тому времени, когда старшины назначались воеводой. Эти богатые евреи, которыхъ независимость общинъ лишила возможности управлять безотчетно, вѣроятно не скоро примирились съ новымъ порядкомъ вещей, а наоборотъ, старались подкопаться подъ него при самомъ возникновеніи, такъ что еврейскіе съезды вынуждены были принять строгія мѣры противъ такихъ разрушителей.

На Тышвицкомъ съѣздѣ 1583 г. представители польскаго

еврейства „пяти областей“ и Литвы приняли слѣдующую резолюцію ¹:

„Избраніе раввина или общинныхъ старшинъ (gaschim, tuwim, kahal) и другихъ чиновниковъ должны происходить только на еврейской улицѣ, такъ чтобы (новые) главы непременно были избираемы съ согласія (прежнихъ) старшинъ и² согласно съ предписаніями нашихъ законовъ, на которые у насъ есть привилегіи королей и другихъ владѣтельныхъ пановъ государства и которыми мы присягали еще на горѣ Синаѣ ³, и присягу эту теперь возобновляемъ. Если кто-нибудь теперь снова станетъ хлопотать у властей (у воеводы), самъ или въ сообществѣ съ другими, будь то мужчина или женщина, о томъ, чтобы вельможи или король — да возрастеть его величіе — оказывали вліяніе на дѣла кагалной администраціи, что противно предписанію закона; или если кто-нибудь обратится къ королю съ просьбой утвердить его въ должности раввина или какой-нибудь иной (упомянутой въ резолюціи) ³, или захочетъ получать доходы съ кагала или освободиться отъ платежа кагалныхъ податей, съ него причитающихся, или, наконецъ, предприниметъ вообще что нибудь такое, что противно нашимъ привилегіямъ и кагалу, и что только можетъ прійти на умъ человѣку, — то такой человѣкъ будетъ наказанъ самыми тяжелыми наказаніями и проклятіями (наказанія перечислены въ Тиввицкой резолюціи). Если кто-нибудь сдѣлается старшиной вышеуказаннымъ способомъ и будетъ оправдываться тѣмъ, что это

¹ Wettstein, Quellenschriften, стр. 8; текстъ резолюціи опубликованъ по сокращенной копці, находящейся въ Краковскомъ общинномъ книжесѣ. Вѣроятно, эта резолюція была объявлена по всѣмъ кагаламъ и записана въ кагалные книжесы. Генеральный сеймъ имѣлъ свой собственный „книжесъ для резолюціи“, сохранившійся въ городѣ Люблинѣ; всѣ копці ссылаются на этотъ книжесъ.

² Т. е. во время полученія заповѣдей на Синаѣ.

³ Эти слова, какъ и всѣ прочія, поставленныя нами въ скобкахъ, составляютъ примѣчанія кописта, записывавшаго не подлинную резолюцію, а лишь ея содержаніе.

случилось вопреки его собственной воли и без его согласия, то и такого слѣдуетъ считать преступникомъ (по Тимшвицкой резолюціи). Кроме этихъ наказаній и отлученія устанавливается, чтобы всякій нарушитель вышеизложенныхъ предписаній уплачивалъ (штрафт): въ пользу воеводы 100 зол., въ пользу судьи—50 зол., на благотворительныя дѣла—50 зол. и въ пользу кагала—100 зол. И какъ только кто-нибудь совершитъ такое преступленіе, старшины обязаны публично объявить объ этихъ штрафахъ. Поэтому, пусть всякій избѣгаетъ и остерегается подобнаго, ибо всякій, будь то явный или тайный соучастникъ такого преступленія, подлежитъ тѣмъ-же самымъ наказаніямъ“¹.

б) *Вліяніе създовъ на экономическія и торговля отношенія евреевъ.*

Насколько серьезно было положеніе, сразу занятое еврейскимъ сеймомъ по отношенію ко всему польскому еврейству, и какъ велико было его вліяніе, видно изъ одной изъ старѣйшихъ резолюцій, дошедшихъ до насъ, — изъ резолюціи, принятой въ декабрь 1586 г. на сеймѣ въ Люблинѣ; резолюцію эту, нуждающуюся въ исторической интерпретаціи, мы ради особенной ея важности приводимъ здѣсь цѣлкомъ въ точномъ переводѣ съ древне-еврейскаго языка²:

„Резолюція, принятая сеймомъ четырехъ областей въ Люблинѣ, во вторникъ 15 кислева 341 г. по малой эрѣ.

¹ Эта резолюція, имѣющая рѣшительный характеръ официальнаго акта, ясно доказываетъ, что новый порядокъ былъ официально признанъ правительствомъ, ибо за нарушеніе его полагается денежный штрафъ въ пользу воеводы и судьи; сравнивая эту резолюцію съ робкимъ респонсомъ Исерлеса, въ которомъ этотъ раввинъ, съ дипломатическою, можно сказать, осторожностью выражается о раввинахъ, поставленныхъ королемъ или воеводой, нельзя не замѣтить, что эти два документа раздѣлены другъ отъ друга эпохой значительныхъ измѣненій въ еврейской организаціи.

² Дембицеръ Kritische Briefe 3.—Wetstein, Quellenschriften 8.

„Да будетъ извѣстно всему народу, святымъ мужамъ, сынамъ завѣта, что мы старшины и руководители четырехъ областей приняли слѣдующее постановленіе:

„Принимая во вниманіе новое подожженіе областей, нуждающееся въ упроченіи и главнымъ образомъ озабочиваясь тѣмъ, что люди корыстолюбивы и стремящіеся къ обогащенію на своихъ многочисленныхъ и обширныхъ арендахъ! могутъ (упаси Господи) навлечь на весь народъ большую опасность, мы всѣ (участвующіе на съѣздѣ) постановили:

Никто изъ носящихъ имя Израиля не долженъ имѣть ничего общаго съ арендой питейнаго налога („szorowego“) ни въ Великой Польшѣ, ни въ Малой, ни въ Мазовіи, ни отъ короля—да возрастетъ его величіе,—ни отъ вельможъ, ни съ помощью какой-либо хитрости. Запрещается также арендовать монетные дворы и соляныя копи въ помѣнованныхъ провинціяхъ, равно какъ и пограничныя таможи, какъ напр. таможи Бракова, Познани съ ихъ округами. Еврею запрещается арендовать все это подъ какими бы то ни было видомъ и такъ или иначе заниматься этими дѣлами. Если кто нибудь осмѣлится взять въ аренду или заниматься всѣмъ этимъ, его ожидаетъ слѣдующее наказаніе:

Онъ будетъ подвергнутъ проклятію, лишенію обоихъ мировъ и отлученію отъ всѣхъ святыхъ Израиля; хлѣбъ его будетъ считаться хлѣбомъ язычника, вино его — оскверненнымъ, его мясо — мясомъ нееврейскимъ, его бракъ — прелюбодѣяніемъ, а погребенъ онъ будетъ, какъ осалъ; ни одинъ раввинъ, ни одно уважаемое лицо не благословитъ брака его сыновей или дочерей, ни одинъ человѣкъ не вступитъ съ нимъ въ родственныя связи; онъ будетъ проклятъ всѣми проклятіями, записанными въ Торѣ и брошенными пророкомъ Елисеємъ на своего слугу Гахзи; они падутъ на его голову и будутъ тяготѣть на немъ до тѣхъ поръ, пока онъ не оставитъ своего дурногѣ пути и не подчинится приказаніямъ учителей“¹.

¹ Краковскій кагалъ, записывая эту резолюцію въ кагалъный дневникъ,

12 Эта революція нуждается въ разъясненіи. Что могло заставить еврейскій сеймъ устранять своихъ единовѣрцевъ отъ нѣкоторыхъ отраслей торговли? Какимъ образомъ могъ онъ присвоить себѣ право, которое естественно могло принадлежать только государственной власти?

Вѣдь исполненіе такой резолюціи явилось бы, что очень важно, тяжелымъ экономическимъ ударомъ для многихъ коронныхъ евреевъ, имѣвшихъ въ арендованіи таможенъ и податей главный источникъ своихъ доходовъ.

Надо помнить, что въ первой половинѣ 16 в. евреи занимали много должностей по сбору податей; они были арендаторами таможенъ и налоговъ, копей и пошлинъ, и служили писарями въ таможенныхъ коморахъ наравнѣ съ богатыми христіанами и шляхтой. Могъ ли еврейскій сеймъ, пользуясь своей независимостью, по своей доброй волѣ лишить евреевъ такого выгоднаго положенія? Поэтому уже вполне справедливо Дубновъ¹ усматриваетъ въ этой резолюціи болѣе глубокой политической смыслъ и доказываетъ, что за „съѣдомъ четырехъ областей“ стояла другая власть, болѣе сильная, инспирировавшая его и какъ бы продиктовавшая ему эту резолюцію, какъ высшему представительству еврейства; словомъ, Дубновъ полагаетъ, что весь этотъ актъ былъ вынужденъ внѣшней силой. Этой внѣшней силой, этимъ тайнымъ инициаторомъ могла быть только шляхта, или коронный (государственный) сеймъ, и нижеприведенныя сеймовныя постановленія могутъ намъ послужить наилучшими непосредственными комментаріями къ вышеприведенному документу.

Между статутами петроковского сейма отъ 1538 г. мы находимъ особый раздѣлъ: De Judeis², содержащій сверхъ разныхъ

прибавляетъ отъ себя, что нарушившій ее долженъ уплатить въ пользу воеводы 100 зол., въ пользу судьи—50 зол. и столько же въ пользу кагала.

¹ Дубновъ: Ограниченіе и само-ограниченіе. (Восходъ, 1894, IV, XII).

² Vol. leg. I, стр. 259.

ограниченій, дышащихъ средневѣковой нетерпимостью ¹, еще слѣдующее постановленіе: „statuimus iviolabiliter observandum, judaeos theloneis quibuscunque praefieri non debere neque posse, indignum et iuri Divino contrarium censes, eius generis homines aliquibus honoribus et officiis inter Christianos fungi debere“ ². Такимъ образомъ это постановленіе имѣло цѣлью устранить еврейскую конкуренцію въ одной изъ важнѣйшихъ отраслей торговли, не только приносящей евреямъ большія прибыли, но и дававшей имъ высокое общественное положеніе. Однако евреи не сразу, кажется, подчинились этому постановленію, посягнувшему на ихъ экономическое благосостояніе, вслѣдствіе чего сеймъ въ 1562 году возобновилъ свое постановленіе; статуть 1565 г. обращается къ воеводамъ съ непосредственнымъ воспрещеніемъ допускать евреевъ къ арендованію копей, таможенъ, равно и „по всякимъ наймамъ, подъ угрозой штрафа въ 100 гривенъ; когда и это не помогло, петроковскій сеймъ 1567 г. обострилъ свое воспрещеніе, налагая штрафъ въ 200 гривенъ на каждого еврея, въ какомъ либо мѣстѣ „уличеннаго и обвиненнаго въ такой винѣ“.

Приведенныя сеймовныя постановленія могутъ разъяснить намъ значеніе резолюціи еврейскаго сейма отъ 1581 г., а особенно его мотивы, изложенные въ самой резолюціи очень туманно, а именно, будто „люди корыстолюбивны и стремящіеся къ обогащенію на большихъ и многочисленныхъ арендахъ могутъ навлечь большую опасность на весь народъ“. Дѣло въ томъ, что богатые аренда-

¹ Таково напр. постановленіе, чтобы евреи, въ отличіе отъ христіанъ, носили желтыя шляпы. Статуть упрекаетъ евреевъ въ томъ, что они одѣваются такъ же, какъ и христіане, „ut inter Christianos dignosci non possint.“ Дубновъ въ своей статьѣ „Евреи и реформація въ Польшѣ“ (Восх. 1896, V, 58) заключаетъ отсюда, что пунктъ этотъ находится въ связи съ мѣропріятіями противъ реформаціи, развитію которой евреи не мало способствовали, благодаря своему общенію съ высшими христіанскими сферами.

² Инициатива этого постановленія, несомнѣнно, истекла отъ духовенства, которое еще въ 15 в. высказывалось въ своихъ синодальныхъ статутахъ противъ назначенія евреевъ чиновниками при сборѣ податей (Нусбаумъ I ч., 70 и сл.) Слова „iure Divino contrarium“, по мѣтвому замѣчанію Гумилевича, выдаютъ руку, создавшую это постановленіе.

торы снимали аренды подъ чужими, христіанскими, фирмами ¹, или благодаря покровительству воеводы или короля ², и обходя такимъ образомъ ограниченія, успѣвали удержаться при источникахъ своихъ доходовъ. Въ это ниенно время мы и встрѣчаемъ евреевъ въ качествѣ богатыхъ арендаторовъ копей и налоговъ ³.

Возмущенная хитростью евреевъ и не имѣя возможности привлечь ихъ къ законной отвѣтственности, шляхта обратилась къ высшему представительству евреевъ, грозя мстѣю всему еврейскому народу въ случаѣ, если богатые евреи не перестанутъ арендовать таможи, копи и пошлинны. Сеймъ четырехъ областей обязанъ былъ предотвратить опасность, угрожавшую всѣмъ короннымъ евреямъ ⁴, и долженъ былъ такимъ образомъ собственной рукою ограничить права нѣкоторыхъ евреевъ; ради общаго блага онъ долженъ былъ согласиться стать орудіемъ въ рукахъ шляхты, или шляхетскаго

¹ Что евреи дѣйствительно пользовались этимъ средствомъ, можно заключить изъ того, что при привозѣ заграничныхъ товаровъ, чтобы избежать отъ пограничной пошлинны, евреи подкупали загородоваго шляхтича (что часто дѣлали и мѣщане), чтобы онъ на собственный страхъ сказалъ стражнику, что товаръ—„для собственной надобности“, перевезъ его на своихъ вожахъ въ городъ, гдѣ евреи получали ихъ. (Karjon: Внутр. исторія Польши при Стан. Авг., т. II, 16, пр. 1).

² „...не взирая ни на какія запрещенія“—замѣчаетъ статуть 1567 г.

³ Въ 1571 г. Сигизмундъ Августъ назначилъ еврея Ицека Сломича сборщикомъ податей и налоговъ въ русскихъ земляхъ; увѣдомляя объ этомъ львовскаго старосту, Николая Гербурта изъ Фильштина, король приказываетъ оказывать ему содѣйствіе (Арх. акт. городск. львовск. 334, стр. 411—412). Въ 1580 г. три еврея—докторъ медицины Соломонъ Цалаора, Соломонъ Гадидъ и Авраамъ Цалаора, получаютъ привилегію отъ Стефана Баторія, которой онъ отдастъ имъ въ аренду найденныя въ деревнѣ Телятній (въ галицкой области) залежи соли, принадлежавшія нѣсколькимъ шляхтичамъ, не обладавшимъ достаточными средствами для эксплуатаціи своихъ богатствъ. Король освобождаетъ ихъ отъ солянаго налога, позволяетъ имъ повсюду развозить вываренную соль, строить склады и камеры, лишь бы не въ ущербъ королевскимъ копямъ (Павлицкій: Źródła dziejowe, VIII, 84). Съ 1579 г. еврей Соломонъ былъ арендаторомъ налога съ мальвазіи (мушкатное вино) и вина и платилъ ежегодно 15,000 зол. въ казну (Ibid. 72).

⁴ На Литвѣ евреи были арендаторами копей и таможенъ, безъ всякихъ препятствій со стороны шляхты (Дубновъ, I ч. 119).

сейма. Неизвѣстно, имѣло ли какіе нибудь результаты воззваніе съѣзда, и осмѣливался ли кто нибудь преступать наложенный имъ запретъ. Во всякомъ случаѣ необходимо замѣтить, что ни въ слѣдующей коронаціонной сеймовой конституціи, ни въ другихъ позднѣйшихъ не упоминается уже объ еврейскихъ арендаторахъ копей и податой, хотя и говорится ясно о другихъ торговыхъ ограниченіяхъ, какъ то о запрещеніи евреямъ предупреждать христіанъ въ покупкѣ товаровъ и припасовъ повсюду, кромѣ главныхъ ярмарокъ ¹.

Итакъ, указанная резолюція, находясь въ тѣсной связи съ политической исторіей польскихъ коронныхъ евреевъ, даетъ намъ представленіе о томъ, какъ широки были предѣлы дѣятельности еврейскаго сейма, какъ велика была его нравственная и фактическая власть.

Позднѣйшія постановленія „съѣзда четырехъ областей“ сохранились, къ сожалѣнію, въ очень ограниченномъ количествѣ ²; зато мы имѣемъ много сохранившихся и опубликованныхъ въ печати резолюцій „съѣзда литовскихъ общинъ“ ³, касающихся торговыхъ отношеній, распредѣленія и сбора податей, какъ государственныхъ, такъ и кагалныхъ, общественныхъ отношеній, вопросовъ нравственной жизни, школьнаго дѣла, благотворительности и, наконецъ, устройства кагалной администраціи. Постановленія эти составляютъ обширный и цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ культурой и вообще съ внутренней жизнью евреевъ не въ одной только Литвѣ, но и во всей Польшѣ, потому что въ этомъ отношеніи между коронными и литовскими евреями не было никакого

¹ Vol. leg. II, 269.

² Perles: Documente zur Geschichte der Vier-Länder-Synoden (Monatss. f. Wissen. d. Jdt. 1867. Buber Ansz. Szem (Прилож.)).

³ Постановленія генеральныхъ литовскихъ сеймовъ опубликованы въ слѣдующихъ сочиненіяхъ и журналахъ: а) Ig Tahillah (евреи въ Врестѣ Литовскомъ), аноним., стр. 100—115; б) Kneseth-Israel (Ежегодн. евр. наук. II 30—48) (Глава Oroth-Meofel); в) Haasif VI, 164—178 (изд. Файнштейномъ) и 155—163 (Гаркави); д) Hamelitz (еврейская газ., изд. въ Сиб.) 1894 г. № 1, 3, 6.

различія, что явствует не только изъ тождественности общинаго и центральнаго устройства, но и изъ сравненія нѣкоторыхъ постановленій, областныхъ и генеральныхъ съездовъ Литвы и Польни. Но, оставаясь въ предѣлахъ нашего разсужденія, имѣющаго цѣлью обрисовать только устройство евреевъ, а не ихъ культуру вообще, мы сопоставимъ въ систематической послѣдовательности только тѣ главнѣйшія резолюціи сеймовъ, которыя могутъ пролить свѣтъ на дѣятельность генеральныхъ съездовъ.

Уже изъ перваго сеймоваго универсала 1581 г. видно, что сеймъ имѣлъ большое вліяніе на торговныя отношенія евреевъ, разъ онъ могъ воспрещать имъ заниматься нѣкоторыми отраслями торговли. Но еще лучше компетенція сейма выяснилась по другому вопросу въ области тѣхъ же торговыхъ правъ евреевъ. Въ 1634 г. старшина виленской общины обратилъ къ собравшемуся въ Сельць ¹ сейму съ жалобой на всѣхъ литовскихъ евреевъ, которые часто пріѣзжали въ Вильно съ товарами, создавая виленскимъ евреямъ опасную для ихъ экономическаго благосостоянія конкуренцію. Поэтому старшина проситъ сеймъ ограничить свободу торговли чужимъ евреямъ въ городѣ Вильнѣ. Сеймъ, склоняясь отчасти въ сторону удовлетворенія этой просьбы ², установилъ „согласно законамъ священнаго писанія“ слѣдующія обязательныя норы для литовскихъ евреевъ, желающихъ торговать въ Вильнѣ: „Чужой купецъ, привозящій въ Вильно товары, не можетъ продавать ихъ „изъ рукъ въ руки“, т.-е. въ розницу, а только оптомъ, а именно, если онъ привезетъ одинъ возъ, нагруженный водкой, то онъ не можетъ продавать менѣе 100 кварть заразъ; если больше одного воза—то не менѣе цѣлаго воза заразъ; а если у него меньше, чѣмъ одинъ возъ, то онъ обязанъ продать все сразу. Меду онъ

¹ Kneseth-Israel, II, стр. 40, № 36.

² Въ принципѣ сеймъ признаетъ за всѣми евреями свободу торговли въ Вильнѣ, въ чемъ виленскіе жители никому не должны препятствовать; и только по снисхожденію сеймъ преступаетъ, по выраженію статута, „предѣлъ сирavedливости“ и устанавливаетъ нѣкоторыя затрудненія для чужихъ евреевъ.

можетъ продать не менѣе шести посудинъ, льняной матеріи (на платѣ)—не менѣе 100 локтей, вѣсовой товаръ—только по цѣлому „канию“, исключая приностей, которыя можно продавать фунтами; всякій другой товаръ—не менѣе чѣмъ по 20 копъ зарытъ. Въ теченіе первыхъ десяти дней со времени привоза товара въ Вильно, чужой купецъ имѣетъ право продавать и евреямъ и христіанамъ, по своему желанію; въ слѣдующія затѣмъ двѣ недѣли—только евреямъ, затѣмъ въ теченіе 10 дней опять всѣмъ и т. д. попеременно во все время своего пребыванія въ Вильнѣ. Отдавать товары въ кредитъ нельзя менѣе, чѣмъ на 12 недѣль срокомъ. Товаровъ, купленныхъ въ Вильнѣ, нельзя продавать тамъ же, а только въ другихъ мѣстахъ; посредникомъ при торговлѣ, даже у пріѣзжихъ купцовъ, можетъ быть исключительно виленскій еврей. Всякій литовскій купецъ, торгующій въ Вильнѣ, долженъ вносить нѣкоторую постоянную сумму въ общинную кассу, въ размѣрѣ двухъ или трехъ грошей съ копы, смотря по товару. Продавъ въ Вильнѣ свой товаръ и купивъ тамъ новый, онъ платитъ пошлину въ высшемъ размѣрѣ. Наконецъ, пріѣзжему купцу воспрещается торговать въ Вильнѣ съ другимъ пріѣзжимъ купцомъ, будь то еврей или христіанинъ.

Отъ этихъ ограниченій изъяты литовскіе кагалы: Брестъ, Гродно и Пинскъ, изъ которыхъ первый имѣетъ право пользоваться „старыми законами страны“, а два остальныхъ сравнены съ прочими литовскими городами только въ трехъ пунктахъ: относительно товаровъ, закупленныхъ въ Вильнѣ, относительно пошлины и относительно послѣдняго пункта. Ограниченія эти имѣютъ силу въ теченіе 10 лѣтъ. Виленскіе старшины имѣютъ право объявить это сеймовое постановленіе въ синагогѣ, угрожая отлученіемъ, особенно за неисполненіе пункта о „справедливой и вѣрной“ уплатѣ пошлины; за нарушеніе каждаго изъ перечисленныхъ пунктовъ они имѣютъ право совместно съ раввиномъ налагать строгія взысканія.

Это постановленіе, напоминающее знаменитое *Jus depositorii*, которыхъ пользовались всѣ главнѣйшіе торговые города въ Польшѣ,

обнаруживает то громадно значеніе и вліяніе, какое сеймъ литовскихъ общинъ проявлялъ въ экономическихъ вопросахъ.

Существуетъ еще одинъ важный юридическій документъ, говорящій о банкротствахъ и несостоятельности ¹, который приводитъ насъ къ убѣжденію, что и въ 17 в. „сеймъ четырехъ областей“ еще не утратилъ своего вліянія на торговня дѣла. Злоупотребленія въ торговлѣ приняли, надо думать, большіе размѣры въ то время, разъ еврейскій сеймъ счелъ нужнымъ объявить на этотъ счетъ слѣдующія свои строгія предписанія ²: „При извѣстіи о чьемъ-либо банкротствѣ, раввинъ долженъ немедленно объявить публично, чтобы никто не бралъ у него ни гроша, потому что взятые деньги будутъ отобраны и отданы на сохраненіе раввину до первой ярмарки, для того, чтобы всѣ кредиторы были одинаково удовлетворены (I).

Старшины обязаны немедленно отобрать у несостоятельнаго все его имущество и взять съ него и съ жены его присягу въ томъ, что они не утаили ни денегъ, ни другого имущества (II). При наложеніи проклятія на несостоятельнаго должника ³ въ синагогѣ должны присутствовать его жена и дѣти (VII). По важному, не допускающему сомнѣній документу, долгъ можетъ быть взысканъ даже съ малолѣтнихъ сиротъ (IX). Никому не дозволяется вступать въ торговня и денежные дѣла съ несостоятельнымъ должникомъ (XVI). Судъ не можетъ давать никакихъ льготъ и отсрочекъ должникамъ, исключая погорѣльцевъ или ограбленныхъ, если ихъ убытки находятся въ соответствіи съ долгами (XIX) ⁴.

¹ Buber: Anse szem. Въ польск. перев. у Нуссбаума, 204—209.

² Всѣхъ пунктовъ въ документѣ 19. Мы приводимъ изъ нихъ только важѣйшіе.

³ Проклятіе принято налагать на всѣхъ, кто, зная что-либо объ укрятыхъ должникомъ вещахъ и о тайныхъ его соглашеніяхъ, не доложилъ объ этомъ суду (Нуссбаумъ, I, 205).

⁴ Въ числѣ другихъ пунктовъ интересенъ X-ый, который уже въ 16 в. получилъ законное подтвержденіе по отношенію къ евреямъ и принимался къ нимъ государственной властью; онъ состоитъ въ томъ, что жена несостоятельнаго должника имѣетъ преимущество предъ кредиторами выдѣлать себѣ изъ движимаго и недвижимаго имущества то, что ей отписано по брачному дого-

Протоколы и книги съездовъ содержали, вѣроятно, еще другія постановленія, касавшіяся купечества, которыя, будучи опубликованы хотя бы въ копіяхъ, могли бы представить намъ полную картину торговыхъ отношеній польскихъ евреевъ въ 17 и 18 столѣтіяхъ.

с) *Распределение податей.*

Одной изъ важнѣйшихъ административныхъ функцій генеральныхъ съездовъ было распределение и собраніе какъ обыкновенныхъ налоговъ ¹, такъ и чрезвычайныхъ контрибуцій, а особенно поголовной подати ², регулярно палагавшейся сеймомъ особо на коронныхъ и особо на литовскихъ евреевъ. Въ первой половинѣ 16 в. подати съ евреевъ собирались особыми сборщиками-евреями ³, назывору, —несмотря на то, что это было противно общему польскому законодательству.

¹ Хотя привилегія Казимира Ягеллона и говорить о евреяхъ, что они „pro thesauro postro conservati“, однако въ отношеніи податныхъ повинностей евреи пользовались въ Польшѣ гораздо большей терпимостью, нежели въ Германіи, гдѣ они за оказываемое имъ покровительство обязаны были платить въ казну особыми подати, какъ-то: Judensteuer, goldener Opferfennig и др. Въ Польшѣ они наравнѣ съ мѣщанами несли бремя общихъ податей, палагавшихся сеймами и областными сеймиками. Поголовная же подать, эта *per excellence* еврейская подать, въ Польшѣ, введенная въ употребленіе въ 16 в., не имѣла здѣсь для евреевъ такого унизительнаго характера, какъ въ Германіи. Наоборотъ, то обстоятельство, что въ 1520 г. и позднѣе сеймы въ случаѣ пужды устанавливали „всеобщую поголовную“ подать со всѣхъ сословій; кромѣ лицъ, посвящающихся изученію наукъ, лучше всего указываетъ, что подать эта не заключала въ себѣ ничего унизительнаго (См. Мацѣевскій: *Ист. слав. законод.*, IV, 530).

Коронаціонный налогъ (*augus coronarium*), бывшій въ Германіи тоже специально-еврейской податью, въ Польшѣ платили не только евреи (см. *Akt. grodz. lw.*, 20, р. 501—502), но и мѣщане (*Павинскій Zród. djtej.* VIII, 118). Впрочемъ, вопросъ объ еврейскихъ податяхъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія.

² Поголовную подать евреи платили во всѣхъ городахъ, королевскихъ и частныхъ, равно какъ въ деревняхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, по золотому съ головы, включая сюда и мужчинъ и женщинъ, дѣтей и взрослыхъ, какъ это ясно отиѣчено въ податномъ универсалѣ 1613 года (*Vol. leg.*, III, 113)). Въ 1580 г. рѣшено взимать по 1½ зол. съ головы, а въ 1613 г. по 3 золотыхъ (*Павинскій*, 174—177).

³ Такими сборщиками еврейскихъ податей были: Авраамъ изъ Чехіи для коронныхъ евреевъ (*Acta Tomie.* III, № 251, гласить: „...Mandamus tibi (Judeo

значенными королямъ; но съ возникновеніемъ института съѣздовъ въ способъ взыскапія податей произошли соответственные измѣненія. Получивъ общую сумму доходовъ съ поголовнаго налога въ 1578 г., сеймъ измѣнилъ его въ общую подать, взимаемую со всѣхъ евреевъ независимо отъ ихъ числа; напередъ опредѣлялась та сумма, которую коронныя и литовскіе старшины обязаны были внести въ казну, а затѣмъ уже она распредѣлялась и собиралась съ общины, съ соблюденіемъ извѣстнаго порядка ¹. Податные универсалы какъ этого, такъ и другихъ послѣдующихъ годовъ 17 в. содержатъ постановленіе, что „воеводское управленіе и сборщикъ должны вычислить ее (поголов. под.) вмѣстѣ съ еврейскими старшинами, которыя должны заявить ² подъ присягой и дать собственноручно подписку (authentice) въ томъ, что они считали вѣрно и не скрыли ни одного лица, ни взрослого, ни ребенка обоюго пола, съ котораго бы причиталась поголовная подать, которая должна быть внесена еврейскими старшинами на руки Намѣстника Пана Подскарбіа; старшины же должны всискать себѣ эту сумму съ другихъ евреевъ“ ³.

Abraham) quatenus per universum Regnum proventus nostros ex Judels exigas diligenter et in thesaurum nostrum deportas) и Михангъ Езофовичъ—для литовскихъ. „А всѣ подати, торжественно утвержденныя, которыя вы намъ платите и которыя мы васъ обложимъ въ постановленіяхъ нашихъ, вы будете вносить ему на руки, а онъ уже будетъ передавать ихъ въ нашу казну“, гласитъ королевскій универсалъ, извѣщавшій литовскихъ евреевъ о назначеніи Езофовича ихъ начальникомъ (Нуссбаумъ, 109).

¹ Интересны реестры этихъ суммъ, напередъ наложенныхъ короннымъ сеймомъ на коронныхъ евреевъ. Въ 1580 г. напередъ опредѣлена сумма въ 15.000 зол. польск., въ 1588 г. еврейская контрибуція оцѣнена въ 20.000 зол., а въ 1620 г. коронныя и литовскіе евреи вмѣстѣ должны были уплатить 70.000 зол. (Vol. leg. III, 194).

² Присяга эта имѣла цѣлью предупредить злоупотребленія какъ со стороны сборщиковъ, такъ и со стороны плательщиковъ, и должна была служить средствомъ правильнаго контролированія дѣлъ. При сборѣ податей съ другихъ сословій, дворянъ и шляхты, тоже применялась присяга. Такъ, городское управленіе, собравъ всю слѣдующую съ города сумму, должно было приносить присягу въ честномъ и справедливомъ исполненіи сбора при сдачѣ податей на руки сборщику. Въ 1578 г. загородные шляхтичи и шляхтичи-крестьяновладѣльцы вносили подати подъ присягой (Павинскій, 278—279).

³ Vol. leg. III, 113.

Такимъ образомъ дѣло сбора податей было всецѣло отдано въ руки еврейскихъ старшинъ, которые при помощи ими же поставленныхъ чиновниковъ рѣшали вопросъ о ихъ распредѣленіи и взысканіи. Чиновники обязаны были въ своихъ дѣйствіяхъ соблюдать извѣстные правила, изданныя сеймомъ и содержащія указанія о порядкѣ взысканія. Правила эти, правда, относятся къ разнымъ годамъ, но рассматриваемыя вмѣстѣ дадутъ намъ нѣкоторое представленіе объ административной дѣятельности генеральныхъ свѣздовъ.

На литовскомъ свѣздѣ, собравшемся въ 1623 г. въ Брестѣ, приняты были слѣдующія резолюціи касательно сбора податей: старшины каждой общины избираютъ двухъ членовъ, годныхъ для обязанностей сборщиковъ, такъ чтобы страна не понесла никакого ущерба. Последніе имѣютъ право наказывать и брать залоги съ лицъ, уклоняющихся отъ взноса податей, причемъ они отвѣчаютъ за всякій содѣянный ущербъ.

При оцѣнкѣ состоянія нужно принимать во вниманіе и доходы съ арендованія таможенныхъ и другихъ пошливъ. Оцѣнщики должны приносить присягу въ честномъ исполненіи своихъ обязанностей, и въ томъ, что они не переступятъ границъ дозволеннаго, руководясь чувствомъ личнаго расположенія или ненависти. Они имѣютъ право заставить каждого подтвердить присягой величину своего состоянія; а если кто-либо кажется имъ подозрительнымъ, — помимо присяги, они могутъ произвести разслѣдованіе у него на квартирѣ, въ шкафахъ, въ сундукахъ и въ торговыхъ книгахъ, чтобы убѣдиться въ правдивости присяги; однако все это можно дѣлать только до включенія даннаго лица въ реестръ. Оцѣнщики получаютъ жалованье отъ всего литовскаго еврейства.

Подать „hiberna“ (для платы жалованья войску) взымалась въ слѣдующемъ порядкѣ: одна часть ея взымалась съ имущества, другая — поголовно, а третья съ домовъ, дѣлившаяся въ этомъ отношеніи на большіе и малые. Съ большого дома взымалось на $\frac{1}{3}$ часть больше того, что съ малаго.

Однако это отношеніе впоследствии многократно измѣнялось. Такъ какъ случалось, что иные евреи, желая уклониться отъ уплаты податей, взимавшихся только съ движимаго имущества, покупали дома, то Селецкій сеймъ 1634 года постановилъ, чтобы владѣльцы домовъ, имѣющихъ большую стоимость, чѣмъ движимое имущество ихъ владѣльцевъ, кромѣ подоходнаго налога платили еще подать съ половины стоимости своихъ домовъ.

d) *Вліяніе сеймовъ на общественную жизнь.*

Въ постановленіяхъ, регулирующихъ общественныя отношенія и вызванныя внѣшними причинами, слѣдуетъ отнести свыше десятка резолюцій, относящихся къ разнымъ годамъ 17 столѣтія и содержащихъ воспрещеніе роскоши въ мужской и женской одеждѣ, какъ-то ношеніе бархата, атласа, камки, собольихъ шубъ и шапокъ, жемчуга, золотыхъ цѣпочекъ, кружевъ и т. п. предметовъ. Только невѣстамъ, идущимъ къ вѣнцу, и лицамъ, обладающимъ состояніемъ больше чѣмъ въ 2000 зол., дозволяется носить нѣкоторыя украшенія. Для прекращенія роскоши на пирахъ воспрещено было также приглашать въ гости лицъ, не указанныхъ раньше раввиномъ¹. Христіанскіе синодальные статуты съ давнихъ поръ воспрещали держать въ еврейскихъ домахъ христіанскую прислугу; въ предупрежденіе опасностей, могущихъ возникнуть отъ явнаго нарушенія этого запрета, литовскій синодъ въ нѣсколькихъ постановленіяхъ строгими наказаніями ограничилъ свободу евреевъ въ этомъ отношеніи².

Многочисленныя предписанія этического характера свидѣтельствуя о томъ, что съѣздъ еврейскихъ общинъ имѣлъ наблюде-

¹ Kneseth Isr. II, 38, 42 (постан. 1628 и 1637 г.г.); Нуссбаумъ, 210.

² Напримѣръ евреямъ воспрещалось держать въ одномъ домѣ больше чѣмъ одну христіанскую служанку; только на арендаторовъ, пуждавшихся въ многочисленной прислугѣ, это воспрещеніе не распространялось. Бѣдными людемъ, платящимъ меньше 4 грошей подати, совсѣмъ воспрещалось держать христіанскую прислугу (Kneseth, II, 38).

ние за всеми сторонами внутренней жизни евреевъ. Приводитъ важнѣйшія изъ этихъ постановленій. Всякая община устанавливаетъ комиссію для наблюденія за правильностью иѣръ и вѣсовъ ¹. Бракъ молодого человѣка, не достигшаго 18-лѣтняго возраста, заключенный противъ воли и безъ согласія родителей, слѣдуетъ считать недействительнымъ ². Подъ страхомъ суроваго тѣлеснаго и денежнаго наказанія воспрещается игра въ карты и въ кости ³. Человѣкъ, женившійся на дѣвушкѣ тайкомъ, т. е. не въ присутствіи 10 человѣкъ и безъ балдахина, подлежитъ вмѣстѣ со своими свидѣтелями строгому проклятію ⁴.

Постановленія съѣздовъ въ области школьнаго дѣла относятся къ разнымъ годамъ 17 и 18 вѣковъ; они содержатъ по преимуществу воззванія къ крупнымъ общинамъ объ основаніи школъ (іешивотовъ) и содержаніи немущихъ учениковъ, нѣкоторыя изъ нихъ касаются метода преподаванія наукъ и поощряютъ изученіе еврейской науки ⁵.

Вспомоществованіе бѣдныхъ, подобно школьному дѣлу, составляло одну изъ существенныхъ функцій отдѣльныхъ кагаловъ; однако и съѣзды занимались вопросами благотворительности, какъ изъ чувства состраданія, побуждавшаго ихъ заботиться о судьбѣ обездоленныхъ сиротъ лишенныхъ опеки, такъ и изъ административныхъ видовъ, требовавшихъ, чтобы обязанности содержать этихъ сиротъ, переходившихъ изъ города въ городъ, были справедливо распределены между общинами, безъ отягощенія какой-либо одной изъ нихъ на счетъ другихъ. Въ 1623 г. литовскій сеймъ постановилъ, что раввины трехъ главныхъ представленныхъ на съѣздѣ общинъ обязаны имѣть попеченіе о томъ, чтобы ихъ общины ежегодно

¹ Ibid. стр. 36 (отъ 1628 г.).

² Ibid. стр. 30 (отъ 1623 г.).

³ Ibid. 31.

⁴ Ibid. (отъ 1623 г.).

⁵ Резолюція 427 года гласитъ, что каждый кагалный старшина обязанъ закупить на свой счетъ 10 книгъ талмудическаго содержанія для распределенія ихъ между бѣднѣйшими учениками (Naasif, VI, 171).

одѣляли на свой счетъ приданнымъ 30 дѣвицъ не моложе 15-ти лѣтняго возраста ¹. Кроме того означенныя общины должны содержать на свой счетъ 57 бѣдныхъ мальчиковъ ², давать имъ образованіе и надлежащее воспитаніе: болѣе способныхъ поощрять въ училища, менѣе способныхъ отдавать въ обученіе къ ремесленникамъ или въ торговныя заведенія.

Когда казацкія возстанія пригнали въ Литву массу евреевъ изъ Подоли и Украины, то литовскій сеймъ былъ вынужденъ *volens-nolens* поручить ищущихъ крова пришельцевъ вниманію литовскихъ общинъ, вопреки стариннымъ законамъ, ограничившимъ до *minimum'a* иммиграцію бѣдныхъ польскихъ евреевъ въ Литву; состоялось даже постановленіе по которому каждый прикагалокъ обязанъ былъ принять на свое иждивеніе одного бѣднаго пришельца ³.

Достоинны вниманія также тѣ постановленія, которыя трактуютъ о вспоможенствіи бѣднымъ евреямъ въ „святой землѣ“, въ Палестинѣ. Подобно евреямъ другихъ странъ, польскіе евреи считали своею священною обязанностью помогать своимъ бѣднымъ палестинскимъ братьямъ и постоянно жертвовали для этой цѣли большія суммы. Эта отрасль благотворительности стояла подъ контролемъ генеральнаго съѣзда; собранныя суммы передавались съѣзду, и уже оттуда пересылались на мѣсто назначенія. Въ крупныхъ городахъ были особые старшины, завѣдывавшіе этимъ дѣломъ, что считалось высшимъ почетомъ, какъ показываетъ сопряженный съ этой должностью титулъ: „Князь страны израилевой“ ⁴. Припомнимъ,

¹ Вресь съ округомъ давалъ приданое 12 дѣвицамъ, Гродно—10 и Пинскъ—8-и. Каждая дѣвица получала по 80 зол. Если число нуждавшихся было выше указанной цифры, то бросали жребій, а оставшіяся дѣвицы ждали слѣдующаго года (Kneseth-Isr., II).

² Вресь содержалъ 35 чел., Пинскъ—12, Гродно—10.

³ Naasif. I. с.

⁴ Такимъ „княземъ“ былъ Эммануилъ де-Іона, придворный врачъ короля Яна III (см. у Гонсіоровскаго, Собр. явв. по ист. медіц. искус. въ Польшѣ, IV. 300) и турецкаго султана; см. Anze-Szem, № 554.

наконецъ, что и административные вопросы отдѣльныхъ общинъ бывали предметомъ дебатовъ сейма, опредѣлявшаго количество старшинъ кагалныхъ, устанавливавшего порядокъ ихъ выборовъ и принимавшаго различныя постановленія относительно административныхъ учрежденій общинъ.

Въ дѣлахъ, имѣвшихъ отношеніе ко всему еврейству, особенно въ случаяхъ опасности, грозившей евреямъ вслѣдствіе обременительнаго распредѣленія налоговъ или же вслѣдствіе обвиненія ихъ въ дѣтоубійствѣ, генеральный сеймъ выступалъ передъ правительственной властью въ качествѣ высшаго представительства еврейскаго народа, въ лицѣ своихъ генеральныхъ „синдиковъ“ (Schtdlan); послѣдніе въ качествѣ уполномоченныхъ съезда и будучи снабжены необходимыми средствами, проживали въ Варшавѣ во все время засѣданій государственнаго сейма, чтобы предотвращать вредныя для евреевъ постановленія, или же хлопотать о выдачѣ имъ разныхъ привилегій; не удостовѣрено однако, исполняли-ли эти „синдики“ постоянно свои обязанности и получали-ли они какое-нибудь вознагражденіе, или же работали бесплатно, ради почета ¹. Генеральные съезды не всегда оказывали сильное вліяніе и не всегда пользовались тѣмъ значеніемъ, какое они имѣли въ 16 и въ первой половинѣ 17 вѣка. Въ документѣ отъ 1667 года съездъ жалуется на то, что общины не повинуются его предписаніямъ ². Въ 1687 г. „коронные старшины“ жалуется ко-

¹ Одинъ документъ 1654 г. гласитъ: *degens et residens in aula nostra (regia) (Akt. grodz.)*.

² Перлесь, въ „*Monatsschrift*“ 1867, 346—348. Документъ обращенъ къ еврейскому представительству въ Краковѣ, не выславшему делегатовъ на люблинскій сеймъ, и налагаетъ на нихъ за это штрафъ въ 6000 зол. польскихъ въ пользу „кассы областей“ (*kassa krajow*). Вотъ подлинныя слова акта: „Пердписанія представителей страны не имѣютъ въ нынѣшнее время никакого значенія, всѣ почти смѣются и пренебрегаютъ ими, тогда какъ въ прежнія времена слова наши оказывали свое сильное вліяніе; съезды наши были гордостью всего Израиля, наша сѣть обнимала всѣ страны и наша дѣятельность была спасительна и приносила прекрасные плоды; нынѣ-же все разстроилось“.

ролю Яну III, что многие евреи въ „городахъ, уѣздахъ и провинціи“, прибѣгая подъ чье-либо покровительство, уклоняются отъ податной повинности и вообще отказываются отъ повиновенія „юрисдикціи законодательныхъ старшинъ“, ¹ такъ что король долженъ былъ принудить евреевъ въ повиновенію строгими универсалами.

Въ теченіе 18 вѣка значеніе съѣздовъ все болѣе и болѣе падаетъ; они становятся въ полную зависимость отъ правительственной власти, и благодаря этому все болѣе и болѣе исчезаютъ слѣды ихъ прежней автономіи. Въ 1764 г. генеральныя сеймы послѣ почти двухвѣковой дѣятельности окончательно исчезаютъ съ арены исторіи. Сеймовая конституція этого года, вызванная непрерывными жалобами евреевъ на злоупотребленія кагаловъ при сборѣ податей, содержитъ слѣдующее постановленіе ... „Отменяются всѣ налоги (кромя поголовнаго), vznikавшія до сихъ поръ въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ и распредѣлявшіеся кагаломъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отменяются всякіе съѣзды раввиновъ и старшинъ, подъ штрафомъ въ 6000 гривенъ“. (Vol. leg. V, 167).

6) Дѣятельность сеймиковъ.

Дѣятельность еврейскихъ сеймиковъ ограничивалась выборомъ делегатовъ на генеральный съѣздъ, распредѣленіемъ податей между кагалами и прикагалками и, наконецъ, разъясненіемъ споровъ, возникавшихъ между отдѣльными общинами ².

Въ архивныхъ актахъ мы находимъ указанія на еврейскіе сеймики только начиная со второй половины XVII вѣка ³. Въ 1666 г. волынской съѣздъ выбираетъ двухъ депутатовъ къ бли-

¹ Akt. grodz. lw. с. t. 452, fag. 2797—2799 г.

² На дѣятельности сеймиковъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ Дубновъ въ 2 статьяхъ п. и. „Областные кагалныя сеймы“, Восходъ 1894 кн. 4 и 12. За отсутствіемъ источниковъ, о дѣятельности ихъ извѣстно мало достовернаго.

³ Дубновъ, I. с. IV, 28.

жайшему генеральному съезду четырехъ областей, официально объ этомъ извѣщая старостское присутствіе и прося вписать это донесеніе въ старостскія книги. Интересны два другихъ документа, относящіеся къ началу XVIII вѣка. Въ одномъ изъ нихъ отъ 1703 г. олицей кагалъ (въ Волыни) выражаетъ протестъ противъ генеральнаго писаря польскаго королевства, Фишеля Лейбовича, противъ «равниновъ и старшихъ, назначенныхъ для еврейскаго судопроизводства» на томъ основаніи, что они не созываютъ сеймика въ Олыкѣ вопреки привилегіямъ, дарованнымъ польскими королями олицей кагалу, равно какъ и кагаламъ луцкому, владимірскому, кременецкому и острожскому и содержащимъ повелѣніе, чтобы каждыя три года въ Олыкѣ собирався сеймикъ, чтобы представители всѣхъ кагаловъ «совѣщались тамъ о различныхъ мѣрахъ, способствующихъ общественному благу, чтобы безъ равнина и представителей г. Олки нельзя было выплачивать никакой контрибуціи, ни принять ассигновку»¹. Въ другомъ документѣ всѣ волынскіе кагалы, представители которыхъ собрались на сеймикъ въ Полонномѣ, избираютъ Фишеля Лейбовича въ писари волынскаго воеводства, причемъ онъ гарантируетъ, что «онъ не будетъ принадлежать ни къ какому провинціальному кагалу и не долженъ составлять ни для кого росписей, кромѣ главныхъ кагаловъ, а ужъ они будутъ составлять ихъ для своихъ прикагаловъ; поэтому никто изъ господъ ассигнаторовъ не долженъ его, Фишеля, беспокоить или чѣмъ-нибудь обременять. Съ этой-то цѣлью мы объщаемъ господину Фишелю, что если какой-нибудь кагалъ или еврей запротестуетъ противъ данныхъ ему нами гарантій, то мы всѣ должны возстать противъ этого и судить такой кагалъ или такого еврея безъ снисхожденія и даже лишать старшинства»².

Въ послѣдующее время сеймики, равно какъ и кагалы, представляютъ печальное зрѣлище. Въ ихъ составѣ возникаютъ споры

¹ Арх. юго-зап. Россіи, т. V, ч. I, № 68.

² Ibid. № 79.

и споры, и злоупотребленія со стороны представителей общинъ; правительство вмѣшивается въ внутреннія дѣла сеймиковъ; воевода въ лицѣ своихъ комиссаровъ, предсѣдательствующихъ на сеймикахъ, диктуетъ собранію, равно какъ и кагаламъ, «руководства для охраненія добраго порядка». Можно судить, каковы были отношенія между евреями, если въ такого рода «статутъ» отъ 1754 г., данномъ комиссарами сандомирскаго воеводы евреямъ того же воеводства, собранымъ въ Стопницѣ, читаемъ слѣдующее: «какъ каждому областному старшинѣ, такъ самому маршалку и всему еврейскому обществу строго приказывается приниматься къ власти маршалка и соблюдать во взаимныхъ сношеніяхъ любовь, согласіе и единодушіе, ибо частыми спорами, распрями и соперничествомъ, происходящими изъ-за частныхъ и личныхъ интересовъ, они наносятъ большой вредъ, интересамъ общества и всей области»¹. Весь этотъ воеводскій «порядокъ», состоящій изъ 22 пунктовъ, отчасти иллюстрируетъ устройство сеймиковъ, въ особенности указывая, какъ далеко простиралась сфера ихъ дѣятельности.

Мы изложимъ здѣсь въ сокращенномъ видѣ болѣе важныя постановленія этого «статута».

Провинціальныя старшины выбираютъ изъ своей среды согласнымъ рѣшеніемъ предсѣдательствующаго, т. наз. «маршалка конгресса», полномочія котораго продолжаются 2 года.

Въ теченіе этого времени онъ одинъ завѣдуетъ всѣми доходами и расходами². Но по истеченіи года онъ долженъ отдать отчетъ въ своей дѣятельности передъ 5 делегатами главныхъ кагаловъ «области»³, назначенными имъ же, и въ присутствіи комиссара, присланнаго воеводой.

Во время сеймика маршалокъ получаетъ 600 зл., каждый

¹ VIII. Ossol. Рукоп. № 303, стр. 225—228.

² „Какъ издавна точно записано въ книгахъ порядка земства“, въ скобкахъ прибавляетъ статутъ.

³ За исключеніемъ кагала, въ которомъ представителемъ былъ избранъ самъ маршалокъ.

представитель кагаловъ 100 зл. на расходы для блага цѣлой области.

Суммы, издержанныя на нужды одного только города, а не всей области, покрываетъ только данный городъ.

Тогда какъ до этого времени цѣлая область давала средства на содержаніе сиротъ, бѣдныхъ евреевъ и больницъ, теперь въ виду задолженности области статутъ предписываетъ каждому городу дѣлать такіе расходы на свой счетъ.

Если по поводу какого-нибудь стихійнаго бѣдствія сеймикъ принужденъ былъ освободить извѣстную общину отъ уплаты податей, то для пополненія всей суммы онъ долженъ распредѣлять этотъ убытокъ между всѣми прочими кагалами.

Школьные и областные чиновники получаютъ опредѣленное жалованіе; никакихъ другихъ вознагражденій давать имъ нельзя.

Ссылаясь на постановленіе ярославскаго генеральнаго съѣзда отъ 1753 г., статутъ запрещаетъ кагаламъ обращаться по поводу какихъ-нибудь обидъ къ генеральному съѣзду; въ такихъ случаяхъ они должны прибѣгать къ суду коронному и воеводскому.

Жалованіе сеймикъ долженъ выплатить сполна всякому, кому слѣдуетъ «согласно обстоятельному перечисленію въ уставныхъ грамотахъ».

Область должна своевременно внести въ коронную казну въ пользу войскъ Рѣчи Посполитой подать согласно распредѣленію, состоявшемуся въ Ярославѣ въ 1753 г.¹

Отъ каждого города слѣдуетъ назначать для распредѣленія податей только одного представителя и то каждый годъ новаго.

На ярославскій конгрессъ должны ѣздить не все представители области, а только два депутата, или маршалокъ, съ инструкціей и полномочіями.

¹ На сеймикъ въ Стопницѣ въ 1754 г. выплатили слѣдующія жалованія: I) казеннымъ писарямъ 800 зл. п.; II) земскому равнину—голичнаго жалованія 500 зл., III) еврейскому земскому писарю—150 зл., IV) земскому снадику 150 зл. (Bibl. Ossol. Рухол. № 300, к. 222).

Въ исполненіи обязанностей областного старшины не допускаются люди, не платящіе податей, или равнины, согласно указаніямъ въ книгахъ «порядка».

Равнинъ не можетъ самостоятельно раздавать никакихъ должностей въ области безъ вѣдома маршалка и воеводы, который долженъ утвердить назначеніе раввина. «Все это точно описано въ книгахъ».

Книги «порядка и счетовъ», какъ прежде, такъ и впредь должны храниться въ гор. Пичовѣ, а именно у областного писаря, который, равно какъ и старшины синагогъ, долженъ быть избираемъ лишь изъ жителей г. Пичова.

Лица, не исполняющія вышеозначенныхъ распоряженій, будутъ ли это маршалокъ или старшины, подлежать лишенію своего сана, и сверхъ того подвергаются штрафу въ 100 зл. черв. въ пользу казны воеводы.

Какъ сказано выше, сеймъ въ 1764 г. отиѣнилъ всякіе вообще сѣзды евреевъ. Это была официальная отиѣна института, который съ начала XVIII стол. фактически сталъ постепенно терять и реальную и нравственную основу своего существованія, первую—вслѣдствіе обнищанія кагаловъ, не бывшихъ уже въ состояніи выносить большія издержки, которыхъ стоило содержаніе постоянного центрального органа, вторую—изъ-за недостойныхъ представителей, заправлявшихъ всѣмъ на сеймикахъ и за отсутствіемъ послушанія со стороны общинъ. Печальное экономическое положеніе евреевъ въ XVIII в. отражается не только въ общинной (какъ это выше нами замѣчено), но и въ центральной организаціи ихъ. Этотъ сильный въ XVI и XVII в.в. организмъ, возбуждавшій уваженіе и среди евреевъ, жившихъ за предѣлами Польши, слабѣетъ все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, не наступаетъ полное его разложеніе. Сеймовая конституція отъ 1764 г. нанесла окончательный ударъ уже мертвому «тѣлу», изъ котораго давно уже исчезъ его духъ.

Но еще разъ суждено было вопросу объ организаціи евреевъ привлечь вниманіе правящихъ сферъ. На Великомъ сеймѣ были представлены разнообразныя проекты, которые имѣли бы важныя послѣдствія для дальнѣйшаго развитія евреевъ въ Польшѣ, еслибы имъ суждено было когда-нибудь осуществиться. Въ сожалѣнію, вслѣдствіе разразившейся катастрофы и эти искреннія намѣренія наравнѣ съ другими возвышенными стремленіями такъ и остались только... проектами.

М. Шорръ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Когда въ кругу моихъ друзей
Я обрѣсти не могъ забвенья
Душѣ взволнованной моей
Въ неотразимый часъ сомнѣнья,
 Къ тебѣ бывало приходилъ
 Я изможденный и угрюмый
 И, какъ съ сестрой, съ тобой дѣлилъ
 Въ тиши свои больныя думы.

Разсѣявъ мракъ души моей,
Меня ты вѣрой окрыляла
И даль моихъ грядущихъ дней
Чудеснымъ свѣтомъ озаряла.

Твой нѣжный взоръ меня ласкалъ,
Какъ грудь больного лучъ весенній,
И въ сердцѣ голосъ затихалъ
Моихъ тревогъ, моихъ сомнѣній.

Разстались мы... но образъ твой
За мною слѣдуетъ повсюду;
Твой взоръ лучистый, взоръ святой
Едваль когда нибудь забуду.

И въ глубинѣ моей груди
Твои слова звучать понынѣ:
„Тропой тернистою иди,
„Служи Израильской святынѣ“.

И я служу, клянусь тебѣ,—
Служу всѣмъ сердцемъ, всей душою
И не ропщу, когда въ борьбѣ
Изнемогаю я порою.

Не осрамлю любви твоей,
Я былъ всегда ея достоинъ...
Среди родныхъ богатырей,
Взгляни,—я не послѣдній воинъ.

Х. Зингеръ.

Гласъ изъ пустыни.

(Окончаніе) ¹.

Вотъ синагога. Это двухэтажное, со стороны фасада, каменное зданіе, въ построеніе котораго вложено столько безвкусія, сколько его только хватило; стѣны нештукатуренныя, почернѣвшія, съ бѣлыми заплатами въ разныхъ мѣстахъ, и вся она глядитъ такъ непривѣтливо, такъ прозачески, словно сдѣлали все возможное, чтобы ее сдѣлать наименѣе привлекательной по наружности. Выдвинута она въ самую улицу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть проѣзжая дорога, хотя позади осталось обширное пространство, которое шамесь засадилъ картофелемъ. Тутъ же съ улицы крутая желѣзная некрытая лѣстница ведетъ на верхній этажъ—въ женское отдѣленіе; въ нижнемъ этажѣ множество разбитыхъ стеколъ; тѣ же, которыя не выбиты, снаружи забрызганы грязью, а внутри покрыты толстымъ слоемъ пыли. Дверь полуоткрыта. Меня какъ то потянуло туда, и я рѣшился войти.

Я вхожу въ большія полутемныя сѣни, земляной полъ весь покрытъ глубокими ямами, какъ будто специально предназначенными для западни. Кромѣ узкаго прохода, все загромождено старыми шкапами, сундуками, досками и т. д. повсюду толстые слои пыли, паутины, словно въ заброшенномъ сараѣ. Прохожу этотъ мрачный сарай, подымаюсь по нѣсколькимъ деревяннымъ ступенямъ и вступаю въ самую синагогу. Это довольно просторное, свѣтлое помѣщеніе, съ цѣлымъ рядомъ оконъ съ трехъ сторонъ. Посреди синагоги возвышается альмеморъ съ деревянной полированной оградой вокругъ, со ступеньками съ двухъ сторонъ; на альмеморѣ столъ для чтенія Торы, а на немъ какой-то мѣдный затѣйливый подсвѣчникъ съ большимъ могонь-довидомъ, и затѣная лопатка съ подушечкой для водворенія тишины. Этихъ послѣднихъ

¹ См. „Книжка Восхода“ за 1901 г. № 1.

атрибутовъ я давно, давно не видѣлъ, и видѣ ихъ вызываетъ во мнѣ столько воспоминаній, что сердце сжимается грустью.

Среди потолка висятъ нѣсколько бѣдныхъ люстръ съ лампами; по стѣнамъ тоже цѣлый рядъ лампъ съ закопченными стеклами. Скамьи большею частью новыя, красивыя, сдѣланныя на новый манеръ. Только туда выше, къ восточной стѣнѣ, стоятъ два или три ряда однобѣстныхъ столиковъ съ покатыми верхами. Это такъ называемые «штендеры». Ихъ видѣ вызываетъ во мнѣ глубокую, щемящую грусть. Сколько чудныхъ воспоминаній связано съ этими незатѣйливыми на видѣ столиками. Какой богатый духовный мiръ создавался тутъ на этихъ штендерахъ, сколько думъ тутъ возникало, какая внутренняя глубокая борьба разрывала часто сердца тѣхъ, которые въ длинныя зимнія ночи сидѣли согнувшись надъ ними, разсѣянно глядя въ раскрытую книгу; сколько пламени, сколько религиозной ревности зажигалось тутъ сколько дивныхъ иллюзій, сколько небесныхъ фантазій тутъ зарождалось.

Теперь все это пусто, оставлено, забыто...

У амвона горятъ двѣ свѣчки, и такую тихую грустью вѣетъ отъ этого слабого мерцанія, среди этого печальнаго, торжественнаго безмолвія. Это горитъ словно Iohr-Zeit по прошедшемъ...

Я остановился и рѣшился присѣсть на нѣсколько минутъ. Меня охватило что то такое невыразимо-хорошее и мучительно-сладостное среди этой грустной, священной тишины.

И чѣмъ больше грусть сжимаетъ сердце, чѣмъ больше рои унылыхъ думъ овладѣваютъ душой, тѣмъ больше меня приковываетъ сюда, къ этому оставленному, одинокому святилищу.

Какъ хорошо тутъ, въ этомъ Вождемъ храмѣ, когда его не профанируетъ человѣческое присутствіе!

Тутъ чувствуешь себя огражденнымъ отъ всего прочаго внѣшняго мiра, и такъ безконечно далеко, далеко отъ него.

О, дивная обитель всего высшаго на землѣ, священный пріютъ духа и всѣхъ возвышенныхъ иллюзій! Что создаетъ твое могучее обаяніе. Гдѣ черпаешь ты эту сладостную поэзію, эти дивныя чары, эту трогательную ласку, которыя обвиваютъ всѣ твои углы и которыя наполняютъ всю душу вступающихъ въ твои предѣлы синовъ твоихъ. Какъ скромно, какъ бѣдно все тутъ, а сколько

между тѣмъ неизмѣримаго величія, О, какъ безконечно дорого ты мнѣ, наше бѣдное родное святилище!

Нѣсколько минутъ я сидѣлъ на одной изъ переднихъ скамеекъ, направо отъ альмемора, затѣмъ я направился дальше къ амвону, къ этимъ горѣвшимъ свѣчкамъ, которыя такъ манили меня своимъ грустнымъ траурнымъ мерцаніемъ.

Вдругъ, въ самомъ углу восточной стѣны, налѣво, я замѣтилъ человѣка, который сидѣлъ нагнувшись надъ своимъ штендеромъ, весь укутанный въ талесъ, который былъ закинутъ надъ головой, такъ что видны были только глаза въ очкахъ и большая сѣдая борода.

Я сейчасъ узналъ шохата мѣстечка.

Это старикъ лѣтъ шестидесяти, очень живой и бодрый еще, несмотря на свой возрастъ, съ большою красивою сѣдою бородой, съ тонкимъ, красивымъ, удивительной бѣлизны, совершенно гладкимъ лицомъ, съ высокимъ, прорѣваннымъ тонкими морщинами лбомъ, правильнымъ носомъ, большими выразительными, еще вполне свѣтлыми глазами, обведенными еще не посѣдѣвшими густыми бровями.

Это одно изъ тѣхъ благородныхъ, прекрасныхъ, съ отпечаткомъ высшаго духовнаго аристократизма, лицъ, которыя невольно внушаютъ всѣмъ уваженіе, и которыя теперь становятся все рѣже и рѣже.

Я тихо присѣлъ по другую сторону, не желая мѣшать его молитвѣ. Такъ просидѣлъ я минутъ пять, съ благоговѣніемъ и невыразимымъ удовольствіемъ глядя на погруженнаго въ молитву старика.

Видя, что онъ снимаетъ уже «тефилинъ», я подошелъ къ нему. Онъ привѣтливо кивнулъ мнѣ головой.

— Я только что посѣтилъ ваши хедера,—обратился я къ нему,—и долженъ вамъ сказать, что то, что я увидѣлъ тамъ, меня повергло въ гораздо большій ужасъ, чѣмъ недавнія извѣстія о погромѣ. Вѣдь ваши дѣти ни о чемъ, рѣшительно ни о чемъ понятія не имѣютъ. Какъ можете вы допустить подобное. Вы вѣдь хорошій благочестивый еврей, а тутъ на вашихъ глазахъ все еврейское предается забвенію. Какіе евреи могутъ вырасти изъ этихъ мальчиковъ, которые даже читать по еврейски не научаются. О Библии же понятія не имѣютъ.

— Знаю я это, мой милый господинъ, давно знаю,—отвѣтилъ старшій шохоть со вздохомъ.—Вы правы, тамъ происходитъ настоящій погромъ. Истину вы сказали. Это настоящее слово. Но что я могу тутъ дѣлать, чѣмъ я тутъ могу помочь.—И старикъ опять глубоко вздохнулъ, печально покачивая головой, и въ это время наматывая ремни на жестяные футляры, вмѣщающіе молитвенные «батимъ».

— Какъ ничего не можете дѣлать! Вы вѣдь человекъ знающій, имѣете кое какія понятія о томъ, что нужно дѣтямъ знать, изъ самаго необходимаго по крайней мѣрѣ. Вотъ вы и должны были бы наблюдать за хедерами, заглядывать туда почаще, хоть бы тамъ разъ въ недѣлю, смотрѣть, какъ занимаются меламеды, выслушивать дѣтей. Вы могли бы даже указывать меламедамъ, что проходить, установить какой нибудь порядокъ, какую нибудь опредѣленную обязательную программу. А то въ этомъ отношеніи царить совершенный произволь, и каждый дѣлаеть, что ему угодно.

— Такого обычая, признаться, у насъ никогда не было,—отвѣтилъ наивно старикъ.

— Какъ не было. Вотъ существовалъ же въ добрыя прежнія времена, и вѣроятно, еще повнѣ существуетъ во многихъ мѣстахъ обычай, что меламеды по субботамъ водили своихъ учениковъ къ ламданамъ, чтобы тѣ ихъ выслушали. Вотъ и былъ постоянный надзоръ, постоянный контроль. А тогда онъ былъ меньше нуженъ. Тогда меламеды были, хоть правда слишкомъ суровые часто, но люди глубоко-благочестивые, искренніе и добросовѣстные. Они трудились сверхъ своихъ силъ, вкладывали въ свое дѣло всю свою душу. Кромѣ того, въ прежнія времена самимъ родителямъ дѣло это лежало близко къ сердцу, да были они большею частью люди свѣдущіе. Теперь все измѣнилось; теперь меламеды не тѣ, родители не тѣ, все не то. Теперь, если не будетъ людей, которые примутъ близко къ сердцу заботы объ еврейскихъ знаніяхъ, они скоро исчезнутъ изъ нашей среды. Какъ же вы можете смотрѣть на все это равнодушно?

— Вы правы, тысячу разъ правы. Но вы тутъ новый человекъ, не знаете здѣшнихъ людей, здѣшнихъ порядковъ, а потому говорите все это.—Вы меня, пожалуйста, извините. Все зависитъ отъ однихъ только родителей. Тамъ, гдѣ они этого хотятъ, дѣти

знаютъ и всегда будутъ знать. Но тутъ сами родители все разрушаютъ; ибо они настолько грубы и невѣжественны, что не только не стремятся къ тому, чтобы дѣти знали, но какъ будто даже мѣшаютъ этому. Когда мальчику десять лѣтъ, отецъ уже хочетъ имѣть помощника въ немъ и насильно отрываетъ его отъ хедера. А идите, дѣлайте имъ какія либо указанія, они васъ смѣшаваютъ съ грязью. Развѣ для нихъ существуютъ старость или ученость, или благочестіе. Все, все они смѣшиваютъ съ грязью. И если хочешь оберегать себя отъ самыхъ мерзкихъ грубостей и оскорбленій, то приходится закрывать глаза на все и молчать. Больно, что и говорить. Довольно тутъ наболѣло мое сердце, видя это все возрастающее невѣжество и огрубѣніе, довольно я выстрадалъ отъ всего этого самъ. Я тутъ уже тридцать лѣтъ. А вы знаете, что значить быть тридцать лѣтъ шохотомъ въ такомъ мѣстечкѣ! Пускай вамъ другіе расскажутъ, что я тутъ вытерпѣлъ. Недостойно все это рассказывать, говорить столько дурного объ евреяхъ. Да проститъ меня Господь за то, что я сказалъ уже.

Я замѣтилъ, что онъ собирается наложить другіе тефилинъ, и удалился, чтобы не мѣшать ему, но уйти не ушелъ. Какая то всеодолимая сила удерживала меня тутъ; вся эта обстановка кругомъ меня притягивала. Я словно себя чувствовалъ опять ребенкомъ въ объятіяхъ милой любящей матери, убаюканный лаской. Мнѣ кромѣ того также хотѣлось продолжать разговоръ со старикомъ, и я рѣшилъ подождать, пока онъ окончитъ совсѣмъ молитву.

Я опять удалился въ противоположную сторону и, замѣтивъ на одномъ изъ столиковъ, стоявшихъ позади амвона, книгу, я ее взялъ и принялся перелистывать.

Это оказался Jalkut Schimoni, книга, съ которой я, признаться, совсѣмъ не былъ знакомъ до сихъ поръ.

Это что то въ родѣ комментарія на Пятикнижіе.

«Въ семь мірѣ, читаю я на первой открывшейся предо мной страницѣ,—богатые пожираютъ бѣдныхъ, а на томъ свѣтѣ Богъ взмскиваетъ съ нихъ». Я продолжаю перелистывать. Все, что я читаю, производитъ на меня впечатлѣніе какого то парафраза Мидраша Раба. По крайней мѣрѣ, совершенно тотъ же характеръ.

Каждая фраза, каждая строка—это восхваленіе знанія и вытекающихъ изъ него добродѣтелей, рѣзкое осужденіе невѣжества и полное презрѣніе къ нему. Какой глубокой ироніей мнѣ все

это кажется послѣ только что видѣннаго и слышаннаго. Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ велико воцарившееся кругомъ невѣжество!

Что же будетъ дальше, если все такъ пойдетъ.

Неужели мы двинемся назадъ, потеряемъ весь свой духовный обликъ, весь образъ Божій и сравнимся съ невѣжественными массами. О нѣтъ! лучше не дожидать до этого.

А если все это случится?.. Я отъ волненія вскакиваю, закрываю книгу, не въ состоянїи ни на чемъ сосредоточиться. Какъ тяжело, какъ грустно и какъ страшно за будущее. Какое страшное духовное опустошеніе грозитъ всему. Неужели это царящее кругомъ варварство одолѣетъ и насъ!

И для этого столько страданій, чтобы кончить такъ постыдно. Я съ ужасомъ отгоняю этотъ страшный варварскій образъ будущаго. Нѣтъ, этой мысли ни на одну минуту не надо допускать.

Надо бороться до послѣдней капли крови противъ этого все ближе и ближе подступающаго варварства. Но какъ! Гдѣ эти усилія? Кто ихъ станетъ дѣлать! Гдѣ эти борцы за спасеніе нашего духовнаго достоянїя. Какая тупость кругомъ, какое дикое равнодушіе. Къ кому взывать, къ кому! Кто пойметъ наши стоны, кого они тронуть. Сколько усилій, сколько жертвъ тутъ нужно! И меня охватываетъ отчаянїе.

Тихо, тихо все кругомъ. Ни одного звука не доносится изъ внѣшняго міра. Рои воспоминаній закопошились опять. Прошло все это прошлое безвозвратно, и грустью и тоской вѣетъ изъ каждаго угла опустѣвшаго дома Божьяго. Да, мнѣ кажется, что все тутъ проникнуто мучительной тоской, все глядитъ такъ уныло, такъ печально. Я хожу изъ угла въ уголь, и мнѣ кажется, что всѣ эти предметы чувствуютъ и глубоко-глубоко страдаютъ; и все болѣе и болѣе мучительно сжимается сердце. Но уходить не хочется! Нѣтъ, тутъ сидѣлъ бы я цѣлые дни, погруженный въ свои печальныя думы. Тутъ хоть страдать спокойно.

Тутъ все сочувственно глядитъ на тебя. А тамъ, за этими стѣнами, кто будетъ тебѣ внимать? Тамъ другія печали, другія заботы.

Старикъ, опять весь укутавшись въ талесъ и закрывши голову, надрывающимъ голосомъ читаетъ псалмы, словно и его охватили тѣ же страшныя мысли о будущемъ, и молитъ онъ Бога,

чтобы онъ отвратилъ отъ нѣкогда избраннаго Имъ народа гонящія имъ бѣдствія невѣжества и духовнаго оскудѣнiя.

Развѣ можетъ быть что-либо страшнѣе этихъ бѣдствiй!

Прошло около получаса. Старикъ кончилъ и сталъ снимать съ себя молитвенныя принадлежности и складывать ихъ, продолжая еще говорить наизусть какія-то молитвы и испуская каждый разъ глубокие вздохи.

Его грустное лицо какъ-будто еще больше поблѣднѣло и выражало беззавѣтную покорность.

Я опять подошелъ къ нему, чтобы продолжать начатый разговоръ. Я мало могъ надѣяться на то, что этотъ старикъ способенъ будетъ сдѣлать что-нибудь существенное; но мнѣ хотѣлось знать вполнѣ, каковы его взгляды на это положенiе, задумывается ли онъ надъ нимъ.

— Скажите мнѣ еще, пожалуйста, вотъ что,—началь я снова.— Вотъ вы сами нарисовали мнѣ мрачную картину того, что происходитъ кругомъ. Задумывались ли вы когда-нибудь надъ тѣмъ, что надо бы вообще что-либо сдѣлать, чтобы стало иначе, лучше. Вы вѣдь понимаете, что оставаться такъ дальше нельзя, что если такъ будетъ продолжаться, если постепенно будетъ водворяться такое невѣжество повсюду, еврейство исчезнетъ черезъ какихъ-нибудь пятьдесятъ, сто лѣтъ. Я не говорю, чтобы вы лично что-либо дѣлали. Но задумались ли вы вообще надъ тѣмъ, что надо бы что-либо дѣлать, предпринять, чтобы спасти еврейство отъ гонящаго его исчезновенiя? Задумались ли вы надъ этимъ?

Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣнiемъ и отвѣтилъ спокойно:

— Кто знаетъ пути Божьи, и что тутъ можетъ сдѣлать человѣкъ. Если Богъ это допускаетъ, то людскiя усилiя ни къ чему не поведутъ. Это не мѣстное вѣдь только несчастье. Повсюду, куда ни зайдешь, куда ни взглянешь, происходитъ одно и то же. Вездѣ видишь общее огрубѣнiе народа и глубокое моральное паденiе, которое растетъ съ каждымъ днемъ, словно пропасть открылась передъ нимъ, и онъ все больше и больше въ нее погружается; знанiе Торы исчезаетъ повсюду; исчезаетъ всякое благочестiе, всякое религiозное чувство, а съ ними и всякое человѣческое чувство. Ибо какое человѣческое чувство можетъ проявляться у грубаго человѣка, у котораго нѣтъ ничего святаго. Кто и что

для него имѣеть значеніе? Онъ надъ всѣмъ издѣвается, ему ничто не страшно. Это повсюду, а тутъ въ Бессарабіи и говорить нечего. Тутъ всегда народъ былъ грубѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, а въ послѣдніе годы тутъ еврея и не отличишь отъ мужика. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ евреи даже хуже другихъ. Ибо не-еврей все-таки относится съ уваженіемъ къ своей религіи, къ своему священнику. А какъ относится еврей къ своимъ духовнымъ лицамъ, объ этомъ даже недостойно говорить въ этомъ мѣстѣ. Но это уже Богъ съ ними. А самое большое несчастье въ томъ, что у народа исчезаютъ почти совсѣмъ религіозныя чувства.

— Неужели это въ самомъ дѣлѣ такъ? Это вѣдь было бы поистинѣ ужасно,—замѣтилъ я.

— Ахъ, что вамъ сказать, — произнесъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, и при этомъ его глаза покрылись влагой.— Не могу я вамъ сказать всего того, что я вижу собственными глазами ежедневно. Вотъ посмотрите. Теперь мѣсяць Элуль. Шутка-ли сказать! мѣсяць Элуль. Что значить этотъ мѣсяць для еврея? Это вѣдь мѣсяць покаянія, когда человѣкъ долженъ одуматься, долженъ дать отчетъ себѣ во всемъ томъ, что онъ совершилъ въ теченіе цѣлаго года. И вотъ даже въ этотъ мѣсяць нельзя собрать десяти человѣкъ для молитвы по утрамъ. Да гдѣ тамъ десять. Трехъ человѣкъ не увидите. Пусть, оставленъ Божій домъ. Что имъ до Божьяго дома, что имъ до всего. Вчера былъ понедѣльникъ, надо Тору читать; такъ цѣлые часы бѣгали по домамъ и упрашивали, чтобы сдѣлали милость и зашли хоть на полчаса въ синагогу. Только къ одиннадцати часамъ успѣли собрать миньонъ и то на половину изъ мальчиковъ. И если бы вы видѣли, какъ сидѣли эти прошенныя гости, словно осужденныя на арестъ, нетерпѣливо выжидаая, чтобы скорѣе все кончилось. Одинъ, потерявъ терпѣніе, подошелъ къ дверямъ и, увидѣвъ проходящаго по площади еврея, подозвалъ, заманилъ въ синагогу, а самъ улизнулъ, какъ воръ. Вотъ до какой грубости, до какого неуваженія всего святаго доходятъ теперь евреи. Больно и стыдно рассказывать, стыдно предъ самимъ собой. Еще лѣтъ десять тому назадъ никто не повѣрилъ бы, что дойдетъ до этого.

— Что же это свободомысліе такое у васъ распространилось,—спросилъ я.

— Гдѣ тутъ свободомысліе. Это бы еще кое-какъ можно было простить. Что тутъ подѣлаешь. Отъ великой учености дошелъ

человѣкъ до такихъ взглядовъ, что Богъ не Богъ, синагога не синагога, что могъ нѣтъ будущей жизни и т. д., а потому всякій свободенъ себѣ дѣлать, что ему угодно. Были же такіе, вотъ тѣ, что классы сдѣлали. Это печально, что и говорить. Но все же не то. По крайней мѣрѣ, видишь человѣка рассуждающаго. А тутъ просто страшное невѣжество, какое теперь уже рѣдко встрѣчаешь у послѣдняго мужика. Да, тутъ только одна грубость довела до всего этого. Простой человѣкъ до того опустился, что ему ничто недоступно, а потому онъ надъ всѣмъ смѣется, на все плюетъ. Что же тутъ можно сдѣлать, чѣмъ помочь. Только одинъ Господь можетъ тутъ что-нибудь сдѣлать. Мой умъ даже не постигаетъ, какъ можно передѣлать этотъ ужасный міръ. Да сжалятся надъ нами Богъ; ибо на самомъ дѣлѣ начинается охватывать ужасъ, какъ вы говорите.

— Все-таки думаю, что и вы и многіе другіе могли бы кое-что сдѣлать... Всегда люди начинаютъ, а отъ Бога ждутъ только поддержки. Когда Эзра явился изъ Вавилоніи и увидѣлъ страшное огрубѣніе и невѣжество, въ которое погрузилось еврейское населеніе Іудеи, онъ не махнулъ рукой на все въ отчаяніи, не ожидалъ чудесъ, а принялся обучать и просвѣщать народъ. И онъ достигъ своей цѣли, ибо великая любовь его къ народу и къ ученію дали ему невѣроятную силу и энергію. И каждый изъ насъ въ маленькомъ масштабѣ могъ бы дѣлать то, что дѣлалъ Эзра, чтобы извлечь народъ изъ ужасающаго невѣжества, въ которомъ онъ погрязъ. Вѣдь вы знаете изреченіе нашихъ мудрецовъ: «Ты не долженъ окончить всего дѣла, но ты не имѣешь права отдѣлаться отъ него». Всякій изъ насъ можетъ дѣлать что-нибудь, что въ его силахъ.

— Вы насильно открываете мнѣ ротъ, и я долженъ говорить о вещахъ, о которыхъ хотѣлъ бы вовсе умолчать, — заговорилъ старикъ съ большимъ волненіемъ. — Вы все таки, извините меня, не знаете, съ какими людьми приходится имѣть намъ дѣло. Пожили бы побольше среди насъ, присмотрѣлись бы ко всему, что происходитъ, и вы бы не такъ говорили. Это люди, которые за нѣсколько копѣекъ готовы другъ друга потопить, довести другъ друга до тюрьмы, до каторги, до костра. Горе моимъ старымъ годамъ, если я это долженъ говорить. Не проходитъ субботы, чтобы они не дрались на улицѣ, какъ самыя безстыжіе пьяницы.

И хотъ бы въ самомъ дѣлѣ напились пьяными. — Такъ нѣтъ. Просто изъ-за всякаго вздора. Какъ только соберутся вмѣстѣ нѣсколько человекъ, уже у нихъ руки чешутся, непременно займутъ драку. Одинъ обругаетъ раввина, другой заступится за него, и этого достаточно, чтобы пускаться въ ходъ руки. Повѣрители, приходитъ суббота послѣ обѣда, бояшья показываться на улицѣ, чтобы не видѣть этого позора нашего. Двѣ недѣли тому назадъ пришлось урядника позвать, чтобы ихъ разнять, не то кости переломали бы другъ другу.

«А идите только, скажите имъ, что это chilul haschem, что они поворятъ еврейское имя, они или посмѣются, или же смѣшавутъ съ грязью. Въ послѣднюю субботу произошло нѣчто совсѣмъ ужасное, хотя это у насъ, слава Богу, не новость. Прежде всего я вамъ долженъ сказать, что на субботу, на праздникъ давно перестали обращать вниманіе. Купля и продажа совершаются какъ въ обыкновенные дни, и этимъ вовсе не стѣсняются. Такъ вотъ въ послѣднюю субботу послѣ обѣда привезъ крестьянинъ на площадь нѣсколько мѣрокъ сурѣпы или льна, не знаю въ точности. Сторговаль у него одинъ еврей за извѣстную цѣну—и крестьянинъ уже сворачивалъ во дворъ къ этому еврею, чтобы ссыпать зерно. Въ это время на порогѣ своего дома появился другой еврей, одинъ изъ мѣстныхъ «почтенныхъ» домохозяевъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ прибавилъ по двѣ или три копѣйки на мѣрку, хотя первый далъ высшую цѣну, какую только можно дать. Мужикъ, разумѣется, отдалъ второму. Надо вамъ сказать, что тутъ въ лучшемъ случаѣ дѣло шло о заработкѣ въ сорокъ, сорокъ - пять копѣекъ. Такъ увѣряютъ всѣ. Но первый—большой бѣднякъ, и сорокъ копѣекъ для него крупная монета; на сорокъ копѣекъ онъ можетъ жить съ семьей два дня.

«Его взорвало, и онъ сталъ обдавать другого бранью. Тотъ отвѣчалъ еще худшей бранью, ибо это извѣстный грубиянъ и забіяка. Поднялся шумъ; услышали жены и тоже выбѣжали съ криками и ругательствами, такъ что все мѣстечко подняли.

«Разумѣется, вдѣпились другъ другу въ бороды, какъ полагается по мѣстнымъ нравамъ. Насилу-то розняли ихъ. Всѣ думали, что этимъ и кончится. Такъ нѣтъ же. Жена второго, т. е. этого «почтеннаго» домохозяина, который отнялъ заработокъ у бѣдняка,

зная какой-то грѣхъ за братомъ этого бѣдняка, еще большимъ бѣднякомъ, побѣжала къ властямъ доносить на него.

«Но лицо, къ которому она обратилась съ доносомъ, какъ говорятъ, порядочный человекъ, и отчасти изъ состраданія къ этому горькому бѣдняку, отчасти потому, что ему уже давно знакомы всѣ эти вляузы еврейскія, не обратилъ никакого вниманія. Говорятъ, тотъ даже урезонивалъ ее не причинять такъ легкомысленно несчастье бѣдняку, обремененному семьей. Всякая другая устыдилась бы, видя состраданіе даже со стороны чужого. Эта же фурія еще больше возгорѣла мщеніемъ и грозитъ доносомъ этому послѣднему, если онъ не приметъ никакихъ мѣръ. Можете себѣ представить ужасъ семьи, которой грозитъ полное разореніе, голодъ. Жена этого бѣдняка нѣсколько разъ падала въ обморокъ, а та все не унимается. Вотъ одинъ изъ мѣстныхъ вліятельныхъ людей отправился къ ней, т. е. къ этой фуріи, чтобы попытаться какъ-нибудь смягчить ее. Но она и слушать не хотѣла и даже нзумилась его заступничеству.

— Какъ!—кричала она:—его братъ мнѣ совалъ кукишъ въ самый ротъ, и вы находите, что я неправа! Еще не то имъ сдѣлаю, всю родню доканаю, по міру пуцу.

«Разумѣется, мужъ обо всемъ знаетъ, иначе она не осмѣлилась бы такъ дѣйствовать. Не могу я вамъ сказать, сколько я выстрадалъ изъ-за этой исторіи. Вотъ цѣлую недѣлю просто не живу. Вѣдь пока что, а семья безъ куса хлѣба осталась.

«Вотъ до чего мы дожили, Господь Милосердный, вотъ какіе евреи у насъ завелись. Одинъ, еще молодой человекъ, сынъ сапожника, научился гдѣ-то, къ несчастью, русской грамотѣ. И вотъ онъ только то и дѣлаетъ, что строчить доносы. Имѣешь-ли съ кѣмъ столкновение, онъ сейчасъ и грозитъ доносомъ. И такъ держитъ онъ всѣхъ въ страхѣ. Ибо—что говорить. Развѣ еврей можетъ жить по теперешнимъ законамъ. Пришлось бы такъ всѣмъ и одѣть саваны, да ложиться живьемъ въ гробъ. Но какъ строго ни приказывай человеку умирать, онъ все-таки будетъ стараться жить. На то онъ грѣшный человекъ. Вотъ и выходитъ нарушеніе. И такимъ образомъ приходится вѣчно дрожать.

«Да, страшно становится жить. Слова никому не смѣешь сказать; избави Богъ кому-либо въ чемъ перечить. Первый грубый

невѣжественный мальчишка надъ тобой господишь и можешь тебя обратить въ прахъ.

«Надъ шокатомъ, надъ раввиномъ вѣдъ всякій себя считаетъ господиномъ. Всякому мы подневольны. А вы говорите, чтобы за хедерами наблюдать, порядки заводить. Тутъ радъ, когда тебя не трогаютъ и всѣми силами стараешься уйти подальше отъ всѣхъ. Живешь, какъ волкъ въ пустынѣ, слова задушевнаго не съ кѣмъ вымолвить. Ни одной, ни одной еврейской души кругомъ; ни одного еврейскаго чувства.

«Вотъ вамъ въ первый разъ высказалъ, что накипѣло на душѣ. А то все прячешь внутри себя, никому, никому ни слова. И съ кѣмъ говорить, кто понимаетъ, кто чувствуетъ. Всѣ думаютъ о себѣ, только о себѣ. Никто даже не видитъ ничего. До того свыклись, что иначе будто и быть не можеть и не должно. Страшно, страшно... Одинъ Господь да сжалятся надъ нами».

И старикъ въ отчаяніи поднялъ красивые влажные глаза къ небу.

Я сидѣлъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи и не въ состояніи былъ вымолвить слово; я даже не зналъ, о чемъ я думалъ, до того былъ ошеломленъ всѣмъ услышаннымъ.

Старикъ между тѣмъ, сложивъ всѣ молитвенныя принадлежности, уложилъ ихъ въ уже позеленѣвшую отъ старости суконную сумку, затянулъ ее ремнемъ, тщательно увязалъ и положилъ на свой столикъ, затѣмъ постоялъ съ минуту, направился медленно въ другому такому же столику, стоявшему передъ самымъ амвономъ, вынулъ оттуда шофаръ и принялся его разсматривать, горько и печально покачивая головой. «Да,—сталъ онъ говорить съ глубокимъ вздохомъ и въ большомъ волненіи, словно про себя:— да, мѣсяцъ элулъ, трубные звуки ежедневно, всѣ сердца вздрагиваютъ, одумываются отъ своихъ дурныхъ дѣяній, спѣшать съ раскаяніемъ. А тутъ пусто, пусто кругомъ; не для кого даже затрубить въ шофаръ, никто слушать не хочеть».

Онъ все-таки какъ бы машинально приложилъ губы къ узкому отверстию шофара и попытался затрубить, но слезы сдавили ему горло, и онъ заплакалъ какъ маленькій ребенокъ и въ изнеможеніи присѣлъ, подперши одной рукой опущенную голову.

Такъ посидѣлъ онъ минуты двѣ, затѣмъ рѣшительно поднялся,

одѣлъ верхнее платье, положилъ свою суконную сумку подъ мышку и, приложившись крѣпко устами къ мезузѣ, направился домой.

Я послѣдовалъ за нимъ, и на улицѣ мы разстались.

Разбитый, глубоко взволнованный, отправился я домой по тихимъ заросшимъ улицамъ. Неподвижно стоятъ сады среди чарующаго полуденнаго безмолвія, нарушаемаго только жуужаніемъ мухъ и пчелъ, которыя шумными роями носятся вокругъ зрѣющихъ плодовъ.

Вотъ стоитъ лѣсъ, растянувшись по двумъ крутымъ склонамъ. Я сворачиваю на узкую тропинку и направляюсь туда. Быть-можетъ тамъ, среди таинственнаго полумрака и волшебнаго шопота улягутся клокочущія внутри чувства. Я прохожу среди густыхъ аллей завядшихъ сиреневыхъ кустовъ, окружающихъ княжескую резиденцію, спускаюсь по крутой и узкой тропинкѣ и углубляюсь въ лѣсныя аллеи.

Вотъ кучка сосенъ и елей образовали отдѣльную темную рощу. И такъ хорошо тутъ и уютно, все наполнено чуднымъ благоуханіемъ.

Я спускаюсь дальше по все болѣе и болѣе крутой и скользкой тропинкѣ, перехожу черезъ ровъ по оставшимся гнилымъ перекладинамъ возвышеннаго мостика, поднимаюсь вверхъ и попадаю въ самую густую темную чащу лѣса. Тутъ я усаживаюсь среди дубовъ-великановъ. Чаща эта расположена на отдѣльномъ крутомъ холмѣ. Тамъ впереди меня въ темной глубинѣ тянется глубокая заросшая пропасть, прорѣзывающая вдоль весь лѣсъ.

Тамъ въ оврагѣ все дико, все мрачно и безмолвно. Только временами, кажется, будто внизу что-то движется, будто кто-то тамъ глухо ступаетъ, и хрустятъ засохшія вѣтви, шуршатъ листья. Словно тихо тамъ шагаютъ нѣжныя сѣльфіды.

Но это чудное безмолвіе, эта дивная таинственная тишь, которыя всегда такъ захватываютъ своими чарами, теперь безсильны успокоить взволнованную душу. Напротивъ, тутъ еще ярче выступаетъ предо мной весь этотъ мелкій, жалкій и изуродованный міръ, и меня охватываетъ истинный ужасъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ глубокая боль и состраданіе. На какую жизнь эти люди осуждены! Все, все тамъ такъ мелко, такъ низменно и такъ подло. До какого несчастья и до какого паденія надо дойти, въ какихъ уродахъ надо обратиться, чтобы сдѣлаться добровольно охот

ничьимъ просомъ для господъ, выслѣживать для нихъ добычу, предавать имъ на съѣденіе свою плоть и кровь! До какой потери всякихъ элементарныхъ человѣческихъ чувствъ надо дойти, чтобы противъ брата своего прибѣгать къ той самой грубой силѣ, которая тебя же вмѣстѣ съ нимъ на каждомъ шагу давить и топчетъ. Тысячи обидъ и оскорбленій всякаго рода, безчисленныя хищничества и обирательства безъ конца переносить этн людишки молча и безропотно отъ всѣхъ другихъ,—да не только безропотно, но и съ поклонами и угодливой улыбкой подчасъ. А пускай свой въ отчаяніи или въ моментъ справедливаго негодованія учинить ему малѣйшую обиду, и сейчасъ у него на устахъ это гнусное «слово и дѣло», сейчасъ бѣжитъ онъ туда, куда устремился нѣбогда предатель Баръ-Камца и тысячи другихъ еврейскихъ предателей съ того времени. И сколько у насъ народилось этихъ подлыхъ предателей повсюду и во всѣхъ слояхъ нашего общества,—отъ послѣдняго невѣжественнаго и разнузданнаго ябедника-лавочника до высококультурныхъ и даже дипломированныхъ проходимцевъ. Да, и среди этихъ господъ есть такіе, что не брезгаютъ доносомъ. Вотъ примѣры. Въ Ковнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ собрались палестинцы въ домѣ одного купца по поводу пріѣзда какаго-то дѣятеля изъ Палестины. И вотъ одинъ врачъ антипалестинецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшій какіе-то счеты съ господиномъ, у котораго происходило собраніе, спѣшитъ оповѣстить начальство.

Староконстантиновскіе ассимиляторы негодуютъ противъ пробужденія еврейскаго націонализма, и вдругъ туда является извѣстный популярный проповѣдникъ и собирается говорить въ синагогѣ. Малѣйшіе ассимиляторы спѣшаютъ доложить полиціи, что явился, молъ, опасный агитаторъ и т. д. Несчастнаго проповѣдника немедленно хватаютъ и въ день же субботній куда-то преироважатъ.

Одинъ врачъ вспоминаетъ вдругъ, что надо сдѣлаться членомъ одного давно существующаго общества. Ему это нужно въ данный моментъ. У него теперь есть *ענין* *לש* *הפר*, посредствомъ которыхъ онъ надѣется выдвинуться. И вотъ онъ шлетъ свою трехрублевку въ комитетъ этого общества. Комитетъ полагаетъ, что лучше имѣть этого господина внѣ общества, чѣмъ внутри, имѣя на это свои вѣскія основанія. И вотъ онъ отсылаетъ доктору трех-

рублевку. Конечно, каковъ бы ни былъ человѣкъ, онъ всегда самъ о себѣ очень хорошаго мнѣнія, и ему не обязательно принять мнѣніе другихъ. Поэтому онъ и вправѣ обижаться и стремиться устранить то, что онъ считаетъ для себя обидой. Такъ поступилъ бы всякій. Но нашъ почтенный «докторъ» это считалъ недостаточнымъ. И вотъ онъ строчить жалобу, которая есть не что иное, какъ самый гнусный и безстыдный доносъ на общество, составляющее дорогое, любимое дѣтище русскаго еврейства, учрежденіе котораго стоило столькихъ усилій десятокъ лѣтъ тому назадъ. И у подобнаго господина хватить послѣ этого достаточно безстыдства и безцеремонности потомъ выступить «дѣятелемъ» въ разныхъ «кружкахъ», гдѣ будетъ говорить трескучими фразами о національных чувствахъ; а что еще хуже, найдется достаточно «гъгъ гъ гъгъ», которые его, пожалуй, пошлютъ своимъ «представителемъ» на конгрессъ, а тамъ, въ качествѣ *generalredner'a*, онъ будетъ распинаться за «культуру», или будетъ говорить противъ нея, смотря по обстоятельствамъ. И не только среди «гъгъ», которые чаще всего дѣйствуютъ по наивности, которыхъ одинъ титулъ «докторъ» совсѣмъ ошеломляетъ, но и среди очень развитыхъ и очень порядочныхъ людей находится не мало глупцовъ или трусливыхъ натуръ, которые братаются съ подобными господами и даже берутъ ихъ подъ свою защиту.

И въ какіе отдаленные углы міра ни попадемъ, мы непременно и туда заносимъ свое подлое ябедничество и гнусное предательство, свои низкія клеузы, заносимъ обратно и на старую родину, не страшась даже разрушить въ корнѣ столь дорого стоющія попытки возстановленія, очень успѣшно въ этомъ замѣняя Санбалатовъ и «амонитскихъ рабовъ» эпохи Нехеміи. Мелкая, грязная мстительность, низкая страсть къ интригамъ, къ подвохамъ, ничего не падать, ни передъ чѣмъ не останавливаются. И какое зараженное болото образовалось тамъ за короткое время. Что значать всѣ эти опасныя Хедерскія болота въ сравненіи съ нравственной клоакой одного города Яффѣ! Сколько заразы распространяеть она по всѣмъ направленіямъ. Поссорится, напрямѣръ, какойнибудь лавочникъ въ этой самой Яффѣ со своимъ пріятелемъ, ну и тащить онъ его къ своему консулу, т. е. къ представителю той самой страны, гдѣ его третировали хуже пса, откуда онъ едва унесъ свои кости.

Разумѣется, сей защитникъ угнетенныхъ, у котораго давно чешутся руки, спѣшить на помощь несчастному «обиженному». Ибо какъ не воспользоваться случаемъ потрепать жида. И вотъ учиняется подлая, дикая, варварская расправа, на какую только способенъ грубый свирѣпый баскакъ, давно не имѣвшій случая утолять своихъ кровожадныхъ инстинктовъ, расправа на глазахъ всѣхъ, среди улицы.

И чего тутъ, въ самомъ дѣлѣ, церемониться въ подобной странѣ, гдѣ никто не церемонится, гдѣ всѣ чужіе произвольно хозяйничаютъ, какъ имъ угодно,—да еще когда предметъ расправы есть еврей.

И стоять кругомъ всѣ въ нѣмомъ ужасѣ, съ застывшею кровью, опѣенныя. И не найдется никого, чтобы проучить этого разнузданнаго баскака, дабы больше ему не повадно было такъ свирѣпствовать надъ людьми, надъ которыми онъ никакихъ правъ не имѣетъ. За то навѣрное не мало найдется негодяевъ среди тамошнихъ «представителей», которые усилятъ свое пресмыкательство передъ нимъ, а въ случаѣ надобности снова будутъ прибѣгать къ его высокой защитѣ, чтобы насолить товарищу, сдѣлать кому либо подвохъ. Нѣтъ для насъ никакихъ уроковъ, и самыя страшныя несчастія, самыя дикія преслѣдованія не оказываютъ на насъ никакого дѣйствія, проходятъ какъ-будто безслѣдно. Можно бы думать, что ябеда и доносъ сдѣлались нашими національными чертами; они какъ-будто вѣблись въ нашъ народный организмъ, какъ страшная разъѣдающая язва. Напротивъ, въ эпоху народнаго несчастія и преслѣдованія эти подлая черты проявляются съ наибольшей гнусной силой. Кто выслѣживалъ послѣднихъ еще застрявшихъ кое-гдѣ по ошибкѣ «иностранно-подданныхъ»? Кто вынюхиваетъ еще не выселеннаго изъ какой-нибудь забытой глухой деревушки еврея? Это все наши родные псы! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я слышалъ, какъ одинъ еврей, поссорившись съ другимъ, кричалъ ему по всему базару: «Ты иностранецъ, ты не имѣешь права тутъ жить».

И ничто никогда не внушало мнѣ столько ужаса, столько отвращенія, какъ эта базарная маленькая ищейка. Онъ тутъ — налюбленное родное дѣтище, баловень всѣхъ его окружающихъ; тотъ-же—пасынокъ, иностранецъ. Мы настолько низко пали, что мы забываемъ совершенно, что всѣ мы считаемся чужими, всѣ ли-

пены права жить; и среди насъ находится всегда достаточно негодяевъ и низкихъ экземпляровъ, которые, какъ ихъ ни топчуть, какъ ни гонять, находятъ удовлетвореніе въ томъ, чтобы гнать и топтать другихъ, еще болѣе несчастныхъ. Какой бы страшной травлѣ насъ ни подвергали въ какой либо странѣ, среди насъ всегда найдутся предатели, которые будутъ пользоваться этой травлей въ свою пользу и содѣйствовать ей.

О, если бы благородные планы нашихъ друзей нашли среди насъ столько содѣйствія и поддержки, сколько ихъ часто находятъ истребительные планы нашихъ враговъ, мы, быть можетъ, давно были бы уже свободнымъ народомъ, давно выбрались бы изъ этой страшной моральной клоаки.

Я до того погрузился въ эти печальныя думы, предо мной пронеслось столько омерзительныхъ, столько отталкивающихъ образовъ, что я барахтаюсь въ какомъ-то затхломъ, кипящемъ миазмами болотѣ, откуда никогда не выберусь. Стая вороновъ съ шумнымъ карканьемъ поднялась съ ближайшаго дуба и понеслась куда-то за лѣсъ. Я очнулся и, увидѣвъ себя среди могучихъ дубовъ, подъ дивнымъ зеленымъ сводомъ, среди сказочнаго безмолвія, почувствовалъ какую то невыразимую радость.

«Какъ хорошо, какъ хорошо», говорило все во мнѣ. Но я сейчасъ же созналъ, что это радость легкомысленная, минутная, недалекновидная.

Весь этотъ дивно прекрасный міръ природы, столь возвышающій, столь очищающій и столь укрѣпляющій,—не намъ; не намъ онъ принадлежитъ, а другимъ.

Мы же тутъ прохожіе, которые тутъ не могутъ даже долго останавливаться.

Наше постоянное мѣстопребываніе — то залесневѣвшее болото, которое я только что ясно видѣлъ предъ собой мысленно.

Ахъ, глупо обманывать себя и наслаждаться міромъ, который не намъ принадлежитъ.

А высоко надо мной черными тучами все кружились стаи вороновъ, наполняя чистый воздухъ своимъ громкимъ торжествующимъ карканьемъ; изъ глубины оврага доносился какой-то тяжелый храпъ.

Я опять задумался, и предо мной вдругъ опять предстала

оставленная пустая синагога, заброшенный шофаръ и страдальческія черты стараго шохота.

О, правъ ты, старый учитель раби Аба-баръ-Кагана!

Поистинѣ не было у народовъ философовъ, подобныхъ Билеаму, сыну Беора, и Авнимусу Гагарди.

Они уже тогда поняли, что вся сила Іакова только въ области духа, и пока голосъ его громко раздается въ этой области, онъ неодолимъ, хотъ бы противъ него соединились всѣ народы міра. Но лишь замоленеть въ насъ этотъ мощный благородный голосъ духа, мы становимся жалкими и ничтожными. Вотъ почему мы теперь такъ бьемся въ желѣзныхъ тискахъ Исава, вотъ почему мы такъ сильно чувствуемъ, что его руки — руки.

Бень-Ами.

10 августа 1900 года. Мѣстечко М.

Докторъ Браунъ.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(Окончаніе).

V.

Въ гостиной Раисы Григорьевны оживленно и шумно. Противъ обыкновенія, всѣ дамы-патронессы явились на засѣданіе, всѣхъ заинтересовало приглашеніе на экстренное засѣданіе; кромѣ того, кое-кто изъ дамъ успѣлъ уже узнать, что Борисъ Григорьевичъ тоже въ числѣ приглашенныхъ, и новость эта не замедлила распространиться среди всѣхъ дамъ города N. Борисъ Григорьевичъ, нѣсколько разъ отклонявшій избраніе на различныя почетныя должности, рѣдко являвшійся въ гостиную своей сестры во время ея пріемовъ, рѣдко показывавшійся въ обществѣ, представляя для мѣстныхъ дамъ весьма интересную личность. Хотя, говоря о немъ, онѣ иначе не называли его, какъ «гордецомъ» и «фанфарономъ», хотя онѣ и утверждали, что онъ что-то такое доказываетъ или хочетъ доказать своимъ образомъ жизни, но, тѣмъ не менѣе, всѣ онѣ горѣли нетерпѣніемъ поскорѣе съ нимъ познакомиться и убѣдиться во-очію, дѣйствительно ли онъ гордъ и неприступенъ, и что означаетъ его послѣднее чудачество — занятіе мѣста школьнаго врача. Засѣданіе, въ собственномъ смыслѣ слова, еще не началось, дамы стояли и сидѣли группами, оживленно бесѣдуя; Раиса Григорьевна переходила отъ однѣхъ къ другимъ и въ общихъ чертахъ знакомила ихъ съ содержаніемъ доклада объ устройствѣ дѣтской колоніи; лакеи разносили чай, печенья, фрукты. Наконецъ, прозвучалъ колокольчикъ, Анюта раскрыла протокольную книгу, Раиса Григорьевна заняла

предсѣдательское мѣсто, — и засѣданіе было открыто. Борисъ Григорьевичъ началъ свой докладъ. Онъ говорилъ о существующихъ уже колоніяхъ за границей и въ Петербургѣ, о значеніи ихъ для дѣтей школьнаго возраста, описывалъ неприглядную обстановку, среди которой живетъ большинство учениковъ и ученицъ ихъ школъ, и призывалъ всѣхъ присутствующихъ къ изысканію средствъ для открытія такой колоніи гдѣ-нибудь на дачѣ, на берегу моря. Дамы сидѣли съ самыми серьезными лицами и, повидимому, внимательно слушали докладчика. Борисъ Григорьевичъ кончилъ среди всеобщаго одобренія, всѣ заговорили разомъ, и среди всего этого шума никакъ нельзя было понять, въ чемъ, собственно, разногласіе. Всѣ находили идею колоніи превосходной, но гдѣ взять средства? — вотъ вопросъ.

Г-жа Гринъ, жена крупнаго негоціанта, разводѣтая въ шелкъ, съ цѣлой массой стеклянной бахромы на своемъ платьѣ, утверждала, что собирать пожертвованія совершенно невозможно, что послѣ зимняго сезона, когда всѣмъ уже надоѣли благотворительные спектакли и балы, нельзя надѣяться собрать что-либо. Госпожа Штейнъ, жена извѣстнаго въ городѣ адвоката, высокая, худая желчная женщина, находила, что они и такъ слишкомъ много дѣлаютъ для школъ: дѣти сыты, одѣты, учатся, къ чему-же еще какія-то дачи, вѣдь это излишняя роскошь, и т. д. и т. д.

— Но, вѣдь, вы слышали, что говорилось въ докладѣ о значеніи такихъ колоній, — начала Ранса Григорьевна.

Увы! во все время чтенія доклада г-жа Штейнъ была занята совершенно посторонними мыслями: разглядывая платье Рансы Григорьевны и соображая его стоимость, она думала о томъ, насколько справедливы слухи объ ихъ близкомъ банкротствѣ, какимъ образомъ они сохранили свое положеніе и свой торговый домъ; она еще не успѣла додумать всѣхъ этихъ мыслей, какъ докладъ былъ оконченъ, и она рѣшительно ничего не слыхала, а теперь для нея очевидно одно, что опять нужны деньги, а денегъ этихъ она не можетъ дать,

потому-что мужъ ея находить, что они и такъ ужъ слишкомъ много жертвуютъ на равныя благотворительныя учрежденія. Докладъ рисковалъ провалиться, какъ вдругъ явилась помощь въ лицѣ г-жи Бергманъ, жены недавно поселившагося въ N врача. Она привезла своего мужа изъ глухой провинціи и рѣшила, во что бы то ни стало, сдѣлать ему карьеру въ N. Маленькая, живая, юркая, она быстро пріобрѣла знакомства и связи и, понимая хорошо окружающее ее общество, она умѣла пользоваться его слабостями и пороками для своихъ цѣлей. Вотъ и теперь она изливала потоки пламеннаго краснорѣчія. Она не хотѣла, конечно, никого обидѣть. Боже избави! Она понимала отлично, какъ трудно теперь къ веснѣ собирать пожертвованія—поклонъ и нѣжный взглядъ въ сторону негодяйки,—она знаетъ конечно, какъ клевететь на себя г-жа Штейнъ, вѣдь она и ея мужъ — извѣстные въ городѣ благотворители, а потому она нисколько не сомнѣвается, что благое дѣло найдетъ сочувствіе, что всѣ присутствующіе приложатъ всю энергію для созданія этого новаго симпатичнаго учрежденія...

Въ умѣ ея быстро пронеслась мысль о роли и участіи ея мужа въ этомъ дѣлѣ: отчетъ въ дамскомъ комитетѣ, докладъ въ обществѣ врачей, популярная статья въ одномъ изъ распространенныхъ журналовъ, какъ быстро можно создать себѣ имя, и, по мѣрѣ того, какъ ея воображеніе разыгрывалось, краснорѣчіе ея становилось все искреннѣе и убѣдительнѣе.

Искренность ея тона увлекла всѣхъ, особенно призывъ къ матерямъ. Послѣ ея рѣчи всѣ отнеслись уже гораздо благосклоннѣе къ новому предпріятію, и послѣ рѣчи Раисы Григорьевны, которая предложила для осуществленія его устроить весенній пикникъ на дачѣ, всѣ высказались за устройство колоніи. Весенній пикникъ пришелся всѣмъ по вкусу: г-жа Гринъ предложила даже свою дачу для этого гулянья, такъ какъ давно уже хотѣла показать всѣмъ новую планировку сада и новую оранжерею; г-жа Штейнъ сообразила, что ея новый весенній туалетъ и большая тюлевая шляпка будутъ

удивительно эффектно на такомъ гуляньѣ; маменьки, у которыхъ были взрослые дочери, были въ восторгѣ отъ этой идеи и настаивали на томъ, чтобы устроить пикникъ непременно въ лунную ночь и пригласить какъ можно больше танцующихъ кавалеровъ. Опять всё заволновались и заговорили разомъ, началось обсужденіе деталей, кого пригласить въ распорядители и распорядительницы гулянья, кому предоставить завѣдыванье дамскимъ буфетомъ и т. п.

Борисъ Григорьевичъ сдѣлался предметомъ шумныхъ оцѣнокъ: дамы нашли, что онъ очень милъ и простъ, а потому наперерывъ за нимъ ухаживали; кто звалъ его помогать устраивать буфетъ, кто приглашалъ въ распорядители танцевъ; г-жа Бергманъ привѣтствовала его «вступленіе на арену общественной дѣятельности, какъ новую эру», а молоденькая г-жа Гринфельдъ, славившаяся своей красотой и неприступностью, даже пустилась кокетничать съ нимъ, направляя рѣчь на философскія темы, хотя о философіи имѣла очень смутное представленіе, но любила щегольнуть въ обществѣ нѣсколькими философскими терминами, которые неизвѣстно какимъ образомъ запечатлѣлись въ ея памяти.

Борисъ Григорьевичъ, ошеломленный всѣмъ этимъ шумомъ, не зналъ, какъ избавиться отъ столь милостиваго вниманія дамъ, какъ на выручку къ нему явился неожиданно Германъ Осиповичъ. Онъ только что возвратился изъ кафе, гдѣ у него было дѣловое rendez-vous, и очень обрадовался, что засталъ засѣданіе въ полномъ ходу; онъ сейчасъ-же подсѣлъ къ кружку дамъ и сталъ разспрашивать обо всемъ происшедшемъ въ его отсутствіи.

— Ну, что же вы опять затѣяли, — началъ Шварцъ, — балъ, концертъ, выставку?

— Дѣтскую колонію, ты, вѣдь, знаешь, Германъ, — промолвила нѣсколько обиженно Раиса Григорьевна; ей не понравился ироническій тонъ мужа.

— Ну, да не въ этомъ дѣло, — продолжалъ Германъ Осиповичъ, взглядываясь въ жену и давая ей понять только ей

видимой улыбкой, что онъ ее одобряетъ и понимаетъ, какъ всегда, но что его смѣшить вся эта дамская суета:—колонія, вѣдь это не важно, это, вѣдь, скучная работа, и ее будутъ дѣлать мужчины, а вотъ балъ, концертъ—это дамское дѣло, не правда-ли?

Молоденькая г-жа Гринфельдъ не на шутку обидѣлась.

— Почему-же вы думаете, что колонію будутъ устраивать мужчины, вѣдь это дѣтская колонія, слѣдовательно, это наша прямая обязанность позаботиться о дѣтяхъ.

Германъ Осиповичъ вспомнилъ о ея двухъ дѣтяхъ-крошкахъ, оставленныхъ на попеченіи нянекъ на все то время, пока мать занята благотворительностью и выѣздами, и возразилъ:

— Да, конечно, материнскую ласку, т.-е. лакомства и конфекты, вы имъ станете возить въ колонію, но все остальное...

— Позвольте! Какія конфекты!—заволновалась г-жа Бергманъ:—мы не признаемъ лакомствъ для этихъ дѣтей, привыкшихъ къ нуждѣ и лишеніямъ,—къ чему ихъ баловать! Дайте имъ только хорошій воздухъ и здоровую питательную пищу, а остальное...

— Почему-же и не побаловать ихъ,—возразила Анюта мягко,—именно потому, что дѣти эти привыкли къ нуждѣ и лишеніямъ, нужно хоть изрѣдка...—Но ей не дали договорить, опять всѣ заволновались и зашумѣли.

— Позвольте, позвольте, начать снова Германъ Осиповичъ, такъ, вѣдь, мы не придемъ ни къ какому результату.—Итакъ, вы находите,—обратился онъ къ г-жѣ Бергманъ,—что дѣтей этихъ не слѣдуетъ баловать, что роскошь ихъ погубитъ и развратить,—но подумали ли вы... Бѣдному Герману Осиповичу не дали докончить.

— Поймите-же,—волновалась г-жа Бергманъ,—вѣдь они привыкли совсѣмъ къ другой жизни, вѣдь мы ихъ готовимъ...

— Нѣтъ, пустяки,—кипятилась г-жа Штейнъ,—разъ мы допускаемъ дачу,—вѣдь, это тоже роскошь,—то почему-же...

— Дача—роскошь!—воскликнула, въ свою очередь, Раиса Григорьевна.

Напрасно Германъ Осиповичъ призывалъ къ порядку, напрасно г-жа Бергманъ старалась примирить самые непримиримые взгляды, дамы говорили всё разомъ, перебивали другъ друга, не выслушивая даже мнѣнія противниковъ и противницъ.

Борисъ Григорьевичъ съ изумленіемъ глядѣлъ на Шварца, котораго, повидимому, очень радовала эта суета и шумъ; какъ только споръ умолкалъ, онъ вновь старался его оживить какимъ-нибудь замѣчаніемъ или вопросомъ.

— Къ чему ты это дѣлаешь?—спросилъ, наконецъ, Борисъ Григорьевичъ:—ты какъ будто нарочно подливаешь масла въ огонь.

— А, видишь-ли, это очень забавно. Вѣдь, колонію мы все равно устроимъ и порядокъ заведемъ, какой сочтемъ лучшимъ, почему-же не доставить этимъ милымъ дамамъ удовольствія,—вѣдь, онѣ всё восхитительны со своими теоретическими взглядами, спорами и горячимъ убѣжденіемъ, что онѣ дѣло дѣлаютъ! И притомъ, этотъ шумъ женскихъ голосовъ, эти гнѣвные взоры, вся эта суета доставляютъ мнѣ удовольствіе.

— Но, вѣдь, ты смѣешься надъ ними, это-же должно ихъ оскорбить, въ концѣ концовъ.

— Нисколько. Видишь-ли, это особенный способъ ухаживанья, а это дамы очень любятъ. Притомъ, нѣкоторыя изъ нихъ очаровательны, напр., г-жа Гринфельдъ,—совѣтую тебѣ за нею поухаживать, она что-то очень нѣжно на тебя поглядываетъ.

Борисъ Григорьевичъ только пожалъ плечами и отошелъ въ сторону.

И долго еще раздавался въ залѣ шумъ и гулъ голосовъ, патетическіе возгласы, смѣхъ и говоръ. Когда всё разошлось, Германъ Осиповичъ взглянулъ на притихшую Анюту, на мрачную фигуру своего шурина, на жену, собиравшую книги

и бумаги, и невольно разразился смѣхомъ. — *Vanitas vanitatum* — не правда-ли, друзья мои! Но что подѣлаешь! Любишь кататься, люби и саночки возить!

Но никто не вторилъ его смѣху, всѣмъ было какъ-то не по себѣ.

VI.

Весна наступила сразу, какъ всегда на югѣ, но жалка и скучна — эта весна приморскихъ городовъ, выросшихъ среди степи. Если бы не море, сразу приобретающее яркія краски, если бы не мягкій влажный вѣтерокъ, не густая синева неба и яркое солнце, никто бы и не замѣтилъ, что весна пришла.

Впрочемъ, нѣкоторыя мѣстныя особенности тоже указывали на наступленіе весны: всѣ кафе открыли свои лѣтнія отдѣленія, т. е. натянули надъ тротуаромъ парусиновыя маркизы, разставили стулья подъ навѣсами, — и закипѣла шумная, уличная жизнь; торговцы фруктами открыли свои погреба, заалѣли въ корзинахъ первыя черешни, привезенныя изъ Константинополя, дачныя поѣзда объявили лѣтнее расписаніе.

Въ одно весеннее утро Райса Григорьевна съ мужемъ и дѣтьми, а также Анята и Борисъ Григорьевичъ отправились за городъ осматривать дачи для предполагающейся колоніи. Намѣтивъ нѣсколько дачъ, они рѣшили погулять немного на берегу моря; дѣти спустились къ самому морю, чтобы поиграть на пескѣ и поискать красивыхъ раковинъ и камешковъ, Райса Григорьевна слѣдовала за ними вмѣстѣ съ мужемъ. Анята и Борисъ Григорьевичъ уже давно опередили ихъ, увлеченные разговоромъ. Анята что-то громко и оживленно говорила, Борисъ Григорьевичъ слушалъ ее, поникнувъ головой.

— Завидую вамъ, — промолвилъ онъ, когда Анята умолкла. — Вы цѣльная натура, для васъ такъ просто и ясно все, что вы дѣлаете, а я — я чувствую только, что мнѣ тяжело и грустно.

— Но почему-же? Почему не удовлетворяетъ васъ ваша дѣятельность?

— Дѣятельность!—перебилъ онъ ее,—какое громкое слово! все это жалкій самообманъ. Вотъ на дняхъ собрались всѣ мы, школьные врачи, санитарные, представители управы,—сколько было рѣчей, шума, высокихъ фразъ! И ни у кого не хватило духу воскликнуть: да, вѣдь, все это ложь, слова, слова! Какія тамъ мѣры для борьбы съ эпидеміями, статистика, отчеты; не съ эпидеміями нужно бороться, а съ нищетой, съ грубостью, съ невѣжествомъ! Не статистику заболѣваній собирать, а измѣнить всю нашу жизнь, основанную на лжи и несправедливости! Да что тутъ—всего не скажешь...—и онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Но позвольте, почему-же вы не говорите имъ всего этого, почему не спорите съ ними.

— Какое вы еще дитя, Анна Семеновна! простите, но вы не знаете жизни. Неужели вы думаете, что всѣ эти врачи, говорящіе громкія рѣчи и предлагающіе разныя мѣропріятія, не понимаютъ, что все это вздоръ. Но нужно же что-нибудь постановить, нужно же какое-нибудь рѣшеніе занести въ протоколъ, а вы говорите—спорить съ ними, доказывать! Нельзя доказывать то, что всѣмъ очевидно. Но истина слишкомъ неприглядна. А тутъ встанетъ какой-нибудь ораторъ, скажетъ громкую рѣчь, въ которой каждую минутку слышно: цивилизація, наука, гуманность! Ну, всѣмъ какъ-то легче на душѣ станеть, всѣмъ кажется, что дѣйствительно все рѣшено на основаніи науки, цивилизаціи и гуманности! Чего-же больше! И вотъ мы исписываемъ гору карточекъ, санитары ходятъ со своей дезинфекціей, дума радуется, глядя на наши отчеты. А дѣти болѣютъ и мрутъ попрежнему, ночлежные дома, несмотря на всѣ дезинфекціи и отчеты, распространяютъ въ городѣ тифъ,—и все идетъ, какъ шло раньше, до нашихъ засѣданій и постановленій! А вы говорите дѣятельность!

— Но наши школы, наша будущая колонія!

— Это дѣло, не спору. Но, вѣдь, это капля въ морѣ! Въ лучшемъ случаѣ, мы примемъ въ колонію 100 дѣтей. А остальные по прежнему будутъ жить въ грязи и нищетѣ.

А школы? Вы сами рассказываете, что дѣлается осенью на приѣмѣ, сколькимъ приходится отказывать. А для нашихъ бѣдныхъ еврейскихъ дѣтей это ужасно, для нихъ просвѣщеніе это все—только путемъ просвѣщенія можно будетъ вырвать массу изъ тьмы невѣжества и нищеты, уничтожить все то, что мѣшаетъ ей полезно и производительно работать. А у насъ нѣтъ ни средствъ для этого, ни силы, ни работниковъ. И когда подумаешь, что даже для той ничтожной дѣятельности, которая выпала намъ на долю, нужно созывать засѣданія, устраивать благотворительные комитеты, балы, и что на все это тратится бездна времени, а достигаются грошовые результаты, то какъ то обидно и за дѣло, и за себя... Вы чувствуете себя хорошо потому, что вы женщина—не думайте, что я хочу васъ этимъ обидѣть, нисколько! Какъ женщина, вы живете чувствомъ, а чувство легче удовлетворить. Вотъ вы ходите къ вашимъ больнымъ ученицамъ и не остаетесь тамъ праздною, вы ухаживаете за ними, ласкаете ихъ, поите лѣкарствомъ,—это ужъ дѣло, и хорошее дѣло, — но мы мужчины на это неспособны.

— Но, вѣдь, мы живые люди, мы страдаемъ, когда видимъ вокругъ насъ столько горя и лишеній, изъ состраданья мы должны помочь.

— Да кто же вамъ говорить,—что не нужно помогать! Не только нужно, но невозможно не помогать. Но не удовлетворяетъ это, поймите, не удовлетворяетъ.—Борисъ Гривгорьевичъ умолкъ и поникъ головой, молчала и Анюта. Да, и что могла она ему возразить!

А у ихъ ногъ шумѣло море, обдавая брызгами сѣрыя скалы, вокругъ нихъ сіяло яркое весеннее солнце, надъ ихъ головами плыли съ юга маленькія легкія облака, предвѣщающія тепло, — весна, радостная, властная, все оживляющая окружала ихъ своимъ опьяняющимъ дыханьемъ.

— Ну полноте хандрить,—начала снова Анюта,—посмотрите, какъ хорошо все вокругъ, какъ красиво море...

— Да, вы правы, здѣсь очень хорошо. Что бы ни было

съ нами, «равнодушная природа» будетъ по прежнему «красою вѣчною сіять»...

— И слава Богу, что это такъ. Не вы ли всегда утверждали, что природа доставляетъ вамъ огромный источникъ наслажденій, что море даетъ вамъ всегда массу идей—вызываетъ представленіе о безконечномъ.

— Да, море, потомъ открытый, далекій горизонтъ—какая ширь, какой просторъ! И знаете ли, прежде я какъ то не умѣлъ любоваться моремъ—я любилъ его потому, что оно вызывало у меня массу идей, подъемъ духа, вдохновенье, если хотите; но само море, оно для меня не существовало. Теперь же оно мнѣ близко, дорого... Всѣ переливы цвѣтовъ, которые для меня совершенно пропадали раньше, теперь дѣйствуютъ на меня какъ то особенно, успокаивая меня,—въ этомъ прибоѣ—мнѣ слышится ласковая и нѣжная мелодія, самая грусть моя какъ то стихаетъ... Какъ бы ни былъ я взволнованъ, оно успокаиваетъ меня, какъ близость друга, какъ... пожатіе вашей руки, какъ ваша музыка.—Онъ умолкъ и окинулъ ее взоромъ, въ которомъ сказалась вся глубина его привязанности. Анюта тоже молчала, взволнованная его послѣдними словами, не зная, что сказать въ отвѣтъ.

— Тетя Анюта, тетя Анюта, — раздалось вдругъ около нихъ, — смотрите, какую я нашелъ раковину, — и маленький Гришутка, запыхавшись, торжествуя подбѣжалъ къ Анютѣ и сталъ ей показывать свою находку.

— Ну, а ты, малютка, ничего не нашелъ, — промолвилъ Борисъ Григорьевичъ, поднимаясь на встрѣчу къ Витенькѣ, который съ трудомъ слѣдовалъ за братомъ по вязкому песку, — хочешь на скалу, я посажу тебя... Но Витя не хотѣлъ на скалу, онъ вмѣстѣ съ Гришей присталъ къ дядѣ, чтобы тотъ согласился на ихъ любимую игру—въ Гуливера и лилипутовъ. Игра состояла въ томъ, что Борисъ Григорьевичъ ложился на песокъ, изображая выброшеннаго моремъ и спящаго Гуливера, а Гриша и Витенька—лилипутовъ... Борисъ Григорьевичъ охотно согласился, онъ растянулся на песокъ, а дѣти

стали преуморительно хлопотать вокруг него; они дѣлали видъ, что привязываютъ его руки и ноги, всякій разъ заглядывали ему въ глаза, чтобы убѣдиться, спитъ ли онъ, какъ это полагается по тексту разсказа, — наконецъ, приблизился и послѣдній моментъ, всегда вызывавшій у дѣтей шумный восторгъ — именно моментъ пробужденія. Комизмъ положенія заключался въ томъ, что Борисъ Григорьевичъ, не будучи, конечно, привязанъ, тѣмъ не менѣе дѣлалъ видъ, что руки, ноги и голова туго стянуты веревками, и онъ употреблялъ немовѣрные усилія, чтобы освободиться отъ мнимыхъ оковъ, — все это закончилось, какъ обыкновенно, поцѣлуями и ласками, въ которыхъ приняла участіе также и Анюта...

А Райса Григорьевна нѣсколько поодаль бесѣдовала съ мужемъ о дѣлахъ. Грустную провели они зиму, но теперь уже выяснилось, что торговому дому «Браунъ и Шварцъ» не грозитъ никакой опасности.

— Да, это самое главное, — говорила Райса, — сохранить дѣло, фирму.

— Конечно, — отвѣтилъ мужъ, — но жаль домовъ нашихъ, дачи...

И онъ тяжело вздохнулъ.

— Да, вотъ еще, кого мнѣ отъ души жаль, — это Бориса, ужасно онъ перемѣнился! Помнишь, какой онъ былъ жизнерадостный, веселый! Я даже удивляюсь, что на него такъ повліяли эти денежные дѣла, — вѣдь, рано или поздно, мы вернемъ ему его состоянье.

— Нѣтъ, не о состояннн своемъ онъ беспокоится, — перебила его Райса, — это гораздо серьезнѣе — жизнь онъ узналъ, настоящую жизнь, понимаешь? Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра, — продолжала она, улыбнувшись, — теперь онъ больше понимаетъ Анюту — и, кажется, дѣло у нихъ идетъ на ладъ.

— Ну, ужъ извини! Если это называется — на ладъ идетъ, то я ужъ рѣшительно ничего не понимаю: вотъ посмотри на нихъ — какіе то безконечные споры, разговоры... а какія похоронныя фисіономіи — такъ-ли люди любить!

— Однако, пора намъ и домой. Дѣти, Анюта, Боря! звала ихъ Раиса.

Всѣ стали подниматься вверхъ, по крутому обрыву.

— Вотъ мы только что говорились Раисой, — началъ Шварцъ...

Раиса испуганно взглянула на мужа, но онъ успокоилъ ее взглядомъ и продолжалъ:

— Вѣдь, мы съ нею старше васъ, и заботъ у насъ больше, а все-таки мы и живѣе, и веселѣе васъ. Лица у васъ какія-то грустныя, — и воображаю, о чемъ вы здѣсь бесѣдовали, на берегу моря... и онъ усмѣхнулся.

— Что же дѣлать, если радостнаго мало въ жизни, — сказала Анюта тихо.

— Радостнаго мало — пусть такъ! — воскликнулъ Шварцъ: да не вѣчно же объ этомъ думать и сокрушаться! Посмотрите — они поднялись уже на среднюю террасу — какая красота, какой просторъ! И вся эта оживающая природа, этотъ воздухъ, это небо и море, — все это говорить: «жить, жить нужно и не мудрствовать!»

— И все это одинъ только обманъ, — возразилъ Борисъ Григорьевичъ, — вѣчный, ежегодно повторяющійся обманъ природы, — и всѣ мы, все живущее поддается ему, — ежегодно, весной всѣ мы ждемъ чего то, надѣемся, стремимся куда то, чувствуемъ необыкновенный подъемъ силъ, — а если разобратъя хорошенько, то все это не что иное, какъ дѣйствіе этого яркаго солнца, опьяняющаго воздуха.

— Э, да не все ли равно, обманъ это, или нѣтъ, — воскликнулъ снова Шварцъ, — развѣ солнце не такъ радостно сіяеть, воздухъ теряетъ свой живительный аромать, — да, если это обманъ, то я привѣтствую его, и готовъ воскликнуть вмѣстѣ съ Пушкинымъ: «тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ!» — Не такъ ли, Раиса?

— Ну, въ гору, маршъ домой — эхъ, вы, философы-философы! бѣда съ вами! И себѣ, и другимъ жизнь портите!

И долго еще, всю дорогу, до самого дома, Шварцъ все

продолжалъ на ту же тему, все время бранился, негодовалъ и возмущался.

VII.

Дача г-жи Гринъ сіяла огнями. Большіе китайскіе фонари украшали входныя ворота, аллею, ведущую къ морю, и террасу, гдѣ расположенъ былъ буфетъ; маленькіе, стеклянные фонарики были расположены самымъ причудливымъ образомъ на травѣ и на кустарникахъ, точно гигантскіе свѣтляки, и придавали волшебный видъ всему саду. Но совершенно сказочное зрѣлище представляла оранжерея. Гигантскія пальмы, олеандры, апельсиновые и лимонныя деревья были эффектно освѣщены электрическими лампочками всевозможныхъ цвѣтовъ; по угламъ были устроены бесѣдки и маленькіе гроты, сплошь покрытые вьющимися розами и виноградомъ и освѣщенные таинственнымъ зеленовато-голубымъ свѣтомъ; то здѣсь, то тамъ, среди зелени, мелькали мраморныя бюсты и статуи, и въ глубинѣ, около фонтана, декорированнаго самыми большими и красивыми растеніями, среди разноцвѣтныхъ, радужныхъ брызгъ, величественно расположилась огромная, дремлющая статуя рѣчного бога...

Было еще рано,—и гости еще не собрались. Только дамы распорядительницы были всѣ на лицо и хлопотали у буфета. Г-жа Гринъ подъ руку съ мужемъ обходила свои владѣнья и сіяла счастьемъ; иллюминація сада и оранжереи удалась на славу, — никогда она не могла бы показать всему обществу свою новую дачу при болѣе выгодномъ свѣтѣ,—притомъ, такъ какъ это былъ пикникъ, то ей было какъ-то особенно весело чувствовать себя свободной гостью въ своемъ собственномъ домѣ; у нея была одна только забота,— она устроила самый тщательный надзоръ за публикой, чтобы, Боже упаси, чего-нибудь не испортили въ саду и оранжереѣ.

Мало по малу стали сѣвжаться гости, по аллеямъ замескали легкія, воздушныя платья, сказочный садъ ожилъ и

встрепенулся, изъ дому раздались первые, призывные звуки вальса.

Борисъ Григорьевичъ стоялъ у открытой двери бальной залы и искалъ глазами Анюту, которую не видѣлъ цѣлый день изъ-за всей этой суеты. Мимо него проносились танцующія пары, и онъ невольно любовался, разглядывая всѣ эти молодыя, оживленные лица. Дѣвушки всѣ были въ свѣтлыхъ весеннихъ туалетахъ и, такъ какъ это былъ *bal champêtre*, — то всѣ онѣ, даже танцуя, не снимали шляпъ, — и эти большія, весеннія шляпы, украшенные цвѣтами, особенно нравились Борису Григорьевичу; въ первый разъ въ жизни онъ жалѣлъ о томъ, что не учился танцовать, — ему отъ души хотѣлось слиться съ этой танцующей молодежью, сбросить съ себя всѣ свои печальныя мысли и такъ же, какъ всѣ вокругъ, отдаться веселью и танцамъ...

— Что это вы не танцуете, Борисъ Григорьевичъ? — промолвила г-жа Гринфельдъ, подходя. Она была въ свѣтломъ кисейномъ платьѣ, у плеча и у пояса были небрежно брошены два пучка маргаритокъ, такіе же цвѣты украшали шляпу, бросавшую легкую тѣнь на ея смуглое лицо. Борисъ Григорьевичъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ оглядывалъ ее съ ногъ до головы, — эстетикъ сегодня вновь проснулся въ немъ.

— Не умѣю, — и сегодня въ первый разъ объ этомъ жалѣю.

— Что такъ? — промолвила она небрежно.

— Сегодня какъ-то всѣ дамы особенно поэтичны, — и знаете-ли вы, отчего это произошло?

— Нѣтъ, не знаю.

— Да всему виной эта фантазія — танцовать въ шляпкахъ; вы не повѣрите, какъ много поэзіи онѣ придаютъ дамскому туалету. Поглядите, всѣ эти маргаритки, незабудки, васильки на шляпкахъ — всѣ онѣ говорятъ о веснѣ, о просторѣ полей, объ утреннемъ свиданіи на зарѣ, когда на травѣ еще блеститъ роса.

— Да вы поэтъ! — перебила она его: — всѣ эти барышни и

молодые люди очень прозаичны, и никто изъ нихъ даже не помышляетъ о свиданіи на зарѣ.

— Какъ знать! Молодость всегда молодость! Какъ бы ни была прозаична жизнь, но бываютъ моменты, когда все забывается, когда хочется веселья, счастья... Впрочемъ я мѣшаю вамъ танцовать своими разговорами и возбуждаю противъ себя вашихъ кавалеровъ.

— О, нисколько! Мнѣ уже надоѣло танцовать,—не хотите ли пройтись по саду?

— Съ удовольствіемъ.—Борисъ Григорьевичъ предложилъ руку своей дамѣ, и оба они направились въ садъ. Проходя по терассѣ, мимо буфета, Борисъ Григорьевичъ увидалъ, наконецъ, Анюту и улыбнулся ей издали, — но она какъ-то странно посмотрѣла на него и не отвѣтила на его улыбку...

— Какое волшебное зрѣлище представляетъ сегодня садъ,— началъ Борисъ Григорьевичъ, спускаясь со своей дамой по ступенькамъ въ ближайшую аллею,—я давно уже не испытывалъ такого большого удовольствія, какъ сегодня... Помню какъ-то разъ заграницей одно гулянье—тоже на берегу моря,—но тамъ ко всему очарованью, которое доставляла природа, присоединялась еще и чудная музыка,—и Борисъ Григорьевичъ, увлекшись воспоминаніями, сталъ рассказывать о своихъ путешествіяхъ; онъ описывалъ южную природу, посѣщеніе музеевъ и дворцовъ, говорилъ о своихъ занятіяхъ, о встрѣчахъ съ выдающимися людьми, описывалъ профессоровъ, лекціи по искусству и философіи, перешелъ къ своимъ работамъ и статьямъ,—онъ, казалось, переживалъ вновь всю свою молодость со всѣми ея мечтами и стремленіями... Молодая женщина слушала его въ какомъ-то безмолвномъ восторгѣ, а онъ, казалось, забылъ даже о ея существованіи,—его душа словно пробудилась отъ долгаго сна; все, что въ послѣднее время какъ-то замерло въ немъ, снова ожило и заговорило, эстетикъ и поэтъ вновь очнулся и расправилъ свои крылья...

— Да вы, не шутя, поэтъ!—воскликнула г-жа Гринфельдъ.

Борисъ Григорьевичъ вдрогнулъ, услышавши ея голосъ— онъ былъ такъ далеко отъ всего окружающаго его...

— Простите,—проломилъ онъ,—я, кажется, утомилъ васъ своими разсказами,—но прошлое имѣетъ надъ нами удивительную власть!

— Полноте! Вамъ-ли извиняться! Вы увлекли меня своимъ разсказомъ,—я никогда не слышала ничего подобнаго— я и не замѣтила, сколько времени прошло.

— Должно быть не мало. А я не прошу себѣ, что отвлекъ васъ отъ танцевъ. Слышите, какъ весело играетъ музыка!

— Мнѣ не хочется танцевать. Но всетаки вернемся, въ саду становится холодно.

Они направились къ террасѣ, гдѣ, благодаря буфету, царило оживленіе. Раиса Григорьевна и г-жа Гринъ занимали центральныя мѣста, гдѣ всего больше толпилось народу. Борисъ Григорьевичъ съ трудомъ нашелъ мѣстечко для своей дамы, чтобы угостить ее мороженымъ; ее сейчасъ-же окружили со всѣхъ сторонъ и отгѣснили ея кавалера.

— Гдѣ Анюта,—шепнулъ онъ сестрѣ,—я цѣлый вечеръ ея не видѣлъ, я еще не сказалъ съ ней двухъ словъ.

— Право, не знаю, она была здѣсь недавно — ты бы искалъ ее.

— Рѣшительно не знаю, гдѣ ее искать,—въ саду ея тоже нѣтъ, впрочемъ пойду-ка опять въ садъ...

Но не успѣлъ онъ подняться, какъ на встрѣчу къ нему направились г-жа Бергманъ, а за нею робко слѣдовалъ господинъ среднихъ лѣтъ, брюнетъ, лысый, въ очкахъ, съ какимъ-то страннымъ, виноватымъ выраженіемъ лица.

— Борисъ Григорьевичъ, позвольте вамъ представить моего мужа—онъ уже давно жаждалъ съ вами познакомиться, какъ съ инициаторомъ такого прекраснаго учрежденія, какъ наша будущая колонія.

Она говорила такъ громко, что нѣсколько человѣкъ оглянулось и стали прислушиваться.

— Ну, пропалъ мой бѣдный братъ!—шепнула Раиса Гри-

горьовна г-жѣ Гринфелдъ:—теперь эта парочка не скоро его отпустить.

Г-жа Гринфелдъ улыбулась ей въ отвѣтъ и стала рассыпаться въ комплиментахъ предъ г-жей Гринъ. — Увѣряю васъ, это нѣчто волшебное,—твердила она,—садъ и оранжерея!... нужно имѣть бездну вкуса, чтобы все такъ устроить.

— Да, я не мало таки надъ этимъ потрудилась! — отвѣтила г-жа Гринъ, стараясь скрыть улыбку самодовольствія: но я очень рада, что труды мои не пропали даромъ,—вообще, кажется, вечеръ очень удачный. Германъ Осиповичъ,—обратилась она къ проходящему мимо Шварцу,—идите-ка сюда, вы должны знать, много ли мы соберемъ сегодня денегъ.

— Да, очень много! кажется больше тысячи рублей, для пикника это великолѣпно, да, притомъ, вечеръ очень оживленный, молодежь увлекается танцами, что не всегда бываетъ, да и погода чудная!

Въ это время къ буфету направилась изъ танцевальнаго зала цѣлая толпа молодежи, молодыхъ дѣвушекъ и студентовъ; всѣ они оживленно бесѣдовали и, казалось, собирались взять съ бою буфетъ. Германъ Осиповичъ посторонился, освобождая имъ дорогу, но они обступили его со всѣхъ сторонъ, и въ одну минуту онъ весь былъ осыпанъ разноцвѣтными confetti.—Ага, попались, досталось вамъ! Вы почему не танцуете!

— Помилуйте, какой я танцоръ! Я старикъ!

Но несмотря на всѣ его протесты, даже апелляцію къ женѣ, молодежь увлекла его въ танцевальную залу при громкомъ смѣхѣ присутствующихъ...

А Анюта между тѣмъ бродила одиноко по саду. Сначала и ей нравилась ночь, лунный свѣтъ, волшебная иллюминація сада, даже оживленіе бальной залы и буфета доставляли ей удовольствіе.

Но вдругъ ей стало какъ-то не по себѣ. Она, вообще, чувствовала себя нехорошо въ большомъ обществѣ, среди постороннихъ людей; теперь-же, она вдругъ вспомнила, что это

благотворительное гулянье, и грустный смыслъ всего происходящаго подѣйствовалъ на нее удручающимъ образомъ. Всѣ эти молодыя, оживленные лица танцующихъ стали казаться ей до нельзя пошлыми, и разодѣтыя, самодовольныя дамы-патронессы, воссѣдающія за буфетомъ и зазывающія мужчинъ, особенно возмущали ее; улыбки ихъ она находила наглými, все поведеніе недостойнымъ. Она искала глазами Бориса Григорьевича, чтобы подѣлиться съ нимъ своими впечатлѣніями, чтобы вмѣстѣ съ нимъ уйти куда нибудь далеко отъ всего этого, какъ вдругъ увидѣла его объ руку съ г-жей Гринфельдъ, оживленно бесѣдующимъ и направляющимся въ садъ. Что-то больно кольнуло ее въ сердце.

Какъ можетъ онъ находить удовольствіе въ бесѣдѣ съ такой легкомысленной и пустой женщиной! Вѣдь самъ-же онъ неоднократно надъ ней смѣялся. А теперь ему весело съ ней, онъ улыбнулся, какъ-бы говоря: «неправда-ли, какъ хорошо!» Но Аня не могла отвѣтить ему улыбкой,—ничего, кромѣ горечи, не было у нея на душѣ. Она стала ждать, думая, что онъ скоро вернется со своей дамой, но время тянулось удивительно медленно, ей казалось, что они оставались въ саду цѣлую вѣчность. Тогда она оставила свое мѣсто за буфетомъ и спустилась въ садъ. Она пошла по самой темной и глухой аллеѣ, ведущей къ обрыву. Здѣсь не было цвѣтниковъ, не было иллюминаціи, только луна серебрила аллею, наполняя ее своимъ блѣднымъ, таинственнымъ свѣтомъ; Аня подошла къ самому обрыву и опустилась на маленькую каменную скамейку. Ей было жутко здѣсь одной и холодно въ легкомъ баржевомъ платьѣ; она сама не понимала себя, не понимала, почему ей вдругъ стало такъ жутко и больно; вѣдь, такого рода вечера и гулянья такъ часто устраиваются съ благотворительной цѣлью, сколько разъ ей приходилось принимать участіе въ нихъ—и ничего; хотя ей было неприятно, но никогда она не испытывала ничего похожего на сегодняшнее настроеніе; сегодня она себя чувствуетъ удивительно одинокой и покинутой. «Всѣмъ весело, думаетъ она. Раиса радуется

тому, что хорошій сборъ, Германъ Осиповичъ ухаживаетъ за дамами, танцуетъ съ молодыми дѣвушками, Борисъ Григорьевичъ гуляетъ съ м-мъ Гринфельдъ и наслаждается обстановкой, — вѣдь въ концѣ концовъ онъ все-таки поэтъ и эстетикъ, — и ничего больше», — отдаваясь все больше и больше тоскливому чувству одиночества, Анюта становится несправедливой по отношенію къ Борису Григорьевичу и мысленно посылаетъ ему тысячу упрековъ...

Вдругъ ей послышалось, что кто-то произнесъ ея имя... Не ослышалась-ли она? Нѣтъ, она явственно слышитъ: «Анна Семеновна, Анюта!» Въ глубинѣ аллеи показывается фигура Бориса Григорьевича. Анютѣ хочется вскочить, пойти къ нему на встрѣчу, рассказать ему все, что передумала она здѣсь одна. — но она не можетъ встать, не можетъ даже откликнуться, — что-то удерживаетъ ее, не даетъ ей свободно проявить свою радость при видѣ его... Радость! Почему-же слезы готовы брызнуть у нея изъ глазъ, почему ей хочется рыдать, почему сердце ея сжимается отъ тоски, страха и ожиданія...

— Анна Семеновна, наконецъ-то я нашелъ васъ! Что это вамъ вздумалось уединяться?

— Не знаю, — отвѣчаетъ Анюта глухимъ голосомъ: — я себя чувствовала тамъ лишней.

Борисъ Григорьевичъ съ изумленіемъ глядитъ на нее, ему страннымъ кажется взволнованное выраженіе ея всегда спокойнаго лица, этотъ глухой голосъ, недружелюбный тонъ...

— Вы — лишняя! Какъ это вамъ пришло въ голову! Вѣдь это все ваша идея, начиная съ первой мысли о колоніи и кончая этимъ великолѣпнымъ гуляньемъ! — Пойдемте-ка лучше, пройдитесь по саду, я покажу вамъ оранжерею, это чудо какъ красиво!

— Я вѣдь не понимаю красоты, не умѣю наслаждаться прекраснымъ, прошептала Анюта съ горечью: — отъ чего вы не показали оранжерею г-жѣ Гринфельдъ, она лучше сдумѣла бы оцѣнить я ваше восхищенье, и... Она не могла договорить,

слезы душили ее. Борисъ Григорьевичъ, все болѣе и болѣе недоумѣвавшій, опустился на скамью рядомъ съ Анютой и, заглядывая въ ея влажные глаза, сталъ тихо и ласково ее успокаивать.

— Анюта, что съ вами? Вѣдь вы знаете, какъ вы мнѣ дороги, отчего вдругъ говорите вы со мной такимъ тономъ? Вы знаете, что не будь васъ вблизи меня, васъ, такой ясной, любвеобильной, сострадательной, что случилось бы со мной? Вы дали мнѣ возможность жить, указали путь, по которому нужно идти, — и вдругъ вы называете себя лишней, говорите со мной недружелюбнымъ тономъ, — очевидно, страдаете и не довѣряете мнѣ настолько, чтобы рассказать, что съ вами. — Борисъ Григорьевичъ не зналъ, что еще сказать, чтобы ее успокоить; онъ тихо коснулся ея руки, стараясь этой невинной лаской показать ей, какъ онъ дорожитъ ея спокойствіемъ, какъ ему дорого все, что касается ея.

И Анюта вдругъ почувствовала, что ей становится легко и пріятно, опять слезы подступили къ ея глазамъ, но она не удерживала ихъ, — голосомъ, прерывавшимся отъ рыданій, она рассказала Борису Григорьевичу все, какъ она вдругъ почувствовала себя печальной и одинокой, какъ она искала его, чтобы подѣлиться съ нимъ своими впечатлѣніями, какъ вдругъ увидѣла его гуляющимъ съ г-жей Гринфельдъ, — и какъ ей стало отъ этого горько и больно, и вотъ она сидѣла здѣсь одна и думала, что она никому, никому не нужна...

— А оказывается, что вы нужны мнѣ, моя дорогая Анюта! И чтобы вамъ никогда, никогда въ жизни больше не приходили въ голову такія мысли, позвольте мнѣ всегда оставаться подлѣ васъ, всегда, всегда, всю жизнь... Онъ тихо пожалъ ея руку, заглядывая съ мольбой въ ея глаза, — она ничего не отвѣтила, только рука ея вдрогнула отъ его пожатія, и голова довѣрчиво склонилась къ нему на плечо.

И долго сидѣли они такъ, молча, боясь словомъ нарушить то необыкновенное спокойствіе и тишину, которую они испытывали оба. Въ аллеѣ было почти совершенно темно, луна

закатилась давно; свѣжій вѣтеръ, дувшій съ моря, утихъ, мягкая южная ночь охватила ихъ своимъ теплымъ дыханіемъ; глухой ропотъ морского прибора убаюкивалъ ихъ и нашептывалъ о счастьѣ. А тамъ, гдѣ-то далеко далеко шумѣли и взвивались ракеты и римскія свѣчи, сіяли вензея, играла музыка, заканчивался шумный, многолюдный праздникъ...

ГЛАВА VIII.

Лѣто прошло очень быстро. Семья Шварцъ проводила лѣто на дачѣ, неподалеку отъ устроенной дѣтской колоніи. Сборъ съ пикника покрылъ расходы по найму дачи и по обзаведенію; для содержанія же дѣтей, усиленнаго питанія ихъ—пришлось прибѣгнуть къ частнымъ пожертвованіямъ. Анюта проводила почти все свое время въ колоніи; какъ и у себя, въ школѣ, она вникала въ жизнь дѣтей, она заботилась о томъ, чтобы оторванныя отъ семьи, они не слишкомъ грустили по ней, она старалась разнообразить игры и занятія,—и дѣти чувствовали ея заботливость и ласку, они боготворили Анюту, всякое ея желаніе предупреждалось... Хотя Борисъ Григорьевичъ и утверждалъ, что онъ ревнуетъ Анюту ко всѣмъ дѣтямъ, но самъ онъ находилъ величайшее наслажденіе въ посѣщеніи колоніи, такъ какъ никогда Анюта не казалась ему милѣе и прелестнѣе, чѣмъ здѣсь, на лонѣ природы, окруженная дѣтьми и сама какъ бы превращавшаяся въ ребенка во время игръ.

Если Анюта была душой этого дѣтскаго міра, то Раиса Григорьевна и д-ръ Бергманъ были его руководителями. Раиса Григорьевна неожиданно нашла очень толковаго сотрудника въ лицѣ д-ра Бергмана. Искренно ли онъ предавался этому дѣлу, или же выполнялъ честолюбивые замыслы своей жены, во всякомъ случаѣ, онъ посвящалъ колоніи массу времени и труда.

Готовясь сдѣлать докладъ въ Обществѣ врачей, онъ тщательно измѣрялъ и взвѣшивалъ дѣтей, слѣдилъ за увеличеніемъ вѣса, стараясь различными пищевыми веществами и лѣкарствами увеличить его, насколько возможно. Такимъ образомъ, Раиса Григорьевна и д-ръ Бергманъ отдавали много вре-

мени колоніи; даже по вечерамъ, когда все общество собиралось у Шварцовъ, они обсуждали различные новыя мѣропріятія, несмотря на вѣчныя насмѣшки Германа Осиповича.

Анюта и Борисъ Григорьевичъ проводили вечера вмѣстѣ; большею частью, они совершали прогулки по берегу моря, гдѣ вели безконечныя разговоры о томъ, какъ они устроятъ свою будущую жизнь... Въ ихъ любви не было ничего тревожнаго и страстнаго,—они вѣдь любили другъ друга давно, чуть-ли не съ дѣтскихъ лѣтъ, но не сознавали этого, только послѣднія событія ихъ жизни обнаружили предъ ними истинный характеръ ихъ привязанности. Но за то любовь ихъ была глубока и интенсивна,—ихъ связывалъ не мимолетный капризъ, не безумное увлеченіе, а глубокая симпатія, общность интересовъ, стремлений и цѣлей. Они вѣрили въ свою любовь, другъ въ друга, вѣрили въ свою работу, потому что, какъ бы ни былъ малъ и узокъ районъ ихъ дѣятельности, но имъ свѣтило яркое солнце идеала, и лучи его придавали имъ энергію и бодрость...

Такъ прошло все лѣто. Борисъ Григорьевичъ, послѣ переѣзда въ городъ, стремился приняться за работу съ удвоенной энергіей. Кромѣ различныхъ новыхъ замысловъ и плановъ въ своей практической дѣятельности, онъ соскучился и по своей кабинетной работѣ, ему захотѣлось вновь писать, захотѣлось подѣлиться снова съ читающей публикой своимъ нѣсколько измѣнившимся міросозерцаніемъ. Онъ принялся за свои рукописи, сталъ приводить въ порядокъ свои недописанныя статьи. Страшно и жутко ему было открыть свою недоконченную статью о Гюйо... Сколько съ тѣхъ поръ пережито, сколько передумано... И самый моментъ, когда онъ бросилъ эту статью, когда онъ побѣжалъ къ Анютѣ съ исповѣдью, этотъ моментъ жгучаго стыда и раскаянія за свою прошлую жизнь, снова ожилъ въ немъ, и онъ снова взволновался и тревожно зашагалъ по своему кабинету. Но странное дѣло! все въ этомъ кабинетѣ кажется ему новымъ, отличнымъ отъ того, что было прежде. Вотъ предъ нимъ его любимая гравюра—Св. Цецилія. Что

прежде его привлекало къ ней? Гармонія линий, красота группировки, поэтичность легенды. И теперь онъ видитъ все это, но къ этому прибавилось еще многое другое—онъ понимаетъ силу подвига, онъ чувствуетъ жажду идеала,—ту высшую любовь, безъ которой невозможно ни одно высокое произведение искусства... А вотъ его любимая «Ариадна» изъ Ватиканскаго музея... И въ этой, какъ бы уснувшей, Ариаднѣ онъ видѣлъ когда-то только красиво расположенную женскую фигуру, онъ почти равно восхищался какъ самой Ариадной, такъ и чудно воспроизведенными изъ мрамора складками ея платья. Маленькая надпись внизу: «Abandonata» напоминала ему только о томъ, что Ариадна когда-то была покинута Тезеемъ. А теперь, теперь—ему не нужно читать этой надписи, ему прежде всего бросается въ глаза все глубокое отчаяніе этой позы, предъ нимъ уже не прежняя Ариадна, а исполненная скорби фигура покинутой женщины.

Борисъ Григорьевичъ начинаетъ послѣдно перелистывать всѣ свои альбомы. Сомнѣнія нѣтъ, онъ видитъ что-то новое во всѣхъ этихъ знакомыхъ снимкахъ, гравюрахъ, статуяхъ,—и то, что онъ видитъ, есть именно сущность, душа произведенія, то основное, коренное, безъ чего произведение блѣдно и безжизненно. Неужели-же раньше онъ видѣлъ только красивую форму, принималъ на вѣру шаблонныя описанія, интересовался только внѣшностью? Что-же случилось съ нимъ? Отчего вдругъ все измѣнилось вокругъ него? И что-то смутное, отдаленное встаетъ въ его памяти, какая-то идея, какая-то мысль, противъ которой онъ боролся и которая теперь все яснѣе выступаетъ у него въ сознаніи. Онъ бросается къ рукописи и начинаетъ ее перечитывать,—да, да, онъ не ошибся, это здѣсь въ его недописанной статьѣ о Гюйо, въ его критикѣ... И съ недоумѣніемъ читаетъ онъ своей же рукой исписанныя страницы... Да, онъ критиковалъ, онъ не понималъ возрѣвній этого философа — гуманиста, этого апостола любви, этого проповѣдника жизни, широкой интенсивной жизни, Съ улыбкой сожалѣнія отбрасываетъ онъ свою рукопись и съ ли-

хорадошной поспѣшностью начинаетъ новую. И теперь ужъ не критику онъ пашетъ на Гюйо, нѣтъ, это блестящая апологія его возврѣній — пламенно и сильно онъ восхваляетъ жизнь, жизнь во всей ея всеобъемлющей величинѣ, въ ней одной онъ видитъ основаніе для всего, основаніе для науки, для искусства, для дѣятельности... Между блестящими строками, дышащими вдохновеніемъ, прорывается грустная нотка исповѣди, блестятъ сарказмы и насмѣшки надъ его прежнимъ индифферентизмомъ, отчужденіемъ отъ жизни, насмѣшки надъ книжной мудростью и моралью. И мораль, и дѣятельность, и искусство — все исходитъ изъ одного глубокаго источника — изъ полной любви къ жизни — и стремится къ одному и тому же — къ любви къ жизни... Исполненный самъ любви и состраданья къ людямъ, онъ понялъ, что только то произведеніе искусства высоко, только та дѣятельность благородна, которая стремится дать людямъ этотъ избытокъ своей жизни, своей любви. А для этого нужно культивировать всякую личную жизнь, нужно сдѣлать ее, какъ можно, интенсивнѣе, тогда и хватить не только на одно единичное существованіе; какъ полная чаша, она перельется черезъ край; чтобы творить, чтобы любить, чтобы отдавать себя людямъ, нужно владѣть самому полнотою жизни, нужно владѣть избыткомъ ощущеній и мыслей...

Борисъ Григорьевичъ бросилъ перо и сталъ быстро ходить по комнатѣ. Передъ его мысленнымъ взоромъ вставала перспектива его будущей дѣятельности, практической и творческой; теперь, когда все стало такъ ясно для него, какъ просто разрѣшались всѣ его сомнѣнія... Нѣтъ, реальная жизнь не убила его творчества, не убила въ немъ поэта и философа, она только объяснила ему, что истинно и что прекрасно... И онъ видѣлъ предъ собой цѣлый рядъ статей, въ которыхъ онъ будетъ проповѣдывать свои новыя мысли, — онъ видѣлъ предъ собой цѣлый рядъ практическихъ начинаній, имѣющихъ одну только цѣль — дать людямъ эту полноту, эту красоту жизни. Да, все, о чемъ они говорили съ Анютой, все, что намѣревались осуществить этой зимой, всѣ эти вечерніе курсы, лекціи и вы-

ставки для народа, все это было для него освѣщено теперь новымъ свѣтомъ. Передавая людямъ знанія, знакомя ихъ съ произведеніями искусства, не только доставляешь имъ такимъ путемъ умственное и эстетическое удовольствіе, но тѣмъ самымъ дѣлаешь ихъ счастливѣе, дѣлаешь ихъ жизнь полнѣе, доставляешь личности возможность роста и развиваться, снабжаешь ее тѣмъ избыткомъ силъ, который необходимъ для жизни и дѣятельности...

И долго, долго рассказывалъ Борисъ Григорьевичъ по кабинету, взволнованный нахлынувшимъ на него потокомъ новыхъ мыслей. Будущее казалось ему интереснымъ и заманчивымъ, потому что онъ видѣлъ впереди сознательную работу, оваренную идеаломъ, потому что онъ нашелъ, наконецъ, оправданіе для своего чувства: все объяснялось, все укладывалось въ одно яркое, интенсивное представленіе, все высказывалось однимъ магическимъ, чуднымъ словомъ—жизнь!

Д. Михайлова.

Евреи въ Лондонѣ.

(«The Jew in London», by C. Russell and H. S. Lewis).

I.

Такой маленькій народъ и столько шума! Подумайте только: какіе нибудь десять или одиннадцать миллионѣвъ людей, считая уже фалашей въ Абиссиніи, чернокожихъ въ Индіи и другихъ, какая нибудь горсточка въ океанѣ человѣчества и заставляють о себѣ говорить и писать въ теченіе многихъ вѣковъ гораздо больше, чѣмъ самыя многочисленныя народы міра. Цѣлыя классы населенія доходятъ изъ за нихъ до варварскаго бѣшенства, до сатанинской злобы; парламенты раздѣляются на партіи, думы обращаются въ кабаки, и цѣлыя страны волнуются, кипятъ интригами и раздираются смутами все изъ за нихъ же, изъ за этихъ нѣсколькихъ миллионѣвъ людей! Есть чѣмъ гордиться или отъ чего сѣума сойти!

Менѣе всего о евреяхъ говорили и менѣе всего ими занимались въ Англіи. Начиная съ конца сороковыхъ годовъ, когда дѣло шло о парламентской присягѣ для евреевъ, и кончая началомъ 80-хъ годовъ, ими здѣсь, можно сказать, и не занимались, если не считать статей и разговоровъ, вызванныхъ положеніемъ евреевъ въ странахъ Востока или дѣломъ Мортары. Конечно сами евреи о себѣ никогда не молчатъ. Но здѣсь идетъ рѣчь не о разговорахъ самихъ евреевъ. Однако, начиная съ 1881 года, наплывъ русско-польскихъ евреевъ въ Англію дѣлается все больше и больше, и въ англійское коренное населеніе начинаетъ вбиваться клиномъ огромный классъ людей, чуждыхъ ему по языку, обычаямъ и внѣшнему виду. И англи-

чане съ этого времени опять заговорили о евреяхъ, и замѣтите не объ «англійскихъ евреяхъ», а объ «евреяхъ въ Англии». Разговоры эти, по обыкновенію, носили и носятъ, разнообразный характеръ, но въ общемъ преобладаетъ приличный тонъ безпристрастнаго изслѣдованія. О евреяхъ говорятъ здѣсь не со злобою или завистью, а какъ о предметѣ, требующемъ изученія. Весьма возможно, что мы предпочитали бы, чтобы о насъ совсѣмъ не говорили, но разъ ужъ говорятъ, то, конечно, пусть это будетъ въ приличномъ тонѣ.

Русско-еврейская эмиграція осѣла главнымъ образомъ въ восточной части Лондона, въ такъ называемомъ лондонскомъ Истѣ-Эндѣ, и сюда-то и былъ направленъ фонарь изслѣдователя. Евреевъ въ Истѣ-Эндѣ стали изучать со всѣхъ сторонъ, словно букашку на кончикѣ иглы. Изучали ихъ дамы и кавалеры, официальные комиссиі и частныя комитеты, отдѣльныя лица и цѣлыя корпораціи подходили къ нимъ и съ той и съ другой стороны, смотрѣли на нихъ черезъ стекло и заглядывали, такъ сказать, изнутри; изслѣдовали ихъ однихъ или въ связи съ другими эмигрантами и другими вопросами, и въ настоящее время о русско-польскихъ эмигрантахъ въ Лондонѣ имѣется уже своя богатая литература.

Но еврей какъ будто все еще продолжаетъ сидѣть на выставкѣ у окна, а прохожіе все еще останавливаются,жимаютъ плечами и дивятся: что это у него, настоящій носъ, какъ у всѣхъ людей, или только такъ себѣ, ловко прищипленный? Временами болѣе любопытные и болѣе добросовѣстные стараются присмотрѣться болѣе близко и даже пощупать, раньше чѣмъ произнести свой приговоръ. Къ такимъ-то именно добросовѣстнымъ изслѣдователямъ слѣдуетъ отнести и Ч. Ресселя, автора одного изъ очерковъ, написанныхъ по порученію Тойнби-Треста.

Тойнби-Трестъ—это комитетъ, завѣдующій капиталомъ имени Арнольда Тойнби. Какъ этотъ капиталъ, такъ и зданіе въ Уайтчепелѣ, носящее имя того-же умершаго дѣятеля, были основаны въ 1884 г. Цѣль капитала—устройство лекцій по «по-

литической и социальной экономіи» и поощреніе изслѣдованій, содѣйствующихъ правильному пониманію общественно-экономическихъ вопросовъ.

Когда лѣтъ 16—17 тому назадъ былъ основанъ капиталъ и открыто зданіе Тойнби-голла, евреи составляли въ Уайт-чепелѣ меньшинство. Главное населеніе состояло изъ христіанъ и при томъ изъ самыхъ подонковъ Лондона: изъ пьяницъ, бездѣльниковъ, воровъ и попрошайекъ; даже жившее здѣсь болѣе честное и рабочее населеніе отличалось грубостью, грязью и бѣднотой. И какъ основатели Тойнби-голла, такъ и Треста, имѣли въ виду именно это коренное населеніе Уайтчепеля, а не пришлое и иностранное. Но начавшійся наплывъ еврейскихъ эмигрантовъ, непрекращающійся и понынѣ, сталъ все больше вытѣснять прежнихъ обывателей, пока въ послѣдніе годы почти всѣ улицы, окружающія Тойнби-голлъ, не обратились въ сплошь-еврейскія. И дѣятелямъ этого учрежденія, посвятившимъ себя изслѣдованію Уайтчепеля и работѣ среди его населенія, приходится такимъ образомъ въ сущности заниматься если не одними евреями, то во всякомъ случаѣ главнымъ образомъ ими. Вотъ, вѣроятно, почему тѣ, отъ которыхъ зависитъ употребленіе капитала имени Тойнби, и рѣшили издать изслѣдованіе о евреяхъ.

Изслѣдованіе это, какъ уже сказано, было поручено Реселлю, молодому человѣку, кончившему оксфордскій университетъ и поселившемуся на годъ въ Тойнби-голлъ, раньше чѣмъ сдать экзаменъ для поступленія на службу въ министерство по дѣламъ Индіи. Молодой изслѣдователь, собственно говоря, никакихъ новыхъ фактовъ не даетъ, но онъ добросовѣстно ознакомился съ литературой предмета, посѣтилъ еврейскія жилища, мастерскія, клубы, синагоги, школы, бесѣдовалъ съ еврейскими учениками и рабочими, выслушалъ всѣ «за и противъ» и на основаніи всего собраннаго имъ матеріала постарался отвѣтить на одинъ очень любопытный вопросъ: солются-ли окончательно когда либо евреи въ Англіи съ прочимъ населеніемъ или нѣтъ? Опасаясь, однако, что его взгляды,

какъ христіанина, могутъ быть односторонни, комитетъ капитала имени Тойнби поручилъ представить отвѣтъ на тотъ-же вопросъ и еврею, Гарри Люису, кончившему курсъ наукъ въ Кембриджѣ и также жильцу Тойнби-голла. Эти-то два отзыва о евреяхъ и были наданы въ видѣ одной книги съ небольшимъ предисловіемъ извѣстнаго профессора и члена парламента Джэмса Брайса, съ введеніемъ «каноника Барнета» и съ картой еврейской населенности въ Истѣ-Эндѣ, составленною бывшими сотрудниками статистика Чарльза Бутса.

Нечего говорить, что все это составило очень интересную книгу.

II.

Мы можемъ здѣсь сейчасъ-же сказать, что какъ Ресселль, такъ и Люисъ, согласны въ томъ, что цѣлостность еврейства, сохраненіе евреевъ, какъ отдѣльнаго племени или націи, зависитъ не отъ расовыхъ ихъ особенностей, а отъ іудейской религіи. Но Ресселль полагаетъ, что власть религіи ослабѣваетъ, какъ у коренныхъ англійскихъ евреевъ, такъ и у эмигрантовъ, и что поэтому евреи черезъ нѣсколько поколѣній неминуемо будутъ растворены въ остальной массѣ населенія въ Англій, а Люисъ находитъ, что привязанность къ еврейской религіи слишкомъ еще сильна, чтобы можно было ожидать хотя бы и черезъ десять поколѣній полной ассимиляціи. Впрочемъ, сказать въ точности, что именно думаетъ Люисъ, очень трудно. Желая показать свое полное безпристрастіе, онъ немного хватилъ черезъ край и въ концѣ концовъ не знаетъ, въ чемъ именно заключается его личное мнѣніе, если оно у него вообще имѣется. Но о Люисѣ рѣчь еще впереди.

Этого-же вопроса о возможности полного сліянія евреевъ съ англичанами касается въ своемъ предисловіи и Джэмсъ Брайсъ. Онъ также думаетъ, что единственной преградой къ ассимиляціи можетъ быть только религія. «Какъ ни рѣзко отмѣчена еврейская раса, но она растаетъ какъ кусокъ соли въ водѣ, если не будетъ крѣпко держаться своей религіи, и

тотъ фактъ, что въ Англіи обращаются съ евреями лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, дѣлаетъ для нихъ особенно труднымъ удержаніе свой національности».

«Но», прибавляетъ дальше этотъ знаменитый человѣкъ, — «каковъ бы ни былъ результатъ, мы можемъ съ полными душевнымъ удовлетвореніемъ указать на отсутствіе среди насъ самихъ какой-либо средневѣковой нетерпимости къ народу, чьи недостатки легко объясняются гнетомъ въ прошломъ и чьи достоинства не могутъ быть отрицаемы».

Каноникъ Барнетъ, главный основатель и бывшій долгое время старшиной Тойнби-голлы, отсылаетъ читателя къ рекомендуемымъ имъ Ресселлю и Люису для рѣшенія вопроса объ ассимиляціи. Самъ же онъ, вмѣсто отвѣта, даетъ характеристику истъ-эндскаго еврея, указывая на его хорошія и на его дурныя стороны. Намъ кажется, что онъ немного преувеличилъ съ той и съ другой стороны, и какъ всякія обобщенія недостатковъ и достоинствъ цѣлаго народа, и его характеристика грѣшитъ густотою красокъ; но въ общемъ отношеніе его очень доброжелательное къ евреямъ, и въ своемъ отзывѣ онъ несомнѣнно обнаруживаетъ большую наблюдательность и пониманіе евреевъ.

«Въ общемъ бѣдный еврей, — говоритъ онъ, — умственно болѣе развитъ, чѣмъ христіанинъ, онъ можетъ мечтать, какъ настоящій поэтъ, и въ свой работѣ онъ способенъ достигнуть того, чего одно техническое образованіе еще не можетъ дать, а на досугѣ онъ не нуждается въ напиткахъ, чтобы разсѣяться. У него природное чувство равенства, дающее ему самоувѣренность и облегчающее ему съ достоинствомъ занять мѣсто, котораго онъ добивается. Въ немъ таится гордое сознаніе своего прошлаго, внушающее ему нѣкоторое прирожденное чувство достоинства».

Затѣмъ, указавъ на семейную жизнь, на заботы о воспитаніи дѣтей и на другія хорошо извѣстныя достоинства евреевъ, онъ останавливается на ихъ прирожденномъ чувствѣ религіозности, на томъ, что у еврея есть «безотчетное сознаніе связи

между нимъ и высшей силой, что-то въ родѣ духовнаго совершанія». Это, по его мнѣнію, обнаруживается безчисленными путями, «присутствіемъ поэтической струи даже въ самомъ практическомъ, преклоненіемъ передъ хорошимъ даже въ самомъ огрубѣломъ, способностью испытать чувства благоговѣнія, интересомъ къ вопросамъ отвлеченнаго характера» и т. д.

Среди-же недостатковъ евреевъ онъ считаетъ трусость и склонность къ уверткамъ, свойственнымъ трусливымъ натурамъ. «Еврей, говоритъ Барнетъ моднымъ теперь военнымъ языкомъ, рѣдко атакуетъ съ фронта и его приемы заставляютъ заподозрить въ немъ двоедушіе... Но часто даже его пороки являются лишь извращенными добродѣтелями. Излишнее сознание собственного достоинства дѣлаетъ его крикливымъ и самоувѣреннымъ, его постоянство дѣлаетъ его жесткимъ, и даже егоспиритуальность можетъ превратиться въ матеріализмъ. Деньги дѣлаются предметомъ поклоненія; въ наслажденіи богатствомъ онъ способенъ вложить весь жаръ души и въ возбужденіи спекуляцій находить тотъ душевный подъемъ, который ему замѣняетъ молитву. Такимъ образомъ, еврей, который по натурѣ—спиритуалистъ, превращается въ матеріалиста и человѣка чувственныхъ склонностей, и въ восточномъ Лондонѣ онъ иногда бросается въ глаза своей грубостью и вульгарностью».

Конечно, это очень неслестный для насъ отзывъ; но отказать канонику Барнету въ нѣкоторой и, пожалуй, даже довольно большой долѣ правды было-бы всетаки трудно. Въ заключеніе, самъ Барнетъ не считаетъ еврейскіе недостатки такими, чтобы относиться изъ-за нихъ дурно къ евреямъ, и заканчивая свое введеніе, онъ выражаетъ надежду, что предлагаемые очерки «The Jew in London» помогутъ разсѣять предразсудки, «основанные или на завистливомъ эгоизмѣ, или на невѣжествѣ, которое всегда раздражается при столкновеніи съ другими привычками и другими взглядами».

III.

Какъ я уже сказалъ, Рессель старается отвѣтить лишь на вопросъ: произойдетъ-ли современнымъ сліяніе эмигрантовъ, живу-

щихъ теперь въ Истѣ-Эндѣ, съ окружающимъ населеніемъ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, по мнѣнію Ресселя, лежитъ и рѣшеніе всего еврейскаго вопроса. Въ настоящее время евреи въ Истѣ-эндѣ составляютъ совершенно обособленную общину, ничего общаго не имѣющую съ англичанами. Если такая обособленность сохранится и впередъ, то слѣдуетъ опасаться, что Лондонскій Истѣ Эндѣ обратится для евреевъ въ пороховой погребъ, готовый взорваться при малѣйшей искрѣ. «Государство въ государствѣ, — говоритъ Рессель, — признается вообще нежелательной аномаліей, и до тѣхъ поръ, пока евреи остаются обособленными отъ окружающихъ, они должны ожидать, что на нихъ будутъ смотрѣть, какъ на чужестранцевъ. При настоящемъ же положеніи вещей очевидно, что евреи въ Истѣ-эндѣ — чуждая намъ община».

И для того, что бы опредѣлить, насколько эта обособленность является временной и насколько она болѣе постояннаго характера, Рессель разсматриваетъ евреевъ Истѣ-Энда со стороны социальной, экономической и религіозной.

Соціальная сторона, несомнѣнно, должна играть огромную роль въ обособленности евреевъ въ Истѣ-Эндѣ. Условія жизни здѣсь сложились совершенно своеобразныя. Эмигранты скопляются здѣсь въ одномъ мѣстѣ и держатся другъ друга по-неволѣ. Здѣсь, въ Уайтчепелѣ, говорятъ на понятномъ для нихъ языкѣ; здѣсь имѣются синагоги, еврейскія благотворительныя учрежденія, еврейскіе работодатели, содержатели мастерскихъ и проч. И каждый вновь прибывающій русско-польскій еврей естественно осѣдаетъ въ Уайтчепелѣ, кристаллизуясь вмѣстѣ съ другими въ одну плотную массу. Но это всетаки не изъ такихъ твердыхъ кристалловъ, которые нельзя бы было въ концѣ-концовъ растворить въ общей англійской массѣ. Усилія англо-еврейской общины къ англазаціи эмигрантовъ повидимому увѣнчаются полнымъ успѣхомъ. Система отдачи дѣтей въ разныя ремесла и занятія къ христіанамъ и евреямъ и квартирное справочное бюро при русско-еврейскомъ комитетѣ противодействуютъ несоразмѣрному переполненію евреями какъ мѣст-

ности, такъ и отдѣльныхъ занятій. И хотя непосредственно старанія англо-еврейской общины касаются лишь незначительной части эмигрантовъ, вліяніе ихъ всетаки довольно замѣтно.

Процессъ англаизаціи успѣшно и широко происходитъ однако, по словамъ Ресселя, лишь среди молодого поколѣнія. Здѣсь перемѣна, производимая воспитаніемъ въ Англии, поразительна. Всѣ дѣти, говоритъ Рессель, прошедшія элементарную школу, можно сказать стали «англійскими евреями». А въ этомъ имени кроется все дѣло. Въ сущности это одинъ изъ центральныхъ пунктовъ англо-еврейскаго вопроса, такъ какъ разница между иностранцами и англійскими евреями почти болѣе рѣзка, чѣмъ между англійскимъ евреемъ и англичаниномъ-христіаниномъ. Они кореннымъ образомъ отличаются между собою «какъ своими привычками и понятіями, такъ и религіей», и когда они сталкиваются, то между ними возникаютъ даже вражда и презрѣніе другъ къ другу. «Въ Уайтчепелѣ,—рассказываетъ Рессель,—наиболѣе ожесточенныхъ враговъ иммигрантовъ я встрѣчалъ только среди англійскихъ евреевъ. Съ другой стороны, иммигранты очень возмущаются и поражены плохимъ соблюденіемъ религіозныхъ предписаній, замѣчаемымъ ими у своихъ англійскихъ единовѣрцевъ... Эту же разницу между иностранцами и англійскими евреями проводятъ и христіанское населеніе. Я нашелъ, что англійскіе евреи замѣчательно популярны; ихъ считаютъ славными товарищами и «точь-въ-точь какъ мы, христіане»... Иностранцевъ же въ большинствѣ случаевъ ненавидятъ отъ всего сердца. Ихъ обвиняютъ въ уменьшеніи рабочей платы, въ вытѣсненіи британскаго труда, въ томъ, что они покупаютъ лишь другъ у друга, и вообще въ томъ, что они нечистоплотны и несовсѣмъ достойные члены общества. Правда, это недоброе чувство далеко не замѣчается у всѣхъ одинаково и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ доходитъ до жестокой вражды, но оно всетаки представляетъ собою сильный контрастъ съ чувствомъ, которое обыкновенно питаютъ къ англійскимъ евреямъ».

Г. Рессель однако антисемитизма въ Уайтчепелѣ не на-

шелъ. По его словамъ, въ верхнихъ слояхъ англійскаго общества еще несомнѣнно тлѣетъ нѣкоторый расовый предрасудокъ; среди нихъ еще можно встрѣтить людей, которые не любятъ евреевъ просто по инстинкту, безъ всякой видимой причины. Въ Истѣ-Эндѣ же этого нѣтъ, Тутъ противъ еврея, какъ еврея, нѣтъ никакого враждебнаго чувства. Напротивъ, какъ мы видѣли, англійскій еврей даже очень популяренъ. Если и существуетъ вражда противъ иностраннаго элемента, то по какойнибудь реальной или воображаемой обидѣ, или же въ рѣдкихъ случаяхъ просто по нелюбви къ иностранцамъ вообще. Иногда, дѣйствительно, вражда къ евреямъ можетъ казаться враждой антисемитическаго характера, но, какъ Ресселль увѣряетъ, это только снаружи, по существу же она нѣчто совершенно другое. Такъ, напримѣръ, поссорившись съ евреемъ, англичанинъ можетъ вдругъ сдѣлаться антисемитомъ; но это будетъ временное, переходное чувство, не имѣющее корней въ самомъ складѣ ума и темпераментѣ англичанина.

Само собою разумѣется, что это отсутствіе недоброжелательства не можетъ не имѣть своего вліянія на вопросъ сближенія. Въ продолженіе всей исторіи своей евреи принуждались къ обособленности и даже замкнутости враждебными внѣшними силами и необходимостью сплотиться въ борьбѣ съ ними. Когда внѣшній гнетъ спадаетъ, сохраненіе обособленности дѣлается почти невозможнымъ, и, въ концѣ концовъ, она должна разрушиться, если только нѣтъ взаимной враждебности. Это враждебность, по мнѣнію Ресселля, и находится на пути къ исчезновенію.

«Конечно,—говоритъ онъ,—было бы абсурдомъ считать, что вопросъ такъ легко разрѣшится. Нѣкоторая доля взаимнаго антагонизма еще существуетъ. И, когда конкуренція евреевъ особенно обостряется, чувство враждебности несомнѣнно усиливается. Иностранные евреи, въ свою очередь, чувствуютъ религіозную отчужденность отъ христіанъ и отъ ихъ общества. Вотъ эти-то причины—религіозная отчужденность и конкуренція—и составляютъ два главныхъ источника обосо-

бленности, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не играетъ такой роли въ отношеніяхъ христіанъ къ *англинскимъ* евреямъ, т. е. къ евреямъ, которые однимъ или нѣсколькими поколѣніями уже отдалены отъ иностраннаго гетто.

Такимъ образомъ, соціальная сторона вопроса, въ сущности сводится къ экономической и религіозной сторонамъ.

IV.

Жалобы на конкуренцію эмигрантовъ Ресселль находятъ сильно преувеличенными. Главныя отрасли труда, въ которыхъ больше всего встрѣчаются эмигранты, это — портняжная, сапожная и столярная. По даннымъ послѣдней переписи, въ портняжной промышленности занималась цѣлая треть всѣхъ эмигрировавшихъ сюда русско-польскихъ евреевъ. И, вѣроятно, эта-же пропорція осталась и теперь. Но и въ портняжномъ дѣлѣ, несмотря на свою многочисленность, евреи собственно не конкурируютъ съ коренными рабочими, а создали свою особую спеціальность: они шьютъ дешевыя пальто. Лучшіе же сорта изготовляются попрежнему англійскими портными. Конкурируютъ поэтому между собою не рабочіе, а разные сорта товара. Рабочая плата англійскихъ портныхъ отъ наплыва евреевъ ничуть не уменьшилась. Измѣнились лишь условія производства. Въмѣсто ручной работы все больше вводится машинная — и эмигранты этимъ пользуются. Дешевыя дамскія накидки и жакетки, ввозившіяся раньше изъ Германіи, теперь, благодаря еврейской работѣ, всецѣло почти производятся въ самой Англійи. Ресселль воспроизводитъ въ доказательство очень любопытное письмо фирмы Гичкокъ, Вильямсъ и компанія, написанное на имя Дайча, который напечаталъ статью о еврейскихъ рабочихъ въ англійскомъ журналѣ «Современное Обозрѣніе» (*Contemporary Review*). «Мы, — писала эта фирма 31 января 1898 года, были, кажется, первыми изъ оптовыхъ фабрикантовъ дамскихъ накидокъ, которые взяли на фабрику евреевъ-портныхъ. И вотъ какъ это было. Въ 1885 г. появился спросъ на готовыя накидки и, для удовлетворенія

нашихъ заказчиковъ въ Англіи и колоніяхъ, мы вынуждены были выписать изъ Германіи огромныя количества этого рода одежды. Мы пробовали изготовлять ихъ на собственныхъ фабрикахъ, но безъ успѣха. Наши портнихи не могли справиться съ тяжелыми утюгами и на эту работу не шли. Между тѣмъ, мода на накидки росла, и въ 1888 г. мы уплатили Германіи 150,000 фунтовъ стерлинговъ за товары. Въ 1889 г. мы рѣшили взять еврейскихъ портныхъ изъ эмигрантовъ и поставили ихъ на работу въ только-что выстроенной нами новой фабрикѣ. Результатъ оказался удовлетворительный. Работа ихъ была превосходна, матеріалъ пошелъ въ дѣло англійскій и деньги, отправлявшіяся раньше въ Берлинъ, были распределены между британскими фабрикантами и рабочими. Годъ изъ году работа улучшалась, и наши издѣлія теперь лучше тѣхъ, которыя мы ввозили раньше. Другія англійскія фирмы послѣдовали нашему примѣру, и теперь нѣмецкая печать уже жалуется, что Германія потеряла свой вывозъ въ Англію готовыхъ дамскихъ жакетовъ и накидокъ. Нашъ опытъ показываетъ, что эти иностранцы еврей-портные изготовляютъ такой сортъ товара, какой наши рабочіе не могутъ взяться сдѣлать, и они зарабатываютъ хорошо».

Въ сапожномъ дѣлѣ евреи занимаютъ послѣднее мѣсто, и Расселль отказывается считать конкуренцію ихъ съ кореннымъ населеніемъ серьезной. Единственное вліяніе, которое наплывъ евреевъ-сапожниковъ могъ оказать, состоитъ въ замедленіи процесса перехода отъ ручной работы въ маленькихъ мастерскихъ къ машинной на фабрикахъ.

Въ столярномъ дѣлѣ евреи производятъ также главнымъ образомъ дешевый товаръ, создавшій свой рынокъ. Въ послѣдніе годы, благодаря именно еврейскимъ работамъ, сильно увеличился и вывозъ мебели изъ Англіи на континентъ Европы.

Ассимиляція между эмигрантами и коренными рабочими произошла бы быстрѣе, и конкуренція или, во всякомъ случаѣ, боязнь передъ нею была бы еще меньше, если бы еврейскіе рабочіе болѣе охотно примыкали къ существующимъ въ

Англіи тредъ-уніонамъ или держались-бы крѣпко своихъ собственныхъ союзовъ. Къ сожалѣнію, этого-то и незамѣтно. За исключеніемъ двухъ-трехъ уніоновъ, которые болѣе или менѣе упрочились, всѣ другіе еврейскіе уніоны или быстро распадаются, или же влечутъ жалкое существованіе; къ уніонамъ же англійскимъ евреи пристають очень слабо. «Фактъ тотъ, — замѣчаетъ Рессель, не лишенный тонкой наблюдательности, — что иностранный еврей легко приходитъ въ энтузіазмъ, но въ то же время онъ слишкомъ сварливъ и слишкомъ нетерпѣливъ, чтобы быть хорошимъ уніонистомъ. Ему нужны сейчасъ же результаты. Онъ не любитъ платить еженедѣльно столько-то пенсовъ, не ожидая быстро или существеннаго вознагражденія, и критически и съ недоувѣріемъ относится къ своимъ сочленамъ и служащимъ въ уніонѣ. Каждый склоненъ больше дѣйствовать на своей рискъ, и усилія организоваться не находятъ поддержки въ настоящемъ чувствѣ солидарности».

Вѣра Ресселя въ «англизацію», однако, такъ велика, что онъ и тутъ считаетъ, что по мѣрѣ того, какъ иностранецъ все больше англизируется, онъ, повидимому, все больше проникается англійскими идеями и дѣлается способнымъ страхнуть съ себя и этотъ упрекъ въ неспособности организоваться въ крѣпко-слоченные союзы.

Итакъ, и въ условіяхъ промышленныхъ Рессель не находитъ причины для постояннаго антагонизма. Недобрыя чувства, которыя могутъ возникнуть на почвѣ экономической конкуренціи, составляютъ временное явленіе и при томъ настолько быстро проходящее, что исчезаетъ уже по отношенію къ тѣмъ евреямъ-рабочимъ, которые родились въ Англіи.

«Британскіе рабочіе, — говоритъ онъ, — быть можетъ самый толерантный классъ въ мірѣ. Они добродушно сознаютъ, что даже еврей долженъ жить, а лучшіе изъ нихъ испытываютъ чувство гордости въ сознаніи, что Англія «свободная страна» и что такой она останется навсегда. Жалобы противъ «нищаго чужестранца» въ дѣйствительности можно, кажется, услышать

чаще, да и въ болѣе рѣзкихъ формахъ, въ извѣстныхъ политическихъ кругахъ, чѣмъ въ промышленныхъ».

Съ переменной условій, заставляющихъ евреевъ скопляться въ одномъ мѣстѣ, и съ замѣной маленькихъ мастерскихъ большими фабриками, въ которыхъ евреи и христіане работаютъ вмѣстѣ, обособленность на экономической почвѣ неминуемо должна исчезнуть. Здѣсь, говоритъ Ресселль, какъ и во всемъ прочемъ, ассимиляціонныя силы начинаютъ вліять главнымъ образомъ со второго поколѣнія, какъ это и видно изъ того, что въ Англіи нѣтъ какихъ нибудь специальныхъ англо-еврейскихъ отраслей труда и промышленности.

V.

Наиболѣе однако интересной для насъ въ очеркѣ Ресселля является глава, посвященная религіозной сторонѣ вопроса. Повидимому, эта сторона должна была бы представить наибольшее число камней преткновенія для изслѣдователя—христіанина. На дѣлѣ, однако оказалось, что Ресселль и въ вопросѣ о положеніи еврейской религіи въ Англіи выказалъ настолько глубокое пониманіе предмета, какое не всегда удается и еврею-изслѣдователю. Напротивъ, то, что онъ—христіанинъ, человѣкъ такъ сказать посторонній іудаизму, явилось даже нѣкоторымъ преимуществомъ, такъ какъ это дало ему возможность взглянуть на предметъ безпристрастно и всесторонне, не увлекаясь личными предразсудками или убѣжденіями.

Въ англійскомъ еврействѣ онъ, совершенно правильно подмѣтилъ два теченія: одно, такъ сказать, центристическое, консервативное, старающееся сохранить неприкосновенными всѣ ортодоксальныя формы религіи такъ, какъ практиковалось много вѣковъ тому назадъ; а другое теченіе—центробѣжное, ассимиляціонное, которое тянетъ и увлекаетъ евреевъ все дальше и дальше отъ прежнихъ формъ ихъ религіи. Барьеры между вѣроисповѣданіями, говоритъ Ресселль, вообще вездѣ рушатся, и ортодоксальный іудаизмъ врядъ-ли въ состояніи оказать болѣе сильное противодѣйствіе критической мысли

чѣмъ другія религіи. Но кромѣ этого интеллектуальнаго разрушителя, общаго всѣмъ религіямъ, еще болѣе сильно должна дѣйствовать новая, болѣе легкая жизнь, являющаяся всегда опасной, если не фатальной, для религіи, приноровленной къ бѣдствіямъ и страданіямъ. Давно вѣдь извѣстно: «И утучнѣлъ, Израиль, и сталъ упрямъ». Вотъ почему Ресселль и открылъ такую глубокую пропасть между иммигрантами и англійскими евреями какъ разъ тамъ, гдѣ ея можно было меньше всего ожидать, именно въ религіозномъ отношеніи. Первые представляютъ собою элементъ консервативный, а вторые—ассимиляціонный. Признакъ ослабленія еврейской религіи христіанскій авторъ видитъ во все болѣе растущемъ пренебреженіи къ религіозной обрядности, къ соблюденію святости субботняго дня и въ холодномъ отношеніи англійскихъ евреевъ къ сіонизму. Какъ примѣръ того, насколько суббота перестала почитаться евреями, Ресселль приводитъ разсказъ проповѣдника Когена, напечатанный въ журналѣ «Молодой Израиль». Когенъ однажды задалъ вопросъ дѣтямъ въ еврейской школѣ: «отчего Богъ отдыхалъ на седьмой день?» Нѣкоторое время дѣти сидѣли въ полномъ молчаніи, но затѣмъ поднялся одинъ ребенокъ и бойко отвѣтилъ: «потому что это было воскресенье».

Конечно вопросъ самъ по себѣ крайне неудачный и могъ быть заданъ только такими ограниченными людьми, какими въ большинствѣ случаевъ и бываютъ англійскіе проповѣдники, христіане или евреи; но отвѣтъ еврейскаго мальчика, безспорно, очень характеренъ.

Нарушеніе субботы не является, однако, признакомъ для однихъ англійскихъ евреевъ. По словамъ Ресселля, и эмигранты быстро усваиваютъ этого рода англазацію, и русско-польскій еврей, поживъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, начинаетъ быстро ассимилироваться въ религіозномъ отношеніи. Но всетаки въ Истѣ-Эндѣ еврейство все еще сохранилось почти въ своей русско-польской чистотѣ. Эти два противоположныхъ теченія не могли, конечно, не вызвать борьбы и раскола, которые, по мнѣнію нашего изслѣдователя, въ свою очередь, должны содѣйство-

вать дальнѣйшему распатыванію іудаизма въ Англіи. Примѣровъ этого раскола можно найти въ жизни евреевъ въ Англіи не мало, но Расселль останавливается лишь на двухъ-трехъ, болѣе характерныхъ. Какъ примѣръ отношенія евреевъ Истѣ-Энда къ попыткамъ англазаціи, онъ приводитъ резолюцію, принятую нѣсколько времени тому назадъ на митингѣ «среди шумнаго энтузіазма». Митингъ былъ созванъ для выраженія протеста противъ англійскихъ евреевъ, которые себѣ позволили на одной изъ своихъ конференцій критиковать систему хедеровъ. Резолюція гласила: «Мы, евреи Истѣ-Энда, протестуемъ противъ обсужденія вопроса о хедерахъ и талмудъ-торѣ на конференціи по вопросамъ элементарнаго образованія.

«Мы не признаемъ евреевъ Вестѣ-Энда, (т. е. англійскихъ, живущихъ въ западной части Лондона) авторитетами въ вопросахъ религіознаго образованія и изученія еврейскаго языка».

При этомъ рѣчи на митингѣ отличались крайней рѣзкостью и враждебностью.

Какъ прямое слѣдствіе религіознаго антагонизма между истѣ-эндскими и вестѣ-эндскими евреями, было нѣсколько лѣтъ тому назадъ основано общество «Махазикѣ Гадасъ» (защитниковъ закона), не признающее авторитета главнаго раввина и придерживающееся самой строгой ортодоксіи. Въ сентябрѣ 1898 г. общество это открыло въ центрѣ русско-еврейскаго населенія собственную синагогу съ талмудъ-торой, самую большую въ Истѣ-Эндѣ, рассчитанную на двѣ тысячи мѣстъ. Въ талмудъ-торѣ обученіе происходитъ на жаргонѣ, такъ какъ члены «Махазикѣ Гадасъ» считаютъ англійскій языкъ слишкомъ вульгарнымъ, чтобы учиться на немъ древне-еврейскому языку. Синагота обошлась около 60,000 рублей, собранныхъ исключительно среди евреевъ Истѣ-Энда. Фактъ, конечно, замѣчательный, указывающій на размѣры консервативной силы. Расселль, однако, полагаетъ, что это отдѣленіе ортодоксіи отъ офіціального англійскаго еврейства не только не охранитъ ее, а скорѣе еще больше распатаетъ и ослабитъ. «Не подлежитъ сомнѣнію, — говоритъ онъ, — что новая система окажется огром-

ной силой на сторонѣ ортодоксіи. Она вѣроятно привлечетъ значительную часть новыхъ иммигрантовъ и, что касается послѣднихъ, явится тормазомъ на пути ихъ ассимиляціи. Но съ другой стороны, подчеркивая разницу между ортодоксальными и не-ортодоксальными евреями, она, пожалуй, окажетъ противоположное вліяніе и многихъ оттолкнетъ... «Большинство иммигрантовъ, — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ не безъ ѣдкой хотя и скрытой ироніи: — охвачено тщеславіемъ сдѣлаться англичанами, и семи или восьми лѣтъ пребыванія въ странѣ достаточно, чтобы они стали смотрѣть съ презрѣніемъ на «иностранцевъ». Англійскіе евреи соціально стоятъ выше, и естественно, что именно Истѣ-Эндскіе выскочки выказываютъ наибольше пренебреженія къ жаргонной части еврейства. Во многихъ слояхъ къ ортодоксіи стали относиться съ пренебреженіемъ именно потому, что она отождествляется съ религіей иммигрантовъ, стоящихъ на самой низкой ступени соціальной лѣстницы».

Общество Махазике Гадасъ, такъ сказать, отрѣзало себя отъ англійскаго еврейства и потому больше не стоитъ на пути естественнаго ассимиляціоннаго теченія.

Другой примѣръ раскола представляетъ собою сіонизмъ, на которомъ Ресселль останавливается довольно долго. Онъ разсматриваетъ его со всѣхъ точекъ зрѣнія и цитируетъ разныхъ авторитетовъ. Онъ нашелъ, что въ Англійи сіонизмъ имѣетъ другое значеніе, чѣмъ за границей. Здѣсь онъ религіозный, тамъ — политическій. За границей на сіонизмъ смотрятъ, какъ на рѣшеніе еврейскаго вопроса, какъ на средство къ облегченію участи евреевъ. Здѣсь же, въ Англійи, онъ представляетъ собою не больше, какъ протестъ ортодоксіи противъ ассимиляціи. «Сіонизмъ, культъ національной идеи, провозглашается здѣсь, какъ убѣжище отъ потопа въ христіанскомъ морѣ. Ассимиляція считается многими фатальной для іудаизма и поворотнымъ концомъ для еврейской исторіи». Этимъ Ресселль объясняетъ тотъ фактъ, что во главѣ движенія стоятъ не англійскіе евреи и вообще не тѣ, которые принадлежатъ къ прогрессивной части англійскаго еврейства, а раввинъ общества «Махазике Гадасъ» и д-ръ Гастеръ. Ресселль приводитъ въ доказа-

тельство своей мысли даже заявленіе послѣдняго, сдѣланное на конгрессѣ въ Базелѣ, что «религіозный элементъ лежитъ въ самой основѣ движенія», и революцію, принятую по предложенію того же Гастера, что и сіонизмъ ничего не предприметь, что было бы не согласно съ закономъ еврейской религіи».

Религіозный характеръ сіонизма въ Англии настолько выступаетъ впереди всего, что самъ Герцль подвергся нападкамъ за недостаточное подчеркиваніе религіозной стороны вопроса.

Разсуждая съ англійской точки зрѣнія, Ресселль считаетъ положеніе сіонистовъ въ Англии крайне двусмысленнымъ. «Если говорить безъ обиняковъ,—читаемъ мы у него,—то дѣло представляется намъ такъ: сіонисты хотятъ пользоваться положеніемъ, привилегіями и благосклонностью, сопряженными съ англійскимъ гражданствомъ, но въ то-же время они твердо отказываются окончательно пристать къ англійскому народу. Они хотятъ обезпечить себѣ право на обѣтованную землю, не отказываясь и отъ «мясныхъ блюдъ» Египта. Такое отношеніе болѣе понятно, чѣмъ логично, и врядъ-ли можетъ долго продолжаться».

VI.

Собственно говоря, если вѣрить Ресселлю, то англація является единственнымъ разрушительнымъ элементомъ іуданзма. Другимъ факторамъ авторъ не придаетъ никакого значенія. Соціализмъ, хотя и можетъ имѣть разрушающее вліяніе, не опасенъ, потому что, по словамъ Ресселля, среди иностранныхъ евреевъ въ Истѣ-Эндѣ онъ распространенъ мало, да и еврей вообще по натурѣ своей—индивидуалистъ. И хотя еврей достаточно мечтатель, чтобы увлекаться какими бы то ни было утопіями, но соціализмъ—слишкомъ чуждый его натурѣ идеаль. «Даже тѣ, которые были соціалистами въ Россіи, повидимому ничего не находятъ по своему вкусу въ соціализмѣ англійскихъ рабочихъ, не настолько пламенномъ и революціонномъ, чтобы разжигать ихъ энтузіазмъ».

Еще меньше вліянія на іуданзмъ въ состояніи оказать

миссіонерскія общества, имѣющія цѣлю обращеніе евреевъ. Сдѣлавъ краткій обзоръ ихъ дѣятельности, Расселль приходитъ къ заключенію, что они не только не содѣйствуютъ ассимиляціи, но еще мѣшаютъ ей.

Расселль признаетъ, что какъ сіонисты, такъ и «защитники Закона» могутъ и преувеличивать свои опасенія насчетъ еврейской религіи. Сіонизмъ, говоритъ онъ, во всякомъ случаѣ скорѣе дѣло энтузіазма, а ультра-ортодоксы слишкомъ узки въ своихъ взглядахъ, слишкомъ фанатичны, чтобы полагаться на ихъ пониманіе будущихъ судебъ еврейства. Возможно, что ихъ вражда къ обангличанившимся братьямъ своимъ основана лишь на одномъ предубѣжденіи, и религія, которую они такъ ревностно оберегаютъ, состоитъ не больше, какъ изъ суевѣрной привязанности къ старымъ формамъ. Но онъ всетаки думаетъ, что обрядовой элементъ въ іудаизмѣ и составлялъ въ теченіе вѣковъ тотъ барьеръ, который рѣзко отдѣлялъ евреевъ отъ христіанъ. И хотя можно часто слышать отъ англійскихъ евреевъ, что важна суть іудаизма, а не формы, но отдѣлить ихъ на дѣлѣ, по мнѣнію Расселля, невозможно безъ того, чтобы не потрясти основы іудаизма. «Повидимому, говоритъ онъ, іудаизмъ, освобожденный отъ всѣхъ обрядовыхъ наростовъ, имѣлъ бы очень мало шансовъ на существованіе. Съ процессомъ англизаціи растетъ и пренебреженіе къ обрядности, и нельзя сказать, чтобы замѣчалось среди евреевъ какое-либо спиритуалистическое оживленіе, которое бы сильно противодѣйствовало разрушительнымъ элементамъ».

Съ другой стороны, онъ однако тутъ же вынужденъ признать тотъ фактъ, что и тѣ евреи, которые совсѣмъ отказались отъ обрядовой стороны, далеко еще не оставляютъ монотеистической основы іудаизма, а этого вполне достаточно, чтобы они считали себя евреями. Бываетъ даже и такъ, что человекъ—атеистъ, а онъ все еще продолжаетъ чувствовать себя евреемъ, просто вслѣдствіе расоваго инстинкта. Это приводитъ нашего безпристрастнаго изслѣдователя къ выводу, что полная ассимиляція можетъ наступить лишь тогда, когда смѣшанные браки

стануть обычными явленіями. И онъ полагаетъ, что если ассимиляціонныя силы будутъ дѣйствовать такъ-же широко, какъ теперь, то браки между евреями и христіанами сдѣлаются дѣйствительно очень распространенными. «Остатокъ религіознаго и расоваго чувства, пережившій упадокъ ортодоксіи, самъ по себѣ крайне неопредѣленная и преходящая вещь и наврядъ-ли можетъ долго сохраниться, послѣ того какъ исчезли формы и церемоніи, въ которыхъ оно находило выраженіе».

Но если даже допустить, что полная ассимиляція возможна, то слѣдуетъ-ли ее желать, какъ съ точки зрѣнія евреевъ, такъ и англичанъ? На этотъ вопросъ Ресселль отвѣчаетъ утвердительно. «Если, говорить онъ, евреи навсегда останутся обособленными, то они, вѣроятно, также навсегда останутся источникомъ тревогъ и обидъ. Но если они находятся на пути полного растворенія въ національной жизни, то несомнѣнно приговоръ долженъ быть въ ихъ пользу. Что-бы ни говорили о еврейскомъ характерѣ, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что примѣсъ еврейской крови внесла бы прекрасную силу въ поколѣніе англичанъ».

Ресселль однако, предупреждаетъ, что подъ ассимиляціей ничуть не слѣдуетъ подразумѣвать полное исчезновеніе еврейской расы. Мысль о такомъ исчезновеніи онъ считаетъ абсурдомъ. Ассимиляція, это—процессъ, который въ большой или меньшей степени происходитъ на протяженіи всей еврейской исторіи. Вопросъ лишь въ томъ, насколько этотъ процессъ въ будущемъ расширится или сужится.

Что же касается до точки зрѣнія самихъ евреевъ, то Ресселль признаетъ, что, конечно, всякое отступленіе отъ историческихъ традицій сопряжено съ нѣкоторой потерей; но если эти традиции пережили свою цѣль и смыслъ, а быть можетъ даже приобрѣли вредное теченіе, то потеря болѣе чѣмъ вознаграждается. И въ цѣломъ, если можно было бы подсчитать выигрыши и потери, то Ресселль не сомнѣвается, что на сторонѣ ассимиляціи оказались бы выигрыши.

Таково главное содержаніе очерка Ресселля, которое мы

почти исчерпали. Въ дополненіе къ нему данъ очеркъ Люиса.

VII.

Какъ еврей, Люисъ говоритъ, конечно, о столь близкомъ ему предметѣ съ большимъ знаніемъ и съ большимъ авторитетомъ. Но само собою разумѣется, что его отзывы объ истъ-эндскихъ евреяхъ не могутъ быть для насъ столь интересны, какъ отзывы челоуѣка посторонняго. Новаго, впрочемъ, Люисъ рѣшительно ничего не прибавилъ. Въ общемъ онъ подтверждаетъ взгляды Ресселля, каждый разъ, однако дополняя ихъ своимъ «съ другой стороны». Какъ мы уже замѣтили, Люисъ хватаетъ черезъ край и вслѣдствіе того рядомъ съ еврейскими достоинствами онъ готовъ поставить и такіе недостатки, существованіе которыхъ у евреевъ болѣе чѣмъ сомнительно и во всякомъ случаѣ далеко не составляютъ преобладающей черты еврейской. Конечно, рѣчь идетъ объ уайтчепельскихъ евреяхъ, а не объ английскихъ; первые же, какъ всѣмъ и каждому извѣстно, не могутъ быть такъ высоко благородны и прекрасны, какъ ихъ английскіе соплеменники; но всетаки и среди эмигрантовъ далеко уже не такъ распространены тѣ грѣхи, которые имъ бросаетъ въ лицо Люисъ. Онъ, на примѣръ, указываетъ на лжесвидѣтельство, какъ на специальный грѣхъ польско-русскихъ иммигрантовъ; но весь его авторитетъ—это отзывъ одного судьи. Вообще весь очеркъ Люиса напоминаетъ щедринское «съ одной стороны нельзя не признаться, но съ другой стороны нельзя не сознаться». Такая погоня за объективностью не даетъ ему возможности высказаться ни о чемъ рѣшительно. Какъ на примѣръ, укажемъ здѣсь лишь на его отношеніе къ сіонизму, о которомъ онъ говоритъ очень много, умудряясь всетаки ничего опредѣленнаго не сказать.

«Вопросъ о сіонизмѣ, говоритъ онъ, касается болѣе глубоко евреевъ, чѣмъ всякій другой, который мы здѣсь обсуждаемъ». Люисъ согласенъ съ своимъ христіанскимъ коллегой, что если іудаизмъ имѣетъ будущность, что она можетъ быть достигнута

лишь преслѣдованіемъ идеала, «существенно одинаковаго съ сіонизмомъ», и этотъ идеаль онъ находитъ въ лозунгѣ: «Израиль—нація». Его выразилъ герой романа «Давидъ Деронда» въ слѣдующихъ словахъ: «Идея, охватившая меня, состоитъ въ возстановленіи политическаго существованія моего народа, въ томъ чтобы сдѣлать его опять самостоятельнымъ, дать ему національный центръ, подобно тому какъ его имѣютъ англичане, хотя они также разсыяны по всему земному шару».

По словамъ Люиса, вопросъ о еврейской національности для современнаго Израиля болѣе серьезный, чѣмъ для евреевъ въ прежнія времена. Тогда вѣра была крѣпка и наивна, и въ ней евреи могли находить утѣшеніе и убѣжище, если дѣла въ окружающемъ мірѣ становились уже очень печальны. Вся жизнь управлялась тогда религіозными предписаніями, исполненіе которыхъ никого не стѣсняло. Пусть себѣ другіе нападаютъ на еврейскій законъ, но сами евреи были глубоко проникнуты убѣжденіемъ въ божественности его происхожденія; они вѣрили, что онъ существовалъ раньше, чѣмъ міръ, будучи начертанъ «чернымъ огнемъ на бѣломъ огнѣ», и что онъ полонъ небесныхъ тайнъ въ каждой точкѣ, въ каждой черточкѣ своей. Покуда существовало это убѣжденіе, раствореніе среди христіанъ было невозможно. Теперь же для большинства евреевъ такая наивность вѣры недоступна. Большинство изъ насъ уже видитъ въ Библии и традиціяхъ дѣло рукъ человѣческихъ. Иудаизмъ, правда, сохранился еще, какъ выраженіе чистой монотеистической вѣры, но въ этомъ отношеніи онъ мало чѣмъ отличается отъ многихъ другихъ исповѣданій и врядъ ли способенъ удержать евреевъ въ прежней цѣлостности. Евреи поэтому могутъ оправдать и сохранить свою обособленность, лишь признавъ себя націей. Право-же на сохраненіе своей національности евреи имѣютъ не меньшее, чѣмъ другіе народы. Каждая раса призвана внести что-либо свое въ общее благо человѣчества, въ то же время развиваясь своими особыми путями. «Сила и богатство человѣка зависятъ отъ равновѣсія между обособленностью

и общностью», — цитируетъ еще разъ Люисъ изъ романа «Даніилъ Деронда». Свойства еврейской расы заслуживаютъ того чтобы ихъ сохранили и требуютъ лишь свободы для своего полного развитія. Свѣтъ былъ бы бѣднѣй безъ нихъ».

Какъ видите, до сихъ поръ Люисъ какъ будто правовѣрный сіонистъ. Но погоня за безпристрастіемъ не позволяетъ ему долго держатся чего-либо одного, и онъ поэтому сейчасъ же переходитъ на другую сторону, предварительно проложивъ себѣ мостикъ изъ слѣдующихъ переходныхъ разсужденій: «Въ концѣ-концовъ это вопросъ второстепенный, должна-ли Палестина стать сразу право-охраненнымъ убѣжищемъ для еврейской расы или просто центромъ еврейской колонизаціи. Политическій сіонизмъ можетъ быть лишь переходной фазой. Идеи же, на которыхъ онъ основанъ, вѣчны. Чувство солидарности, соединяющее еврея съ евреями, противящееся смѣшаннымъ бракамъ и выражающееся такими національными праздниками, какъ пасха, останется долго послѣ того, какъ всѣ споры, вызванные базельскимъ и лондонскими конгрессами, будутъ позабыты». И это послѣ того какъ онъ только что самъ заявилъ, что вопросъ о сіонизмѣ «самый глубокий, какой только тутъ обсуждается!» Благополучно перебравшись черезъ свой мостикъ, Люисъ уже однимъ скачкомъ оказывается на противоположномъ берегу и свои мысли о сіонизмѣ онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Во всякомъ случаѣ сіонизмъ только одна сторона іудаизма и пока не имѣетъ рѣшающаго значенія въ еврейской жизни и мысли. Современный іудаизмъ много обязанъ тѣмъ, которые смотрятъ на свою религію не какъ на сборный пунктъ національности, а какъ на возвышенный духовный факторъ. И честь и слава всѣмъ тѣмъ, которые держатся послѣдняго взгляда!» Какой съ божьей милостью оборотъ!

Люисъ отвергаетъ обвиненіе, выдвинутое Расселлемъ противъ англійскихъ евреевъ въ равнодушіи къ религіи и общиннымъ дѣламъ. «Теперь, — говоритъ онъ, — встрѣчается гораздо больше личныхъ услугъ и социальной работы на пользу бѣдныхъ, чѣмъ бывало въ прежнемъ поколѣніи. Увы, матеріализмъ и инди-

ферентность довольно распространены, но есть и достаточно доказательствъ (съ одной стороны нельзя не сознаться) религиозной ревности какъ среди неортодоксальной, такъ и ортодоксальной части еврейства... Въ прошломъ, когда общинная жизнь была болѣе компактна и евреи обращались лишь въ кругу своихъ единовѣрцевъ, могло существовать однообразіе религиозныхъ формъ безъ внутреннихъ убѣжденій. Теперь-же цензура, оказывавшаяся однимъ евреемъ надъ другимъ, стала невозможной, и каждый изъ насъ болѣе склоненъ поступать такъ, какъ подсказываетъ ему его собственное убѣжденіе, а не взгляды и совѣты другого. Это гораздо болѣе здоровое состояніе и, хотя оно ведетъ къ равновѣрью, зато даетъ болѣе достойную религиозную жизнь. Если раствореніе наступитъ, то это будетъ результатомъ индиферентности; развивая же дѣятельные и возвышенные идеалы національной и религиозной жизни, мы избѣгнемъ эгоистической обособленности и сдѣлаемъ нашу расу дѣйствительно «благословеніемъ среди народовъ міра».

Въ общемъ философія Люиса напоминаетъ разсужденіе хохла: «може буде, може не, може дождикъ, може снигъ».

С. И. Рапопортъ.

Памяти З. К. Минора ¹⁾.

Это было въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, въ пору подготовленія Уваровской реформы еврейскаго учебнаго дѣла. Въ средѣ русскаго еврейства, гдѣ до того лишь легкая, по временамъ появлявшаяся на поверхности зыбь свидѣтельствовала о происходившемъ внутри броженіи, обнаружилось значительное общественное движеніе. Немногочисленный, правда, кругъ „маскилимъ“ — „друзей новаго просвѣщенія“, зато одаренный живымъ стремленіемъ къ свѣту и къ новымъ, лучшимъ условіямъ жизни, ободренный встрѣченными имъ извнѣ поощреніемъ, проявляетъ наканунѣ этой реформы кипучую дѣятельность. О ней свидѣлствуютъ многочисленныя циркулировавшія тогда и частью дошедшія до насъ посланія „маскилимъ“ разныхъ городовъ относительно предстоящаго открытія школъ и связанныхъ съ нимъ разныхъ вопросовъ еврейскаго общественнаго быта; отголоски ея звучатъ также и въ еврейской литературѣ того времени. И въ ряду тѣхъ вопросовъ, которые волновали тогдашнюю нашу интеллигенцію, первенствующее мѣсто занималъ вопросъ о реорганизаціи, улучшеніи нашего раввината. „Настало время врачеванія тяжелыхъ и кровавыхъ ранъ—читаемъ мы въ проникнутомъ энтузіазмомъ циркулярѣ виленскихъ „маскилимъ“ къ еврейскимъ общинамъ—раздался наконецъ гласъ мира, который обращенъ и къ намъ, который призываетъ насъ страхнуть съ себя фанатизмъ и стремиться къ знанію и совершенствованію. Кто можетъ не восхищаться этимъ; кто можетъ не согрѣваться лучами восходящаго солнца?“ И переходя затѣмъ къ анализу золь тогдашняго еврейскаго быта, виленскіе „маскилимъ“ усматриваютъ первый и главнѣйшій источникъ ихъ—въ отсутствіи надлежащихъ представителей

*) Читано въ общемъ собраніи Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи 31 декабря, 1900 г.

раввината. Созданіе новаго типа раввиновъ, путемъ учрежденія раввинскихъ училищъ, является, по ихъ мысли, мѣрою неотложною, долженствующею оказать глубокое вліяніе на жизнь русскихъ евреевъ¹⁾. Не меньшее вниманіе удѣляется вопросу о новомъ раввинатѣ также и въ посланіяхъ „маскилимъ“ Дубна и нѣкоторыхъ другихъ городовъ²⁾. Въ обнародованномъ недавно въ одномъ изъ еврейскихъ сборниковъ письмѣ С. І. Фина отъ 1840 г., весьма характерномъ для настроенія тогдашней интеллигенціи, находимъ подробно разработанный проектъ реорганизаціи и устройства раввината. Трудно найти какую либо общественную функцію, которая, по мысли молодого Фина, не входила бы въ задачу проектируемыхъ имъ новыхъ губернскихъ и уѣздныхъ раввиновъ; не говоря уже о религиозныхъ функціяхъ раввина, въ его лицѣ должны быть сосредоточены и надзоръ за училищнымъ дѣломъ и частнымъ преподаваніемъ, и наблюденіе за проповѣдниками и магидами, производство имъ испытаній, равно какъ и меламедамъ, даже надзоръ за произведеніями еврейской печати и т. д.³⁾. Въ этихъ и имъ подобныхъ сужденіяхъ тогдашнихъ нашихъ „маскилимъ“ было, конечно, не мало чрезмѣрной вѣры въ спасительную силу внѣшней регламентаціи, немало доктринерства, естественно вызывавшагося самими условіями еврейскаго воспитанія и быта, но въ нихъ властно даетъ себя знать стремленіе къ лучшему будущему, глубокая вѣра въ силу просвѣщенія и въ его благотворное вліяніе на дальнѣйшія судьбы родного народа. И въ центрѣ этихъ радужныхъ упованій и чаяній, которыхъ исполнены были въ ту пору наши „маскилимъ“, стоялъ новый, грядущій типъ раввина; подобно Пушкинскому герою, еще «незримый онъ былъ милъ» тогдашней еврейской интеллигенціи, этотъ будущій питомецъ раввинскаго училища, съ которымъ связывалось столько дивныхъ надеждъ и ожиданій: онъ исцѣлитъ недуги еврейской жизни, обновитъ нашъ религиозно-общинный бытъ, онъ улучшитъ условія нашего воспитанія, создастъ у насъ еврейскую науку, которая раскроетъ всю пол-

¹⁾ „Allg. Zeit. d. Judenthums“ 1841 г. № 2; „מסכת חכמות“ стр. 53.

²⁾ „מסכת חכמות“ стр. 56.

³⁾ „מסכת חכמות“ т. III стр. 153—156.

Книжки Восхода, кн. 2.

ноту содержанія іудаизма и богатство историческихъ судебъ еврейскаго народа,—словомъ, онъ совершитъ коренную реформу чуть ли не всѣхъ сторонъ нашего общественно-культурнаго быта...

Я думаю, что не согрѣшу противъ истины, если скажу, что общественный раввинатъ, въ цѣломъ, какъ учрежденіе, не оправдалъ этихъ многообразныхъ упованій, возлагавшихся на него нашими людьми 40-хъ годовъ. Были тому, конечно, причины; но не здѣсь мѣсто вдаваться въ разсмотрѣніе этихъ причинъ, частью лежавшихъ въ самомъ строѣ и организациі этого института, частью же въ тѣхъ условіяхъ—внѣшнихъ и внутреннихъ, въ которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Но не давъ осуществленія надеждъ, связывавшихся съ рожденіемъ этого института, нашъ раввинатъ за полувѣковое свое существованіе выдвинулъ нѣсколько представителей, стяжавшихъ крупныя заслуги на избранномъ ими поприщѣ. И въ ряду ихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ почившему въ самомъ началѣ истекающаго года почетному члену нашего Общества Минору.

З. К. Миноръ родился въ 1826 г., въ столицѣ еврейскаго знанія—въ Вильнѣ. Соотвѣтственно обычнымъ условіямъ тогдашняго еврейскаго воспитанія, онъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ введенъ былъ въ изученіе богословской догматики; рано стали обнаруживаться въ немъ недюжинныя способности—двѣнадцати лѣтъ онъ уже переходитъ къ самостоятельнымъ, безъ помощи учителя, талмудическимъ штудіямъ. Въ его воспитаніи сказались выгодныя особенности „литовскаго Іерусалима“, гдѣ еще ощущалось вліяніе идей виленскаго Гаона, благодаря которому изученіе Библии и его языка не составляло запретнаго предмета для школьнаго юношества. Въ сравнительно зрѣломъ возрастѣ, 22-хъ лѣтъ, Миноръ поступилъ въ только что открывшееся Виленское раввинское училище, уже обладая большою эрудиціею въ области Талмуда и раввинской литературы и глубокимъ знаніемъ еврейскаго языка. Въ числѣ немногихъ сотоварищей онъ принадлежалъ къ первому выпуску этого училища, 1853 года. Вслѣдъ за тѣмъ онъ занялъ здѣсь каеедру Талмуда. Въ качествѣ преподавателя раввинскаго училища, Миноръ усердно трудился надъ тѣмъ, чтобы вселять своимъ слуша-

телямъ сознание значенія и важности обязанностей, ожидающихъ ихъ на поприщѣ общественнаго раввина: „Раввинъ—говорить онъ въ одной изъ тогдашнихъ своихъ рѣчей—долженъ быть тѣмъ же для каждаго израильянина и для всего народа, чѣмъ былъ или долженствовалъ быть для нихъ въ свое время первосвященникъ, а именно—провозвѣстникомъ самого Бога на землѣ. Подобно первосвященнику, да хранить онъ въ своемъ духѣ и въ своемъ сердцѣ вѣчную заботливость о своемъ народѣ, и всякое движеніе его сердца да будетъ посвящено благосостоянію народа, каждое возбужденіе его вѣчно-дѣятельнаго духа да будетъ теплою мыслью объ усовершенствованіи и облагороженіи его единовѣрцевъ. А если случится ему предстать предъ судомъ страны въ интересахъ своего народа,—пусть будетъ онъ усерднымъ его защитникомъ. Пусть безустанно защищаетъ онъ свою націю отъ всѣхъ враждебныхъ поклеповъ извнутри и извнѣ и, прислушиваясь къ голосу народа, молящаго объ удовлетвореніи, пусть онъ первый возьмется,— не за мечъ, конечно, а за перо, пусть бодро и мужественно обращаетъ его противъ всякаго ненавистника, завистника и клеветника, и не слагаетъ его до тѣхъ поръ, пока не отомститъ за оскорбленіе и не обратитъ ненависть въ любовь, или, по крайней мѣрѣ, въ уваженіе“¹⁾). Этотъ же идеалъ раввина—самоотверженнаго служителя духовныхъ интересовъ паствы и ратоборца за родной народъ—Миноръ всегда по мѣрѣ силъ старался осуществить и въ своей раввинской дѣятельности. Она началась въ 1859 г., съ приглашеніемъ его на кафедру въ Минскъ благодаря стараніямъ кружка мѣстныхъ интеллигентовъ, съ Л. О. Левандою во главѣ, которымъ пришлось предварительно выдержать горячую и упорную борьбу съ охранителями старины, не желавшими допустить замѣщеніе раввинской кафедры представителемъ новаго поколѣнія. Для характеристики отношенія послѣднихъ къ общественному раввину, небезинтересно привести передаваемый мѣстными старожилами слѣдующій анекдотъ: Предшественникомъ Минора состояло одно лицо, почти совершенно незнакомое съ русскою рѣчью и вдобавокъ косноязычное—выбрали его только для того, чтобы

¹⁾ „Der Rabbiner u. der Lehrer“ Rede v. Z. Minor (Вильна 1858 г.).

вакансія съ виду не оставалась незамѣченной. И вотъ, разсказываютъ, когда мѣстный администраторъ указалъ представителямъ общины на неудобство подобнаго выбора, то получилъ отъ одного изъ нихъ откровенный отвѣтъ: мы бы рады были остановиться на нѣмомъ, да нельзя—законъ не позволяетъ! Въ теченіе десятилѣтней раввинской дѣятельности въ Минскѣ Миноръ много трудился надъ усовершенствованіемъ мѣстныхъ общинныхъ учреждений; онъ былъ первымъ изъ числа нашихъ общественныхъ раввиновъ, выступавшимъ съ синагогальною проповѣдью на русскомъ языкѣ. Богатство агадическаго матеріала, серьезная содержательность, отзывчивость къ нуждамъ жизни—отличительная черта его рѣчей. Глубоко проникнутый просвѣтельными идеалами той эпохи, съ которою совпала начальная пора его общественнаго служенія, усматривая въ знаніи и просвѣщеніи залогъ будущаго для своего народа, онъ стремился своими поученіями будить въ слушателяхъ стремленіе къ самоусовершенствованію и самопознанію. Выѣстъ съ тѣмъ онъ не мало заботился о насущныхъ образовательныхъ нуждахъ своей паствы. Такъ, по его инициативѣ, въ Минскѣ въ 1861 г. открыта была еврейскимъ обществомъ бесплатная субботняя и вечерняя школа для ремесленниковъ ¹⁾, и годъ спустя—публичная бібліотека.

Въ 1869 г. Миноръ приглашенъ былъ на должность раввина въ Москву. Здѣсь, въ этой юной общинѣ, съ пестрымъ пришлымъ населеніемъ, еще не обставленной необходимыми религиозными учреждениями, открылось для него обширное поле дѣятельности. Въ его рѣчахъ при закладѣ и освященіи въ 1870 г. еврейскаго молитвеннаго дома въ Москвѣ (на Солянкѣ) нашли себѣ прекрасное выраженіе тѣ чувства радости и удовлетворенія, которыя подсказывались этимъ столь знаменательнымъ событіемъ въ жизни его паствы. Но эти чувства—какъ справедливо указывалъ Миноръ—не должны заглушать сознанія нравственно-религиозной связи съ единовѣрцами, поставленными въ менѣе благоприятныя внѣшнія условія, пребывающими тамъ, въ чертѣ осѣдлости. „Мы никакъ не должны забыть, что желая образовать передовой отрядъ нашего народа,

¹⁾ „Сіонъ“ № 22 и 34.

мы не должны слишком отступать отъ религиозныхъ воззрѣній всѣхъ нашихъ собратьевъ по религіи. Отрядъ тогда только остается передовымъ, когда онъ не теряетъ изъ виду главной арміи—въ противномъ случаѣ онъ легко можетъ сдѣлаться и дѣйствительно дѣлается легкою добычею арміи непріятельской“¹⁾. Наряду съ молитвеннымъ домомъ, стараніями Минора здѣсь вызваны были и другія общинныя учрежденія—благотворительныя и образовательныя; много труда и энергіи, свидѣтельствовавшихъ о твердомъ сознаніи долга пастыря, положено было на пользу ихъ Миноромъ, и этимъ качествамъ онъ оставался вѣренъ всегда—какъ въ пору мирнаго благополучія своей паствы, такъ и въ наступившіе впослѣдствіи дни испытаній...

Таковъ онъ былъ въ качествѣ раввина. Въ его духовномъ складѣ была одна черта, которая выдѣляла его изъ среды рядовыхъ носителей раввинскаго званія. Я говорю о научныхъ интересахъ и наклонностяхъ, которыя всегда давали себя знать въ Минорѣ. Любимѣйшимъ предметомъ этихъ его занятій служила исторія евреевъ въ Польшѣ и Россіи. Въ собраніи нашего Общества, проявляющаго заботы о собираніи и храненіи памятниковъ еврейской старины въ Россіи, не можетъ не быть отмѣчено, что по выработанному Миноромъ уставу публичной библиотеки, въ 1862 г. открытой еврейскимъ обществомъ г. Минска, библиотека эта, между прочимъ, ставила своею задачею „собираніе источниковъ и матеріаловъ для изученія... исторіи еврейскаго народа вообще и исторіи его въ западномъ краѣ въ особенности“²⁾. Матеріалы этого рода—какъ рукописныя, такъ и старопечатныя—покойный всегда собиралъ съ большою любовью и тщательностью и обладалъ значительною коллекціею ихъ, весьма цѣнною для изученія исторіи польско-русскихъ евреевъ. Этой же области онъ посвятилъ немало литературныхъ работъ. Напечатанная имъ въ „Приложеніяхъ къ Гагармелю“ 1866 г.³⁾ серія историческихъ статей „О западно-русскихъ евреяхъ“ обличала въ авторѣ основательное знакомство съ первоисточниками и значительную эрудицію по этому предмету, который въ ту пору еще такъ мало затро-

¹⁾ „Рѣчи“ вып. I стр. 16 (Москва 1875 г.).

²⁾ „Сіонъ“ № 39.

³⁾ №№ 11—25.

нуть былъ нашею литературою. Учебная литература также привлекала къ себѣ его вниманіе; имъ выпущено въ русскомъ переводѣ „Руководство по еврейской исторіи“ Элькана, которое онъ дополнилъ популярнымъ очеркомъ исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ.

Но научныя влеченія и раввинскія обязанности не заглушали въ немъ интереса къ текущей общественной жизни родного народа. Объ этомъ свидѣтельствовала его обширная и многообразная публицистическая дѣятельность. Было бы утомительно перечислять многочисленныя статьи его, появившіяся какъ въ общей печати, такъ и въ специально-еврейскихъ изданіяхъ, начиная съ „Сіона“ и кончая „Русскимъ Евреемъ“. Въ совершенствѣ владѣя еврейскимъ стилемъ, покойный помѣстилъ также не мало статей—по большей части псевдонимныхъ—въ „Гамелицѣ“ и другихъ еврейскихъ газетахъ. По мѣрѣ того какъ въ настроеніи окружающей среды и въ русской печати стало все рѣзче обозначаться недоброжелательство по отношенію къ еврейству, въ литературной дѣятельности Минора за послѣднее время усиливается и замѣтнѣе выступаетъ элементъ полемическій, направленный къ защитѣ евреевъ и еврейскаго вѣроученія отъ недобросовѣстныхъ клеветъ и злобныхъ измышленій. Общая черта многочисленныхъ его работъ на эту тему, это — окрашивающее ихъ чувство достоинства, плодъ глубокаго сознанія правоты защищаемаго имъ дѣла. Онъ не молить слабодушно о жалости и участіи, а требуетъ уваженія къ заслугамъ іудаизма, признанія правъ еврейскаго народа на лучшую часть. И если тщетны оказывались его старанія достигнуть той цѣли, которая манила его еще на зарѣ его общественно-литературной дѣятельности—«обратить ненависть въ любовь или, по крайней мѣрѣ, въ уваженіе», — то причины этой безуспѣшности, во всякомъ случаѣ, заключались не въ Минорѣ...

Въ 1891 г. Миноръ долженъ былъ въ силу особаго распоряженія покинуть Москву, послѣ 22 лѣтняго пребыванія въ ней. Больной, истерзанный тревоженіями, вернулся онъ къ родному очагу—въ Вильну. Много перемѣнъ засталъ онъ здѣсь, — какъ измѣнилось многое и въ обще-русской жизни по сравненіи съ начальною порою дѣятельности Минора. Же-

стокая дѣйствительность приносила горькія разочаранія, разбивала многія надежды и упованія, которыя вдохновляли еврейское поколѣніе 60-хъ годовъ. Онъ искалъ утѣшенія въ любимыхъ научныхъ и литературныхъ занятіяхъ — систематизировалъ и пополнялъ составленное имъ собраніе историческихъ регестъ и матеріаловъ, приводилъ въ порядокъ свои многочисленныя рукописи, принимался за новыя литературныя работы. Еще въ прошломъ году имъ выпущена была весьма содержательная брошюра: „Библия объ употребленіи вина“. Одной ногой уже стоявшій въ могилѣ 73-лѣтній старецъ, недовольный своими обширными лингвистическими познаніями, мечталъ о томъ, чтобы приняться за прохожденіе греческаго языка, столь важнаго для изученія нѣкоторыхъ эпохъ еврейской исторіи; преисполненный самозабвенія, доступнаго лишь тому, кто поистинѣ сжился съ высшими духовными интересами, онъ изнурялъ свои старческіе глаза надъ копированіемъ цѣннаго пинкоса изъ извѣстнаго собранія покойнаго Страпуна, и принесъ этотъ собственноручно имъ изготовленный списокъ въ даръ библиотекѣ нашего Общества.

8 января пресѣклась эта плодотворная, богатая подвигами, испытаніями и превратностями жизнь. Миръ праху этого самоотверженнаго труженика, стяжавшаго себѣ право на благодарную память въ родномъ народѣ!

С. Гинзбургъ.

Библиографія.

Призраки.

ВЪ ДУХОТѢ, эскизы и очерки. М. Д. Рывкина СПб. 1900 г.

Книга г. Рывкина—книга слезъ и печали. „Духота“ это—черта еврейской осѣдлости, а герои его—несчастные, обездоленные, задыхающіеся, даже „нищіе духомъ“, по выраженію автора. Это не люди, а какіе-то живые призраки. Старый синагогальный служка, больной, съ трясущимися руками, ученикъ-талмудистъ, питающійся корками хлѣба, изможденная женщина-мать, плачущая надъ непосильной работой, нищій, принимающій на себя въ синагогѣ за гривенникъ вызовъ къ грозному проклятію Моисея, бѣднякъ-сапожникъ съ искривленными ногами, старый, чахоточный писецъ и т. п. — вотъ герои г. Рывкина. У нихъ распухшіе въ суставахъ пальцы, красныя вѣки, слезящіеся глаза, изъ продранныхъ брюкъ глядятъ покраснѣвшія отъ мороза колѣнки, изъ дыравыхъ сапогъ высовываются голыя ноги. Они одержимы всеяими недугами и болѣзнями. Обстановка, въ которой живутъ эти герои, похожа на нихъ самихъ. Ихъ дома—ветхія лачужки, заносимыя снѣгомъ, низкія двери, потускнѣвшія окна, отливающія разными цвѣтами, стѣны, загрязненныя отъ коптящихъ керосиновыхъ лампочекъ или садныхъ огарковъ въ почернѣвшихъ обрубкахъ, „дымъ и смрадъ“. Даже внутренность синагоги производитъ тяжелое впечатлѣніе—„покосившійся амвонъ, выплѣтшая позолота, пожелтѣвшія страницы истрепанныхъ фоліантовъ, тѣ же коптящія лампочки, тѣ же свѣчи, капающія саломъ. Библейскій рогъ, властно звучавшій на Синаѣ и возвѣщающій въ синагогахъ наступленіе новаго года, рогъ, при звукѣ котораго вылетаютъ ангелы-заступники людей, этотъ рогъ лежитъ въ темномъ углу Кивота. Онъ потрескался, покоробился, покрытъ слоемъ пыли и только мышка ночью скребетъ его. Никого онъ не радуетъ и не волнуетъ и издаетъ-то онъ какой-то жалкій звукъ“. Всюду голь и нищета во всей своей неприглядности; „тяжелый, томительный голодь со всеми его ужасами“, заставляющій нести къ ростовщику книгу, доставшуюся отъ дѣдушки,

и жечь въ печкѣ послѣднюю полку, чтобъ согрѣть на ночь остывшую лежанку...

Чѣмъ занимаются эти герои?

Кромѣ добыванія кофѣйки, дающейея съ такимъ трудомъ, они занимаются еще наукой. Однако и наука ихъ—только призракъ науки. Въ ней нѣтъ ни жизни, ни развитія. Она имѣетъ много общаго съ средневѣковой схоластикой Европы и сводится главнымъ образомъ къ дебрямъ комментаріевъ и толкованій на богословской почвѣ. Г. Рывкинъ привелъ весьма характерный примѣръ такой „душной“ науки. Блѣдный, исхудалый юноша съ усталой головой и судорожно сжатыми руками напрягаетъ послѣднія свои силы надъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, какъ вписать кругъ въ квадратъ и какъ превратить въ кругъ равнобедренный треугольникъ. Этой знаменитой квадратурой круга занимались и схоластики на ряду съ алхиміей, исканіемъ философскаго камня, элексира жизни и т. п. Такія занятія могутъ служить только упражненіемъ способности мысли. Но зачѣмъ ее упражнять, если не къ чему примѣнить? Однако, наука—дѣло угодное Богу, и извуренные герои г. Рывкина предаются ей съ геройской настойчивостью. Когда всѣ покидаютъ синагогу, одни только искатели свѣта, какъ называетъ ихъ авторъ, неизмѣнно остаются на своихъ мѣстахъ... Имъ нѣтъ дѣла до жизни, текущей за ихъ глухими, бревенчатыми стѣнами... Между столомъ, заваленнымъ фолиантами, и холодной печкой—для нихъ весь міръ... Истина дается этимъ людямъ цѣною отчаяннаго напряженія духа, вымучивается тяжелыми бессонными ночами. Но развѣ можно все это называть наукой или истиной!

Мелькомъ проходятъ у г. Рывкина типы молодыхъ людей, стремящихся вырваться изъ духоты къ настоящей наукѣ. Они или ночью тайкомъ читаютъ запрещенныя книжки вмѣсто Талмуда и приходятъ учиться по-русски, или открыто, подобно реформаторамъ и гуманистамъ, бросаютъ вызовъ цѣлому обществу фанатиковъ и бываютъ за то изгнаны изъ этого общества. Но старина отжила, по мнѣнію автора. Старый служка Азриель, олицетворяющій собою древнія преданія, умеръ одинокій въ пустой синагогѣ. Въ полуразвалившемся закрытомъ „ешпитотѣ“ по ночамъ только тѣнь покойника-талмудиста до зари изучаетъ Талмудъ. Эти свѣтлые типы дѣйствительно отжили свое время. Они отголоски русско-еврейской литературы 60-хъ годовъ и у г. Рывкина играютъ самую незначительную роль.

Не только герои его возбуждаютъ жалость. „Они слабые люди, жалкіе люди“...—говоритъ онъ... не только ихъ жизнь и голова полна призраками, но даже все, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ евреямъ, наводитъ уныніе. Еврейская лошадь не

похожа на других лошадей. Она заморена и имѣетъ убогій видъ. Она не любитъ мчаться и забрасывать грязью всякаго прохожаго; наоборотъ: чинно и покорно плетется по своей проселочной дорогѣ. Она вполне сознаетъ свое положеніе.

Кто жилъ среди евреевъ, тотъ не упрекнетъ г. Рывкина въ преувеличеніи. Его картина въ общемъ вѣрна, какъ она ни ужасна, его поэзія почти всюду полна искренняго чувства. Г. Рывкинъ въ своихъ темахъ не теряетъ художественнаго равновѣсія. Напротивъ того, мы склонны думать, что картины его немного однообразны, сюжеты его слишкомъ схематичны (они расположены по еврейскимъ праздникамъ), въ нихъ чересчуръ много синагоги, много слезъ и сальныхъ огарковъ; его Шахны, Гдалии, Курцяки, Юдели и т. п. почти всѣ очень похожи другъ на друга, и въ нѣкоторыхъ лирическихъ рассказахъ, когда взоры г. Рывкина обращаются на прошлое или на будущее еврейства, звучитъ порой дѣланый паѳосъ, оставляющій читателя вполне холоднымъ. Словомъ, картина г. Рывкина даже мягче дѣйствительности. Онъ не даетъ ни разнообразія типовъ, порожденныхъ нищетой, ни психологіи безнадежности жизни, ни чувства незаслуженной обиды, которыя мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ еврейско-польскихъ рассказахъ. Г. Рывкинъ нѣжный художникъ и онъ только слегка коснулся глубины еврейскаго горя.

Но мѣстами онъ сгущаетъ краски.

У него все полно печали. Если иногда и прорываются у него проблески свѣта, онъ набрасываетъ порой болѣе отрадныхъ картины, то это только для того, чтобъ еще болѣе отбѣгнѣть общій мракъ всего остальнаго. Послѣ ласковаго образа ребенка, котораго впервые обучаютъ азбукѣ, и которому на книгу падаютъ будто съ неба конфеты, или послѣ радужной картины вѣнчанія, слѣдуютъ кладбища, поминаніе мертвыхъ, слезы, проливаемые въ судный день. Даже природа у г. Рывкина плачетъ вмѣстѣ съ нимъ.

„Въ перекосившееся окошко, — пишетъ г. Рывкинъ, — жалобно стучится притихшая было за стѣною одинокая березка. Холодная, крупныя капли тяжело падаютъ съ ея оголенныхъ вѣтокъ прямо на тускляя позелѣвшія стекла, — и кажется, будто заброшенное деревцо, вмѣстѣ съ собравшейся сюда толпою, плачетъ о несправедливости далекихъ небесъ, о жестокости бушующей непогоды, о холодѣ беспросвѣтной томительной ночи“...

Основной фонъ его поэзіи — „таинственная зимняя сумерка“, снѣжная вьюга, пронизывающая холодомъ, оголенные берева, съезжившіяся предъ окнами синагоги и зловѣще ударяющія въ ихъ стекла, или осень съ туманомъ и сыростью, размытыя ливнемъ цѣлины, грязновато-сванцовое небо, утро, въ которое не солнце, а что-то свѣтло-сѣрое выплываетъ изъ-за лѣса, утро

безъ зари. «Дѣти неволи, боящіяся солнца, говоритъ Рывкинъ, — не видятъ яснаго неба». Мало того, на еврейскій дворъ даже солнце глядитъ нехотя“.

Образы молящихся въ синагогѣ евреевъ принимаютъ совершенно фантастичную окраску. Они собираются, словно для того, чтобъ оплакать дорогого покойника. «Лоснящіяся, согбенныя нуждою и горемъ спины, низко опущенныя головы, унылыя, скорбныя лица»... «Сотни мертвецовъ съ желтыми изможденными лицами, высохшими губами, помутнѣвшими взорами — гробовымъ голосомъ о чемъ-то молятъ, бьютъ себя въ перси, закидываютъ головы, стираютъ кверху свои дрожащія руки... А догорающія свѣчи, словно похоронные факелы, такъ печально глядятъ съ вышины, и изъ сотни разбитыхъ грудей жалобно вырываются къ небесамъ сдавленные, замогильные стоны»...

Все это уже несомнѣнно преувеличеніе и напоминаетъ самый необузданный романтизмъ.

Однако, въ чемъ идеи г. Рывкина? Каковы мысли его грустной поэзіи?

Изъ семнадцати разсказовъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, пять представляютъ собой вполне законченныя художественныя произведенія, а одинъ изъ этихъ пяти «Разводъ» достигаетъ даже большого совершенства.

Наблюдая еврейскую жизнь или, точнѣе, еврейскую душу, г. Рывкинъ обратилъ главное вниманіе на воображеніе евреевъ... Ихъ яркая восточная фантазія приковала его вниманіе... Эта фантазія, по его мнѣнію, наполняетъ почти всю жизнь евреевъ, и несоотвѣтствіе ея съ дѣйствительностью создаетъ великое горе. Муза г. Рывкина зачарована образомъ Донъ-Кихота, но только все она принимаетъ въ серьезъ. Разсказы его врядъ-ли въ комъ вызовутъ улыбку! Этой темѣ о несоотвѣтствіи жизни евреевъ съ ихъ воображеніемъ посвящены всѣ лучшіе разсказы г. Рывкина.

Въ «Заступникѣ» маленькій тщедушный человекъ Залманъ Курпякъ, въ искривленныхъ сапогахъ съ рыжими голенищами, танцуетъ предъ луной, произнося известную молитву.

— Господи! Да будетъ воля Твоя, Боже отцовъ моихъ — снять съ луны всѣ ея пятна, дабы не было въ ней никакого изъяна. И да будетъ сіяніе луны равно сіянію солнца, какъ въ первые дни мірозданія до ея паденія, ибо сказано: «И создалъ Богъ два свѣтила великія!»

Залманъ Курпякъ проникается жалостью къ обиженной лунѣ, онъ вступаетъ за оскорбленіе свѣтила, онъ занятъ установленіемъ на небесахъ утраченнаго мира и равенства...

А на землѣ въ это время вьюга заноситъ снѣгомъ его лачужку.

Въ разсказѣ «Успокоился» умирающій съ голоду Эйзеръ Пасхай занятъ очищеніемъ своей коморки отъ хлѣба, отъ «хомеца». Эйзеръ знаетъ, онъ даже увѣренъ, что наступающій праздникъ не застанетъ у него въ домѣ ничего «квасного»... что пріютившійся въ его домѣ голодъ поваботился объ этомъ заблаговременно, и притомъ устроилъ все это такъ старательно, какъ не могла бы сдѣлать ни одна человѣческая рука. Но Эйзеръ со всей тщательностью, требуемой закономъ, съ молитвами и благословеніями производить чистку всѣхъ угловъ, въ которыхъ ничего, кромѣ обрѣзковъ ногтей и тощихъ (!) клоповъ, и быть не можетъ.

Въ разсказѣ «Ряженный» авторъ смѣется надъ нищенскимъ бумажнымъ нарядомъ ряженаго, долженствующаго изображать грознаго временщика Амана. Темой разсказа «Тейхоха» послужило народное повѣрье, — что тотъ, кому приходится выслушать Моисеево проклятiе въ синагогѣ, самъ дѣлается первою его жертвой и т. д.

Во всѣхъ этихъ разсказахъ воображеніе владѣетъ людьми, наполняетъ ихъ душу страхомъ, населяетъ умъ ихъ призраками.

Г. Рывкинъ считаетъ это зломъ еврейства. Въ разсказѣ «Ряженный» онъ даже высказываетъ мысль, что было бы лучше, если бы еврей въ «Пуримъ» вовсе не ридился и т. д.

Врядъ-ли это вѣрно.

Если бы рѣчь шла объ испанцахъ, надъ которыми смѣялся Сервантесъ—или о южангахъ-французахъ, о тарасконцахъ, комичныхъ герояхъ Додэ, словомъ о людяхъ, у которыхъ есть государство, богатство, образованіе, культура, которые живутъ полною человѣческою жизнью и пользуются всеми человѣческими правами,—для такихъ людей излишекъ воображенія опасенъ и можетъ испортить ихъ жизнь, лишивъ ихъ дѣйствительныхъ благъ. Потому Сервантесъ и Додэ правдивы. Ихъ «Донъ-Кихоть» и «Тартаренъ» смѣшны.

Но что есть у еврея? Чего можетъ лишить его избытокъ воображенія? Ничего!

Да у него въ сущности, кромѣ воображенія, ничего и нѣтъ. Къ фантазіи сводится почти вся его жизнь. Фантазія поддерживаетъ его въ окружающемъ мракѣ, фантазія вселяетъ въ него надежду и силу жить, фантазія единственная и великая его утѣшительница...

Къ такой фантазіи надо относиться съ глубочайшимъ почтеніемъ, и она никоимъ образомъ не способна вызывать смѣхъ. Потому образъ Залмана Курцяка, танцующаго предъ луной, совсѣмъ не смѣшонъ, а полонъ ужащающаго трагизма.

Странно, какъ такой чуткій и нѣжный человѣкъ, какъ г. Рывкинъ, хотѣлъ бы лишить своихъ обездоленныхъ героевъ

ихъ послѣдней радости, той грезы, той фантазіи, которую не убилъ никакая «духота»!

Въ разсказѣ «Разводъ» другая идея. Рѣчь идетъ о долгѣ. Писецъ ребъ-Шахна Сейферъ долженъ развестись съ своей женой Эстеръ-Гитель. Онъ уже старъ и боленъ. Она прожила съ нимъ 15 лѣтъ. Она уважаетъ его и даже любитъ. Она вяжетъ для него чулокъ въ то время, какъ онъ самъ пишетъ ей разводъ, и этотъ чулокъ—послѣдняя забота о немъ—останется на окнѣ, когда она уйдетъ. Но они должны разойтись по установившемуся обычаю—у нихъ нѣтъ дѣтей!..

Авторъ, видимо, противъ развода... Онъ отводитъ главное мѣсто въ разсказѣ страданіямъ покидаемаго мужа.

Но врядь-ли и съ этимъ можно согласиться?

Традиція и долгъ слишкомъ великія вещи въ жизни людей вообще, а евреевъ въ особенности. Несокрушимымъ чувствомъ долга проникнута Библия. Вспомнимъ очаровательную Руев, которая шла чрезъ пустыню, въ чужую страну, испытывая всякія лишенія, для того, чтобы стать женою совсѣмъ незнакомаго ей человѣка только потому, что она предназначена ему по закону, вспомнимъ этотъ библейскій образъ, и вернемъ наше почтеніе Эстеръ-Гитель, разводящейся согласно традиціямъ со своимъ мужемъ ребъ-Шахной Сейферомъ...

Такимъ образомъ, книга г. Рывкина при всей ея художественной правдѣ, страдаетъ нѣкоторой односторонностью... Евреи никогда не были и, вѣроятно, не будутъ только призракми.

Аркадій Прессъ.

היסטוריה של הרפורמה החרדית. *Исторія религіозной реформации у евреевъ, д-ра С. Бернфельда. Краковъ 1900.*

Въ рядахъ современныхъ еврейскихъ историковъ и публицистовъ д-ръ С. Бернфельдъ безспорно занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, какъ по обширности эрудиціи, по основательному знанію источниковъ, такъ и по разнообразію разрабатываемыхъ имъ темъ. За послѣднія нѣсколько лѣтъ этимъ авторомъ написанъ цѣлый рядъ крупныхъ монографій и безчисленное множество журнальныхъ статей, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ вопросамъ еврейской исторіи, философіи и литературы. Разумѣется, такая литературная плодовитость не можетъ не отразиться на достоинствахъ произведеній д-ра Бернфельда: печать скороспѣлости и нѣкоторой поверхностности лежитъ на многихъ писаніяхъ нашего автора. Съ одной стороны частыя повторенія,

иногда совершенно излишнія, съ другой стороны чрезмѣрное нагроможденіе огромнаго количества фактовъ и деталей, свидѣтельствующихъ о большой эрудиціи и глубокихъ знаніяхъ автора, но мало освѣщенныхъ и проходящихъ подчасъ безслѣдно для читателя,—вотъ недостатки, присущіе г. Бернфельду.

Этими же общими достоинствами и недостатками отличается и его новая книга, въ которой онъ задался цѣлью дать полную картину развитія религіозной реформаціи главнымъ образомъ у нѣмецкихъ евреевъ, начиная съ Мендельсоновской эпохи и кончая 50-ми годами XIX столѣтія. Книга д-ра Бернфельда является первой попыткой этого рода, такъ какъ цѣльной исторіи этого движенія въ связи съ развитіемъ соціальной и умственной жизни евреевъ на Западѣ до сихъ поръ не появилось.

Исходя изъ той точки зрѣнія, что реформаціонное движеніе, начавшееся въ концѣ XVIII вѣка въ Германіи, по существу своему отнюдь не было движеніемъ религіознымъ, исходившимъ изъ глубины вѣрующей мысли и религіознаго чувства, каково, напримѣръ, было главнымъ образомъ реформаціонное движеніе среди католиковъ на Западѣ въ XVI вѣкѣ, а имѣло въ своей основѣ исключительно стремленіе освободиться отъ гнета религіозныхъ обрядностей, служившихъ тормазомъ для ассимиляціи съ окружающимъ населеніемъ,—исходя изъ этой точки зрѣнія, авторъ считаетъ это движеніе небывалымъ, безпримѣрнымъ въ еврейской исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, единственной дѣйствительно религіозной реформаціей является только возникновеніе караимства: оно дѣйствительно имѣло въ основѣ стремленіе укрѣпить вѣру, сохранить ее «въ чистотѣ», вернуть ее къ временамъ библейскимъ, исполнять все, «какъ написано» и т. д. Реформаторы же XIX вѣка не проявляютъ и тѣни религіознаго рвенія. Вся суть дѣла заключалась въ желаніи освободиться отъ «религіозныхъ оковъ», отъ «ярма вѣры». Вполнѣ естественно поэтому, что ни писанный, ни устный законъ не могъ быть согласованъ съ такими стремленіями, и если изъ среды реформаторовъ по временамъ раздавались голоса якобы въ защиту *писаннаго* закона, то «это было плодомъ либо заблужденія, либо ханжества и лицемерія» (стр. 6).

Въ первыхъ двухъ главахъ своей книги авторъ даетъ краткій, но весьма яркій очеркъ экономическаго и соціальнаго положенія нѣмецкихъ евреевъ въ XVIII столѣтіи. Указавъ на тотъ общеизвѣстный фактъ, что реформаціонное движеніе было вызвано къ жизни стремленіемъ къ гражданской эмансипаціи, авторъ переходитъ къ характеристикѣ первыхъ дѣятелей реформаціи, принимая за начало ея появленіе книги Мендельсона «Іерусалимъ», въ которой знаменитый философъ высказался противъ реформъ. Авторъ, попутно, рѣзко отгвѣняетъ, насколько ошибочно укоренившееся въ нашей литературѣ, благодаря Смоленскому, мнѣніе, будто Мендельсонъ былъ противникомъ еврейской національной идеи

(стр. 26). Къ характеристикѣ пресловутаго «просвѣтителя» Герца Гомбурга, Давида Фридендера и симпатичнаго идеалиста Лазаря Бен-Давида нашъ авторъ прибавилъ много интересныхъ фактовъ на основаніи многочисленныхъ документальныхъ данныхъ. Если сопоставить идеалиста Бен-Давида, горячаго поборника реформаціонныхъ идей, видѣвшаго въ нихъ рычагъ къ поднятiю *нравственнаго* уровня еврейства, а вовсе не средство къ достиженію благъ земныхъ, съ Фридендеромъ, разбиравшимъ религіозные вопросы съ точки зрѣнія экономическихъ выгодъ, то, разумѣется, сочувствіе читателя всецѣло будетъ на сторонѣ Бен-Давида. Въ одной своей прежней монографіи «משלל דת», посвященной менделесоновской эпохѣ, д-ръ Бернфельдъ по достоинству оцѣнилъ Фридендера и его нечестное посланіе къ совѣтнику главной консисторіи Теллеру, въ которомъ онъ еще съ нѣкоторыми единомышленниками соглашается на принятіе христіанства съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы ихъ уволили отъ вѣры въ Христа... Въ упомянутомъ сочиненіи д-ръ Бернфельдъ далъ о немъ хотя и рѣзкій, но справедливый отзывъ. Въ своей же «Исторіи реформаціи» нашъ авторъ почему-то отказывается отъ этого отзыва и старается вызвать въ читателѣ нѣкоторыя симпатіи къ личности Фридендера мало вразумительными ссылками на «немного психологій» (стр. 45—47). «Защита отдѣльныхъ личностей, въ ущербъ исторической правдѣ—говорить авторъ на стр. 102,—стало обыкновеннымъ явленіемъ въ нашей литературѣ: почти каждый изъ выдающихся дѣятелей прошлаго вѣка имѣетъ въ нашей литературѣ своего патрона и защитника»... Очевидно, что на долю самого д-ра Бернфельда выпала неблагоприятная роль взять подъ свою защиту Фридендера...

Остановившись довольно подробно на дѣятельности реформатора Якобсона и его послѣдователей съ ихъ органами и «богослужебнымъ великолѣпіемъ» въ духѣ протестантской церкви, авторъ переходитъ затѣмъ ко второму періоду реформаціи или ко «второй борьбѣ» по его терминологіи. Первый періодъ въ сущности не далъ ничего положительнаго, кромѣ Гамбургскаго «храма» и возникшихъ по его образцу въ другихъ мѣстахъ храмовъ съ «усовершенствованнымъ богослуженіемъ». «Все реформаціонное движеніе того времени,—справедливо замѣчаетъ авторъ—сосредоточилось въ предѣлахъ четырехъ локтей общественнаго богослуженія, въ которомъ тогда видѣли всю сущность іудаизма» (стр. 97). Но въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія появляется цѣлый рядъ новыхъ дѣятелей, желающихъ поставить дѣло реформаціи на научную почву, на глубокомъ знаніи іудаизма и на ознакомленіи съ еврейской наукой какъ христіанъ, такъ и самихъ евреевъ. Ими руководило желаніе показать самимъ же евреямъ «свѣтъ библейскій», доказать, что «іудаизмъ сохранилъ во всѣ эпохи только нравственные устои своего вѣроученія, между тѣмъ какъ

религиозный свой обликъ онъ мѣнялъ каждый разъ въ зависимости отъ потребностей времени и культурнаго развитія другихъ народовъ» (98). Въ этой связи съ реформаціонными вѣяніями авторъ видитъ причину усерднаго изученія іудаизма въ то время.

Впрочемъ, сами дѣятели той эпохи указывали на эту утилитарную цѣль еврейской науки. Но если стремленіе къ реформаціи создало еврейскую науку, то впоследствии дочь значительно превзошла свою мать. Реформаціонное движеніе, какъ явленіе отрицательное, не могло служить связующимъ звеномъ для еврейства и оно съ теченіемъ времени заглохло, завяло, между тѣмъ какъ еврейская наука развилась и продолжаетъ процвѣтать. Съ точки зрѣнія отношенія къ реформаціи авторъ разбираетъ дѣятельность такихъ корифеевъ той эпохи, какъ Цунцъ, Юстъ, Рапопортъ, Лудцато, Гейгеръ, Захарія Френкель, Михаилъ Заксъ, Риссеръ и др., и такихъ крупныхъ представителей ортодоксальной партіи, какъ раввинъ Исаакъ Берныйсъ и Самсонъ Гиршъ. Яркія, выпуклыя характеристики этихъ дѣятелей составляютъ лучшія мѣста въ книгѣ г. Бернфельда.

Съ особенною любовью нашъ авторъ останавливается на Авраамѣ Гейгерѣ, этомъ замѣчательномъ борцѣ за реформацію, обладавшемъ сильнымъ, яснымъ умомъ, громадною силой воли, глубокими знаніями и отличавшемся рѣдкой честностью, прямою и послѣдовательностью, какъ публицистъ и какъ общественный дѣятель. Гейгеръ былъ прежде всего послѣдователемъ: онъ не признавалъ никакихъ компромиссовъ, никакой «половинчатой реформаціи», какъ онъ называлъ дѣятельность реформаторовъ въ Гамбургѣ, но его прямолинейность часто доходила до абсурда. Можно не сочувствовать многимъ взглядамъ и убѣжденіямъ Гейгера, можно ополчаться противъ многихъ сторонъ его міросозерцанія, но нельзя не преклоняться передъ этой выдающейся личностью. Нѣкоторые взгляды этого «еретика» сдѣлали-бы честь любому современному публицисту, хотя-бы и защитнику еврейской самобытности (см. напримѣръ, его мнѣніе объ «ассимиляціи» стр. 124).

Въ обстоятельномъ изложеніи всѣхъ перипетій борьбы партіи реформъ въ Гамбургѣ, Франкфуртѣ и Берлинѣ съ ортодоксами авторъ сообщаетъ массу любопытныхъ данныхъ, на основаніи обширнаго собраннаго имъ матеріала. Не менѣе интересна набросанная авторомъ картина сороковыхъ годовъ, когда въ Пруссіи на сцену выступаетъ вопросъ не о еврейской религіи только, но и о еврейской *національности*. Какъ извѣстно, о существованіи еврейства, какъ самостоятельной національной единицы, и знать не хотѣли ни представители «крайней лѣвой» вроде Гейгера, ни партія «умѣренныхъ» въ лицѣ Френкеля. Но на этой почвѣ, однако, происходили многочисленные споры и дебаты, объ этомъ вопросѣ трактовали много и на собраніяхъ раввиновъ-реформато-

ровъ въ Брауншвейгѣ и Франкфуртѣ, гдѣ больше всего заботились о томъ, чтобы вытравить изъ молитвенника и изъ религиозной жизни все, что только можетъ напомнить о національной самобытности, о надеждѣ на самостоятельную национальную жизнь.

Къ сожалѣнію, размѣры журнальной рецензіи не позволяютъ намъ остановиться подробнѣе на этихъ чрезвычайно интересныхъ раввинскихъ конгрессахъ, а также на такъ-называемыхъ «синадахъ» въ Лейпцигѣ (1869 г.) и Аугсбургѣ (1871 г.).

Въ своемъ краткомъ резюмѣ въ концѣ книги авторъ приходить къ тому выводу, что реформаціонное движеніе среди евреевъ представляетъ собою явленіе законченное, могущее всецѣло стать достояніемъ исторіи.

„Въ настоящее время — замѣчаетъ авторъ — мы не видимъ въ европейскихъ странахъ ни научной, ни практической реформации, кромѣ мелочныхъ перемѣнъ въ религиозной жизни, не имѣющихъ никакого историческаго значенія и не выходящихъ за предѣлы мѣстныхъ происшествій, каковы: сокращеніе молитвъ, молитва на мѣстномъ языкѣ, общественное богослуженіе въ воскресные дни и т. п. мелочи, которыя на человѣка мыслящаго не производятъ никакого впечатлѣнія и которымъ онъ во всякомъ случаѣ не станетъ удѣлять мѣсто въ исторіи Иараіля. Обо всѣхъ этихъ явленіяхъ мы можемъ только сказать по извѣстной еврейской пословицѣ: „пусть себѣ мертвецы хоронятъ своихъ мертвыхъ“. Эти явленія нисколько не связаны съ развитіемъ еврейства, которое въ силу необходимости — если только оно сохранится, какъ сохранилось до сихъ поръ — будетъ искать для своего существованія другихъ основъ, которыя теперь для насъ еще не выяснились. Вѣдь мы теперь вступаемъ только въ новую фазу исторической дѣятельности. Дѣятельность эта находится пока мѣсть въ стадіи зародышевомъ, и мы не знаемъ, разовьется ли изъ этого зародыша нѣчто новое, удачное, или же это будетъ только одинъ изъ историческихъ опытовъ, какъ многочисленные опыты прежнихъ эпохъ. Но въ одномъ отношеніи мы пришли уже къ неоспоримому заключенію: еврейское самосознаніе имѣетъ прочную опору только въ правдивомъ изслѣдованіи, безпристрастномъ, чуждомъ партійности, преслѣдующемъ только истину, какъ она есть“.

Съ этими выводами автора нельзя не согласиться, и мы можемъ только пожелать д-ру Берифельду, чтобы онъ своими дальнейшими историческими изслѣдованіями способствовалъ укрѣпленію и развитію этого самосознанія.

Въ заключеніе мы не можемъ обойти молчаніемъ одно обстоятельство, которое невольно бросается въ глаза при чтеніи книги д-ра Берифельда. Это его рѣзкое отношеніе къ Грецу, доходящее мѣстами до какой-то непонятной придиричivosti. При всякомъ удобномъ, а иногда и неудобномъ, случаѣ авторъ считаетъ своею обязанностью упрекнуть Греца въ невѣжествѣ: этого «онъ не видѣлъ и не читалъ», о томъ онъ «понятія не имѣлъ», здѣсь онъ «только напуталъ» и т. д., при томъ нѣкоторые изъ этихъ упрековъ по адресу Греца совершенно несправедливы. Для примѣра укажемъ на примѣчаніе на 59 стр., гдѣ авторъ, говоря объ отмигнѣи подушной подати съ евреевъ, отмѣчаетъ, что еще Грець указалъ на

заслуги Брейденбаха въ этомъ дѣлѣ. «Но—почему-то считаетъ нужнымъ прибавить д-ръ Бернфельдъ—Грецъ былъ неправъ, что отрицалъ за Якобсономъ всякія заслуги въ этомъ дѣлѣ». Между тѣмъ въ XI т. Греца мы читаемъ: «... этой дѣятельности и сущности Якобсона евреи обязаны многимъ хорошимъ и прежде всего уничтоженіемъ подушной пошлыны въ Брауншвейгѣ и Баденѣ». Отъ этихъ словъ до «полнаго отрицанія заслугъ»—дистанція огромнаго размѣра...

Розенкранцъ פֶּר אַרְוֶה כּוֹפֵל יֵאֵר, אִךְ עַל סִדּוּחַ הַרֵב הַלֵּם רַבֵּנוּ (Свѣтъ во тьмѣ, суперкомментарій אָרְוֶה בֵּן מֵאֵד הַמְּבֹרָה; אִךְ עַל סִדּוּחַ הַרֵב הַלֵּם רַבֵּנוּ къ комментарий р. Авраама Ибнъ-Эзра къ пятикнижію). Варшава, 1900.

Характеристическая черта раввиновъ стараго закала состоитъ въ томъ, что, признавая въ теоріи вѣрными воззрѣнія, идущія въ разрѣзъ не только съ раввинизмомъ, но и съ мозаизмомъ, они въ практической жизни, за рѣдкими исключеніями, въ родѣ Баруха Спинозы, оставались вѣрнѣйшими сынами ортодоксальнаго раввинизма. Просто невѣроятно, что тотъ самый раввинъ, который въ теоріи исповѣдывалъ чисто пантеистическія воззрѣнія, въ то же время возился съ филактеріями, соблюдалъ законы раввинизма до мельчайшихъ подробностей. А между тѣмъ факты эти насчитываются десятками тысячъ, судя по тѣмъ многочисленнымъ свѣтиламъ раввинизма, у которыхъ рѣзко бросается въ глаза эта двойственность. Отчасти эта двойственность объясняется исторіей іудаизма. Съ одной стороны Ветхій Завѣтъ ограничиваетъ Божество въ пространствѣ и приписываетъ ему перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто ¹, а съ другой стороны увѣряетъ, что все мірозданіе Имъ наполнено ². Приписываетъ Божеству человѣческіе члены ³, а затѣмъ напоминаетъ, что Божество не имѣетъ никакой формы ⁴. Подобныя противорѣчія заставили Талмудъ признать, что «Тора приноравливается къ человѣческому способу выраженія» ⁵, «Тора приноравливается въ своихъ выраженіяхъ къ обыкновеннымъ жизненнымъ явленіямъ» ⁶. Эти противорѣчія Ветхаго Завѣта и эти объясненія Талмуда не могли не вліять на оцѣнку библейскихъ и талмудическихъ разсказовъ многими одаренными пытливыми

¹ Моисей XXXIV, 5.

² Іеремія XXIII, 24; I Царей VIII, 27.

³ I Моис. VI, 6, 8.

⁴ 5 Моисей IV, 15.

⁵ Талмудъ, Бератохъ f. 31, 8.

⁶ Талмудъ, Хулянь f. 90, 8.

раввинами, которые были знакомы по еврейскимъ или другимъ источникамъ и съ различными религиозными философскими системами монотеистическихъ и языческихъ религій. Изъ этихъ раввиновъ-философовъ большая часть, не полагаясь на шаткій и ограниченный человѣческій умъ, оставалась искренно вѣрующей. Но были и такіе, которые относились съ большимъ довѣріемъ къ добытымъ ихъ спекулятивнымъ умомъ результатамъ. Они оставались въ лонѣ раввинизма потому, что они не находили другой религій, которую можно было бы мирить съ этими результатами, и исполняли обряды потому, что обстоятельство или окружающая среда не позволяли имъ порвать съ традиціями. Къ категоріи этихъ раввиновъ принадлежатъ Леонъ Модена (1571—1649) и нашъ р. Авраамъ Ибнъ-Эзра. Разница между этими корифеями раввинизма заключается въ томъ, что Леонъ Модена обнаруживалъ слабыя стороны Талмуда, въ то время, какъ Ибнъ-Эзра подкапывался подъ самый Вѣтхій Завѣтъ. Общее между ними то, что оба они не смѣли открыто высказывать свои убѣжденія, которыя они проводили при помощи разныхъ уловокъ. Что угнетавшія матеріальныя обстоятельства не позволяли Ибнъ-Эзрѣ выступать открыто противъ Вѣтхаго Завѣта, ясно изъ одного его стиха, въ которомъ сказано: «Торгуя я саванами—никто не умеръ бы; продавай я свѣчи—солнце во всю мою жизнь не закатилось бы»; живя въ теченіе 50 лѣтъ на родинѣ въ Толедо (онъ родился около 1088 и умеръ 1167), онъ не посмѣлъ обнародовать свои комментаріи къ Библии. Этотъ фактъ бросаетъ тѣнь на правотѣріе Ибнъ-Эзры, такъ какъ дѣйствительно религиозные раввины не стѣсняясь высказывали часто то же, что и онъ. Знаменитый р. Соломонъ Ицхаки (Раши, р. около 1039 въ Труа, во Франціи) во многихъ мѣстахъ своего комментарія къ Вѣтхому Завѣту (Малеахи I, 13; Іоубъ VII, 20, XXXII, 3; Числа XI, 15; Бытіе XVIII, 22 и во многихъ другихъ мѣстахъ) прямо говоритъ, что отмѣченные имъ мѣста исправлены и не дошли до насъ въ первоначальномъ ихъ видѣ. Современникъ Раши, р. Натанъ Рома, въ своемъ талмудическомъ лексиконѣ «Арухъ» sub voce חזק находитъ 18 исправленныхъ текстовъ Вѣтхаго Завѣта. Внукъ Раши, р. Соломонъ б. Мееръ (Рашбамъ) вовсе не стѣснялся объяснять стихъ Исхода XIII, 9 не такъ, какъ это объясняетъ Талмудъ, тогда какъ нашъ Ибнъ-Эзра въ своемъ комментаріи къ Второзаконію VI, 8, гдѣ повторяется тотъ же стихъ, приводя это объясненіе Рашбама, показываетъ видъ, будто онъ недоволенъ этимъ толкованіемъ, идущимъ въ разрѣзъ съ традиціей. Вѣруя въ ученіе астрологовъ, т. е. въ то, что планеты оказываютъ вліяніе на судьбы людей, что противно ученію іудаизма, Ибнъ-Эзра пользуется этимъ ученіемъ при нѣкоторыхъ объясненіяхъ библейскихъ стиховъ, но, боясь говорить откровенно, онъ въ этихъ случаяхъ

выражается туманными фразами, хотя талмудисты вовсе не боялись высказывать, что планеты влияют на судьбы людей. Конечно, во многом тутъ виновато его зависимое бѣдственное положеніе, заставившее его вести нищенскую скитальческую жизнь и исколесить Европу, Азію, не исключая Индіи, и сѣверную Африку. Большая часть «секретовъ» (סודות) Ибнъ-Эвры была разгадана его современниками и ближайшимъ потомствомъ, но никто за исключеніемъ каббалиста р. Моисея б. Нахманъ (Нахмани), не нападалъ на него и не сомнѣвался въ его правотѣ. Болѣе просвѣщенные раввины относились къ нему съ должнымъ уваженіемъ. Такъ, напр. Маймонида въ одномъ письмѣ къ своему сыну Аврааму изъ всѣхъ библейскихъ комментаторовъ совѣтуетъ избрать одного Ибнъ-Эвру и говорить, что онъ раскрываетъ такія истины, которыя обыкновенный читатель знать не долженъ. Это только доказываетъ, что нашъ Ибнъ-Эвра былъ сыномъ своего вѣка. Разница между нимъ и остальными философами-раввинами XII в. состояла въ томъ, что послѣдніе избѣгали касаться Ветхаго Завета, по крайней мѣрѣ не говорили о текстѣ его. Поэтому философъ-пантеистъ р. Соломонъ б. Габироль (Авицебронъ) и пантеистъ р. Авраамъ б. Даудъ никогда не навлекали на себя упрековъ въ распространеніи ереси, тогда какъ Ибнъ-Эвра, котораго Маймонида въ вышеупомянутомъ письмѣ сравниваетъ въ умственно-нравственномъ отношеніи (פירו), съ патриархомъ Авраамомъ и хвалитъ за бѣзстрашіе, долженъ былъ въ Солерно даже оставить домъ пріютившаго его благодѣтеля, р. Исаака б. Малхи-Цедека, заподозрившаго его въ распространеніи ереси. Эти подоврѣнія были болѣе, чѣмъ основательны, и Спиноза въ своемъ философско-теологическомъ трактатѣ для подтвержденія своей философской системы, противной ученію іудаизма, ссылается на ученіе Ибнъ-Эвры.

Изъ предыдущаго видно, что современники Ибнъ-Эвры и ближайшія поколѣнія разгадывали «секреты» его, какъ видно это изъ письма Маймонида, совѣтующаго своему сыну «хорошо и продолжительно, съ чистой головой вдумываться въ его секреты и намеки». Эта доступность «секретовъ» объясняется тѣмъ, что въ общемъ философскія воззрѣнія Ибнъ-Эвры были въ ходу среди тогдашнихъ раввиновъ философовъ, хотя рѣдкій изъ нихъ открыто и вполне признавался въ этомъ. Зато для позднѣйшаго потомства эти «секреты» такъ и остались бы секретами, если-бъ не суперкомментаріи, составленные разными учеными къ комментарию Ибнъ-Эвры. Изъ этихъ комментарий особенно замѣчательны: «Мекоръ-Хаимъ» (источникъ жизни) Самуила Царцо или Сарсо (Мантуа, 1559), «Цафнатъ Паанзахъ» (открывающій сокровенное) р. Шемъ-Тоба Шапрута, находящаяся въ рукописи въ бібліотекахъ Парижа и де-Росси; Огелъ-Іосифъ шатеръ Іосифа) соч. Іосифа б. Эліэзера Табъ-Элеша, печатано

вмѣстѣ съ комментариемъ Ибнъ-Эзры въ Амстердамѣ, 1722, и «Магалэ-Содъ» (מד פוז, раскрывающій секреты) врача Арона Эмриха, печатано въ Вильнѣ, 1836, и въ Берлинѣ 1765. И дѣйствительно, для того, кто не посвятилъ себя специально изученію комментарія Ибнъ-Эзры, бросающаго въ одномъ мѣстѣ слабый свѣтъ на многія темныя мѣста его комментариевъ, для такого читателя лаконическіе, отрывочные, туманные намеки его часто кажутся бредомъ невмѣняемаго человѣка; и мы бы ихъ дѣйствительно считали таковымъ, еслибъ не знали, что они написаны однимъ изъ величайшихъ умственныхъ гигантовъ XII в. Эти комментаторы, раскрывая «секреты» Ибнъ-Эзры, очень часто берутъ на себя благодарный трудъ доказывать его правотѣ, для чего прибѣгаютъ къ разнымъ натяжкамъ, еще болѣе затемняющимъ эти «секреты».

Отраднымъ исключеніемъ является трудъ г. Розенкранца. Появленіе этого труда въ прошломъ 1900 г.—знаменіе времени; 30—40 лѣтъ тому назадъ его навѣрное сожигали бы на дворахъ разныхъ синагогъ рукою палача, какъ это дѣлали съ менѣе радикальнымъ сочиненіемъ «Гамафтеахъ» Шацкеса, и авторъ его навѣрное подвергся бы преслѣдованіямъ со стороны нашихъ обскурантовъ и триумфамъ интеллигентовъ. Теперь не то. Теперь разладъ между еврейской интеллигенціей и консерваторами потерялъ свой острый характеръ, и если гдѣ нибудь въ Ковнѣ и найдутся еще мракобѣсы стараго закала, то они не настолько смѣлы и вліятельны, чтобы поступить съ трудомъ г. Розенкранца такъ, какъ съ трудомъ г. Шацкеса; а наша интеллигенція, т. е. представители ея въ древнееврейской прессѣ, сама не знаетъ, хвалить ли трудъ его или порицать за то, что онъ смѣло и во многихъ мѣстахъ удачно раскрылъ еретическія тенденціи Ибнъ-Эзры, далеко несогласныя съ ученіемъ іуданамъ и даже мозаизма, и очевидно согласныя съ этими тенденціями. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ мировоззрѣніями Ибнъ-Эзры нашъ авторъ усвоилъ себѣ и слогъ его, такъ что во многихъ мѣстахъ онъ до того теменъ, что требуется суперкомментарій къ его суперкомментарію. Тѣмъ не менѣе трудъ г. Розенкранца составляетъ цѣнный вкладъ въ библейской экзегетикѣ, такъ какъ онъ, удачно объясняя многія темныя мѣста Ибнъ-Эзры, доказалъ намъ, что послѣдній можетъ считаться родоначальникомъ рационалистической школы библейскихъ экзегетовъ.

Прежде чѣмъ приступить къ труду г. Розенкранца, мы должны предупредить читателя, что онъ комментируетъ не всѣ темныя мѣста Ибнъ-Эзры, а только тѣ, къ которымъ, по его мнѣнію, онъ находилъ объясненія, такъ что многіе «секреты» имъ оставлены безъ объясненій.

Мы здѣсь выберемъ для образца только нѣкоторыя мѣста, особенно изумительныя въ устахъ раввина XII в.

1) Изъ Исхода II, 4. Ибнъ-Эзра доказываетъ, что слово *למש* означаетъ «усовершенствоваться», а не творить; отсюда слѣдуетъ, что стихъ «*עָשָׂה יְהוָה אֶת-הַשָּׁמַיִם וְאֶת-הָאָרֶץ*» означаетъ не «твореніе» земли и неба, а «усовершенствованіе» ихъ, т. е. въ этой главѣ Ветхій Заветъ рассказываетъ намъ не о сотвореніи міра изъ ничего, а только о народженіи новой, боже совершенной культуры. Излишне объяснять, насколько подобное толкованіе Ветхаго Завета несогласно съ традиціями іудаизма. Съ этимъ толкованіемъ связано толкованіе Ибнъ-Эзры стиха 5 главы I и стиха 8 главы II первой книги Моисея. Въ своемъ «секретномъ» толкованіи перваго стиха Ибнъ-Эзра, по удачному объясненію г. Розенкранца, отвергаетъ талмудическую традицію, по которой мірозданіе существуетъ всего пять тысячъ лѣтъ и что это существованіе продолжится всего шесть тысячъ лѣтъ. Второй упомянутый нами стихъ онъ объясняетъ такъ, что библейскій рассказъ объ Адамѣ имѣетъ въ виду не перваго сотвореннаго Богомъ человѣка, а человѣческое общество, достигшее въ трудной борьбѣ за свое существованіе съ окружающей его природой болѣе или менѣе высокаго развитія, такъ какъ о дѣйствительно первоначальномъ человѣкѣ, ничѣмъ отъ остальныхъ животныхъ не отличавшемся, подобныя рассказы немыслимы. Итакъ, Ибнъ-Эзра своимъ гениальнымъ умомъ въ темныя легковѣрные времена XII в., дошелъ до тѣхъ воззрѣній, до которыхъ дошли современные намъ социологи, на основаніи сравнительнаго языкознанія, сравнительной миеологии, палеонтологіи, этнографіи и т. д. Много вѣковъ спустя не только католическій теологъ, но и такіе радикалы, какъ Исаакъ Самуилъ Реджіо и комментаторъ псалмовъ Іозель Брюль увѣрили насъ, будто первобытный человѣкъ до «первороднаго грѣха» былъ высшимъ идеальнымъ умственнымъ и нравственнымъ совершенствомъ. Ибнъ-Эзра въ своемъ комментаріи къ стихамъ Бытія II, 16 и III, 8 прямо называетъ ученіе о первородномъ грѣхѣ болтовней (*דבר ריק*), объясняя слова стиха «*וַיֹּאמֶר יְהוָה אֱלֹהִים לַאֲדָמָה לֵאמֹר לֵאלֹהִים לֹא יִלְעָלְעוּ אֶת-כָּל-עֵץ בְּגַן הָעֵדֶן לֵאמֹר לֵאמֹר לֹא יִלְעָלְעוּ אֶת-כָּל-עֵץ בְּגַן הָעֵדֶן*» въ томъ смыслѣ, что, отвѣдавъ плоды древа жизни, Адамъ будетъ долго жить.

На именахъ Божіихъ *יהוה* и *יהו* Ибнъ-Эзра во многихъ мѣстахъ особенно останавливается, приписываетъ этимъ именамъ важное значеніе, увѣряя, что «міръ существуетъ благодаря этимъ двумъ именамъ (*השם והשם*), «и когда поймешь секретъ этихъ двухъ именъ, тогда поймешь все». Этотъ секретъ бесомыслино удачно раскрытъ г. Розенкранцомъ, на основаніи многихъ другихъ ясныхъ и такихъ же «секретныхъ» мѣстъ комментарія Ибнъ-Эзры. Недостатокъ мѣста намъ не позволяетъ обстоятельно изложить здѣсь аргументацію г. Ро

зенкранца въ этомъ мѣстѣ. Передадимъ только весьма интересные результаты ея. Г. Розенкранцъ доказываетъ, что, по Ибнъ-Эзрѣ, эти два термина לוח' и ח'ш характеризуютъ собою двѣ важныя эпохи въ библейской исторіи и реформаторскую дѣятельность Моисея. До Моисея Божество преимущественно характеризовалось именемъ ח'ш, которое Ибнъ-Эзра производитъ отъ слова ח'ש (хищникъ) и которое есть синонимъ словъ ארל (могучій), ח'ש (побѣдитель) и ח'ש (осиливающий). Это то грозное Божество требовало жертвъ и даже кровныхъ жертвъ (обрядъ обрѣзанія и принесеніе Исаака въ жертву). «И Авраамъ изъ боязни предъ божествомъ ח'ш обрѣзалъ своего сына» туманно выражается Ибнъ-Эзра. И замѣчательно то, что такой раввинъ и кабалистъ, какъ р. Моисей б. Нахманъ (Нахмани, רמב"ם), котораго никакъ нельзя подозрѣвать въ радикализмъ, согласенъ съ этимъ толкованіемъ. Только Моисей понялъ Божество подъ именемъ יאהве, отъ יא (сущій), заботящагося о сохраненіи всего сущаго, не требующаго никакихъ кровныхъ жертвъ, ни въ видѣ обрѣзанія, ни вообще какихъ бы то ни было жертвъ. Этимъ объясняется то, что Моисей самъ не обрѣзалъ своего сына Элизера, надъ которымъ былъ совершенъ этотъ обрядъ его матерью, и то подъ вліяніемъ особаго случая, болѣзни Моисея, которую жена Моисея приписывала, подъ вліяніемъ ходячихъ тогда воззрѣній, разгнѣванному Божеству, такъ какъ Моисей тогда еще не открылъ «секрета» о значеніи и характерѣ יאהве¹. Существованіе же обряда обрѣзанія и жертвоприношенія послѣ Моисея Ибнъ-Эзра опять въ туманныхъ выраженіяхъ объясняетъ исторической, такъ сказать, необходимостью и отчасти жизненными интересами — поддержаніе безземельнаго древне-еврейскаго духовенства, какъ это прямо высказано въ двухъ мѣстахъ Ветхаго Завета (Второзаконіе X, 9, XII, 12), такъ и тѣмъ, что Моисей, въ данномъ случаѣ, уступилъ временно укоренившимся народнымъ воззрѣніямъ на необходимость жертвоприношеній, «чтобы они (евреи) больше не приносили своихъ жертвъ идоламъ своимъ» (Левитъ XVII, 7). Несмотря на эту ясность стиха Моисея и на такое же объясненіе допущеннаго Моисеемъ жертвоприношенія талмудистомъ р. Пинхасомъ въ «Вайикра Раба», 22, упомянутый выше Нахмани называетъ это объясненіе Ибнъ-Эзры еретическимъ. Между тѣмъ въ главномъ кодексѣ Моисея, Второзаконіи, нѣтъ ни слова о жертвоприношеніяхъ, а пророкъ Іеремія считалъ себя вправѣ именемъ Бога обращаться къ евреямъ съ упрекомъ: «Я вѣдь вашимъ предкамъ ничего не предписывалъ о жертвоприношеніяхъ» (VII, 22).

¹ Этимъ также объясняется то, что этотъ обрядъ не былъ совершенъ надъ евреями во время 40-лѣтняго ихъ пребыванія въ Аравійской пустынѣ.

Приводя выдержки изъ суперкомментарія г. Розенкранца, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ embarras des richesses, почему мы отсылаемъ любознательнаго читателя къ самому труду. Скажемъ только, что Ибнъ-Эзра пользуется всякимъ случаемъ, чтобы объяснять ветхозавѣтные стихи при помощи общеобразовательныхъ наукъ, съ которыми онъ былъ вполне знакомъ. Ибнъ-Эзра, кромѣ того, является предъ нами первымъ изъ библейскихъ критиковъ, онъ мало или вовсе не обращалъ вниманія на вѣковыя традиціи. Ни одно затрудненіе не ускользаетъ отъ его пронизательнаго взора, и онъ прямо указываетъ на эти затрудненія, хотя часто въ формѣ «секретовъ» или другихъ туманныхъ выраженій. Подъ видомъ уступки преданію, онъ часто указываетъ его несостоятельность, нелогичность и противорѣчіе съ здравымъ смысломъ.

Когда читаешь удивительныя объясненія Ибнъ-Эзрой «секретовъ» Ветхаго Завета и видишь, какъ современникъ нашъ г. Розенкранцъ, какъ бы испуганный своею смѣлостью, считаетъ нужнымъ опасаться консерваторовъ, то не удивляешься болѣе тому, что во многихъ мѣстахъ Ибнъ-Эзра, этотъ сынъ XII вѣка, считалъ необходимымъ скрываться.

Нѣкоторые отстаиваютъ правоту Ибнъ-Эзры на томъ основаніи, что онъ защищалъ традиціонную библейскую транскрипцію (תורה), но эта защита слишкомъ мизерная!..

Н. Голубовъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИЖКИ

ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

1894
4681

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

М а р т ь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо Литографія А. Е. Ландау, Театральная площадь, 2.
1801.

Подъ грозой.

ОЧЕРКЪ

Л. Штаппера.

(Окончаніе).

XII.

Заѣзжій домъ ребъ Менделя Клингера, гдѣ въ одной половинѣ въ базарные дни останавливались обыкновенно окрестные помѣщики, а въ другой помѣщался самъ ребъ Мендель съ семействомъ и винный погребъ, обратился въ центръ, къ которому тяготѣло все еврейское населеніе Новоселкова.

Ворота дома были на запорѣ, и сквозь колитку, открываемую кѣмъ-то изнутри, такъ что одинъ только человекъ и то съ трудомъ могъ просунуться, выпускали тѣхъ, которые уже побывали у раввина, и впускали тѣхъ, которые успѣли застаться необходимой пидулкой — клочкомъ бумаги, на которомъ по древнееврейски была изложена сущность дѣла или просьба желавшаго видѣть раввина.

Для полученія такой именно пидулки и толпились люди въ той комнатѣ, которая въ базарные дни играла роль виннаго погреба, а въ обыкновенные дни—и зала, и кабинета, и столовой ребъ Менделя.

И этому режиму подчинялись всѣ, за исключеніемъ Израіля Марковича и—Двоси: Израиль Марковичъ пригласилъ раввина къ себѣ «во дворъ», пославши за нимъ свой экипажъ съ расфранченнымъ кучеромъ и еще болѣе расфранченнымъ лакеемъ Шлаинномъ—на козлахъ, а Двосе поступила еще радикальнѣе: она съ быстротой молніи промчалась сквозь толпу, загромождавшую площадь передъ домомъ ребъ Менделя, ураганомъ ворвалась въ ворота и, сбивши съ ногъ ошеломленную стражу, бомбой влетѣла къ раввину.

Что произошло между раввиномъ и Двосей—это узнали всё: какъ только она стала жаловаться на свой хейдеръ, раввинъ сейчасъ же ее остановилъ, обѣщалъ, что Богъ ей поможетъ, и въ доказательство вручилъ ей всё деньги, лежавшія передъ нимъ на столѣ.

Но что именно произошло между раввиномъ и Израилемъ Марковичемъ въ кабинетѣ, о чемъ бесѣдовалъ онъ минутъ пять съ окружающими раввина въ знакомой уже намъ приемной—этого никто не зналъ. Но послѣ этого свиданія окружающіе раввина послѣпно собрались въ путь, и раввинъ въ тотъ же вечеръ выѣхалъ изъ Новоселкова.

По этому поводу въ домѣ ребъ Лейзера шелъ очень оживленный разговоръ.

Тутъ собралось человѣкъ пятнадцать, и въ томъ числѣ всё наши знакомые, не исключая Хаима. Всякій высказывалъ свои предположенія и догадки по поводу отъѣзда раввина, возражали другъ другу, спорили. А ребъ Мендель, какъ нарочно, поглаживалъ многозначительно свою толстую, спутанную бороду и глубокомысленно молчалъ, такъ что можно было подумать, будто онъ что-то знаетъ, да не хочетъ сказать.

Тѣмъ не менѣе всё были очень довольны и очень веселы. Каждый по своему передавалъ впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ свиданія съ раввиномъ, припоминалъ каждое слово раввина, каждый его жестъ, и всё соглашались, что умнѣе и дѣльнѣе сказаннаго и придумать трудно; но болѣе всёхъ ликовалъ Гершъ.

Онъ былъ на верху блаженства: раввинъ не только удостоилъ его продолжительной бесѣдой, но даже снизошелъ до диспута съ нимъ по поводу одного очень затруднительнаго положенія, въ которое ставитъ порой талмудиста споръ авторитетовъ Талмуда. Гершъ нарочно подготовилъ одно такое затруднительное мѣсто; сообщилъ, какъ онъ, Гершъ, выбрался изъ этого затруднительнаго положенія, и раввинъ осчастливилъ и его, и ребъ Лейзера, присоединившись наконецъ къ его, Герша, мнѣнію для рѣшенія важнаго спора авторитетовъ Талмуда въ данномъ пунктѣ, а на прощанье пожелалъ ему, чтобы онъ никогда въ жизни не свернулъ съ того пути, на

которомъ онъ теперь находится. Это была похвала, выше которой Гершъ и представить себѣ не могъ.

Хане ничего не говорила о томъ, что ей сказалъ раввинъ; но, должно быть, онъ и ей сказалъ что-то особенно хорошее, если судить по тому, что не только она сама, но и весь домъ глядѣлъ какъ-то торжественно и празднично: горѣли двѣ лампы и нѣсколько свѣчей; столы были покрыты бѣлыми скатертями и уставлены разноцвѣтными графинчиками, бокалами, рюмками, блюдечками съ вареньемъ; на табуреткѣ, подлѣ двери въ кухню, пыхѣлъ, какъ локомотивъ, огромный размѣровъ самоваръ; мѣдная посуда со шкафовъ отливала золотомъ; и даже библейскія сцены, загаженные мухами, какъ-то особенно привѣтливо выглядывали изъ своихъ почернѣвшихъ рамъ.

Съ Шлойме Залменомъ она, очевидно, уже окончательно сбѣлась, потому что оба они уже почти ни о чемъ не разговаривали, а изрѣдка только обмѣнивались отрывочными замѣчаніями, смыслъ которыхъ ни для кого, кромѣ ихъ самихъ, не могъ быть понятенъ; эти отрывочныя замѣчанія дополняли только то, о чемъ уже раньше у нихъ было много разъ говорено и переговорено и окончательно рѣшено.

Въ одинъ изъ моментовъ, когда общій разговоръ былъ особенно оживленъ и одинъ старался перекричать другого, не ожиданно появился раввинъ Хинькисъ.

Хинькисъ заворачивалъ обыкновенно къ ребъ Лейзеру въ магазинъ, когда возвращался съ почты, и то потому, что магазинъ ребъ Лейзера былъ чѣмъ то въ родѣ клуба, куда зааживалъ посидѣть и поговорить или помолчать всякій, кому дѣлать было нечего. Но въ домѣ ребъ Лейзера Хинькисъ никогда не бывалъ, и неожиданное появленіе его именно теперь въ домѣ ребъ Лейзера произвело на всѣхъ присутствующихъ такое же впечатлѣніе, какое произвело бы внезапное появленіе жандарма среди общества заговорщиковъ.

Ребъ Лейзеръ сильно растерялся и послѣшилъ навстрѣчу раввину съ такою же улыбочкой, съ какою онъ встрѣчалъ пристава, когда тотъ заходилъ къ нему въ магазинъ, пожалъ ему руку и съ минуту топтался на мѣстѣ, предполагая, что можетъ-быть, Хинькисъ пришелъ по дѣлу и сейчасъ же уйдетъ,

но, замѣтивъ, что Хинькисъ не спѣшилъ, подвелъ его къ столу и пригласилъ сѣсть.

— Сейчасъ видно, что казенный раввинъ, — съострилъ ребъ Шулимъ-Беръ Котловерь: — пронюхалъ, что тутъ сговоры, и явился.

— А развѣ тутъ сговоры? — удивился Хинькисъ: — Я и не повдравилъ...

— Какъ же... вотъ онъ, — кивнулъ Шулимъ-Беръ на Шлойме Замена.

Ребъ Лейзеръ покраснѣлъ, какъ ракъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ онъ: — ребъ Шулимъ-Беръ шутить. Можетъ-быть, Богъ дастъ, будетъ. Но пока еще ничего нѣтъ.

Воцарилось неловкое молчаніе, и поэтому чрезвычайно кстати появился чай, которымъ всѣ и занялись, прихлебывая изъ блюдецекъ. Хинькису же, какъ человѣку образованному, не въ примѣръ прочимъ, подали ложечку, а ребъ Лейзеръ, должно-быть, въ знакъ особеннаго радушія, собственными пальцами положилъ ему два куска сахару въ стаканъ.

— А что, пане рабинеръ, новаго? — спросилъ ребъ Мендель.

— Ничего особеннаго... — многозначительно отвѣчалъ Хинькисъ: — семейство Израйля Марковича сегодня за-границу выѣхало.

— Все семейство?! — удивились нѣкоторые.

— Все. Они каждый годъ ѣдутъ всѣ.

— И уже выѣхало? — спросилъ ребъ Мендель.

— Сейчасъ только выѣхало. Я прямо оттуда.

Всѣ переглянулись. Было похоже, что этотъ отъѣздъ семейства Израйля Марковича находится въ связи съ внезапнымъ отъѣздомъ изъ Новоселкова Островскаго раввина.

— А самъ Израиль Марковичъ здѣсь остался? — спросилъ ребъ Лейзеръ.

— Нѣтъ. Онъ уѣхалъ въ губернію. Ему по какому-то очень важному дѣлу у губернатора хлопотать нужно.

Ребъ Мендель, ребъ Шулимъ-Беръ и ребъ Лейзеръ многозначительно переглянулись: они сразу догадались, по какому именно важному дѣлу поѣхалъ хлопотать „нашъ еврейскій защитникъ“ Израиль Марковичъ.

Хинькисъ только эту новость зналъ и сообщалъ ее другимъ. Если бы онъ зналъ, что Израиль Марковичъ недѣли три тому

назадъ перестраховалъ все свое движимое и недвижимое имущество въ трехъ разныхъ страховыхъ обществахъ, онъ и это не преминулъ бы сообщить. Но этого онъ не зналъ.

— Отчего это раввинъ такъ скоро уѣхалъ?—спросилъ онъ.

Никто не отвѣчалъ. Ребъ Мендель глянулъ пытливо въ лицо Хинькиса и хитро усмѣхнулся.

— Вы, пане рабинеръ,—сказалъ онъ:—вѣрно въ газетахъ писать хотите.

— Не знаю,—небрежно проронилъ Хинькисъ:—можетъ-быть, напишу.

— Ахъ, нѣтъ, не дѣлайте этого, пане рабинеръ,—взмолился ребъ Лейверъ:—не надо объ этомъ писать...

— Почему же?—вмѣшался Гершъ:—писать можно, что угодно. Больному — воля. Мнѣ только кажется, что каждый, кто берется писать, прежде всего долженъ самъ понимать то, о чемъ онъ хочетъ писать.

— Да тутъ и понимать нечего,—обидѣлся Хинькисъ:—всѣ теперь уже и сами знаютъ, что чудесъ не бываетъ. Слѣдовательно, бѣдные люди напрасно только тратятъ свои послѣдніе гроши...

— Сами себѣ противорѣчите, господинъ Хинькисъ!—вскричалъ Гершъ, иронически улыбаясь и совсѣмъ не замѣчая сочувственно-одобрительныхъ вворовъ, устремленныхъ на него со всѣхъ сторонъ:—сами же вы говорите, что раввинамъ-чудотворцамъ отдають послѣдніе гроши,—значить, не всѣ думаютъ, что чудесъ не бываетъ...

— То-то и есть! — запальчиво возразилъ Хинькисъ:—знаютъ, а все-таки несутъ еще свои послѣдніе гроши чудотворцамъ... Вотъ для этого-то и нужно писать и писать... Надо доказывать, что раввины-чудотворцы намъ не нужны...

— Вы, должно быть, намъ очень нужны!—вскричалъ кто-то.

Всѣ съ изумленіемъ оглянулись: посреди комнаты стояла Хане и нервно засучивала рукава своего платья.

XIII.

— Вы, должно-быть, намъ очень нужны!—продолжала Хане, внѣ себя отъ негодованія:—какой вы у насъ раввинъ? Начальство и вообще христіане думаютъ, что коли вы казенный ра-

винъ, то вы и въ самомъ дѣлѣ у насъ раввинъ; но *вы-то, вы-то* должны же знать, что вы у насъ не раввинъ, что вы только метрики выдаете, а въ дѣлахъ религіозныхъ мой Нахманъ—и тотъ уже больше васъ знаетъ. Да если бы вы и знали больше всѣхъ, вы и тогда въ раввины намъ не годились бы, потому что вы человѣкъ образованный, всѣ классы прошли и ни во что не вѣрите. Мы же люди простые; мы вѣримъ во все, что въ святыхъ книгахъ написано, и раввина намъ нужно такого, чтобъ вѣрилъ...

Всѣ хранили неловкое молчаніе. Хинькисъ былъ огорошенъ, точно его кто обухомъ по головѣ стукнулъ; блѣднѣлъ, краснѣлъ и не поднималъ глазъ. Ребъ Лейзеръ, ни живъ, ни мертвъ, тарачилъ глаза на расходившуюся Хану.

— Ковъи бороды!—продолжала она, обращаясь ко всѣмъ вообще и ни къ кому въ частности:—былъ у васъ казенный раввинъ этотъ пьяница Гершъ Слонимъ,—ну, и пусть бы себѣ былъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, зналъ свое мѣсто... Жалованья вы ему никакого не платили,—на что вамъ понадебился штудированный раввинъ, на какого дьявола?

— Начальство требуетъ, чтобы казенный раввинъ былъ штудированный,—раздался чей-то нерѣшительный голосъ.

— Требуетъ?!—взвизгнула Хане:—пусть же начальство само и жалованье изъ казны ему платитъ! Для насъ же и простой раввинъ хорошъ: онъ можетъ выдавать такія же метрики, какъ и штудированный.

— Но казенный раввинъ нашъ представитель,—сказалъ ребъ Мендель, желая защитить огорошеннаго Хинькиса:—нужно, чтобъ былъ образованный человѣкъ и чтобы съ начальствомъ, когда нужно, могъ объясниться...

— А видѣли вы, какъ ребъ Хинькисъ объяснялся съ приставомъ въ синагогѣ, въ субботу?—возразила Хане:—я вамъ простая женщина и не казенный раввинъ, а если бы я была въ мужской половинѣ, то такъ бы отбрила этого пристава, что онъ у меня не зналъ бы, куда дѣться. А ребъ Хинькисъ что дѣлалъ? Приставъ всѣхъ насъ за нашу же кровь, что онъ пьетъ изъ насъ, ругательски ругаетъ, а онъ ему же поддакиваетъ... Хорошъ представитель! Образованный!..

— Не ссориться же мнѣ съ приставомъ...—пробормоталъ, наконецъ, Хинькисъ.

— А почему бы и нѣтъ? Разъ вы представитель, защитникъ, вы должны исполнять свою обязанность. Всѣ они что?—указала Хане презрительно на всѣхъ присутствующихъ: всѣ они—ковья бороды; съ ними и сотскій, что захочетъ, то и сдѣлаетъ, а они молчать будутъ. Оказывается, что и вы, ребъ Хинькисъ, извините меня, тоже ковьѣ борода, хотя и всѣ классы тамъ гдѣ-то прошли, да еще говорите, что раввина-добраго еврея намъ не нужно!.. А знаете-ли вы, ребъ Хинькисъ, что не всякій достоинъ даже назвать его има?..

Хинькисъ, наконецъ, успѣлъ оправиться. Онъ всталъ и пошелъ къ Ханѣ.

— Вы, вѣдь, умная женщина, —сказалъ онъ:—слѣдовательно, вы должны понимать, что намъ не будетъ ни лучше, ни хуже отъ того, что какой-нибудь приставъ станетъ насъ ругать или хвалить. Ну, я стану ему возражать, начну съ нимъ ссориться,—хорошо это будетъ? Не лучше-ли въ настоящее время жить съ нимъ дружно? Какъ вы думаете, а?

— Ребъ Хинькисъ правъ,—поддакнули нѣкоторые; ребъ Лейзеръ тоже пробормоталъ что-то въ пользу Хинькиса.

— Противъ духовныхъ раввиновъ я тоже ничего не имѣю,—продолжалъ Хинькисъ:—вотъ нашъ духовный раввинъ, ребъ Мееръ, получалъ всего 12 рублей въ мѣсяцъ жалованья, а теперь онъ получаетъ 15. Это я, я постарался. Пусть скажутъ...

— Да, это правда,—подтвердилъ ребъ Шулимъ-Беръ Котловерь:—когда мы распредѣляли коробочный сборъ, рабинеръ Хинькисъ первый подалъ голосъ за прибавку жалованья ребъ Мееру, а потомъ настаивалъ, и мы должны были прибавить.

— Слышите?!—торжествовалъ Хинькисъ, тыкая пальцемъ въ сторону ребъ Шулимъ-Бера:—свои обязанности я знаю и честно исполняю. Не выберутъ меня равниномъ здѣсь, въ другомъ городѣ выберутъ и, можетъ-быть, даже на лучшихъ условіяхъ; но въ чудеса я не вѣрю.

Хане не нашлась, что сказать. Ребъ Лейзеръ сгоралъ отъ стыда и досады и сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Онъ Богъ знаетъ

что готовъ былъ отдать, только бы загладить вспышку жены и тоже не нашелся, что сказать; но всѣхъ изъ затруднительнаго положенія выручилъ Гершъ.

— Такъ и быть,—сказалъ онъ подходя къ Хинькису:—я вамъ сейчасъ докажу, что чудеса бываютъ и теперь.

— Докажите!—скептически улыбаясь, сказалъ Хинькисъ.

— Видите-ли, пане Хинькисъ,—началъ Гершъ, сдвинувъ свой картузъ со лба на затылокъ, какъ дѣлалъ онъ, когда приходилось разъяснять очень глубокомысленное мѣсто въ Талмудѣ:—видите-ли, чудо надо *умѣть* видѣть, надо *умѣть* и понимать. Вотъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ валяется палка, а въ другомъ—лоскутъ какой-нибудь никому ненужной матеріи. Кто на такія вещи обращаетъ вниманіе? Дѣлайте изъ нихъ какое угодно употребленіе, никто вамъ ни слова не скажетъ. А возьмите этотъ лоскутъ матеріи и привяжите къ концу палки—и выйдетъ знамя. Соберите тысячу человѣкъ и понесите это знамя впереди, и всѣ они пойдутъ за вами, куда бы вы ихъ ни повели—въ огонь, въ воду, на мученія и на смерть. Развѣ это не чудо?

Всѣ молчали, притаивъ дыханіе. Хинькисъ тоже молчалъ.

— Моя мать слишкомъ вспыльчива, но она права,—продолжалъ Гершъ:—она только не сумѣла высказать, что именно въ ней заговорило, и, какъ женщина, обвиняла васъ въ томъ, въ чемъ вы, можетъ быть, и не виноваты. Но поймите вы, что люди, идущіе за знаменемъ на мученіе и на смерть, тоже не похвалили бы васъ, если бы вы другъ вздумали разбирать и объяснять, что такое въ сущности ихъ знамя. И они были бы правы, потому что дѣло опять таки не въ палкѣ и лоскутѣ матеріи, а въ чемъ-то другомъ, — высокомъ, высокомъ и не для всякаго ума постижимомъ...

Всѣхъ присутствовавшихъ такъ и подмывало и, по мѣрѣ того какъ Гершъ говорилъ, одинъ за другимъ, незамѣтно для себя, поднимались съ мѣста и присоединялись къ нему, такъ что наконецъ образовался тѣсный кругъ, въ центрѣ котораго очутились Хинькисъ, Гершъ и Хане.

— Надъ знаменемъ глумиться вамъ не дадутъ, потому что это — святотатство,—продолжалъ Гершъ, не замѣчая тѣсноты:—а надъ раввиномъ — сколько угодно. А можно ли такъ? Вѣдь

это тоже святотатство. Каждый еврей, который приходит къ раввину, вмѣстѣ со своими грошами, быть можетъ, даже и послѣдними, несетъ къ нему и свое разбитое сердце, но приобретаетъ то, чего ни за какія сокровища въ мѣрѣ купить нельзя — бодрость духа, твердую, непоколебимую вѣру въ свои силы и несокрушимую надежду на лучшее будущее. Раввинъ самъ по себѣ — не болѣе, какъ ученый, глубоко и искренно вѣрующій въ Бога человекъ. Ни тѣни фальши во всѣхъ его словахъ и поступкахъ нѣтъ; нѣтъ и слѣда корысти. Куда окружающіе его везутъ его, сколько денегъ кто кладетъ передъ нимъ на столъ, кто ихъ отсюда убираетъ, куда кладетъ и на что употребляетъ — ничего этого онъ не видитъ, не знаетъ и знать не можетъ. Его мысли далеки отъ всего этого. Надъ чѣмъ же тутъ смѣяться?

Взрывъ долго сдерживаемаго одобренія бурно вырвался изъ груди всѣхъ присутствовавшихъ; всѣ разомъ заговорили, заглушая другъ друга; всякій тянулъ Герша къ себѣ, чтобы высказать ему свою похвалу. Одни, оттиснутые отъ Герша, говорили на перебой что-то, должно быть очень хорошее, Ханъ, другіе тормозили ребъ Лейзера, третьи — Хинькиса. И Хане, и ребъ Лейзеръ, и Хинькисъ съ радостными потными лицами и разгорѣвшимися глазами тоже говорили всѣмъ что-то и тоже, должно быть, очень хорошее, и никто никого не понималъ, не зналъ, что говорить и къ кому или къ чему относится то, что говорить. И когда всѣ наконецъ нѣсколько утомившись и опять усѣлись, Гершъ и Хинькисъ походили на людей, сейчасъ только выброшенныхъ изъ водоворота. Парусиновый костюмъ Хинькиса былъ весь измятъ, а майишка выскочила изъ-за жилета и болталась у него на груди.

Хане блаженствовала и въ знакъ своего полного примиренія съ Хинькисомъ, собственноручно угощала его вареньемъ.

— Кушайте, пане рабинеръ, — говорила она радушно: — и будьте добрымъ евреемъ.

А причина внезапнаго бѣгства раввина изъ Новоселкова и отъѣзда семейства Израиля Марковича, тоже очень смакивавшего на бѣгство, такъ таки и осталась неизвѣстной, но она разъяснилась сама собою на слѣдующій же день.

XIV.

По проселочнымъ дорогамъ, радіусами разбѣгавшимся во всѣ стороны отъ Новоселкова, можно было замѣтить довольно странное движеніе: была среда и, слѣдовательно, базарнаго дня въ Новоселковѣ не было, а между тѣмъ съ самаго ранняго утра по всѣмъ дорогамъ длинными вереницами, догоняя и перегоняя одна другую, катились телѣги, биткомъ набитыя народомъ, и шли толпами пѣшіе. Слышались веселые возгласы и смѣхъ. Пѣшіе съ гикомъ и свистомъ карабкались на догонявшія ихъ телѣги, примащивались кое какъ или, къ всеобщему удовольствію, кубырккомъ надали на землю, со смѣхомъ поднимались и продолжали путь пѣшкомъ, спѣша въ Новоселковъ. Въ то же время на окраинахъ мѣстечка начинало происходить что то, не поддающееся никакому описанію: тутъ еще съ разсвѣта появились кучки подвыпившихъ и чрезвычайно весело настроенныхъ людей, и всякій, кто видѣлъ бы веселыя лица этихъ людей, слышалъ бы эти шутки, прибаутки, остроты и безшабашный смѣхъ, подумалъ бы, что передъ нимъ какіе-то заповдавшіе гуляки, праздновавшіе чью нибудь свадьбу, но никакъ не догадался бы, что передъ его глазами происходитъ начало одного изъ актовъ той драмы, которая вотъ уже около мѣсяца разыгрывалась безпрепятственно то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ. Но какъ только первые камни, брошенные нетвердыми и нерѣшительными руками, полетѣли въ окна еврейскихъ жилищъ, и раздался звонъ разбитыхъ стеколъ, а вслѣдъ затѣмъ— и крикъ проснувшихся съ ужасомъ обитателей, — всѣ эти веселыя толпы разомъ озвѣрѣли и пошли ломать и уничтожать все, что было на пути. Трескъ, лявгъ, грохотъ бросаемыхъ и разбиваемыхъ предметовъ, звуки сатанинскаго смѣха и вопли отчаянія мгновенно слились въ какой-то невообразимый адскій шумъ, прорѣзываемый еще иврѣдка пронзительнымъ свистомъ.

Толпа съ каждой минутой росла; базарная площадь усѣивалась телѣгами и, наконецъ, была запружена до того, что, казалось, яблоку упасть негдѣ было, а во всѣ переулки хлынули бушующія толпы народа, набрасываясь прежде сего на кабаки и лавочки. Набросилась толпа и на магазинъ ребъ Лейзера.

Сруликъ, по обыкновенію, открылъ магазинъ въ семь часовъ утра и, заслышавъ неопредѣленный шумъ, доносившійся откуда-то, вышелъ на крыльцо. Но на базарной площади объ эту пору еще только что начинали появляться первыя телеги и ничего подозрительнаго тутъ еще не было, а неопредѣленный шумъ доносился изъ окраинъ. Увлекаемый непобѣдимымъ любопытствомъ, Сруликъ побѣжалъ въ ту сторону, гдѣ шумъ казался ему громче, но въ то же время не терялъ изъ вида магазина, чтобы, въ случаѣ надобности, въ три прыжка быть на своемъ мѣстѣ. Въ эту именно минуту на базарную площадь хлынула со всѣхъ сторонъ толпа, и хотя Сруликъ успѣлъ добѣжать до магазина во-время, но запереть внѣшнюю желѣзную дверь ему не удалось: онъ былъ сбитъ съ ногъ вбѣжавшей вслѣдъ за нимъ толпой, стеклянная дверь разлетѣлась въ дребезги, и на улицу, при оглушительномъ шумѣ и трескѣ разбиваемыхъ полокъ, дождемъ посыпались куски полотна, сукна, ситца и всего, что тутъ находилось.

Въ домѣ ребъ Лейзера въ это время только что начинали просыпаться. Ребъ Лейзеръ приступилъ было къ утренней молитвѣ и — застылъ. На него словно столбнякъ нашелъ. Не въ лучшемъ видѣ былъ и Гершъ: онъ, какъ надѣлъ одинъ сапогъ и вялъ въ руки другой, такъ и остался сидѣть на постели съ полуоткрытымъ ртомъ и держалъ въ рукахъ сапогъ. Одна только Хане работала за всѣхъ: при первомъ же шумѣ, поднявшемся въ магазинѣ, она съ быстротою молніи подскочила къ двери, ведущей въ магазинъ, заперла ее на ключъ и съ нечеловѣческой силой забаррикадировала ее близъ стоявшимъ шкафомъ; затѣмъ бросилась стаскивать съ кроватей проснувшихся дѣтей и стаскивать ихъ въ кучу подлѣ кровати Герша. Дѣти не знали въ чемъ дѣло, но одинъ только видъ Ханы уже достаточенъ былъ для того, чтобы привести ихъ въ ужасъ и заставить молчать: съ блѣднымъ, какъ смерть, перекосившимся лицомъ, съ застывшими глазами и оскаленными зубами, она могла бы внушить ужасъ и не однимъ дѣтямъ. Она металась, какъ угорѣлая, но всѣ ея отрывочныя движенія были полны смысла. Въ одно мгновеніе ока она перешарила всѣ ящики комода и сунула что-то въ карманъ нижней юбки; подбѣжала съ растопыренными руками къ Гершу, обхватила его и стала

душить и пригибать къ полу, точно хотѣла сдѣлать его маленькимъ-маленькимъ, чтобы и его можно было спрятать въ карманъ; оставила вдругъ Герша и принялась такимъ же образомъ пригибать къ землѣ Рысю, но вдругъ и ее выпустила изъ рукъ, точно сообразила, что она дѣлаетъ не то, что нужно, и съ отчаяніемъ овиралась кругомъ.

Въ эту минуту въ комнату, ни жива, ни мертва, влетѣла Гапка.

— Ой, господинечко! Ой, голубонько!—взмолилась она полушопотомъ, котораго изъ-за адскаго шума почти совсѣмъ не слышно было:—сховайтесь... сховайтесь всѣ куда-нибудь...

— И тамъ то же?.. хрипло спросила Хане, кивнувъ въ сторону воротъ двора.

— Нѣтъ, нѣтъ еще, господинечко, — прошептала Гапка, — ворота заперты, но скоро, должно быть, ломать будутъ.. У всѣхъ сосѣдей ломаютъ...

— А гдѣ сотскій?

— Убѣжалъ. Сказалъ, что скоро вернется... Бѣгите же... бѣгите всѣ на чердакъ, а я пока свою икону возьму... буду стоять у воротъ... Можетъ быть спасетъ насъ Матерь Божія...

Лучъ надежды сверкнулъ въ глазахъ Ханы. Она схватила Лію и швырнула въ руки обезумѣвшей отъ страха Фейги, сама сгребла всѣхъ въ одну кучу и стала двигать впередъ, и такимъ образомъ всѣ вмѣстѣ вывалили въ сѣни.

— Скорѣе... скорѣе... торопила она, лихорадочно подсаживая одного за другимъ на лѣстницу.

Она опять вбѣжала въ комнату, схватила ребъ Лейзера, топтавшагося, какъ баранъ, на одномъ мѣстѣ, за рукавъ и потащила за собою.

— Нѣтъ!.. я туда... бормоталъ ребъ Лейзеръ, упираясь и кивая въ сторону магазина.

— Идемъ... идемъ... тащила его Хане: — пусть и тутъ, и тамъ все прахомъ идетъ.

Отправивъ наконецъ и ребъ Лейзера на чердакъ, Хане ввобралась туда сама и лѣстницу потянула туда же, но и тутъ еще не успокоилась: схватила Рысю, засунула ее въ самый уголъ чердака, прикрыла сѣномъ и приказала не шевелиться и не пикнуть, чтобы ни случилось.

Сотскій сдержалъ слово: онъ дѣйствительно скоро прибѣжалъ и—спрятался въ чуланѣ. Одна Гапка стояла у полуоткрытой калитки воротъ съ иконою въ рукахъ, и оберегала жилище ребъ Лейзера отъ нападенія со стороны переулка. Со стороны же площади жилище ребъ Лейзера отъ нападенія спасъ Сруликъ.

Когда первая толпа, вломившись въ магазинъ, сшибла его съ ногъ, у него осколками разбитыхъ стеколъ испараны были лицо и руки. Но толпа была слишкомъ занята опустошеніемъ магазина и не обращала вниманія на Срулика, который къ тому же никому не мѣшалъ. Первая толпа этимъ и удовольствовалась и, не замѣтивши второпяхъ двери, ведущей въ жилое помѣщеніе ребъ Лейзера, расшвыряла полки и стойки и, забаррикадовавши нечаянно эту дверь, поторопилась дальше.

Сруликъ остался одинъ, и первое, чего онъ пожелалъ, это—ѣсть; но дверь, ведущая въ жилое помѣщеніе, оказалась и запертой, и забаррикадированной съ обѣихъ сторонъ, а пройти въ домъ площадью и переулкомъ было страшно. Онъ поэтому присѣлъ на полу, потомъ прилегъ; лежалъ, лежалъ и—васнулъ, и каждая новая толпа, появлявшаяся въ магазинѣ, чтобы докончить то, что было начато другими, замѣтивъ лежащаго неподвижно человѣка съ окровавленнымъ лицомъ, убѣгала такъ ходко, будто за нею гналась цѣлая стая Эмменидъ.

Хане не долго усидѣла на мѣстѣ. Она потихоньку встала и, многозначительно приложивъ два пальца ко рту въ знакъ того, чтобы всѣ продолжали сидѣть тихо и пригрозивъ еще при этомъ пальцемъ, подкралась на цыпочкахъ къ слуховому окну. Отсюда, какъ на ладони, виднѣлось почти все, что происходило въ Новоселковѣ; но сквозь густыя тучи пуха и перьевъ, носившихся въ воздухѣ, ничего нельзя было разобрать. Видно было только, что изъ домовъ и лавокъ вылетали разнаго рода вещи, подхватывавшіяся на лету сотнями рукъ, и что базарная площадь, точно какой-то страшный водоворотъ, поглощала все, что вылетало сколько нибудь цѣннаго изъ домовъ и лавокъ и что только можно было унести; все остальное тутъ-же ломалось, разбивалось въ дребезги, разрывалось въ клочья, топталось ногами, коверкалось и уничтожалось.

Видѣла также Хане, какъ изъ дома ребъ Менделя вылетали столы, стулья, сундуки, платья, перины, подушки, и какъ все это тутъ же разбивалось и разрывалось въ клочья; видѣла она, какъ выкатывали на улицу одну за другой бочки и тутъ-же разбивали; видѣла она, какъ сотни людей съ адскимъ смѣхомъ припадали къ землѣ и ладонями и чѣмъ попало черпали хлынувшее изъ бочекъ вино; замѣтила она также и самого ребъ Менделя, выбѣжавшаго на улицу и съ замираніемъ сердца стала слѣдить за нимъ. Она видѣла, что ребъ Мендель пробирается сквозь толпу, подходитъ къ одному крестьянину и говорить ему что-то, и что этотъ крестьянинъ минуту спустя схватилъ ребъ Менделя за бороду и повлекъ его куда то, и ноги у нея подкосились. Она вернулась на прежнее мѣсто и сѣла, какъ убитая.

А съ ребъ Менделемъ, какъ потомъ выяснилось, случилось вотъ что.

Какъ человѣкъ разсудительный, онъ въ началѣ погрома поступилъ точь-въ-точь, какъ Хане. Онъ тоже успѣлъ отправить семью свою на чердакъ, прежде чѣмъ вломились къ нему въ домъ, а если-бы онъ самъ тоже туда загнѣвъ, съ нимъ, вѣроятно, ничего непріятнаго не случилось бы. Но ему въ голову пришла несчастная мысль, что авось встрѣтитъ онъ когонибудь изъ своихъ многочисленныхъ хорошихъ знакомыхъ крестьянъ, съ которыми онъ всегда жилъ въ большомъ ладу и ему удастся спасти изъ своего имущества хоть чтонибудь. Но среди тѣхъ, которые выкачивали и разбивали бочки съ виномъ и вообще ховяйничали у него въ домѣ, не было ни одного изъ тѣхъ, съ которыми онъ жилъ въ тѣсной дружбѣ, хотя многихъ онъ хорошо зналъ, и покуда онъ никому не мѣшалъ, на него никто вниманія не обращалъ. Только изрѣдка ему доставались пинки и толчки, когда онъ попадался комунибудь нехстати подъ руку. Вдругъ, къ несчастью, онъ вдали на площади среди моря головъ замѣтилъ наконецъ одного близко знакомаго крестьянина и, ни минуты не колеблясь, рѣшилъ просить его заступничества, не безъ труда пробрался къ нему и вцѣпился обѣими руками въ рукавъ его свиты.

— Голубчикъ, Зовуля!—взмолился онъ:—заступись, не дай разорить до тла!

Все вниманіе этого Зовули было въ ту минуту сосредоточено на разбиваемой галантерейной лавочкѣ. Оттуда вылетали разныя коробочки съ лентами, кружевами, гребешками, флакончиками, крестиками и разными бронзовыми и серебряными венчиками. При словахъ къ нему ребъ Менделя, онъ быстро оглянулся.

— А, это ты, плуть!—пробасилъ онъ:—до тебя-то я и добрался.

Ребъ Мендель былъ огорошенъ и, кажется, даже ушамъ своимъ не вѣрилъ. И это нисколько не удивительно: Зовуля этотъ, по имени Федоръ, былъ добрый gospodarъ и очень зажиточный крестьянинъ, обрабатывавшій, кромѣ собственныхъ двадцати десятинъ, еще 20 — 30 десятинъ, которыя онъ бралъ въ аренду. Онъ почти еженедѣльно бывалъ, по разнымъ дѣламъ, въ Новоселковѣ и всегда заворачивалъ въ винный погребъ ребъ Менделя; подъ праздники забиралъ у него вино и выморозокъ; часто бралъ вино въ долгъ и уплачивалъ аккуратно къ сроку и вообще жилъ съ ребъ Менделемъ очень дружно.

Теперь онъ былъ рѣшительно неузнаваемъ. Лицо его всегда было наивно-добродушное, взоръ — ясный, спокойный; на губахъ у него часто бродила улыбка—лукавая, но добродушная. И вдругъ это самое наивно-добродушное лицо приняло теперь какое-то странное, безстыжее выраженіе; спокойныя глаза, смотрѣвшія обыкновенно прямо и лѣниво, теперь бѣгали по сторонамъ, и въ нихъ свѣтилось что-то хищное, а на губахъ, сквозь стриженные свѣтло-сѣрые усы, бродила такая плотоядная улыбка, при видѣ которой и не у одного несчастнаго ребъ Менделя душа въ пятки ушла бы.

— А покажи-ка свой выморозокъ, произнесъ Зовуля, и, запустивши всю пятерню свою въ густую бороду ребъ Менделя, потащилъ его къ его дому.

За ними, увлекаемые тѣснотой и любопытствомъ, потянулись другіе и цѣлой гурьбой ввалили въ домъ ребъ Менделя.

Печальный видъ имѣлъ теперь этотъ домъ: онъ былъ уже совершенно пустъ; окна и двери были разбиты, и повсюду валялись осколки стеколъ, куски дерева отъ вышибленныхъ рамъ. Платье, перины, подушки и всякая домашняя рухлядь пред-

ставляли собою безобразныя груды мусора, валявшіяся и на улицѣ.

У ребѣ Менделя искры посыпались изъ глазъ отъ затрепичинъ, и скоро онъ совсѣмъ пересталъ понимать, что съ нимъ происходитъ. Чувствовалъ онъ только, что на его спину, на голову, на грудь градомъ сыплются удары, гулко и страшно безъ всякой боли отдававшіяся у него гдѣ-то глубоко внутри; видѣлъ онъ мелькомъ и слѣды свѣжей крови у себя на рукѣ, когда онъ инстинктивно защищалъ свое лицо; слышалъ онъ, что отъ него требуютъ чего-то настойчиво, но кто барабанить такъ усердно по его спинѣ, кто клеить затрепичины, откуда взялась кровь, чего отъ него требуютъ—ничего этого онъ не зналъ, и рѣшительно неизвѣстно, что съ нимъ случилось бы, если бы къ нему на помощь не подоспѣлъ отецъ Андрей.

Приступивъ къ служенію ранней обѣдни, отецъ Андрей не сказанно удивился, увидѣвъ, что церковь совершенно пуста. Но скоро, по доносившемуся сюда шуму, онъ догадался въ чемъ дѣло и, кончивъ обѣдню, какъ былъ въ полномъ облаченіи, такъ и вышелъ на улицу съ дарами въ рукахъ.

— Ка-а-торжны люди!—ужаснулся онъ:—видишь, что дѣлають!..

Онъ сталъ увѣщевать бушующій народъ; умолялъ, убѣждалъ; угрожалъ и судомъ земнымъ, и еще болѣе страшнымъ судомъ—небеснымъ, ничто не дѣйствовало: расходившійся народъ былъ глухъ къ словамъ убѣжденія, и вездѣ, гдѣ ни появлялся отецъ Андрей, толпа присмирала, ступевывалась и—съ новой силой начинала бушевать въ другомъ мѣстѣ. Отецъ Андрей прекрасно видѣлъ это и—продолжалъ исполнять свой долгъ.

То же самое было и тутъ. Какъ только показался отецъ Андрей, сыпавшіеся на ребѣ Менделя удары разомъ прекратились; толпа присмирѣла и незамѣтно расплылась въ разныя стороны.

XV.

Для Ханы каждая минута казалась вѣчностью, а эти минуты всетаки проходили. Проходили и часы, а оглушительный шумъ, нависшій надъ мѣстечкомъ, не прекращался. Онъ только

изрѣдка постепенно падалъ, понижаясь въ одномъ мѣстѣ и такъ-же постепенно поднимаясь въ другомъ.

И ребѣ Лейзеръ, и всѣ дѣти скучились во мракѣ чердака, не шевелясь и притавивъ дыханіе. Ни слова, ни звука никто не проронилъ. Они всѣ сидѣли, какъ загнипнотизированные, точно застыли.

Около полудня Гапка рѣшилась запереть калитку воротъ и вошла въ сѣни.

— Хозяйка! — окликнула она Хану груднымъ полушопотомъ.

Хане вдрогнула и тихо подползла къ краю чердака.

— Что?

— Около насъ, слава Богу, тихо стало, — продолжала Гапка полушопотомъ, задрвавъ голову вверхъ: — дѣтямъ, можетъ, поѣсть пора?

— Поѣсть?! — несказанно удивилась Хане, какъ будто она и понятія не имѣла о томъ, что это значитъ—ѣсть.

— А что-жъ? Уже полдень, а дѣти до сихъ поръ не ѣли, не нили...

— Ахъ, да... дѣти... Ну, дай имъ чегонибудь.

— Чего-жъ бы такого? Молочный супъ приготовить... Всѣ бы покушали...

— Боже сохрани! — ужаснулась Хане: — не надо огня разводять. Молока немного, творогу, кусокъ хлѣба — и будетъ съ нихъ.

Гапка мигомъ принесла молоко, масло, хлѣбъ и, взобравшись на бочку, протянула все это Ханѣ.

— А сотскаго все нѣтъ? — спросила Хане.

— Баба, а не сотскій! — презрительно махнувъ рукою, прошептала Гапка: — былъ онъ тутъ и все время въ чуланѣ сидѣлъ да дрожалъ, какъ въ лихоманкѣ. Недавно снова побѣжалъ куда-то. Видно, правду говорятъ: великій до неба, а дурень, якъ треба...

Она спрыгнула съ бочки и опять выбѣжала на дворъ.

— Пойду, калитку открою, прошептала она торопливо: — а то, можетъ быть, опять ихъ черти нанесутъ, увидятъ, что заперто, и пойдутъ ломать.

Кого „ихъ“ — этого объяснять не нужно было: Хане и безъ объясненій знала это слишкомъ хорошо.

Оказалось, что Гапка подоспѣла къ калитѣ во-время: человекъ десять, появившихся въ переулкѣ, уже готовы были вломиться во дворъ, но, увидѣвъ Гапку съ иконой въ рукахъ, измѣнили направленіе и съ гикомъ и свистомъ вбѣжали въ противоположный разоренный уже домъ.

Здѣсь жилъ ребъ Нухимъ Корець, очень почтенный человекъ, немного ниже средняго роста, очень толстый, мускулистый, съ бычачьей шеей и бычачьими глазами. Въ молодости онъ былъ „музыкантомъ“ и работалъ въ Одессѣ своей собственной „скрипкой“ въ разныхъ хлѣбныхъ магазинахъ. И, должно быть, хорошій „музыкантъ“ былъ ребъ Нухимъ, если судить по тому, что онъ получалъ полтора—два рубля въ день: его лопата, называемая почему-то скрипкой, была какая-то загребистая; онъ могъ гребнуть ею гарнца три пшеницы сразу и, благодаря своимъ крѣпкимъ мускуламъ, швырнуть ее такъ, что она летала до самаго потолка и дождемъ разлеталась по всему закрому.

Какъ онъ попалъ въ Новоселковъ—Господь его вѣдаетъ, но онъ осѣлъ тутъ какими-то судьбами и тутъ женился на вдовѣ Эстеркѣ.

Женѣ ребъ Нухимъ принесъ въ приданое одни только свои здоровенные мускулы. Больше у него рѣшительно ничего не было. Но такъ какъ ребъ Нухимъ работалъ въ Одессѣ со своей «скрипкой» въ разныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, то онъ и въ Новоселковѣ занялся хлѣбной торговлей, т. е. бралъ у Ханы 25 рублей и платилъ ей *недѣльное*, скупалъ у крестьянъ хлѣбъ и продавалъ хлѣбопромышленникамъ. Эстерке со своими дочерьми, теперь уже взрослыми дѣвушками, торговала еще и дегтемъ, и квасомъ, а по базарнымъ днямъ—и пивомъ. И такъ какъ дѣтей у нихъ больше не было, то все семейство жило очень хорошо, очень прилично и пользовалось въ Новоселковѣ подобающимъ почетомъ.

По странной игрѣ случая, обѣ дочери Эстерки ходили не на нее, а на ребъ Нухима: обѣ онѣ были такія же короткія и толстыя, какъ отчимъ; у обѣихъ были такія же бычачьи шеи, какъ у отчима, и такіе же бычачьи глаза, и такъ же какъ отчимъ онѣ были пропитаны насквозь запахомъ дегтя и кваса, и хотя Эстерке воображала, что красивѣе ея Лія и на свѣтѣ

нѣтъ, тѣмъ не менѣе въ трезвомъ и вообще не въ возбужденномъ состояніи подвергать искушенію ея добродѣтель едва-ли кто-нибудь рискнуть бы.

Гапка сначала не понимала, что собственно происходитъ передъ ея глазами: въ одной комнатѣ, дверь которой вела прямо на улицу, а теперь совсѣмъ была безъ двери, между ребъ Нухимомъ и Эстеркой, съ одной стороны, и нѣсколькими парнями, съ другой, происходила какая-то борьба; въ другой комнатѣ, окно которой было вышиблено, тоже происходила какая-то борьба между Ліей и Ентою, съ одной стороны, и тремя парнями—съ другой. Всѣ кричали, и ничего нельзя было разобрать; но Гапка наконецъ поняла, въ чемъ дѣло.

Она топталась на мѣстѣ и не знала, что дѣлать: съ самаго начала своего появленія у воротъ она замѣтила небольшое облако дыма, вырвавшееся откуда-то изъ-за крыши дома Эстерки; но скоро повалили во всѣ стороны густые черносѣрые клубы дыма, мелькнуло темнобагровое пламя, и посыпались тучи искръ. Гапка хотѣла закричать и—не могла, хотѣла дать знать ховяевамъ—и тоже не могла.

Но ховяева сами замѣтили пожаръ, когда въ полумракѣ чердака замигалъ вдругъ невѣрный, зловѣщій свѣтъ. Всѣ бросились къ слуховому окну и—окаменѣли.

Какъ дикій звѣрь, котораго травятъ со всѣхъ сторонъ, металась Хане по чердаку; вдругъ она остановилась на мгновеніе, какъ бы взвѣшивая, гдѣ опасность больше; затѣмъ бросилась къ лѣстницѣ, спустила ее съ чердака и съ лихорадочной торопливостью стала спускаться всѣхъ въ сѣни, сама спрыгнула внизъ, и всѣ вмѣстѣ вывалили на дворъ, намѣреваясь бѣжать, куда глаза глядятъ; но ихъ остановила Гапка.

— Въ хату... въ хату!.. произнесла она дрожащимъ полушопотомъ:—пожаръ еще далеко отъ насъ, но другая бѣда близко.

Всѣ шарахнулись обратно. Никто не понялъ, что говорила Гапка, но одинъ видъ ея былъ достаточно убѣдительнъ: на ней лица не было.

Пожаръ, дѣйствительно, былъ еще далеко: запылала синагога—«отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ», какъ гласилъ потомъ полицейскій протоколъ, и почти въ то же время и тоже,

вѣроятно, отъ «неосторожнаго обращенія съ огнемъ» запылала со всѣхъ четырехъ концовъ разомъ усадьба Израиля Марковича, расположенная въ противоположномъ концѣ мѣстечка, въ довольно значительномъ разстояніи отъ прочихъ строеній. Бушевавшія толпы народа стали рѣдѣть; скоро они и совсѣмъ разсѣялись, и послѣдніе звуки адскаго шума, висѣвшаго цѣлый день надъ мѣстечкомъ, постепенно затихали и, наконецъ, совсѣмъ замерли. Только пламя грозно бушевало, да набать гудѣлъ, и зловѣщіе звуки его мѣрно и плавно разносились въ тихомъ воздухѣ, но тщетно. Для борьбы съ огнемъ никто не являлся, еврейскому населенію нечего было спасать больше, и оно пряталось, мѣстные христіане оберегали свои собственныя усадьбы, а пришлые, сдѣлавши свое дѣло, улепетывали изъ Новоселкова во всѣ лопатки.

Къ счастью, изъ уѣзднаго города подоспѣли объ эту пору исправникъ со всѣми, имѣвшимися тамъ въ наличности, полицейскими чинами, а вслѣдъ за ними—и уѣздная пожарная команда со всѣми своими смѣхотворными приспособленіями. Къ нимъ присоединилась и пріободрившаяся мѣстная «интеллигенція», прятавшаяся до сихъ поръ по разнымъ норамъ—аптекарь, волостной писарь, фельдшеръ и другіе и, благодаря отсутствію малѣйшаго вѣтерка, имъ, послѣ долгихъ усилій, удалось локализовать огонь, такъ что къ заходу солнца синагога и около десятка ближайшихъ къ ней строеній представляли собою одно огненное море, которое тихо волновалось, но въ ширь больше не разливалось.

Объ усадьбѣ Израиля Марковича никто и не заботился—некому было да и незначѣмъ: о ея спасеніи нечего было и думать, а распространяться огню—деревья мѣшали.

Вечерѣло. Со всѣхъ сторонъ незамѣтно сползались сумерки; въ далекой, ясной синевѣ замелькала звѣздочка, другая; скоро изъ бездонной глубины высыпали мириады звѣздъ, густо усыпали весь темноглубой сводъ неба, и наступилъ тихій, ясный, теплый весенній вечеръ.

XVI.

Радостные дни скоро забываются, печальные—никогда, и день, прожитый сегодня семействомъ Немировскихъ, былъ

именно однимъ изъ такихъ дней. Но отъ страха, должно быть, не умирають,—иначе отъ всей семьи не осталось бы живой души.

Какъ они провели время съ тѣхъ поръ, какъ Гапка вогнала ихъ обратно въ домъ, о чемъ думалъ каждый изъ нихъ,—объ этомъ они, разумѣется, и сами не знали. За всѣхъ сегодня думала, соображала и дѣйствовала одна Гапка, въ которой никакъ нельзя было предполагать ни столько такта, ни столько прыти. Даже съ Сруликомъ она сегодня не воевала и ни тѣни обычныхъ «контровъ» сегодня между ними не было. Когда Сруликъ, выспавшись хорошенько, бомбой влетѣлъ въ кухню и, какъ голодный волкъ, накинулся на ѣду, Гапка, до сихъ поръ сама почти ничего не ѣвшая, и не чувствовавшая ни малѣйшаго позыва къ ѣдѣ, и не думала теперь упрекать за это Срулика, и сама же, должно быть, изъ уваженія къ его парашинамъ на лицѣ и на заворузлыхъ лапахъ, поставила передъ нимъ непочатый кувшинъ кислаго молока вмѣстѣ со сметаной и миску творогу. А Сруликъ прикладывался поминутно къ графинчику и уписывалъ все съ такимъ удовольствіемъ, что могло казаться, будто онъ далеко не прочь каждый день подвергаться такимъ же неприятностямъ, какъ сегодня,—можно было бы дать полную свободу своему аппетиту, не опасаясь посторонняго глаза.

До поздняго вечера Хане держала всѣхъ за ширмами, точно Богъ вѣсть за какой неприступной крѣпостью, и никого не выпускала ни на шагъ.

Но какъ только она убѣдилась, что опасность дѣйствительно миновала, она въ ту же минуту какъ будто совершенно переродилась; станъ у нея выпрямился, и потухшіе глаза заискрились.

— Видишь вотъ эту комнату, —обратилась она къ ребѣ Лейзеру, вѣвъ себя отъ негодованія:—пусть мнѣ ее насыплютъ всю золотомъ до самаго потолка, я въ Новоселковѣ не останусь. Слышишь?

— Куда же дѣться? Куда?—съ отчаяніемъ пробормоталъ ребѣ Лейзеръ.

— Въ Америку... въ Америку переѣдемъ... Нечего узнавать, что и какъ и—незачѣмъ. Люди ѣдутъ, и мы поѣдемъ.

— А Гандлеръ?

— Гандлеръ?! А пусть хоть самъ Ротшильдъ!—вскричала Хане:—но если онъ не согласится, чтобы мы въ Америку перѣѣхали, то и не нужно. Суженная Герша жива...

— Значить, и въ Одессу намъ ѣхать уже невѣцѣмъ.

— Какъ невѣцѣмъ? Почему? Мы поѣдемъ,—всѣ поѣдемъ, если только, Богъ дастъ, живы будемъ. Только это мое первое и единственное условіе: мы ѣдемъ въ Америку, а Герша я здѣсь не оставлю.

Старуха Фейге между тѣмъ накрыла столъ и поставила состряпанный кое-какъ Гапкой молочный супъ; но не успѣли всѣ сѣсть за столъ, какъ въ комнату вошелъ отецъ Андрей.

Всѣ вскочили съ мѣста и, какъ ошпаренные, шарахнулись въ разныя стороны. Отецъ Андрей тоже растерялся.

Онъ сегодня ни минуты не отдыхалъ. Какъ только пожаръ началъ утихать, онъ первый вспомнилъ о той нуждѣ, въ которой должно было очутиться еврейское населеніе въ мѣстечкѣ и первый же послѣпшилъ къ нему на помощь: онъ приказалъ Михалку запретъ лошадь и нагрузить телегу всѣмъ запасомъ сухарей, дѣлаемымъ обыкновенно передъ пасхой и сохраняемымъ до страдной поры для рабочихъ, а самъ занялся опустошеніемъ своего буфета,—вынулъ и положилъ въ телегу весь имѣвшійся тамъ запасъ чаю и сахару, двѣ-три бутылки рома, нѣсколько бутылокъ равной настойки, свѣжій хлѣбъ, какіе-то пирожки. А когда буфетъ совсѣмъ опустѣлъ и таскать оттуда больше уже нечего было, онъ собственноручно взялъ лошадь подъ уздцы, вывелъ ее на улицу и, приказавши Михалку слѣдовать за собою, направился къ базарной площади.

Здѣсь собрались сначала всѣ тѣ, которыхъ выгнать на улицу пожаръ, а потомъ стали присоединяться къ нимъ и тѣ, которымъ ни около пожара, ни дома дѣлать было нечего, и скоро вся площадь усеялась мужчинами, женщинами и дѣтьми, толпившимися въ беспорядкѣ или расположившимися кучками въ разныхъ мѣстахъ.

Бродя среди этой толпы и не встрѣчая никого изъ семейства Немировскихъ, отецъ Андрей вспомнилъ, что и днемъ онъ никого изъ нихъ нигдѣ не видѣлъ и, судя по тому, чему онъ былъ очевидцемъ, подумалъ, что съ ними Богъ вѣсть что слу-

чилось, и поспѣшилъ къ нимъ въ домъ. Каково же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ, что тутъ все въ полномъ порядкѣ, что и шкафъ, и кушетки, и перины, и мѣдная посуда, отливавшая золотомъ, и библейскія картины, загаженные мухами — все, все на своемъ мѣстѣ, а на столѣ еще красуется ваза, изъ которой паръ такъ и валитъ клубами.

— Каторжные люди! — вырвалось у него: — каковы!.. Сами прячутся да пируютъ втихомолку, а что у другихъ и маковой росинки во рту сегодня еще не было, такъ того они и знать не хотятъ...

Но тутъ же глянувъ попристальнѣе на «пирующихъ», въ особенности на Хану, онъ такъ и ахнулъ: лица-то у всѣхъ были, какъ у выходцевъ съ *того* свѣта, но Хане была рѣшительно неузнаваема. Это была теперь не молодая, бодрая, здоровая 38-лѣтняя женщина, а немощная, хилая, точно шестидесятилѣтняя старуха.

— Сидите... сидите... Чего вы?!.. сталъ онъ успокаивать всѣхъ: — я навѣстить васъ зашелъ... Господь съ вами. Не бойтесь... Сидите же!..

Онъ почти силой усадилъ ребъ Лейзера, потомъ Герша, и самъ въ изнеможеніи опустился на первый же попавшійся стулъ.

— Отдохну и я, — сказалъ онъ и понурилъ голову.

Полчаса спустя, отецъ Андрей и все семейство ребъ Лейзера были уже на площади, гдѣ теперь толпилось почти все еврейское населеніе Новоселкова. Одного только ребъ Менделя Клингера съ его семействомъ нигдѣ не видно было.

Онъ лежалъ дома, на постели, если домомъ можно назвать руину безъ оконъ и безъ дверей, а постелью — полъ, устланный разорваннымъ въ клочья тряпьемъ. Ребъ Мендель, какъ князь, вовлежалъ на этой «постели», окруженный семействомъ, и не могъ шевельнуть ни однимъ суставомъ. Все тѣло болѣло у него и ныло, глаза чуть-чуть выглядывали изъ-за фонарей, губы были расквашены, а густая борода его превратилась въ какую-то тонкую, склееную запекшеюся кровью, мочалку.

Но сокрушался онъ не о томъ, что лицо у него было исковеркано, и что онъ многихъ зубовъ во рту не досчитался, и даже не о томъ, что все у него разорено, и отъ виннаго погребя

остался только одинъ слѣдъ въ образѣ грязной лужи передъ полуразрушеннымъ домомъ, — онъ сокрушался о наличныхъ деньгахъ, о пропажѣ которыхъ Сура еще и не подозрѣвала.

Какъ только начались беспорядки, ребѣ Мендель засунулъ всё свои деньги въ щель, подъ припечкомъ, и былъ увѣренъ, что никому и въ голову не придетъ искать здѣсь что бы то ни было. Но одинъ изъ нападавшихъ, знавшій, повидимому, гдѣ у людей хранятся деньги, именно отсюда и началъ свои поиски, сразу же нашелъ всё 800 рублей цѣликомъ и въ другихъ мѣстахъ искать совсѣмъ не потрудился.

Огонь въ обоихъ концахъ мѣстечка между тѣмъ потухалъ и только изрѣдка слабо вспыхивалъ, разбрасывая на мгновение невѣрный, красно-багровый свѣтъ. Строенія, толпы людей и домашнія животныя, безпріютно бродившія по улицамъ, какъ будто выплывали на мгновение изъ какой-то мрачной бездны и опять въ нее погружались. Разнообразные голоса и оклики, шедшіе съ разныхъ сторонъ, прорѣзываемые всевозможными нотками дѣтскихъ рыданій, сливались въ одинъ общій шумъ, который, казалось, повисъ гдѣ-то высоко-высоко въ глубинѣ ночного мрака.

И отецъ Андрей, и Хане, и аптекарь, панъ Лебединскій, и многіе другіе вынесли сюда все, что было у нихъ съѣстнаго, и все это мгновенно расхватывалось и исчезало. Среди давки кто-то дернулъ отца Андрея за рукавъ.

— Батюшка!

Отецъ Андрей оглянулся, — передъ нимъ стоялъ Хаимъ Лойвъ, въ разодранномъ халатѣ, въ распоротыхъ брюкахъ, болтавшихся двумя тряпками на его ногахъ, съ испаряннымъ, вздутымъ сине-багровымъ лицомъ.

— Крѣ-ѣпко же тебя, бѣднягу, избили! — невольно произнесъ отецъ Андрей, всматриваясь въ странную фантастическую фигуру, какую изображалъ собою Хаимъ при невѣрномъ свѣтѣ потухавшаго пожара.

Искверканное лицо Хаима исказилось улыбкой.

— А немного-таки побили, батюшка, — сказалъ онъ.

— Немного... гм... Рому немножко... а?

— Нѣтъ, батюшка, — отвѣтилъ Хаимъ, пряча куда-то глаза: — мнѣ... ха-арошую папирску табаку...

— А ты прежде рому немножко выпей,—убъждалъ Хаима отецъ Андрей, видя, что онъ дрожить всѣми членами.

Хаимъ колебался, точно боялся, что не получить папироски, если выпьетъ рюмку рома. Но искушеніе было слишкомъ велико и онъ выпилъ.

— А закусить?—предложилъ отецъ Андрей.

— Нѣтъ—нѣтъ—нѣтъ... затрясъ отрицательно головою Хаимъ:—это имъ... кивнулъ онъ въ сторону, гдѣ сидѣли грибами его Марьямъ и оба его мальчика,—а мнѣ папиросочку...

Отецъ Андрей досталъ изъ бокового кармана свою папиросницу и высыпалъ всѣ имѣвшіеся тамъ папиросы въ ладонь ошастливленнаго Хаима; но онъ не могъ видѣть, съ какимъ восторгомъ Хаимъ закурилъ папироску и съ какимъ наслажденіемъ сталъ глотать дымъ: его вниманіе въ эту минуту было отвлечено одной сценой, смыслъ которой былъ для него совершенно ясенъ, хотя словъ онъ и не понималъ.

— Смотрите... смотрите всѣ!—кричала старуха Двоя, таща за собою еле живую Ривку одной рукой, а другою указывая на нее пальцемъ:—смотрите на нее, но знайте, что она не виновата... Ихъ вотъ спросите,—указывала она на обонхъ помощниковъ ребъ Шмейреля, слѣдовавшихъ за нею и Ривкой:—они видѣли своими глазами. Пусть скажутъ.

Всѣ смотрѣли и слушали, но никто ни слова не проронилъ: тѣ, которые могли бы сказать то же самое, что говорила Двоя, предпочитали молчать.

Но Двоя мало было этого заявленія. Она добивалась большаго: она хотѣла, чтобы невинность ея Ривки была удостовѣрена авторитетнымъ лицомъ и разыскивала въ толпѣ «рабинера». Не тцетно толкалась она среди народа, задыхаясь и непрерывно повторяя одно и то же: Хинькиса нигдѣ не видно было, точно онъ въ воду канулъ.

А Хинькисъ былъ цѣлъ и невредимъ, но съ нимъ вышла такая оказія.

Послѣ вечера, проведеннаго у Немировскихъ, онъ всю ночь видѣлъ очень пріятные сны; но пробужденіе было далеко не изъ пріятныхъ. Сообразивъ, въ чемъ дѣло, Хинькисъ не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ; онъ подумалъ, что обязанъ сдѣлать что-то; на-скоро одѣлся и побѣжалъ къ приставу.

Обширный дворъ дома, занимаемаго Закусилынымъ, всегда бывалъ оживленъ. Всегда здѣсь можно было найти двухъ-трехъ сотскихъ, нѣсколькихъ сторожей; теперь дворъ былъ совершенно пустъ, и нигдѣ не видно было живой души. Въ канцеляріи тоже никого не было. Одинъ только писмоводитель, молодой человекъ, съ спутанными рыжими волосами на головѣ и такими же рыжими колючками давно не бритой бороды, въ истасканномъ пиджакѣ съ продранными локтями, въ порывѣломъ, истоптанномъ сапогѣ на одной ногѣ и въ старой резиновой галошѣ—на другой, сидѣлъ у письменнаго стола и писалъ.

— Гдѣ господинъ приставъ?—вскричалъ Хинькисъ.

Писмоводитель не пошевелился. Онъ, казалось, былъ такъ углубленъ въ свое занятіе, что не слышалъ вопроса.

Хинькисъ крикнулъ еще громче и принялся сѣтовать, не то обращаясь къ писмоводителю, не то разсуждая самъ съ собою вслухъ.

Писмоводитель, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свое занятіе; вдругъ онъ выпрямился и обернулся къ Хинькису.

— Что вамъ нужно?—спросилъ онъ преспокойно.

— Пристава... Пристава мнѣ нужно!—вскричалъ Хинькисъ и, ткнувъ рукою въ сторону окна, прибавилъ:—развѣ не видите, что тамъ дѣлается?!

— Пристава нѣтъ,—отвѣтилъ писмоводитель и, какъ ни въ чемъ не бывало, опять углубился въ свое занятіе.

— Да что-жъ это за порядки такіе, я не понимаю!—волновался Хинькисъ.

— А не нравятся вамъ наши порядки,—поѣзжайте въ Америку,—сказалъ писмоводитель, не прерывая своего занятія.

— И поѣду!

— Скатертью дорога.

Хинькисъ выбѣжалъ изъ канцеляріи. Онъ хотѣлъ проникнуть къ приставу черезъ парадный ходъ; звонилъ, звонилъ, но отвѣта не получилъ: дверь оставалась запертой, и ему ничего больше не осталось, какъ уйти.

Онъ такъ и сдѣлалъ—ушелъ; но дорога домой была уже запружена бушующимъ народомъ, и Хинькисъ, измятый, обшарпанный, очутился у себя на квартирѣ только тогда, когда,

кромѣ обломковъ и ключевъ разорваннаго тряпья, тамъ ничего больше уже не было,

Показаться на площади, гдѣ теперь, безъ сомнѣнія, должна быть вся мѣстная «интеллигенція», въ такомъ плачевномъ видѣ Хинькисъ никакъ не могъ и предпочиталъ сидѣть дома.

Полиція—и увѣдная, и мѣстная—теперь что-то такое дѣлала, перекликалась, пересвистывалась, принимала какія-то мѣры; но изъ всего этого какъ-то ничего не выходило. И теперь, какъ и цѣлый день, все шло само собою и именно такъ, будто никакой полиціи и на свѣтѣ не было.

А на другой день, рано утромъ, съ пѣснями и барабаннымъ боемъ въ Новоселковъ вступилъ батальонъ пѣхоты. Немедленно около мѣстъ, гдѣ были пожары, и около каждой кучки обломковъ и осколковъ были разставлены часовые, и порядокъ въ мѣстечкѣ воцарился образцовѣйшій.

Было совершенно ясно, что хлопоты «нашего еврейскаго защитника», Израйля Марковича, даромъ не пропали.

Десять лѣтъ спустя на одной изъ улицъ Нью-Йорка красовался огромный складъ мануфактурныхъ товаровъ подъ выѣской: «Немировский, Гандлеръ и К^о».

Складъ этотъ занималъ весь бель-этажъ громаднаго шестиэтажнаго дома, принадлежавшаго этой же компаніи. Тутъ имѣлись разныя отдѣленія—разнообразныхъ полотнъ, суконъ, кружевъ, бархата, плюша, ковровъ, шелковъ, и каждое отдѣленіе находилось подъ непосредственнымъ управленіемъ кого нибудь изъ членовъ компаніи, а во главѣ всего дѣла, во главѣ всей этой арміи расфранченныхъ комми, бухгалтеровъ, кассировъ разныхъ половъ и возрастовъ, стояла пожилая, но все еще красивая, модно и очень роскошно одѣтая женщина, имѣвшая тотъ спокойно-важный видъ, какой свойственъ купцамъ, ведущимъ свои дѣла на наличныхъ.

И никто не узналъ бы въ этой важной, гордой и самонадѣянной американкѣ прежнюю прибитую, приниженную, всѣмъ льстившую и всего боявшуюся купчиху Хану изъ мѣстечка Новоселкова.

Ребъ Лейзера въ живыхъ уже не было: онъ умеръ отъ простуды вскорѣ по прїѣздѣ въ Нью-Йоркъ.

Дѣла Ханы пошли шибко въ гору, какъ только она, послѣ женитьбы Герша на дочери Гандлера, переѣхала въ Нью-Йоркъ и, при содѣйствїи Гандлера, открыла тамъ оптовую торговлю мануфактурными товарами. Но когда года два спустя, младшій сынъ того же Гандлера женился на Рысѣ и вступилъ въ дѣло компанїономъ, дѣло съ удивительной быстротой стало расширяться. Скоро компанія приобрѣла въ собственность и домъ, гдѣ помѣщался ихъ складъ, и какъ только срокъ найма сосѣднихъ магазиновъ того же дома прошелъ, они выпроводили нанимателей, и всѣ 8 магазиновъ превратили въ одинъ складъ; сами всей компанїей скромно заняли всего одинъ этажъ надъ складомъ и зажили одной семьей.

Но Хане не зазналась. Она не забываетъ своихъ земляковъ, освѣдомляется о нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ и щедро помогаетъ всякому изъ нихъ, кто къ ней обращается.

Ходитъ даже слухъ, будто она аккуратно три раза въ годъ, передъ большими праздниками, высылаетъ Островскому равнину десять разъ «хай» долларовъ; но правда это, или нѣтъ — неизвѣстно. Да и то сказать: не всякому слуху вѣрь.

Л. Штамеръ.

Обрывки старыхъ воспоминаній и повѣ- шій вѣяній.

I.

Вотъ уже сколько лѣтъ, какъ со страницъ еврейскихъ изданій всѣхъ направленій не сходитъ одно слово, повторяемое на всякій ладъ, во всевозможныхъ формахъ и сочетаніяхъ. Беремъ ли въ руки газету, пробѣгаемъ ли новую книжку журнала, брошюру или памфлетъ, принимаемся ли, наконецъ, за чтеніе солидной съ многообъщающимъ заглавіемъ книги, снабженной всѣми аксессуарами ученаго трактата, насъ вездѣ преслѣдуетъ одно и то-же слово. Это магическое слово — Сіонъ.

Сколько дорогихъ, самыхъ свѣтлыхъ, отрадныхъ воспоминаній связано съ этими, давно знакомыми нашему слуху, звуками! Ранніе годы дѣтства одинъ за другимъ проносятся предъ нами съ рѣдкою отчетливостью и ясностью, точно мы ихъ сейчасъ переживаемъ; рядъ яркихъ картинъ, быстро смѣняющихся какъ въ калейдоскопѣ, воскресаютъ въ памяти, будя мысль, шевеля чувства, давно, казалось, застывшія. Длинною вереницею проходятъ, словно живые, мелаеды въ плисовыхъ ермолкахъ и полосатыхъ нагрудникахъ, съ болтающимися по четыремъ угламъ большими шерстяными кистями (нити видѣнія), въ длиннополыхъ своеобразнаго покроя кафтанахъ, подпоясанныхъ черными не то шерстяными, не то шелковыми кушаками. Неизмѣнно-строгое выраженіе измощенныхъ, страдальческихъ лицъ наставниковъ нерѣдко смягчается свѣтлою улыбкою, играющею на ихъ тонкихъ губахъ по поводу удачнаго разъясненія библейскаго текста или еще чаще — остроумнаго толко-

ванія запутаннаго мѣста въ гемарѣ и у ея многочисленныхъ комментаторовъ.

Съ ранняго утра до поздняго вечера съ небольшими перерывами, раскачиваясь и выкрикивая слова съ традиціоннымъ напѣвомъ, мы корпимъ надъ священными книгами и толстыми фоліантами Талмуда, прикованные меланхолическимъ взглядомъ серьезныхъ, глубоко сидящихъ глазъ нашего «ребѣ», въ которыхъ по временамъ вспыхиваетъ огонекъ, насъ согрѣвающій и бодрящій.

Наступаетъ четвергъ. Во всемъ хедерѣ чувствуется какое-то особое, торжественное настроеніе; у насъ, малышей, духъ захватываетъ, сердце сильно бьется, въ ожиданіи неизбѣжной репетиціи изъ всего пройденнаго за недѣлю. Душно. Съ насъ потъ катится градомъ, въ вискахъ стучитъ отъ непрекращающагося гула дѣтскихъ голосковъ, аккомпанируемыхъ то грозными, то поощрительными окриками ребѣ, помахивающаго тоненькою плеткою, какъ дирижерскою палочкою; подчасъ слышатся легкія всхлипыванья.... Испытаніе идетъ къ концу съ неравнымъ успѣхомъ; отъ усиленнаго напряженія мы утомлены до крайности физически и нравственно, энергія наставника тоже начинаетъ ослабѣвать, его жесты становятся медленнѣе, непрерывныя раскачиванія корпуса, напоминающія автоматическія движенія куклы, — рѣже, и постепенно все затихаетъ. Лишь изрѣдка тишина нарушается незначительными пререканіями, неизвѣстно изъ-за чего возникшими между обезсиленнымъ ребѣ и его почтенною, нѣсколько не воздержною на явыкъ супругою, занятою тутъ-же приготовленіемъ скудной трапезы на субботу, да невзначай сорвавшимся среди спора рѣзкимъ словомъ, сопровождаемымъ пискомъ ребенка гдѣ-то за пологомъ, скрывающимъ единственную въ комнатѣ кровать, обремененную парочку перинъ и двойнымъ количествомъ тощихъ подушекъ. Это пышное украшеніе жилища нашего ребѣ плотно придвинуто къ одной изъ голыхъ стѣнъ хедера, съ которой, какъ привидѣніе, одѣтое въ бѣлый саванъ, глядитъ какая-то безформенная масса, укутанная въ простыню сомнительной

близны, являющуюся обычнымъ суррогатомъ гардеробнаго шкафа, отсутствующаго по весьма вѣскимъ причинамъ.

А эти зимнія сумерки въ хедерѣ! Собравшись у печки, занимающей четверть комнаты, и дождавъ принесенные изъ дому булки, крендельки, пряники, мы обмѣниваемся самыми достовѣрными разказами о прелестяхъ райской жизни, ожидающей праведника, о мукахъ ада, на которыя грѣшники обречены; не безъ трепета передаемъ другъ другу истинныя происшествія о встрѣчахъ со злыми духами въ образѣ чело-вѣческомъ, съ ихъ длинными, предлинными языками и скверными шутками, вводящими въ искушеніе и соблазнъ; съ умиленіемъ и восторгомъ вспоминаемъ о былой славѣ Іудеи, о богатствѣ и блескѣ Соломонова храма, ведемъ оживленные бесѣды и споры о свойствахъ бѣлаго осла, на которомъ горячо ожидаемый Мессія совершитъ свой торжественный вѣздъ въ Іерусалимъ, и еще о многомъ другомъ, не менѣе волнующемъ умъ и сердце, туманящемъ наши юныя головы.

Какъ ярко эти таинственныя сумерки зимняго семестра рисуются нашему воображенію, будя въ немъ столько дорогихъ, невозвратныхъ воспоминаній! Онѣ смѣняются другими картинками и образами не менѣе привлекательными.

Разъ въ мѣсяцъ, въ первый день новолунія, не говоря уже о полупраздникѣ «Лагъ-Баомеръ», вся хедерная компанія съ ребе во главѣ покидаетъ душныя, узкія, грязныя улицы гетто ¹ и направляется въ одну изъ живописно расположенныхъ окрестностей, которыми такъ богатъ нашъ городъ—одна изъ крупныхъ центровъ «черты». Обремененные кто сладостями, кто богѣе солидными продуктами, участники традиціонной экскурсіи, кромѣ, разумѣется, самого ребе, угощаемаго на общественный счетъ, вносятъ въ это предпріятіе и значительныя денежныя средства, не превышающія, впрочемъ, 10—15 коп. на брата.

¹ На нѣкоторыхъ главнѣйшихъ улицахъ нашего роднаго города въ описываемое время евреямъ запрещалось жить и торговать. Это ограниченіе отмѣнено, если не ошибаемся, лишь въ началѣ 60-хъ годовъ.

Не безъ нѣкоторыхъ усилій, подталкиваемые дѣтскимъ задоромъ, мы, наконецъ, поднимается на ближайшую гору, поросшую хвойнымъ лѣсомъ, откуда открывается дивный видъ. Все необъятное пространство отъ одного края горизонта до другого залито ослѣпительнымъ блескомъ солнца и голубыми волнами насыщеннаго ароматомъ воздуха. Внизу, по ту сторону узкой дороги, сверкающей на солнцѣ ярко-зеленымъ ковромъ, растянулся огромный лугъ съ дѣлымъ моремъ душистыхъ цвѣтовъ, колымаемыхъ легкимъ вѣтеркомъ, тревожащимъ ихъ сладкую дремоту. Небольшая рѣка Велька змѣится по краю этого благоухающаго волнующагося луга, катя свои неглубокія, но быстрыя воды въ болѣе обширную, сплавленную рѣку, окаймляющую городъ, получившій отъ нея свое имя.

Неподалеку отъ устья, скрываемаго цѣпью холмовъ, на одномъ изъ которыхъ красуются развалины стариннаго княжескаго замка, перекинуть длинный, такъ называемый зеленый мостъ, соединяющій метрополию съ однимъ изъ предмѣстій, замѣчательнымъ своею древнею католическою святынею, привлекающею множество богомольцевъ, и долго служившимъ резиденціею нашего ученаго соплеменника, обогатившаго исторію мѣстной общины цѣнными трудами.

Прямо противъ нашей горы по ту сторону извилистой Вельки темнѣетъ липовая роща въ перемежку съ орѣшникомъ и молодыми, нѣжно зеленѣющими березками; кое-гдѣ стройные тополи возносятъ къ небу свои величественныя вершины, отливающія металлическимъ блескомъ, горделиво взирая на могучій темный дубъ, широко раскинувшій свои тяжелыя вѣтви. Все кругомъ утопаетъ въ зелени, а тамъ вдали пестрѣютъ остроконечныя, крытыя черепицею, кровли скученныхъ въ котловинѣ домовъ, надъ которыми высятся многочисленныя колокольни, точно подпирающія небо.

Трудно оторваться отъ этой чудной, торжественной картины. Мысль невольно обращена къ неподражаемому, великому мастеру, подавленная таинственною, неизяскаемою силою его творческой кисти!

Мы долго, долго любуемся великолѣпнымъ ландшафтомъ, чарующимъ глазъ разнообразіемъ красокъ и мягкими, нѣжными тонами, громко и шумно выражая свои восторги...

Юное общество сбѣгаетъ съ горы и нетерпѣливо дожидается внизу своего руководителя, который, опираясь на высокую, толстую палку съ костянымъ набалдашникомъ, еле ползетъ, медленными и неуверенными шагами подвигается впередъ и то и дѣло спотыкается въ немалому удовольствію мальчугановъ, едва сдерживающихъ невольную усмѣшку. Свернувъ съ дороги на узенькую тропинку луга, ведущую къ переброшенной чрезъ Вельку перекладинѣ, мы гуськомъ перебираемся по ней на другой берегъ, любуясь нашими смутными отраженіями, дрожащими въ водѣ, и тотчасъ весело разсыпается по тѣнистой рощѣ, погруженной въ таинственное безмолвіе, которое нарушаютъ только шорохъ листьевъ да взмахъ крыльевъ испуганныхъ птицъ.

Кровь кипитъ, молодая, трепетная жизнь настойчиво проситъ движенія, потребность быстрой, мускульной работы скывается съ неудержимою силою. Освободившись на время отъ менторскаго надзора, мы то ловко, какъ кошки, взбираемся на сучья старыхъ деревьевъ, подолгу на нихъ раскачиваясь, то, спшибая другъ друга съ ногъ и громко взвизгивая, начинаемъ прыгать черезъ пни или черезъ перешлетшіеся между собою узловатые корни, то, утомившись, ложимся на спину и, закинувъ руки подъ голову, тихо, сладостно глядимъ вверхъ, на глубокую, чистую лазурь неба, на медленно проходящія бѣлыя облачка. Кто-то начинаетъ, другіе подхватываютъ духовную кантату, стараясь подражать синагогальному хору; далеко и гулко раздаются въ воздухѣ звонкіе дѣтскіе голоса, сливающіеся въ одинъ стройный, радостный аккордъ...

Съ трудомъ удастся нашему ребѣ собрать своихъ расходившихся питомцевъ, какъ бы не признающихъ здѣсь его авторитета: среди зелени и чириканья птицъ они туго поддаются угнетающей дисциплинѣ затлаго хедера.

Короткій переходъ и—мы предъ одноэтажнымъ невзрач-

наго вида домоѣ, примыкающимъ къ краю небольшой поляны, гдѣ насъ уже ждутъ, завидѣвъ издали, привѣтливый хозяинъ—юркій, костлявый мужчина среднихъ лѣтъ, въ темномъ замасленномъ картузѣ блиномъ и сѣромъ балахонѣ, а за его спиною, немного поодаль, жена его, одѣтая въ ситцевое съ большими цвѣтами платье, которое она тутъ же оправляетъ, съ широкимъ, загорѣлымъ лицомъ, изборожденнымъ преждевременными морщинами, и умными глазами, въ шелковой, низко сидящей на лбу накладкѣ, изъ-подъ которой кое-гдѣ контрабандой выползають коротко остриженные, темно-каштановые волосы. На длиномъ, некрашенномъ столѣ подъ зеленымъ навѣсомъ изъ густо-сросшихся вѣтвей одинокой старой липы, приютившейся у сарая, съ быстротою молніи появляется цѣлый асортиментъ самыхъ разнообразныхъ яствъ и напитковъ: пара кувшиновъ свѣжаго молока, десятокъ-другой яицъ, сваренныхъ въ крутую и въ смятку, горячіе, вкусные блинчики съ творогомъ, объемистая, металлическая кружка легкаго «нѣмецкаго» пива, сейчасъ нацѣженнаго на ледникѣ, словомъ настоящій балъ. Молодой, проголодавшійся желудокъ прекрасно усвоилъ народную мудрость, создавшую поговорку: хорошо пѣсни пѣть пообѣдавши, и все что на столѣ вмѣстѣ съ остатками принесенныхъ изъ дому запасовъ моментально и бесслѣдно исчезаетъ на радость гостепримныхъ хозяевъ.

Ближайшая лужайка, обрамленная высокими деревьями, бросающими длинныя тѣни — послѣдній этапъ въ нашей восхитительной прогулкѣ, полной возвышающихъ дѣтскую душу впечатлѣній, — служить новою ареною нашей рѣзвости, бурно проявляемой въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. — Бѣганье взапуски, кувырканье, всевозможныя игры, какія только сподобно придумать юное воображеніе, кромѣ, конечно, игры въ бабки, какъ развлеченія, достойнаго лишь уличныхъ мальчишекъ (шекоцимъ), занимають не малое время. — Бдительное око ребе, хватившаго лишній стаканчикъ пива, а то и рюмку кюмеля, насъ теперь не смущаетъ: растянувшись на травѣ, онъ сладко отдыхаетъ въ тѣни и, изрѣдка просыпаясь, потре-

воженный буйнымъ жужжаніемъ надоѣдливой мухи или навойливымъ комаромъ, сѣвшимъ на горбинку его носа, тихо улыбається, любовно глядитъ на насъ заспанными глазами и одобрительно качаетъ головой.

Набѣгавшись до сыта и изрядно уставши, мы безцѣльно бродимъ по лѣсу или топчемся на одномъ мѣстѣ и хорошенько не знаемъ, что съ собою дѣлать. Игры прискучили, бесѣда больше не клеится; какъ-то вяло, нехотя перекидываемся отрывочными, незначительными фразами и, украдкой поглядывая въ сторону спящаго ребѣ Даніэля, ждемъ не дождемся когда онъ, наконецъ, очнется, чтобы достойно завершить день, проведенный въ забавахъ и тѣлесныхъ упражненіяхъ, высокимъ духовнымъ удовольствіемъ, которое общаетъ намъ его пробужденіе.

Вотъ онъ громко зѣвнулъ, протеръ глаза, прикоснулся руками къ землѣ и шевелить губами, точно шепчетъ молитву. Замѣтивъ знакомый жестъ, мы слѣшимъ къ нашему ребѣ, размищиваемся вокругъ него на сочной травѣ въ самыхъ непринужденныхъ позахъ и съ затаеннымъ дыханіемъ, не спуская глазъ съ его постепенно воодушевляющагося лица, слушаемъ его дивные, неисчерпаемые рассказы, освѣжающіе насъ, какъ цѣнистый прохладительный напитокъ.

Даніэль—маленькій, привезистый старикъ съ длинною, сѣдою бородою и такими же пейсами, съ высокимъ, выпуклымъ лбомъ, выступающимъ изъ-подъ широкихъ полей цилиндра, надвинутаго на затылокъ. Пара продолговатыхъ, темно-карихъ глазъ, отгнѣнныхъ густыми, чуть нависшими бровями, придаетъ его изъ-желта смуглому лицу выраженіе не то тихой грусти, не то мечтательной восторженности, обличающей глубокою, непоколебимую вѣру. Впрочемъ, на его наружность мы мало обращали вниманія. Красота или уродливость формъ, та или другая вѣшняя оболочка человѣка потеряла для насъ всякую цѣнность съ тѣхъ поръ, какъ мы отъ него-же усвоили строгое, мало отвѣчающее эстетическимъ требованіямъ, міровоззрѣніе знаменитаго рабби Меира, выраженное въ его изъ-

проводить почти всё ночи на твердой, узкой съ высокою спинкою скамьѣ возлѣ алмемера ¹ въ вышеназванномъ бетъ-га-мидрашѣ. Лишь разъ-другой въ недѣлю, преимущественно въ канунъ субботы, онъ измѣняетъ годами усвоенной привычѣ и обязательно нѣжится на мягкихъ пуховикахъ въ собственной небольшой квартиркѣ, занимаемой имъ вмѣстѣ со старухою женою и единственною дочерью, дѣвушкою некрасивою и безотвѣтною, въ глухомъ предмѣстьѣ, носящемъ нѣсколько смѣшное названіе «Подвьюшками», гдѣ онъ исполняетъ обязанности духовнаго раввина и проповѣдника.

Благодаря послѣдней должности, р. Даніэль до совершенства развилъ свой ораторскій талантъ, которымъ онъ былъ щедро надѣленъ отъ природы. Обаятельная сила его краснорѣчія какъ-то инстинктивно влечетъ насъ къ ребе въ нашихъ прогулкахъ и не даромъ: охваченный разнообразными впечатлѣніями, поэтически настроенный съ оттѣнкомъ мистицизма, онъ развертываетъ предъ нами свои богатыя дарованія и съ каждымъ словомъ открываетъ новые, невѣдомые намъ міры. Его плавная, образная рѣчь, пересыпаемая текстами, параболами, мѣткими замѣчаніями и остроумными сравненіями, прямо выхваченными изъ жизни, льется рѣкою, очаровывая слушателя своею безыскусственною простотою, искренностью и задушевностью; она трогаетъ тончайшія струны нашего дѣтскаго сердца и проникаетъ въ самыя недоступныя глубины умиленной души.

Чудныя сказанія, неподобныя легенды изъ агады и мидраша готовятъ наше воображеніе къ незамѣтному переходу въ область таинственнаго—этотъ неисчерпаемый источникъ самыхъ фантастическихъ разсказовъ, которые р. Даніэль такъ мастерски ведетъ. Ему досконально извѣстны имена всѣхъ ангеловъ и ихъ антиподовъ, онъ до мельчайшихъ подробностей изучилъ различныя свойства, функціи и іерархическія отличія каждаго изъ нихъ и не менѣе основательно освѣдом-

¹ Амвонъ, гдѣ читають установленныя главы изъ Библіи.

ленъ на счетъ направленія и путей, по которымъ совершаетъ свои непрерывныя странствованія Илія пророкъ, то неожиданно появляющійся тамъ, гдѣ всего менѣе рассчитывали на его заступничество и помощь, то внезапно исчезающій къ глубокому огорченію тѣхъ, чей домъ онъ удостоивалъ своимъ кратковременнымъ посѣщеніемъ.

Отъ чудодѣйственнаго пророка съ его безконечными метаморфозами одинъ шагъ до Мессіи сына Давидова—живого воплощенія наивысшаго нравственнаго идеала, возвѣщеннаго боговдохновенными пророками. Не кровью, не желѣзомъ, не золотомъ и не тонкою дипломатіею, а вѣщимъ глаголомъ, силою божественнаго слова онъ разбиваетъ оковы «голуca» — нашего долгаго рабства, трубными звуками собираетъ въ землю предковъ разсѣянныхъ по всему міру дѣтей Израиля, призывая ихъ къ новой, свободной и независимой жизни рядомъ съ другими народами; по одному его слову все человѣчество объединилось въ несокрушимый братскій союзъ, крѣпкій своею духовною мощью и взаимною солидарностью, совнаніемъ общности жизненныхъ задачъ и цѣлей, единствомъ происхожденія изъ одного источника.

Широкою кистью нашъ ребе набрасываетъ блестящую картину возрожденія іудейскаго царства, гдѣ неограниченно властвуютъ правда, справедливость и любовь; словно электрическимъ токомъ онъ передаетъ намъ свою глубокую, безпредѣльную вѣру въ близкій конецъ страданій людей, снѣдаемыхъ завистью, злобою и взаимною враждою, воодушевляя насъ до экстаза. Іерусалимъ, Сіонъ не сходитъ съ нашихъ устъ; всѣ наши чаянія и помыслы обращены къ «восточной стѣнѣ»; Палестина наша надежда, она скоро осуществится, вотъ сейчасъ, завтра, не позже какъ черезъ годъ «למחר», и тогда наступитъ счастье на землѣ, водворится всеобщее довольство и потекутъ медовыя рѣки въ кисельныхъ берегахъ.

Солнце садится; въ воздухѣ вѣетъ сыростью; надъ журчащею вблизи рѣчкою поднимается паръ и, какъ таинственный призракъ, легкою волною скользитъ по ея поверхности.

Мы тихо возвращаемся въ городъ и по его тускло освѣщеннымъ улицамъ, на которыхъ жизнь угасаетъ вмѣстѣ съ огнями, кое-гдѣ мерцающими въ убогихъ лавчонкахъ, не чувствуя подъ собою ногъ, расходимся въ разныя стороны, утомленные пережитыми впечатлѣніями, но довольные и счастливые.

II.

Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Прошло чуть ли не съ полвѣка, и, озираясь кругомъ, мы съ грустью замѣчаемъ не мало пустыхъ мѣстъ: «однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далеце». Много, очень многое измѣнилось, но еще больше позабыто, заброшено какъ ненужный хламъ, какъ негодная ветошь.—Развѣдающій скептицизмъ дѣлалъ свое дѣло, не оставляя живого мѣста на всемъ старомъ, которое подъ его беспощадными ударами шаталось и рушилось, очищая путь творческимъ усиліямъ освобожденной мысли; одинъ лишь основной мотивъ, гдѣ то крѣпко засѣвшій, не поддавался разрушительному дѣйствію всепроникающаго критицизма, уцѣлѣлъ и по прежнему сохранилъ всю силу своего обаянія, поддерживая прочную связь съ потускнѣвшимъ, но все же дорогимъ прошлымъ.

Подъ напоромъ новыхъ вѣяній освободительной эпохи, послужившей рубежомъ въ исторіи Россіи, увлеченные бурнымъ потокомъ новыхъ общественныхъ идеаловъ и культурныхъ запросовъ, мы быстро поплыли по его широкому руслу.—Свѣжая струя живой воды очистила застоявшійся, пропитанный тяжелыми испареніями, воздухъ, и всѣмъ стало легко дышать и работать.—Обновленная жизнь была ключемъ, работа кипѣла; каждый день выдвигалъ все новыя и новыя задачи—разнообразныя, полныя живого захватывающаго интереса.—Не однимъ только избранникамъ—баловнямъ судьбы, но всѣмъ алчущимъ и жаждущимъ открывался свободный доступъ къ плодотворному труду, на который наши юноши совместно со всею молодежью шли беззавѣтно, съ искреннимъ воодушевленіемъ, и всѣ, кому силы позволяли, находили

достаточный просторъ для безпрепятственнаго приложенія своихъ индивидуальныхъ способностей въ разнородныхъ отрасляхъ знанія и практической дѣятельности при свободномъ, ничѣмъ не стѣсняемомъ соперничествѣ.

На ряду съ новыми товарищами, въ братскомъ съ ними единеніи, въ крѣпкомъ союзѣ мысли и дѣла, мы далеко ушли впередъ и безъ усталости стремились еще дальше, вперивъ свой взоръ въ туманную даль, манящую причудливыми призраками, то скрывающимися изъ глазъ, то опять выплывающими изъ-за легкихъ облачковъ въ новыхъ, еще болѣе привлекательныхъ очертаніяхъ. — Цѣль казалась близкою, дающеюся въ руки. — Впрочемъ, о конечной цѣли мы мало справлялись, насъ увлекалъ самый путь, процессъ поступательнаго шествія, которое рано или поздно, думалось, приведетъ къ желанному мѣсту, къ сборному пункту, куда всѣ послѣ утомительнаго странствованія по непроходимымъ болотамъ, лѣснымъ чащамъ и скользкимъ, извилистымъ тропинкамъ, сойдутся для отдыха, чтобы сообща насладиться плодами прибрѣтенныхъ въ дорогѣ каждымъ изъ путниковъ знаній и опыта и мирно продолжать культурную работу во всемъ ея разнообразіи на общее благо.

Не оглядываясь назадъ, имѣя въ виду только грядущее, мы забывали о настоящемъ, не замѣчали того, что происходило вокругъ насъ, не доглядѣли, какъ путь, въ которой мы такъ смѣло пустились, все болѣе и болѣе суживается, заваливается камнями, закрывается рогатками, какъ на каждомъ шагу опускается шлагбаумъ, преграждающій доступъ въ обтраванную землю, которая намъ, подобно Моисею съ вершины Нево, видѣлась издали въ болѣе или менѣе ясныхъ очертаніяхъ.

Вдругъ что то странное прозвучало въ воздухѣ; раздался похожій на шипѣніе голосъ и явственно послышался непривычный окрикъ: назадъ, знай свое мѣсто!...

Оглушенные рѣзкимъ свистомъ, долго звенѣвшимъ въ ухахъ, мы въ недоумѣніи остановились было на перепутьи,

не довѣряя своему слуху, смущенно оглядываясь по сторонамъ. Гулъ все усиливался, дикій ревъ сотрясалъ воздухъ; то тутъ, то тамъ слышались раздирающіе душу человѣческіе вопли, смѣшанные съ лязгомъ и трескомъ падающихъ тѣлъ, точно потопа пронесся по «растлившейся землѣ, наполнившейся злодѣянiami»...

Разнузданныя страсти, озвѣрѣніе на одной сторонѣ, горе и смущеніе на другой; вездѣ стоитъ невообразимый хаосъ, настоящее ужасн. въ которомъ трудно, невозможно разобратъ. Все какъ то смѣшалось и перепуталось, и въ паническомъ страхѣ кто безъ оглядки кидается въ разныя стороны, самъ не зная куда и зачѣмъ, кто, совсѣмъ сбившись съ дороги, попадаетъ въ чужой станъ.

Сердце разрывалось отъ тоски, грудь изнывала, кровь стыла въ жилахъ, мовгъ цѣпенѣлъ. Мы были близки къ отчаянію, и стоило не мало борьбы, чтобы удержаться на мѣстѣ, не поддаться пагубному дѣйствію этого страшнаго убивающаго чувства. Насъ поддерживала глубокая вѣра, усвоенная съ юношескихъ лѣтъ отъ стараго ребъ Даніэля, вѣра въ нашу правоту, въ конечное торжество добра, и, несмотря на новые, жестокіе удары, мы съ упованіемъ и надеждою взирали въ даль, убѣжденные, что густой туманъ, застилавшій нашъ путь, исчезнетъ, какъ дымъ, воздухъ очистится и взойдетъ красное солнышко, которое согрѣетъ наши околѣнѣвшіе члены и снова освѣтитъ насъ своимъ лучезарнымъ сіяніемъ. Это убѣжденіе, сложившееся не подъ влияніемъ временныхъ измѣнчивыхъ условій, а выросшее на почвѣ вѣчныхъ общечеловѣческихъ началъ, провозглашенныхъ великимъ Исаіею и завоевавшихъ полмира, развивалось и крѣпло у насъ съ каждымъ днемъ, и никакія разочарованія, какъ щедро они ни сыпались, не могли его поколебать.

III.

Подобно тому, какъ ревущій ураганъ, проносясь надъ поверхностью океана, возмущаетъ спящую его глубину, такъ

точно пронесшіяся надъ нашимъ народомъ бури разбудили и взволновали глубины народной души. И здѣсь, въ самый разгаръ бѣшеной вакханаліи пестрой уличной толпы, поощряемой кивками разныхъ знакомцевъ и незнакомцевъ, все зашевелилось, встрепелось, заколыхалось... Одно за другимъ возникаютъ какія то странныя, непонятныя движенія и, едва зарождаясь, быстро, безслѣдно исчезаютъ, оставляя лишь горькій осадокъ. Имъ на смѣну надвигаются новыя вѣянія, на время какъ будто освѣжающія спертый, удушливый воздухъ, но и они, какъ легкій туманъ, скоро разсѣваются, уносимыя могучими волнами широко разлившейся бурной рѣки, далеко разсыпающей свои брызги. Возникшее на развалинахъ поспѣшно воздвигнутыхъ хрупкихъ зданій, заброшенныхъ жильцами вслѣдъ за сбѣжавшими архитекторами, новое движеніе, благодаря необычайной энергіи вождей, гибкости и эластичности ихъ догматовъ и крайней воспріимчивости среды, очень скоро прокладываетъ себѣ дорогу среди обломковъ опустѣвшихъ храмовъ, шагъ за шагомъ овладѣваетъ позиціею и разрастается вширь и вглубь, завоевывая сердца, покоряя умы, оглушая производимымъ шумомъ и трескомъ.

Грустно становится, когда подумаешь объ этомъ непрерывномъ, доживающемъ вотъ уже второй десятокъ шатаніи, которому все еще не видно конца. Быстрая смѣна настроеній, легкое отреченіе сегодня отъ всего того, чему вчера еще поклонялись, свободное обращеніе съ идеями и чувствами, точно мы мѣняемъ перчатки, подбирая цвѣта, рекомендуемые послѣднею модою—не указываетъ ли все это на нашу растерянность и крайнюю неустойчивость?

Прежніе идолы повержены въ прахъ, ихъ заступаютъ вновь воздвигнутые кумиры, то искусно отточенные тонкимъ рѣзцомъ художника, то поражающіе грубостью и аляповатостью формъ, фантастичностью мотивовъ. Не ищите оригинальности у новоизобрѣтенныхъ боговъ; ихъ самобытность весьма подозрительна—она сильно смахиваетъ на подражаніе, свидѣтельствуя о скудости фантазіи мастера, надѣляющаго

своихъ любимцевъ чертами, родственными языческимъ изображеніямъ, которымъ такъ усердно служить въ многочисленныхъ капищахъ, словно изъ подъ земли выросшихъ на всемъ нашемъ полушаріи въ послѣднія десятилѣтія... Тотъ же узкій, самодовлѣющій націонализмъ, та же исключительность и нетерпимость, напоминающая *mutatis mutandis* муниципальныхъ ораторовъ придунайской столицы, то же пренебреженіе къ богатымъ сокровищамъ, унаслѣдованнымъ отъ предшествовавшихъ поколѣній, сокровищамъ, пріобрѣтеннымъ тяжелою, многовѣковой работою лучшихъ передовыхъ умовъ.

Все идетъ на смарку. Не пощадили и нашей 2000 лѣтней исторіи; ея, оказывается, вовсе не было, и во весь періодъ развѣянія мы не жили сознательною историческою жизнью, а прозябали въ какомъ то безвоздушномъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ ни свѣта, ни тѣни. По увѣренію усердствующихъ, наша исторія только теперь зарождается, со вчерашняго дня ее начинаютъ дѣлать въ швейцарскомъ городѣ Базелѣ, подобно тому, какъ луна дѣлается въ Гамбургѣ. Вотъ до чего договорились!

Насъ куда то собираютъ, зовутъ въ землю предковъ, въ *szlł dłł r-m*, суля спокойную, хорошо защищенную пристань, охраняемую извнѣ чуть ли не силою международныхъ трактатовъ и покоящуюся внутри на невыблемыхъ національныхъ устояхъ. Это мирное «правоохраненное» убѣжище, сооруженное не по чужому капризу, а энергією и самодѣятельностью еврейскаго народа, какъ утверждаютъ, обезпечить ему прочное и почетное существованіе, представить всѣ условія для свободнаго, всесторонняго развитія его духовныхъ и матеріальныхъ силъ и дать широкій просторъ для безпрепятственнаго примѣненія его разнообразныхъ способностей, знаній и опыта.

Проповѣдники нашего національнаго возрожденія на старой исторической почвѣ не дремлютъ. Смѣло и энергично они ведутъ свое дѣло, подбадривая лѣнливыхъ, убѣждая сомнѣвающихся то пламенными рѣчами, то тонкою, даже чрезъчуръ тонкою діалектикою, побивая противниковъ философскими

доктринами и показаніями величайшихъ авторитетовъ, призываемыхъ въ качествѣ свидѣтелей и экспертовъ. Потревожены тѣни покойниковъ, которыя являются на подмогу, какъ вѣрные союзники. Знаменитый государственный мужъ, вышедшій изъ нѣдръ Израиля и занявшій почетное мѣсто среди первой въ мѣрѣ знати, великій съ чистою, какъ кристалль, душою, гениальный мыслитель, насильно удаленный изъ синагоги, не мирившейся съ свободнымъ проявленіемъ его всеобъемлющаго духа—тотъ и другой какъ бы санкціонируютъ новое ученіе, гармонирующее съ идеями и мыслями, занимавшими ихъ умы. Вездѣ и повсюду провозвѣстники второго исхода ищутъ поддержки своимъ усиліямъ и, опираясь на авторитетные голоса, рѣшительно бросаются въ бой и храбро отражаютъ нападенія непріятеля, ошеломленнаго быстрымъ натискомъ отборныхъ, хорошо вооруженныхъ воиновъ. Тяжелыя орудія бьютъ мѣтко, производя опустошенія въ противномъ лагерѣ, изъ котораго рѣдко долетаютъ одинокіе выстрѣлы. Доказательства, приводимыя учителями, неотразимы, краснорѣчіе свидѣтелей дѣйствуетъ обаятельно и ряды учениковъ все увеличиваются, число адептовъ растетъ съ каждымъ часомъ.

IV.

Намъ не зачѣмъ здѣсь останавливаться на разборѣ сущности сіонизма, его идейнаго содержанія и реальной цѣнности, а равно входить въ подробное разсмотрѣніе условій и причинъ, давшихъ жизнь этому движенію и его питающихъ. Объ этомъ уже такъ много писали и продолжаютъ писать, а еще больше *говорятъ* и нерѣдко горячо, убѣдительно и краснорѣчиво, освѣщая вопросъ съ разныхъ сторонъ, исходя изъ діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія, что новый оттѣнокъ, лишній штрихъ ничего или очень мало прибавилъ бы къ суммѣ кипучей работы, посвященной разъясненію переживаемаго нашимъ народомъ историческаго момента. Еще рано и подводить итоги. Намъ, современникамъ, присутствующимъ при самомъ

процессъ броженія, когда умы возбуждены, страсти не улеглись, партійная борьба, вносящая въ жизнь разладъ и сумятицу, находится еще въ самомъ разгарѣ, чрезвычайно трудно разобратъся, вполне понять наблюдаемое явленіе, охватить его во всей совокупности и дать ему правильную оцѣнку. Поэтому дѣлать теперь же, не опасаясь впасть въ односторонность, рѣшительные выводы едва ли возможно—во всякомъ случаѣ, крайне рискованно—тѣмъ болѣе, что ни степень устойчивости самага движенія, ни сила и размѣры его непосредственнаго вoadѣйствія на внутреннюю жизнь евреевъ, ни, наконецъ, характеръ вліянія, какое оно можетъ оказать въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ на ихъ внѣшнее положеніе—экономическое и политическое—еще не опредѣлились и не выяснились съ достаточною яркостью.

Несомнѣнно однако, что видимыхъ, осязательныхъ результатовъ придется ждать долго—положительныхъ больше, отрицательныхъ меньше. А между тѣмъ, все громче и громче зоветъ насъ живое, неотложное дѣло, достаточно важное для того, чтобы отдать ему все наше время, знанія и трудъ.

Духовной энергіи накопилось много, матеріальныя жертвы приносятся ежедневно тоже не малыя—не воспользоваться ли этими ресурсами для производительной домашней работы, быть можетъ, менѣ шумной и крикливой, не столь эффектной, но крайне нужной? Распространеніе свѣта въ неисчислимыя темныя углаха «черты», гдѣ нашъ народъ утопаетъ въ глубокомъ невѣжествѣ, возможное облегченіе его экономической немоци, являющейся неизбѣжнымъ спутникомъ темноты и косности, организація съ этою цѣлью на раціональныхъ основаніяхъ, сообразно разнороднымъ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ, соотвѣтствующихъ учреждений, построенныхъ по возможности не на принципѣ исключительной благотворительности, образованіе мѣстныхъ кружковъ, имѣющихъ своею задачею отстаивать и защищать всеми законными способами права отдѣльныхъ лицъ въ случаѣ нарушенія ихъ явно неправильнымъ и несообразнымъ примѣненіемъ и

толкованіемъ многочисленныхъ ограничительныхъ законовъ и распоряженій, когда это не подѣ силу самимъ потерпѣвшимъ, и т. п. — вотъ сколько плодотворной и созидательной работы, которая ждетъ насъ дома на каждомъ шагу и которой не захчѣмъ искать гдѣ-то за моремъ.

Конечно, такая работа требуетъ большого напряженія, дружныхъ единомысленныхъ усилій со стороны всѣхъ, къ какому бы лагерю они ни принадлежали, кто только болѣетъ скорбью народною, у кого теплится искра неподдѣльнаго сочувствія къ своимъ обездоленнымъ братьямъ. Но прежде всего необходимо объединеніе, сосредоточеніе силъ—одно изъ главнѣйшихъ условій успѣха въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какое намъ предстоитъ, а этого то именно, къ сожалѣнію, и не видно. Единственною помѣхою тому служить присущая намъ ровнь, разбродъ—этотъ старый нашъ грѣхъ, ахиллесова пята нашей общественной жизни, сказавшаяся уже на самой зарѣ исторіи еврейскаго народа и дающая себя особенно чувствовать въ послѣдніе годы. Оставимъ же на время наши распри, бесплодно поглощающія такъ много энергіи, забудемъ о нашихъ несогласіяхъ, объединимъ наши разрозненные силы, направивъ ихъ на близкое всѣмъ намъ, безъ различія направленій и партій, дорогое дѣло, будемъ трудиться сообща, и тогда, нѣтъ сомнѣнія, работа будетъ спориться, нашъ трудъ не пропадетъ даромъ и когданибудь приведетъ къ цѣли.

Вѣдь не вѣчно же будетъ висѣть надъ нами густой туманъ, скрывающій наши свободныя движенія. Что бы ни говорили по поводу замѣчаемаго поворота въ общественныхъ настроеніяхъ и чувствахъ, происшедшаго подѣ влияніемъ политической и соціальной эволюціи за послѣднее тридцатилѣтіе, но едва ли у кого хватитъ смѣлости отрицать непреодолимое, хотя, можетъ быть, слишкомъ медленное дѣйствіе закона историческаго прогресса и, наоборотъ, утверждать, что въ крайнемъ націонализмѣ, натворившемъ уже столько бѣдъ, человечество сказало свое послѣднее слово, что культурные народы такъ и застыли, окаменѣли на этой узкой, эгонисти-

ческой идеѣ, стоящей въ рѣзкомъ противорѣчїи съ основами новой цивилизаціи, смѣнившей міросозерцаніе древняго языческаго міра.

Нѣтъ, рано или поздно окружающій насъ мракъ разсѣется, наступятъ свѣтлые дни, и яркіе лучи солнца, живительное дѣйствіе которыхъ мы однажды испытали уже на себѣ здѣсь, на нашей многовѣковой родинѣ, снова засіяютъ и оварятъ своимъ блескомъ нашъ длинный, томительный путь.

„Но невѣчно процарствуетъ злобный обманъ,
Этотъ гнетъ не всесилень, о нѣтъ!
Каждый вихря порывъ разгоняетъ туманъ,
Приближая желанный разсвѣтъ.
Много радостныхъ дней, много свѣтлыхъ минутъ,
Впереди мы еще проживемъ,
До конца доведемъ свой покинутый трудъ,
До побѣды борьбу доведемъ“.

Давно знакомый голосъ намъ слышится въ этихъ бодрящихъ словахъ поэта, и во всей яркости возстаетъ предъ нами образъ нашего стараго учителя, одушевленнаго искреннею вѣрою въ пришествіе Мессїи, въ свободное развитіе и преуспѣяніе еврейскаго племени, живущаго въ братскомъ союзѣ съ другими народами. И невольно, сравнивая завѣтные идеалы р. Данїіаля съ чаяніями и ученіями новыхъ пророковъ, и разумъ, и сердце отдають предпочтеніе первымъ предъ вторыми.

Въ ожиданіи свѣтлыхъ дней, въ наступленіе которыхъ—раньше или позже—мы глубоко вѣримъ, будемъ же дружно, сомкнутыми рядами, трудиться и ради блага народа заниматься не заоблачными мечтаніями, отвлекающими много здоровыхъ силъ и дарованій, а скромною, не видимою, но крайне полезною и достаточно разнообразною работою, обезпечивающею медленный, но вѣрный успѣхъ у себя дома.

Надо разрыхлять почву, на которой мы сидимъ, осушать болота, «сѣять разумное, доброе, вѣчное», и здоровое зерно, брошенное въ землю, дастъ хорошіе всходы, народная нива зазеленѣетъ, зацвѣтетъ и покроется обильными злаками.

Побольше единенія, свѣта и любви!

Я. Гальпернъ.

По промышленной чертѣ осѣдлости.

(Путевые наброски техника).

I. На бѣлостонскихъ фабрикахъ.

Фабрики, обрабатывающія волокнистыя вещества. — Прядильни. — Механическія и ручныя ткацкія. — Ткачи-одиночки. — Красильныя и апретурныя. — Поляныя суконныя фабрики. — Фабрики искусственной шерсти. — Фабрики одѣяль. — Фабрика шляпъ. — Фабрика шелковыхъ лентъ.

Въ своихъ экономическихъ изслѣдованіяхъ черты еврейской осѣдлости А. П. Субботинъ называетъ Бѣлостокъ «оазисомъ, свѣтлымъ пятномъ, на общемъ мрачномъ фонѣ еврейской осѣдлости»¹. Это опредѣленіе, данное крупнѣйшему фабричному центру сѣверо-западнаго края русскимъ экономистомъ 13 лѣтъ тому назадъ—въ настоящее время вызываетъ въ памяти газетныя извѣстія, корреспонденціи и путевыя впечатлѣнія², рисующія совсѣмъ другія картины... Всѣмъ памятен еще тревожныя вѣсти, которыя получались изъ Бѣлостока въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ и которыя были полны жалобъ на кризисъ, на отсутствіе работы у евреевъ-ткачей, на усиленную ихъ эмиграцію въ Америку, на бѣдственное положеніе тысячъ рабочихъ семействъ. Тѣмъ не менѣе, Бѣлостокъ до сихъ поръ—центръ еврейской фабричной промышленности. Здѣсь мы можемъ наблюдать ее со всѣми ея типичными особенностями. Кромѣ Лодзинскаго района, другого подобнаго фабричнаго центра черта осѣдлости не знаетъ.

По послѣдней переписи (1897 г.) Бѣлостокъ насчитываетъ около 75 тысячъ жителей, изъ которыхъ около 48 тысячъ — евреи, т. е. послѣднихъ больше $\frac{3}{5}$ всего населенія. Евреи

¹ А. П. Субботинъ. Въ чертѣ еврейской осѣдлости. Выпускъ II, стр. 64.

² R. S. Landau. „Unter jüdischen Proletarier“.

встрѣчаются здѣсь въ качествѣ торговцевъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ и рабочихъ. Въ среднемъ можно считать, что девять десятыхъ бѣлостокскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ—евреи. Не то приходится сказать о евреяхъ-рабочихъ. Въ преобладающей здѣсь суконной промышленности *евреи встрѣчаются только въ качествѣ ткачей въ ручныхъ ткацкихъ заведеніяхъ. Во всѣхъ же фабрикахъ, занятыхъ обработкой шерсти и другими родственными производствами, въ которыхъ двигателемъ является механическая сила, еврей-рабочіе совершенно отсутствуютъ.*

Въ своихъ бѣглыхъ очеркахъ техника-туриста мы постараемся посылно освѣтить какъ это неожиданное для незнающаго черты осѣдлости явленіе, такъ и нѣкоторыя другія, обратившія на себя наше вниманіе характерныя особенности еврейской фабричной промышленности.

По числу занятыхъ рабочихъ и по размѣрамъ оборотовъ преобладающее значеніе принадлежитъ въ Бѣлостокѣ суконному производству. Возникновеніе суконныхъ фабрикъ въ Гродненской губерніи относятъ къ срединѣ XVIII вѣка. Въ это время въ Великое Княжество Литовское приглашались изъ-за границы мастера для развитія въ краѣ фабричной промышленности. Въ началѣ же нашего столѣтія потомки этихъ мастеровъ, а также *ткачи-саксонцы*, оставшіеся въ Бѣлостокской области изъ разбитой арміи Наполеона I, оказались *первыми основателями* прядильныхъ и ткацкихъ заведеній въ Бѣлостокѣ и его окрестностяхъ. Производство, носившее первоначально чисто кустарный характеръ, постепенно развивалось въ крупное, фабричное. Число нѣмцевъ, занятыхъ суконно-фабричнымъ трудомъ, быстро возрастало. Въ 30-хъ годахъ въ мѣстечкѣ Супрасли строится фабрика Захерта, имѣвшаго уже фабрики въ Згержѣ, а въ 40-хъ годахъ возникаютъ фабрика Моиса въ м. Хорощи, В. Захерта, Аунерта, Бухгольца и др. Но не будемъ останавливаться на прошломъ бѣлостокской промышленности: оно имѣетъ свою литературу¹, къ которой всякій ближе интересующійся, конечно,

¹ „Экономическій Журналъ“ за 1887 г. кн. 8—9. Ст. М. Веллера. Гродненская губернія. Мат., собранные офиц. Ген. Штаба и др. Очеркъ Бѣлостока. М. Г. Милаковскаго 1897 г.

обратится. Мы коснемся ея современнаго состоянія, посѣтимъ дѣйствующія теперь фабрики. Мы заранѣе просимъ у читателя извиненія за отвлеченіе его вниманія описаніемъ нѣкоторыхъ техническихъ процессовъ и объясненіемъ терминовъ: для болѣе сознательнаго отношенія къ описываемому знакомство съ основными техническими приемами работы необходимо.

Изготовленіемъ сукна въ Бѣлостокѣ и его районѣ заняты какъ фабрики, приводимыя въ дѣйствіе паровыми машинами, локомотивами и мелкими двигателями, такъ и ткацкія заведенія и ткачи-кустари, работающіе на ручныхъ ткацкихъ станкахъ. Здѣсь рѣдко можно встрѣтить фабрики, имѣющія всѣ отдѣленія, необходимыя для того, чтобы изъ шерсти получить совершенно готовый товаръ, т. е. фабрики, имѣющія шерстомойни, прядильныя, ткацкія, красильныя и апретурныя, въ которыхъ ткань окончательно отдѣливается. Гораздо больше фабрикъ средняго типа и мелкихъ, состоящихъ изъ одного или двухъ вышеупомянутыхъ отдѣленій. Такъ, особенно часты комбинаціи прядильныхъ и ткацкихъ, красильныхъ и апретурныхъ. Встрѣчаются также однѣ прядильныя. Но особенно многочисленны ткацкія заведенія съ небольшимъ числомъ ручныхъ станковъ, работающія кустарнымъ способомъ.

Предлагаемыя ниже описанія нѣкоторыхъ фабрикъ даютъ представленіе о характерѣ производства на большинствѣ еврейскихъ фабрикъ Бѣлостокскаго района. Въ оборудованіи машинами и въ практикуемыхъ приемахъ работы фабрики эти не представляютъ большого разнообразія. Онѣ построены и организованы по одному и тому же шаблону, и достаточно познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ, чтобы составить себѣ понятіе обо всѣхъ остальныхъ.

Въ прядильной и ткацкой г. Г. шерсть доставляется на фабрику въ мытомъ видѣ. На этой фабрикѣ такъ же, какъ и на большинствѣ бѣлостокскихъ фабрикъ—нѣтъ шерстомойни, гдѣ производилось бы фабричное мытье шерсти. Изготовленіе сукна начинается здѣсь со смѣшенія разныхъ сортовъ шерсти для полученія различныхъ номеровъ *пряжи*, т. е. нитей, переплетающихся между собой въ разныхъ направленіяхъ въ ткани. Смѣшеніе это производится на полу работницами. Затѣмъ известное количество шерсти сбрасывается охапками въ *тре-*

пальную машину, которая разбиваетъ сжатые комки шерсти, перемѣшиваетъ волокна одного сорта съ волокнами другого, удаляя при этомъ различныя постороннія тѣла, какъ-то сѣмена, соръ и т. п. Разрыхленная и очищенная отъ сора шерсть подвергается процессу намасливанія, т. е. смазыванія жирами. Эта операція имѣющая цѣлью уничтоженіе ломкости и взаимнаго сцепленія волоконъ, производится здѣсь ручнымъ способомъ; машинъ для автоматическаго намасливанія шерсти мнѣ не пришлось видѣть въ Бѣлостоцѣ. Послѣ этой операціи шерсть подвергается процессу *чесанія* или *кардованія* на *кардочесальныя* машинахъ. Въ этой весьма важной части обработки шерсти волоконца ея приводятся въ правильное, параллельное между собой положеніе. Чесаніе шерсти производится либо на двухъ машинахъ *грубо* и *тонкочесальной*, либо на трехъ. Въ послѣднемъ случаѣ шерсть проходитъ еще т. н. *перечесную* машину. Изъ первой чесальной машины шерсть выходитъ въ видѣ полотна изъ ваты опредѣленной толщины. Этотъ ваточный слой накладывается работницей на *перечесную* машину, въ которой шерсть еще разъ расчесывается и очищается. Отсюда она поступаетъ въ 3-ю т. н. *ровничную* машину, которая преобразуетъ вату въ рыхлыя нѣсколько ссученныя ленты, извѣстныя подъ названіемъ *ровницъ* и идущія непосредственно на *прядильныя* машины, превращающія ихъ въ тонкія нити, т. е. въ *пряжу*. Прядильныя машины, здѣсь употребляемыя, называются *мюль-машинами* и *сельфакторами*. На нихъ *ровницы* растягиваются, ссучиваются и навиваются на веретена въ качества уже готовой пряжи. На фабрикѣ Г. за кардочесальными машинами работали молодыя дѣвушки и старухи. Онѣ накладывали въ машины взвѣшенное ими же опредѣленное количество шерсти. Эту работу могутъ выполнить спеціальныя механическія приспособленія, при употребленіи которыхъ получается болѣе равномерной тонины *ровница*. Такихъ механическихъ *постилальщицъ* ни на этой, ни на другихъ многу видѣнныхъ фабрикахъ—нѣтъ. Здѣсь также не практикуется автоматической и послѣдовательной передачи матеріала отъ одной чесальной машины къ другой. За *мюль-машинами* и *сельфакторами* работаютъ подростки: *присучальщицы* и *присучальщики*, обязанные соединять оборвавшіяся нити. Кромѣ нихъ

мюлемъ управляетъ взрослый рабочій, прядильщикъ. Среди *всѣхъ этихъ работницъ и рабочихъ—нѣтъ евреевъ или евреекъ*. Полученная изъ прядильныхъ машинъ пряжа идетъ на аппараты, предназначенные для подготовленія ея къ тканью. Одни аппараты готовятъ *основную* пряжу (дающую въ ткани долевые нити); другіе—*уточную* (поперечныя нити ткани). Основная и уточная пряжа, полученная съ прядильныхъ машинъ, должна быть перемотана на катушки и шпули снарядами, называемыми *мотальными* и *шпульными*. *Сновальня* же сматываетъ пряжу со столькохъ катушекъ, сколько нитей имѣется по ширинѣ въ предположенной ткани; при томъ съ каждой катушки сматывается длина пряжи, равная длинѣ предположенной ткани. На этихъ снарядахъ, на которыхъ работа производится въ ручную, работаютъ дѣвушки; механическихъ аппаратовъ, выполняющихъ эти работы, а также сновальныхъ машинъ съ автоматической проклейкой и сушкой основы (для приданія ей крѣпости и гладкости) я также нигдѣ не встрѣчалъ.

Послѣ этихъ манипуляцій основа вправляется въ ткацкій станокъ, изъ котораго получается ткань, такъ называемое *суконное* полотно, т. е. еще неокрашенная и не отдѣланная. На фабрикѣ Г—а находилось въ дѣйствиі до 30 механическихъ ткацкихъ станковъ (нѣмецкихъ). *За этими станками работали исключительно христіанскіе рабочіе*.

Фабрика приводится въ дѣйствиі локомотивомъ въ 24 силы, поставленнымъ въ грязномъ, низкомъ и темномъ сараѣ, называемомъ машиннымъ отдѣленіемъ. Четырехъ-этажное зданіе фабрики—темно, низко и тѣсно. Полы—деревянные. На второй этажъ можно только подняться снаружи зданія, по деревянной лѣстницѣ. Нормальнаго лѣстничнаго помѣщенія совершенно нѣтъ. Въ 3-ій и 4-ый этажъ можно подниматься только по плохимъ деревяннымъ лѣстницамъ, приставленнымъ къ прорубленнымъ въ потолкахъ отверстіямъ. Во всѣхъ помѣщеніяхъ воздухъ пропитанъ шерстяной пылью и тяжелыми испареніями. Зубчатая колеса въ чесальныхъ машинахъ и ремни—не ограждены, что представляетъ большую опасность, усиливающуюся еще тѣмъ, что машины поставлены очень близко другъ къ другу. Скучное керосиновое освѣщеніе и постоянная усталость работницъ (при

сверхурочныхъ работахъ—работа производится отъ 6 утра до 9 ч. вѣч.) дѣлаютъ еще болѣе опаснымъ это отсутствіе огражденій въ машинахъ. Фабрикантъ и мастеръ, завѣдующій производствомъ, а также конторскіе служащіе—евреи, но *изъ 70 рабочихъ—нѣтъ, однако, ни одного еврея*. Рабочіе—преимущественно поляки.

Отъ механическихъ ткацкихъ станковъ, куда евреи не допускаются, перейдемъ въ ручную ткацкую г. Б—а. Здѣсь работаетъ до 10 ткачей за ручными станками и до 6 дѣвушекъ—шпульницъ (по мѣстному—шпулярки). Въ первый разъ мнѣ пришлось увидѣть въ этой ткацкой евреевъ-ткачей, тѣхъ самыхъ, о бѣдствіяхъ которыхъ столь много писалось и говорилось. Въ низкой комнатѣ, за громоздкими деревянными станками, работали старые и молодые ткачи. У болѣе пожилыхъ—изможденные, худыя, совершенно безкровныя лица, большія нечесанныя и растрепанныя бороды и сосредоточенный на работѣ взглядъ. Непроизвольно, совершенно машинально они совершаютъ движенія туловищемъ и головой въ тактъ извѣстнымъ движеніямъ станка. И такъ продолжаются часы, дни и годы. Къ одному изъ нихъ я подхожу, и на мое привѣтствіе онъ протягиваетъ мнѣ руку, проговоривъ обычное «шоломъ алейхемъ». Ему—около 40 лѣтъ. Въ разговорѣ со мной съ его стороны чувствуется сознаніе своего достоинства. Владѣлецъ ткацкой мнѣ объяснилъ, что этотъ ткачъ—талмудистъ. По вечерамъ, послѣ двѣнадцатичасоваго труда, дающаго ему не болѣе 6 руб. въ недѣлю, онъ нерѣдко погружается въ изученіе тѣхъ книгъ, которыя служатъ для него источникомъ силъ въ его полной труда и лишенія жизни. Тутъ же работаютъ еврейскія дѣвчѣнки за шпульницами, вырабатывающія отъ 1 р. 50 к.—до 2 р. въ недѣлю. Достаточно посмотрѣть на ихъ печальныя лица, чтобы рѣшить, что онѣ совершенно не знаютъ радости молодыхъ лѣтъ, что ихъ лучшіе годы проходятъ въ непрерывномъ трудѣ и постоянныхъ лишеніяхъ.

На другой улицѣ, на разстояніи нѣсколькихъ минутъ ходьбы, тотъ же владѣлецъ имѣетъ ткацкое отдѣленіе съ 16 механическими станками. Въ небольшомъ двухэтажномъ флигелѣ разставлены эти станки, приводимые въ дѣйствіе керосиновымъ моторомъ въ 12 силъ. Здѣсь также за *механическими ткацкими*

станками евреевъ совершенно нѣтъ и шпульницами—также не еврейки.

Въ другомъ концѣ города тотъ же владѣлецъ имѣеть и прядильное отдѣленіе. Изъ 60 рабочихъ—евреевъ (его единовѣрцевъ) только 20 мужчинъ и женщинъ. Зданія, въ которыхъ помѣщены ручное и механическое ткацкія отдѣленія—низки, тѣсны и темны. Всѣми тремя отдѣленіями завѣдуютъ сыновья фабриканта, практики, не получившіе никакого спеціальнаго образованія. Въ ручной ткацкой не работаютъ по субботамъ, а въ механической—по воскресеньямъ.

Большинство ткацкихъ заведеній, имѣющихъ до 30—40 станковъ,—грязны, темны и тѣсны. Деревянные ручные станки, идущіе въ два ряда вдоль помѣщенія, оставляютъ узкій проходъ, въ которомъ сидятъ шпульницы и постоянно вертятъ колесо шпульки. Въ углу помѣщается сновальня, простая, примитивнаго устройства и—не всегда—мотальня. Подъ потолкомъ развѣшиваются проклеенныя основы для сушки. Воздухъ весь пропитанъ запахомъ клея и испареніями. Ночью—плохое керосиновое освѣщеніе придаетъ еще болѣе неприглядный видъ этимъ мастерскимъ. Такія ручныя ткацкія принадлежатъ къ болѣе крупнымъ. Рядомъ съ ними встрѣчаются, однако, и мастерскія въ 2—3, а также въ 5—7 станковъ. Эти ткацкія принадлежатъ преимущественно такъ называемымъ Lohnkettnik'амъ, посредникамъ между фабрикантами и ткачами. Кромѣ Lohnkettnik'овъ, о которыхъ подробнѣе я буду говорить ниже, въ Бѣлостокѣ, а также въ прилегающихъ къ нему мѣстечкахъ,—очень часто можно встрѣтить «ткача-одиночку», ткущаго сукно на свой собственный страхъ и рискъ.

Въ квартирѣ такого ткача, состоящей обыкновенно изъ одной комнаты и служащей для жилья и для работы,—стоитъ одинъ или два собственныхъ ручныхъ станка. Онъ покупаетъ пряжу и продаетъ сотканный имъ товаръ фабрикантамъ, имѣющимъ красивыя и апретурныя. Эти кустари особенно распространены въ мѣстечкахъ. Въ работѣ имъ помогаютъ члены семьи, напр. дѣвочки работаютъ за шпульницами, а сыновья—за ткацкими станками.

Снятая съ механическаго или ручного ткацкаго станка ткань «суконное полотно», подвергается окраскѣ и отдѣлкѣ въ «красильныхъ» и «апретурныхъ» фабрикахъ. Въ большинствѣ случаевъ онѣ устроены здѣсь вмѣстѣ съ прядильными и ткацкими, т. е. при полныхъ фабрикахъ. Нерѣдко однако встрѣчаются отдѣльно красильныя и отдѣльно апретурныя. Суконное полотно въ апретурныхъ подвергается предварительно промывкѣ на «промывныхъ» машинахъ. Затѣмъ оно «валяется», т. е. значительно уплотняется вмѣстѣ съ образованіемъ на обѣихъ сторонахъ его поверхности густого и плотнаго войлокоподобнаго слоя. Вынутое изъ «сукновальныхъ» машинъ сукно промывается и затѣмъ «ворсуется», т. е. на немъ особыя ворсовальныя машины выщипываютъ притертыя и свойлочившіеся во время валянія кончики шерстинокъ, какъ говорятъ, «надираютъ ворсъ». Ворсованное сукно «стрижется», такъ что ворсъ становится ровнымъ по всей поверхности сукна. Эта операція повторяется иногда нѣсколько разъ и передъ послѣдней стрижкой сукно «дегатируютъ», т. е. пропариваютъ, чтобы оно не садилось отъ дождя, не покрывалось пятнами и не пріобрѣтало глянецъ. Выщипываніемъ изъ сукна мелкими щипчиками неокрашенныхъ волосковъ, узелковъ, соринковъ и т. п. заканчивается отдѣлка сукна, идущаго послѣ этой операціи въ продажу. Этой послѣдней работой заняты дѣвушки-подростки. При красильныхъ чанахъ, промывныхъ, сукновальныхъ, ворсильныхъ, постригальныхъ, дегатирныхъ и др. машинахъ, употребляемыхъ въ апретурныхъ и красильныхъ,—работаютъ въ большинствѣ случаевъ мужчины, среди которыхъ совершенно не встрѣчаются евреи. Только въ Городкѣ, мѣстечкѣ, расположенномъ вблизи Бѣлостока, я видѣлъ евреевъ-рабочихъ за апретурными машинами. Здѣсь они работаютъ наравнѣ съ христіанскими рабочими, и этотъ смѣшанный составъ рабочихъ, обуславливающій необходимость праздновать для одной части рабочихъ—субботу, а для другой—воскресенье и являющійся несомнѣнно убыточнымъ и неудобнымъ, примѣняется еврейскими предпринимателями на нѣкоторыхъ фабрикахъ въ Городкѣ совершенно добровольно¹. Большинство мелкихъ и сред-

¹ О мѣстечкѣ Городокъ я буду особо говорить ниже.

нихъ апретурныхъ и красильныхъ—грязно, темно и низко. Машины, применяемыя въ нихъ, — малопроизводительны и старыхъ типовъ.

Полныхъ суконныхъ фабрикъ, т. е. имѣющихъ всѣ выше-описанныя отдѣленія, — немного въ Бѣлостокѣ. Во многихъ отношеніяхъ интересна суконная и шляпная фабрика, принадлежащая евреямъ, наследникамъ Н. Эта фабрика считается одной изъ лучшихъ среди еврейскихъ предприятий въ Бѣлостокѣ. Она имѣетъ годовой оборотъ до 500 тыс. рублей. Рабочихъ—около 400 человекъ, изъ которыхъ только 40 евреевъ. Всѣ станки приводятся въ дѣйствіе паровыми машинами въ 200 силъ. Зданіе состоитъ изъ 3 корпусовъ, изъ которыхъ одинъ трехъэтажный каменный выстроенъ недавно и выгодно отличается отъ большинства фабричныхъ зданій, принадлежащихъ евреямъ. Фабрика имѣетъ механическіе ткацкіе станки и ручные. Первыхъ—свыше 30 (нѣмецкихъ) и около 5 англійскихъ, равныхъ, по словамъ фабриканта, по своей производительности 40 нѣмецкимъ. За этими станками евреи не работаютъ. Они работаютъ лишь въ отдѣленіи съ ручными ткацкими станками. Здѣсь же за сновальными, мотальными и шпульными работаютъ еврейскія дѣвушки. Въ чесальномъ и прядильномъ отдѣленіяхъ, гдѣ находятся въ дѣйствіи также новыя болѣе производительныя машины, а также въ апретурномъ, имѣющемъ нѣсколько десятковъ машинъ,—евреи совершенно не работаютъ.

Фабрика эта принадлежитъ къ старѣйшимъ бѣлостокскимъ фирмамъ. Основатель ея—бывшій ткачъ—оставилъ своимъ молодымъ сыновьямъ солидное и прочное дѣло, которое они постепенно расширяютъ и развиваютъ, заимствуя приемы работы и машины изъ-за границы. Одинъ изъ сыновей совершенствовался за границей въ шляпномъ производствѣ и, по возвращеніи на родину, завелъ у себя эту отрасль. Этотъ фактъ, т. е. введеніе новой отрасли промышленности евреямъ-фабрикантомъ, совершенствовавшимся въ ней за-границей, какъ явленіе крайне рѣдкое въ Бѣлостокѣ, невольно обращаетъ на себя вниманіе. Организациа производства шляпъ во многомъ уступаетъ старѣйшей въ Бѣлостокѣ нѣмецкой фирмѣ Ф. и В., но дѣло гг. Н.—еще молодое, лишь зарождающееся. При тѣхъ

данныхъ, какія имѣются въ распоряженіи молодыхъ фабрикантовъ, т. е. специальныхъ техническихъ познанійхъ, средствахъ и европейскомъ взглядѣ на веденіе фабричнаго дѣла, — нѣтъ сомнѣнія, что это производство у нихъ быстро разроснется. Фирма выплачиваетъ до 100,000 рублей въ годъ заработной платы, и среди еврейскихъ бѣлостокскихъ фабрикъ въ отношеніи технической постановки дѣла она является одной изъ наиболѣе рационально организованныхъ.

Но было бы ошибочно думать, что эти преимущества технического прогресса фабрики, принадлежащей еврею, хотя бы отчасти отразились на положеніи еврейскаго рабочаго населенія: въ тѣхъ отдѣленіяхъ фабрики, куда проникли техническія усовершенствованія, — для евреевъ двери закрыты. Тамъ работаютъ машины, приводимыя въ дѣйствіе механической силой, обращаться съ которыми евреи не умѣютъ, тамъ работаютъ по субботамъ.

Среди высокихъ и свѣтлыхъ помѣщеній фабрики, въ которыхъ властно царитъ техническій гений въ лицѣ новѣйшихъ производительныхъ машинъ, какъ призраки прошедшаго, какъ бы тѣсняя и уступая дорогу, — затесались деревянные ручные станки съ изнуренными и унылыми еврейскими ткачами. Изъ общаго числа 400 рабочихъ — ихъ всего нѣсколько десятковъ. Но дни ихъ пребыванія на фабрикѣ уже сочтены: фабриканты, ворко слѣдящіе за успѣхами техники въ производствѣ, недолго, вѣроятно, будутъ терпѣть у себя эти ручные станки.

Тогда еврей-ткачи вмѣсто того, чтобы перейти къ новымъ хитрымъ машинамъ, какъ это дѣлаютъ ихъ христіанскіе собратья по судьбѣ, будутъ вынуждены покинуть фабрику, не зная, гдѣ примѣнить свои сдѣлавшіяся ненужными знанія и опытность, и только видя передъ собой страшный призракъ безработицы и голода...

Возникновеніе производства искусственной шерсти въ Бѣлостокѣ относятъ къ началу 80-хъ годовъ. Съ тѣхъ поръ эта отрасль мѣстной промышленности быстро развивается, и въ настоящее время въ Бѣлостокѣ и его окрестностяхъ около 7 фабрикъ этого рода.

Искусственной шерстью называется коротковолокнистый

прядильной материалъ, изготовляемый изъ старой поношенной шерстяной одежды, чулокъ и тому подобнаго шерстяного тряпья. Въ продажѣ искусственная шерсть извѣстна подъ именемъ *Шоди* и *Муно*¹. Эта шерсть идетъ въ качествѣ примѣси къ обыкновенной шерсти для товаровъ низшихъ сортовъ.

Мы на фабрикѣ г. L; здѣсь русское, а также французское и бельгійское тряпье подвергается прежде всего процессу т. н. *карбонизаціи*. Этотъ процессъ состоитъ въ пропусканіи черезъ тряпье паровъ соляной кислоты, вслѣдствіе чего находящіяся въ ткани тряпья растительныя волокна становятся мягкими, хрупкими и потомъ легко выколачиваются изъ шерсти. Отсюда тряпье подвергается окраскѣ, мытью, сушкѣ. Затѣмъ оно разщипывается на особыхъ машинахъ въ волокна и въ этомъ уже видѣ идетъ въ чесальное и прядильное отдѣленія, откуда въ видѣ пасмъ или «початковъ» пряжа изъ искусственной шерсти идетъ въ продажу на многія ткацкія фабрики. Чесальныя и прядильныя машины здѣсь такія же, какъ и на другихъ фабрикахъ, фабрика приводится въ дѣйствіе локомотивомъ въ 20 силъ. Зданіе имѣетъ 3 этажа, низкихъ, темныхъ; машины не имѣютъ огражденій. Для поднятія во второй и 3-й этажъ въ полу послѣднихъ пробиты отверстія, къ которымъ приставлены лѣстницы. Всѣ отдѣленія—красильное, печи для карбонизаціи, машинное и др. помѣщены въ старыхъ примитивнаго устройства зданіяхъ или сараяхъ. Сушильни—примитивнаго устройства, т. е. онѣ представляютъ собой помѣщенія, въ которыхъ поставлены простыя кирпичныя печи. Для принесенія и уборки тряпья рабочіе постоянно входятъ въ сушильню, гдѣ воздухъ сильно нагрѣтъ и пропитанъ испареніями изъ мокраго тряпья. Вообще, въ Бѣлостоѣ не встрѣчаются сушильни новыхъ типовъ, снабженныя вентиляторами устраняющими необходимость входить въ то помѣщеніе, гдѣ воздухъ накаленъ и пропитанъ вредными испареніями.

Рабочихъ отъ 100 до 120 человѣкъ. Работа совершается

¹ *Шоди* — длиннѣе и готовится изъ легкихъ шерстяныхъ издѣлій и суконовыхъ тканей, валенныхъ, но *нестриженныхъ*; *Муно* — короче, чѣмъ шоди и выдѣлывается изъ тканей валенныхъ и *стриженныхъ*.

въ двѣ смѣны. Несмотря на то, что фабрикантъ—еврей, среди рабочихъ нѣтъ евреевъ.

Пряжа сбывается въ Бѣлостокѣ, а также въ Москвѣ и Лодзи.

Еще болѣе неудовлетворительной въ санитарномъ отношеніи является фабрика въ м. Васильковѣ. По производительности и оборудованію, она—значительно ниже фабрики Z. Фабричное зданіе здѣсь также, какъ и на другихъ фабрикахъ окрестныхъ мѣстечекъ, поражаетъ своей нераціональной постройкой, отсутствіемъ вентиляторовъ, недостаткомъ свѣта и т. д. Владѣлецъ фабрики арендуетъ помѣщеніе и приводы (механизмы, передающіе силу къ машинамъ отъ пароваго двигателя). Красильной этой фабрики завѣдуетъ мастеръ, получающій всего 4 руб. въ недѣлю при готовой квартирѣ. Это—простой чернорабочій, узнавшій изъ своей многолѣтней практики нѣсколько рецептовъ окраски, и съ этимъ скуднымъ техническимъ запасомъ знаній онъ руководитъ окраской пряжи! О какихъ-либо свѣдѣніяхъ изъ химіи здѣсь и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ онъ—за исключеніемъ жаргона—не грамотенъ. На этой фабрикѣ, принадлежащей еврею, работаютъ два еврея въ красильномъ отдѣленіи и около 15 сортировщицъ-евреекъ. За чесальными и прядильными же машинами работаютъ христіане.

Производство искусственной шерсти въ Бѣлостокѣ сильно развивается. Отсюда она посылается въ Москву, Лодзь, Германію и Англію. Пудъ шерсти стоитъ отъ 3 р. 50 к. до 6 руб.; ввозится также заграничная искусственная шерсть, такъ назыв. «тибетъ», вырабатывающійся изъ тряпья кашемира.

Если принять во вниманіе, что ткани изъ шоды и мунго обходятся фабриканту отъ 3 до 6 разъ дешевле, чѣмъ изъ свѣжей шерсти, то станетъ понятнымъ, почему искусственная шерсть пользуется такимъ широкимъ распространеніемъ. Правда, съ пониженіемъ цѣны сукна, въ которое вошла искусственная шерсть, понизилась также его доброкачественность. Но за то большая доступность его вызвала и болѣшій спросъ. Въ этомъ производствѣ, заключающемся, главнымъ образомъ, въ пряденіи—*еврейское рабочее населеніе почти не принимаетъ никакого участія.*

Значительное развитіе имѣетъ въ Бѣлостокѣ также фабри-

кація шерстяныхъ одѣяль. Здѣсь насчитываютъ до 14 фабрикъ съ этимъ производствомъ. Правда, не всѣ изъ нихъ могутъ быть съ одинаковымъ правомъ названы фабриками: наряду съ крупными и выдающимися по размѣрамъ оборота предпріятіями, какъ напр. нѣмецкая фабрика Руд. Коммихау съ С-ми, встрѣчаются ткацкія заведенія, работающія на нѣсколькихъ десяткахъ Жаккардовыхъ станковъ (ткущихъ узорчатые ткани). Изъ еврейскихъ фабрикъ одѣяль та, которая считается между ними лучшей, состоитъ исключительно изъ ткацкой, въ которой находятся въ дѣйствиі 76 ручныхъ жаккардовыхъ станковъ. Въ фабричномъ корпусѣ, состоящимъ изъ 3-хъ этажей, работаютъ евреи и христіане. Въ одномъ этажѣ исключительно христіане, а въ двухъ остальныхъ—евреи и еврейки. Изъ числа всѣхъ рабочихъ въ 90 человекъ, евреевъ—около 50. Въ теченіе года фабрика выпускаетъ до 50 тысячъ одѣяль, которыя ткутся преимущественно изъ ангорской шерсти. Владѣлецъ фирмы покупаетъ шерсть и отдаетъ ее прясть и красить въ другія прядильныя и красильныя. Случается, что при обилиі работы его заказы выполняются одновременно въ 5 прядильныхъ. Въ ткацкой нѣтъ механическаго двигателя, и всѣ станки—ручные. Производствомъ, помимо владѣльца, молодого наслѣдника фирмы, завѣдуетъ мастеръ еврей, не получившій спеціальнаго техническаго образованія, а выбившійся изъ ткачей и получающій всего 40 руб. въ мѣсяцъ. Онъ слѣдитъ за работой ткачей, составляетъ рисунки для одѣяль, дѣлаетъ расчеты количества нитей, потребныхъ для составленія узора, а также и другіе расчеты, нужные для воспроизведенія узора на машинѣ Жаккарда.

Скучное керосиновое освѣщеніе по вечерамъ, тяжелый спертый воздухъ, запахъ клея и высокая температура—такова та внѣшняя обстановка, въ которой ткачи проводятъ свои 12 часовъ нелегкой работы.

Производство шерстяныхъ одѣяль принадлежитъ къ выгоднымъ предпріятіямъ въ Бѣлостокѣ. Одѣяла цѣною до 20 руб. и дороже имѣютъ обширный сбытъ въ Россіи.

Такъ какъ въ этой отрасли преобладаетъ ручное ткачество, то здѣсь еще можно встрѣтить евреевъ рабочихъ, трудъ которыхъ выше оплачивается, нежели при простомъ тканіи.

Изготовленіе шляпъ—это одно изъ тѣхъ производствъ, которыя въ послѣднее время пробиваютъ себѣ дорогу въ Бѣлостокѣ. До послѣднихъ лѣтъ въ Бѣлостокѣ существовала единственная нѣмецкая фабрика шляпъ Ф. и Б., теперь же этимъ производствомъ занялась и другая, уже упомянутая мною еврейская фабрика г. Н.

Фабрика Ф. и Б. приводится въ дѣйствіе двигателемъ въ 35 силъ, но скоро къ этому двигателю прибавится еще одинъ въ 50 силъ. Рабочихъ здѣсь свыше 200 человекъ обоого пола, изъ которыхъ дѣвушекъ не менѣе 100. Евреевъ здѣсь совершенно нѣтъ.

Заграничная шерсть, идущая на изготовленіе шляпъ, подвергается множеству разнообразныхъ манипуляцій, пока не выйдетъ изъ фабрики совершенно готовой шляпой. Очищенная и разсортированная, она поступаетъ въ чесальное отдѣленіе, гдѣ расчесывается и превращается въ тонкій ватный слой. Этотъ ватный слой, снимаемый съ машины, навивается рабочимъ на барабанъ, представляющій собой два конуса, сложенныхъ основаніями. По снятіи съ барабана двуконусный ватный слой разрѣзается пополамъ на два конуса или колпака, которые являются прообразами будущей шляпы. Этотъ колпакъ проходитъ много орудій ручной и машинной обработки, пока онъ превращается въ твердую или мягкую шляпу. Его прессуютъ подъ паровыми прессами и уплотняютъ; затѣмъ валяютъ, т. е. трутъ и мнутъ между рукъ, а также при посредствѣ ручныхъ и приводныхъ валяльныхъ машинъ. Затѣмъ конусообразные вальцы отдѣляютъ поля шляпы отъ тульи; послѣ полировки тульи шляпу погружаютъ въ красильные чаны и окрашиваютъ. Окрашенная она поступаетъ подъ особые горячіе прессы, въ которыхъ выпуклымъ частямъ шляпы соотвѣтствуютъ вогнутыя и наоборотъ. Эти прессы имѣютъ значеніе обыкновенныхъ утюговъ. Кромѣ того, шляпѣ придается глянецъ полировкой со спеціальнымъ порошкомъ; этими процессами, а также еще нѣкоторыми другими второстепенными заканчивается изготовленіе шляпы. Ее обшиваютъ лентами и запаковываютъ въ ящики для отправки. Не буду останавливаться на весьма интересномъ способѣ изготовленія т. н. плюшевыхъ дѣтскихъ шляпъ, фабрикуемыхъ изъ заячьей шерсти. Въ этомъ производствѣ участ-

вуютъ, какъ машины, специально предназначенныя для шляпнаго производства, такъ и многія, заимствованныя изъ сукнодѣлія. Превращеніе высокихъ конусовъ, составленныхъ изъ заячьего пуха,—въ небольшія дѣтскія шляпы съ длиннымъ ворсомъ совершается съ такой непрерывной послѣдовательностью, что невольно восхищаешься человѣческой изобрѣтательностью.

Эта фабрика, принадлежащая двумъ нѣмцамъ, выгодно отличается, какъ по организациі, такъ и съ внѣшней стороны отъ большинства еврейскихъ фабрикъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе достойно вниманія, что фабрика эта—не изъ молодыхъ. Ею руководятъ при посредствѣ опытныхъ мастеровъ два владѣльца, одинъ изъ которыхъ управляетъ технической стороной предпріятія, а другой—коммерческой. Помѣщенія фабрики—просторныя, свѣтлыя и чистыя. Правда, и здѣсь въ чесальномъ и полировочномъ отдѣленіяхъ нѣтъ вентиляторовъ, и въ воздухѣ носится не мало пыли, но все таки существуютъ огражденія у машинъ, и воздухъ не такой затхлый, какъ на многихъ еврейскихъ фабрикахъ. Видъ у рабочихъ, преимущественно нѣмцевъ, здоровѣе и свѣжѣе, нежели у еврейскихъ ткачей. Блѣдныя, изнуренныя лица, столь частыя среди нихъ, здѣсь сравнительно рѣже встрѣчаются.

Фабрика расширяетъ свое производство. Шляпы идутъ въ центральныя губерніи, Варшаву и за-границу. О другой бѣлостокской фабрикѣ шляпъ, принадлежащей евреямъ, я уже упоминалъ выше. Она значительно меньше фабрики Ф. и Б., но поставлена съ знаніемъ дѣла и во всемъ чувствуется желаніе со стороны молодыхъ фабрикантовъ идти навстрѣчу усовершенствованіямъ въ техникѣ.

Въ этомъ производствѣ машины и станки не столь сложны и дороги, какъ въ суконномъ, напр. Мелкіе станки требуютъ при себѣ непременно по одному рабочему. Здѣсь наряду съ машиной не мало ручной работы и обиліе рабочихъ обоого пола рѣзко бросается въ глаза. Заработокъ рабочихъ здѣсь гораздо выше, нежели въ другихъ бѣлостокскихъ производствахъ, и нерѣдки заработки въ 8—15 и даже 19 руб. въ недѣлю.

Въ этой отрасли бѣлостокской промышленности еврейскіе рабочие совершенно нѣтъ.

Описывая Бѣлостокскія фабрики, обрабатывающія волокнистыя вещества, нельзя не упомянуть о новой отрасли—фабрикаціи шелковыхъ лентъ,—заведенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ евреемъ г. А. Молодой техникъ, по окончаніи средняго учебнаго заведенія, поѣхалъ изучать это дѣло за-границу. По возвращеніи оттуда, онъ устроилъ небольшую фабрику шелковыхъ лентъ, общающую, однако, современемъ развиться въ болѣе обширное предпріятіе. Въ настоящее время фабрика приводится въ дѣйствіе керосиновымъ двигателемъ въ 4 силы и имѣетъ около 50 рабочихъ обоого пола. Получаемая въ видѣ мотковъ изъ Италіи шелковая пряжа подвергается здѣсь двумъ процессамъ: тканью и отдѣлкѣ.

Въ ткацкомъ отдѣленіи всѣ станки — механическіе, особаго устройства. На каждомъ изъ нихъ ткутся одновременно до 40 лентъ. Снятыя съ ткацкихъ станковъ шероховатыя и помятыя ленты, проходя по вальцамъ, дѣлаются гладкими и приобретаютъ блескъ, такъ что выходятъ оттуда совершенно готовыя къ продажѣ.

Машины выписаны изъ Германіи или Згержа. Зданіе—двухъэтажное, каменное, солидное и красивое. Освѣщеніе—электрическое. Много свѣта и всюду чистота. Машины—ограждены. Съ внѣшней стороны фабрика производитъ вполне благоприятное впечатлѣніе.

Рабочіе—евреи и христіане. За ткацкими станками работаютъ мужчины, а за остальными машинами—дѣвушки. Около десятка дѣвушекъ занято также упаковкой лентъ для отправки. Здѣсь также, какъ и всюду въ Бѣлостокѣ, *за машинами, приводимыми въ дѣйствіе механической силой (механическіе ткацкіе станки, механическіе мотальни и др.) евреи не работаютъ. Они заняты только ручными работами.*

Шелковыя ленты, сбываемыя г. А. по всей Россіи, успѣшно конкурируютъ съ варшавскими и лодзинскими.

И. Хорошъ.

Гласъ изъ пустыни.

(Письмо четвертое).

Туманное августовское утро. Волнистыми бѣлыми ключьями стелется туманъ по землѣ, и, кажется, будто все кругомъ покрыто слоями снѣга. Тонкія вѣтви деревьевъ и кустовъ, юная, вновь выступившая послѣ послѣднихъ дождей яркая травка, обвиты тончайшей прозрачной бѣлой тканью ослѣпительной красоты. Все исчезло кругомъ, все потонуло въ разлитыхъ кругомъ свѣтло-дымчатыхъ волнахъ. Стоитъ легкій полумракъ. Глухо доносится ревъ коровъ, сгоняемыхъ съ разныхъ концовъ въ «череду», сборный пунктъ которой—тутъ на лугу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома гдѣ я живу. Я очень люблю это милое зрѣлище, напоминающее мнѣ чудные дни моего идиллическаго дѣтства, и всегда очень радъ, когда пробуждаюсь до зари, и могу присутствовать при «выгонѣ череды», играющемъ такую крупную роль въ несложной жизни глухого мѣстечка.

Вотъ гонитъ свою малорослую корову сухопарая, высокая старуха, съ очень смуглымъ, избороденнымъ глубокими крупными морщинами лицомъ, съ пріятными, сильно заплаканными глазами, ушедшими далеко въ глубину, обведенными внизу темносяними, словно выжженными широкими полукругами. На ней старая полинявшая, какъ-то бокомъ накинута юбка и, вмѣсто кофты, ветхая, небрежно наброшенная на плечи кофейнаго цвѣта шаль, тоже очень полинявшая; головной ситцевый платокъ сдвинулся на самую макушку, такъ что выступаетъ вся передняя часть головы, плотно обвязанная грязной бѣлой косынкой, изъ подъ которой съ трудомъ выбивается нѣсколько сѣдыхъ волосъ. Старуха идетъ, да покашливаетъ громко.

— Добраго утра вамъ, — привѣтствуетъ она меня съ нѣкто-

рымъ подобоострастіемъ, своимъ протяжнымъ, грубоватымъ и плачущимъ голосомъ, завидѣвъ меня у калитки.

— А что вашъ сынъ?—спрашиваю я у старухи, отвѣтивъ на привѣтствіе. Ея сынъ человекъ лѣтъ сорока, отецъ пяти душъ дѣтей. Недѣли за двѣ до того, она привезла его сюда на «поправку» изъ большого города, гдѣ онъ живетъ и гдѣ болѣлъ года два. Прибывъ сюда, онъ еще пуще заболѣлъ, «отъ молочныхъ варениковъ», которыми его угостили родственники по дорогѣ, какъ увѣряетъ старуха.

У него, какъ подобаешь истому еврею, нѣсколько болѣзней, надъ которыми преобладаетъ чахотка, дошедшая, очевидно, до послѣдняго фазиса.

— Одинъ Богъ пусть сжалится, — отвѣчаетъ старуха сквозь слезы.—Только Онъ, что вѣчно живетъ, можетъ ему принести исцѣленіе.—И старуха стала усердно вытирать глаза краемъ шали.

— Что-же хуже ему?

— И не спрашивайте. Ночью подозвалъ моего старика, попросилъ воды, чтобы умыть руки, а затѣмъ и говорить: Дай, отецъ, мнѣ молитвенникъ: хочю говорить «видуй» (молитвы покаянія).— Старуха расплакалась, опять поднесла край изорванной шали къ глазамъ—и удалилась.

Вотъ сопровождаетъ свою корову другая женщина, среднихъ лѣтъ, полная, миловидная. Она медленно подвигается впередъ, держа въ рукахъ старую корзину, въ которую бросаетъ попадающіяся по дорогѣ сухія вѣтки, щепки, куски сухого навоза, солому и т. п. Корова, соображаясь, повидимому, съ движеніями хозяйки, тоже медленно шагаетъ, жадно разрывая землю ноздрями и отсыывая травки.

И она, поровнявшись со мной, привѣтствуетъ меня съ добрымъ утромъ, но еще съ большимъ подобоострастіемъ, которое такъ неприятно дѣйствуетъ. Въ этомъ подобоострастіи мнѣ явно слышится бессознательный укоръ: «какъ тамъ ни мудрствуй, а ты все-таки не нашъ; ты для насъ панъ, не гордый, не злой, а все-таки панъ. Тебѣ кажется, что мы такъ близки, такъ родственны между собой, а на самомъ дѣлѣ между нами огромное разстояніе, и врядъ-ли мы понимаемъ другъ друга. Ты не идешь къ намъ, а *списходишь*. Развѣ можешь ты знать, можешь ты постигнуть всѣ эти мелочи, всѣ эти мелкія страданія, которыя насъ обвиваютъ и кото-

рия въ сущности составляютъ все наше существованіе. Тебѣ это-то вѣдь и не нравится, это тебя часто отталкиваетъ».

Мы стремимся къ равенству съ народомъ, виѣняемъ себѣ это въ большую заслугу; а тотъ, кого мы хотимъ удостоить этимъ равенствомъ, вовсе не хочетъ его признавать. Какой-то истиннѣе ему говорить, что это одно только теоретическое стремленіе, хотя и искреннее, что уже одно различіе въ образѣ жизни и образѣ мышленія дѣлаетъ это равенство невозможнымъ. И всегда въ этомъ подобострастіи человѣка изъ народной массы по отношенію къ интеллигенту проглядываетъ какъ будто тонкая иронія надъ нашими стремленіями. Да, большой вопросъ, можетъ-ли народная масса признать насъ равными. Что-то стоитъ всегда между нами и ею, и несмотря на всю нашу преданность ей интересамъ, на все наше искреннее служеніе ей, она насъ держитъ какъ-то въ почтительномъ отдаленіи отъ себя.

Она намъ будетъ платить горячей благодарностью, любовью, преданностью; но не дастъ намъ подойти близко къ 'своей душѣ, проникнуть въ тайники своего сердца.

Передъ нами массовой человѣкъ рѣдко является вполнѣ такимъ, какъ онъ есть. И не то, чтобы онъ притворялся, преднамѣренно скрывался, а какъ-то само собой, помимо своей воли, уходитъ отъ насъ внутрь себя.

Полная женщина сдѣлала еще нѣсколько шаговъ, и погнавъ впередъ свою корову камешкомъ, повернулась назадъ, продолжая подбирать все съ земли.

— Солома теперь на вѣсъ золота,—обращается она ко мнѣ, желая, очевидно, оправдать свои дѣйствія.—Въ прежніе годы бывало цѣлыя скирды соломы стоятъ у меня на дворѣ,—бери всякій, сколько хочешь. И кто обращалъ вниманіе на солому. Бывало, весь огромный амбаръ полонъ качанами отъ кукурузы, и топилъ, сколько угодно. А вотъ какъ пошли неурожай, такъ молока не на чемъ сварить дѣтямъ. Какъ нищая ходишь, собираешь по площади. Да что уже можно набрать, прости Господи. А приходитъ пятница, надо хлѣбъ спечь, такъ ужъ совсѣмъ не знаешь, что дѣлать. Одно горе. А что-то будетъ зимой.

Она уже пустилась дальше, но вдругъ остановилась и опять заговорила, ободренная тѣмъ, что я ее охотно слушалъ.

— Вотъ, начала она, было бы добрымъ дѣломъ что-либо сдѣ-

латъ для этой женщины, съ которой вы только что говорили. Что за горе въ этомъ домѣ! Куска хлѣба нѣтъ, а тутъ такой больной, такой больной, храни Богъ всякаго еврея отъ такой болѣзни. И нечѣмъ его поддержать. Такъ онъ и таетъ, а она—глядя на него. Вчера больной попросилъ сельтерской воды, такъ положительно не на что было купить. Въ прошлую недѣлю двѣ женщины обошли все мѣстечко, такъ съ трудомъ собрали около пятидесяти копѣекъ. Кто можетъ у насъ давать теперь. Въ прежніе годы совсѣмъ было иначе.—И глубоко вздохнувъ, она пустилась обратно домой.

Вотъ появилась со своей коровой совсѣмъ молоденькая дѣвушка, лѣтъ пятнадцать, стройненькая, съ коротко остриженными черными волосами, съ свѣжимъ красивымъ личикомъ. Корова, вмѣсто того, чтобы направиться прямо въ поле, каждый разъ останавливается, закидываетъ голову черезъ низкій заборъ, пощиплетъ дерево, кустикъ, а не то и изъ крыши рванетъ, какъ будто только для того, чтобы позлить свою хозяйку, которая никакъ сладить съ нею не можетъ. Ей приходится на помощь молодая, блѣдная женщина, держащая въ рукахъ длинную хворостину.

Вотъ, совсѣмъ отдѣльно, важно потянулось «панское стадо», состоящее штукъ изъ тридцати отборныхъ коровъ, изъ которыхъ передняя носить на шеѣ большой колоколь. Стадо ведетъ длинный, весь изсохшій старикъ съ рѣдкой козлиной бородкой, въ большой овчинной шапкѣ на головѣ. Черезъ плечо перекинута большая сумка изъ грубаго сѣраго холста, въ рукахъ высокая палка; ноги укутаны непомѣрнымъ количествомъ тряпокъ до самыхъ икръ, но лаптей не видно.

Но вотъ стадо удалилось и исчезло за первымъ склономъ; улица опустѣла, и кругомъ опять стоитъ волшебная утренняя тишина. На востокъ, гдѣ до сихъ поръ ничего не видно было, вдругъ вынырнуло солнце. Туманъ сталъ быстро таять и исчезать. Въ травѣ и на кустахъ заблестали миллионы брилліантовъ, по землѣ растянулись длинными тѣни деревьевъ.

Я направляюсь въ поле. Тамъ все сіяетъ радостью, все ликуетъ на встрѣчу этимъ волшебнымъ золотистымъ лучамъ, разсѣявшимъ окутивавшую все сѣрую мглу. Я перехожу черезъ «греблю», которая не что иное, какъ огромная куча навоза

и разнаго мусора. Она ведетъ черезъ глубокой ровъ, въ глубинѣ котораго съ одной стороны блещетъ маленькій прудъ. На его гладкой зеркальной поверхности безъ движенія скользятъ бѣлоснѣжныя утки. Перешедши греблю, я направляюсь вверхъ и дохожу до лѣса. Лучи солнца еще не проникли туда, и тамъ стоитъ еще чудный таинственный полумракъ. И кажется, будто въ этой темной чашѣ еще сгущена ночная сырость, еще бродятъ ночные призраки и тѣни. Тихо и неподвижно все кругомъ, ни шороха, ни движенія. И жутко и сладостно среди этого замирания. Я не углубляюсь въ самый лѣсъ, а держусь опушки. Оголенные поля кругомъ словно еще дымятся отъ тающаго тумана, а тамъ глубоко внизу, на самомъ днѣ котловины, еще неподвижно лежить дымчатая мгла. Огромныя длинныя тѣни, растянувшіяся по крутымъ склонамъ, какъ будто сползаютъ все ниже и ниже къ котловинѣ, чтобы тамъ укрыться въ полумракѣ. И все кругомъ заливается тихимъ теплымъ сіяніемъ и мирной радостью. Дивныя чары этой полудремлющей природы проникаютъ и въ мою душу и разливаютъ въ ней миръ и успокоеніе.

Вдругъ до меня доносятся пронзительные крики.

Я напряженно прислушиваюсь. О, это знакомый, родной надрывающій плачь, который доносится съ еврейскаго кладбища, недалеко отсюда находящагося. Уже нѣсколько разъ я его слышалъ за послѣдніе дни, именно рано утромъ; вопли доходили до самаго моего дома. Теперь вѣдь мѣсяць Элуль. Души покойниковъ оставили свои мрачныя подземныя обители въ чистилищѣ, размѣстившись по могиламъ, и всѣ спѣшаютъ излить передъ ними все накопившееся горе. Бѣдныя души! Какихъ только леденящихъ ужасовъ не приходится имъ выслушать. Вѣроятно очень многія, послѣ перваго же дня, покидаютъ эти свои земныя обиталища, предпочитая всѣ муки ада этому земному «покою».

И оттого-то бѣдныя женщины взываютъ напрасно, и всѣмъ ихъ стонамъ внимаютъ одни холодныя бездушныя камни.

Я сворачиваю въ еврейскому кладбищу, куда уже давно собирался заглянуть.

Оно лежитъ на верхушкѣ холма, надъ очень крутымъ обрывомъ, обведено со всѣхъ сторонъ ровомъ, а за ровомъ густой стѣной стоятъ акаціи и вербы.

Съ самаго ранняго дѣтства я сильно любилъ это «священное

мѣсто», съ его грустнымъ священнымъ покоемъ, и за душу хватающимъ унылымъ безмолвіемъ. Все тутъ находится въ такомъ удивительномъ соотвѣтствіи съ моимъ душевнымъ настроеніемъ, и нигдѣ изболѣвшее сердце не находитъ такого успокоенія, нигдѣ мысль не течетъ такъ мирно, не проникаетъ въ такую глубину, не добирается до такихъ высей, какъ тутъ. Сколько глубокаго, необъятнаго содержанія, сколько высокой хотя и грустной поэзіи, сколько дивной гармоніи въ этомъ нѣмомъ молчаніи, въ этой благоговѣйной тишинѣ. Въ нихъ мнѣ слышится могучая міровая симфонія, то преисполненная необъятной скорби, то наполняющая душу тихимъ вѣчнымъ миромъ, то негодующая, проклинающая.

Всеоконывающую, вселеденяющую, всепроникающую смерть я вижу и чувствую тамъ, въ этомъ мрачномъ омутѣ мелкихъ мукъ и страданій, на этой окровавленной аренѣ жалкихъ алканій и иступленныхъ схватокъ за какое-то обладаніе или преобладаніе; въ этой огромной грязной кучѣ сору, гдѣ копошатся, попираютъ и пожираютъ другъ друга миллионы разныхъ существъ, — словомъ тамъ, гдѣ происходитъ все то, что принято называть жизнью. Да, тамъ я кругомъ вижу смерть, чувствую повсюду зловоніе трупнаго разложенія. Тутъ же, среди этого возвышеннаго, величаваго покоя, я ея не вижу. Тутъ нѣтъ смерти, ибо нѣтъ той жизни, которая происходитъ тамъ и которая сама по себѣ уже есть одно разложеніе. Но тутъ есть другая жизнь, жизнь освобожденная отъ жизненныхъ цѣпей, жизненнаго прозябанія, отъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые ее дѣлаютъ хуже смерти, тутъ жизнь одного только духа, одного созерцанія, тутъ я чувствую высшую, безконечную, вѣчную жизнь, къ которой будто приобщаюсь и самъ.

Это единственное мѣсто, которое заставляетъ мыслить всякаго, на какой бы ступени развитія онъ ни находился; гдѣ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ малъ и ничтоженъ, какъ бы ни былъ грубъ, надмененъ и самонадѣянъ, какой бы властью, какимъ бы могуществомъ ни обладалъ, возвышается неволью до полнаго сознанія ничтожества всего этого грубаго, жалкаго матеріальнаго міра, гдѣ все вынуждаетъ его проникаться сознаніемъ, что есть еще иной міръ, высшій, чистый и вѣчный, — міръ духа и высшихъ божественныхъ идеаловъ, міръ правды и правосудія, міръ полнаго равенства и безграничной свободы.

Да, это мѣсто смерти можетъ служить началомъ и источникомъ высшей истинной жизни.

Нѣсколько рядовъ бѣдныхъ, очень уже незатѣяливыхъ памятниковъ, большею частью сколоченныхъ изъ досокъ въ формѣ гроба, съ двумя ножками, вкопанными въ землю; на нѣкоторыхъ просто лежатъ плиты изъ обыкновеннаго строительнаго камня съ грубовато сдѣланными на нихъ надписями, весьма несложными. Въ промежуткахъ между могилами много деревьевъ и кустовъ, и это лучше украшаетъ кладбище, чѣмъ всѣ эти великолѣпные, большею частью безвкусныя памятники, эти своего рода богатые, на показъ выставленные наряды, въ которые тщеславіе живыхъ рядитъ своихъ мертвыхъ.

Оставшаяся свободной земля засѣяна картофелемъ, принадлежащимъ сторожу-молдаванину, живущему тутъ-же въ хатенкѣ со своей семьей и огромной стаей утятъ, которые копошатся въ высокой травѣ.

На кладбищѣ пусто; только тамъ, въ самомъ углу, къ могильному камню, лежащему низко къ землѣ и заросшему со всѣхъ сторонъ мелкими кустами, припали двѣ женщины, одна уже пожилая, другая значительно моложе. Онѣ одѣты полупразднично, какъ одѣвается обыкновенно деревенскій людъ, когда отправляется въ городъ. Старшая почти совсѣмъ лежитъ на могилѣ, младшая сидитъ въ травѣ, прикинувъ головой къ камню. Старшая голосито, нараспѣвъ причитываетъ; младшая тихо, судорожно рыдаетъ, безъ словъ, безъ движенія.

Въ этихъ причитаніяхъ много тривіальнаго, шаблоннаго; временами прорывается нѣчто вульгарное, профанирующее, по моему мнѣнію, высовую торжественность мѣста и времени, жалобы большею частью мелочнаго обиходнаго характера, отъ которыхъ я временами ощущаю нѣчто очень неприятное. Но все это совсѣмъ иначе дѣйствуетъ на молодую женщину, которая при каждой жалобѣ все судорожнѣе рыдаетъ. Для нея, очевидно, всякое слово жалобы или причитанія выражаетъ живое, пережитое и ежеминутно переживаемое страданіе, рисуетъ отрывокъ изъ ея жизни, есть плоть отъ плоти ея. Передъ ней теперь въ живыхъ яркихъ картинахъ, разворачивается вся ея неприглядная жизнь, которую теперь только она можетъ цѣльнымъ обзорѣть. И, видя все это такъ ясно передъ собой, она содрагается, вся при-

ходить въ тренеть; ей становится мучительно больно за самое себя,—и отъ того она такъ горько заливается. И вотъ эти то вѣмня, судорожныя рыданія, шокирующія меня вульгарностью тона и содержанія причитыванія, заставляютъ меня внимательно относиться къ этимъ женщинамъ. И чѣмъ больше я слушаю, тѣмъ я больше проникаю въ жизнь этихъ плачущихъ двухъ простыхъ существъ, и все менѣе и менѣе вульгарными становятся для меня ихъ жалобы. Это очевидно мать и замужняя дочь. Плачутъ онѣ надъ могилой старой, «благочестивой» тетки. Но это все равно. Надо выплакаться, излить все, что на душѣ накопилось, а надъ чьей могилой плакать, передъ чьей «душой» излить свое горе—это уже не такъ важно. Конечно, если это душа болѣе чистая, болѣе возвышенная, болѣе благочестивая, то это тѣмъ лучше. Такая «душа» имѣетъ больше вѣса на небѣ, и ея предстательство передъ престоломъ Божиимъ имѣетъ больше значенія. Но потребность выплакаться, излить свою душу часто до того сильна у массоваго человѣка, что даже мысль о возможности облегченія отодвигается на задній планъ.

У многихъ совсѣмъ уже исчезаетъ вѣра во всякую возможность облегченія. У живыхъ эти бѣдники такъ рѣдко встрѣчаютъ искреннее участіе и сердечное сочувствіе. Еврейская жизнь пошла теперь врозь больше, чѣмъ когда-либо; всякій затопленъ собственной нуждой и заботами,—и не до чужого горя ему. А вотъ «души», освобожденныя отъ всякихъ жизненныхъ интересовъ, тѣ внимаютъ навѣрное съ глубокимъ состраданіемъ, и потрясенныя всѣми этими людскими муками, прольютъ горячую слезу въ «мѣхъ слезъ», стоящій передъ престоломъ Всевышняго. Горе только въ томъ, что самъ Всевышній до того уже вѣроятно свмыксъ съ еврейскими слезами, проливаемыми столь обильно въ теченіе столькихъ вѣковъ, что онѣ очевидно оставляютъ Его уже вполне равнодушнымъ.

Мѣхъ наполняется за мѣхомъ, а милосердіе Господне все не пробуждается.

Изъ подслушанныхъ жалобъ и причитаній я получаю кое-какое представленіе объ этихъ двухъ женщинахъ. Это коренныя обитательницы деревни, гдѣ онѣ родились обѣ и гдѣ живетъ ихъ родъ поколѣніями. Деревня эта находится верстахъ въ шести отсюда, въ глубокой долині, за первой цѣпью холмовъ. Тамъ

онѣ имѣютъ собственный домикъ, гдѣ раньше, прежде чѣмъ кабакъ еще достигъ высокаго значенія казеннаго учрежденія, они торговали водкой и виномъ и жили въ достаткѣ, имѣли свою корову, пару лошадокъ. Кое-какъ пристроили старшихъ двухъ дѣтей, изъ которыхъ тутъ присутствующая дочь съ мужемъ живетъ до сихъ поръ при нихъ, при родителяхъ, а для младшихъ держали меламеда.

Но вотъ торговля водкой перешла въ болѣе высокія руки. Шпенокъ тогда превратился въ лавочку, которая никому не нужна. Въ первое время кое-какъ держались остатками прежняго благополучія; но скоро нужда совсѣмъ придушила. Лошадки были проданы, корова въ одну суровую зимнюю ночь взяла и подохла, истощенная голодомъ. Съ меламедомъ пришлось распрощаться. Прокормиться самимъ нечѣмъ. Хлѣбъ является въ видѣ лакомства по субботамъ и праздникамъ; все же время приходится питаться одной мамалгой, да и ту не всегда имѣешь. Гдѣ же тутъ меламеда держать. И вотъ дѣти дичають, «еврейской буквы» не знаютъ, помолиться Богу не сумѣютъ.

«Ко дну идемъ, что съ нами будетъ, что съ нами будетъ», все повторяла бѣдная женщина.

Вотъ появился старій еврей, совершенно оборванный, съ поблекшимъ грубоватымъ лицомъ, съ нѣсколько плутоватымъ выраженіемъ глазъ. Онъ направляется прямо къ женщинамъ. Тѣ немедленно прекращають плачь, поднимаются и направляются къ другой могилѣ.

Тамъ старикъ грубымъ голосомъ, болѣе соответствующимъ профессіи извозчика, произноситъ эту прекрасную возвышенную заупокойную молитву, безбожно уродуя каждое слово въ отдѣльности и все вмѣстѣ, и, очевидно, ничего рѣшительно не понимая изъ того, что говоритъ. Это, однако, не мѣшаетъ женщинамъ слушать благоговѣнно и горько заливаясь. Получивъ въ вознагражденіе мелкую мѣдную монету, старикъ удаляется, садится на заваленку около дома сторожа и углубляется въ бесѣду съ женой послѣдняго, дородной красивой молдаванкой среднихъ лѣтъ.

Скоро женщины оставляють кладбище и направляются пѣшкомъ домой въ свою деревню.

Посѣщеніе кладбища было свѣтлымъ лучемъ въ ихъ тусклой, безотраднѣйшей жизни, которая почему то съ особенною яркостью

выступаетъ предо мной въ то время, когда онѣ проходятъ мимо меня. И меня охватываетъ сильная щемящая боль за эти два бѣдныя существа. Я долго слѣжу за ними съ возрастающей грустью и болью. Какъ будто что-то близкое, родственное связало меня съ ними.

Посидѣвъ еще минутъ двадцать, я направляюсь домой. Чтобъ не возвращаться черезъ навозную, зловонную «греблю», я дѣлаю кругъ и обхожу оврагъ.

Сейчасъ позади кладбища я наталкиваюсь на небольшую деревянную окрашенную въ красный цвѣтъ будку, которую можно видѣть на большомъ разстояніи вокругъ, такъ какъ она стоитъ на значительной высотѣ.

Это оказалось не что иное, какъ простая «бойня». Позади будки нѣсколько собакъ жадно лакали еще дымившуюся теплую кровь; спереди, около широкихъ, настежь раскрытыхъ дверей, толпилось человекъ шесть-семь еврейскихъ мальчиковъ — подростковъ, большею частью оборванныхъ и босыхъ. Они съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за низенькимъ евреемъ, съ смуглымъ морщинистымъ лицомъ, небольшою сѣдоватою бородкой, который облупливалъ и потрошилъ двѣхъ барановъ, висѣвшихъ на крючьяхъ, головой внизъ. Это несчастный батракъ «кацева» (мясника) мѣстнаго, у котораго онъ служитъ за мѣдные гроши.

— А вы что тутъ дѣлаете? обратился я къ мальчикамъ полупуштя, полусерьезно, шокированный ихъ присутствіемъ въ столь мало навидательномъ для ихъ возраста мѣстѣ.

— Вотъ я и ихъ спрашиваю, зачѣмъ они сюда лѣзутъ, отозвался бѣдный батракъ, между тѣмъ какъ мальчуганы какъ то тупо улыбались и молчали.—Какъ только увидать, что «шохать» сюда ѣдетъ, сейчасъ пустятся за нимъ бѣгомъ, продолжалъ маленький человекъ съ негодованіемъ.—Есть на что смотрѣть, нечего сказать. Ужъ собакъ легче отогнать, чѣмъ эту банду. Въ синагогу помолиться, небось, не заманишь. А вотъ цѣлый день шляются попусту, бавлуши бьютъ. И нѣтъ надъ ними старшаго. Что хотять, то и дѣлають. Хорошія у насъ теперъ еврейскія дѣти, нечего сказать. Да и то сказать, каковы отцы, таковы и дѣти.

Онъ выпрямился, поправилъ веревку, котораго былъ перевязанъ въ поясѣ, сдвинулъ на затылокъ свой засаленный картузь, вытеръ грязнымъ рукавомъ толстой позеленѣвшей и сильно испачканной куртки потъ со лба, и, ставъ снова на колѣни, принялся за прерванную работу.

— Вы нигдѣ не учитесь? спросилъ я у мальчиковъ.

— Еще бы! Учиться имъ надо. А кто за собаками будетъ гнаться, кто голубей будетъ ловить, проворчалъ про себя бѣднѣйшій батракъ.

Я повторилъ вопросъ. Одинъ изъ мальчиковъ, съ большимъ дугообразнымъ носомъ, красными щеками и приплюснутой, насквозь пропитанной жиромъ шапкой, отвѣтилъ отрицательно за всѣхъ.

— А давно перестали учиться? спрашиваю я снова.

— Тутъ разные есть, отвѣтилъ тотъ же мальчикъ.— Кто года два уже не учится, кто годъ, кто полъ года.

— Ну, а ты, давно пересталъ учиться?

— Послѣ Пасхи.

— Ну скажи мнѣ, въ какомъ мѣсяцѣ бываетъ праздникъ Пасхи?

— Этого ребѣ мнѣ не говорилъ.

— Такъ скажи мнѣ, кто вывелъ евреевъ изъ Египта?

— И этого мнѣ не сказали, отвѣчаетъ, понуривъ голову, мальчуганъ.

Ни онъ, ни другіе не могли ничего разсказать изъ Библіи.

Маленькій бѣднѣйшій батракъ опять заволновался.

— Вотъ видите, что за мужичье грубое,—обратился онъ ко мнѣ: понятія не имѣютъ даже о Моисѣѣ, который вывелъ евреевъ изъ Египта, далъ намъ Тору. Вотъ какія дѣти тутъ. А кто виноватъ, если не сами родители. Гдѣ вы видѣли, чтобы еврей давалъ своимъ дѣтямъ шпаться безъ ученія, безъ дѣла. Ужъ какой бѣднякъ былъ мой отецъ. Никогда, бывало, не наѣшься досыта. Всегда всѣ голодны ходимъ. А чтобы хоть на одинъ день меня оставить безъ хедера—никогда! Онъ бы умеръ съ горя. Послѣднее бывало мелемеду несеть. Немного я, правда, учился, но все-таки седру до сихъ поръ, слава Богу, разбирать могу, лучше своего хозяина, хотя онъ и кацевъ и баалтокеа. Былъ бы только досугъ и копѣйка въ карманѣ, вотъ какъ я еврей, и теперъ мелемеда себѣ бы взялъ.

Развѣ можетъ быть на свѣтѣ что либо лучше, какъ умѣть заглядывать въ книгу...

И все лицо бѣдняги озарилось вдругъ какимъ то духовнымъ свѣтомъ, и было въ немъ въ эту минуту столько прекраснаго и безвѣчно грустнаго...

Эта встрѣча напомнила мнѣ, что я еще долженъ побывать въ одномъ хедерѣ въ мѣстечкѣ, и я рѣшилъ, послѣ чаю, отправиться туда.

Возвратившись домой, я нашелъ молодую женщину, которая, присѣвъ на заваленкѣ въ тѣни деревьевъ, меня поджидала. Лицо мнѣ казалось знакомымъ, но я никакъ не могъ припомнить, гдѣ я ее видѣлъ. Я присѣлъ рядомъ на заваленкѣ и просилъ рассказать, въ чемъ дѣло.

— Вы на дняхъ были у насъ въ домѣ, когда посѣтили хедеръ молодого меламеда, начала молодая женщина.

Я тотчасъ припомнилъ молодую швею, которую нашелъ въ передней комнатѣ за швейной машиной. Тутъ вблизи я могъ ее лучше разсмотрѣть, и залюбовался этимъ изящнымъ маленькимъ и стройнымъ существомъ, съ миниатюрнымъ ослѣпительной бѣлизны личикомъ, правда, сильно изстрадавшимся и поблекшимъ, но съ удивительно правильными, изящно тонкими чертами, съ небольшими черными красивыми глазами, глядѣвшими такъ умно, такъ выразительно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ открыто, такъ простоудшно, съ черными какъ воронье крыло волосами, служившими столь прекрасной рамкой всему лицу.

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ я ее.

— Я пришла спросить у васъ совѣта. Когда-то мы были очень состоятельны, и мой отецъ принадлежалъ къ первымъ домохозяевамъ мѣстечка. Князь ему отдалъ монополію на продажу напитков во всѣхъ деревняхъ, которыя находятся на его землѣ, и намъ жилось очень хорошо. Но потомъ пошли неудачи, и когда отецъ умеръ четырнадцать лѣтъ тому назадъ, онъ остался долженъ князю сто сорокъ рублей. Я объ этомъ справилась у управляющаго князя, и онъ мнѣ это показалъ по книгамъ. Изъ этихъ ста сорока рублей я уже выплатила князю тридцать пять рублей.

— Какимъ образомъ?

— На лѣто онъ пріѣзжаетъ, и вотъ я шью бѣлье для его семьи. Шью я недурно, и княгиня очень довольна моей работой. Только

не для кого тутъ шить. Евреи всё бѣдняки, а мужики не стануть отдавать шить. Такъ вотъ, когда я шью для князя, мнѣ платятъ половину, а половину высчитываютъ въ счетъ долга. Тяжело это для меня, разумѣется, очень тяжело. Моей работой живетъ вся семья. Она остановилась и украдкой вытерла покрывшіеся влагой глаза. А я совсѣмъ пришелъ въ умиленіе и подумалъ про себя: «какіе же въ самомъ дѣлѣ истинно демократическіе принципы у его свѣтаости, который не брезгаетъ лептою бѣдной труженицы, добною кровью и потомъ, какіе огромные шаги дѣлаеть прогрессъ!»

— А большая у васъ семья?—спросилъ я.

— Было насъ прежде четверо: я, старуха мать и два брата. Одинъ совсѣмъ несчастный, тронутый. Вы вѣдь его видѣли. Какъ приступить къ нему эта болѣзнь, никому въ домѣ житья нѣтъ: всѣхъ бьетъ и терзаетъ, а то все, что есть въ домѣ, ломаетъ. Другой братъ, младшій, тотъ такой хорошій, тихій, добрый, какъ голубь. Да боленъ онъ бѣдняга, все кашляетъ, да харкаетъ кровью. За его честность его всё любятъ и довѣряютъ ему. Вотъ когда базарные дни бываютъ въ окрестныхъ мѣстечкахъ, ему мѣстные торговцы охотно даютъ товары на сумму до двадцати пяти рублей. Да нѣтъ у него лошадки, чтобы отправляться туда. Нанимать же не стоитъ, больше заплатишь за подводку, чѣмъ заработаешь. Прежде бывало пѣшкомъ ходить, а теперь силъ нѣтъ больше. Сдѣлаеть нѣсколько шаговъ—и задохнется.

Нѣсколько крупныхъ слезъ тихо брызнули изъ ея глазъ. Она поспѣшила вытереть ихъ, застыдившись,—и продолжала:

— Такъ вотъ насъ раньше было четверо, а теперь прибавилась еще замужняя сестра съ ребенкомъ.

— И всё живете вашимъ заработкомъ?

— Что же дѣлать. Такъ и живемъ. Кромѣ хлѣба и чаю мѣсяцами ничего не видимъ.

— А по субботамъ?

Она нѣсколько секундъ молчала, потомъ опустивъ глаза къ низу, тихо отвѣтила: То же что и въ будни.

— Такъ что же съ княземъ?—спросилъ я послѣ минуты тяжелаго молчанія.

— Какъ я вамъ уже сказала, тридцать пять я ему выплатила. Такимъ образомъ мы ему должны всего сто пять рублей. И вотъ

у князя имѣется продажная записка на нашъ домъ, выданная еще отцомъ въ видѣ обезпеченія долга. А этотъ домикъ — все наше достоянiе. Пока князь живъ, —ничего еще. Не сдѣластъ онъ такъ, чтобы отнять у насъ послѣднiй нашъ кровъ. Но онъ уже старъ. Не дай Богъ сегодня, завтра все перейдетъ въ другiя руки. Новыи владѣлецъ даже и выслушать насъ не захочетъ, и мы можемъ, избави Богъ, лишиться послѣдняго нашего прiюта. Что тогда съ нами будетъ! Лучше не дожить до такого несчастья. Какъ ни мучимся, все-таки уголь свой есть, собственныя четыре стѣны. Тамъ и прятать свою нужду, свое горе, и никто тебя не видитъ. А что стоитъ человекъ безъ угля?

Глаза опять наполнились слезами и она замолчала.

— Какой же совѣтъ я вамъ могу тутъ дать?

— Бить можетъ, вы бы ему написали, робко замѣтила она.

— Ахъ нѣтъ, моя милая, подумалъ я про себя.— Не только мой, но и всѣ наши писанiя, вмѣстѣ взятыя, для князей никакой цѣны не имѣютъ. И притомъ я съ ранняго дѣтства твердилъ ежедневно въ молитвѣ: «Не надѣйтесь на князей, людей отъ которыхъ помощи нѣтъ». И если бы всѣ евреи слѣдовали этому разумному и благородному совѣту, никому изъ насъ не приходилось бы теперь жить въ вѣчномъ страхѣ завтра или послѣ завтра потерять свой уголь, потому что состарится и умретъ какой-то «милостивый къ намъ» князь, или перемѣнитъ онъ своего управляющаго или своего объѣздчика, кучера, или самъ перемѣнитъ свою высокую милость на гнѣвъ. А потомъ, обращаясь къ своей собесѣдницѣ громко сказалъ: «я съ княземъ незнакомъ, и писать ему не могу. А я вамъ совѣтовалъ бы самой зайти и просто попросить, чтобы онъ вамъ возвратилъ запродажную записку. Онъ, говорятъ, очень доступный человекъ».

— Да, доступный то онъ доступный и держится со всѣми такъ просто. Но на счетъ денегъ онъ очень крутъ и неуступчивъ, каждую копейку отстаиваетъ. Что для него сто рублей, когда онъ отъ одного этого имѣнiя имѣетъ одной аренды сорокъ тысячъ рублей въ годъ. И сколько сотенъ ему переплатилъ покойный мой отецъ за эту монополiю. А теперь онъ насъ, безпомощныхъ можетъ пустить по миру изъ за такой ничтожной для него суммы.

— А вы все таки зайдите, взложите ему ваше положеніе, а потомъ передадите мнѣ его отвѣтъ.

На этомъ мы и расстались.

Въ девять часовъ я отправился въ хедеръ, который долженъ былъ посѣтить. Объ этомъ хедерѣ мнѣ говорили, какъ о самомъ лучшемъ и самомъ высшемъ по своей программѣ. Та же мертвая тишина царитъ вездѣ въ мѣстечкѣ. Только передъ одной лавкой стоитъ запряженный двумя плохими лошадками фургоны, на которомъ сидитъ высокій худой молдаванинъ съ длинными черными волосами, падающими на плечи, одѣтый въ свѣтло сѣрый, оригинальный плащъ, придающій ему очень интересный поэтический видъ горца. Онъ держитъ въ одной рукѣ курицу, и, перегнувшись изъ фургона, кричитъ немного хриплымъ голосомъ: «Trizechi chinch» (тридцать пять).

— Duozeshi (двадцать), отвѣчаетъ ему голосъ изъ лавки, и молдаванинъ, постоявъ еще нѣсколько минутъ, отправляется дальше.

Вотъ по площади двигаются два еврея, одинъ высокій плечистый, съ большой черной бородой, красивыми глазами, другой преземистый, немного сутуловатый, съ русой бородой, тусклыми глазами и помятымъ, будто запыленнымъ лицомъ. Оба держатъ кнуты подъ мышкой, и громко, энергично разговариваютъ, глядя другъ на друга въ упоръ, сильно возбужденные.

А вотъ и синагога, съ полуотворенной дверью, по обыкновенію. Мнѣ сильно хочется заглянуть туда на минутку. Я захожу въ переднюю и останавливаюсь на ступенькахъ, ведущихъ въ самую синагогу. Пусто и одиноко. Только въ томъ же восточномъ углу, какъ и тогда, лицомъ къ востоку, весь укутанный талесомъ, опять стоитъ и горячо молится старый шохать.

«תָּמִיד לְפָנָיו יְהוָה—Новый свѣтъ излей надъ Ціономъ, и да удостоится ми узрѣть его по возможности скорѣе», доносится ко мнѣ слова его молитвы, произнесенныя съ такою мольбой и такимъ печальнымъ заунывнымъ напѣвомъ. Знакомы мнѣ эти прекрасныя слова, знакомъ этотъ родной напѣвъ; но никогда они на меня не производили такого потрясающаго дѣйствія, никогда не откликались такой острой болью въ моемъ сердцѣ, какъ въ этотъ моментъ. И всей душой,

всѣмъ существомъ моимъ присоединился я къ мольбѣ одинокаго старца.

Черезъ узкій длинный проходъ въ родѣ корридора, съ нѣсколькими дверьми, ведущими въ квартиры, я съ улицы вхожу въ довольно большой, со всѣхъ сторонъ замкнутый дворъ. Онъ весь заросъ травкой, а въ одномъ углу одиноко растутъ нѣсколько акацій, которыя придаютъ ему привѣтливый и уютный видъ. Въ самомъ углу, направо, амбаръ, такой же какъ тотъ, въ которомъ помѣщается лѣтній хедеръ меламеда, въ которому я попалъ раньше всѣхъ. Онъ немного меньше и немного опрятнѣе и уютнѣе, чѣмъ тотъ, хотя пыли на стѣнахъ столько, что онѣ кажутся черными. Только полъ тщательно подметенъ, и на немъ еще стоятъ черные винтообразные круги отъ утренней поливки. Въ правомъ углу стоитъ небольшой столъ, за которымъ довольно тѣсно сидятъ человѣкъ семь мальчиковъ и одна дѣвочка лѣтъ шести, поразившая меня своимъ прелестнымъ личикомъ и восхитительными умными глазенками.

Два мальчика, сильно испачканные, съ туповатыми, блѣдными лицами, читаютъ громко нараспѣвъ отдѣльныя слова изъ Пятикнижія, повторяя переводъ каждаго слова на жаргонѣ за меламедомъ. Этотъ послѣдній—совсѣмъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, высокій, худой, съ интеллигентнымъ, нѣсколько наивнымъ лицомъ. Онъ сидитъ безъ сюртука, среди дѣтей, съ большимъ плоскимъ картузомъ на головѣ, сдвинутымъ на макушку.

Ki-wenn, Siheno—wellen san, leisch—zina menschen, stei—zwei, nuschim—waber, huachass—eine, ahivu—a geliebte, ¹ и т. д.

И опять та же грустная траурная мелодія, которая такъ надрываетъ душу. Другіе мальчики слѣдятъ или дѣлаютъ видъ, что слѣдятъ за читающими, тихо между собой переговариваясь или отчаянно зѣвая.

Одна дѣвочка, втиснутая между мальчиками, прилежно пишетъ по еврейски—и пишетъ прелестно.

— Это все—что вы проходите съ дѣтьми? спрашиваю я у ребе.

— Нѣтъ, только эти двое, что читаютъ проходятъ teitsch werter.²

Они только послѣ песаха начали «Хумешъ». Другіе уже и Раши ³

¹ Я передаю слова по мѣстному произношенію.

² Переводъ каждаго слова отдѣльно.

³ Извѣстный комментарий Библии.

Книжки Восхода, кн. 3.

немного проходить, и, кромѣ Пятикнижія, проходить первыхъ пророковъ. Теперь я съ ними прохожу Судей. А пока я занимаюсь съ младшими, старшіе тоже слушаютъ и повторяютъ.

— У васъ дѣти, значить, съ различными познаніями?

— Въ томъ то и бѣда, что съ различными. Почти сколько паръ, столько и различныхъ степеней знаній; двое даже учатся читать только.

И онъ мнѣ указалъ на двухъ крошекъ, сидѣвшихъ на полу и сильно томившихся, ибо ихъ, очевидно, заставляли сидѣть тихо и неподвижно, чтобы не мѣшать занятіямъ. Такое же томленіе я замѣтилъ и у тѣхъ, которые сидѣли за столомъ и «слушали». Они, бѣдные, не находили себѣ мѣста и развлекались, чѣмъ только попало: писали пальцами по столу, ловили мухъ, вытаскивали изъ кармановъ старыя перья, пуговицы, куски желѣза, которые показывали другъ другу, обмѣнивались ими и т. д.

— Пятикнижіе, значить, старшая группа уже прошла цѣликомъ? спросилъ я.

— Конечно, отвѣтилъ меламедъ.

— И книгу Иегошуа тоже прошли? спросилъ я опять. Меламедъ отвѣтилъ утвердительно.

Я обратился къ одному изъ старшей группы съ вопросомъ, кто такой былъ Иегошуа. Онъ долго молчалъ и, наконецъ, очень робко и нерѣшительно отвѣтилъ: «Онъ былъ мешуресомъ».

Я думалъ, что остальные мальчики залягутся хохотомъ. Но они очень спокойно выслушали этотъ отвѣтъ, найдя его, очевидно, вполне правильнымъ.

— А у кого онъ былъ мешуресомъ? спросилъ я снова.

— У Мойше.

— Дома или въ лавкѣ?

Только одинъ мальчикъ, на видъ лѣтъ тринадцати, съ свѣжимъ лицомъ и большими умными глазами, улыбнулся при этомъ вопросѣ. Спрошенный же молчалъ, очевидно, затрудняясь только въ выборѣ между домою и лавкой, вопросъ же нашелъ очень естественнымъ.

Я обратился къ тому мальчику, который улыбнулся. Тотъ очевидно понималъ, что Иегошуа не былъ обыкновеннымъ служителемъ у Моисея, но разъяснить его роли и значенія онъ все таки не могъ. Болѣе ясное, хоть и далеко не точное и не пол-

ное представленіе онъ имѣлъ о Моисеѣ, также не дурно онъ зналъ содержаніе Пятикнижія вообще. Еще кое-какіе обрывки знаній обнаружилъ другой мальчикъ, блѣдный, болѣзненный. Остальные же ни о чемъ понятія не имѣли, такъ таки рѣшительно ни о чемъ.

Меламедъ мнѣ объяснилъ это тѣмъ, что они все это не у него прошли, что онъ тутъ всего первый зманъ и продолжаетъ, такъ сказать, то, что другіе начали.

Онъ, дѣйствительно, произвелъ на меня впечатлѣніе челоѣка толковаго, знающаго и трудолюбиваго; но я все таки не замѣтилъ, чтобы онъ сознательно относился къ своимъ занятіямъ, былъ бы проникнутъ хоть каплей любви къ своему дѣлу, къ своимъ дѣтямъ, чтобы требовалъ отъ нихъ пониманія того, что они проходятъ. Словомъ, и тутъ, какъ и у всѣхъ другихъ меламедовъ, одно только машинальное, бессмысленное долбленіе, безъ всякой заботы о результатахъ, безъ всякаго стремленія дѣйствительно дать что либо дѣтямъ, внести что либо въ ихъ душу.

Когда я ему это все откровенно высказалъ, пошли тѣ же горькія жалобы на недобросовѣстное отношеніе родителей къ меламедамъ, на ихъ непроходимую грубость и неумѣніе цѣнить знанія, которыя они считаютъ ничего не стоящими, а главное— на ихъ систематическое нежеланіе платить. Даже и тѣ, что сносно платятъ, за единичными исключеніями, по его заявленію совсѣмъ мало интересуются познаніями своихъ дѣтей. Они словно исполняютъ традиціонный обрядъ посылки дѣтей въ хедеръ.

— Есть у меня тутъ двое дѣтей, за которыхъ отецъ очень хорошо платитъ и очень исправно,—сказалъ, между прочимъ, меламедъ:— между тѣмъ они только два, рѣдко три дня въ недѣлю бывають въ хедерѣ; а то по цѣлымъ недѣлямъ не являются. При малѣйшей надобности, онъ ихъ отрываетъ къ «дѣлу». Мальчики, разумѣется, рады этому. Гдѣ же тутъ дать имъ какія либо знанія? все оправдывалъ себя молодой учитель.

Онъ самъ не желаетъ остаться больше въ этой берлогѣ, чтобы напрасно не тратить своихъ силъ тутъ. Кончится зманъ, и онъ уѣдетъ, если только будетъ имѣть чѣмъ; ибо тѣ нѣсколько рублей, которые онъ собралъ, онъ отправилъ своей женѣ, живущей въ Волынской губерніи. Самъ онъ на себя ни одной копейки не истратилъ, кормится у родителей учениковъ: двѣ недѣли у одного,

двѣ недѣли у другого. Это очень непріятно и унижительно; иногда подвергаешься грубостямъ, иногда попадаешь къ такимъ, у которыхъ самимъ ѣсть нечего.

Меня поразило то равнодушіе, то совершенное отсутствіе чувства, съ которыми онъ все это говорилъ.

«Неужели у этого человѣка совсѣмъ заглохли чувства», подумалъ я и обратился къ нему съ вопросомъ:

— Неужели вамъ не больно видѣть всего этого несчастья и невѣжества. Приходила ли вамъ когда либо мысль, что надо что либо сдѣлать для этихъ людей. Обвинять легко. Но вы вѣдь очень много могли бы сдѣлать для этихъ несчастныхъ, еслибъ вы хотѣли, еслибъ вы отнеслись къ нимъ съ нѣкоторымъ сочувствіемъ.

— Что это я за еврейскій печальникъ такой? отвѣтилъ онъ съ убійственнымъ равнодушіемъ. Былъ бы радъ, еслибъ себя могъ обезпечить. Что же мнѣ еще заботиться о другихъ. Есть, слава Богу, поважнѣе меня.

Когда я уже уходилъ, онъ робко меня остановилъ у порога и съ нѣкоторымъ подобострастіемъ спросилъ:

— Вы навѣрное ціонистъ. Не правда ли?

Этотъ наивный малый очевидно серьезно былъ убѣжденъ, что для того, чтобы интересоваться чѣмъ либо, кромѣ своей шкуры, надо быть непремѣнно ціонистомъ; что только ціонисты могутъ посвящать себя народнымъ интересамъ.

Ахъ нѣтъ! Къ сожалѣнію, ціонисты далеко еще не имѣютъ права на подобную монополію. Не менѣе другихъ они иногда обнаруживаютъ довольно постыдное равнодушіе къ важнымъ духовнымъ интересамъ народной массы тамъ, гдѣ они могли бы сдѣлать что нибудь. Но я забѣгаю впередъ. Мнѣ придется еще много говорить объ этомъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ. Кое-какая правда есть однако и въ этомъ наивномъ убѣжденіи. Кто служитъ народному воспитанію въ народномъ духѣ, тотъ истинный ціонистъ въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Ибо высшая конечная цѣль ціонизма—это сохраненіе народнаго духа въ его лучшихъ духовныхъ и умственныхъ проявленіяхъ. Но я опять таки забѣгаю впередъ.

Венъ-Али.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Разжалованье. ¹

Жозефа Рейнака.

(Переводъ съ французскаго).

I.

Ночь давно уже спустилась на землю, когда Дрейфусъ былъ отведенъ обратно въ тюрьму, которую утромъ онъ покинулъ съ радостнымъ сердцемъ, преисполненный вѣры, что вечеромъ будетъ уже на свободѣ, среди своихъ. Теперь установлено формально, что онъ—измѣнникъ, самый низкій человѣкъ на свѣтѣ. Лучше было умереть, чѣмъ жить, нося на себѣ такое позорное пятно. Только смерть могла доставить облегченіе, мертвый сонъ безъ грезъ, безъ пробужденія. Уходя въ свою камеру, онъ замѣтилъ находившагося въ ней Форцинетти и на порогѣ воскликнулъ: «Единственное мое преступленіе, это—то что я—еврей!» Затѣмъ изо всѣхъ силъ, какія у него еще оставались, онъ сталъ требовать, чтобы ему дали револьверъ.

Все, что было въ немъ, рушилось: культъ разума, вѣра въ справедливость, любовь къ людямъ. Вдругъ кто-то взялъ его за руку; тотъ, кто сдѣлалъ это, былъ добрый человѣкъ и еще вѣрилъ въ него.

Этотъ старый воинъ видѣлъ много несчастныхъ на своемъ вѣку; снисходя до нихъ, онъ возвышался до чувства состраданія. Онъ видѣлъ много несправедливости: еще одна, какъ бы она ни была ужасна, огорчала его, но не удивляла. Испоконъ вѣковъ отягченный неправдой міръ не погрузится въ

¹ Отрывокъ изъ имѣющаго въ скоромъ времени появиться въ свѣтъ произведенія.

преисподнюю подъ тяжестью новаго беззаконія, а будетъ продолжать свое шествіе. Одной битвой больше придется выдержать, а всякое сраженіе вѣдь можетъ кончиться побѣдой.

Дрейфуса, среди этого общаго крушенія его «я», его жизни, того, что, казалось, такъ логично вытекало изъ хода событій,—сильно, до боли огорчило вдобавокъ то обстоятельство, что его тюремщикъ, который до этого дня считалъ его невиновнымъ, теперь вслѣдствіе состоявшагося обвинительнаго приговора, могъ измѣнить свое мнѣніе. Но Форцинетти продолжалъ вѣрить еще въ его невиновность и тогда, когда судьи высказались противъ узника; значить, не исчезла еще на землѣ доброта, справедливость и—надежда.

Эта капля человѣческой нѣжности упала живительной росой на бѣдную душу. Если бы, вернувшись въ свою темницу, онъ не нашелъ ничего, кромѣ четырехъ голыхъ стѣнъ, желѣзной двери и рѣшетокъ, онъ, обезсиленный столькими ужасами, сраженный судьбою, покончилъ бы съ собой еще до восхода солнца. Въ эту минуту безумнаго отчаянія его не остановила бы мысль о женѣ и дѣтяхъ. Онъ бы умеръ, мысленно совершая ихъ дорогія лица, умеръ прежде, чѣмъ успѣло бы къ нему вернуться сознаніе.

Форцинетти зажегъ въ его душѣ божественную искру. Онъ не успокоилъ несчастнаго первымъ словомъ состраданія. Не разъ впродолженіе этой длинной зимней ночи, которую онъ почти напролетъ провелъ около Дрейфуса, послѣдній требовалъ у него, какъ милости—оружія.

Какъ самаритянинъ, съ сердцемъ, преисполненнымъ любовью, подошелъ онъ къ сыну Іерусалима и спасъ его. Онъ одинъ былъ въ состояніи читать въ его душѣ и понимать ее, и онъ говорилъ съ нимъ, какъ солдатъ съ солдатомъ, о понесенномъ имъ пораженіи, о позорѣ примиренія, о чести. Самоубійство было бы подтвержденіемъ справедливости вердикта. Онъ, Форцинетти, первый бы сказалъ: «Измѣнникъ самъ себя осудилъ».

Дрейфусу было 35 лѣтъ. Когда Форцинетти покинулъ его,

онъ обѣщаль ему, если не жить, то во всякомъ случаѣ, обождать.

II.

Если къ подобнымъ несчастіямъ можно прикидывать мѣрки сравненія, то было созданіе несчастнѣе его: его жена.

Нѣсколько недѣль тому назадъ она была самой счастливой женщиной на землѣ: красивыя дѣти, любимый и любящій мужъ и пріятное, гордое чувство принадлежности къ военному сословію. Въ рабствѣ военной дисциплины она видѣла только суровое величіе и блескъ. Теперь рухнули даже развалины этого непродолжительнаго счастья.

Ея мужъ—въ острогѣ; нѣтъ ни одного угла Франціи, гдѣ бы не проклинали его имени, нѣтъ такого клочка земли на всемъ свѣтѣ, гдѣ бы не клеймили имени ея дѣтей. Какое паденіе, какое глубокое паденіе!

Такого несчастія она не заслужила: оно поднимаетъ ее очень высоко надъ всѣми остальными, надъ ней самой, возноситъ ее на такія высоты, о которыхъ она, несчастная, никогда не мечтала, когда была еще недавно счастливой, торжествующей. Этимъ не заглушается боль, которая безустанно, не прекращаясь ни на минуту, жжетъ и снѣдаетъ дупу. Но лѣченіе горнымъ воздухомъ не такъ благодѣтельно для тѣла, какъ для души это хожденіе по великимъ страстямъ.

Въ тихомъ счастьѣ семейной жизни эта душа Люси Дрейфусъ была маленькой, обыкновенной душой, съ короткими крыльями.

При ужасномъ извѣстіи, которое принесъ ей одинъ родственникъ, д-ръ Вейль, явившійся въ собравшуюся у Шершъ-Миди толпу съ надеждой, даже съ увѣренностью въ торжественномъ оправданіи, она, какъ раненый звѣрь, испустила крикъ и упала на руки матери. Затѣмъ, безъ видимыхъ усилий, она принялась дѣлать то, что повелѣвалъ ей долгъ.

Если бы она сомнѣвалась въ своемъ мужѣ, она не осталась бы въ живыхъ; она была увѣрена въ немъ; она хотѣла, чтобы онъ жилъ.

Развѣ солдатъ можетъ пережить потерю своей чести? Но развѣ честь этого солдата погибла навсегда? И такъ, этотъ солдатъ долженъ жить ради своей чести, и она ему внушить это.

Безчеловѣчный приказъ, специально изданный ради еврея, закрылъ ей доступъ въ тюрьму. Въ ту именно минуту, когда такъ хотѣлось вмѣстѣ поплакать, эти два несчастныхъ существа были вынуждены обмѣниваться письмами.

Съ наступленіемъ дня, миражъ самоубійства, оазисъ вѣчнаго покоя, вернулся. Соблазнъ былъ настолько великъ, что Дрейфусъ, какъ путникъ въ пустынѣ, поддавался ему, чувствовалъ свое безсиліе противостать ему, неизбежность гибели. Слишкомъ честный, чтобы умолчать объ этомъ, онъ призываетъ на помощь жену: «Ради тебя одной я боролся до сегодняшняго дня, ради тебя одной я выносилъ эти продолжительныя мученія. Но хватитъ ли у меня силъ идти до конца? Объ этомъ я ничего не знаю. Я постараюсь жить для тебя, но мнѣ нужна твоя поддержка».

Она отгадала его мысли; почти одновременно она уже отвѣчала ему. Въ ея отвѣтѣ нѣтъ ни громкихъ фразъ, ни классическихъ клятвъ, ничего подобнаго; онъ весь дышитъ однимъ лишь чувствомъ безпредѣльной, проникающей ее насквозь нѣжности. Она любила его, она удивлялась ему. Память о счастья минувшихъ дней не увеличивала ея страданій въ этомъ горѣ, но будила надежду: «Мы прожили почти пять лѣтъ въ счастьѣ. Будемъ жить этимъ воспоминаніемъ. Наступитъ день, когда справедливость одержитъ побѣду, и мы насладимся еще счастьемъ. Дѣти будутъ преклоняться предъ тобой; мы сдѣлаемъ изъ твоего сына такого же человѣка, какъ ты; болѣе прекраснаго образца я не могу для него выбрать... Ты долженъ жить для нашихъ дѣтей, для меня».

Деманжъ посѣтилъ Дрейфуса въ его заточеніи и со слезами на глазахъ обнялъ его. «Мой капитанъ, воскликнулъ онъ, ваше осужденіе — самое ужасное преступленіе въ нашемъ столѣтіи!» Онъ принесъ отъ него вѣсти женѣ, сказалъ ей, что законъ разрѣшаетъ ей слѣдовать за мужемъ въ мѣсто

ссылки. Она немедленно рѣшаетъ выполнить это. «Ты знаешь, какъ я люблю тебя, пишетъ она. Наше безпредѣльное горе, ужасный поворотъ, жертвой коего мы являемся, только усилить мою привязанность къ тебѣ. Куда ты ни пойдешь, куда бы тебя ни послали, я повсюду послѣдую за тобой».

Онъ призывалъ ее на помощь въ борьбѣ со смертью; она призываетъ его на помощь въ борьбѣ съ жизнью. Она не въ силахъ «обойтись безъ него»; онъ — единственная ея отрада. «Счастьемъ для меня можетъ быть только — провести остатокъ дней моихъ около тебя». Безъ него она падаетъ.

Она знала его мужественный характеръ; сознание предстоящаго долга возвратитъ ему силы.

Онъ отвѣчалъ ей ночью: «Деманжъ разсказалъ мнѣ, какой ты удивительный человекъ. Ты стоишь выше меня. Ты — одна изъ самыхъ благородныхъ женщинъ, какія только есть на землѣ. Если мнѣ придется испить чашу до дна, то я это сдѣлаю для того, чтобы быть достойнымъ твоего героизма».

Впродолженіе всей недѣли, она отвоевываетъ его у смерти, борясь постоянно однимъ и тѣмъ же доводомъ: если онъ умретъ, она не останется въ живыхъ. «Я плачу, плачу безъ конца. Одни твои письма утѣшаютъ меня; они только поддерживаютъ и укрѣпляютъ. Живи ради меня, я умоляю тебя, мой дорогой другъ. Соберись съ силами, борись, будемъ бороться вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не откроемъ виновника. Что стало бы со мной безъ тебя? У меня не было бы ничего, что могло бы связывать меня съ жизнью». Она говоритъ ему о дѣтяхъ, о его сынѣ, который беспокоится по случаю его продолжительнаго отсутствія, о крохотной дочкѣ, которая начинаетъ лепетать, и сильно похорошѣла. «Когда нибудь ты вернешься къ нимъ... Ты сумѣешь ихъ ласкать, ихъ обожать... Сохраняй присутствіе духа. Настанетъ день, когда мы всѣ будемъ вмѣстѣ, всѣ будемъ наслаждаться счастьемъ... Возродятся наши мечты, наши планы». Она знаетъ, что, умоляя его жить ради нея, ради ея дѣтей, до дня реабилитаціи, она тѣмъ самымъ требуетъ отъ него «колоссальную жертву». Зна-

чить, каждый часъ, прожитый имъ, это—даръ, который онъ ей подноситъ. «Если бы тебя не было, у меня не хватило бы силъ выдерживать борьбу, въ которой ты одинъ на свѣтѣ можешь меня поддержать».

Мало-по-малу онъ овладѣваетъ собой, заставляетъ себя отрѣшиться отъ соблазнительнаго миража, успокоительнаго источника забвенія, отъ кипарисовъ, подъ которыми спится еще лучше, чѣмъ подъ пальмами.

Но мысль о смерти все еще преслѣдуетъ его: «Ты—единственная нить, привязывающая меня къ жизни. Какъ мы любили другъ друга! Сегодня я особенно сильно чувствую, какъ ты дорога мнѣ». Онъ отвергаетъ ея предложеніе—слѣдовать за нимъ на каторгу. «Я не могу принять твоей жертвы, тебѣ нужно остаться ради дѣтей... Ты восхитительна, обожаемая моя, я падаю ницъ предъ тобой... Какъ были мы счастливы! Все улыбалось намъ въ жизни: богатство, любовь, чудныя дѣти, тѣсный кругъ родныхъ,—и вдругъ этотъ громовой ударъ... Ахъ, если бы я не имѣлъ тебя, съ какимъ наслажденіемъ разстался бы я съ жизнью! Только твоя любовь удерживаетъ меня, даетъ мнѣ силы переносить ненависть всего народа, и этотъ народъ правъ: ему сказали, что я—измѣнникъ. О, это ужасное слово—измѣнникъ, какъ оно раздражаетъ мнѣ душу! Я—измѣнникъ!»

Она чувствуетъ, что недалеко уже побѣда, коль скоро онъ готовъ перенести всѣ физическія пытки отдаленнаго заточенія, но содрогается еще, уклоняется отъ нравственныхъ пытокъ процедуры разжалованія—этой дикой торжественной церемоніи, во время которой объявятъ о его позорѣ предъ лицомъ собравшейся арміи и всего народа, когда несправедливый приговоръ будетъ выраженъ въ ужасныхъ символахъ—надъ нимъ сломаютъ его шпагу, сорвутъ съ него эполеты, а онъ, лишенный внѣшнихъ и осязательныхъ признаковъ чести, долженъ будетъ пройти подъ градомъ проклятій и среди свиста присутствующихъ.

И она мужественно заговариваетъ съ нимъ объ этомъ

событіи, мысль о которомъ ихъ обоихъ постоянно преслѣдуетъ. Вотъ новый подарокъ, который она проситъ его поднести ей, въ знакъ любви: перенести, ради нея, эту пытку. «Страданія, которыя предстоятъ тебѣ, ужасны; обѣдай мнѣ, что ты мужественно перенесешь ихъ... Вообрази, что обезпечиваютъ не тебя, а кого-нибудь другого; прими незаслуженное наказаніе; прими его, ради меня, вырази мнѣ это проявленіе любви, и вырази его твоимъ дѣтямъ; и когда-нибудь они будутъ тебѣ благодарны. Мой, возлюбленный, ты долженъ примириться со всѣмъ, чтобы быть въ состояніи перенести ожидающія тебя ужасныя испытанія».

Наконецъ, онъ клянется, что будетъ жить, что бодро и гордо пойдетъ на пытку: «Твой героизмъ побѣдилъ меня... Я буду бороться до послѣдняго издыханія, до послѣдней капли крови... Чувствуя постоянно около себя твое присутствіе, я перенесу всѣ страданія, всѣ униженія, и не преклоню головы. Твои письма, дорогая моя, даютъ мнѣ необходимыя силы... Женщины выше насъ; я постараюсь быть достойнымъ тебя. Да, было бы трусостью бѣжать съ поля жизни. Я чувствую это сегодня; но чего ты хочешь? Ударъ былъ слишкомъ силенъ, и мое мужество мнѣ измѣнило. Это ты вернула его мнѣ; твоя душа заставила трепетать мою». И на другой день, въ слѣдующіе дни онъ возобновляетъ ту же клятву, чтобы подбодрить самого себя, чтобы окончательно убѣдить ее. «Какъ бы ужасны ни были нравственныя страданія, которыя мнѣ предстоитъ перенести, я долженъ выдержать ихъ. Я не имѣю права покинуть свой постъ. Я оказался бы трусомъ, если бы дезертировалъ. Я буду жить, я это хочу». Цѣль его жизни выяснилась для него вполне опредѣленно; онъ долженъ оставить своимъ дѣтямъ чистое, незапятнанное имя. И онъ «собираетъ всѣ свои силы, чтобы перенести ожидающее его ужасное униженіе».

На старинныхъ картинахъ попадаются изображенія святыхъ мучениковъ, съ которыхъ палачи срѣзываютъ окровавленными ножницами кожу, обнажая мясо. Такой же муче-

никъ—этотъ человѣкъ, лишающійся своей чести, которая спадаетъ съ него, какъ ему кажется, длинными полосами, подѣ острыми лезвіями.

Мысль о предстоящемъ разжалованіи мучаетъ его больше всего. Физическія муки не пугали его; онѣ ему ни по чемъ; «онѣ мало угнетаютъ его»; онѣ никогда не могли, никогда и не сумѣютъ сломить его. Но «онѣ не желаютъ испытать презрѣніе», а онѣ чувствуетъ, что презираемъ всѣми. «Это самая худшая изъ всѣхъ пытокъ, хуже смерти... Ахъ, эта вѣчная мука сознанія, что смѣшиваются съ грязью мое имя, имя невиннаго человѣка, такого гордаго и увѣреннаго въ своей чести!» Имъ овладѣваетъ опасеніе, какъ бы кто-нибудь изъ родныхъ не смалодушничалъ: «говори всѣмъ, чтобы высоко держали голову, смотрѣли прямо въ глаза людямъ, какъ это дѣлаю я. Не опускайте головы».

Напрасная забота; среди этихъ славныхъ людей, нѣтъ Петра; нѣтъ такого несчастнаго, который бы сталъ заперяться въ томъ, что сказалъ какое-либо слово, сдѣлалъ какой-нибудь жестъ. Въ день осужденія, вечеромъ, секретарь Деманжа сказалъ Матье: «Вы исполнили вашъ долгъ».— «Я начинаю исполнять его», возразилъ просто Мелузскій ткачъ. Онѣ тутъ же постановилъ не покидать больше Парижа, забросить всѣ дѣла и заняться выясненіемъ истины.

Наканунѣ новаго года узникъ пишетъ женѣ: «Я надѣюсь, что ты и отъ моего имени подарила игрушки нашимъ дѣтямъ, не слѣдуетъ заставлять этихъ малютокъ теперь уже переносить наши мученія».

Въ томъ же письмѣ онѣ сообщаетъ, что сталъ заниматься англійскимъ языкомъ: «послѣ мнѣ понадобятся книжки съ упражненіями и попутнымъ исправленнымъ текстомъ». Онѣ хочетъ заниматься умственнымъ трудомъ: онѣ спасенъ.

III.

Вся Франція, въ особенности Парижъ, съ нетерпѣніемъ ожидали приговора военнаго суда.

Тѣ газеты, что съ самаго начала осудили обвиняемаго, радовались негласному разбирательству дѣла. Онѣ превозносили Мореля за то, что онѣ «не дали возможности Деманжу наговорить глупостей, которыми онѣ надѣялся снискать покровительство своему кліенту». Благодаря его твердости, «избѣжали серьезныхъ осложнений». ¹ Часто повторяли замѣчаніе, сдѣланное однимъ офицеромъ генеральнаго штаба: «Военному суду пришлось выбирать между негласнымъ разбирательствомъ и войной». Рассказывали, будто германскій посольскій урядъ угрожалъ Ганоту, что потребуетъ свои вѣрительныя грамоты, если на судѣ воспользуются однимъ документомъ, украденнымъ въ его посольствѣ, пользующемся правомъ экстерриториальности. Морель заставилъ судей поклясться, что они сохраняютъ въ строжайшей тайнѣ всѣ обстоятельства дѣла. Все это присоединялось къ таинственности, окутывавшей процессъ, къ легендѣ о необычайной измѣнѣ.

Когда вечеромъ Дрейфуса отвели въ тюрьму, улица была закрыта для доступа публики и наводнена арміей полицейскихъ: принципъ «закрытыхъ дверей» былъ примененъ и здѣсь.

Вслѣдствіе такихъ предосторожностей, изъ залы суда пробился лишь слабый лучъ. Извѣстенъ былъ списокъ свидѣтелей. Единственный документъ, послужившій основаніемъ для обвиненія, былъ «своего рода бордеро, содержащее списокъ подлежащихъ выдачѣ документовъ»; онъ заканчивался словами «я собираюсь на маневры».

За отсутствіемъ другихъ точныхъ свѣдѣній, циркулировали ложные слухи, печатные и передававшіеся устно. Четыре эксперта рѣшили, что бордеро исходитъ отъ Дрейфуса, который съ трудомъ сумѣлъ измѣнить свой почеркъ. Главный штабъ день

¹) Одинъ Siècle осмѣлился упрекать Мореля въ „недостаткѣ хладнокровія и спокойствія, внушающихъ довѣріе въ судѣ“. Изв-Гюйо изобличалъ своеобразный характеръ процесса, имѣвшаго видъ состязанія между Мерсье и Дрейфусомъ, и такъ заканчивалъ свою статью: „предсѣдатель военнаго суда былъ правъ, когда говорилъ, что въ этомъ процессѣ играютъ роль еще другіе интересы помимо интересовъ обвиненія и защиты; онъ могъ бы назвать ихъ; это—интересы отечества и справедливости“ (20 дек. 1894).

и ночь работает надъ измѣненіемъ плановъ мобилизаціи. «Вредъ, причиненный измѣной Дрейфуса Франціи,—чудовищныхъ размѣровъ». Оправданіе же повело бы къ немедленной отставкѣ Мерсье и Буадеффа; всѣ офицеры главнаго штаба хотѣли быть вызванными въ военный судъ.

Когда затѣмъ на четвертый день процесса, вечеромъ сталъ извѣстенъ приговоръ, дикая радость охватила переполнявшую ул. Шершъ-Миди толпу, и эта радость въ ту ночь выражалась повсюду—на бульварахъ, въ общественныхъ мѣстахъ; радовались всѣ искренно—одни тому, что армія исторгла изъ своей среды измѣнника, другіе—что осужденный былъ еврей.

IV.

Единогласное рѣшеніе судей разсѣяло нѣкоторые сомнѣнія, возникшія въ продолженіе мѣсяца. Не считая близкихъ Дрейфуса, которые всѣ сохранили вѣру въ него, насъ было десять человѣкъ, которые устояли въ непреступной твердынѣ логики: развѣ можетъ быть преступленіе безъ причины? Одинъ судья можетъ ошибиться; а семь нѣтъ? А весь народъ нѣтъ? Подобные факты случались.

Такое единодушіе принесло облегченіе обезпеченному духу; оно было необходимо для спокойствія каждаго. Логика каждаго отказывалась работать, инстинктивная боязнь ошибки, которая еще вчера была такъ вѣроятна, смѣнилась яростной увѣренностью въ совершеніи преступленія. «Если бы вскрыли мозгъ Дрейфуса,—воскликнулъ Сэнъ-Жене,—не нашли бы въ немъ ничего человѣческаго». И Клемансо писалъ: «и такъ онъ не признаетъ ни родителей, ни жены, ни дѣтей, онъ ничего не любитъ, ничто не связываетъ его съ человѣчествомъ, даже съ животнымъ міромъ; это—подлая душа, негодный человѣкъ».

У многихъ сохранялось чувство опасенія: «какъ бы не произошло разногласія среди судей или, по крайней мѣрѣ, замѣтнаго колебанія»; но, къ счастью, всѣ семь судей были ослѣплены. Изъ этого общаго ослѣпленія естественно заключить, что у всѣхъ у нихъ потемнѣле въ глазахъ отъ ослѣпительнаго свѣта.

Ихъ военное званіе, принадлежность къ офицерскому словію придавало авторитетъ вердикту. Судейская тога не гарантируетъ отъ ошибокъ; почему военный мундиръ можетъ представлять подобную гарантію? Въ силу какой привилегіи? Вотъ новая аксіома: представители арміи обладаютъ высшей степенью прозорливости. «По отношенію къ этимъ солдатамъ публика не питала того недоувѣрія, которое порою ей внушаетъ судъ присяжныхъ или безпристрастіе магистратуры. На основаніи малообоснованныхъ доказательствъ, семь офицеровъ не осудили бы своего собрата по оружію».

А съ другой стороны, оправданіе принесло бы опасность; оно свидѣтельствовало бы объ ошибкѣ начальства, отсутствіи у него хладнокровія.

Такъ составилось убѣжденіе у тѣхъ людей, которые думали про себя, что они разсуждаютъ нелицепріятно и не питаютъ ненависти. Уваженіе къ судебному рѣшенію (*chose jugée*) — необходимая фикція; безъ нея невысказанно отправленіе суда, невозможно жить въ человѣческомъ обществѣ. Но лишь дикари внимаютъ словамъ судьи въ благоговѣйномъ трепетѣ, уваженіе къ судебному приговору не обуславливаетъ собой молчанія. А между тѣмъ, органъ республиканской буржуавіи, сознаваясь въ своемъ полномъ невѣдѣніи относительно «фактической стороны дѣла», рѣшалъ, что «не только судили, но хорошо судили».

Окутывавшая процессъ тайна только увеличивала степень увѣренности, равно какъ предполагаемый ужасъ преступленія. Что это за преступленіе, которое такъ заботливо скрываютъ отъ постороннихъ взоровъ? Разбирательство при закрытыхъ дверяхъ обмануло однихъ любопытныхъ. Страна жаждала справедливости и осталась равнодушной къ вопросамъ права. Мракъ, наполнявшій дѣло, больше всякаго свѣта вліялъ на составленіе мѣтній.

Страстное желаніе предсѣдателя суда заткнуть ротъ защитнику, помѣшать ему сказать, что въ дѣлѣ имѣется всего на всего одинъ документъ, облечь покровомъ тайны даже

нравственную сторону процесса: все это не возбуждало никакого подозрѣнія.

Ни у кого не было сомнѣній, было лишь безпокойство. Не только почтительно скорбѣли, что знамя забрызгано грязью, но даже сожалѣли, что этотъ поступокъ совершенъ образованнымъ и богатымъ офицеромъ. Какой козырь въ рукахъ предсказателей классовой борьбы—подобное осужденіе! Какая тема для разглагольствованій представителей растущаго социализма: на буржуазномъ навоѣ расцвѣла сама измѣна. Злоба, которая преступленіе одного человѣка припишетъ всѣмъ его соплеменникамъ, вызываетъ волненіе, даже негодованіе. Дѣло въ томъ, что подъ этимъ несправедливымъ обобщеніемъ скрывается еще другое, представляющее больше основаній для страха.

Народная масса, которая ждала обвиненія, встрѣтила его аплодисментами. При первомъ же извѣстіи о преступленіи, она рѣшила, что обвиняемый виновенъ въ немъ. Оправданіе обмануло бы ея ожиданія, возбудило бы подозрѣнія. Это—не простой солдатъ, да вдобавокъ это—еврей.

Какъ бы велика его вина ни была, его осудили уже потому, что онъ былъ богатъ и принадлежалъ къ офицерскому сословію. Кого вы убѣдите, что приговоръ былъ постановленъ на основаніи одного клочка бумаги и сомнительнаго качества экспертизы. Что тамъ! Бредни адвокатовъ и продажныхъ журналистовъ. Съ одного разу легенда о безчисленныхъ преступленіяхъ Дрейфуса запечатлѣлась въ умахъ престонородья. Болѣе возмутительнаго преступника свѣтъ еще не видѣлъ. Базенъ выдалъ врагу одинъ Метцъ, армию Граведотта и 50 знаменъ. Дрейфусъ предалъ Пруссіи секретъ мобилизаціи. Чтобы привести дѣла въ порядокъ, придется проработать три года и затратить пять милліоновъ. Къ счастью, Мерсье и Буадефрѣ стояли на стражѣ, да и Россія была тутъ же.

Осужденіе этого исключительнаго въ исторіи измѣнника служить доказательствомъ проворливости вождей. Непродолжительная, но ожесточенная кампанія, которую вели противъ

Мерсье, сразу принимаетъ благопріятный для него оборотъ. Ему возвращена милость; Буадефръ, прославившійся уже заключеніемъ альянса съ Россіей, покрывается новой славой. Приобрѣтають популяриность и обвинители Дрейфуса изъ общества, прозорливые граждане, которые настаивали на его преступленіи, какъ только узнали его имя, которые дали толчокъ самому Мерсье, колебавшемуся Казимиру Перье, коего не могло испортить загрязненное золото; популярнымъ становится Дрюмонъ, съ столь давнихъ поръ изобличавшій нечестивую расу, въ особенности Рошфоръ, подвергшійся изгнанію за свою вѣрную дружбу съ оклеветаннымъ Буланже.

Такимъ образомъ, именно, здравый смыслъ народа помогаетъ держать его въ заблужденіи, ибо это значитъ проявлять здравый смыслъ—считать правильными воззрѣнія тѣхъ лицъ, слова коихъ подтвердились послѣдующимъ событіемъ, единогласнымъ вердиктомъ семи офицеровъ; и всѣ другія добродѣтели народа толкають его на тотъ же путь: ненависть къ самому отвратительному и подлому изъ всѣхъ преступленій—измѣнѣ, привязанность къ арміи, образующей единое цѣлое съ націей, ревнивый патріотизмъ, страхъ передъ войной, которая, по вѣнѣ безнаказаннаго шпіона, могла окончиться новымъ пораженіемъ.

Одновременно и антисемитизмъ дѣлаеть новые успѣхи, проникаеть въ самые низшіе слои народа, входитъ въ свое старое русло, по которому онъ текъ столько вѣковъ. Предшествовавшія процессу сомнѣнія на короткое время задержали его теченіе и привели въ бѣшенство его adeptовъ; яростныя волны хлещуть сильнѣе еще потому, что запруда оказалась безвильной противостать имъ.

Въ этомъ взрывѣ чувствъ городское населеніе сходится съ деревенскимъ, рабочій съ крестьяниномъ. И въ неискренности заподозрить ихъ отнюдь нельзя.

Патріоты, по профессіи, правдуютъ осужденіе, какъ бы праздновали побѣду надъ нѣмцами; антисемиты, монахи и вся клерикальная банда ликуютъ, какъ бы при триумфѣ церкви.

Торжество первых носить отчасти патологическій характеръ; вторые же преслѣдуютъ политическія цѣли: оповорить незначительныя инновѣрческія группы, изгнать ихъ изъ арены общественной жизни, лишить званія французовъ. Осужденіе Дрейфуса бесполезно, коль скоро вмѣстѣ съ нимъ не подверглась осужденію вся его раса. Какое значеніе имѣетъ его преступленіе, если послѣдствія его не распространяются на всѣхъ его собратьевъ! «Долой жидовъ! Франція для французовъ!» Вчера еще такое проявленіе ненависти могло дать основаніе усомниться въ нормальности субъекта, сегодня оно находитъ отголосокъ.

Дрюмонъ ввѣ себя отъ радости. Подобно израильскимъ пророкамъ, съ коими у него есть черты сходства, этотъ лирически настроенный дикарь затягиваетъ побѣдный гимнъ: «France juive написана въ 1886 году! Всего восемь лѣтъ тому назадъ: очень малый промежутокъ времени для того, чтобы идея успѣла распространиться... Высшая воля вѣщала мнѣ: «Глаголь» — я вѣщаль».

Не всѣ клерикалы требовали изгнанія евреевъ изъ страны. Но всѣ отрицали за ними принадлежность къ французскому народу. Это было духовное изгнаніе.

Не одни антисемиты по профессіи, или Кассаньякъ, ставшійся заглавить свое мимолетное увлеченіе дѣломъ справедливости, — изрекли анафему. То же дѣлали люди, заявившіе себя своей приверженностью къ свободѣ и сдѣлавшіе ее своимъ культомъ. Эдуардъ Герве помѣстилъ въ своей газетѣ, официальномъ органѣ герцога Орлеанскаго, слѣдующее заявленіе: «Дрейфусъ — человѣкъ безъ отечества, это — человѣкъ собой расы, онъ — не французъ».

Такимъ образомъ, принадлежность къ еретической религіи опять становится преступленіемъ, какъ это было въ средніе вѣка, во времена инквизиціи. И племеннымъ недостаткамъ приписывается такое значеніе, что ихъ считаютъ достаточнымъ основаніемъ для совершения и объясненія преступления. Такова ихъ логика.

Не будучи французомъ, еврей Дрейфусъ отнюдь не совершалъ преступленія, когда измѣнялъ странѣ, которая не была для него родиной; Дрюмонъ то и дѣло твердить объ этомъ, издѣваясь надъ «дѣланнымъ негодованіемъ, притворнымъ гнѣвомъ и неистовствомъ» нѣкоторыхъ патриотовъ. «Всѣми своими разглагольствованіями эти господа, пишетъ онъ, напоминаютъ мнѣ тѣхъ людей, которые стали бы обвинять въ кражѣ Св. Даровъ человѣка, чуждаго таинствамъ нашей религіи». Урбенъ Гоше ѣдко утверждаетъ: «Еврей Дрейфусъ не измѣнилъ своей родинѣ—Іерусалимскому храму. Пассивный и дисциплинированный солдатъ іудео-масонской интернаціоналки, онъ считалъ своимъ владыкой великаго магистра этого общества. Онъ оказывалъ повинновеніе, какъ окажутъ его и другіе, до тѣхъ поръ пока цѣль не будетъ достигнута».

Это возрожденіе среднихъ вѣковъ поразило республиканцевъ, хотя оно и подготовлялось со временъ Жюзефа де-Местра и Бональда, и давало знать о своемъ наступленіи множествомъ предвѣстниковъ. Республиканцы думали лишь о томъ, какъ бы пристроить новые этажи къ зданію, еще воздвигнутому революціей, и вдругъ начинаетъ колебаться самый фундаментъ, который имъ казался непоколебимымъ.

Преступленія вмѣняются въ вину не однимъ только преступникамъ, безчестіе тяготѣетъ не на одномъ только опозорившемъ честь, виновенъ не одинъ только виновный! И если артиллеристовъ не порицаютъ за промахъ одного изъ нихъ, допустимо ли огульное осужденіе всѣхъ евреевъ! Эти жалобныя ссылки на принципы, какъ заповѣдшія и старомодныя, теряются въ громкомъ хохотѣ монаховъ изъ La Croix и усиливающихся крикахъ фанатиковъ.

Что дѣлать въ такой сумятицѣ? Люди спокойнаго темперамента считаютъ пригоднымъ одно только средство: прибѣгнуть къ исконной политикѣ страуса. «Теперь, когда все покончено», они просятъ, чтобы вели рѣчь о другихъ вопросахъ: «дѣло Дрейфуса возбуждаетъ слишкомъ много жгучихъ вопросовъ». Таково мнѣніе Корвели, который, принимая участіе въ борьбѣ,

будеть повторять этотъ припѣвъ послѣ каждаго новаго пораженія; точно такъ же думаетъ Сэнъ-Жене изъ *Journal des Débats* и *Temps*. Таково же желаніе министерства, испуганнаго этимъ взрывомъ, сконфуженнаго распространившимися о немъ слухами, будто оно старалось замаять процессъ, обезпеченнаго этой побѣдой, которую Мерсье еще раздуваетъ.

И въ самомъ дѣлѣ нарождается новый буланжизмъ. Прекратились всѣ нападки на военное министерство; ихъ смѣнили единодушныя похвалы. Роялисты стараются больше всѣхъ: «честь и слава Мерсье, не пожелавшему, чтобы это возмутительное преступленіе осталось безнаказаннымъ, всецѣло исполнившему свой долгъ!» Оужденіе Дрейфуса «должно быть поставлено ему въ такую же заслугу, какъ крупная побѣда надъ врагомъ». Даже социалисты, и тѣ благодарятъ его, за то что онъ «сумѣлъ противостать неимоверному давленію изъѣденныхъ червями политиковъ и феодаловъ плутократіи».

Когда демагоги видятъ, что поднимается волненіе, они всегда принимаютъ въ немъ участіе.

Толпа не подняла бы крика, если бы они не кричали вмѣстѣ съ ней. Они охотнѣе разстанутся съ жизнью, чѣмъ смолчать среди общаго шума. Ихъ совѣсть или политическія соображенія не дозволяютъ имъ порой испускать тѣ же возгласы, что испускаютъ всѣ; они станутъ испускать другіе, не противорѣчащіе первымъ, и пойдутъ въ чернь.

Наступитъ день, когда лидеры социализма поймутъ, что истина, въ особенности горькая истина, является первой обязанностью по отношенію къ народу. Такова та великая и плодотворная идея, что послужить выводомъ изъ этого дѣла несправедливо осужденнаго еврея. Но въ тѣ сумрачныя декабрскіе дни еще не пробилъ часъ ея появленія.

И такъ, они были увѣрены въ преступленіи Дрейфуса. Кто не былъ увѣренъ въ этомъ? Тѣ немногіе, что считали его невиннымъ, не имѣли къ тому никакихъ данныхъ: не зная сути дѣла, которую Деманжъ отказался выяснитъ имъ, они тѣмъ самымъ были обречены на молчаніе, подобно самому

адвокату, который, сохраняя молчаніе, въ силу профессиональной тайны, ничего не могъ противопоставить тяжелому приговору, кромѣ отвлеченныхъ разсужденій и голоса чувства. Такимъ образомъ, коль скоро социалисты не сомнѣвались въ томъ, что осужденный совершилъ измѣну, они должны были приходиться въ ужасъ при видѣ такой мерзости: иначе оказались бы справедливыми дѣлаемые имъ упреки въ отсутствіи патриотизма.

Они могли бы удивляться исключительной обстановкѣ процесса, веденію его не по обычнымъ правиламъ судебной процедуры, могли бы негодовать на грубое вмѣшательство Мерсье, сдѣлавшаго изъ этого дѣла нѣчто вроде своего поединка съ Дрейфусомъ и возбудившаго этимъ страсти. Но они закрывали глаза на все. Послѣ, когда приговоръ былъ постановленъ, они сравнивали участь офицера, замышлявшаго отцеубійство противъ отечества и осужденнаго на ссылку, съ участію простого солдата, совершившаго проступокъ по отношенію къ фельд-фебелю и приговореннаго къ разстрѣлу. Этотъ контрастъ всёхъ поразилъ и вывелъ изъ себя. Законодательство, приравняющее измѣну къ политическимъ преступленіямъ, которыя болѣе не наказываются смертною казнью, показалось всёмъ нелѣпымъ. Если социалисты въ своемъ протестѣ и присоединились къ всеобщему негодованію, вытекавшему одновременно изъ дикаго заблужденія и заботъ о равенствѣ, то логика была на ихъ сторонѣ.

Она была тѣмъ болѣе на ихъ сторонѣ, что далекіе отъ мысли подвергать высшей степени наказанія будущихъ измѣнниковъ и шпионовъ, они взаимно этого предлагали отмѣнить это наказаніе за проступки простыхъ рядовыхъ по отношенію къ начальству.

Но изъ-подъ социалиста выглянулъ демагогъ тогда, когда прислужники толпы на другой день послѣ осужденія заявили, что измѣнника слѣдовало бы приговорить къ смертной казни.

Судъ придерживается формъ; когда онѣ были соблюдены по отношенію къ адъютанту Шатлену, никто не протестовалъ. Теперь возникаетъ новое положеніе: преступленія противъ

внутренней или внѣшней безопасности государства не должны считаться политическими преступленіями. Слѣдовательно, если представитель обвиненія не потребовалъ, а военный судъ не пригнѣнулъ къ Дрейфусу высшей мѣры наказанія, то это значить, что правительство вмѣшлось въ дѣло и ложнымъ истолкованіемъ письменныхъ доказательствъ спасло буржуа-офицера. Въ этомъ пунктѣ правительство опять такъ уступило будто бы домогательствамъ космополитической плутократіи, денежнымъ мѣшкамъ.

Такимъ образомъ, обезцѣненный, брошенный въ тюрьму за чужое преступленіе невинный человѣкъ—тотъ, по отношенію къ коему были нарушены всѣ законы, оказывался въ положеніи привилегированнаго!

Абсурдное положеніе! Жестокая иронія судьбы! Но то и другое укрѣпляло связь между социалистами и антисемитами. Этотъ штрихъ не нарушаетъ цѣльности въ картинѣ злобы: онъ дополняетъ ее. Вожди коллективизма не стояли въ сторонѣ отъ этой толпы, яростно требовавшей смерти. Они кричали заодно съ нею, охваченные вакханаліей безумія.

V.

Съ улицы и газетныхъ редакцій буря перешла въ палату депутатовъ.

Съ самаго начала осенней сессіи не прекращались въ ней страстные пренія. Соціалистическіе ораторы не покидали трибуны, безустанно увеличивая число запросовъ. Они провалили проектъ закона объ открытіи кредитовъ на экспедицію въ Магадаскаръ. Министерство, однако, сохраняло за собой большинство, свыкаясь съ этими ежедневными стычками. Даже Мерсье добился принятія его пагубнаго проекта объ учрежденіи экспедиціоннаго корпуса. Напрасно полковникъ Геренъ и баронъ Рейль доказывали отъ имени военной комиссіи, что это—безуміе посылать на большой островъ солдатъ изъ метрополіи, слишкомъ молодыхъ и негодныхъ къ службѣ въ колоніяхъ людей, несмотря на ихъ храбрость. На эти пророческія пред-

сказанія Мерсье возражалъ слѣдующими словами: «солдаты должны идти повсюду, куда ему прикажутъ, онъ не долженъ бояться опасности; его долгъ—идти ей на встрѣчу и сказать ей: кто бы вы ни были—пули, ядра, или болѣзни, вотъ я передъ вами и васъ не страшусь». Радикалы, самая крупная партія центра, покрыли аплодисментами этотъ фейерверкъ.

На первомъ засѣданіи, послѣдовавшемъ за осужденіемъ Дрейфуса, Мерсье представилъ проектъ закона объ измѣнѣ и шпіонствѣ. Съ удовольствіемъ уступая гласу народа, онъ требовалъ отъ палаты возстановленія за измѣну, «это возмутительное преступленіе», наказанія смертной казнью, «которая одна соотвѣтствуетъ чудовищности преступленія». Палата неистово аплодировала этимъ словамъ. Она воображала, что постановитъ новый приговоръ надъ Дрейфусомъ, приговоритъ его къ смертной казни и тѣмъ самымъ выдастъ себѣ аттестатъ въ патріотизмѣ чистѣйшей воды.

Мерсье прочиталъ только санкцію закона. Диспозиція его, состоявшая изъ 15 пунктовъ, въ каждой строчкѣ устанавливала ссылку или тюремное заключеніе за новые проступки, приравнивавшіеся къ шпіонству; она дѣлала затруднительнымъ обсужденіе военныхъ вопросовъ даже въ печати, грозя за нихъ судебнымъ преслѣдованіемъ.

Законъ былъ изготовленъ въ главномъ штабѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, среди постоянныхъ занятій разбирающимся процессомъ и среди послѣдовавшаго, за объявленіемъ вердикта, молчанія, которое налагалось на всякаго, кто осмѣлился бы разоблачить документы, относявшіеся къ дѣлу. Жюресъ первый потребовалъ ошова. Онъ настаивалъ на немедленномъ рассмотрѣніи проекта, направленнаго къ пересмотру тѣхъ статей военного кодекса, которыя наказываютъ смертной казнью «солдата, провинившагося только въ томъ, что въ минуту возбужденія совершилъ насиліе надъ своимъ начальникомъ». Но вмѣсто того, чтобы развить это гуманное и справедливое положеніе, онъ занялся дѣломъ Дрейфуса, обвиняя правительство въ обезоруженіи военной юстиціи. «Если за измѣну

не подвергли разстрѣлу, то лишь потому, что не хотѣли этого сдѣлать, тогда какъ законъ разрѣшалъ это!»

Почти всѣ депутаты повскакали со своихъ мѣсть, протестуя противъ дерзости оратора. Бриссонъ, выбранный за нѣсколько дней до того председателемъ палаты, заявилъ, что «эта рѣчь оскорбительна для членовъ военного суда» и призвалъ Жореса къ порядку.

Но Жоресъ, съ растущей яростью и какъ бы опьяненный засѣвшей у него въ мозгу идеей, ожесточенно твердить, что по закону можно было примѣнить смертную казнь къ Дрейфусу, какъ измѣннику, но что не хотѣли этого сдѣлать. А палата продолжаетъ негодовать, что заподовѣрѣваютъ военный судъ въ такомъ недостойномъ проступкѣ — оказаніи милости богатому офицеру. Ярость, съ какою ораторъ, благородный, пылкій человекъ, выражаетъ свое сожалѣніе, изумляетъ социалистовъ. Они молчатъ. Ни одного хлопка не раздается на ихъ скамьяхъ, когда онъ покидаетъ трибуну.

Тутъ Дююи требуетъ постановки предварительнаго вопроса относительно заявленія Жореса.

«Онъ явился сюда, — говоритъ онъ о Жоресѣ, — отъ имени груины, хвастающейся своимъ интернаціонализмомъ, подъ предлогомъ защиты слабыхъ, чтобы напасть на военную іерархію и дисциплину. Если этотъ предварительный вопросъ не будетъ противопоставленъ подобной попыткѣ, то правительство ни минуты долѣе не останется на своихъ мѣстахъ».

Раздались оглушительные аплодисменты. Жоресъ, съ горящимъ лицомъ, устремляется къ трибунѣ и осыпаетъ тѣми же обвиненіями Дююи; это министерство и его клеветы покровительствуютъ интернаціональной бандѣ биржевиковъ. «Вы знаете, что вы лжете!» кричитъ ему Барту. «Не мы лжемъ, гремитъ Жоресъ. Лжете вы, которые, сознавая, что съ нѣкотораго времени изъ вашихъ рукъ ускользаетъ политическая власть и социальное вліяніе, пробуете играть въ патріотизмъ».

Эта пародія на знаменитыя засѣданія конвента воспроизводила лишь ихъ ярость. Депутаты осыпаютъ другъ друга

оскорбленіями, угрожаютъ кулаками. Жоресъ подвергнуть цензурѣ, съ временнымъ исключеніемъ. Почти вся палата съ авартомъ вотируетъ это предложеніе.

Молчаливо наблюдая эту сцену, я думаю о томъ, кто былъ причиной всѣхъ этихъ неистовствъ. Мерсье сидѣлъ на своемъ мѣстѣ съ вытянутымъ лицомъ, очень блѣдный, прищуривъ глаза.

Когда засѣданіе возобновилось, Миллеранъ попытался доказать, что конституція 1848 года не измѣнила ст. 74 уголовного кодекса, но говорилъ безъ гнѣва, безъ видимаго убѣжденія, умѣренно, какъ бы разбирая какой-нибудь юридическій вопросъ въ собраніи адвокатовъ. Два другихъ юриста, Жюльенъ Гужонъ и проф. Левейе, безъ труда опровергли его доводы такимъ же тономъ. Палата высказалась за неотложность предложенія Мерсье.

На слѣдующее утро статья Папію въ *Libre Parole* была оваглавлена «Браво, Жоресъ!»

(Окончаніе слѣдуетъ).

Дядюшка.

(Рассказъ въ 2-хъ частяхъ).

М. Спектора.

— Ну-ка, жена, угадай, какая у меня новость?.. Ни за что не угадаешь... Мой дядя изъ Одессы—ты вѣдь знаешь, богачъ этотъ—онъ будетъ здѣсь скоро проѣздомъ... Понимаешь, что это значитъ?

Этими, послѣшно и радостно-возбужденнымъ тономъ произнесенными, словами огорошилъ въ одно прекрасное утро Хаимъ-Хайкель свою жену Гелю Іенту, по возвращеніи изъ модельни.

Хаимъ-Хайкель былъ исконный обыватель мѣстечка Чичильники. Здѣсь онъ родился, учился въ хедерѣ, сдѣлался „баръ-мицвѣ“; здѣсь-же онъ высваталъ себѣ свою Гелю Іенту, прожилъ съ ней условленное время на хлѣбахъ у тестя и въ настоящее время былъ главой семьи, состоявшей изъ жены, четырехъ ребятъ и двухъ козъ. Вся эта семья кормилась лавчонкой, въ которой можно было найти все, чего душа пожелаетъ: кочерги, лопаты, известь, чай сахаръ, керосинъ и крупу, и много еще всякой всячины—по крайней мѣрѣ, рублей на сто, а то и на цѣлыхъ полтораста, за которые Хаимъ-Хайкелю приходилось еженедѣльно платить дань чичильниковскому ростовщику.

Сообщеніе Хаимъ-Хайкеля произвело среди его домочадцевъ необыкновенную сенсацию. Шутка-ли, самъ одесскій дядюшка, гордость семьи, о богатствѣ котораго сложились цѣлыя легенды, долженъ проѣзжать черезъ ихъ мѣстечко...

— И онъ таки посѣтитъ насъ? — уже въ десятый разъ спрашивала Геля Іента.

— Не только посѣтить, но долженъ будетъ пообѣдать у насъ,—сія торжествомъ, отвѣчала Хаимъ-Хайкель.

— Что ты! Что ты!—заметалась жена. — Чего-же мы въ такомъ случаѣ молчимъ? Вѣдь надо готовиться, чего ты молчишь, Хаимъ-Хайкель?

— Да я вовсе не молчу!.. Конечно, надо заранѣе приготовиться... Ты что думаешь? Дядюшка такой-же человѣкъ, какъ мы съ тобой? Его можно угостить селедкой и твоимъ любимымъ супомъ изъ фасолей?..

* *
*

Всего только восемь дней оставалось до пріѣзда дядюшки. У Гели Іенты въ первые минуты голова пошла кругомъ—она не знала, съ чего начать.

— Шутка-ли, принять такого человѣка?—думала она.—Ну, сварю я ему супъ изъ курицы... Эка невидаль! Да онъ на такой обѣдъ и взглянуть-то не захочетъ... на смѣхъ насъ подыметъ...

Впрочемъ, Геля Іента не была изъ тѣхъ женщинъ, которыя легко теряютъ голову. Она и сама была о себѣ довольно высоко мнѣнія и всегда думала, что если-бы судьба не привела ее сдѣлаться женой такого неудачника, какъ Хаимъ-Хайкель, то она «выглядѣла-бы совершенно иначе».

— Пусть только Богъ пошлетъ мнѣ тысячонокъ десять—говаривала она иногда—посмотрѣли-бы вы тогда, какая изъ меня, Гели Іенты, вышла-бы важная «гвиртэ»...

И Геля Іента дѣйствительно скоро стала на высотѣ положенія.

— Ничего, пускай дядюшка пріѣзжаетъ и пообѣдаетъ у насъ... Съ Божьею помощью, я не ударю лицомъ въ грязь. Я сдѣлаю ему такіе варенички съ сыромъ, масломъ и сметаной, какихъ онъ и въ своей Одессѣ не ѣдалъ, да еще... ну да, не буду говорить заранѣе, какой я приготовлю обѣдъ. Самъ увидишь, будешь удивляться...—сказала она мужу.

На другое утро Геля Іента сказала дѣтямъ:

— Слушайте, дѣтки, съ сегодняшняго дня до пріѣзда дяди вы будете получать только по полъ-стакана молока. Все молоко отъ большой ковы я буду ставить на сметану, чтобы устроить для дяди молочный обѣдъ.

И дѣти охотно согласились на эту жертву. И они заранѣе радовались и прекиспожнялись гордости при мысли, что увидать богача-дядюшку и угостить его хорошимъ обѣдомъ.

Всѣ восемь дней Геля Іента съ дѣтьми работала, какъ благочестивая еврейка передъ праздникомъ Пасхой. Въ домѣ поднялась страшная кутерьма: мыли полы, скребли посуду, провѣтривали постели. Въ лавку Геля Іента уже и не заглядывала—тамъ сидѣлъ одинъ Хаимъ-Хайкель, и вы сами можете себѣ представить, какъ шли у него дѣла все это время—извѣстное дѣло, развѣ мужчины умѣютъ обращаться съ покупателями?

Мужъ и жена, правда, частенько вздыхали о томъ, что денегъ уходитъ теперь такъ много, а выручка плохая, но вѣдь и то сказать, въ кои-то вѣки Богъ посылаетъ такого дорогого гостя.—И на этой мысли они успокоились оба.

За четыре дня до пріѣзда дядюшки Геля Іента сказала мужу:

— Ну, слава Богу, дома у насъ теперь все въ порядкѣ—хоть самого царя принимай. Одна только бѣда—дѣти ужъ очень пообносились... Какъ подумаю, что дядя увидитъ ихъ такими оборванными, такъ просто не знаю, куда дѣваться отъ стыда. Охъ, надо-бы, надо шить имъ новое платье да купить ботинки.

И Хаимъ-Хайкель на другой день отправился къ своему старому знакомому—ростовщику и снова взялъ на проценты нѣсколько рублей съ обязательствомъ выплачивать ихъ еженедѣльными взносами. Потомъ пошелъ въ лавку за обновками для дѣтей; тутъ онъ со вздохомъ вспомнилъ, что и у Гели Іенты нѣтъ порядочнаго платья, а когда онъ накупилъ, что нужно было, для жены и дѣтей, то замѣтилъ, что и ему не обойтись безъ новой шапки и сапогъ. Уже старый скруткуъ онъ какъ-нибудь вычистить и выгладить, но рваная шапка и заплатанные сапоги—это ужъ совсѣмъ неприлично...

Вернувшись домой, Хаимъ-Хайкель свелъ счеты и сообразилъ, что не только истратилъ всѣ взятые у ростовщика деньги, но еще надѣлалъ новые долги въ лавкахъ, а Геля Іента со вздохомъ замѣтила:

— Такъ ужъ всегда бываетъ. Пока сидишь дома, все стоитъ дешево, а придешь въ лавки—все втридорога.

Но они не долго предавались унынію.—Чтожь, на все свое время... Нельзя-же ударить лицомъ въ грязь передъ такимъ гостемъ. „Дай Богъ, чтобы мы и носили и износили всё обновки въ добромъ здоровьи, а къ свадьбѣ дѣтей чтобы у насъ въ домѣ кренили одинъ бархатъ. Аминь!..“

Дядюшка выѣхалъ, дядюшка ѣдетъ, дядюшка уже тутъ!.. Великій человекъ пріѣхалъ наконецъ и почтилъ, осчастливалъ племянника своимъ посѣщеніемъ. Хаимъ-Хайкель, жена и дѣти были разодѣты, какъ на свадьбѣ. Всѣ ступали на цыпочкахъ, смотрѣли гостю прямо въ ротъ, и въ маленькой квартиркѣ все сверкало чистотой и имѣло праздничный видъ.

— Дядюшка, не покушаете ли чего-нибудь?

— Дядюшка не мѣшаемъ-ли мы вамъ? Быть можетъ, вы хотите отдохнуть съ дороги? Тихе, дѣти, уйдемъ отсюда, пусть дядюшка отдохнетъ...

— Дядюшка, не хотите-ли чаю?

— Дядюшка, дядюшка, дядюшка!—раздавалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ вертѣлись и суетились вокругъ дорогого гостя.

— Благодарю васъ, благодарю!—милостиво отвѣчалъ дядюшка.—Я лучше посижу съ вами, потолкую, потомъ подкѣплюсь чѣмъ-нибудь и поѣду дальше.—Я собственно остановился здѣсь потому, что надо дать передохнуть лошадямъ.

— Какъ, дядюшка, неужели вы такъ скоро уѣдете? Богъ знаетъ, когда мы еще съ вами увидимся!.. Вѣдь мы такъ ждали васъ, а вы уже уѣзжаете! Хоть дня два пробудьте съ нами, хоть переночуйте у насъ!..

— Ну, ну! я еще пока не ѣду... Лучше поговоримъ пока, потолкуемъ. Какъ тебѣ живется, племянникъ? Жена и дѣти, слава Богу, у тебя прекрасныя...

— Слава Богу, слава Тому, Чье имя я не достоинъ провозносить! — воскликнули въ одинъ голосъ Хаимъ-Хайкель и Геля Іента.

— И какъ я вижу,—продолжалъ гость,—дѣла у тебя также не дурны. Въ домѣ у тебя чисто, уютно, жена и дѣти имѣютъ такой довольный видъ. Очень, очень радъ, что нашелъ тебя и твою семью въ такомъ состояніи.

— Слава Его имени!—отвѣчали мужъ и жена съ гор-

достью. — Господь не оставляет нас своими попечениями, мы имѣемъ чѣмъ жить.

За этими пріятными разговорами прошло нѣкоторое время, втеченіе котораго Геля Іента накрыла къ столу и подала рыбу, свои знаменитые вареники и еще какое-то молочное блюдо съ большимъ количествомъ сметаны. Дядюшка ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и превозносилъ кулинарное искусство хозяйки, а та чувствовала себя на седьмомъ небѣ. Хаимъ-Хайкель отъ радости просто не находилъ себѣ мѣста. Дядюшка послалъ за хорошимъ виномъ, и въ домѣ Хаимъ-Хайкеля заперевали, какъ на свадьбѣ. Геля Іента не позабыла и дядюшкина кучера и также накормила его до отвала.

Дядюшка такъ хорошо провелъ время у племянника, что далъ себя уговорить и остался ночевать. Вечеромъ снова ѣли и пили, угощали дядюшку и кучера, а ночью, кромѣ гостя никто въ домѣ не смыкалъ глазъ: вѣдь дядюшка намѣренъ былъ уѣхать спозаранку, и необходимо было приготовить что-нибудь къ утреннему чаю.

Рано утромъ, послѣ чая и завтрака, дядя простился съ хозяиномъ и женой. Онъ вынулъ было изъ портмонея нѣсколько рублей и хотѣлъ подарить ихъ дѣтямъ, но Хаимъ-Хайкель съ женой удержали его за руку.

— Что вы, Боже сохрани! Не надо этого, вы насъ обижаете... За то, что вы разъ пообѣдали у насъ, вы ужъ и хотите заплатить намъ.

Дядюшка еще разъ попрощался съ ними, поцѣловалъ младшаго ребенка и замѣтилъ при этомъ: «красивый ребенокъ!» И затѣмъ дядюшка уѣхалъ.

Хаимъ-Хайкель и Геля Іента были счастливы, безмѣрно счастливы, особенно послѣдняя: вѣдь самъ дядюшка поцѣловалъ ея маленькаго «кадыша» и сказалъ про него, что онъ красивый ребенокъ.

И вслѣдъ затѣмъ всѣ въ домѣ завалились спать, какъ послѣ свадьбы.

* * *

Дядюшка былъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ и, развалившись въ каретѣ, еще предавался мыслямъ о томъ,

что онъ видѣлъ въ Чичильникѣ, какъ хорошо и спокойно живетъ людямъ въ такомъ тихомъ уголкѣ, какъ они гостеприимны, рады прїѣзду родственника... Но уже черезъ нѣсколько минутъ мысли его приняли другое направленіе, и онъ навсегда забылъ о томъ, что даже существуетъ на свѣтѣ такой глухой уголокъ, какъ Чичильники, и что тамъ у него имѣется племянникъ съ женой и дѣтьми. И онъ по обыкновенію сталъ думать лишь о собственныхъ дѣлахъ, о томъ, какимъ выгоднымъ гешефтотомъ обѣщаетъ быть покупка новаго имѣнія, ради которой онъ и прїѣхалъ въ эти мѣста, о новой паровой мельницѣ, которую надо выстроить въ старомъ имѣніи, о своихъ лошадяхъ и о томъ, что не мѣшало бы переимѣнить старую карету на новую.

И далѣе дядюшка думалъ о томъ, что этимъ лѣтомъ онъ пошлетъ Марью Ивановну въ Карлсбадъ, а жену—въ Швейцарію: ужъ очень подозрительно жена начинаетъ поглядывать на новую знакомую; что онъ также побѣдетъ въ Швейцарію, но предварительно, по совѣту врачей, проведетъ мѣсяца полтора въ Карлсбадѣ. И еще дядюшка думалъ о томъ, что къ праздникамъ онъ на свой счетъ велитъ сдѣлать новую обувь для бѣднѣйшихъ учениковъ Одесской талмудъ-торы, а жена подаритъ имъ нѣсколько кусковъ полотна на рубашки. И при этомъ онъ съ горечью подумалъ о людской неблагодарности, о томъ, что даже собственный его сынъ, Борисъ, становится ему поперекъ дороги. «Что то онъ сталъ въ послѣднее время слишкомъ друженъ съ Марьей Ивановной! Эдакій шалопаи! Мало ему, что онъ тратитъ тысячь десять въ годъ на разныхъ актрисъ, захотѣлось ему еще конкуррировать со своимъ старымъ, слабымъ отцомъ... Что и говорить! Опасный этотъ конкуррентъ: ему 22, а мнѣ скоро стукнетъ 60». И еще дядюшка думалъ о томъ, что въ этомъ году надо сдѣлаться старостой въ большой синагогѣ, и еще о многомъ, многомъ другомъ думалъ онъ, покачиваясь на мягкихъ подушкахъ кареты.

Только къ вечеру всѣ проснулись въ домѣ Хаймъ-Хайкеля. Голова у всѣхъ болѣла, какъ послѣ свадьбы, а въ карманѣ было пусто, какъ послѣ погрома. Уже дней десять, какъ Геля Іента не была въ лавкѣ, а Хаймъ-Хайкель и вполонину не торговалъ столько, сколько жена; въ послѣдніе же два дня на

радостяхъ лавка и совсѣмъ оставалась закрытой. А тутъ еще они понадѣлали новыхъ долговъ! У ростовщика, въ лавкѣ, гдѣ они набрали на платья, у портного, у сапожника...

Цѣлый день они проспали, а ночь провели безъ сна, предаваясь грустнымъ размышленіямъ.

На другое утро дѣти проснулись раньше обыкновеннаго и съ большимъ аппетитомъ, чѣмъ обыкновенно. Цѣлыхъ десять дней они сидѣли на половинной порціи молока и теперь хотѣли наверстать потерянное...

— А все-таки стоило! Все стоило ради такого гостя! — утѣшала Геля Гента и себя, и мужа. И я тебѣ скажу, что это такъ необыкновенно благородно съ его стороны, что онъ не побрезгалъ нами и остановился въ нашемъ домѣ.

Со времени отъѣзда дядюшки прошло уже много мѣсяцевъ, но не проходило и дня, чтобъ у Хаимъ-Хайкеля не вспоминали про пріѣздъ великаго человѣка, про его доброе сердце и благородство. Во всемъ Чичильникѣ и кругомъ знали уже о томъ, что у Хаимъ-Хайкеля имѣется въ Одессѣ богатый дядюшка и что послѣдній — кто бы могъ этого ожидать отъ Хаимъ-Хайкеля? — пріѣхалъ къ нему въ каретѣ четверней, съ кучеремъ, у котораго былъ армякъ съ широчайшимъ кушакомъ и борода, какъ у настоящаго «кацапа».

У бѣдняка, если онъ разъ вышелъ изъ бюджета, образуется въ карманѣ такая прорѣха, что ему иногда и годами ее не замазать. Казалось бы, какія послѣдствія могъ имѣть такой ничтожный самъ по себѣ фактъ, какъ тотъ, что у Хаимъ-Хайкеля разъ пообѣдалъ его богатый дядюшка? А между тѣмъ, хотя съ того знаменательнаго дня прошло уже болѣе года, но Хайкель все еще чувствовалъ послѣдствія его. Изъ долговъ, которые онъ надѣлалъ въ тѣ счастливые десять дней, онъ не выгнѣвъ еще до сихъ поръ, къ тому же времена были плохія и заработокъ становился все скуднѣе. Словомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ Хайкелю жилось все хуже и хуже, и хотя онъ отъ природы былъ очень гордъ и не любилъ жаловаться на свои обстоятельства, но теперь волей-неволей приходилось и ему заговаривать о плохихъ временахъ. Впрочемъ, его жалобы не вызывали особеннаго сочувствія, по большей части его собесѣдники только удивленно пожимали плечами.

— Вот тебѣ разѣ! И ты, Хаимъ-Хайкель, также жалуешься на нынѣшнія времена? Да будь у насъ такой дядюшка, какъ у тебя, намъ и горя было бы мало. Ай, ай, ай! Развѣ ты не знаешь поговорки: «подлѣ тяжело нагруженнаго вѣза хорошо идти и пѣшкомъ»...

— Да мнѣ то что изъ того, что мой дядя богатъ?

— Какъ, тебѣ что? Да кто тебѣ то велитъ прозябать тутъ, въ этомъ Богомъ проклятомъ Чичильникѣ? Мы другое дѣло—что же намъ и дѣлать то? Но ты... Возьми и поѣзжай прямо въ Одессу, ужъ онъ тебѣ дастъ тамъ мѣсто.

— Въ Одессу? Такъ, здорово живешь, тащиться съ семьей въ такую даль?

— Ну, чтожъ, онъ можетъ дать тебѣ мѣсто въ новомъ имѣніи, что онъ купилъ въ прошломъ году въ нашихъ мѣстахъ. Да мало ли что! Ужъ онъ найдетъ, куда тебя пристроить, у него вѣдь такая масса дѣлъ. Ужъ ты то о немъ не заботься, пошли намъ Господь хоть десятую долю того, что онъ имѣеть...

Геля Іента и руками и ногами ухватилась за эту идею и стала приставать къ мужу, чтобъ онъ послѣдовалъ совѣтамъ добрыхъ людей и поѣхалъ къ дядѣ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, что ты можешь высидѣть тутъ? Нечего раздумывать, поѣзжай, да и только.

— Что же я буду дѣлать у него? И какъ его просить? Вѣдь я не могу попрошайничать.

— И вовсе этого не надо. Онъ и самъ предложитъ тебѣ мѣсто, а если не это, то онъ велитъ отпускать тебѣ товаръ въ кредитъ. Это даже еще лучше будетъ—мы будемъ торговать оптомъ, и всѣ лавочники будутъ забирать товаръ у насъ. И чего ты такъ боишься ѣхать къ нему? Помнишь, какъ онъ остановился и обѣдалъ у насъ? Помнишь, какъ онъ передъ отъѣздомъ цѣловалъ нашего Янкеля и сказалъ, что онъ красивый ребенокъ? Вотъ тебѣ моя рука, что онъ будетъ очень радъ, когда ты приѣдешь къ нему, и онъ сдумаетъ услужить тебѣ такой бездѣлицей.

Хаимъ-Хайкель увидѣлъ, что жена его права, и сталъ собираться въ дорогу. Большихъ денегъ на расходы онъ съ собой не бралъ—во первыхъ, потому, что ихъ у него не было, а во вторыхъ—на что ему таскать съ собой лишнія деньги? Только

бы добраться какъ нибудь до Одессы, а тамъ... тамъ вѣдь у него богатый дядюшка.

Хаймъ-Хайкель наконецъ въ добрый часъ выѣхалъ, и всѣ чичильниковцы ему сильно завидовали.

— Кабы и мнѣ Богъ послалъ такого богатаго дядюшку!— думалъ каждый про себя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ Одессѣ, у широкаго подъѣзда большого каменнаго дома, стоитъ нашъ Хаймъ-Хайкель съ шапкой въ рукахъ и смиренно говоритъ что-то важному швейцару, который, презрительно оглядывая его съ ногъ до головы, цѣдитъ сквозь зубы:

— Ты зачѣмъ опять полѣвъ сюда?

— Хозяинъ дома—мой родной дядя... Будьте такой добренькій, пустите меня къ нему.

— Такой жидъ, какъ ты...

Хаймъ-Хайкель вынимаетъ изъ глубины своего кармана серебряную монету и снова смиренно проситъ швейцара, чтобы онъ доложилъ хозяину, что пріѣхалъ его племянникъ Хаймъ-Хайкель. Швейцаръ небрежно опускаетъ въ карманъ полученный двугривенный и идетъ наверхъ докладывать о курьезномъ посѣтителѣ.

— „Деньги—лучшій отвѣтъ на все“.—Драгоценныя это, право, слова. Какой-нибудь двугривенный отворяетъ всѣ двери, И отчего я не догадался сдѣлать это третьяго дня? Тогда-бы мнѣ не пришлось валяться на постояломъ дворѣ цѣлыхъ два дня и голодать.

Хаймъ-Хайкель ожидалъ, что теперь самъ дядя поспѣшитъ къ нему навстрѣчу съ распростертыми объятіями, сопровождаемый тетушкой и племянниками, что его съ торжествомъ поведутъ наверхъ, а злой швейцаръ будетъ стоять передъ нимъ безъ шапки. Дядя, конечно, пригласитъ его остаться у него, и завтра утромъ онъ, Хаймъ-Хайкель, дастъ швейцару чистить свои сапоги, пусть-таки этотъ Аманъ, этотъ врагъ Израіля, знаетъ, что значить чистить жидовскіе сапоги...

Но швейцаръ вернулся съ такимъ-же высокомернымъ ви-

домъ и еще презрительнѣе, чѣмъ прежде, заявилъ, что баринъ только расхохотался въ отвѣтъ на его слова и сказалъ, что не знаетъ никакого Хаима-Хайкеля.

— Ай-ай-ай!—воскликнулъ Хайкель:—бѣги скорѣе и скажи ему, что я Хаимъ-Хайкель изъ Чичильника и что моя мать была ему родной сестрой.

— Ну, я теперь не пойду больше туда, онъ теперь никого не принимаетъ, онъ занятъ.

— Да говорю-же я тебѣ, что мнѣ очень нужно его видѣть. Ты только скажи ему толкомъ, кто я...

Но швейцаръ отвѣчалъ, чтобы онъ приходилъ завтра, и захлопнулъ дверь передъ самымъ его носомъ.

Хаимъ-Хайкель постоялъ-постоялъ на улицѣ и затѣмъ, скрѣпя сердце, отправился домой.

— Счастье, право счастье, что у меня осталось еще съ дороги около рубля. А то за эти три дня, что я тутъ валандаюсь безъ толку, я-бы еще успѣлъ умереть съ голоду, или, сохрани Богъ, пришлось-бы еще побираться по домамъ.

Хайкель въ этотъ день еще не имѣлъ во рту ни маковой росинки. Когда въ это утро въ зайжемъ домъ, гдѣ онъ остановился, послѣ того какъ не былъ допущенъ къ дядѣ, ему предложили напитокъ чаю, онъ отказался, сказавъ, что сегодня будетъ пить чай у дядюшки.

Голодь давалъ себя сильно чувствовать. Хайкель опустилъ руку въ свой глубокой карманъ и вытащилъ оттуда цѣлую пригоршню черствыхъ кусковъ хлѣба, крошекъ отъ субботняго кулича, который жена испекла ему на дорогу, нѣсколько обгрызанныхъ кусочковъ сахару, сломанныхъ спичекъ и около полтинника мелкой монетой.

— Не грѣхъ было-бы, — сказалъ онъ самому себѣ, — зайти теперь въ какой-нибудь ресторанъ и велѣть подать себѣ рюмку водки и порцію мяса. Вотъ уже сколько дней, какъ я кормлюсь все въ сухоматку. Ой, кабы это знала моя Геля Іента! Но тогда гдѣ-же я возьму завтра двадцать копѣекъ для швейцара? Чистая бѣда въ этихъ большихъ городахъ!... То-ли дѣло у насъ въ Чичильникѣ!.. Понадобилось тебѣ къ первому что ни на есть гвиру — отворяй смѣло дверь и ступай себѣ въ комнаты,

безъ доклада, безъ швейцаровъ, безъ всѣхъ этихъ грабителей, которые выматываютъ у тебя послѣднюю копѣйку.

И онъ снова опустилъ въ карманъ свою мелочь и ограничился тѣмъ, что на десять копѣекъ купилъ себѣ полъ-„грека“ (такъ называется одесскій хлѣбъ) и кусокъ печенки.

* *
*

На другой день Хайкель снова стоялъ передъ швейцаромъ, согнувшись въ три погибели, безъ шапки, и еще прежде, чѣмъ успѣлъ сказать ему слово, уже сунулъ ему въ руку свои послѣднія двадцать копѣекъ. Швейцаръ поднялся наверхъ, и Хаимъ-Хайкель кричалъ ему вслѣдъ:

— Хаимъ-Хайкель изъ Чичильника, не забудь-же!

Швейцаръ вернулся и велѣлъ ему войти.

Чуть не обезумѣвъ отъ радости, Хаимъ-Хайкель побѣждалъ наверхъ и, увидѣвъ дядю, бросился къ нему съ горячимъ восторженнымъ привѣтствіемъ: „Шоломъ-алеихомъ“.

Но дядюшка не двигался съ мѣста, холодный, какъ ледь.

— Что вамъ угодно?

— Какъ поживаете, дядюшка? Неужели вы меня не узнаете? Помните, еще въ прошломъ году, когда вы проѣзжали черезъ Чичильники, вы почтили меня...

— А, Хаимъ-Хайкель! Какъ поживаешь? Какими судьбами ты тутъ, въ Одессѣ? Садись...

— Да вотъ, какъ видите, попалъ сюда... Признаться, я уже тутъ три дня; да вашъ швейцаръ — ужасный, скажу вамъ, врагъ Израиля—не хотѣлъ меня пустить къ вамъ. Право, дядюшка, я не понимаю, какъ это еврей можетъ держать у себя такого ненавистника нашего народа.

— Онъ служить у меня уже лѣтъ десять. Это очень преданный и честный малый...

— Гм... честный... хороша честность!...—подумалъ Хайкель, вспоминая, какъ тотъ вытянулъ у него два двугривенныхъ.

— Ну, что-жь ты молчишь, Хайкель? Что новаго у васъ въ Чичильникѣ?

— Гм, какія у насъ могутъ быть новости? Слава Богу и за то, что видимъ другъ друга въ добромъ здоровьи.

— Какъ поживаютъ твоя жена и дѣти? Вѣдь у тебя, кажется, есть дѣти?

— Ха-ха-ха! Хорошъ вопросъ! Помните моего Янкеле, какой онъ красавецъ?

— Ну, что-жь, скоро ѣдешь домой? Кланяйся женѣ!

И дядюшка поднялся съ мѣста въ знакъ того, что аудіенція кончена.

— Нѣтъ, дядюшка, я еще не ѣду.

— Въ такомъ случаѣ заходи, когда у тебя будетъ время,— сказала дядюшка, протягивая ему на прощаніе руку.

Возвращаясь къ себѣ, Хаимъ-Хайкель былъ сильно недоволенъ пріемомъ дяди.

— Развѣ это по-родственному?—изумился онъ.—Ни съ тетуской, ни съ дѣтьми не познакомилъ, даже на обѣдъ не пригласилъ, даже чаю не предложилъ... Ну, да мы еще увидимъ, чѣмъ все это кончится. Никогда нельзя судить по началу,—успокаивалъ онъ себя.

Вечеромъ Хаимъ Хайкель снова отправился къ дядѣ. „Вечеромъ—думалъ онъ—дядя и тетя навѣрно не такъ заняты, вѣдь днемъ у нихъ столько дѣла, зато вечеромъ...“

Онъ уже даже не спросилъ позволенія у швейцара и прямо пробѣжалъ мимо него наверхъ. Онъ не слышалъ, что тотъ кричалъ ему вдогонку, но у дверей дядиной комнаты ему поневолѣ пришлось остановиться: лакей ни за что не хотѣлъ его впускать. Хаимъ-Хайкель еле упробилъ его пойти доложить о немъ, но лакей вернулся съ отвѣтомъ, что у барина теперь гости и чтобы онъ пришелъ завтра.

— Онъ, видно, стыдится бѣднаго родственника, для нихъ онъ дома, они—гости, а я развѣ не гость?—съ горечью думалъ Хаимъ-Хайкель.

На другое утро онъ не засталъ дяди дома, на слѣдующій день швейцаръ не хотѣлъ пустить его, потому что баринъ обѣдаетъ, а въ это время онъ никого не принимаетъ...

Лишь на четвертый день Хаимъ-Хайкелю удалось лицезрѣть дядю.

— Ну, какъ поживаешь, Хайкель? Ты все еще въ Одессѣ? Когда ты ѣдешь? Ты рассчитываешь еще пробыть тутъ?...

— Это зависитъ отъ васъ, дядюшка,—съ трудомъ удалось выговорить Хайкелю.

— Отъ меня? Какъ такъ? Я тебя нисколько не удерживаю...

— Я собственно прѣхалъ къ вамъ... времена нынче такіа плохіа...

Дядя вынулъ изъ туго-набитаго бумажника двадцатипяти-рублевку и протянулъ Хайкелю. Но тотъ не принялъ ея.

— Бери, не стѣсняйся, пожалуйста,—и поѣзжай домой.

— Не за деньгами, не за милостыней прѣхалъ я къ вамъ... Я рассчитывалъ найти у васъ какое-нибудь занятіе, чтобы прокормить жену и дѣтей. Не можете ли вы дать мнѣ какое-нибудь мѣсто—вѣдь у васъ столько дѣлъ.

— У меня теперь нѣтъ вакантныхъ мѣстъ.

— Что же мнѣ дѣлать, дядюшка? Посоветуйте хоть.

— Возьми эти деньги, что я даю тебѣ, и поѣзжай домой. Больше я ничего для тебя сдѣлать не могу. А теперь извини, мнѣ надо уходить, меня ждуть.

Дядя ушелъ, оставивъ на столѣ 25 рублей.

Хаимъ-Хайкель нѣсколько минутъ стоялъ въ нерѣшительности и смотрѣлъ на деньги—братъ ихъ, или не братъ? Но онъ сообразилъ, что безъ нихъ ему никогда не вернуться къ женѣ и дѣтямъ и, скрѣпя сердце, взялъ деньги. Онъ удалился съ твердымъ намѣреніемъ еще сегодня уѣхать домой.

Но, когда онъ очутился на своемъ постояломъ дворѣ, ему снова представилось его печальное положеніе дома во всей его безвыходности. Что пользы въ этихъ 25 рубляхъ? Да и пока онъ доберется до Чичильника, у него уйдетъ рублей 10—15. Разъ онъ уѣдетъ теперь, всякая надежда утрачена навсегда.

— Будь, что будетъ!—рѣшилъ онъ, наконецъ. — Останусь еще на одинъ день, еще разъ увижусь съ дядей. Кто знаетъ, можетъ-быть въ концѣ концовъ онъ сжалятся надо мной.

Прошло два дня, а онъ все еще не видѣлъ дядюшки. Хотя швейцаръ каждый разъ получалъ по двугривенному, но это не помогало: то дядя обѣдалъ, то спалъ, то у него были гости, а то его просто не было дома.

На третій день, когда Хаимъ-Хайкель по обыкновенію безцѣльно бродилъ по улицамъ, погруженный въ свои невеселыя думы, на него неожиданно свалилось счастье: мимо него въ

коляскѣ проѣхалъ дядя съ какой-то дамой, при чемъ на козлахъ сидѣлъ тотъ самый бородачъ-кучеръ, котораго Геля Іента еще такъ усердно угощала своими варениками. Хаимъ Хайкель такъ обрадовался этой неожиданной встрѣчѣ съ знакомыми людьми въ этомъ чужомъ городѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя такимъ одинокимъ и заброшеннымъ, что сломя голову бросился за коляской, крича не своимъ голосомъ: «дядюшка! дядюшка!» Дядя обернулся, и вслѣдъ затѣмъ экипажъ покатилъ еще быстрѣе. Черезъ двѣ минуты Хайкель совершенно потерялъ изъ виду и дяденьку, и своего стараго знакомаго—бородатаго кучера.

Хайкель, правда, скоро сообразилъ, что неприлично бѣжать за экипажемъ, но онъ чувствовалъ себя такимъ одинокимъ и несчастнымъ, что побѣждалъ бы за знакомой собакой, не то, что за роднымъ дядюшкой—своей собственной плотью и кровью.

— Ужъ коли я проваландался здѣсь лишнихъ три дня и столько натерпѣлся, то долженъ во что бы то ни стало добиться своего,—еще разъ увидѣть дядюшку,—говорилъ самому себѣ еще болѣе обезкураженный Хаимъ-Хайкель, стараясь укрѣпить себя въ своемъ рѣшеніи.—Правда, ждать и надѣяться мнѣ теперь уже не на что. Но вѣдь и хуже ужъ быть не можетъ. Что же я потеряю? А главное—чтобы мнѣ потомъ не упрекать себя.—Все равно, какъ зовутъ доктора къ умирающему—вѣдь, всѣ знаютъ, что теперь уже не поможешь, а все-таки зовутъ—пусть потомъ не упрекаютъ себя, пусть потомъ никто не скажетъ, что не сдѣлали всего возможнаго...

Наконецъ Хаимъ-Хайкель таки добрался до дядюшки.

— Какъ, ты еще здѣсь? А я думалъ, что ты уже давно въ своемъ Чичильникѣ?

— Вѣдь вы же вчера видѣли меня на улицѣ, когда проѣзжали въ каретѣ...

— Такъ это въ самомъ дѣлѣ былъ ты? А я, признаться, не могъ повѣрить, чтобы это ты могъ бѣгать по улицѣ, словно съ цѣпи сорвался.

— Простите, дядюшка! Но я, право, не виноватъ. Я чувствую себя такимъ несчастнымъ въ этомъ громадномъ и чужомъ городѣ, гдѣ у меня нѣтъ ни одного близкаго человѣка, ни одного знакомаго, съ которымъ могъ бы перемолвиться словомъ. Я

одинокъ здѣсь, какъ персть. И вотъ, когда я увидѣлъ васъ съ вашимъ кучеромъ на улицѣ, я такъ обрадовался, что совершенно потерялъ голову.

— Ну, ничего, Богъ съ тобой! Поѣзжай же домой, пора уже.

— Но что же я буду дѣлать дома?

— А что толку, что ты будешь шляться по одесскимъ улицамъ? Да ты тутъ совсѣмъ рехнешься, тебя еще въ сумасшедшій домъ засадятъ. Сегодня ты бѣжишь за мной, завтра погонишься за кѣмъ-нибудь другимъ, а то вотъ еще ты чуть не затѣялъ драки съ моимъ швейцаромъ.

— Дядюшка! вашъ швейцаръ—врагъ Израиля, онъ терпѣть не можетъ еврея.

— Ну, ну, поѣзжай лучше домой. Поѣзжай съ Богомъ и займись опять своимъ прежнимъ дѣломъ. Жена и дѣти навѣрно уже соскучились по тебѣ.

— Да ужъ я поѣду, дядюшка, поѣду.

— Вотъ и прекрасно. Умнѣе ты ничего не сдѣлаешь. Вѣдь ты же не мальчикъ, ты человѣкъ съ разсудкомъ и долженъ понимать, что шляться тутъ по городу безъ дѣла—тебѣ не подобаешь. Поѣзжай лучше домой, покуда у тебя еще не вышли тѣ деньги, что я тебѣ далъ.

Хаимъ-Хайкель уже поднялся было, чтобъ удалиться, но теперь, когда онъ увидѣлъ, что дядя вдругъ сталъ такой мягкой и разговорчивый, его раздраженіе противъ него сразу улеглось. Къ тому же ему вообще жаль было разставаться—кто знаетъ, быть-можетъ, навѣки—съ такимъ близкимъ родственникомъ.—Онъ размякъ и отъ полноты чувствъ пустился въ изліянія и сталъ болтать обо всемъ, что ни приходило въ голову.

— Ну, будьте здоровы, дядюшка, будьте здоровы!—спохватился онъ, наконецъ, замѣтивъ явные признаки нетерпѣнія со стороны собесѣдника.—А у меня къ вамъ есть еще маленькая просьба.

— Что такое?

— Помните моего Янкеля—какой красивый мальчикъ? Пріѣхать домой и ничего не привезти ему отъ дяди—пусть дитя имѣетъ хоть что-нибудь на память.

Дядя позвонилъ, сказалъ что-то вопедшей горничной, и

она скоро вернулась, неся узелъ съ поношеннымъ дѣтскимъ платьемъ.

— Возьми этотъ пакетъ,—сказалъ дядя,—пусть будетъ для всѣхъ твоихъ дѣтей.

Хань-Хайкель даже подпрыгнулъ отъ радости.

— Чтобы вы прожили сто двадцать лѣтъ! Чтобы вамъ имѣть одинъ радости отъ своихъ дѣтей! Чтобы вы всегда были большимъ гвиромъ и могли помогать всѣмъ евреямъ... будьте здоровы, дядюшка!

— Счастливаго пути! Кланяйся женѣ и дѣтямъ!

— Прощайте, дядюшка, будьте всегда счастливы и богаты!

— Счастливаго пути!—еще разъ пожелалъ ему дядя и проводилъ его до самыхъ дверей. И швейцаръ самъ видѣлъ, какъ баринъ подалъ Хайкелю руку, и Хайкель чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ отъ того, что швейцаръ видѣлъ, какъ его проводили.

Очутившись на улицѣ, съ узелкомъ подъ мышкой, Хайкель еще разъ съ торжествомъ обернулся къ швейцару, всѣмъ своимъ видомъ выражая:

— Ага, врагъ Израиля, такъ тебѣ и надо! Чтобы такой «черный конецъ» постигъ всѣхъ ненавистниковъ нашего народа!

* * *

Пожеланія Хайкеля произвели на дядюшку очень хорошее впечатлѣнiе. И сидя въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, на мягкомъ турецкомъ диванѣ, онъ чувствовалъ, какъ его обросшее жиромъ сердце таетъ отъ умиленія, и даже съ нѣкоторой нѣжностью подумалъ о своемъ бѣдномъ племянникѣ.

— Что за славные, честные и невинные люди—эти провинциалы! Я чувствую, что его пожеланія шли отъ самаго сердца, безъ всякой фальши и хитрости. Не то, что сладкія рѣчи моихъ здѣшнихъ пріятелей, которые такъ крѣпко жмутъ мнѣ руку, а въ душѣ, быть-можетъ, въ это время посылаютъ къ чорту. И какъ мило онъ пожелалъ мнѣ имѣть одинъ радости отъ своихъ дѣтей, быть богатымъ, быть въ состояніи помогать всѣмъ евреямъ, служить своему народу. Какъ это хорошо и трогательно!..

Но уже через нѣсколько минутъ онъ снова и такъ же радикально, какъ и въ первый разъ, позабылъ про своего племянника, про самое его существованіе и погрузился въ свои обычные мысли о дѣлахъ: о новомъ имѣніи, купленномъ годъ тому назадъ, о недавно выстроенной паровой мельницѣ, о парѣ лошадей, полученной въ подарокъ отъ должника-помѣщика.

Отъ лошадей мысли дядюшки перескочили къ Марьѣ Ивановнѣ и къ ревности жены. «А впрочемъ пусть себѣ ревнуетъ, очень я ее боюсь». — Потомъ онъ задумался о новыхъ порядкахъ, которые намѣревался ввести въ синагогѣ, въ качествѣ недавно избраннаго старосты: «вотъ я покажу имъ, что значитъ имѣть старостой такого человѣка, какъ я. — А что касается этого шалопа, Бориса, придется услатъ его годика на два за границу—набираться ума-разума, а главное—пусть не торчитъ такъ часто у Марьи Ивановны». — И затѣмъ дядюшка задумался о томъ, что теперь самая пора начать хлопоты о полученіи почетнаго гражданства—«мало я имъ жертвовалъ на богоугодныя дѣла»... И еще о многомъ, многомъ другомъ думалъ дядюшка, развалившись на своемъ мягкомъ турецкомъ диванѣ.

* * *

Въ самомъ бодромъ, даже радужномъ настроеніи оставилъ Хайкель Одессу и усѣлся съ большимъ мѣшкомъ въ уголку вагона третьяго класса. Цѣлый часъ ѣхалъ онъ въ такомъ приподнятомъ настроеніи, и колеса вагоновъ весело стучали въ тактъ его мыслямъ. Но мало-по-малу Хаймъ-Хайкель сталъ остывать, мысли приняли у него другое направленіе и колеса стали отбивать другую мелодію.

— Какъ?—спохватился онъ вдругъ, словно человѣкъ, очнувшійся онъ глубокаго сна.—Что такое? Что я сдѣлалъ?

Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ смотрѣлъ на свой мѣшокъ такими глазами, какъ будто въ немъ находился Богъ въстѣ какой запрещенный товаръ,

— Что я сдѣлалъ? Вѣдь онъ въ сущности нанесъ мнѣ самое тяжкое оскорбленіе! Какимъ дорогимъ гостемъ онъ былъ у меня! И какого приѣма я удостоился отъ него! Даже жены и дѣтей

онъ не показаль мнѣ... Когда бывали гости, меня не принимали... Онъ довелъ меня до того, что я бѣгалъ за нимъ по улицѣ, какъ сумасшедшій... А я еще взялъ у него милостыню въ 25 руб.. съ подарками для дѣтей! Ахъ, кабы у меня была теперь такая сумма, чтобы я могъ отослать ему... Но кто-же виновать во всемъ этомъ, какъ не я самъ, дурья голова! Стоило ему только сказать мнѣ пару ласковыхъ словъ для того, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ меня, какъ я уже простилъ ему, растаялъ и напросился на подарокъ для сына... А когда онъ далъ мнѣ эти старыя тряпки, я такъ обрадовался, точно онъ меня облагодѣтельствовалъ, и осыпалъ его благословеніями, точно на всемъ свѣтѣ никогда не бывало человѣка добрѣе его. А онъ-то, онъ-то какъ наслаждался, что я считаю его такимъ добрымъ! Таково ужъ счастье богачей... Какиминибудь грошами да добрымъ словомъ они бросаютъ пыль въ глаза бѣдняковъ, а тѣ, дурни, еще прославляютъ на весь свѣтъ ихъ доброе сердце...

— И подѣломъ мнѣ, конечно, подѣломъ!—продолжалъ онъ бичевать себя.—Я самъ виновать во всемъ этомъ. Отчего, когда въ Чичильники пріѣзжаетъ бершадскій дядя, такой же бѣднякъ, какъ и я, мы садимся прямо за столъ и ѣдимъ, что Богъ послалъ—борщъ съ кашей или кашу съ борщемъ? А когда пріѣхаль дядюшка-богачъ, я устроилъ такой парадъ и столько издержалъ на него! Кто меня заставлялъ? Развѣ я когда-нибудь рассчитывалъ имѣть отъ одесскаго дяди больше выгодъ, чѣмъ отъ бершадскаго? Ни у того, ни у другого я никогда ни о чемъ не просилъ, ничего отъ нихъ не ожидалъ. Отчего же я принималъ ихъ столь различнымъ образомъ? А все оттого, что передъ богачомъ всѣ раболѣпствуютъ добровольно... Но нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я хоть и бѣднякъ, но имѣю свою гордость, свое достоинство. Чѣмъ принимать такія подачи отъ такого богача, который вездѣ прослылъ благотворителемъ, я лучше буду выпрашивать на хлѣбъ у своихъ братьевъ-бѣдняковъ...

И Хаимъ-Хайкель быстро оглянувшись кругомъ, не смотря ли кто на него, въ одно мгновеніе выхватилъ изъ мѣшка узелокъ съ подарками богатаго дядюшки и выбросилъ его въ окно вагона.

И въ ту же минуту у Хайкеля отлегло отъ сердца, какъ будто вмѣстѣ съ узломъ онъ сбросилъ съ души тяжкое бремя.

— Теперь я ужъ болѣе не нищій, не попрошайка, я снова Чичильниковскій ховяинъ,—сказалъ онъ, вздохнувъ съ облегченіемъ.

* * *

Когда Хаимъ-Хайкель пришелъ въ первый разъ въ модельню, всѣ чичильниковцы обступили его съ разспросами, что было съ нимъ въ Одессѣ, получилъ-ли онъ мѣсто или кредитъ и т. п. Онъ отвѣчалъ однимъ только словомъ:

— Умеръ!

— Кто умеръ?

— Дядя!

— Какъ, дядя умеръ?!

— Умеръ, умеръ!

Больше отъ него не могли добиться ни слова.

— Благословенъ Господь—Судья праведный!—сказали чичильниковцы.

Пер. съ евр. жаргона Б. Д. Порозовской.

Пионеръ ново-еврейской литературы.

(Абрамъ Ману. Біографическій очеркъ Р. Брайнина).

Незавидна судьба еврейскаго литератора, не мало невзгодъ встрѣчаетъ онъ на своемъ тернистомъ пути, не мало матеріальныхъ и нравственныхъ затрудненій ему приходится преодолевать, чтобы создать себѣ хоть сносное человеческое существованіе и вызвать вниманіе еврейской публики къ своей личности и къ своимъ трудамъ. Литература, занимающая у всѣхъ народовъ одно изъ виднѣйшихъ и почетнѣйшихъ мѣстъ среди отраслей культуры, у евреевъ, у «народа книги», не пользуется ни малѣйшимъ уваженіемъ, и представители ея въ лучшемъ случаѣ испытываютъ равнодушіе публики, а то нерѣдко дѣлаются объектами насмѣшекъ, клеветы и презрѣнія. Незавидна участь еврейскаго писателя и послѣ смерти его. Уже не говоря о томъ, что семья умершаго писателя, даже оцѣненного при жизни, оставляется на произволъ самой страшной нужды, самое имя его большей частью предается забвенію. Идеи, которыя этотъ писатель проповѣдывалъ и самоотверженно проводилъ въ сознаніе своихъ читателей, могли восторжествовать и даже дать извѣстные плоды въ смыслѣ просвѣщенія массы; образы, которые онъ создалъ, могли сдѣлаться безсмертными, но личность самого автора этихъ плодотворныхъ идей, творца безсмертныхъ образовъ мало кому извѣстна, ни для кого не интересна. Неблагодарность еврейскаго народа по отношенію къ лучшимъ, безкорыстнѣйшимъ сынамъ своимъ простирается и на ихъ память. Что знаемъ мы о личности и жизни И. Б. Левинсона, М. А. Гинцбурга, К. Шульмана и другихъ пионеровъ нашего просвѣщенія? Между тѣмъ знакомство съ біографіями такихъ дѣятелей не только было бы данью благодарности за ихъ полезные труды, но имѣло бы, несомнѣнно, воспитательное значеніе. Въ жизни писателя часто, какъ въ фокусѣ, отражаются всѣ особенности окружавшей его среды и эпохи, въ которую ему приходилось жить и работать; на судьбѣ и личности писателя мы нерѣдко можемъ изучить взаимодѣйствіе общественныхъ силъ и вліяній и идей, господствовавшихъ въ данный историческій моментъ. А міросозерцаніе писателя служить намъ

яркимъ примѣромъ, какъ устарѣвшія понятія и мнѣнія преобразуются подъ напоромъ народившихся новыхъ началъ, еще смутно сознаваемыхъ всѣмъ обществомъ. Такимъ образомъ, для уразумѣнія исторіи еврейскаго общества въ данный историческій моментъ хорошо составленные и правильно освѣщенные біографіи еврейскихъ писателей могутъ давать богатый матеріалъ. Кромѣ того жизнеописанія «великихъ людей» вообще, подвизавшихся на томъ или другомъ поприщѣ, могутъ служить назидательнымъ чтеніемъ для подросткающаго поколѣнія, давая примѣры жизни, достойные подражанія. Въ этомъ отношеніи повѣсть жизни еврейскаго писателя должна представлять громадную воспитательную цѣнность: жизнь его нерѣдко является однимъ сплошнымъ подвигомъ, одной неутомимой борьбой дѣятельнаго духа и творческой мысли съ житейскими невзгодами и грозными силами тьмы, невѣжества и людской злобы. Біографія еврейскаго писателя—это зачастую житіе святого.

Только въ послѣднее время, вмѣстѣ съ общимъ подъемомъ нашего національнаго самосознанія и пробужденія интереса къ произведеніямъ нашего народнаго гения, мы стали вызывать изъ тьмы забвенія тѣни нашихъ писателей и просвѣтителей: появилось на еврейскомъ и русскомъ языкѣ нѣсколько біографій русско-еврейскихъ писателей, составленныхъ не безъ недостатковъ, но съ добросовѣстностью и критической оцѣнкой собравшихся фактовъ. Грустная повѣсть внѣшней жизни нашихъ литераторовъ, которыхъ судьба не очень ласкала, въ концѣ концовъ оставляетъ въ насъ все таки бодрящее чувство, свидѣтельствуя о силѣ и стойкости этихъ духовныхъ богатырей, которыхъ не могли сломить никакія житейскія грозы и бури, которыхъ не могли парализовать самыя тяжелыя оковы.

Изъ писателей, взявшихъ на себя не легкую задачу воспроизвести намъ жизнь и духовный обликъ нашихъ великихъ художниковъ слова, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить г. Браинина. Онъ уже успѣлъ дать намъ біографію поэта Л. Гордона, П. Смоленскаго, а въ этомъ году подарилъ читающую публику прекрасно составленнымъ біографическимъ очеркомъ нашего перваго оригинальнаго романиста А. Мапу. О немъ мы и намѣрены сказать нѣсколько словъ. Авраамъ Мапу родился въ 1808 году въ пригородной слободѣ г. Ковны—Виліампогѣ, въ семьѣ бѣднаго меламеда. Воспитаніе, полученное будущимъ романистомъ и педагогомъ, мало чѣмъ отличалось отъ того безжизненно-схоластическаго воспитанія, которое давалось обыкновенно въ то время еврейскимъ дѣтямъ почти во всѣхъ классахъ населенія. Съ пятилѣтняго возраста на слабого и хилаго мальчика легла вся тяжесть „ученія“; не успѣло ему еще минутъ 7 лѣтъ и не успѣлъ онъ еще познакомиться хоть отчасти съ

Библией, какъ отецъ, открывъ въ немъ удивительныя способности, посадилъ его за изученіе Талмуда, питая, какъ и большинство тогдашнихъ родителей, честолюбивую надежду, что сынъ его предназначенъ для великихъ дѣяній—попросту говоря, что онъ современемъ сдѣлается раввиномъ въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ. Неокрѣпшій мозгъ ребенка не въ состояніи былъ, конечно, побѣждать всѣ трудности головоломной талмудической диалектики, съ которой нелегко справиться и болѣе крѣпкому уму. Вся эта сухая и непосильная умственная работа, которой ребенокъ по настоянію отца предавался почти безъ отдыха, губельно отражалась на его физическомъ развитіи, заглушала въ его душѣ задатки здоровой дѣтской жизнерадостности и, безъ сомнѣнія, способствовала развитію въ немъ фантазіи и мечтательности. Эти свойства очень рано открылись въ мальчикѣ и наложили отпечатокъ на послѣдующій характеръ писателя. Приходится поистинѣ удивляться, какъ А. Мапу, получившій въ первую пору своего дѣтства столь уродливое воспитаніе, сушившій свой мозгъ бесплодной и непереваримой талмудической казустикой, видѣвшій въ своей семьѣ однѣ лишь картины самой удручающей житейской прозы, не получившій даже доступа къ источникамъ библейской поэзіи,—какъ этотъ воспитанникъ душнаго хедера и бетъ-гамедраша могъ впоследствии создать чарующіе поэтическіе образы древне-еврейской жизни и въ такомъ совершенствѣ овладѣть языкомъ Исаи и Іереміи. Въ двѣнадцать лѣтъ Мапу выходитъ изъ подъ умственной опеки своего отца и начинаетъ самостоятельно изучать Талмудъ и комментаторовъ въ бетъ-гамедрашѣ. Хотя умъ его продолжаетъ работать въ направленіи, сообщенномъ ему въ хедерѣ отца, однако для мальчика—независимаго ученаго явился благодѣтельный факторъ въ лицѣ свободы, которой онъ могъ пользоваться по своему желанію. Въ тринадцать лѣтъ будущій романистъ прослылъ «илуемъ», т. е. ученымъ феноменомъ; онъ, кромѣ Талмуда, основательно изучилъ Маймонида и другія богословско-философскія книги, хотя, по собственному признанію, онъ въ то время не могъ написать по еврейскіи нѣсколькихъ строчекъ безъ крупныхъ грамматическихъ ошибокъ. Вскорѣ талмудическая диалектика перестаетъ удовлетворять духовнымъ потребностямъ А. Мапу: поэтическое чувство, жившее въ его душѣ подъ толстой корой ученой и житейской прозы, стало проявляться у него увлеченіемъ «каббалой» и пристрастіемъ ко всему сверхъестественному. Съ юношескимъ пыломъ онъ принялся за изученіе разныхъ каббалистическихъ сочиненій, и вскорѣ въ его головѣ составилось особое мистическое воззрѣніе на всю вселенную и человѣческую жизнь. По мнѣнію г. Брайнина, увлеченіе каббалой, какъ это ни странно, послу-

жило могучимъ толчкомъ къ пробужденію въ юношѣ дѣятельныхъ силъ и стремленія ближе узнать природу и дѣятельность, особенно послѣ того, какъ одинъ предпринятый имъ экспериментъ въ области практической каббалы окончился неудачно. (А. Мапу вздумалъ сдѣлаться невидимкой по рецепту, предлагаемому каббалистическими книгами). Позднѣе это пристрастіе къ каббалѣ побудило А. Мапу вступить въ кругъ хасидовъ, для которыхъ способный и чистосердечный юноша былъ желаннымъ членомъ, и только протестъ матери, насильно вырвавшей его однажды изъ хасидскаго собранія, заставилъ его выступить изъ среды его новыхъ друзей. Въ глубинѣ души онъ однако долгое время симпатизировалъ хасидизму, въ которомъ бессознательно чувствовалъ протестъ противъ сухости и формализма талмудическаго міросозерцанія. Въ 17 лѣтъ А. Мапу дѣлается семьяниномъ и поступаетъ на иждивеніе къ своему тестю. Онъ начинаетъ вести жизнь нахлѣбника у родителей своей жены, хорошо намъ знакомую по многочисленнымъ изображеніямъ ея въ русско-еврейской литературѣ. Для будущаго автора «Любви Сиона» эта спокойная жизнь, обезпеченная отъ матеріальныхъ заботъ и борьбы за существованіе, имѣла то благотворное значеніе, что давала ему возможность хоть временно безпрепятственно учиться и умножать свои знанія, которыя онъ вскорѣ начинаетъ искать въ другихъ источникахъ. Поворотнымъ пунктомъ въ умственномъ развитіи А. Мапу можно считать тотъ день, когда юноша случайно нашелъ въ библиотекѣ своего учителя, раввина Эрлангера, книгу псалмовъ съ латинскимъ переводомъ. Въ головѣ юнаго мечтателя зарождается мысль выучиться латинскому языку—и вотъ онъ безъ всякаго руководства, безъ грамматики и словаря, по еврейскому оригиналу, принимается за изученіе латинскаго языка. Невольно приходитъ въ голову сравненіе съ Соломономъ Май мономъ: этотъ прославившійся впоследствии критикъ Канта, какъ извѣстно изъ его автобіографіи, научился безъ всякой посторонней помощи читать по нѣмецки по транскрипціи еврейскихъ названій трактатовъ талмуда, на заглавныхъ листахъ. Можно себѣ представить, сколько напряженнаго труда и терпѣнія требовалось для приобрѣтенія подобнымъ образомъ знакомства съ совершенно чуждымъ языкомъ. А. Мапу съ жаромъ проштудировалъ латинскій переводъ всей Библии и при этомъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Брайнинъ, работа надъ отыскиваніемъ значенія латинскаго слова приводила къ тому, что онъ глубже вникалъ въ смыслъ еврейскаго текста и знакомился съ лучшими еврейскими комментаріями. Такимъ образомъ настойчивое изученіе латинскаго языка было для него вмѣстѣ съ тѣмъ поводомъ къ

совершенному усвоению библейскаго языка такъ, что онъ впоследствии сдѣлался какъ бы его роднымъ языкомъ; мысли его невольно выливались въ выраженія, заимствованныя у пророковъ. Несмотря на ознакомленіе съ латинскимъ языкомъ, въ которомъ онъ даже превзошелъ своего учителя Эрлангера, умственный круговоръ Мапу остается еще весьма узкимъ, у него нѣтъ никакихъ положительныхъ научныхъ свѣдѣній, никакого знанія практической жизни.

Около этого же времени экономическія затрудненія заставляютъ Мапу обратиться къ учительской дѣятельности, которой онъ занимался почти всю свою жизнь. Продолжительный личный учительскій опытъ далъ ему возможность выработать себѣ самостоятельныя педагогическія взгляды, составлявшіе полную противоположность той рутинной системѣ или вѣрнѣе бессистемности, которая утвердилась въ преподаваніи еврейской науки и языка. Первые шаги на учительскомъ поприщѣ Мапу пришлось дѣлать совсѣмъ еще юношей въ семьѣ одного еврея, сельскаго жителя. Живя въ деревнѣ, онъ получилъ свободный доступъ къ соверщенію природы и успѣлъ познакомиться съ простой жизнью поселянъ и полюбить всю безыскусственную красоту этой жизни. Многія картины и описанія изъ жизни древне-еврейскихъ пахарей, которыми изобилуютъ его романы, были, вѣроятно, внушены ему воспоминаніями изъ періода его собственной жизни, проведеннаго на лонѣ природы. По возвращеніи Мапу въ Ковно, у него впервые зарождается мысль написать романъ «Любовь Сіона» (רוח גליל), но между возникновеніемъ этой мысли и моментомъ появленія въ свѣтъ вплоть тоговаго и законченнаго романа прошло не менѣе 23 лѣтъ. Въ теченіе всего этого времени романъ тщательно отдѣлывался, особенно со стороны внѣшней формы, и въ то же время самъ авторъ, безсознательно готовившій переворотъ въ еврейской литературѣ, совершенствовалъ и расширялъ свои свѣдѣнія въ разныхъ областяхъ человѣческаго знанія. Особенно полезно было для него пребываніе въ городѣ Россіенахъ, гдѣ въ то время образовался кружокъ еврейскихъ интеллигентовъ новаго типа, соединявшихъ вмѣстѣ съ основательнымъ знаніемъ еврейской литературы и языка, тяготѣніе къ европейской образованности. Маленькій городокъ Россіены, вѣроятно благодаря близости его къ прусской границѣ, въ то время былъ однимъ изъ разсадниковъ еврейскихъ «маскилимъ». Мапу, занимавшійся тамъ частными уроками, быстро сблизился съ этимъ кружкомъ и сталъ жадно воспринимать новыя идеи и понятія; тамъ онъ усвоилъ себѣ нѣсколько европейскихъ языковъ, познакомился въ оригиналѣ съ произведеніями западныхъ классиковъ и перечиталъ вообще очень много книгъ. Въ результатѣ этого са-

моравитія и самообразованія Мапу не могъ не порвать связи съ талмудической рутинной и стать въ первые ряды борцовъ за просвѣщеніе русскаго еврейства, которому онъ своими литературными произведеніями оказалъ неоцѣнимую услугу. Уже въ Россіонахъ имя будущаго романиста начинаетъ пользоваться извѣстностью; какъ наставникъ юношества онъ имѣетъ возможность проводить въ умы молодого поколѣнія новыя идеи и здоровые взгляды. Но ему суждено было сотворить гораздо большее и оставить болѣе глубокой слѣдъ въ исторіи литературы вообще и просвѣщенія русскихъ евреевъ въ частности.

Въ 1852 году увидѣло свѣтъ первое произведеніе А. Мапу—романъ «Любовь Сіона». Произведеніе это явилось образцомъ совершенно новаго, доселѣ неизвѣстнаго еврейскому читателю рода изящной литературы—романа. Чтобы понять крупное значеніе этого событія въ исторіи ново-еврейской литературы, необходимо отдать себѣ отчетъ, что представляла собой еврейская литература до появленія этого романа и какую форму приняла она впоследствии. Литературы, въ современномъ смыслѣ этого слова, отражающей все разнообразіе духовной жизни общества, у русскихъ евреевъ въ то время не существовало. Книги, которыя печатались на древне-еврейскомъ языкѣ, носили большей частью средне-вѣковой схоластической характеръ; въ нихъ трактовалось почти исключительно о вопросахъ богословско-ритуальнаго характера, подъ видомъ комментаріевъ къ разнымъ богословскимъ сочиненіямъ или даже къ отдѣльнымъ мѣстамъ этихъ сочиненій. Поэтическое творчество не имѣло почти ни одного представителя. Впоследствии прославившійся своими лирическими и дидактическими стихотвореніями поэтъ Б. Лебензонъ только что дебютировалъ тогда въ литературѣ незначительными по содержанію и поэтическому чувству одами въ честь высокопоставленныхъ лицъ.

Оригинальной беллетристики не существовало. Лучшія литературныя силы и дарованія тратились на переводы бульварныхъ французскихъ романовъ, плѣнявшихъ переводчиковъ занимательностью хитросплетенной фантастической фабулы; герои и героини подобныхъ романовъ были, конечно, совершенно чужды еврейской дѣйствительности, а нравы полусвѣта, съ которыми еврейскій читатель знакомился изъ этихъ переводныхъ романовъ, не имѣли никакихъ точекъ соприкосновенія съ доходящей до аскетизма чистотой еврейской семейной жизни. К. Шульманъ, имя котораго должно быть поставлено въ ряду древне-еврейскихъ классиковъ, не нашелъ другого образца для перевода на чистѣйшій древне-еврейскій языкъ, какъ романъ Евг. Сю «Тайны Парижа». Конечно, приходится пожалѣть, что образцовый древне-еврейскій языкъ послужилъ

формой для такого пошлаго содержанія. Такіе нехудожественные и фантастическіе романы не могли способствовать выработкѣ здороваго литературнаго вкуса у еврейской читающей публики. Они не только не вносили свѣта въ темное царство еврейскаго духовнаго гетто, не только не проясняли умовъ, но еще болѣе ихъ засоряли нездоровой пищей. А жизнь евреевъ, окруженныхъ толстой стѣной всевозможныхъ религіозныхъ предразсудковъ и заскоруженныхъ бытовыхъ формъ, была очень тяжела. Мысль вращалась въ заколдованномъ кругу талмудическихъ толкованій, свободное выраженіе идей и чувствъ считалось непростительнымъ грѣхомъ и навлекало на виновника громы со стовныи ярыхъ гасителей, которыхъ вездѣ было достаточно. Схоластическій кошмаръ въ такой степени охватилъ всѣ умы, нависъ надъ всей жизнью, что даже Библия, этотъ вѣчно-живой родникъ еврейскаго духа, была въ опалѣ, а изученіе языка пророковъ и псалмовъ дѣлало человѣка подозрительнымъ въ глазахъ ортодоксовъ. Само собой понятно, что любовь была совершенно вычеркнута изъ программы жизни еврейскихъ молодыхъ людей; чувство въ отношеніяхъ между полами было упразднено, какъ нѣчто постыдное, презрѣнное, недостойное еврея. Извѣстно, какъ въ то время заключались браки, какое участіе въ ихъ совершеніи принимали будущіе супруги, которые до свадьбы зачастую и не знали другъ друга въ лицо. Все, что носило на себѣ печать свободнаго влеченія и порыва, все, что было обвѣяно дыханіемъ здоровой жизни и согрѣто непосредственнымъ чувствомъ, считалось преступленіемъ... И вдругъ въ эту душную атмосферу врывается свѣжій потокъ воздуха, принесшій съ собой чудный аромат горы Кармеля и долины Саронской. Появляется романъ, который развѣтываетъ передъ духовными очами читателя картины здоровой жизни нашихъ предковъ, умѣвшихъ свободно наслаждаться, радоваться и печалиться, любить и ненавидѣть, смѣяться и плакать, подобно всѣмъ здоровымъ людямъ. Контрастъ между яркой жизнью нашихъ предковъ и тусклою дѣйствительностью долженъ былъ поразить воображеніе читателя и вывести его чувства изъ состоянія летаргій, въ которомъ они такъ долго пребывали. Изображеніе міра чувствъ было такъ ново въ еврейской литературѣ, что впечатлѣніе, произведенное романомъ, нисколько не потеряло оттого, что сцены любви разыгрываются за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и на фонѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ современной дѣйствительностью. Вліяніе, оказанное новымъ романомъ на еврейскую молодежь, было дѣйствительно громадно; романомъ зачитывались, многія мѣста выучивались наизусть. Вскорѣ въ еврейскихъ кварталахъ появляются влюбленные, во всемъ подражающіе героямъ романа

«Любовь Сіона», присваивающихъ себѣ даже имена Амнона и Тамары, главнаго героя и героини. Духу поработченной личности былъ данъ толчекъ, и онъ начинаетъ рваться, чтобы сбросить съ себя всѣ давящія его оковы. И въ русскомъ купеческомъ быту, если читатель вспомнитъ драму Островскаго «Грозу», первый протестъ противъ притупляющаго и обезличивающаго режима «темнаго царства» проявляется тоже въ формѣ свободной любви.

Разумѣется, что новый романъ, оказавшій такое могучее вліяніе на молодые элементы еврейства, не могъ не встревожить реакціонеровъ, почувствовавшихъ, что новое произведение сдѣлаетъ брешь въ китайской стѣнѣ, окружавшей до сихъ поръ русскихъ евреевъ, и что черезъ эту брешь начнутъ просасываться новыя идеи и ученія. Они открыли войну противъ Мапу, непрекращавшуюся въ теченіе всей жизни романиста и доставлявшую ему не мало огорченій и заботъ. Наряду съ восторженными отзывами поклонниковъ и почитателей, ему постоянно приходилось прислушиваться къ злобнымъ крикамъ, раздававшимся въ лагерѣ ортодоксовъ. Немногимъ, должно быть, извѣстенъ тотъ фактъ, что благодаря проискамъ этихъ враговъ, для насъ потерявъ большой историческій романъ Мапу, подъ названіемъ *מגילת מלחמה*; въ романѣ этомъ, состоявшемъ по заявленію друзей Мапу изъ 10 томовъ, была воспроизведена эпоха Хмѣльничины и рассказаны эпизоды, относящіеся къ дѣятельности Саббатая Цеви и возникновенію хасидизма. Романъ этотъ былъ отправленъ для просмотра въ цензурный комитетъ, но оттуда благодаря стараніямъ фанатиковъ, онъ уже на свѣтъ Божій болѣе не вернулся.

Романъ «Любовь Сіона» содержитъ въ себѣ апоэозъ любви, но любовь, изображаемая Мапу, не имѣетъ однако ничего общаго ни съ пошлой чувственностью, которою отличаются герои французскихъ романовъ, ни съ слащавой сентиментальностью нѣмецкихъ мѣщанскихъ романовъ. Любовь сыновей и дочерей Сіона замѣчательно чиста и вполне гармонируетъ со всѣмъ складомъ ихъ здоровыхъ натуръ и незатѣливой земледѣльческой жизнью. Чѣмъ то «идиллическимъ вѣетъ отъ этихъ прекрасныхъ тѣломъ и чистыхъ душей юношей и дѣвицъ, чарующихъ воображеніе читателя безыскусственной прелестью и цѣльностью дѣтей природы. Эти, созданные фантазіей художника образы, какъ нельзя лучше сливаются и съ фономъ, на которомъ они выступаютъ. Въ «Любви Сіона» Мапу даны образцы замѣчательныхъ по своей красотѣ и стилю описаній природы. Романистъ былъ вообще чутокъ къ голосу природы и отдавался окружающимъ настроеніямъ. Извѣстно, что большую часть этого лучшаго романа своего онъ создалъ на

горѣ Алексоты, откуда открывался роскошный видъ на живописныя окрестности Ковны, на той самой горѣ, на которой искалъ вдохновенія и поэтъ Мицкевичъ.

Но содержаніе новаго романа не было единственнымъ факторомъ, который обуславливалъ собой неотразимое вліяніе его на читателей. Было еще одно важное обстоятельство, которое способствовало необычайному успѣху романа среди тогдашнихъ читателей и теперь еще возбуждаетъ наше удивленіе. Это—языкъ, которымъ написано это произведеніе. Если бы кто-либо для выраженія современныхъ понятій сталъ пользоваться восточными оборотами рѣчи, образами, метафорами и сравненіями, заимствованными у пророковъ, то это показалось бы дикимъ, напыщеннымъ вздоромъ. Но въ романѣ Мапу фонъ, на которомъ разыгрываются событія, герои и героини, мотивы и характеръ всѣхъ ихъ поступковъ, однимъ словомъ вся внутренняя сторона романа какъ нельзя лучше сливается съ его поэтическимъ языкомъ, который чистотой и музыкальностью своей приближается къ лучшимъ образцамъ древне-еврейской рѣчи, встрѣчаемымъ въ Библии. Этотъ библейскій языкъ придаетъ всему роману замѣчательную колоритность. До Мапу никто изъ еврейскихъ писателей не писалъ такимъ безукоризненно чистымъ языкомъ, и языкъ Исаи и Іереміи, воскресшій въ ново-еврейскомъ романѣ, какъ оказалось, имѣлъ громадное вліяніе на дальнѣйшую судьбу еврейской литературы. Въ этомъ фактѣ нужно видѣть не столько, конечно, вліяніе новаго романа, сколько Библии, которая нашла себѣ такое блестящее отраженіе въ произведеніи Мапу. Много разъ на протяженіи исторіи еврейскаго народа духовный прогрессъ ознаменовывался возвращеніемъ къ этой «вѣчной книгѣ», содержащей въ себѣ неиссякаемый источникъ животворящихъ силъ. Важнѣйшіе моменты въ исторіи еврейской мысли отмѣчены ревностнымъ изученіемъ Библии. Можно сказать безъ преувеличенія, что просвѣщеніе проникаетъ въ еврейскую массу черезъ эту книгу, нѣкогда созданную гениемъ еврейскаго народа. Когда эллинизмъ грозилъ потопить весь древній міръ и въ числѣ прочихъ культуръ поглотить также и іудаизмъ, послѣдній отстаиваетъ свою цѣльность помощью перевода Библии на греческій языкъ; благодаря этому переводу принципы іудаизма получили снова распространеніе среди евреевъ, которые уже настолько ассимилировались съ окружающимъ ихъ греческимъ міромъ, что не въ состояніи были понимать Библию въ оригиналѣ. Іудаизмъ былъ спасенъ и могъ совершить свою дальнѣйшую эволюцію. Въ арабскій періодъ еврейской исторіи переводъ Библии на арабскій языкъ, выполненный Саадіей-гаономъ, укрѣпляетъ іудаизмъ среди народныхъ массъ, быстро воспри-

нявшихъ начала чуждой культуры. И вмѣстѣ съ возобновленіемъ связи съ Библіей расцвѣтаютъ творческія силы народнаго духа и являются на сцену ученые и художники, — наступаетъ золотой вѣкъ еврейской литературы, достигшій своего апогея въ Испаніи. Возрожденіе нѣмецкаго еврейства опять начинается съ распространенія «книги» въ широкихъ кругахъ еврейскаго населенія, что достигается переводомъ Библии на нѣмецкій языкъ. Мендельсонъ своимъ яснымъ, философски-проворливымъ умомъ понялъ, что изученіе Библии — это могучій ферментъ для возбужденія жизнедѣятельности дремлющихъ умственныхъ силъ еврейскаго народа. Подобно тому, какъ возрожденіе европейскіхъ народовъ отъ средневѣковаго застою совершилось посредствомъ изученія духовныхъ сокровищъ античнаго міра, находившихся въ опалѣ въ средніе вѣка, — такъ эпохи ренессанса въ исторіи еврейскаго народа всегда начинались съ возвращенія къ завѣщаннымъ предками духовнымъ богатствамъ, съ Библіей во главѣ... Романъ Мапу, говорившій съ читателемъ на чистомъ древнееврейскомъ языкѣ, въ состояніи былъ пробудить у этого читателя любовь къ языку, находившемуся раньше въ пренебреженіи, и порождаетъ цѣлое движеніе среди молодежи, набрасывающей съ жадностью на изученіе библейскаго языка. Отнынѣ стиль и писательская манера Мапу дѣлаются образцами для одержимыхъ авторскимъ зудомъ молодыхъ людей, являются массами подражатели, которые однако не обладаютъ ни изобразительнымъ талантомъ, ни поэтическимъ чутьемъ Мапу. Вскорѣ языкъ пророковъ дѣлается самодовлѣющей цѣлью, и неумѣренные подражатели Мапу, употребляющіе цвѣтистые восточные обороты и цѣликомъ выхваченные изъ Библии стихи для выраженія самыхъ обыденныхъ вещей, доводятъ свое увлеченіе языкомъ до степени карикатуры... Но въ числѣ учениковъ и послѣдователей Мапу были и истинно даровитые люди, которые впоследствии создали себѣ имя въ исторіи еврейской литературы и подняли ее почти до уровня европейскихъ литературъ. Такъ поэтъ Л. Гордонъ и публицистъ Смоленскинъ, занимающіе одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду нашихъ писателей, оба считаютъ своимъ наставникомъ и руководителемъ на литературномъ поприщѣ А. Мапу, который, по ихъ собственному признанію, сообщилъ имъ любовь къ еврейской старинѣ и языку и служилъ имъ всегда образцомъ. Самъ Мапу былъ очень высокаго мнѣнія о еврейскомъ языкѣ и отдавалъ ему предпочтеніе предъ всѣми другими языками. Вотъ въ какихъ образныхъ, не лишенныхъ витійства, выраженіяхъ онъ отзывался о достоинствахъ еврейскаго языка въ письмѣ къ своему другу: «я знаю римлянку (т. е. латинскій яз), во всемъ ея гордомъ величій, нѣмку — во

всемъ ея глубокомыслию, французенку—во всемъ очарованіи устъ ея, россиянку—во всей молодой свѣжести ея—всѣ онѣ гордо шествуютъ по міру, и главы ихъ увѣнчаны. Но при всемъ томъ чей это голосъ вызываетъ ко мнѣ? Вѣдь это твой голосъ, голубка моя! Какъ чисты звуки твои, когда ты щебечешь мнѣ изъ страны развалинъ твоихъ; при чтеніи рѣчей пророковъ твоихъ сердце мое сжимается и всѣ нервы мои трепещутъ отъ волненія; какъ только раздается шумъ словъ твоихъ, пробуждается во мнѣ чуткая мысль, будто слухъ мой воспринялъ игру небесныхъ флейтъ, будто глаза мои узрѣли витающихъ серафимовъ и т. д.». Эту любовь свою къ языку онъ старается сообщить и читателямъ, и, создавая свои романы, онъ, кромѣ бессознательной потребности въ творествѣ, имѣлъ всегда сознательную цѣль дать читателю образцы чистаго еврейскаго языка.

Другой историческій романъ Мапу «Ашмасъ Шоймройнъ», объемомъ вдвое больше перваго, изображаетъ намъ жизнь нашихъ предковъ при «Ахазѣ царѣ іудейскомъ и Пекахѣ сынѣ Рамалии и Іосіи сынѣ Озы царяхъ израильскихъ». Въ этомъ романѣ авторъ имѣлъ въ виду провести параллель между двумя царствами—полужыческимъ израильскимъ царствомъ и преданнымъ единобожію іудейскимъ царствомъ, при этомъ онъ на каждомъ шагѣ подчеркиваетъ свою симпатію къ іудеямъ. Всѣ пороки и ужасы авторъ сосредоточиваетъ въ Самаріи: тамъ свили себѣ гнѣздо развратъ, пьянство, измѣна, безчестіе, лицемеріе, въ Іудеѣ же процвѣтаютъ однѣ добродѣтели: скромность, чистота, правдивость. Врядъ ли такая рѣзкая грань, проведенная между обоими царствами, соответствуетъ исторической правдѣ. Весь романъ «Ашмасъ Шоймройнъ» отличается богатствомъ вымысла и обиліемъ картинъ и образовъ, и въ немъ любовь занимаетъ весьма видное мѣсто, служа главнымъ рычагомъ всего хода событій романа.

Если для оцѣнки обоихъ разсмотрѣнныхъ романовъ Мапу пользоваться однимъ лишь строгимъ эстетическимъ критеріемъ, то врядъ ли ихъ придется поставить въ ряду лучшихъ произведеній художественнаго творчества. Напрасно мы стали бы искать въ нихъ законченныхъ характеровъ, реальныхъ типовъ или же глубокихъ и тонкихъ психологическихъ анализовъ. Герои историческихъ романовъ Мапу слишкомъ схематичны и въ сущности мало похожи на живыхъ лицъ, отличающихся разнообразіемъ чувствъ, стремленій и понятій; они надѣлены авторомъ либо однѣми положительными, либо однѣми отрицательными сторонами, связь ихъ съ окружающей жизнью остается для насъ совершенно въ тѣни, да и сама эта жизнь, которая, безъ сомнѣнія, была довольно сложна и не исчерпывалась одними

любовными похождениями, авторомъ представлена довольно блѣдно. Вуколическій колоритъ, окрашивающій собой весь романъ «Любовь Сіона», не можетъ дать вполне вѣрное и живое представление о бурной исторической эпохѣ, въ которую Исаія произносилъ свои громовыя проповѣди и въ которую политическая жизнь страны достигла уже значительнаго развитія, и отношенія между разными общественными классами представляли уже довольно пеструю картину. Воспроизвести всю эту богатую красками эпоху, возстановить во всей ея рельефности историческую обстановку, вывести передъ читателемъ во весь ростъ титановъ этой эпохи—Исаію и другихъ пророковъ, нарисовать картину внутреннихъ смутъ и борьбу партій—Мапу было не по силамъ. Какъ въ романѣ «Любовь Сіона», такъ и въ романѣ «Ашмась-Шоймройнь» внѣшняя интрига, сцѣпленіе внѣшнихъ событій занимаетъ первое мѣсто, изображеніе же внутренней жизни рисуемой исторической эпохи отодвинуто на задній планъ. И въ этомъ отношеніи историческіе романы Мапу не могутъ удовлетворять современнаго читателя, знакомаго съ произведеніями европейской литературы. Но для еврейскаго читателя 50-хъ годовъ романы эти должны были явиться откровеніемъ, и именно недостатки ихъ, какъ фантастичность и сложность вымысла, должны были создать имъ больше читателей, для которыхъ весь интересъ романа могъ сосредоточиваться главнымъ образомъ въ занимательности фабулы. Но и въ читателѣ съ развитымъ вкусомъ и сейчасъ еще чтеніе романовъ Мапу оставляетъ неотразимое впечатлѣніе и порою захватываетъ и увлекаетъ, несмотря на художественныя изъяны. Это зависитъ отъ того, что во все время чтенія читатель уносится авторомъ далеко за предѣлы грубой дѣйствительности въ какой-то волшебный міръ, гдѣ все прекрасно и чисто. «Кто долгое время читалъ, замѣчаетъ г. Браининъ, европейскіе романы известнаго сорта, и затѣмъ снова принимается за чтеніе «Любви Сіона», долженъ испытывать то же самое, что испытываетъ человекъ, проводящій дни и ночи въ теченіе многихъ лѣтъ въ столичныхъ салонахъ, среди шутовъ и резонеровъ, литераторовъ и клоуновъ, нахаловъ, обжоръ и пьяницъ, сильныхъ міра сего, гоняющихся за наслажденіями, и ученыхъ, ищущихъ славы, льстецовъ, обманщиковъ, занскивающихъ поэтовъ и сумасбродныхъ философовъ... когда такой человекъ вдругъ въ ясный день попадаетъ на зеленый холмъ, расположенный у чистаго ручья, и видитъ стадо овецъ, слышитъ свирѣль пастуха и разговоръ деревьевъ, шопотъ цвѣтовъ подъ дуновеньемъ вѣтерка и лѣсное эхо, а надъ головой его разстилается ясное небо, и на вершинахъ горъ, виднѣющихся вдали, почиетъ вѣчный покой».

За романомъ, «Ашмасъ Шоймройнъ» послѣдовалъ пятитомный романъ изъ современной жизни подъ названіемъ *улу су*. Въ этомъ романѣ авторъ хотѣлъ изобразить борьбу свѣта съ тьмой и заклеить фанатизмъ и мракобѣсіе ортодоксіи. Но бытовой романъ совершенно не удался Мапу, который ни по характеру своего дарованія, ни по развитію своему не былъ способенъ разбираться въ сложныхъ явленіяхъ современности и создавать живые законченные образы. Тенденція въ его романѣ слишкомъ обнажена, герои романа не живыя лица, а манекены, которыхъ авторъ заставляетъ совершать тѣ ли другіе желательные ему поступки или произносить тѣ или другія формулы и сентенціи. Интеллигентные герои романа, которые должны являть собой торжество просвѣтительныхъ началъ, оказываются очень блѣдными, въ нихъ нельзя отыскать ни одной возвышенной мысли, ни одного идеала; отрицательные герои не выхваченныя изъ жизни типичныя лица, а живыя воплощенія всѣхъ пороковъ; такъ какъ авторъ въ изображеніи дурныхъ сторонъ отрицательныхъ героев не могъ соблюсти надлежащей мѣры, то въ результатъ получился своего рода пасквиль на еврейскій народъ. Повидимому, впечатлѣнія, почерпнутыя авторомъ изъ наблюденія надъ окружающею жизнью, не могли претвориться въ его художественномъ представленіи въ яркіе образы. Мапу обладалъ въ большей степени исторической перспективой и воображеніемъ, чѣмъ тонкой наблюдательностью и чуткостью къ жизненнымъ явленіямъ. Весь романъ написанъ тѣмъ же патетическимъ, цвѣтистымъ языкомъ пророковъ; но въ то время, какъ въ «Любви Сіона» языкъ этотъ возбуждаетъ нашъ восторгъ, въ современномъ романѣ онъ производитъ впечатлѣніе ходульности. Но и въ романѣ *улу су*, при всей его не художественности, можно найти отличительныя черты литературной фязіономіи Мапу, такъ подкупающія читателя: состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ, любовь къ природѣ и простой жизни, къ прямодушію и красотѣ. Романъ носитъ на себѣ отпечатокъ индивидуальности автора и прекрасно иллюстрируетъ его симпатичный нравственный образъ.

Кромѣ беллетристики, Мапу работалъ еще на нивѣ педагогики. Взгляды свои на воспитаніе и образованіе онъ выразилъ въ педагогическихъ печатныхъ трудахъ и старался проводить въ своей многолѣтней преподавательской дѣятельности.

Въ своихъ руководствахъ по древне-еврейскому языку онъ даетъ рациональную методу для изученія древне-еврейскаго языка, въ основу которой положены правила, заимствованныя имъ изъ методъ для прохожденія живыхъ иностранныхъ языковъ. Руководства Мапу — это первая попытка порвать съ рутинными приѣмами изученія древне-еврейскаго языка,

создававшими массу неудобствъ какъ для преподавателя, такъ и для учащагося. Мапу также воставалъ противъ укоренившагося обычая переводить Библию еврейскимъ дѣтямъ на испорченный нѣмецкій языкъ, совершенно имъ непонятный, онъ требовалъ, чтобы библейскія слова передавались соответствующими словами простого жаргона и въ доступной дѣтскому пониманию формѣ. Горячо любя еврейскій языкъ, отдавая ему предпочтеніе предъ другими языками, онъ понималъ однако, что усвоеніе этого языка подчинено тѣмъ же законамъ, что усвоеніе всякаго другого языка, и его постояннымъ и самымъ сильнымъ стремленіемъ было поставить еврейскій языкъ въ этомъ отношеніи на одну линію съ живыми иностранными.

Мапу не могъ также не видѣть всей безпочвенности воспитанія, получаемого еврейскимъ подростокующимъ поколѣніемъ, — воспитанія, не дававшего никакой подготовки къ практической жизни, никакихъ средствъ для борьбы за существованіе. Какъ большинство тогдашнихъ «маскилимъ», Мапу всё бѣдствія евреевъ видить въ ихъ некультурности, въ ихъ обособленности отъ другихъ народовъ, а приобрѣтеніе евреями гражданскихъ правъ и усвоеніе новыхъ формъ быта считаетъ панацеей отъ золь. «Нужда и духъ времени—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ—открыли многимъ глаза на плачевное состояніе нашего воспитанія; они вспомнили, что ребенокъ рожденъ не только для своего народа, но и для своей страны и всего человѣчества. Жизнь полна превратностей. Кто знаетъ, что съ нимъ можетъ случиться въ будущемъ—и потому необходимо соединять науку съ какой-нибудь профессіей и т. д.». Въ своей собственной педагогической дѣятельности Мапу врядъ ли однако могъ во всей широтѣ проводить свои педагогическіе принципы: какъ официальный преподаватель древне-еврейскаго и нѣмецкаго языковъ при казенномъ еврейскомъ училищѣ въ Ковнѣ, онъ принужденъ былъ держаться въ тѣсныхъ рамкахъ утвержденной программы—и онъ былъ не столько живымъ и смѣлымъ педагогомъ, сколько робкимъ и исполнительнымъ чиновникомъ. Но жизнь сама, лучше всякихъ педагогическихъ системъ и разсужденій, открывала новые пути, переворачивала весь сложившійся строй старыхъ формъ и понятій: наступила эпоха «великихъ реформъ» царствованія Александра II, вызвавшая и евреевъ изъ ихъ тѣснаго круга на широкую арену государственной жизни. Завѣтная мысль Мапу о вступленіи евреевъ равноправными членами въ русскую семью, казалось, начала сбываться. Занималась лучезарная заря, сулившая новое счастливое существованіе... Романисту, къ счастью, не пришлось дожить до крушенія своихъ свѣтлыхъ надеждъ и мечтаній о братствѣ евреевъ съ другими народностями. Онъ скончался

въ 1867 году, въ Судный день, въ Кенигсбергѣ, въ расцвѣтѣ своихъ духовныхъ силъ, полный разныхъ новыхъ литературныхъ плановъ и проектовъ.

Мапу былъ представителемъ печатнаго слова въ самомъ благородномъ значеніи этого понятія; литература составляла его призваніе и центръ всѣхъ его интересовъ и вождѣній. Онъ жилъ только мыслями и заботами о своихъ твореніяхъ, окруженный міромъ образовъ, вѣчно рождавшихся въ его головѣ. Литературные лавры, которые выпали ему на долю, доставляли ему величайшую радость, но литературная же дѣятельность была для него источникомъ непрерывныхъ непріятностей и волненій. Ему пришлось извѣдать всю горечь судьбы еврейскаго писателя и пройти черезъ всѣ мытарства, которыя сдѣлались неотъемлемыми атрибутами понятія о еврейскомъ литераторѣ.

Ему, какъ и всѣмъ еврейскимъ писателямъ того времени, приходилось издавать свои сочиненія на собственный счетъ и самому искать для нихъ кругъ читателей, переписываться съ ними и выслушивать ихъ дикія претензіи и жалобы; къ чести Мапу надо однако сказать, что, несмотря на испытываемую матеріальную нужду, онъ однако никогда не унижался до распространенія своихъ книгъ путемъ разсылки ихъ къ еврейскимъ богачамъ, какъ это практиковалось другими «мехаберами». Новый жанръ литературы, созданный имъ, возстановилъ противъ него какъ ортодоксовъ, такъ и новоявленныхъ интеллигентовъ. Первые не могли ему простить, что онъ оскверняетъ языкъ священнаго писанія изображеніемъ на немъ «любовныхъ шапечъ», и что онъ выставляетъ на показъ публикѣ ихъ ханжество и суевѣріе, болѣе же передовые элементы еврейства, успѣвшіе вкусить отъ плодовъ европейской образованности и порвать связи съ своимъ народомъ и своимъ прошлымъ, упрекали и сожалѣли его, что онъ посвящаетъ свои дарованія «мертвому языку, мертвой литературѣ и мертвому народу». Такимъ образомъ честный писатель, такъ горячо преданный своему народу, былъ совершенно одинокъ, проклятый реакціонерами и осмѣянный крайними прогрессистами. Среди большинства же обыкновенныхъ евреевъ, торговцевъ и факторовъ, Мапу слылъ просто безпочвеннымъ мечтателемъ, занимающимся какими-то пустыми бреднями вмѣсто того, чтобы дѣлать настоящее дѣло. Но съ другой стороны была у Мапу и категорія читателей, главнымъ образомъ изъ молодого поколѣнія, которая смотрѣла на каждое слово его, какъ на откровеніе, въ которой каждая страница его романа пробуждала цѣлый міръ новыхъ мыслей и чувствъ. Насколько враги Мапу не знали мѣры въ униженіи и преслѣдованіи его, настолько его почитатели не знали мѣры въ прославленіи его,

доходившемъ до обоготворенія. Восторженное сочувствіе молодыхъ читателей были великой и самой главной отрадой романиста, единственными розами на его тернистомъ писательскомъ пути. Теперь, когда еврейскій литературный языкъ настолько выросъ и расцвѣлъ, что можетъ конкурировать по своей выразительности съ живыми европейскими языками, нельзя не отдать хоть повдней дани благодарности памяти Мапу, котораго слѣдуетъ считать родоначальникомъ новаго періода еврейской литературы. Въ признаніи его заслугъ должны сойтись всѣ, безъ различія партій, любители еврейскаго народа и родного языка.

Въ заключеніе намъ осталось сказать нѣсколько словъ о достоинствахъ сочиненія Брайнина, которымъ мы главнымъ образомъ пользовались при изложеніи вышенаписанныхъ строкъ. Біографія Мапу составлена г. Брайниномъ весьма умѣло, отличающа еще въ большей степени, чѣмъ прежнія біографіи, обычными достоинствами, присущими литературной манерѣ этого писателя. Біографъ старается все время пользоваться органическимъ методомъ въ изложеніи и освѣщеніи жизни Мапу; каждый житейскій его шагъ, каждую особенность его произведеній онъ старается вывести, какъ необходимое слѣдствіе, изъ условій среды, момента и внутренней организаціи романиста. Мы могли бы указать на нѣкоторые мѣста въ трудѣ г. Брайнина, гдѣ онъ слишкомъ увлекается и даже злоупотребляетъ этимъ методомъ, но въ общемъ авторъ даетъ очень живую и рельефную характеристику чело-вѣческой и литературной личности Мапу. По прочтеніи біографическаго очерка г. Брайнина, живо встаетъ передъ нашими глазами симпатичная фигура Мапу, съ грустнымъ выраженіемъ его блѣднаго лица и мечтательнымъ взоромъ, устремленнымъ въ глубь вѣковъ... Біографъ такъ глубоко проникъ духомъ произведеній Мапу, что, несмотря на скудость имѣвшася въ его распоряженіи фактическаго матеріала, сумѣлъ создать два тома біографіи, читающіеся съ начала до конца съ одинаковымъ интересомъ. Не скрывая своей симпатіи къ Мапу, г. Брайнинъ относится къ критикѣ его произведеній съ полной объективностью, употребляя и здѣсь сравнительно-историческій методъ. Біографія написана хорошимъ, легко читаемымъ еврейскимъ языкомъ, которому не вредятъ даже нѣкоторые несовсѣмъ удачные неологизмы. Въ этой біографіи какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ доказываетъ, что на еврейскомъ языкѣ можно выражать современныя понятія со всѣми ихъ отбѣнками такъ же легко и свободно, какъ и на любымъ европейскомъ. Читатель, привыкшимъ къ чтенію на иностранныхъ языкахъ, не чувствуетъ при этомъ никакой искусственности и насилванія надъ духомъ еврейскаго языка. Писатели,

вродъ г. Браинина, намъ кажется, лучше всякихъ теоретическихъ умозаключеній разрѣшаютъ споръ о томъ, слѣдуетъ ли сохранять во всей старинной тяжелой чистотѣ еврейскій языкъ или увеличивать его гибкость, приспособляя его къ современнымъ понятіямъ и литературнымъ требованіямъ. Если на языкъ смотрѣть только, какъ на орудіе выраженія всего разнообразія постоянно усложняющихся и углубляющихся мыслей, а не какъ на неприкосновенную святыню, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что старанія литераторовъ прививать къ древу языка новые побѣги, чтобы сдѣлать его болѣе могучимъ и вѣтвистымъ, заслуживаютъ большаго одобренія, чѣмъ ревнивое консервированіе его въ старой формѣ. Чтобы спасти языкъ отъ увяданія, ему необходимы новые соки. Р. Браининъ принадлежитъ къ числу талантливыхъ новаторовъ въ области еврейскаго языка; его стиль отличается живостью и образностью, ничуть не въ ущербъ гипотетической чистотѣ языка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ біографіи Мапу, какъ напр. во главѣ, посвященной разбору романа «Любовь Сіона», изложеніе г. Браинина возвышается до степени истинной художественности. Новый біографическій очеркъ г. Браинина можетъ быть рекомендованъ, независимо отъ характеристики романиста, которому онъ посвященъ, какъ полезное и пріятное чтеніе на еврейскомъ языкѣ.

А. Ф.

Библиографія.

מִשְׁתֵּי הַיָּמִים לֵב *Коль Азаотъ Израель, т. е. Въ еврейскія легенды. Собралъ по первоисточникамъ и обработалъ И. Б. Левнеръ. Часть II. (Отъ рожденія Моисея до плѣненія Вавилонскаго). Изданіе «Тушя».—Петроковъ, 1900 г.*

Книга г. Левнера принадлежитъ къ немногимъ выдающимся, по своимъ достоинствамъ, произведеніямъ, которыми въ последнее время успѣла обогатиться наша литература на еврейскомъ языкѣ. О первой части этого добросовѣстно исполненнаго труда мы подробно говорили на этихъ же страницахъ ровно два года тому назадъ ¹. Она заключала въ себѣ собраніе еврейскихъ легендъ, относящихся къ періоду времени отъ библейскаго «сотворенія міра» до Моисея. Теперь передъ нами лежитъ вторая его часть, обнимающая время отъ рожденія Моисея до Вавилонскаго плѣненія, примѣнительно, разумѣется, къ той же библейской хронологіи.

Собранный здѣсь матеріалъ весь извлеченъ авторомъ изъ Талмуда и Мидрашей различныхъ наименованій ², гдѣ, какъ извѣстно, разбросанъ богатѣйшій запасъ преданій, легендъ, сказаній, басенъ и тому подобнаго матеріала, представляющаго большое значеніе не только въ смыслѣ собственно литературномъ, но и въ отношеніи культурно-историческомъ и народно-бытовомъ. Многообразное значеніе этого легендарно-еврейскаго эпоса вытекаетъ изъ разнообразія его характера и содержанія. Здѣсь есть нравоучительныя сказанія, исполненныя глубокаго этического смысла, проникнутыя возвышенно чистыми, идеально-нравственными мотивами; есть подкупающія своей безыскусственной и наивной простотой сказки на практическія, житейскія темы; попадаются идиллическія картинки изъ жизни народа въ отдаленныя отъ насъ эпохи, и есть, наконецъ, сравнительно повднія «агады» дидактическаго характера, въ которыхъ получали извѣстное освѣщеніе тѣ или иныя историческія событія и явственно отразились взгляды и убѣжденія народныхъ руководителей и учителей, запечатлѣлись надежды,

¹ См. статью „Наши легенды“ въ „Восходѣ“, январь 1899 г.

² Авторъ пользовался также и позднѣйшими, частными сборниками Зеллинека, Кона и др.

чаянія и думы народа. Поэтому здѣсь можетъ найти для себя интересъ и историкъ, и этнографъ, и поэтъ-художникъ, и просто любознательный читатель, предъ которыми эти привлекательныя агады воскрешаютъ цѣлый міръ легендарно-поэтическихъ образовъ и картинъ изъ свѣдой еврейской старины. Этимъ читателемъ можетъ быть не только взрослый, но и всякій юноша, знакомый съ содержаніемъ Св. Писанія, къ которому большинство «легендъ» служитъ наглядной и яркой иллюстраціей.

Нельзя сказать, чтобы агадическій матеріаль Талмуда и Мидрашей былъ чуждъ еврейской публикѣ. Прежде всего онъ знакомъ всѣмъ изучающимъ упомянутые литературно-религіозные источники въ оригиналѣ, а затѣмъ—и многимъ читателямъ тѣхъ сборниковъ различныхъ наименованій, въ коихъ помѣщены, въ отрывочномъ и разрозненномъ видѣ, многія наиболѣе популярныя талмудическія легенды. Однако, ни по внѣшнему изложенію, ни по своему внутреннему содержанію эти первоисточники и отдѣльные отрывочные сборники не могутъ считаться пособиями для полнаго и подробнаго ознакомленія съ агадическимъ эпосомъ. Для этого нужны сборники полные *систематическіе*, гдѣ матеріаль былъ бы расположенъ хронологически-последовательно и сгруппированъ такъ, чтобы читатель могъ получить полное и ясное представленіе, какъ о характерѣ самой агадической литературы, такъ и о тѣхъ историческихъ личностяхъ, фактахъ и явленіяхъ, которые нашли свое отраженіе въ произведеніяхъ легендарно-народнаго творчества.

Таковыми именно особенностями и отличается книга г. Левнера. Она является плодомъ большого кропотливаго труда по систематизаціи матеріала, разрозненнаго и разбросаннаго по различнымъ источникамъ, (подробно указываемымъ въ началѣ книги.). Хорошій библейскій языкъ, которымъ замѣнено здѣсь еврейско-арамейское нарѣчіе оригинала, дѣлаетъ книгу доступной широкой еврейской публикѣ, а связанный хронологическій порядокъ ея изложенія придаетъ ей внутреннюю стройность, последовательность и цѣльность, т. е. качества, не встрѣчающіяся въ другихъ аналогичныхъ трудахъ.—Вторая часть «Kol agadoth» представляетъ собою объемистый томъ въ 530 столбцовъ весьма убористаго шрифта. Въ немъ помѣщено 460 легендъ, которыя авторъ снабдилъ особыми заголовками соотвѣтственно ихъ внутреннему содержанію, а также подстрочными объясненіями словъ и выраженій. Есть здѣсь совершенно незначительныя по размѣрамъ агады, занимающія всего по нѣскольку строкъ, и есть пространныя, длинныя сказанія, но большинство легендъ—небольшаго размѣра, благодаря отчасти краткости языка, на которомъ онѣ изложены въ подлинникѣ и характеръ котораго въ общемъ сохраненъ авторомъ нашего сборника.

Матеріалъ послѣдняго, какъ уже упомянуто, расположенъ хронологически и сгруппированъ въ связи съ тѣми событіями, фактами и личностями библейской исторіи, къ которымъ данныя агады относятся. Законодателю Моисею и создателямъ національно-политическаго могущества народа—популярнымъ царямъ Давиду и Соломону—посвящены здѣсь наиболѣе обширныя циклы легендъ; менѣе значительныя группы ихъ окружаютъ имена Иисуса Навина, Саула, Самуила, Самсона, Иліи, Исаи, Іереміи и др.; въ рядъ другихъ сказаній проходятъ праведные и нечестивые еврейскіе цари, ихъ единовѣрные и иноземные соперники, печальники народа и его коварные враги, завѣтныя мѣста его святой родины, радостныя и печальныя случаи его богатой и тревожными жизнями...

Съдая еврейская старина отражается въ этомъ легендарномъ эпосѣ особенно яркими и рельефными чертами; событія и лица нашей древней исторіи выступаютъ здѣсь въ своеобразномъ и оригинальномъ освѣщеніи, на фонѣ котораго образы и картины библейскаго міра запечатлѣваются въ сознаніи читателя во всей ихъ поэтической прелести.

Вотъ, напримѣръ, величавый образъ «учителя» Моисея. Народная фантазія не поскупилась на созданіе вокругъ этого популярнаго и любимаго имени множества причудливыхъ сказаній. Основатель еврейской религіи, великій *Mose*—*tabbeni*, единственный изъ смертныхъ, коего Господь зналъ «лицомъ къ лицу», неотразимо привлекалъ къ себѣ народную фантазію, подчасъ совершенно игнорирующую данныя и факты библейскаго повѣствованія¹. Появленіе Моисея на свѣтъ, жизнь его во дворцѣ Фараона, сближеніе съ роднымъ страдальцемъ—народомъ, призваніе къ великому служенію и посвященіе въ народныя вожди, полученіе имъ Божественнаго Закона среди окутаннаго дымомъ и потрясеннаго громами Синая и послѣднія, полныя глубокаго трагизма, минуты его жизни—все это въ яркихъ поэтическихъ образахъ проходитъ передъ читателемъ въ рядѣ произведеній народнаго творчества.

Въ такихъ же яркихъ и оригинальныхъ образахъ выступаютъ передъ нами личности благочестиваго царя-псалмопѣвца и его премудраго сына, котораго еврейская легенда изстари сдѣлала предметомъ своихъ наиболѣе причудливыхъ и особенно причудливыхъ фантастическихъ узоровъ. Военные подвиги Давида и благородныя движенія его сердца, семейныя его неурядицы и происки враговъ, блескъ Соломонова царствованія и пышная роскошь его двора, праведныя дѣла ихъ и вольныя согрѣшенія,—обо всемъ повѣствуетъ легенда. Послѣдняя, вообще го-

¹ По одному сказанію, напримѣръ, Моисей былъ 40 лѣтъ царемъ въ странѣ Kusch (Aethiopia).

вора, безпристрастна: она никогда не скрывает и не ступивает отрицательных, тѣневыхъ сторонъ даже своихъ любимцевъ, часто даже старательно подчеркиваетъ эти стороны, наглядно обнаруживая этимъ свой руководящій; такъ сказать, этический мотивъ и главнѣйшую внутреннюю сущность— раскрыть и показать необходимость и неизбежность принциповъ правды, милости, справедливости, смиренія и добра, какъ неотъемлемыхъ свойствъ нравственно-совершенной личности, согласующей свою жизнь и дѣятельность съ велѣніями Божественнаго Закона. Проповѣдь этого послѣдняго, стремленіе къ утвержденію его идеальныхъ основъ въ человѣческомъ обществѣ — вотъ всепроникающій эти легенды Leitmotiv, придающій большинству изъ нихъ явный поучительно-дидактический характеръ.

Возьмемъ для примѣра сказаніе, озаглавленное въ нашей книгѣ «Споръ горъ»... Когда горы услышали, что на одной изъ нихъ Господь хочетъ дать евреямъ свою Тору, между ними возникъ споръ: каждая пожелала удостоиться этой чести. Онѣ сорвались съ своихъ мѣстъ и побѣжали въ пустыню, ибо онѣ знали, что «Господь дастъ свою Тору въ мѣстѣ «свободномъ», никому не подвластномъ,—для того, чтобы всякій желающій могъ явиться туда внимать слову Божию».—Но Всевышній остановилъ свой выборъ на Синаѣ, какъ на единственной «чистой» горѣ, на которой люди не поклонялись идоламъ... Или вотъ еще агада: Моисей приготовилъ народъ къ полученію Торы... Въ это время Синай сорвался съ своего мѣста и повисъ надъ землею. И небеса отверзлись и покрыли собою вершину горы... И сказалъ Господь: «Вы видѣли мою силу, доброту и милость, которую Я оказываю всякому творенію, и знаете, что неподобенъ Я царямъ земнымъ, которымъ ихъ рабы расчищаютъ дорогу и разстилаютъ великолѣпныя ткани подъ ногами, и зажигаютъ имъ свѣчи, и украшаютъ ихъ дома. Я же, наоборотъ, самъ простеръ свои голубыя небеса надъ вашими головами и зажегъ свою большую свѣчу—солнце, и разостлалъ по всемъ тропамъ, горамъ и долинамъ зеленѣющія ткани травъ и цвѣтовъ, благоухающихъ и чудныхъ... Ибо нѣтъ конца Моимъ милостямъ»...

Агада никогда не забываетъ подчеркнуть ту или иную свою сентенцію, тотъ или иной вытекающій изъ нея нравоучительный выводъ¹. Повѣствуетъ ли она, напримѣръ, про судьбу Ноэмины и ея бѣдной невѣстки — моавитянки Руев, она не преминетъ навести читателя, привлеченнаго идилически-мирной и умильной картиной патриархальнаго еврейска-

¹ Такія нравоучительныя мѣста, для большей наглядности, напечатаны въ рассматриваемой книгѣ курсивомъ.

го быта, на благочестивую мысль о томъ, что «нѣтъ подобнаго Богу Израилеву, который въ милостяхъ своихъ не различаетъ между народомъ и народомъ, между мужчиной и женщиной, малымъ и большимъ, ибо Онъ ко всемъ одинаково добръ»... Рассказываетъ ли она о пребываніи ковчега завѣта въ домѣ Аведдара-Гееннина и о снизошедшемъ на послѣдняго благословеніи Божиємъ (Sam. II, 6), она обязательно заключаетъ: «Вѣдь не кормилъ Аведдаръ ковчега и не поилъ его, а лишь кропилъ и чистилъ его,—тѣмъ болѣе, когда человекъ сдѣлаетъ добро ближнему, накормить, напоить его и снабдить пищею на дорогу!»... И т. д.

Многія легенды проникнуты любовью къ Палестинѣ, къ Иерусалиму, къ родной старинѣ вообще; въ однихъ проводится мысль о достоинствахъ и преимуществахъ Святой Земли въ сравненіи съ прочими странами (chuz loorez), въ другихъ содержатся поэтическія описанія видовъ дорогого народному сердцу Erez-Isroel... «Край востока заагълъ,—читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ,—и окрасился въ пурпуръ; на чистомъ небѣ кое-гдѣ плывутъ обрывки свѣжно-бѣлыхъ облачковъ; легкой вѣтерокъ приноситъ съ собою запахъ садовъ, виноградниковъ и душистыхъ цвѣтовъ, ароматъ благодатныхъ полей, благовонія Ливана и Кармея... И вдохнулъ въ себя Моисей этотъ благовонный воздухъ—и воспрянула душа его, и просвѣтлѣли глаза, и, гордо выпрямившись на подобіе стройнаго тополя, онъ воскликнулъ: «О, какъ прекрасна и какъ чудна эта земля!»... Или: «Солнце поднялось надъ землею. Вся природа проснулась. Здоровые и крѣпкіе люди радостно выходятъ на работу въ поляхъ и виноградникахъ. Далеко разносятся ихъ пѣсни; серпы сверкаютъ въ ихъ рукахъ. Вотъ сжаты полные колосья, снопы связаны, и нагруженные телѣги отправляются въ гумно... Вотъ виноградная лоза свѣшивается подъ тяжестью гроздей, отливающихъ изумрудомъ; гранаты и лимоны, полные сока, глядятъ изъ-подъ вѣтвей; масличное дерево красуется во всемъ своемъ великолѣпнн. Тысячи человѣческихъ рукъ, женщинъ и дѣтей заняты работой, онѣ наполняютъ корзины, уносятъ ихъ въ точило и поютъ хвалу Господу... Изъ полей и виноградниковъ доносятся клики: «Праздникъ Господень! Праздникъ народа, трудящагося на своей землѣ! Праздникъ всей природы!»... «Иорданъ и озеро Генисаретское! Какъ великолѣпны ихъ прозрачныя воды при блескѣ солнца! Какъ чудны ихъ берега, окаймленные душистыми, райскими цвѣтами!... Ціонъ и храмъ! Какъ велико значеніе этихъ двухъ словъ! Какъ много говорить эти дорогія имена сердцу собравшагося народа!... Вотъ и Иерусалимъ! Вотъ и сыны Сіона съ привѣтствіями: миръ вамъ, братья, близкимъ и дальнимъ!»...

Есть въ нашей книгѣ и простыя, нетенденціозныя сказки, непритязательныя и интересныя. Онѣ группируются преимущественно около имени «Царя Соломона», являющагося, какъ извѣстно, центральной фигурой множества легендарно-еврейскихъ сказаній и напоминающаго въ этомъ отношеніи роль Карла Великаго или Фридриха Барбароссы въ нѣмецкомъ народно-сказочномъ эпосѣ. Эти полныя причудливой, чисто восточной фантазіи сказанія о царицѣ Шво, «О трехъ братьяхъ», объ Асмодеѣ, Tarnegol-habbog (аналог. съ Жарь-Птицей), царицѣ муравьевъ и др. носятъ на себѣ явные слѣды непосредственнаго, коллективно-народнаго творчества, въ отличіе отъ тѣхъ дидактически-поучительныхъ *agadoth*, въ которыхъ видна, наоборотъ, печать преднамѣренной искусственности и желанія ихъ авторовъ доказать или разъяснить извѣстную мысль, внушить то или иное чувство, укрѣпить тѣ или ныя вѣрованія, чаянія, надежды...

Было бы далеко не безынтересно разобратся въ этомъ матеріалѣ въ отношеніи происхожденія и степени древности различныхъ легендъ, отдѣлнить непосредственно народныя произведенія отъ предполагаемыхъ сочиненій единичныхъ или коллегіальныхъ авторовъ (напр — законоучителей-талмудистовъ), найти въ тѣхъ и другихъ слѣды заимствованія и подражанія и т. д. Но не это составляетъ цѣль настоящей замѣтки. Мы хотѣли лишь указать на общее значеніе и характеръ книги г. Левнера и на ту несомнѣнную и большую услугу, которую почтенный авторъ оказалъ еврейской читающей публикѣ своимъ серьезнымъ, удачно задуманнымъ и хорошо исполненнымъ трудомъ.

Лк. Каценельсонъ.

גבריאל ריסער. *Габріэль Риссеръ. Биографическій очеркъ, сост. д-ръ С. Бернфельдъ. (Съ портретомъ Риссера). Изданіе Тушля. Варшава. 1900.*

Книжка эта, входящая въ составъ «Еврейской библіотеки», является очень интересной для исторіи евреевъ въ Германіи. Риссеръ, какъ извѣстно, въ концѣ 30-хъ годовъ, хотя и невольно, былъ захваченъ реформаціоннымъ теченіемъ. Являясь горячимъ защитникомъ попираемыхъ правъ евреевъ, какъ нѣмецкихъ гражданъ, Риссеръ, хотя и былъ далекъ отъ иудаизма, какъ религіозной системы, всегда, однако, высказывался противъ того, чтобы евреи поступились какими бы то ни было даже внѣшними религіозными обрядностями ради приобрѣтенія этихъ правъ. Но въ самомъ разгарѣ борьбы

реформаторовъ съ ортодоксальной партіей во Франкфуртѣ Риссеръ не могъ остаться постороннимъ зрителемъ этой борьбы и принялъ участіе въ движеніи, ставши въ ряды реформаторовъ. Но не въ этомъ, конечно, главное значеніе этой крупной исторической личности.

Риссеръ выступилъ на поприще общественной и политической дѣятельности въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда нѣмецкое общество переживало моментъ какого-то изнеможенія, апатіи и затишья. «Во всѣхъ слояхъ населенія—говоритъ д-ръ Бернфельдъ—чувствовалось приближеніе грозы. Общественная и національная жизнь была распатана, міросозерцаніе общества было хаотично. Не меньшую путаницу представлялъ и еврейскій вопросъ. Правительство отказывалось отъ расширенія правъ евреевъ отчасти изъ ненависти, отчасти изъ боязни передъ «новшествами». Бездарные, подленькіе писаки всякаго рода распространяли всевозможные памфлеты и небыллицы о евреяхъ, а защитники терлись, не рѣшаясь выступить на открытую борьбу. Одни совѣтовали пожертвовать всѣмъ религиознымъ достояніемъ и стать «наравнѣ со всѣми», другіе говорили, что евреямъ вовсе не нужны политическія права» (стр. 32).

При всемъ томъ въ смутное время не было человѣка, который могъ бы взять на себя задачу распутать весь этотъ хаосъ и выступить смѣлымъ борцомъ за права евреевъ. Нуженъ былъ для этого человѣкъ съ широкимъ, сильнымъ умомъ, съ горячей любовью къ своимъ роднымъ братьямъ, человѣкъ, который пользовался бы авторитетомъ и у нѣмецкаго общества. Такимъ именно желаннымъ борцомъ за свободу и права евреевъ и явился Габріэль Риссеръ.

Въ краткомъ, дѣльно написанномъ очеркѣ д-ра Бернфельда прослѣжены всѣ моменты общественной дѣятельности Риссера, начиная съ появленія его знаменитаго сочиненія: «О положеніи послѣдователей Моисеева закона въ Германіи» и кончая его дѣятельностью въ качествѣ члена высшаго суда въ Гамбургѣ. Почти все, что было высказано о еврейскомъ вопросѣ Риссеромъ въ его книгѣ, появившейся семьдесятъ лѣтъ тому назадъ; не потеряло своего значенія и до сихъ поръ. Взгляды Риссера, изложенные вкратцѣ д-ромъ Бернфельдомъ, поражаютъ глубиной мысли, широтой міросозерцанія и глубокимъ пониманіемъ этики іуданства.

Авторъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего очерка останавливается въ недоумѣніи передъ тѣмъ замѣчательнымъ фактомъ, что Риссеръ, нѣмецъ съ головы до ногъ, совершенно индифферентный къ еврейской религіи, не считавшій себя даже членомъ еврейской національности (которой онъ не признавалъ), тѣмъ не менѣе посвятилъ всю свою жизнь на борьбу въ защиту еврейскихъ инте-

ресовъ. Риссеръ былъ самымъ яркимъ представителемъ того немногочисленного типа евреевъ въ Германіи, которые были преданы душой и тѣломъ нѣмецкимъ національнымъ интересамъ, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ не забывали также о еврействѣ. Ихъ отношенія къ еврейству, какъ они думали, имѣли свою исходную точку въ гуманности, въ чувствѣ справедливости, въ любви къ угнетаемымъ и обездоленнымъ вообще и къ евреямъ, какъ наиболѣе гонимымъ, въ частности. Риссеръ, справедливо говоритъ авторъ, во многомъ напоминаетъ Филона Александрійскаго: оба всей душой были преданы другой національности, которая ихъ всецѣло поглотила, но оба до конца дней остались вѣрными силами своего родного племени и не переставали бороться за интересы своихъ братьевъ. Какъ уживаются рядомъ эти чувства, до известной степени кажущіяся противорѣчивыми? «Это—замѣчаетъ авторъ (86)—скрытая для насъ тайна великой души» и... силы еврейскаго самосознанія, прибавимъ мы.

Н. Шварцъ.

Руководство по окраскѣ пряжи, т. е. Практическій красильщикъ. Руководство по окраскѣ пряжи (на разговорно-еврейскомъ языкѣ). Ш. М. Шапиро. Варшава 1897 г., 48 стр.

Книжка Ш. Шапиро предназначена главнымъ образомъ для евреевъ-красильщиковъ, занимающихся въ кустарномъ видѣ окрашиваніемъ хлопчатобумажной чулочной пряжи въ разные цвѣта; въ ней описываются наиболѣе простые приемы окраски пряжи, которые выполняются ручнымъ способомъ, безъ машинъ и аппаратовъ. Сама по себѣ эта брошюра представляетъ весьма интересную и рѣдкую попытку популяризаціи техническихъ знаній среди евреевъ-ремесленниковъ на доступномъ имъ языкѣ, но служить руководствомъ для совершенно непосвященнаго въ красильное искусство она едва ли можетъ. Изложеніе книги не отличается полнотой; на каждомъ шагѣ встрѣчаются спеціальныя термины, которые понятны только специалисту; въ ней указываются матеріалы, которые не всякому знакомы, и кромѣ того приемы описываются слишкомъ сжато. А разъ эта книга имѣетъ въ виду красильщиковъ практиковъ—то непонятно, почему такъ тщательно избѣгаются въ ней болѣе сложные приемы окрашиванія хлопчатобумажной пряжи, дающіе наиболѣе прочныя и красивыя цвѣта. Такъ при описаніи способовъ окрашиванія хлопчатобумажной пряжи въ черные цвѣта указывается, что наиболѣе прочный и живой цвѣтъ даетъ способъ окраски чернымъ анилиномъ; но способъ этотъ не описывается, такъ какъ онъ по мнѣ-

нiю автора для еврейскаго красильщика черезъ чуръ сложенъ и хлопотливъ. Такое же отношенiе автора замѣчается и къ такъ называемому «индиговому кубу»—способу окрашиванiя пряжи въ темносинiй цвѣтъ, превосходящiй по своей прочности всѣ другiе синiе цвѣта; и этотъ способъ не для евреевъ, какъ выражается авторъ, хотя тутъ же не преминулъ дать уже знакомымъ съ этимъ способомъ красильщикамъ нѣсколько практическихъ указанiй (эйдесь), какъ удешевить послѣднiй способъ окрашиванiя. А между тѣмъ наиболѣе простой способъ при индиговомъ кубѣ, а именно холодный, въ большомъ ходу при окрашиванiи пряжи въ темносинiй цвѣтъ и вполне доступенъ по несложности приѣмовъ даже кустарю. По той же причинѣ авторъ пропустилъ и способъ окрашиванiя хлопчатобумажной пряжи въ такъ назыв. краснiй адрианопольскiй (пунцовый кумачный) цвѣтъ, а между тѣмъ способъ этотъ до того нынѣ упрощенъ, что не представляетъ прежнихъ затрудненiй, а по яркости и прочности окраски онъ стоитъ того, чтобы о немъ упомянуть. Авторъ, какъ видно, вообще мало знакомъ съ теоретической стороной дѣла. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что для закрѣпленiя танина употребляютъ рвотный камень, а дешевле были бы соли сурьмы, между тѣмъ рвотный камень представляетъ собою также сурьманую соль.

Непонятно, дажѣ, почему авторъ ограничивается изложенiемъ способовъ окраски одной только хлопчатобумажной пряжи (для льняной пряжи даны всего только нѣсколько рецептовъ), совершенно игнорируя шерсть, шелкъ; между тѣмъ въ книгѣ, озаглавленной «практической красильщикъ», умѣстно было изложить также приѣмы окраски шелка и шерсти, тѣмъ болѣе что въ мѣстѣ проживанiя автора, въ Бѣлостокѣ, центрѣ суконной промышленности, имѣется много красильныхъ заведенiй, занимающихся окраской шерсти въ разные цвѣта; приѣмы окраски шерсти существенно отличаются отъ приѣмовъ окраски хлопка. Въ красильныхъ заведенiяхъ вмѣстѣ съ пряжей приходится окрашивать ткань; а между тѣмъ въ книгѣ нѣтъ никакихъ указанiй насчетъ приѣмовъ окрашиванiя послѣднихъ.

Несмотря однако на отсутствiе систематичности въ изложенiи и неполноту, книжка г-на Шациро, тѣмъ неменѣе, является опытомъ весьма любопытнымъ и принесетъ свою долю пользы: она можетъ служить пособiемъ для тѣхъ самоучекъ красильщиковъ, которые еще незнакомы со всѣми приѣмами окрашиванiя хлопчатобумажной пряжи новѣйшими анилиновыми красками. Появленiе подобныхъ книжекъ, въ болѣе обработанномъ видѣ, составляетъ безспорно одну изъ насущныхъ потребностей въ жизни еврей-ремесленника, столь нуждающагося въ улучшенiи техники своего производства.

Моисей Пресль.

О Г Л А В Л Е Н И Е

I. ПОДЪ ГРОЗОЙ. Очеркъ. (Окончаніе). Л. Штамера.	3
II. ОВРЫВКИ СТАРЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ И НОВЫЙШІЯ ВЪЯНІЯ. Я. Гальперна	31
III. ПО ПРОМЫШЛЕННОЙ ЧЕРТЬ ОСЪДЛОСТИ. (Путевые наброски техника). И. Хороша.	50
IV. ГЛАСЬ ИЗЪ ПУСТЫНИ. (Письмо четвертое). Бенъ-Ами.	66
V. РАЗКАЛОВАНИЕ (переводъ съ французскаго). Жозефа Рейнака.	85
VI. ДЯДЮШКА. (Разсказъ). М. Спектора.	106
VII. ПОНЕРЪ НОВО-ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (<i>Авраамъ Ману. Біо- графическій очеркъ Р. Брайнина.</i>) А. Ф.	125
VIII. ВИБЛОГРАФІЯ:	
1) <i>בל אגדות ישראל</i> <i>Коль Агадотъ Израель т. е. Въсь еврейскія легенды. Сбравъ по первоисточникамъ и обработавъ И. Б. Левнеръ. Часть II. (Отъ рожденія Моисея до пльненія Вавилонскаго). Изданіе «Тушія». — Петроковъ 1900. г. Яв. Каценельсона.</i>	142
2) <i>גבריאל ריסער</i> <i>Габріель Риссеръ. Біографическій очеркъ, сост. д-ръ С. Бернфельдъ. (Съ портретомъ Риссера). Из- даніе Тушія. Варшава. 1900. Н. Шварца.</i>	147
3) <i>מפרש ערבית</i> <i>т. е. Практическій красильщикъ. Руководство по окраскѣ прѣжи (на разговорно-еврей- скомъ языкѣ). III. М. Шаниро. Варшава 1899 г., 48 стр. М. Пресса.</i>	149

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

Еврейскія народныя пѣсни въ Россіи

подъ ред. и съ введеніемъ

С. М. Гинзбурга и П. С. Марка.

съ приложеніемъ библиографич. указателя сборниковъ пѣсенъ на разговорно-еврейскомъ яз., составл.

С. Е. Винеромъ.

(XXX+329+XIV).

Изданіе редакціи „ВОСХОДА“.

Цѣна книги 2 р. 50 в. съ перес.

Для г.г. подписчиковъ „ВОСХОДА“ цѣна книги (съ перес.) 1 р. 75 к.

Складъ изданія въ конторѣ „ВОСХОДА“; книгопродавцамъ обычная уступка.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED

BOOK ID 5-511084

58647210

JAN 31 1978

WIDENER
BOOK DUE
NOV 14 1984
JUL 26 1984
U 368084

CANCELLED
STUDY
GE

